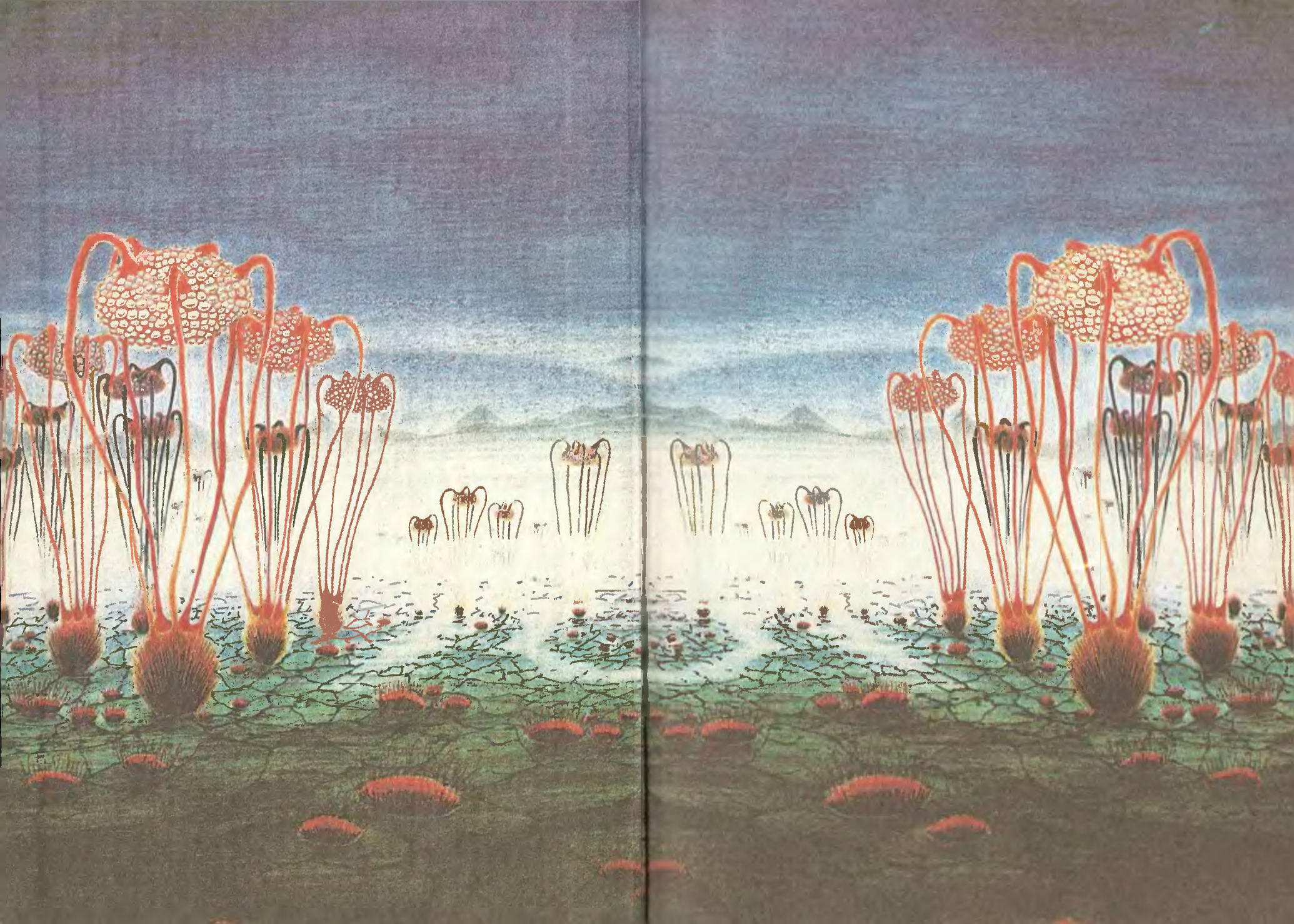
ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ



Scan Kreyder - 22.08.2014
STERLITAMAK

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

Том 1

КАЛИЮГА

ОТКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ

КОНСЕРВНЫЙ НОЖ

СПЯЩИЙ ДЖИНН

Фантастические повести

НИЖНИЙ НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛОКС»
1992

ББК 84.Р7
Г61

Иллюстрации **А. ЛАВРОВА**

Обложка **И. ФОМИНА**

На форзацах — авторские работы
В. ГОЛОВАЧЕВА

Головачев В.

Г 61 Избранные произведения: Т. 1. Калиюга. Отклонение к совершенству. Консервный нож. Спящий джинн: Фантастические повести.— Нижний Новгород: Флокс, 1992.— 560 с.: ил.

ISBN 5-87198-019-8

В первый том собрания сочинений известного фантаста В. Головачева вошли повести «Калиюга», «Отклонение к совершенству», «Консервный нож», «Спящий джинн». Эти произведения отличает динамичность сюжета.

Г $\frac{4702010201\text{-}016}{Д\ 40(03)\text{-}92}$ без объявл. ББК 84.Р7

ISBN 5-87198-019-8

© Составление, оформление. Издательство «Флокс», 1992

КАШЮА

Кемпер позвонил в семь утра, когда Алиссон еще спал.

— У телефона,— буркнул Алиссон, сцапав трубку аппарата со второго захода.

— Привет, Норман,— раздался в трубке далекий голос Кемпера.— Спишь, наверное, как сурок?

— Хелло, Вирджин! — отозвался Алиссон, улыбаясь во весь рот, сел на кровати.— Рад тебя слышать, старина. Ты, как всегда, звонишь в самый неподходящий момент. Откуда свалился на этот раз?

— Я в Неваде, есть тут такое райское местечко — городок Тонопа, слышал? Жара под пятьдесят, вода на вес золота. Но не в этом дело. Ты сможешь прилететь ко мне через пару дней?

Сон слетел с Алиссона окончательно.

— Брось разыгрывать.— Норман не выдержал и засмеялся.— Хватит с меня прошлого раза, когда ты прислал целый «скелет диметродона».

Кемпер хихикнул в ответ, но продолжал вполне серьезно:

— «Скелет» я сделал что надо, даже ты поверил, профессионал, но сейчас иной разговор, да и не в настроении я, честно говоря, приглашать друга за тысячу миль для розыгрыша. Ты же знаешь, я работаю на полигоне и сверху высмотрел кое-что любопытное, даже сенсационное. Короче, прилетай, по телефону всего не расскажешь. Перед отлетом позвони, я встречу.— Кемпер продиктовал шесть цифр, и в трубке зачирикали воробьиные гудки отбоя.

Алиссон автоматически записал номер телефона, положил трубку, посидел с минуту, потом лег. Но сон не приходил.

Вирджин Кемпер был летчиком на службе * и второй год работал в отряде ВВС, обслуживающем ядерный полигон в Неваде: фотометрия, киносъемка, радиационный контроль. Ему шел тридцать третий год, и парень он был серьезный, хотя и с хорошо развитым чувством юмора.

Случай, о котором вспомнил Алиссон, произошел в прошлом году: Кемпер прислал Норману громадный ящик, в котором находились якобы части «скелета диметродона» — древнего нелетаю-

---

* Гражданские лица могут работать в армии США по найму.

щего ящера. Алиссон работал в Пенсильванском институте палеонтологии и археологии и был специалистом по мелу, то есть по меловому периоду мезозойской эры. Посылке он обрадовался, но «скелет» оказался довольно искусной подделкой, раскрывшей талант Кемпера в части розыгрышей. Но одно дело — прислать «останки ископаемого динозавра» по почте, и другое — приглашать друга-палеонтолога на другой конец материка за тридевять земель в гости для демонстрации какой-то сенсационной находки. Не мог же Вирджин шутить так непрактично: на один только билет от Питтсбурга до Тонопы придется ухлопать три-четыре сотни долларов. Что же он там увидел в пустыне?

Алиссон занялся завтраком, потом позвонил Руту Макнивену:

— Салют, холостяк! Хорошо, что тебя можно застать дома хотя бы по воскресеньям. Мне нужен отпуск за свой счет, примерно на неделю, может быть, две.

В трубке раздался смешок заведующего лабораторией.

— А место на Арлингтонском кладбище тебе не нужно? Могу уступить свое,— Макнивен шутил часто, но не всегда удачно.— Ты что, решил жениться второй раз?

— Нечто в этом роде. Еще мне нужны дозиметр, счетчик Гейгера и аптечка.

Тон Макнивена изменился:

— А как я объясню это директору? Если ты собираешься в экспедицию, действуй официальным путем.

— Официальным не могу, мне надо навестить приятеля, срочно. Придумай что-нибудь, завтра в десять я должен быть в аэропорту. Спасибо, Рут!

Не давая Макнивену опомниться, Алиссон нажал рычаг и начал обзванивать соответствующие службы по бронированию мест на самолет и доставке билетов на дом. Затем нашел карту штата и углубился в изучение географии окрестностей Тонопы. Если уж он брался за дело, то готовился к нему основательно, с тщанием опытного, битого не раз человека, закаленного многими жизненными передрягами.

Он был старше Кемпера на три года, но склонность к риску, даже порой с оттенком авантюризма, проглядывала в его облике так четко, что в свои тридцать пять Алиссон выглядел студентом, а не доктором палеонтологии и археологии с восьмилетним стажем. «Мальчишеский» вид уже не раз сыграл с Норманом злую шутку, в том числе и в браке, когда на третьем году супружеской жизни жена вдруг вознамерилась командовать им, упрятать «под каблук», по выражению Кемпера, из-за чего и произошел раскол семьи.

Тем не менее Алиссон ничего не потерял из того, что ценил: независимость, самостоятельность, тягу к приключениям и мальчишескую улыбку.

* * *

В понедельник утром Алиссон упаковал в саквояж дозиметры, щупы, пинцеты, молоток, нож, набор пакетов и в десять утра вылетел на «Боинге-747» компании «Эр Пенсильвания» в Лас-Вегас, откуда самолет местной линии за два часа без происшествий доставил его в Тонопу.

Кемпер ждал его возле трапа, загорелый, худой, улыбающийся ослепительной улыбкой киноактера. Волна выгоревших до желтизны волос падала на его жилистую шею, скрывая старые шрамы. Одет Вирджин был в летный комбинезон, сидевший на нем, как собственная кожа.

Они обнялись.

— По норме полагалось бы отвезти тебя сначала в отель,— сказал Кемпер, отбирая саквояж Алиссона и показывая рукой на стоящий неподалеку джип.— Садись, это наш. Но у меня изменились обстоятельства. Сейчас мы поужинаем, ты расскажешь о себе и — в путь.

— То есть как в путь? — Ошеломленный Алиссон безропотно дал усадить себя в машину.

Кемпер сел рядом, и джип резво побежал по бетонному полю к левому крылу аэропорта — длинному бараку из гофрированной жести.

— У нас с тобой всего два дня плюс сегодняшний вечер на все изыскания. В среду намечается очередное испытание... э-э, одной штучки...

— Не мнись, что вы там взрываете?

Кемпер засмеялся, останавливая машину так, что Алиссон едва не проломил головой ветровое стекло.

— Всего полсотни килотонн под названием «Тайгершарк» и, что главное, совсем недалеко от того места, куда я тебя везу на экскурсию, милях в двадцати. Поэтому-то нам и надо поторопиться.

Они спустились в полуподвал и поужинали в столовой для летного состава аэропорта, рассказывая друг другу последние новости.

— Ну, а чем конкретно ты занимаешься в настоящее время как ученый? — поинтересовался Кемпер, не страдавший отсутствием аппетита ни в молодые, ни в зрелые годы.

— Пишу трактат о пользе вреда,— булькнул куриным супом Алиссон.— Причем уже второй.

— А без шуток?

— Я вполне серьезно: занимаюсь теорией пользы вреда. Ты уже слышал, наверное, что динозавры вымерли около трехсот миллионов лет назад?

— Ну, раз их нет сейчас, то, очевидно, вымерли.

— Есть несколько гипотез, определяющих причины регрессии рептилий: вспышка сверхновой звезды недалеко от Солнца, долгая галактическая зима — из-за попадания Земли в полосу пыли, накопление ошибок в генетическом коде и так далее. Все эти факторы нанесли непоправимый ущерб фауне и флоре нашей планеты, не так ли? Ну, а я пытаюсь доказать, что такой вред чрезвычайно полезен для эволюции приматов и вообще прогрессирующих форм жизни.

— По-моему, это ерунда.

— Истина ничуть не страдает от того, если кто-нибудь ее не признает, как сказал Шиллер. Ты его не знаешь.

— Откуда я могу знать твоих сотрудников? Я не о том, просто можно было бы найти проблему поинтересней. Правильно я тебя оторвал от рутины, чувствую — сохнешь на корню в тиши кабинета. Вон даже морщины на лбу появились... от усилий сохранить умное выражение лица.

— От такого слышу.— Алиссон улыбнулся.— Раз шутишь, значит, дела твои идут неплохо. А за то, что вытащил из города, спасибо, я действительно никуда в последнее время не выезжал. По теории моего непосредственного босса Макнивена, город наносит организму человека комплексную травму, и надо бывать в нем как можно реже. Так ты мне скажешь, наконец, зачем вызвал? Я еще не миллионер, чтобы ни за что ни про что выкладывать триста шестьдесят долларов за перелет из Питтсбурга в Тонопу.

— Миллионы нас ждут в пустыне, увидишь сам.— Вирджин расплатился за ужин, и они снова залезли в джип.

Самолет Кемпера стоял в ангаре под охраной мрачного капрала ВВС предпенсионного возраста. Вирджина здесь знали, и проблем никаких не возникло, никто даже не спросил, кто с ним летит, куда и по какому поводу. Алиссон оглядел самолет: моноплан фирма «Локхид» с выпирающим брюхом и блямбой на носу — локатором в обтекателе, а также с дюжиной контейнеров на подвесках под крыльями.

Кемпер помог другу устроиться в кабине за сидением пилота, и через минуту они взлетели в сторону низко опустившегося солнца. Алиссон и сам не любил проволочек, ожидания и размеренного ритма бытия, но и он был поражен тем, как быстро Вирджин принимает решения и, главное, претворяет их в жизнь.

* * *

Алиссон не слышал, как их самолет дважды окликали по радио посты радиолокационного охранения полигона, борясь с внезапно забастовавшим организмом: хотя Норман был физически крепок и выносли в, но и его вестибулярный аппарат в результате десятича-

сового пребывания в воздухе начинал барахлить. Справившись с «вестибуляркой», Алиссон задумался над глубокой философской проблемой: какая причина побудила его принять участие в очередной авантюре Кемпера. Дружили они с детства, и всегда заводилой во всех компаниях и похождениях был Вирджин.

Они почти не разговаривали, хотя Кемпер дал шлем с ларингофонами и пассажиру.

Лишь когда солнце зашло и внизу перестали встречаться огни — свидетели вторжения человека в жизнь гористой пустыни Невада, Вирджин окликнул палеонтолога:

— Не уснул, старина? Скоро будем на месте. Я там давно высмотрел неплохую ровную площадку и на своем «ишаке» сяду даже с закрытыми глазами, так что не дрейфь.

— А я думал, что придется прыгать с парашютами,— меланхолично пошутил Норман.

Кемпер фыркнул:

— За всю жизнь я прыгал с парашютом всего два раза, третий был бы лишним. Смотри вниз, вправо по борту градусов десять.

Алиссон напряг зрение и через минуту в хаосе коричнево-черных бугров и рытвин под самолетом разглядел маленькое облачко зеленовато-желтого свечения.

— Что это?

— То самое, из-за чего я оторвал тебя от комфортного туалета. Держись крепче, сейчас немного потрясет.

«Ишак» резво завалился влево, нырнул вниз, земля и вечереющее небо поменялись местами, но не надолго. Когда Алиссон сориентировался, самолет уже катился по твердому грунту, подпрыгивая на неровностях почвы, вонзая вперед столбы прожекторного света. Остановился, пробежав метров двести. Кемпер выключил моторы, и наступила пульсирующая тишина.

— Жив, орел?

— И весел,— вяло пошутил Норман.

— На место пойдем завтра.— Вирджин снял шлем и оглянулся.— Э, да ты совсем квелый, парень. Посиди, пока я поставлю палатку.

— К черту,— сказал Алиссон, проведший в воздухе в общей сложности одиннадцать часов с лишним.— Я способен уснуть и так. Разбудишь завтра к вечеру... а еще лучше послезавтра. Что там светилось так красиво? Радиация?

— Фон, конечно, выше, чем везде в пустыне, кроме «нулевых точек»*, но в костюмах, которые выдаются всему летному составу полигона на время испытаний, пройти можно. Отдыхай и не забивай голову вопросами, сам все увидишь, оценишь и пощупаешь.

---

* Места подземных ядерных взрывов.

Алиссон кивнул и провалился в сон, как в пещеру. Он не проснулся даже тогда, когда Кемпер перенес его из кабины в палатку и впихнул в спальный мешок, сняв только мокасины.

* * *

Летчик поднимался первым, и Алиссон видел только склон горы и подошвы его сапог. Оба обливались потом, облаченные в блестящие антирадиационные балахоны с яйцевидными шлемами, несмотря на включенную систему терморегуляции. Идти мешали россыпи крупных и мелких валунов, собиравшиеся в длинные моренные гряды.

Солнце еще не встало, но было уже светло, рассвет в горах занимался рано. Воздух на высоте полутора тысяч метров был прозрачен и чист.

— Не понимаю,— пропыхтел Алиссон.

— Ты о чем? — обернулся Кемпер.

— Не понимаю, зачем ты меня сорвал с места. По горам я мог бы полазить и у себя дома. Здесь нужны сильные ноги, а не умная голова.

— Не спеши, умник, уже немного осталось. Если бы не эти камни, мы были бы на месте давно.

— Это не камни — дропстоны.

— Что-что?

— Эрратические валуны.

— Не объясняй икс через игрек. Какие валуны?

— Принесенные и обточенные ледником. Видимо, ледник был мощный и растаял недавно — пару десятков тысяч лет назад.

— Для меня недавно — пару часов назад.

Кемпер взобрался на гребень перевала и показал вниз:

— Вот оно, чуть ниже, прошу любоваться.

Алиссон остановился рядом, перевел дух.

С этой стороны склон горы без единого намека на растительность уступами спускался в долину древнего водного потока — сейчас там струился ручей с густой коричневой водой, а на площадке первого уступа располагался длинный каменный вал необычной формы с выступающими из камней толстыми дугами и остроконечными столбами серебристо-белого цвета. Что-то он напоминал, этот вал: смутные ассоциации зароились в голове Алиссона — где-то он видел нечто подобное, странно знакомое и волнующее. Он достал бинокль, подкрутил окуляры.

Кемпер щелкнул футляром дозиметра.

— Фон вполне сносный — семнадцать рентген. Вблизи будет около тридцати, но я долго прохлаждаться там не собираюсь, пока-

жу кое-что и назад. Отсюда, кстати, видно лучше. Ну, что тебе напоминает эта осыпь?

— Кладбище динозавров! — сообразил наконец Алиссон, у него даже дух захватило.— И ты молчал?!

— Во-первых, мог бы и сам догадаться, что я не поволоку палеонтолога в горы любоваться рассветом, а во-вторых, здесь почил всего один экземпляр, а не стадо динозавров.

Алиссон хмыкнул скептически, но чем дольше рассматривал останки, тем больше убеждался, что Вирджин прав. Перед ним лежал наполовину забитый землей и камнями скелет чудовищного неизвестного науке гиганта, достигавшего в длину никак не менее двухсот метров! Колосс лежал на спине, раскинув лапы — их было почему-то пять, как показалось Алиссону,— и откинув назад голову, почти полностью скрывавшуюся в земле. Форма конечностей была, в общем-то, понятной, мало отличающейся от известных Алиссону форм скелетов древних пресмыкающихся, но все же хватало и деталей, назначение которых было неизвестно палеонтологу с первого взгляда. И еще пятая конечность, не хвост — хвост был виден — сорокаметровой длины, из позвонков размером с человеческую голову, с шипами, раздваивающийся на конце, а именно скелет лапы, странной, напоминающей скелет зонтика.

— Вот это да-а! — сказал наконец Алиссон, опуская бинокль.— С ума можно сойти! Удружил ты мне, ничего не скажешь! Или это потрясающее открытие, сенсация века, или снова твои шутки.

Кемпер засмеялся.

— Как говорил Дидро: неверие — первый шаг к философии. Скептицизм — худшее из мировоззрений, хотя, с другой стороны, ученый обязан быть замешан на изрядной доле скепсиса. Пошли, покажу главное.

Они опустились на сто метров ниже и приблизились к полузасыпанному, вернее, наполовину вылупившемуся из почвы скелету отжившего свой век исполина. Обошли кругом, прислушиваясь к треску счетчика Гейгера в руке Вирджина: радиация вблизи скелета достигала сорока четырех рентген в час.

Цвет костей был или серебристо-серым, или белым, словно они были покрыты инеем, но пальцы Алиссона в перчатке защитного комбинезона ощущали твердый монолит, похожий на гофрированную сталь. Кемпер остановился возле пятиметрового бугра с тремя ямами, расположенными на одной линии, стукнул в макушку бугра кулаком.

— Череп полностью в земле, придется очищать. Чувствуешь, какая громадина? Что тебе ковш двадцатитонного экскаватора!

Алиссон с дрожью в коленях погладил торчащий из-под каменной осыпи снежно-белый шип, похожий на бивень мамонта.

— Что-то не припомню подобных находок... да и не знаю, могли

ли такие гиганты жить на Земле, он же должен был весить не менее тысячи тонн! Как он себя таскал?

Кемпер пожал плечами.

— Спроси у него самого. Факты — упрямая вещь. А теперь загляни сюда.— Летчик взобрался на груду камней, протиснулся между двумя изогнутыми столбами и посторонился, пропуская палеонтолога вперед. Счетчик Гейгера, засунутый им в карман, заверещал сильнее.

Алиссон остановился на краю громадной ямы, окруженной частоколом наклонившихся серебристых столбов,— это явно была грудная клетка исполина, внутри свободно уместился бы железнодорожный вагон. В центре ямы, глубина которой достигала семи метров, среди крупных и мелких камней выдавались три граненых глянцево-черных кристалла, заросших щетиной, отсвечивающих серебром шипов. Над ними струилось марево нагретого воздуха, словно они были металлическими болванками, вынутыми из электропечи после нагрева. Макушки двух кристаллов были срезаны, открывая взору отблескивающие зеленым внутренности. У Алиссона внезапно родилось ощущение, что эти черные «кристаллы» — живые, и он сглотнул ставшую горькой слюну.

Кемпер отобрал у него фотоаппарат, сделал несколько снимков и завернул аппарат в освинцованную пленку.

— Давай за мной вниз, самое интересное там, у этих яиц, но задерживаться возле них нельзя — там рентген восемьдесят, если не больше, наши «пингвины» такую радиацию долго не удержат.

Они спустились в яму, прыгая с камня на камень, пот заливал глаза, но вытереть его мешало стекло гермошлема. Температура воздуха в яме держалась на уровне семидесяти градусов по Цельсию.

Кемпер подошел к одному из многогранников, поверхность которого украшал рисунок трещин, нагнулся к срезу, заглянул и тут же уступил место Алиссону. Тот наклонился над горячим щетинистым срезом «кристалла» и остолбенел. «Кристалл» на самом деле оказался верхним концом огромного яйца, заполненного прозрачно-желтым желе, в котором плавал «желток» — светящийся нежно-зеленым светом, свернувшийся в комок... зародыш! Из переплетения каких-то жил, крючьев, лап и перепонок на Нормана глянул пристальный немигающий глаз!

Алиссон сглотнул комок в горле и с трудом оторвал взгляд от этого странного, завораживающего, не человеческого, да и не звериного, а скорее птичьего глаза, в котором, однако, пряталась не то мука, не то смертельная тоска.

— Идем отсюда,— потянул летчик Алиссона за рукав.— Потом придем еще раз с лопатами и кинокамерой, возьмем образцы.

Палеонтолог словно в ступоре последовал за ним, но на полдороге к подъему из ямы вернулся и еще раз заглянул внутрь чудовищно-

го яйца — теперь было совершенно очевидно, что это именно яйцо с живым зародышем! Как специалист, Алиссон знал, что его коллеги не раз находили яйца динозавров, но окаменевшие, утратившие прежние качества и материальный состав, однако живых яиц не находил никто, он был первым...

— Я не хотел заявлять об этом один,— сказал Кемпер, когда они выбрались наверх на уступ и смотрели на останки монстра.— Да и времени, честно говоря, не было, второй месяц испытания идут одно за другим, передохнуть некогда! Мой напарник заболел, и я срочно позвонил тебе. Кстати, когда я нашел скелет, яйца были целые, дырки в них появились только неделю назад.

— И ты никому ничего не говорил?

— Какой смысл? Здесь никто не ходит, никто не летает, кроме спецбригады обслуживания полигона, так что сохранность тайны обеспечена и денежки за сенсацию все наши. Интересная зверюга была, а? И радиация ей нипочем!

— Похоже, она сама была радиоактивна, радиация полигона тут ни при чем.— Не обращая внимания на стекающий по лицу пот, Алиссон снова достал фотоаппарат и доснял пленку до конца.—Любопытно, что помогло скелету выбраться на белый свет? Судя по базальтам, эта ларамийская складчатость,— конец мела — начало палеогена...

— Оползень,— сказал Кемпер.— Все четыре уступа образованы оползнями, последний и вскрыл скелет. Это же полигон, каждый взрыв трясет землю не хуже, чем природная стихия.

— Мезозойская эратема,— бормотал Алиссон, не слушая друга; он все еще находился в трансе.— Фанерозой... ни транс, ни юра, ни мел не могли породить таких гигантов... совершенно невозможная вещь!.. Даже бронтозавры не могли жить только на суше, как и сейсмозавры, и большую часть жизни проводили в воде, а ведь весили они всего-навсего около сотни тонн... Понимаешь?

Кемпер развернул палеонтолога спиной к своему открытию и повел, упирающегося, обратно к самолету.

— Рад, что тебе интересно, но пора и отдохнуть.

— Радиация...— продолжал бормотать Алиссон.— Может быть, все дело в радиации? Просто перед нами результат мутации, обособленная экологическая ниша? Чем не гипотеза? Впрочем, любое живое существо на Земле должно быть приспособлено к ее гравитации, это закон. Что ж, выходит, этот провозвестник апокалипсиса не подчинялся законам физики? Как он таскал свое тысячетонное тело? Никакие мышцы не в состоянии этого сделать и никакие кости не выдержат такой вес!

— Снова ты о своем. Вот же он перед тобой, можно пощупать руками. У него кости словно из металла, я пробовал отломить кусочек — не смог даже с помощью пассатижей. Попытаемся взять ана-

F 65 FR

лизы под вечер, когда немного спадет жара, я буквально плаваю в поту, никакой регуляции в этих саванах, врет реклама...

* * *

Они с наслаждением сбросили с себя «пингвины», вымылись водой из бака, пропахшей пластиком и железом, и переоделись в сухое.

Алиссон никак не мог успокоиться, у него от волнения дергалось веко, а он, растирая глаз, все бормотал что-то, исписывая страницу за страницей своего член-корреспондентского блокнота, привезенного из Стокгольма месяц назад. Кемпер только посмеивался над проснувшимся в палеонтологе профессионалом, понимая, что Норман сам придет в себя и станет прежним Алиссоном, простым и веселым парнем.

В шесть часов вечера они предприняли еще один поход к скелету неизвестной твари, которой Алиссон дал название суперзавр-сверхъящер. Полюбовались на плавающих в зеленом желе зародышей, готовых вот-вот явиться на свет, и попытались откопать череп суперзавра, утонувший в обломочном материале почти по шейные позвонки. Но во-первых, в скафандрах работать лопатой было неудобно, изыскатели вспотели уже через несколько минут работы, а во-вторых, для освобождения черепа нужен был по меньшей мере ковшовый экскаватор, потому что Алиссон определил длину головы исполина метров в пятнадцать. И наконец, в-третьих, радиация возле скелета была все-таки выше защитных свойств «пингвинов», предназначенных для работы в горячих зонах атомных реакторов на подводных лодках с радиацией не выше сорока-пятидесяти рентген в час.

И все же Алиссон сумел уловить характерные особенности строения черепа зверя — череп внутри был свободен от камней и почвы и просматривался хорошо даже без помощи фонаря — и, придя в лагерь, набросал его эскиз, а потом и реконструкцию головы ящера. Получилось нечто экзотическое, непривычное, ни на что не похожее, Алиссон даже засомневался и сделал необходимые расчеты, но рисунок не изменился: голова суперзавра представляла собой сложный агрегат из трех подвижных рыл с рогами, причем глаз у этого монстра было тоже три — один спереди и два по бокам. Хотя вполне могло случиться, что отверстия, которые Алиссон принял за глазные, на самом деле служили для других целей.

— Ну и урод! — пробурчал потрясенный Кемпер.— Ты случайно не последователь Босха или Сальватора Дали? Этот зверь больше похож на бурильную установку, чем на живое существо. Ничего похожего на твоих обычных динозавров.

— Обычных! — Алиссон усмехнулся.— Ты говоришь так, будто

сызмальства охотился на них с луком и копьем. Знаешь, сколько видов зверья репродуцировала природа в мезозое? Около ста пятидесяти тысяч! А мы знаем, вернее, рассчитали облик всего трех с небольшим тысяч видов, то есть два процента, а раскопали и реставрировали и того меньше. Никто не может представить, какие чудища жили в те времена.

— Но мы же наткнулись на одно из них...

Алиссон покачал головой.

— Не уверен.

— Что?! Уж не хочешь ли ты сказать, что и этого монстра я смастерил своими руками?

— Нет, не смастерил, сие не под силу и всему нашему институту, но у меня мелькнула мысль: вдруг наш сверхъящер не является жителем Земли?

Кемпер перестал помешивать в котелке суп из концентрата, варившийся на походной спиртовой горелке.

— Ты не оригинален. В свободное время я почитываю научно-популярную литературу и знаю, что такое панспермия. Хочешь сказать, что спора или яйцо этого чудовища выпало на Землю из космоса, а он потом здесь родился? Лично мне нравится первая гипотеза: суперзавр — детище мутации. В истории Земли столько белых пятен, что нет смысла искать пришельцев там, где их нет. Природа более изобретательна, чем мы думаем. Во всяком случае, богу с ней не справиться.

Алиссон с проснувшимся любопытством слушал летчика, вдруг открыв в нем качества, которых еще не знал: любознательность, начитанность и способность к философским обобщениям.

— Бога нет,— сказал он.— Вернее, я в него не верю.

— Я тоже. «В мире столько безумия, что извинить бога может лишь то, что он не существует»*.

— Не помню, кто сказал, что безумие — избыток надежды.

— В таком случае, я безумен сверх меры.— Кемпер налил в алюминиевые тарелки дымящийся суп.— Я настолько безумен, что надеюсь дожить до глубокой старости.

Алиссон покачал головой, но продолжать разговор не стал.

Мысли вернулись к находке, и его снова увлекла пропасть тайны, которая крылась в явлении на свет суперзавра с живыми зародышами. Поужинав, он поднялся на небольшую пирамидальную скалу и оглядел окрестности «посадочной площадки», где приземлился их «беременный ястреб», как назвал самолет палеонтолог, или «ишак» — по образному выражению Кемпера.

Серо-белую твердь каменной пустыни уже расчертили длинные черные тени от удивительных геологических структур — даек, напо-

---

* Стендаль.

минающих огромные, будто воздвигнутые человеческими руками, коричневые стены, ориентированные, как спицы гигантского колеса. Это были остатки древних лавовых потоков, излившихся через трещины в эпоху вулканизма и горообразования. Конусовидные, зубовидные скалы-штоки застыли сторожами древних вулканов, конусы которых были разрушены эрозией. Сплюснутый багровый овал солнца падал за горизонт в пелену пыли. Белый шрам — след высотного самолета делил чашу неба пополам и вонзался в солнце опереннной стрелой злого охотника-великана.

Алиссон вдруг ощутил — не услышал, а именно ощутил — тишину пустыни: громадное пространство вздыбленного камня замерло в ожидании чего-то привычно ужасного, как укол для больного ребенка, но крылось в этом молчании еще и терпеливое спокойствие матери, и суровый укор отца...

— А вообще-то странно,— раздался над ухом голос Кемпера.

Алиссон вздрогнул, оглянулся.

— Ты о чем?

— Странно, что в таком хаосе отыскалась приличная ровная площадка, и как раз в самом интересном, с точки зрения геологии, месте.

— Насчет геологии не знаю, а с точки зрения палеонтологии,— точно.

— Вот и я говорю. Пошли еще раз посмотрим издали на нашу золотую жилу и ляжем спать. Завтра утром я должен быть в воздухе, испытание ровно в двенадцать по местному, перенесли, гады, на сутки вперед. Побудешь один, а потом я за тобой прилечу.

— А тут оставаться не опасно? Если до эпицентра всего двадцать миль?

— Не дрейфь, взрыв подземный, тряхнет маленько — и все. Не подходи близко к осыпи, чтобы не засыпало ненароком. Но если не хочешь оставаться, возьму с собой, хотя это прямое нарушение инструкции.

— Хорошо, останусть. Но тебе придется связаться с одним человеком в Питтсбурге, он нам понадобится как специалист.

— Кто он?

— Питер Маклин, биолог, неплохой парень... кстати, брат моей бывшей жены. Хотя он в этом не виноват.

Кемпер пожал плечами, но возражать не стал. Антирадиационные костюмы надевать не стали, взяли только фонарь, дозиметр, фотоаппарат, зарядив его особо чувствительной пленкой. Стемнело, когда они влезли на перевал и увидели мягкое переливчатое нежно-зеленое облако свечения над полуутопленным скелетом суперзавра. Сами кости светились зеленым, а порода, земля и камни вокруг — желтым, лишь изредка в этой желтизне посверкивали алые и вишневые искры, словно тлеющие угли или сигареты. Смотреть на эту све-

тящуюся феерию можно было не отрываясь всю ночь, но Кемпер знал пределы любознательности и риска.

— Очнись, Норман, здесь фон тоже небезопасен, а лишние рентгены мне ни к чему, да и тебе тоже.

Алиссон настроил фотоаппарат, сделал с десяток снимков, и они побрели назад, посвечивая под ноги фонарем.

Перед сном Алиссон выглянул из палатки, и небо, запотевшее вокруг обломка луны перламутровым туманом, показалось ему твердым, как кость.

* * *

Кемпер улетел в десять утра, оставив Алиссону палатку, костюм, запас концентратов и винтовку.

— А она зачем? — вяло поинтересовался невыспавшийся Норман: его всю ночь мучили кошмары.

— Никогда не знаешь, что найдешь, что потеряешь,— усмехнулся летчик.— Пусть полежит в палатке, тебе все равно на себе ее не таскать, а есть она не просит. Пожелаешь взглянуть на «нулевую точку» — вот тебе бинокль, забирайся на горку повыше и смотри, направление — норд. Хотя вряд ли что-нибудь увидишь, кроме разве что гейзера наэлектризованной пыли.

Самолет Кемпера, издали действительно похожий на пузатую птицу, взлетел и скрылся за скалами. В пустыню вернулась тишина, подчеркиваемая редкими посвистами ветра. Алиссон вздохнул и принялся за работу.

За два часа он успел облазить скелет суперзавра, взять образцы почвы в пластиковые пакеты, сфотографировать все детали, уповая на то, что фотопленка выдержит кратковременное пребывание в радиоактивной зоне, и с благоговением и ужасом полюбовался на зародышей внутри зловещих коконов: оба палеонтологу показались явно подросшими за ночь и теперь упирались в стенки яиц подобием лап и хвостов.

Нагруженный ворохом впечатлений, Алиссон вернулся в лагерь, вспотев так, что рубашку и штаны пришлось выжимать. Он торопливо переоделся в сухое, захватил бинокль, собираясь взобраться на одну из ближайших скал-штоков, как вдруг издалека донесся нарастающий рокот и над палаткой низко пролетел военный вертолет. Алиссон видел, как пилот с изумлением — у него даже челюсть отвисла — смотрит на лагерь и трясет головой. Вертолет едва не врезался в склон горы, сделал пируэт и вернулся, завис над площадкой, подняв тучу пыли. Сел. Открылась дверца, из кабины вывалился пилот в черной форме, с вычурным шлемом на голове, и, подбежав к Алиссону, перекрывая шум двигателей своей машины, закричал:

— Какого дьявола ты здесь торчишь, идиот?! Через три минуты «час ноль»! Тебе что, жить надоело?!

— Я бы не сказал,— пожал плечами Алиссон.— Разве «Тайгершарк» лежит прямо под нами?! До него же миль двадцать.

Пилот на несколько секунд онемел, потом схватил Нормана за руку и поволок за собой. Палеонтолог вырвал руку, он ничего не понимал.— В чем дело, мистер торопыга? Займитесь своим делом, я вам не мешаю.

Летчик смотрел на него, будто встретил разговаривающего осла.

— Парень, ты понимаешь, что говоришь? Ты из какого ведомства? Что-то я тебя раньше не встречал...

— Я тебя тоже и, по правде говоря, ни капли не страдаю от этого,— буркнул Алиссон.— Меня привез Кемпер.

— Вирджин? Так ты из бригады яйцеголовых? Чтоб я сдох! Как же вас пропустили на территорию? Что ты здесь делаешь? — Рука летчика потянулась к кобуре пистолета.

— Я пакистанский шпион,— сказал Алиссон.— Хочу украсть секрет приготовления сдобного теста из радиоактивной пыли.

— Не шути, смельчак, не то пожалеешь, что родился. Отвечай на вопрос, когда тебя спрашивают вежливо.

— Я палеонтолог.— Алиссон на всякий случай примерился, как попроще обезоружить летчика.— Мой друг Кемпер обнаружил здесь скелет древнего динозавра... пригласил меня. А что, разве сегодняшнее подземное испытание чем-то отличается от других?

Пилот вздрогнул, бросил взгляд на часы.

— О, господи! Он же не знал... осталось полминуты, не успеем взлететь! За мной! — заорал он так, что Алиссон едва не оглох, и бросился под защиту ближайшей серо-коричневой стены дайки. Перепугавшийся Норман помчался за ним, понимая, что попал в какой-то непредвиденный переплет.

— Чего не знал Вирджин? — спросил он на бегу.

— «Тайгершарк» отменили,— прокричал летчик.— Вместо него сегодня испытывают подкритический «Аутбест». Худшего случая вы с Кемпером выбрать не могли.

Залегли в углублении под монолитным выступом какой-то черной породы, летчик вспомнил о брошенном вертолете, высунулся, но тут же втиснулся обратно.

— Ну все, перевод в другую часть обеспечен, черт бы тебя побрал!

— А что такое «подкритический»? — рискнул спросить Алиссон, машинально отсчитывая оставшиеся секунды.

— Глубина залегания заряда в пределах максимального выброса. То есть вспыхнет под землей, но макушка взрыва вылезет на божий свет. А это значит, что в момент взрыва в пределах двадцати-

мильной зоны радиация будет на три порядка выше естественного фона... все, время!

Где-то глубоко в недрах земли словно упал и разбился стакан — первый звук, коснувшийся слуха. За ним донесся длинный рыдающий стон — будто под неимоверной тяжестью рвались мышцы и сухожилия, ломались кости у атлета-тяжеловеса, пытавшегося справиться с весом всей планеты. А потом началось: удар, гул, треск, визг! Алиссона подкинуло вверх, вниз, закачало, как на волнах, придавило. Ему показалось, что откололась скала, но это оказался вертолетчик, тяжелый, как его вертолет, и такой же твердый.

Встряска длилась всего семь секунд.

Гул стих, земля перестала качаться, эхо взрыва улетело умирать в пустыню.

— Встань с меня, сундук,— невежливо проговорил Алиссон, ощупывая шишку на темени.

Летчик вылез из убежища, прищурился на солнце и стал отряхиваться.

— Вот теперь можешь посмотреть... если не пропала охота.

Охота у Алиссона была. Сопя, он вскарабкался на скалу и в стороне, где прогремел ядерный взрыв, без бинокля увидел ровное серо-желтое поле до горизонта, пушистое, как туманная пелена. Пыль, понял он не сразу. Это же пыль! Но почему такой ровный слой?

— Собирайся, приятель,— буркнул, появляясь на скале, пилот: на пелену пыли он даже не взглянул.— Полетишь со мной, на базе выясним, кто тебя сюда закинул, Вирджин или...— Глаза летчика вдруг остановились.— А это еще что такое?!

Алиссон посмотрел в том направлении. Над россыпью каменных обломков, курившихся пылью, торчало нечто желто-оранжевое в зеленую крапинку, по форме напоминающее хищное насекомое — богомола. У Алиссона непроизвольно сжались мышцы живота. Он приник к окулярам бинокля и отчетливо увидел свой оживший эскиз суперзавра с кошмарной, словно сошедшей с полотен Иеронима Босха головой: три костяных, обтянутых бородавчатой кожей нароста — не то рога, не то хоботы, не то носы, три рога вверху, три кружевных перепончатых нароста по бокам головы и под ней и один узкий и длинный глаз с горизонтальным зрачком... Детеныш суперзавра переступил на месте, Алиссон понял, что у него не четыре и не пять ног, а все шесть! Плюс какой-то омерзительный белый выступ на груди, похожий на опухоль.

— Родился! — глухо пробормотал Норман, бледнея.

Пилот выхватил у него бинокль, знакомое выражение изумления проступило у летчика на лице, привыкшем в условиях военных отношений носить маску субординации и стандартной готовности выполнить приказ.

— Откуда здесь это чудище?! Сколько здесь летаю — ни разу не видел! О, да их два!

Рядом с первым детенышем суперзавра появился второй, почти его копия, только чуть иной раскраски.

— Они с жирафа ростом! Ты видишь? — Ошеломленный пилот растерянно оглянулся на Алиссона.— Откуда они взялись?

— Взрыв...— пробормотал снова Алиссон, думая о своем.

— Что? Взрыв синтезировал этих тварей?!

— Нет, радиация... волна излучения ускорила... вернее, инициировала спусковой механизм рождения... недаром и скелет радиоактивен.

Пилот прислушался к чему-то, вдруг выругался, сунул Алиссону бинокль и начал спускаться с крутого бока скалы. Палеонтолог очнулся. С юга летел еще один вертолет, летел зигзагами, то опускаясь, то поднимаясь выше. Он искал исчезнувшего напарника.

Пилот добрался до своей машины, винты которой продолжали ленивый холостой ход, и, очевидно, связался со своими по радио, потому что второй вертолет, с двумя подвесками серебристых контейнеров, повернул в их сторону и сел рядом с первым.

Алиссон поискал глазами родившихся суперзавров, но склон осыпи был пуст, отвратительные создания скрылись за скалами.

Кемпер прилетел через час, злой и неразговорчивый. Он застал палеонтолога в компании вертолетчиков, оживленно обсуждавших какую-то проблему.

— Хелло, Вирджин,— помахал рукой один из них, без шлема, белокурый и круглолицый.— Этот парень утверждает, что он твой друг.

— Хелло, Пит. Каким ветром вас сюда занесло? Вы же барражируете западную зону.

— Если бы не Боб,— Пит указал на летчика, первым увидевшего Алиссона,— от твоего приятеля остались бы рожки да ножки.

Кемпер мрачно погрозил кулаком небу.

— Я еще разберусь с этим сукиным сыном Рестеллом! Он должен был предупредить меня о замене, по крайней мере, за три дня.

Пит засмеялся: он был молод, улыбчив, обаятелен.

— Рестелл — генерал, тебе до него не добраться, а если хочешь сорвать злость на ком-нибудь из ближних, двинь по шее... да хотя бы Боба, ему это полезно.

Пилот, спасший Нормана, не принял шутки.

— Забирай своего приятеля, Вир, и сматывайся, не то вам обоим непоздоровится. Если Рестелл узнает, что в зону испытаний проник посторонний, он скормит тебя тем двум тварям.

— Каким тварям? — не понял Кемпер.

Пилот вытаращился на него.

— Брось разыгрывать, разве не ты их нашел?

— Они вылупились,— пояснил Алиссон, которому уже надоело быть ходячим справочником.— Детеныши суперзавра вылупились из яиц, мы их только что видели.

— Не приведи господи встретиться с ними нос к носу! — пробормотал Роберт.— В общем, я буду вынужден доложить шефу о находке. Вас я не видел,— повернулся он к Алиссону,— Вирджин доставит вас в Тонопу, а там...

Алиссон отрицательно покачал головой.

— Дудки! Это наша находка, Вирджина и моя. То, что она находится на территории полигона, не имеет никакого значения. В научных кругах она произведет такую сенсацию, что превзойдет даже открытие неизвестной цивилизации!

— Как хотите, мое дело предупредить. Вряд ли Рестелл допустит сюда гражданских яйцеголовых.

Пилот откозырял, махнул второму летчику, и они разошлись по своим машинам. Через несколько минут металлические стрекозы, сделав круг над местом расположения скелета суперзавра, умчались на запад. Молчание гористой пустыни придавило землю ватным одеялом.

— Тебе, в самом деле, грозят неприятности? — спросил Алиссон, глядя вслед вертолетам.

— А, черт с ними! — философски заключил Кемпер.— Работу я найду, не так уж много на свете летчиков, налетавших пять тысяч часов над радиоактивными вулканами. Не о том речь. Рестелл, действительно, может просто выставить нас отсюда, и тогда плакали наши денежки.

— Если бы только денежки. Это же открытие нобелевского масштаба! Я не преувеличиваю, в науке подобное рождение динозавров из уцелевших яиц — беспрецедентно! Но самое главное...— Алиссон не договорил, задумавшись.

Кемпер ждал, посматривая то на него, то на свой некрасивый пузатый самолет. Наконец он не выдержал:

— Ну и что главное?

— Земная природа не могла породить таких химерических чудовищ. У них трехлучевая симметрия, три пары ног... кости не минерализованы...

— Опять ты за свое. Сам же говорил, что никому не известно, сколько видов живых существ прошло по Земле за сотни миллионов лет. Просто твой суперзавр восприимчив к радиации, и каждый всплеск излучения от испытательных взрывов добавлял свою дозу к уже полученной, пока не сработал механизм включения наследственной информации. Знаешь, сколько в Неваде длятся атомные испытания? Более сорока лет! Давай-ка лучше подумаем, что будем...— Кемпер замолчал.

Алиссон рывком обернулся.

Из-за черно-коричневой стены дайки в сотне метров от них вытягивался вверх кошмарный силуэт суперзавра. Трехрылая голова размером с туловище человека, в ромбовидной броне, с массой неаппетитных деталей — наростов, бородавок, шипов, плавно поднялась на пять метров над скалой и остановилась, вперив в застывших людей взгляд единственного глаза. Затем появилась желто-серая птица с шестью членистыми пальцами-когтями, вцепилась в гребень скалы, за ней — другая. Чудовище повернуло морду налево, на его виске пульсировал выпуклый кожистый нарост. Этот нарост вдруг лопнул внизу и оказался клапаном, приоткрывшим еще один глаз, круглый, с белым ободком и черным зрачком-щелью, но словно закрытый полупрозрачным бельмом.

— Мамма миа! — сказал Кемпер севшим голосом.

Бельмо на глазу суперзавра сползло вниз, открыв зеленоватое глазное яблоко с плавающим по нему зрачком: ящер мигнул. А затем как-то по-птичьи быстро и гибко повернул морду к людям, нижнее рыло его выдвинулось вперед, как жвалы у насекомого, клапан, прикрывающий его, отогнулся вниз, из круглого отверстия беззвучно выметнулся голубоватый луч и впился в камень недалеко от замерших друзей: фонтан искр, шипение, треск, клуб дыма фонтаном выстрелил вверх...

Алиссон опомнился уже за самолетом.

Летчик обогнал его, он вернулся к палате и выдернул оттуда винтовку. Теперь оба, судорожно дыша, спрятавшись за стойками шасси, выглядывали из-за укрытия. Суперзавр не имел намерения преследовать их, он в таком же темпе — медленно и плавно, как на гидравлической тяге, перевалил через скалу, поискал что-то среди камней и уполз назад, показав свой худой по-насекомьи, но костистый и бронированный, как у древних динозавров, зад.

Кемпер отложил винтовку, сел и вытер вспотевший лоб. Поглядел на Алиссона.

— Ты хотел что-то спросить?

— Только одно — где тут туалет...— буркнул Алиссон.

Кемпер затрясся от смеха, потом фыркнул и сам Норман. Хохотали минуты три, потом Алиссон встал на подгибающихся ногах, помял пальцами икры.

— Ты всегда бегал лучше меня, но если эта зверюга выглянет еще раз, я в Тонопу прибегу первым. Готов биться об заклад на любую сумму.

Кемпер вытер слезы и сплюнул.

— Боб прав, Рестелл никого сюда не пустит, и твоим красавцем-суперзавром будут заниматься военспецы. Видал, как он в нас... лазером! Представляешь, каким он станет, когда вырастет?

Алиссон покачал головой, с сожалением констатируя, что находка, а вместе с ней и предполагаемый заработок уплывает из рук. Но

его деятельная, склонная к авантюризму натура жаждала приключений и требовала не сдавать позиций. Первооткрывателями суперзавров были все-таки они с Вирджином, этот факт не мог отрицать даже всемогущий генерал Рестелл, начальник ядерного полигона Невады. И Норман решил остаться, несмотря на уговоры Кемпера вернуться в Тонопу и сообщить о находке в прессу..

Любопытство ученого оказалось сильнее инстинкта самосохранения и предвидимых осложнений с властями. К тому же, Алиссон никогда не бросал начатое дело, с какими бы трудностями ни встречался.

* * *

Обещанные вертолетчиками неприятности не замедлили явиться.

Уже к вечеру на площадке, приспособленной Кемпером под ВВП, сели пузатые вертолеты десантников, одетых в спецкостюмы, и дюжие молодцы в мгновение ока оцепили район со скелетом суперзавра и ползающими детенышами. Затем прилетела группа экспертов из Туанского военного научного центра, среди которых, к счастью Алиссона, оказался и палеонтолог Питер Кеннет, с которым он был знаком еще с университета. Только содействие Кеннета и помогло Алиссону освободиться из-под ареста и даже остаться на полигоне, после чего он был включен в состав исследовательского отряда в качестве специалиста по фауне мезозойской эратемы.

А дальше события начали развиваться по нарастающей, в ритме брейк-данса, так что ни у кого не осталось времени спросить, что делает на атомном полигоне Норман Алиссон, палеонтолог Пенсильванского института палеонтологии и археологии, тридцати пяти лет от роду, не являющийся штатным сотрудником команды генерала Рестелла.

«Крошки»-суперзавры росли не по дням, а по часам, обшаривая скалы, ущелья, каменные россыпи в поисках пищи — так, во всяком случае, расшифровали их неутомимые поиски исследователи. К концу второй недели с момента рождения «суперзаврики» достигли уже пятнадцати метров в высоту и сорока в длину. На людей и их технику они не обращали внимания совершенно, только однажды отреагировав на появление рентгеновского излучателя для просвечивания пород. Алиссон был свидетелем происшествия, он работал — когда это удавалось — возле скелета взрослого суперзавра, освобождая его от камней, песка и глины, измеряя, зарисовывая, фотографируя каждую кость.

Когда прибыл вертолет с рентгеновской установкой, оба «малыша», выколупывавшие что-то в скальных обнажениях к северу от своего «родильного дома», тут же поползли на «запах» церия -139, служащего источником излучения в установке. Они передвигались

примерно со скоростью быстро идущего человека, сочетая грацию и пластичность робота-погрузчика с резкими неожиданными поворотами хищного насекомого и пируэтами не менее хищной птицы, и при движении уже крошили камень, задевая скалы твердыми шипами на лапах или шпорами на хвостах. По расчетам вес их достиг сорока тонн, хотя до сих пор не было ясно, что служит им источником питания.

Один из суперзавров, прозванный Стрелком за постоянную демонстрацию поражающего луча, похожего на лазерный, достиг места посадки вертолета первым и, не обращая внимания на отпугивающую стрельбу,— охранники палили из всех стволов не только вверх, но и в ящеров, хотя пули отскакивали от их бронированных панцирей,— с ходу ударил по наполовину выгруженной из грузовой кабины платформе своим голубым лучом. Экипаж вертолета и грузчики разбежались, суперзавр спустился к машине, раздавив по пути тягач. Вместе с прибывшим собратом по имени Тихоня они исполнили вокруг вертолета сложный тяжеловесный танец и удалились к северной границе определенной ими самими территории «пастбища». Когда летчики и специалисты, готовившие рентгеновскую установку к работе, вернулись, оказалось, что контейнер с радиоактивным церием превращен в слиток металла, а сам церий исчез. Дозиметрический контроль показал, что уровень радиоактивности в районе вертолета и вообще в тех местах, где прошли гиганты, упал на порядок по сравнению с другими участками почвы.

Эпизод с рентгеновским интроскопом еще больше заставил Алиссона утвердиться во мнении, что сверхъящеры — пришельцы на Земле, споры которых случайно оказались занесенными на планету космическим ветром. А через некоторое время в этом убедились даже твердолобые снайперы из охраны Рестелла, умеющие только нажимать на курок пистолета, карабина или автомата.

Ровно через месяц после своего появления на свет суперзавры вдруг покинули зону отчуждения, которую исползали вдоль и поперек, нигде не выходя за предел пятимильного круга с центром в районе скелета их родителя — «матери» или «отца» (кто разберет?), и направились в пустыню по направлению к месту недавно прогремевшего ядерного взрыва под кодовым названием «Аутбест». Ни пулеметно-автоматный огонь, ни атака огнеметов, ни залпы реактивных минометов не остановили их и не повредили. К этому моменту уже было известно, благодаря стараниям Алиссона, Кеннета и коллег-экспертов, что материал костей суперзавров представляет собой сложный полимер на основе боросиликатных соединений с включениями гадолиния. Этот материал был прочнее любого металла, не боялся высоких температур вплоть до четырех тысяч градусов и не поддавался ни одному методу механической обработки, кроме реза-

ния плазменным лучом с температурой плазмы выше десяти тысяч градусов.

Работать вблизи радиоактивного скелета в защитных антирадиационных комбинезонах было очень нелегко, тем более что все время приходилось быть настороже, чтобы не прозевать появления «младенцев», но ученые терпели, делали все, что было в их силах, и добыли столько невероятной, сенсационной информации, что хватило бы на несколько Нобелевских премий. Главный же вывод, зревший подспудно день ото дня, сделал председатель комиссии, созданной из специалистов военных лабораторий Пентагона и высокопоставленных сотрудников Совета национальной безопасности. На пресс-конференции в Тонопе, куда были впервые допущены журналисты и корреспонденты центральных газет и телевидения, он заявил, что полученные результаты позволяют считать родиной суперзавра не пустыню Невада, не Соединенные Штаты и не Землю вообще, а космос!

После этого сенсация вспыхнула и загорелась буйным пламенем на страницах прессы всего мира, вызвав приток энтузиастов, жаждущих познакомиться с панспермитами *, как стали называть молодых суперзавров, поближе.

Однако поток этих самодеятельных горе-исследователей быстро поредел, когда стало известно, что панспермиты излучают, как могильники радиоактивных отходов,— до двухсот рентген в час да еще и владеют мощным грайзером — гамма-лазером, луч которого был виден из-за эффекта переизлучения. А потом информация о суперзаврах вдруг исчезла со страниц газет и журналов США, как по мановению волшебной палочки, будто перекрыли питающий сенсацию кран. Впрочем, так оно и было на самом деле: спецслужбы Штатов оценили попавший в их руки живой раритет, его влияние на военную науку и нажали на соответствующие кнопки. С этих пор суперзаврами вплотную занялись профессионалы военных лабораторий, давно разрабатывавшие наравне с простыми и надежными еще и самые экзотические способы умерщвления себе подобных. Все гражданские специалисты были выдворены с территории полигона под клятву молчать обо всем, что они видели.

К удивлению Алиссона, его оставили, то ли из-за принесенной конкретной пользы, то ли как первооткрывателя, то ли из других соображений. Остался и Кемпер, пересевший из кабины своего «ишака» в кабину вертолета «ирокез». Виделись они редко, но ни тот ни другой друг друга из виду не теряли и находили способ связи, когда обоим становилось тошно от постоянной гонки и недосыпания.

---

* От слова «панспермия» — гипотеза о появлении жизни на Земле в результате переноса с других планет неких «зародышей жизни».

Суперзавры тем временем достигли эпицентра взрыва — там зияла неглубокая, но широкая воронка диаметром в пятьсот с лишним метров — и долго рыскали кругом, вспахав пустыню не хуже, чем сотня тракторов с плугами. Что они искали, одному богу было ведомо, но после «пахоты» оба еще больше подросли и вытянулись в длину, а радиация в «нулевой точке» практически исчезла, упав ниже уровня естественного природного фона.

Смотреть на драконов даже издали было жутко и дико, никто на Земле и в кошмарных снах никогда не видел подобных созданий, и недаром один из летчиков-наблюдателей сошел с ума — сел от них слишком близко, и суперзавр Стрелок плюнул в него гамма-лучом.

Панспермиты явно эволюционировали: у них выпадали «лишние» рога и шипы, цвет кожи изменился на серый, она стала гладкой, блестящей, отражала свет, как множество полированных металлических зеркал, зато на спинах появились какие-то гребенчатые наросты, названные по аналогии «крыльями». Вес пришельцев достиг пятисот сорока тонн, и они теперь при движении проделывали широкие борозды в любой почве, в том числе и на голой скале.

В контакт с людьми они не вступали, а определить на расстоянии, разумны они или нет, было невозможно. Поэтому ученым-биологам и палеонтологам дали срочное задание определить по скелету взрослого суперзавра и остаткам яиц, обладал ли он интеллектом. Алиссон отнесся к заданию скептически, но сомнениями поделился вслух только с Кемпером.

— Понимаешь,— говорил он летчику, когда тот нашел его под вечер с флягой виски «Чивас-Ригал»,— мозг у суперзавра был, хотя и располагался не в голове, а на животе и у основания хвоста. По размерам он больше человеческого, однако объем мозга — еще не доказательство мыслительного процесса. Мозг тираннозавра или тарбозавра тоже был больше человеческого, тем не менее интеллект этих величайших хищников в истории Земли не превышал интеллекта современного крокодила.

Кемпер протянул палеонтологу колпачок фляги с двумя глотками виски.

— Ты выглядишь, как после марафона... или трех бессонных ночей подряд. Много работы?

— Не то слово. Забыл, когда ел и спал вовремя и спокойно. Ясно, что сверхъящер, действительно, свалился к нам на Землю из космоса, как я предполагал, но почему он не смог размножиться еще в те времена, не создал популяции? Что ему помешало? Вся история мезозоя пошла бы иным путем...

Кемпер сделал глоток, завинтил флягу.

— По-моему, все очень просто: он мог жить только в условиях высокого радиоактивного фона, а в те времена фон был в Неваде очень и очень низкий, не то что сейчас. Рождение суперзавров на

ядерном полигоне, где фон из-за испытаний выше, чем в любом другом месте земного шара, тому подтверждение.

Алиссон задумчиво продолжал переодеваться.

— Наверное, ты прав,— изрек он наконец.— Кстати, такое совпадение весьма символично: это кошмарное существо, ярко выраженный носитель вселенского зла, с виду хотя бы, аналогов которому не нашло даже человеческое воображение, могло родиться только здесь, на ядерном полигоне, призванном совершенствовать орудия уничтожения рода человеческого, и только в нашу эпоху, эпоху зла и насилия.— Алиссон зябко потер руку об руку...

— Калиюга,— пробормотал Кемпер.

— Что?

— Калиюга, по-древнеиндийски — эпоха греха и порока, началась три тысячи лет до нашей эры. Но я с тобой не согласен.

— В чем?

— Суперзавр, конечно, страшен, слов нет.— Вирджин передернул плечами, коротко рассмеялся.— Даже когда о нем вспоминаешь — и то мороз по коже! Но я не назвал бы его носителем вселенского зла, это чисто психологическая оценка, сформированная нашим человеческим страхом. Может быть, с его точки зрения именно мы, люди, являемся носителями зла. Это с какой стороны посмотреть.

Алиссон вскрыл жестянку с кока-колой, предложил летчику, достал бутерброд в целлофане.

— Где они сейчас?

— Ползут по направлению к Уилер-Пик, из-за чего спецы Пентагона стоят на ушах.

— Почему? Боятся, что панспермиты не вернутся в «резервацию»?

— И это тоже, но больше из-за того, что в сорока девяти милях от Уилер-Пик готовится очередное ядерное испытание по программе «Черный огонь»: в шахте на глубине в полумили упрятана дура мощностью в двести пятьдесят килотонн.

— Ты хочешь сказать...— Алиссон перестал жевать.

Кемпер кивнул.

— Соображаешь? Суперзавры учуяли радиацию заряда. Помнишь, как они сожрали контейнер с радиоактивным церием для рентгеновского интроскопа?

Алиссон присвистнул.

— В таком случае, им каюк. Твой любимый Рестелл не станет ждать, пока драконы полезут в шахту, он их уничтожит раньше.

— Не знаю.— Кемпер вздохнул, мрачнея.— Что-то мало верится. Если бы ты их видел! — Он внимательно посмотрел на осунувшееся лицо палеонтолога.— Не жалеешь, что я тебя сюда притащил? Рассчитывал подзаработать, а вместо этого...

Алиссон покачал головой, в свою очередь вглядываясь в лицо друга с запавшими глазами, обветренное, с острыми, туго обтянутыми кожей скулами.

— Тебе, я вижу, тоже достается. А я получил больше, чем рассчитывал — удивительную, хотя и жутковатую тайну, перевернувшую умы, и захватывающий душу интерес. Правда, шеф обещал мне за информацию золотые горы, так что и в этом мы не прогадали. Половина прибыли за публикации — твоя. А жаль, если Рестелл их уничтожит...

Они вышли из алюминиевого домика, одного из десятка ему подобных, в котором жили члены экспедиции. Снаружи было жарко, душно, несмотря на порывистый ветер, приносивший из пустыни запахи раскаленного камня, гудрона, сгоревшего пороха и пыли.

Где-то в пятидесяти милях отсюда пробивали свою дорогу в скалах неземные, ужасные, ни на что не похожие существа, случайно рожденные злой волей человека и совсем не случайно приговоренные этой же волей к уничтожению...

* * *

Суперзавры достигли Уилер-Пик спустя двое суток.

С холодным и жутким спокойствием они расстреляли танковый взвод, вызванный Рестеллом и переброшенный по воздуху для охраны подготовленной к взрыву шахты, прошли минное поле и огненную напалмовую полосу, спустились в долину с палаточным городком, откуда были спешно эвакуированы инженеры и рабочие-строители, и Рестелл вынужден был приказать бригаде охраны полигона обстрелять район дивизионом ракетных установок залпового огня.

Когда стена земли, раздробленного в щебень камня, пыли и дыма осела, взорам наблюдателей-вертолетчиков, среди которых был и Кемпер, предстали живые и невредимые с виду панспермиты, деловито расковыривавшие устье шахты. Взрывы ракет, начиненных обычным ВВ, были для них не страшнее, чем комариные укусы для человека.

Генерал Рестелл недаром заслужил репутацию жесткого и решительного человека, способного на все ради достижения цели, но и он не отважился отдать приказ нанести по месту предполагаемого испытания бомбовый удар. Пока он созванивался с Вашингтоном, пока министр обороны совещался с начальниками штабов и президентом, суперзавры добрались к нижнему залу на дне шахты, где был установлен контейнер с ядерным зарядом.

В центр управления полигоном срочно прибыли представитель Пентагона адмирал Киллер и сенатор Джайлс, председатель сенатской комиссии по делам вооружений. Они успели насмотреться на

деятельность суперзавров сверху, прежде чем те скрылись под землей, и оценили их мощь, упорство, неземное величие и потрясающее уродство; хотя, если разобраться, вопрос красоты и уродства весьма спорен, а для животного мира термин «красота» и вовсе означает целесообразность формы тела, гармонию функциональной деятельности, доведенную эволюцией до совершенства. После этого потрясенные адмирал и сенатор принялись звонить каждый в свои колокола, в том числе и президенту, всколыхнув застоявшееся болото самоуспокоенности и уверенности в национальном превосходстве над любым противником.

На полигон прилетела целая бригада высокопоставленных официальных лиц под предводительством заместителя министра обороны по научным исследованиям и разработкам. Она застала суперзавров уже в пути: панспермиты проникли в зал с ядерным устройством — никто не рискнул его взорвать — и похитили урановый зародыш и контейнер-бланкет со смесью дейтерия и трития. Что произошло под землей на глубине полмили, никто, конечно, не видел, но когда после ухода ящеров в развороченную шахту спустились каскадеры-ядерщики, они обнаружили изуродованные остатки оборудования и пустую скорлупу камеры, где находился заряд. И ноль радиоактивности.

Суперзавров пытались задержать на выходе из шахты: устроили ракетно-пушечный ад, применили даже боевые лазеры, но все было напрасно — бронированные колоссы прошли огневую завесу без видимых усилий и остановок. Похоже, страха они не знали, как и боли.

Спустя сутки беспрерывных совещаний и полетов над неутомимо ползущими через пустыню, еще более подросшими сверхдраконами над Невадой появился бомбардировщик B-1B и сбросил на них вакуумную бомбу класса «Зеро» *. Взрыв превратил уголок дикой горной местности со множеством острозубых скал, пещер и ям, стенок и барьеров в идеально ровный круг диаметром около километра, в пыль раскрошив все, что возвышалось над землей больше чем на сантиметр. И все же панспермиты уцелели.

Сначала наблюдатели подумали, что звери убиты: они распластались на голой скальной площадке и не двигались, вцепившись всеми шестью лапами в камень. В лагере, следовавшем за пришельцами в пределах радарной видимости, среди военспецов вспыхнуло ликование, длившееся ровно полчаса. Суперзавры опомнились, зашевелились, пришли в себя, забавно ощупывая друг друга хвостами. Несколько часов они сидели на месте, занимаясь какими-то таинственными приготовлениями, может быть, залечивали раны, а потом вдруг один за другим сбили три вертолета с наблюдателями, круживших на двухкилометровой высоте. Летчики погибли. По счастью,

---

* Класс обычных вооружений, сравнимых по мощности с ядерными.

Кемпер в этот день в воздух не поднимался, была не его смена. С этого момента сверхдраконы не подпускали к себе никого ближе чем на семь-восемь километров и увеличили скорость бега. Когда эксперты установили направление их движения, в лагере затлела тихая паника: чудовищные твари через три-четыре дня должны были достичь каньона возле Коннорс-Пик, где шла подготовка к еще одному подземному испытанию в рамках «Черного огня». Как мрачно пошутил адмирал Киллер: пришельцы явно были «агентами Кремля», которые решили сорвать программу СОИ любыми средствами.

Шутка адмирала вызвала неожиданный резонанс в мире, выйдя за пределы штата Невада. У журналистов многих стран она породила ироническую улыбку, а корреспондентов радио и телекомпаний самих США обуял гомерический хохот. На страницах газет и журналов появились десятки фельетонов, насыщенных убийственным ковбойским юмором, статей и рассказов «очевидцев». Обыватель тоже хохотал над хлесткими фразами типа: «Еще никто в мире не воевал с динозаврами, но Америка и в этом опередила мир, подтвердив свое историческое предназначение», пересказывал анекдоты и слухи и веселился в абсолютном неведении относительно реальных обстоятельств дела. К сожалению, и в политических кругах не нашлось деятеля, который трезво оценил был обстановку и сделал надлежащие выводы. В Пентагоне, да и среди администрации страны, все еще бытовало мнение, что военные вполне контролируют положение и вся эта шумиха вокруг двух оживших реликтов эпохи мезозоя не стоит выеденного яйца.

* * *

Суперзавры прошли последний ракетный заслон перед шахтой в ущелье у Коннорс-Пик и через день уничтожили ядерный заряд, предназначенный для испытания рентгеновского лазера с ядерной накачкой. К этому времени их рост достиг сорока трех, а длина от носа до кончика хвоста превысила двести десять метров. Они были гораздо больше не только самых крупных живых существ на Земле, но и превосходили все созданные человеком передвигающиеся по суше механизмы. Невада была открыта и беззащитна перед ними, а «медные лбы» в Пентагоне все еще искали оружие, способное их уничтожить, испытывая на панспермитах весь имеющийся в наличии арсенал, в том числе и экспериментальный химический и биологический.

Прозрение не наступило даже тогда, когда ни лазерные пушки, ни электромагнитные снаряды с высокой скоростью полета — до двадцати километров в секунду, ни ядохимикаты и самые страшные из животных и растительных ядов не оказали на чужих зверей ника-

кого воздействия. Суперзавры раздавили еще две шахты с подготовленными к взрыву устройствами, и полигон опустел. Рестелл, не дожидаясь команды сверху, отдал приказ эвакуировать оставшиеся установки. Но на границе штатов Невада и Юта располагался секретный завод по переработке урановой руды, и суперзавры повернули туда.

Америка перестала хохотать и затаила дыхание. Рестелл получил официальное разрешение президента применить для уничтожения чудовищ атомную бомбу.

И лишь один человек из всех, причастных к этому делу, догадался, к чему может привести ядерный взрыв. Этим человеком был Норман Алиссон.

Он нашел Кемпера возле одного из вертолетов в компании летчиков, обменивающихся впечатлениями от последних рейдов на северо-восток Невады. Это был передовой отряд наблюдателей, следовавший за суперзаврами по пятам на минимально возможном расстоянии. В компании царил дух бравады, непритязательного юмора и снисходительного терпения: каждый ждал своей очереди рассказчика, отвечая смехом на неуклюжие остроты других. Алиссон послушал минуту и выдернул Вирджина из толпы.

— Вир, привет, надо помешать ядерной атаке на суперзавров.

В глазах Кемпера погасли искорки смеха. Он повертел пальцем у виска.

— Ты что, привет, совсем свихнулся там, у родного скелета? Кстати, как ты сюда попал?

— С почтой,— отмахнулся Алиссон, не обижаясь на «свихнулся».— Если не остановить бомбардировку, произойдет... вернее, может произойти нечто страшное!

Кемпер внимательно оглядел лицо друга, покачал головой.

— Это невозможно.

— Но это надо сделать, пока еще есть время не допустить чудовищной ошибки.

Кемпер машинально отметил время и решительно махнул на штабель ящиков:

— Садись и рассказывай.

— Все довольно просто. Ты еще помнишь, какими родились панспермиты?

— Конечно, футов по двадцать...

— Дело не в размерах, они двигались не так, как сейчас, гораздо медленнее и плавнее. А когда сожрали начинку рентгеновского интроскопа — радиоактивный церий, сразу стали активнее, повеселели, помнишь?

Кемпер неуверенно почесал затылок.

— Да вроде бы...

— Это факт. Каждый раз, как они находили очаги радиации,

в «нулевых точках» или в шахтах, подготовленных к испытаниям, скорость их жизни увеличивалась, я проверил. То есть они вне зон с повышенной радиацией «мерзнут», остывают. Понимаешь? И чем больше мощность излучения, тем выше темпы их роста, активность, скорость процессов обмена, реакция, сила. В сочетании с практической неуязвимостью... представь, что будет, когда взорвется бомба: они наконец-то насытятся энергией и... черт знает, куда отправятся потом и за что примутся!

Летчик хмыкнул, искоса поглядывая на сдерживающего волнение Алиссона, начертил носком ботинка женский профиль и стер.

— Логично. Хотя я и не верю, что суперзавры выдержат ядерный взрыв. А велика ж потенция у природы! — воскликнул он вдруг с восхищением.— Моей фантазии никогда бы не хватило нарисовать таких монстров! Живые атомные поглотители! Их надо оставить в живых хотя бы для того, чтобы они очищали землю от радиации. Экономический эффект будет колоссальный! Неужели в космосе могут обитать еще более жуткие формы жизни?

— По-моему, одни мы с тобой и способны удивляться,— хмуро проговорил Алиссон.— Даже в среде ученых любопытных романтиков — один-два на сотню, все больше прагматики, меркантильные дельцы да расчетливые препараторы. Не отвлекайся, думай, что делать дальше.

Кемпер снова почесал в затылке и превратился в деловитого и рассудительного человека.

— Нужен деятель масштаба государства, который может убедить шишек из Пентагона отменить атаку. Рестелл не годится, он зажат рамками устава, и кругозор его узок, к тому же он не станет нас слушать. Адмирал Киллер? Не знаю, мне он не понравился: эдакая высокомерная жердь с благородной сединой, да и фамилия у него чертовски убедительная... Может быть, Джайлс?

— Кто это?

— Сенатор, председатель комиссии по делам вооружений. Похож на борца-профессионала, но не дурак, судя по отзывам. Попробуем к нему.

Кемпер вскочил и, не оглядываясь, пошел к фургону с радиостанцией. Алиссон, давно привыкший к манере Вирджина ставить задачу и тут же ее решать, поспешил следом.

Летчик задержался в фургоне на две минуты.

— Порядок, я выяснил: Джайлс и вся его свита находятся сейчас у Коннорс-Пик, изучают следы наших милых динозавров. Жаль, что заместитель министра обороны уже укатил, а то можно было обратиться к нему.

Не давая Алиссону опомниться, Кемпер энергично зашагал к вертолету, крикнув на ходу в толпу развлекающихся пилотов:

— Боб, я по вызову Рестелла, буду через час-полтора, предупреди майора, когда вернется.

Через несколько минут они были в воздухе. Мощный двухвинтовой «Ирокез» понес их над угрюмым морщинистым телом пустыни на юго-запад, к горному кряжу Коннорс-Пик. Через весь каменный щит, то пропадая в нагромождениях скал, то появляясь на ровной поверхности, тянулись рядом четыре характерные борозды — следы проползших здесь драконов.

Все сорок минут полета они молчали. Только сажая вертолет возле шеренги таких же машин, с одной стороны, и стада бронетранспортеров — с другой, Кемпер спросил:

— Ты уверен в своих расчетах?

Алиссон выдержал его взгляд.

— Это не расчеты, это логика и прогноз. Но я уверен, что не ошибся в выкладках.

Но пробиться на прием к Джайлсу оказалось не просто.

Было время ленча, официальные представители власти собрались в легком алюминиевом домике с кондиционированием и душем, который монтировался за час и охранялся почти как здание Пентагона. Дальше колонны многоствольных реактивных установок Кемпера не пустили. Обманчиво ленивый десантник в черном преградил ему путь.

— Куда спешите, парни?

— У нас дело к сенатору.

— А почему не к президенту? Сенатор вас ждет? Кстати, какой именно? У нас тут их целый взвод.

— Джайлс.

— Вот теперь ясно, вы его родственники.

— Не родственники,— начал терять терпение Кемпер,— но дело к нему весьма спешное и важное. Могу я пройти? Оружия не ношу, можете обыскать.

— Не спеши, торопыга, я что ли, по-твоему, ношу оружие? — Охранник развлекался, ему было скучно.— Эй, а ты куда, приятель? — окликнул он Алиссона, который приблизился к одной из бронированных машин и взглянул из-за нее на недалекие холмы песка и груды камней, скрывающие за собой развороченный суперзаврами вход в шахту.

— Не напрягайся так, широкозадый,— сказал Алиссон, не оборачиваясь,— штаны лопнут.

Капрал в черной форме сухопутных сил быстрого развертывания свистнул два раза, из стоящего неподалеку фургона выпрыгнули двое десантников и двинулись к ним, поправляя автоматы «узи», казавшиеся в их руках игрушечными.

— Беги к домику,— крикнул Кемпер,— я их задержу, эти болваны не посмеют стрелять.

Алиссон рванул по прямой, десантники, замешкавшись на мгновение, тяжелой рысью бросились за ним, но Кемпер, выхватив у капрала автомат и смазав им его же по скуле, дал очередь в небо.

— Ложись, перестреляю, как собак!

Десантники с ходу послушно грохнулись на животы.

Алиссон добежал до алюминиевого бунгало и что-то стал торопливо объяснять выглянувшему на шум офицеру в форме военно-воздушных сил. С двух сторон к посту бежали охранники, готовясь к бою. Взвыла сирена.

Лицо капрала налилось кровью, глаза сделались бешеными. Он открыл рот, но сказать ничего не успел, офицер в голубом крикнул ему от домика:

— Все в порядке, капрал, пропустите их.

— Держи,— сказал, усмехнувшись, Кемпер и сунул автомат державшемуся за щеку охраннику.— Извини, если перестарался. Но тому парню есть что сказать сенатору.

Охранник сплюнул, помассировал кисть руки и неохотно отступил в сторону.

— Ты еще не раз вспомнишь нашу встречу, сукин сын! Это тебе говорю я, Бенджамин Фримен. Запомнишь?

Кемпер пожал плечами и обошел капрала, как столб.

Сначала Алиссона выслушал дежурный офицер охраны, который без размышлений вызвал флаг-секретаря генерала Рестелла. Флаг-секретарь рассуждал сам с собой минут пять, потом все же позвонил кому-то, вкратце рассказал в чем дело, переврав смысл идеи Нормана, и остался в комнате. Через минуту в помещение вошел заместитель Рестелла по техническому обеспечению, поджарый полковник с ежиком стальных волос и шрамом через весь лоб.

— Что случилось, Жорж? Я ничего не понял. Кто эти люди?

— Пилот Вирджин Кемпер, первая бригада авиаконтроля.— Кемпер щелкнул каблуками.— А это Норман Алиссон, палеонтолог.

— Помню.— Полковник постоянно щурился, казалось, его раздражает слишком яркий свет.— Вы первыми наткнулись на этих симпатичных зверюг. Чего вы хотите? Только покороче и внятнее.

Алиссон снова повторил свои доводы, стараясь быть лаконичным. К его удивлению, зампотех Рестелла соображал куда быстрее флаг-секретаря. Он потер лоб так, что шрам стал лиловым, и вышел. Оставшиеся в комнате переглянулись, но оглашать свои впечатления не стали. Полковник вернулся через несколько минут.

— Идемте. Уложитесь в две минуты?

— Попытаюсь.

Прошли короткий коридор и свернули в крайнюю дверь, распахнутую вооруженным до зубов десантником.

Нечто вроде гостиной с очень простым интерьером: голые стены из гофрированного пластика, жалюзи на окнах, девять или десять

раскладных стульев, два низких столика с напитками и шейкером с колотым льдом. На стульях генералы и сенаторы, одни из самых уважаемых или богатых людей страны. На Алиссона смотрели десять пар глаз, разных по цвету, мысли и характеру, но в данный момент с одинаковым выражением любопытства.

— Говорите,— кивнул сенатор Джайлс, старший в этой разнокалиберной по возрасту и опыту компании. Он и в самом деле был похож на борца или боксера-профессионала. Его руки были величиной с ляжку нормального человека, а веснушчатые кулаки вызывали в памяти образ копра, забивающего сваи.

Поборов волнение, Алиссон в четвертый раз пересказал свою идею. Под конец речи он заметил среди присутствующих известного физика, лауреата Лоуренсовской премии, доктора Хойла, и сбился, кое-как завершив выступление.

— И это все? — сказал в наступившей тишине адмирал Киллер, встопорщив мохнатые седые брови.— И я должен выслушивать подобные бредни? Кто их сюда впустил? Вы, Гретцки? Не могли решить на своем уровне?

— Подожди, Долф,— мягко произнес Джайлс.— Мне кажется, в словах этого молодого человека есть рациональное зерно. Ваше мнение, Хойл?

Алиссон поймал взгляд Кемпера; тот подмигнул — не робей, мол.

— Я тоже думал над этим,— признался вдруг Хойл, коротышка с помятым заурядным лицом, но умными и живыми глазами.— По правде говоря, я не верю, что панспермиты выдержат ядерный взрыв. Каковыми бы ни были их способности поглощать и аккумулировать излучение, радиацию такой плотности и в таком широком диапазоне им не переварить, «захлебнутся». С другой стороны, мы о них почти ничего не знаем, поэтому правомочна любая гипотеза. Да и жаль терять такие объекты для исследования. Сверхассенизаторы, стопроцентно утилизирующие самые страшные из отходов человеческой деятельности — радиоактивные шлаки, нужны человечеству не меньше, чем ядерное оружие. А что вы предлагаете конкретно, доктор Алиссон?

— Давайте порассуждаем,— сказал хрипло Норман, откашлялся; все ждали, пока он промокнет губы платком, даже Киллер, сидевший с презрительно-скептическим видом.— С большим процентом вероятности, будем говорить так, суперзавры привыкли жить в радиоактивной среде с очень большой интенсивностью излучения. Судя по тем данным, которыми мы раасполагаем после изучения останков их спор и скелета взрослого ящера, они чувствуют себя прекрасно даже при излучении в тысячу рентген в час. Чем меньше интенсивность, тем им «холоднее», тем медленнее идут процессы обмена и быстрее уменьшаются запасы энергии.

— Логично,— кивнул Хойл, как это сделал Кемпер полтора часа назад.— Вы предлагаете создать вокруг них зону без излучения? Как это сделать практически? Но, допустим, мы создадим такую зону, как вы заставите их находиться в ней? До того, как у них кончатся жизненные запасы?

В помещении повисло молчание, которое нарушил Киллер:

— Я же говорил — все эти фантазии не стоят скорлупы съеденного ореха! Бомбу сбрасывать необходимо, пора кончать с этими гражданскими умонастроениями. Гретцки, проводи гостей.

— Не спеши, Долф,— снова сказал сенатор Джайлс своим необычно мягким, совершенно не соответствующим его облику голосом.— Доктор Хойл, вы на самом деле считаете идею стоящей?

— Он такой же ученый, как и я, и отвечает за свои слова, только он моложе и поэтому смелей. Надо привлечь к проблеме остановки панспермитов всех крупных физиков, сообща мы решили бы ее в приемлемые сроки.

— Вы еще русских предложите привлечь,— съязвил Киллер.—Они с удовольствием рассчитают массу надгробья над вашей могилой.

— Не порите чепухи, адмирал,— спокойно отрезал Хойл.— Вы не знаете русских. Это хорошие специалисты и неплохие...

— Некогда привлекать,— хмуро перебил его Рестелл, вертя в пальцах пустой стакан.— Через семь-восемь дней эти гады доберутся до объекта «Эр-зет», и тогда вообще будет поздно что-либо предпринимать. Эвакуировать завод, его оборудование мы успеем, но перевезти десятки тысяч тонн руды — утопия!

— И все же есть выход,— тихо сказал Алиссон.

Заговорившие друг с другом члены комиссии замолчали.

— Ну говорите же,— нетерпеливо сказал Джайлс.— Мы слушаем.

— Охлаждение...— Голос сел, и Норман вынужден был повторить.— Надо попробовать охлаждение...

Хойл первым догадался, о чем идет речь.

— А ведь верно! — сказал он, раскрасневшись.— Глубокое охлаждение! — Повернулся к Джайлсу.— Давайте-ка попытаемся заморозить их, понизить температуру воздуха вокруг них хотя бы до точки замерзания азота. Думаю, недостатка средств для подобных экспериментов наши бравые воители, оплот мира и процветания, не испытывают.

Последние слова доктор произнес с иронией, отчего Алиссон проникся к нему симпатией. Хойл был одним из ученых, которые довольно резко выступали против вывода оружия в космос, против ядерных испытаний, и как он оказался в одной упряжке с ярыми приверженцами «Стратегической оборонной инициативы», было непонятно.

Рестелл и Киллер переглянулись.

— По-моему, лаборатория Винса и Льяно занимается генераторами холода,— пробормотал специальный помощник президента.— Надо срочно созвониться с ним, выяснить...

— Совсем недавно они испытали свои «коулдж-стоидж» в горах,— сказал Джайлс.— Я читал отчет. За три минуты генератор превратил в лед участок горной реки длиной в триста ярдов. Благодарю за отличную мысль, доктор Алиссон! Постараюсь не забыть об этом. Где вы сейчас обитаете?

— Или в лагере, у скелета, или...

— У меня в бригаде,— закончил Кемпер.

— Проводите их, Гретцки, и проследите, чтобы они ни в чем не нуждались.

— И за то спасибо,— вздохнул Кемпер, когда они добрались до вертолета под охраной неразговорчивого полковника.— А ты молодец, доктор Норман, чесал, как по писаному. Джайлс зря хвалить не станет, да и слово свое держит, будь спок. Ты чего смурной?

— Да жалко мне их,— с досадой сказал Алиссон.

— Кого?

— Малышей! Они-то не виноваты, что родились здесь, в Неваде. К тому же, мы сами спровоцировали их роды.

Кемпер только присвистнул, с изумлением глядя на помрачневшего палеонтолога.

* * *

Спустя сутки на полигон в район Коннорс-Пик были доставлены из Льяно серебристые контейнеры, похожие на цистерны для горючего,— экспериментальные криогенераторы мгновенного действия, детище одной из секретных лабораторий, работавших над применением любых изобретений в военных целях.

Алиссон все еще гостил у Кемпера, слетав с ним пару раз на патрулирование у границы зоны поражения — в девяти километрах от неутомимо двигающихся к намеченной цели суперзавров. Он знал, что готовится операция «двойного удара»: вместе с бомбометанием криогенераторов предполагалось сбросить и ядерную бомбу, если холод не остановит ползущих гигантов. Еще через день все было готово для начала операции.

И тут суперзавры остановились. До завода «Эр-зет», перерабатывающего руды урано-торианита, оставалось еще пятьсот с лишним километров.

Замерла в ожидании «непогрешимая» военная машина Пентагона, бездумно потрясающая мускулами, обслуживаемая компанией бравых ребят «без страха и упрека» из всех родов войск, и коллектив ученых, инженеров и технических работников, призванный объяс-

нить все тайны природы и приспособить их на службу богу войны. Гипотезы, одна невероятнее другой, кипящей пеной обрушились на головы благодарных слушателей, с помутневшими взорами и раскрытыми ртами внимавших ораторам. Одна из них была интересна, выдвинул ее молодой биолог из Пенсильванского университета: перехватив радиоразговоры, суперзавры поняли, что их хотят уничтожить, и остановились посовещаться, что делать дальше. Итак, гипотеза прямо предполагала наличие у неземных драконов разума.

— Вот увидите,— размахивал руками биолог,— они через день-другой пойдут на контакт, сдадутся в плен и примут все наши условия.

В другой гипотезе утверждалось, что драконы просто оголодали и отдыхают, в третьей — что они решили не идти к заводу из-за недостаточного запаса энергии, все-таки на двухсоткилометровый переход ее ушло немало. Были еще и четвертая, и пятая, и двадцать пятая гипотеза, и все они оказались несостоятельными.

На третий день таинственного сидения почти в полной неподвижности в глубокой вулканической воронке панцири суперзавров почернели, стали трескаться, словно хитиновая скорлупа личинок майских жуков, и из этой «скорлупы» выползли обновленные, похудевшие, в ярко-оранжевой броне панспермиты. У них теперь почти отсутствовали хвосты, а жуткие наросты на спинах превратились... в громадные перепончатые полупрозрачные крылья! Когда один из драконов, словно пробуя, расправил эти крылья — все смотревшие телепередачу в лагере ахнули, пораженные красотой вспыхнувших бликов и радуг.

— Я почему-то ждал подобной трансформации,— признался Кемпер Норману; они смотрели телевизор у себя в палатке.— Вспомнил рассказ одного из наших ведущих фэнов про куколку. Правда, от того, что у них выросли крылья, драконы не стали намного красивее и привлекательнее...

— Зрелище притягивающее и одновременно отталкивающее,— согласился Алиссон.— Но меня больше пугает то, что они способны приспосабливаться к чужим условиям. Прогрессируют, исчадия ада, причем такими темпами, что и не снились нашим земным организмам. Что-то будет дальше?

— Как ты думаешь, они взлетят?

— Вряд ли, уж больно велика их масса, никакие крылья не потянут, да и энергии для полета нужна уйма. Я думаю, это не крылья.

— А что?

— Ну-у... фотоэлементные батареи, например, для подзарядки внутренних аккумуляторов от солнечного излучения. Или зонтики для защиты от ядерного взрыва.

— Шутишь.

— Нисколько. Они приспосабливаются, а механизмами приспо-

собления ведают инстинкты, которые ничего не делают впустую. Крылья для таких махин в нашей жиденькой атмосфере были бы явной ошибкой эволюции, создавшей суперзавров.

Алиссон оказался прав.

Когда панспермиты раскрыли «крылья» и просидели без движения еще двое суток под солнцем, ученые сошлись во мнении, что «крылья» — поглотители солнечной радиации. Но главная сенсация открылась позже, когда суперзавры, утолив энергетический голод, снова двинулись в горы по направлению к «Эр-зет». Слетевшиеся к останкам их скорлуп, как воронья стая, армейские эксперты и ученые обнаружили под скорлупой... два пятиметровых, свеженьких, излучающих радиацию, как обнаженный атомный реактор, похожих на граненые кристаллы мориона — черного хрусталя — яйца!

Вот тут-то впервые Алиссон и почувствовал страх, сначала необъяснимый, темный, словно внушенный кем-то, а потом нашлось основание: суперзавры несли реальную угрозу всему живому на Земле, потому что размножались, откладывая яйца. Дай им подходящие условия для начального этапа роста при их неуязвимости — и через несколько десятков лет от рода хомо сапиенс не останется ничего, кроме следов его деятельности, да и то ненадолго. Попытается ли природа после этого воспитать на Земле новый разум? Хотя бы в этих чудовищах — полуящерах, полунасекомых, полуптицах?

* * *

В понедельник утром второго сентября на полигон прибыл президент. Понаблюдав на экране телемонитора за ползущими, все сокрушающими на своем пути панспермитами и рассмотрев в бинокль их странные, похожие на сростки кристаллов яйца, он скомандовал начать бомбардировку.

С аэродрома базы ВВС «Найтхилл» стартовал сверхзвуковой бомбардировщик B-111 и, достигнув цели за полчаса, с высоты в десять километров сбросил три серебристых контейнера размером с железнодорожную цистерну. Спустя положенное число секунд контейнеры распустили бутоны парашютов и опустились в точном соответствии с расчетом бортовых компьютеров бомбометания — вокруг крушащих скалы гигантов. В ту же секунду сработали замки криогенераторов, и от всех цистерн взметнулись ввысь султаны искрящегося белого тумана.

Туман в несколько секунд расползся по площади круга с центром под замершими суперзаврами, утопил их по брюхо, стал подниматься вверх, как пена в кастрюле с закипевшим молоком и, наконец, накрыл с головой. С высоты беспилотного вертолета с телекамерами было теперь видно только громадное пухлое облако в месте

падения криогенераторов, продолжавшее медленно увеличиваться в размерах.

Над пустыней внезапно пронесся шквал, подняв в воздух тонны пыли и песка: переохлажденная масса воздуха породила барометрическую волну из-за резкого падения давления. Над облаком стала конденсироваться влага, и вскоре весь район, обезображенный как естественными вулканическими взрывами миллионы лет назад, так и искусственными, скрылся под пеленой тумана. Впервые в пустыне прогремел гром не взрыва, а самой обыкновенной молнии.

Алиссон вместе с остальными оставшимися не у дел специалистами следил за происходящим по экрану армейской телесистемы. У него от волнения мерзли ноги и все время тянуло сказать «умную» фразу, но он сдерживался. Кемпер улетел на задание, а с другими летчиками и «зубрами» науки разговаривать не хотелось.

Туман рассеялся только через три часа с четвертью, открыв жадным взорам людей изменившийся до неузнаваемости ландшафт: в радиусе километра поверхность плоскогорья была покрыта сверкающей коркой льда, превратившей застывших без движения суперзавров в ледяные изваяния.

В толпе, окружившей телемонитор, послышались крики ликования и одобрительный гул. Техника не подкачала, исполнители не подвели, оказались на высоте расчеты, да здравствует головастый парень, придумавший охлаждение! Знай наших, боже, храни Америку!

Один лишь Алиссон, тот самый «головастый» парень, не радовался вместе со всеми, ему было жаль несчастных драконов, абсолютно чужих всему земному, страшных, сильных, не знавших пределов своей мощи, но столкнувшихся на свою беду с жестокостью повелителя Земли, который тоже не знал пределов, и прежде всего — пределов своей злобы, цинизма и ненависти к любому, кто не подчинился его воле,— будь то природа или себе подобное существо. Впрочем, поправил себя ради иронической объективности Алиссон, такое возможно не только в свободной и великой стране, но и в любой другой, способной защитить свои интересы всеми доступными средствами.

— А ты чего не радуешься, приятель? — хлопнул Нормана по плечу заросший детина в куртке на молниях.— Здорово мы их приморозили! А выйдем в космос — всех гадов передавим!

«Дурак — зародыш конца мира»,— подумал Алиссон словами Тэффи, но вслух сказал другое:

— Бедный Йорик!..

Давно не бривший не читал Шекспира и не знал, кто такой Йорик, но на всякий случай назвался:— Джоб. Выпьем за удачу?

— А пошел ты!..— ответил Алиссон, поворачиваясь к нему спиной и пряча кулаки в карманы.

* * *

Лед на панспермитах растаял к утру, но они не шевелились, став из ярко-оранжевых тускло-желтыми. Теперь они были похожи на скульптурные творения модернистов, изваянные из чистого золота. Но даже такие — неподвижные, молчаливые, мертвые, они внушали ужас, отвращение и одновременно благоговейный трепет своей несхожестью с земными формами жизни, мощью и неземным, поистине космическим уродством. При долгом созерцании чудовищ человека вдруг поражала мысль о невероятной, чуть ли не противоестественной приспособляемости жизни к любым природным условиям, готовности выжить любой ценой: отказа от разума — и тогда возникали колоссы вроде динозавров на Земле и суперзавров в Космосе, либо ценой приобретения разума — и тогда появлялись существа вроде людей, сильные только волей к победе и умением переделывать условия существования...

Примерно такие мысли бродили в голове Алиссона, когда его вместе с другими «яйцеголовыми» доставил к застывшим тушам на вертолете Кемпер.

Это была третья группа специалистов, десантированная в район замороженных панспермитов после того, как военные обстреляли драконов ракетами и ничего не произошло.

От застывших колоссов, да и от земли, от каменных складок несло могильным холодом, с близких холмов дул пронизывающий ветер. Поправляя прозрачные шлемы, пояса и рукавицы антирадиационных комбинезонов, ученые и эксперты разошлись вдоль погрузших в каменной осыпи тел, каждый со своими инструментами и приборами. Им разрешалось работать возле суперзавров не более сорока-пятидесяти минут, потому что тела ящеров излучали на уровне двухсот двадцати рентген в час.

Вообще-то Алиссону делать здесь было нечего, но он хотел в последний раз полюбоваться на монстров вблизи и упросил организатора экспедиции взять его с собой. Теперь он пожалел, что не остался в теплой палатке: выдержать пытку холодом даже в скафандре с подогревом больше десяти минут не было никакой возможности.

Кемпер понял друга раньше, чем тот пожаловался не превратности судьбы и непогоду. Он отвел Нормана в кабину, дал ему поддеть под балахон свой вязаный свитер и второй шлем с наушниками, и Алиссон повеселел.

— Знаешь что, давай попробуем взобраться? — внезапно загорелся он, кивая на гору суперзавра.— Заодно и погреемся. Как идея?

Кемпер поглядел на него, как на сумасшедшего, подумал, почесал затылок шлема и... согласился.

— Только возьмем фотоаппарат, запечатлеем друг друга на па-

мять, такого трофея не было ни у одного охотника. Хотя мне их тоже немного жаль, как-никак мы их крестники.

Они вооружились кошками, ледорубами, связками бечевы, карабинами для зажима веревок и выступили в поход. «Покорение трупов» решили начать с одной из лап средней пары, где было больше шансов зацепиться за неровности рельефа.

Суперзавры, очевидно, при внезапном похолодании пытались сжаться, сохранить тепло, закрыться перепончатыми «крыльями» и так и застыли, прижимаясь брюхами к земле, втянув хвосты, стискивая передними лапами шеи и уронив головы. И все равно высота их «холки» — кружевного воротника на шее, ставшей высшей точкой, достигла не менее шестидесяти метров — высоты двадцатиэтажного дома!

Вблизи броня сверхдраконов оказалась пластинчатой, состоящей из выпуклых граненых ромбов, полупрозрачных, словно шлифованные драгоценные камни. В глубине каждой пластинки горел тусклый желтый огонек. Кемпер постучал ледорубом по броне, вызвав тонкий, поющий, стеклянно-металлический звук.

— Сезам, откройся! — пробормотал Алиссон, невольно съеживаясь, ожидая, что гигант шевельнется в ответ и оставит от них мокрое место. Но все осталось по-прежнему, в наушниках рации гнусавил голос руководителя группы, дающего указания подчиненным.

— Ходят слухи,— обронил Кемпер, с некоторым сомнением глядя вверх, на крутую гору трупа суперзавра,— что наш знакомый доктор Хойл обратился к русским с предложением поломать головы над проблемой остановки суперзавров и какой-то русский физик будто бы предложил нашим воякам хорошую идею.

— Не слышал. Что за идея?

— Чтобы удержать драконов в «загоне», нужно скармливать им понемногу в центре Невады радиоактивные шлаки, отходы топлива ядерных реактивов. Неплохая идея?

— Неплохая, но подана слишком поздно.

— В том-то и дело, что физик предложил ее еще до бомбардировки драконов криогенераторами. Ну что, поехали? — Под верещание счетчика Гейгера Кемпер первым полез на согнутый крючкообразный палец лапы, судорожно вцепившийся в скалу.

Никто не обратил внимания на действия «альпинистов», каждый торопился сделать свою работу, зная, что второй раз попасть сюда будет очень непросто.

Подъем был не слишком трудным, однако «скалолазы» очень скоро поняли, что грани выпуклых чешуек брони не только твердые, но и чрезвычайно острые: сначала Алиссон, неловко повернувшись, начисто срезал полкаблука сапога на левой ноге, потом Кемпер порвал ткань комбинезона на колене, и наконец порвалась веревка, неудачно скользнувшая по острой шпоре на сгибе «локтя» суперзавра.

Пришлось сбавить темп подъема, и Алиссон подумал, что у них не останется времени на спуск, когда будет дана команда рассаживаться по вертолетам. Кемпер подумал о том же, но отступать было не в его правилах.

Они взобрались уже на первый горб суперзавра, от которого начинались гребенчатые наросты, переходящие в «крылья», когда Алиссон вдруг обратил внимание на мерные звуки, даже не звуки — сотрясения, ощутимые руками и ногами, исходившие из тела ящера. Палеонтолог остановился и прислушался: глухой, едва слышимый удар, короткое сотрясение брони, тишина пять секунд, и снова — удар, сотрясение...

— Господи!..— пробормотал он.

— Что? — оглянулся Кемпер, шедший на четыре метра выше.— Поднимайся, чего остановился. Не успеем добраться до головы.

— Погоди... прижмись к шкуре и послушай.

Летчик приник грудью к уродливому выступу, замер, потом спросил, не меняя позы:

— Что это?

Алиссон сел, ноги не держали его, и сказал глухо:

— Вероятно, это его сердце, Вир. Он жив, черт возьми! Надо немедленно уходить... дать сигнал... он может очнуться в любую минуту.

— Не паникуй.— Кемпер и в этой ситуации не потерял присутствия духа. Нащупав пряжку ларингофона на шее, позвал:

— Берринджер, майор Берринджер, где вы?

— В чем дело? — послышался в наушниках бас командира вертолетов.— Кто меня зовет?

— Пилот Кемпер. Сэр, немедленно дайте сигнал тревоги и заберите людей!

— Что за шутки, Вирджин? У тебя живот заболел? Или соскучился по Рестеллу?

— Сэр, шутками здесь не пахнет. У него бьется сердце!

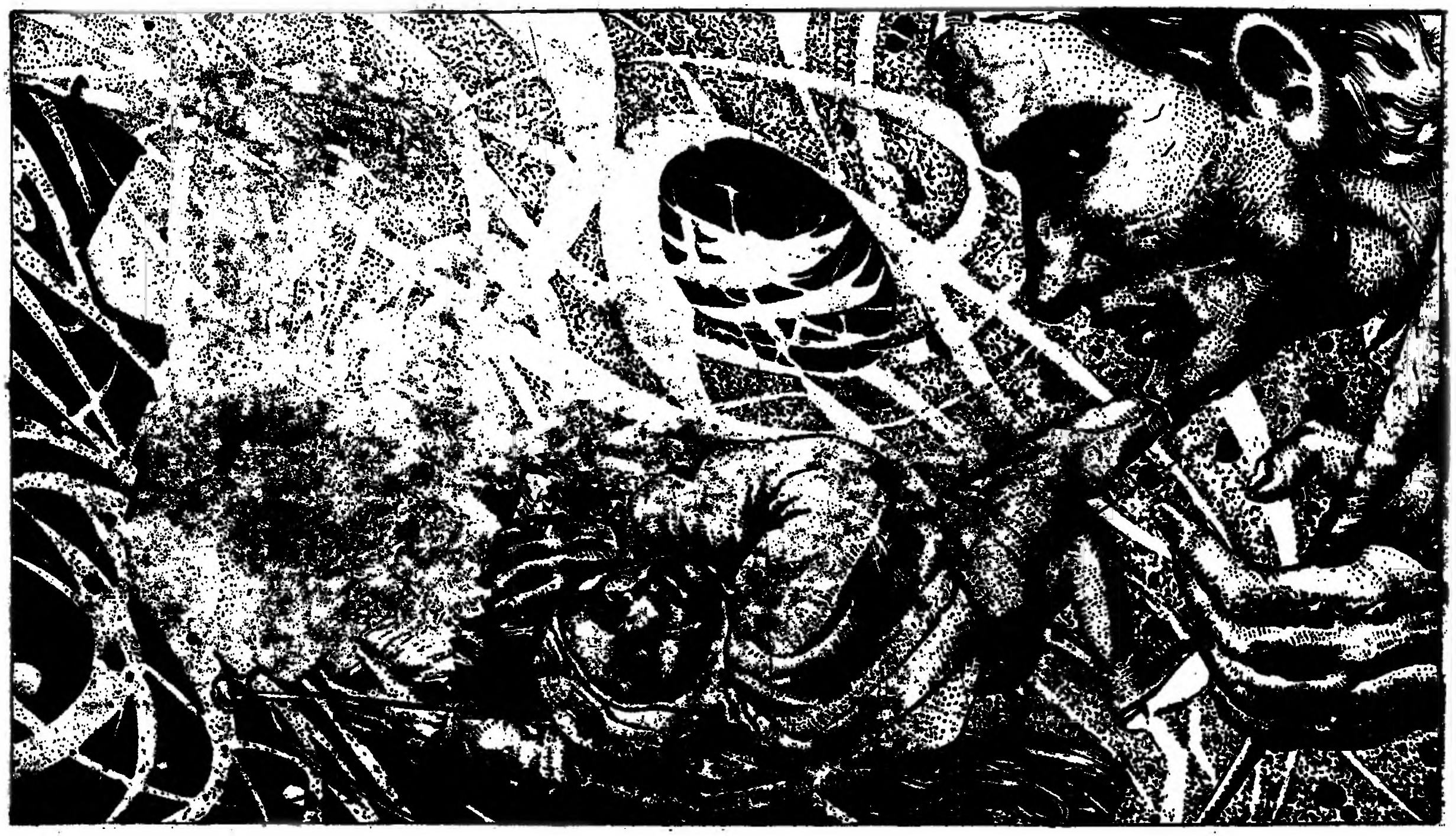
— У Рестелла?

— Идиот! — вырвалось у Алиссона.— Майор, оставьте свой солдафонский юмор, у суперзавра бьется сердце, понимаете? Он жив! Включайте тревогу и эвакуируйте людей, пока...

По телу ящера пробежала судорога, едва не сбросив «восходителей» с тридцатиметровой высоты. В эфире наступила полная тишина, сменившаяся через мгновение хором криков. А еще спустя мгновение леденящий душу вопль сирены перекрыл все остальные звуки.

— Держись! — крикнул Кемпер, цепляясь за веревку.

Толчок поколебал корпус суперзавра — это выпрямилась правая нога, еще толчок — пошла левая. Два толчка подряд, затем серия металлических ударов следом, визг раздираемого камня, и над вце-



пившимися в наросты на шкуре панспермита людьми вознеслась его кошмарная голова!

Где-то далеко взревели двигатели вертолетов, прозвучали автоматные очереди: у кого-то из солдат охраны не выдержали нервы.

— Делай, как я! — Кемпер быстро сделал несколько снимков и заскользил по веревке вниз, до уступа бедра суперзавра. Затем оттолкнулся от него и скрылся за уступом. Алиссон без колебаний последовал за летчиком.

Ценой десятка ушибов, сорванных шлемов, порезов и ссадин им удалось спуститься на землю, но убежать не успели: панспермит — это был Стрелок — повернул голову в их сторону.

Две минуты — Алиссону показалось, что прошла целая вечность, смотрели друга на друга люди и чудовищный пришелец; боковые глаза-радары суперзавра были закрыты, а центральный отсвечивал прозрачной влагой, словно ящер плакал, но в его взгляде не было ни злобы, ни угрозы, ни ненависти, только недоумение и боль. А может, это показалось Алиссону. Волна судороги пробежала по телу дракона, подняв металлический перезвон.

Суматоха у вертолетов улеглась, крики стихли, два из них поднялись в воздух, за ним последний, ведомый напарником Кемпера: летчик действовал по приказу майора, спасавшего двадцать человек и пожертвовавшего двумя — Алиссоном и самим Кемпером. Суперзавр перевел взгляд на вертолеты, но не сделал ни одного выстрела из своей носовой «гамма-пушки», потом снова повернулся к оставшимся землянам, дернул «крылом» и... отвернулся! Рядом начал просыпаться Тихоня.

— Пошли, Норман,— сказал скрежещущим голосом Кемпер.— Кажется, он нас отпустил.

— Зачем? — очень спокойно осведомился Алиссон.— Мы никуда не успеем уйти.

— Почему? Если тихонько отойти к ущелью, а потом рвануть...

— Я не о том, драконы нас, может, и не тронут, они более великодушны, чем Рестелл и компания.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что операция «двойной удар» вступила в завершающую стадию.

— А-а...— сказал, помолчав, Кемпер.— Я и забыл. Но, может быть, Джайлс и... кто там с ним... Киллер не станут бросать атомную бомбу? Возьмут и примут предложение русского, а? Подождем?

— Что нам остается?

Обменявшись полуулыбками, они отошли, не таясь, на километр, сели на камни и стали наблюдать за действиями суперзавров, не знавших за собой никакой другой вины, кроме факта рождения в «неположенном месте» в самую жестокую из эпох, которую сами же люди назвали калиюга...

ОТЛИЧНОЕ
КАЧЕСТВО

ЧАСТЬ 1

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ СТРАЖ

1

Что-то заставило его насторожиться, сон исчез.

Неверов открыл глаза, полежал, глядя в голубое струение потолка, и покосился на постоянно включенную видеоцепь. В одном из окон дальновидения ближайший к Зоне страж топтался на своем странном насесте, озираясь по сторонам блюдцеобразными белыми глазами. Ветер донес далекий полуклекот-полувой, и страж заволновался, захлопал крыльями, тяжелыми и уродливыми на вид, заорал. Судя по крику, горло он имел, по крайней мере, железное.

Дежуривший у пульта связи Диего Вирт оглянулся и уменьшил громкость внешнего звукоприема.

— Опять передача?— вздохнул Неверов, вставая.— Поспать не дадут...

В спокойных светлых глазах Диего мелькнула улыбка.

— Пора бы привыкнуть, ворчун. Мне они тоже покоя не дают в твое дежурство, однако я не ворчу.

— Тебе хорошо, ты вон какой здоровый!.. А я слабый и хилый... И вообще человек без чувства юмора выносливей.

— Спасибо.

— На здоровье.

По пульту беззвучно метнулись желтые огни, складываясь в знакомую комбинацию, и тотчас же отозвался динамик дешифратора:

— Внимание, вызов! Сто один дробь три, пятое февраля, семнадцать часов сорок минут относительного, аппаратура готова.

Диего ответил стандартным «Вызов принят» и приготовился к приему информации.

Прошлепав босыми ногами до бокового крыла пульта, Неверов включил блок дубль-связи с Базой и поприветствовал проявившуюся в виоме сонную физиономию дежурного с базы. Это был Гунн.

— Привет, Эдвин. Спишь? Не проспи смену.

— Что у вас там? — не принял шутливого тона Гунн, который обладал редким даром не реагировать на шутки в свой адрес.— Опять запрос на энергоснабжение вне графика?

— Мы же не виноваты, что автоматы защиты Зоны срабатывают

так часто. Включай запись. Поступил словосигнал, очередная передача.

Особый плоский экран над пультом связи, окруженный тройным кольцом датчиков выбора программ, загорелся серым дрожащим светом, смутные тени в его глубине зашевелились, поплыли наискосок, то убыстряя ход, то замирая, и стало ясно, что на этот раз ничего путного он не покажет. До сих пор специалисты земных институтов не могли разобраться в логике видеопередач коренных обитателей планеты — энифиан. Передачи не поддавались расшифровке, и ведущие математики Базы считали, что в данном случае необходим принципиально иной подход к проблеме видеосвязи с энифианами. Парадокс состоял в том, что энифиане и люди уже понемногу общались через обычную радиосвязь, то есть расшифровали язык друг друга, но видеопередачи — наиболее наглядный и простой способ коммуникации — принимать не могли. А может быть, этого не хотели сами хозяева планеты, неведомые энифиане, до сих пор остававшиеся анонимами...

— Да-а, парадокс,— сказал вслух Неверов, глядя на экран, подумал и добавил: — Парадокс — это когда у человека голова пустая, но тяжелая.

— Ты мне? — осведомился Гунн, помаргивая пушистыми ресницами, предметом зависти красивейшей половины Базы.

— Они сегодня не в духе,— заметил вскользь Диего Вирт.— Они не выспавшись.

— Заметно,— сказал Гунн, которого никогда не покидало ровное флегматическое настроение.

Экран все еще показывал серебристую пустоту с плывущими нечеткими силуэтами, волны мутной желтизны пошли по нему, как круги по воде,— ничего осмысленного, а дешифратор вдруг выдал длинную фразу перевода.

Энифиане интересовались сравнительными характеристиками нервных систем человека и высших животных Земли.

Массивный бритоголовый Вирт с брезгливой гримасой отщелкнул индекс запроса на Базу, встрепенувшийся Гунн покачал головой и показал пятерню — ответа надо было ждать пять минут.

— Вот так,— сказал Диего, оттопырив губу, взглянул на стоящего босиком Неверова.

Диего Вирт представлял собой натуру сдержанную, решительную, наделенную недюжинной силой воли и выдержкой. Вместе с тем был он склонен к иронии, что не раз помогало ему в трудных ситуациях.

Лен Неверов был, наоборот, разговорчив, общителен, любил пошутить, но болезненно воспринимал шутки в свой адрес, хотя обиды при этом старался не выказывать и смеялся над собой вместе со всеми.

Они и внешне отличались друг от друга. Диего был широк, мускулист, казался медлительным из-за точно выверенных и скупых движений, но обладал при этом отлично развитой реакцией на опасность. На круглом его лице выделялись светлые внимательные глаза, в которых ничего нельзя было прочесть, кроме безмятежного спокойствия.

У Неверова было скуластое лицо с карими глазами и крупными, нечеткого рисунка губами. Был он худощав, с нормально развитой мускулатурой, но узок в талии. Движения его всегда были стремительными и резкими. Впрочем, это касалось и речи.

Диего Вирт был старше Неверова примерно вдвое.

— Похудел ты,— участливо произнес Диего.— Девушки любить перестанут. Ложись-ка спать, сон улучшает цвет лица. Я и один справлюсь.

— В такой обстановке улучшить цвет лица — проблема. И что я в тебе нашел, соглашаясь на дежурство?

— Наверное, то, что я красивый.

Неверов не выдержал и засмеялся.

Гунн молча взирал на него из виома, ни один мускул не дрогнул на его философски спокойном лице, напоминающем циферблат прибора.

В это время пришел ответ из информария Базы. Гунн передал информацию по запросу и с разрешения руководства Базы предложил контрвопрос разумным обитателям планеты о состоянии и потенциалах космической техники.

Диего, почти не глядя на клавиатуру пульта, с молниеносной быстротой закодировал ответ и свой вопрос, передал в эфир и сгорбился над пультом. В последнее время с ним явно что-то происходило.

— Все же непонятно мне,— сказал Неверов с легкой завистью (так работать с пультом контакта он еще не умел).— Энифиане еще ни разу не поинтересовались нашей техникой, достижениями науки... Почему-то их интересует лишь биология, обществоведение, культура и искусство. Ни одного технического вопроса! Даже обидно, ей-богу! Неужели мы настолько отстаем от них технически? К тому же, сами они не отвечают на наши вопросы. Я, например, до сих пор не знаю, кто они: люди, гуманоиды или какие-нибудь разумные муравьи. Может быть, ты знаешь? Нет. А почему? Ни разу не слышал, чтобы контакт устанавливался с анонимом! Может, страж на скале и есть энифианин, наш неизвестный собеседник? — Неверов встал и подошел к окну дальновидения.— В романах хорошо описывается встреча землян с инопланетянами: прекрасный юноша даже влюбляется в не менее прекрасную девушку с альфы Сириуса... А кто способен влюбиться в эту образину?

Диего поднял голову и оценивающе посмотрел на уродливую фигуру стража.

— Может быть, Эдвин Гунн?

— Я серьезно, а ты смеешься. Об энифианах мы знаем так мало, что начинают зарождаться сомнения в целесообразности контакта. Почему они не говорят, как выглядит рядовой абориген? С какой целью от нас скрывают устройство общества на планете? Это же, по крайней мере, странно, согласись.

— Не отрицаю. Видимо, у них свои цели контакта.

— Какие? Эх, Диего, не будь инструкций, включил бы я одностороннюю связь и спросил бы у них напрямик...

— Какие мы сегодня воинственные,— с иронией сказал Диего и грузно встал.— Тебе вредно просыпаться среди ночи два раза подряд. Ложись и досыпай, у тебя еще два с лишним часа.

— Ну вот,— грустно произнес Неверов.— Убил мою инициативу в зародыше. Скучный человек, киллджой *, как говорит Эдвин, поговорить невозможно. И почему ты всегда поступаешь правильно?

Диего Вирт, не отвечая, как-то странно повернулся вполоборота к пульту и наклонил голову, будто прислушиваясь. И почти сразу же вслед за этим закричал страж, резко, переливчато, словно предупреждая о чем-то...

Когда Неверов улегся в постель и уснул, Диего вызвал Базу по ОЭЛ — особо экранированной линии, делавшей невозможным для энифиан любой перехват передач, и соединился с кабинетом директора. В виоме появилось лицо Доброгнева.

— Ждан, я, кажется начинаю понимать причину происходящих в организме изменений: энифиане используют излучение, которое не только перестраивает геномы клеток, но и воздействует на кору головного мозга, высвобождая скрытые его резервы. Передо мной открываются грандиозные перспективы! Я, например, начинаю слышать крики стражей задолго до того, как их начинает регистрировать аппаратура Зоны, и, по-видимому, это еще не все. Я чувствую в себе изменения, которые сбивают меня с толку.

Властное, с тяжелым подбородком лицо Доброгнева помрачнело.

— О том, что это направленный мутагенез, было известно и раньше. Непонятно другое — цель этого «эксперимента». До каких пределов могут дойти энифиане в запале своих «изысканий»? Меня это тревожит в первую очередь, потому что по некоторым соображениям мы не можем спросить у энифиан об этом прямо.

— Только что оной нашей нерешительности удивлялся мой напарник.

— Он воспринимает все чересчур непосредственно, но он прав. А ты... ты становишься мутантом, Диего. И хотя в твоих «открытиях» пока нет ничего плохого, но и хорошего мало. Во всяком случае,

---

* «Киллджой» *(англ.)* — буквально убийца радости, то есть неинтересный человек.

ты — находка для пандологов * и генных инженеров, пусть хоть это тебя утешает. Я поговорю с Нагориным. Кстати, ты подготовил результаты штатного анализа?

— Отправлю по обычному каналу после смены.

— Добро. А может быть, прервать твое дежурство, пока не поздно? Очень уж неуютно ждать сюрпризов.

— Прервать можно в любой момент, но кто тогда ответит на все ваши вопросы? Нельзя же, как этот юноша, произносить риторические «зачем» и «почему» и не ждать ответа.

— Тогда держись, разведчик.

Виом опустел, и Диего выключил канал связи. Синий полумрак сгустился в зале центра связи Зоны, уплотнил тени в углах. Тихий отчетливый шелест доносился из динамиков над пультом: сквозь стены стучалась к людям электрическая жизнь планеты Эниф.

В постели у дальней стены зала посапывал, уткнувшись носом в подушку, Лен Неверов.

* * *

Дым не струился пеленой или клубами, а рассыпался крупными хлопьями, неслышно появляясь из широких трещин, разорвавших полотно дороги на отдельные рваные плиты. Ветер гнал быстро тающие светящиеся хлопья призрачной метелью к низкому, запятнанному облаками небу; небо фосфоресцировало тусклой зеленью.

— О-оррр! О-о-у-уррр! — заорал вдруг совсем близко невидимый страж, так что Неверов шарахнулся в сторону и едва не свалился с дороги в темную яму, напоминавшую колодец.

— Чтоб тебя!..

— Отличное горло! — заметил Диего, облитый поблескивающим стеклом скафандра.

Страж снова заорал, и ему отозвались другие стражи; вскрик удалился в темноту.

— Сидят и наблюдают,— буркнул Неверов.— Вот уж действительно стражи! Нас сторожат или за себя боятся?

— Поменьше эмоций,— отозвался философски настроенный Диего.— Странно, двенадцатый час ночи, а стражи еще не спят. По моим наблюдениям, сон у них начинается сразу после наступления ночи. Кстати, как ты думаешь, кто построил дорогу? Не сами же энифиане? Все орбитальные наблюдения доказывают, что дорог на Энифе нет, только вот этот аппендикс возле Зоны. Напрашивается вывод, что дорогу строили какие-то гости, вроде нас. Соображаешь?

---

* Пандология — наука, изучающая резервы человеческого организма и возможности их использования *(фант.)*.

— Ты хочешь сказать, что не мы первые устанавливаем контакт с энифианами?

— Именно.

Неверов пожал плечами и отошел от здания Зоны на несколько шагов. Скафандр его засветился ровным оранжевым светом — заработал светомаяк. Словно в ответ на движение человека ближайший страж загремел камнями, сорвался со скалы-насеста и тенью метнулся к дороге, мерцая огненными блюдцами глаз.

Диего инстинктивно положил руку на рукоять «универсала», но страж, не долетев до них десятка метров, сделал немыслимый пируэт и темным пятном вознесся к небесам — только ветром повеяло.

— Урод глазастый! — громко сказал Неверов, продолжая идти в сторону от дороги.— Чудовище, и мерзкое притом! Чего он на нас кидается? Не узнал? Знаешь, тревожит меня скверное предчувствие — не все у них благополучно на планете. Не потому ли и не отвечают на наши вопросы? Особенно касающиеся их общественного строя.

— Ах, Лен,— в тон ему проговорил Диего.— Мы могли бы получать информацию о деятельности энифиан не только посредством официальных запросов, возможностей для этого у нас хватает. Ты пойми, надо, чтобы они д о б р о в о л ь н о не утаивали от нас ничего, чтобы поняли — мы тоже обладаем той дисциплиной мысли и действия, которая необходима для настоящего плодотворного контакта. Что, если энифиане проверяют нас именно в этом направлении?

Неверов невольно замедлил шаг. «Неужели знает?! — подумал он с испугом.— Не может он знать. Знал бы — давно сказал бы...»

— Это их условия контакта,— продолжал Диего, словно рассуждая вслух,— а условия надо соблюдать, даже если они оговорены анонимом.

— Почему же энифиане тогда так осторожны в ответах? Будто оценивают — пойдет это им во вред или не пойдет?

— Ты сам ответил на этот вопрос. Кстати, ты куда, собственно, направился?

— Сейчас... хочу проверить одно обстоятельство. Вчера вечером я пытался дойти до «кустиков», но дальше дороги не смог...

— Не испытывай судьбу.— Диего нехотя пошел вслед за товарищем.

— Любопытное явление... сейчас то же самое... Не похоже, чтобы меня кто-нибудь задерживал... какой-то психологический феномен. Просто не могу заставить себя шагнуть дальше. И не боюсь, и не могу! Ф-фу. Даже жарко стало!

Неверов вернулся к дороге.

— Не хочешь испытать на себе?

— Не желаю,— сказал Диего, глядя на близкую скалу стража, перечеркнувшую небосвод изогнутой тенью.

Неверов тоже посмотрел на стража, который не переставал во-

зиться и иногда яростно чесал чешуйчатую шкуру когтями — мерзкий звук, напоминавший скрежет напильника по стеклу. Дальше, за столбом шла ворочающаяся темень, не смягчаемая даже текучим фосфором неба, и было там жутко и неприятно. Кто-то безглазый смотрел оттуда, смотрел изучающе и неодобрительно. Неверову внезапно захотелось выпалить в темноту из пистолета, поэтому он повернулся и быстро пошел к сплошному белому параллелепипеду Зоны. Трещины и колдобины в дороге приходилось угадывать почти на ощупь: стены Зоны светились так слабо, что не рассеивали мрак даже на расстоянии полуметра.

Диего уже исчез в стене, оставив ясно видимый прямоугольник проницаемости. Неверов шагнул за ним и не выдержал, оглянулся.

Где-то далеко-далеко на горизонте он увидел плывущие огоньки, цепочкой охватывающие Зону. Ветер с той стороны донес глухой рокот, мелко-мелко задрожала почва. Неверов, затаив дыхание, несколько минут с жадным интересом наблюдал за мигающими огоньками, но рядом дико закричал страж, и очарование ночной тайны исчезло, уступив место негодованию. Неверов сплюнул в гневе, тут же убедившись, что он в скафандре. «Что это со мной?— с удивлением подумал он.— С чего я так нервничаю? Вот узнал бы Диего, какие у меня слабые нервы! Стыдно, коммуникатор, специалист, так сказать, по контактам... Надо держать себя в руках!»

Неверов не предполагал, что Диего Вирт знает о нем все, даже то, чего он сам о себе знать не мог.

2

Ночь на Энифе на широте Зоны длится тридцать один час с минутами, почти столько же, сколько и день. Ночь для энифиан священна: никаких вопросов в это время суток они не задавали и вообще прекращали деловую связь. Поэтому через каждые тридцать часов энифианского дня для двух коммуникаторов—специалистов по контактам в коробке Зоны контакта наступало время решения личных вопросов. Было известно, что все дежурившие в Зоне занимались в это время делом полезным и перспективным. Степанюк и Генри Лаирн, например, создавали оптимальную программу расшифровки видеопередач энифиан, оба имели дипломы математиков. Юревич за смену до них пытался нарисовать меняющийся пейзаж вокруг Зоны. Его работы экспонировались потом в залах Института внеземных культур в Ленинграде. А его напарник Виктор Зубавин проанализировал крики стражей, без особого успеха доказывая связь криков с передаваемой энифианами информацией.

Что делал Диего, Неверов в точности не знал. Во-первых, потому что сам в это время бывал до предела занят, во-вторых, застав од-

нажды товарища на ложе кибердиагноста, он увидел совсем другого Диего — сурового и далекого от всего происходящего вокруг, и это обстоятельство удержало его от расспросов.

Сам Неверов занимался тем, что монтировал минироботов из богатого набора универсальных узлов дубль-систем Зоны. Внутренности роботов он начинял видеозаписывающими устройствами и посылал за пределы здания, нарушая тем самым не только инструкцию поведения в Зоне, но и приказ директора Базы Доброгнева, категорически запретившего любые эксперименты с познавательной целью на территории Зоны и вне ее. Была, конечно, у Неверова тень опасения, что его «деятельность» не так уж и безобидна, как ему кажется с первого взгляда, но ни один минироботот из вылазок не вернулся, энифиане протеста не заявляли, к инструкциям Неверов относился скептически, и заинтересованность его не убывала.

Рассветало, когда напрасно ожидавший очередного робота Неверов, злой и невыспавшийся, пнул ногой самодельное программное устройство, с помощью которого надеялся управлять роботами дистанционно, и неожиданно для себя заметил скромно пристроившегося в углу зала Диего.

— Ничего? — спокойно спросил тот, отпивая глоток сока из дымчатого бокала.

— Ага...— заикаясь, ответил Неверов.— Молчит, кретин кибернетический! А ты, собственно... о чем ты?

— Пойдем,— коротко и грустно сказал Диего и аккуратно поставил пустой бокал на футляр передатчика.

Они вышли из отсека силовых агрегатов Зоны, приспособленного Неверовым под мастерскую, спустились на последний этаж, прошли коридором в конце здания и остановились перед белым прямоугольником запертой двери, назначение которой Неверов, как ни силился, вспомнить не мог.

Диего, насвистывая популярное попурри из репертуара ансамбля «Василек», открыл контур проницаемости двери и вошел. Неверов, недоумевая, шагнул следом, и взору его открылось кубическое помещение, заставленное аппаратами и антеннами экранирующих устройств. Диего отступил в сторону, и Неверов увидел роботов, которых он творил и ждал с неиссякаемым долготерпением. Тихие и нелепые маленькие уродцы с торчащими соплами реактивных двигателей выглядели до слез одинокими и неживыми, словно приговоренные к казни, и Неверов даже протянул руку, собираясь погладить синеватый глянцевый бок последнего робота, но передумал и спрятал руку за спину.

— Шесть? — спросил Диего совсем грустно.

— Шесть. Как ты это делаешь?

— Не я — защита от... скажем, от случайностей. К сожалению, не ты один сторонник активных методов изучения энифианской ци-

вилизации. Но если ты пока под защитой своего никакого опыта, то остальные... Помнишь Быстрова, бортинженера Базы? Он использовал геологические автоматы серии «Л» с обратной связью, вон от него логический блок, остальное я демонтировал и отправил на Базу еще в прошлую смену. Туд пытался запустить на дороге робота-планеторазведчика с гамма-излучателем. А Резванов решил поймать стража силовой ловушкой с целью его дальнейшего анатомирования. Хорошо, что строители еще до монтажа Зоны предусмотрели подобные ситуации.

Неверов изменился в лице, постоял немного, глядя на роботов, и быстрыми шагами поднялся наверх. Диего проводил его задумчивым взглядом, покачал головой и, осторожно ворочаясь в тесном помещении, вынул из последнего неверовского робота неиспользованную видеокассету. Потом открыл большой металлический ящик в углу комнаты, положил туда кассету, с минуту разглядывал содержимое ящика и со вздохом закрыл крышку.

«Любопытство — не порок,— подумал он, выходя из комнаты.— Чего добиваются мои нетерпеливые друзья, я знаю, но вот чего хотят от нас энифиане, хотел бы я знать? Не забыть бы очистить сейф от хлама, и можно выключать защиту: теперь никто не станет пытаться тайком проникнуть за пределы Зоны...»

Новый день ничего особенного не принес. Диего вел себя как и прежде, так что в конце концов Неверов перестал дуться неизвестно на кого. Поразмыслив, он понял, что еще легко отделался. Диего никому не расскажет об инциденте, а вот как отреагировали сами энифиане, узрев нарушение «подписанного контракта», поди отгадай! Все могло кончиться весьма плачевно, и прости-прощай тогда Комиссия по контактам, и Институт внеземных культур, и аспирантура, и, может быть, слава... Что ж, учись размышлять вовремя, коммуникатор...

В первой утренней смене дежурил всегда Диего, более опытный. Неверов сначала наблюдал за его работой с пульта, прислушиваясь к переводу со стороны энифиан, но интересного для него было мало: энифиан интересовали стереотипы поведения человека в экстремальных условиях,— и он решил выйти наружу.

— Только, пожалуйста, без экспериментов,— попросил Диего, не оглядываясь. Неверов мог поклясться, что тот подслушал его мысли.

— Постараюсь,— кротко ответил он.

То ли потому, что выход человека из Зоны в дневное время был явлением чрезвычайным, то ли этот страж питал к Неверову расположение, но при его появлении он молча снялся с насеста, спикировал чуть ли не на макушку коммуникатора, сделал круг над головой и взвился на скалу. Кричать при этом он не стал, меланхолический сегодня был страж.

Неверов подождал некоторое время, глядя на жуткую апокалиптическую фигуру, подумал, что природе, наверное, немало пришлось пофантазировать, создавая подобное существо, потом отошел от здания Зоны и осмотрелся.

Его окружал чужой, знакомый только внешне, по высотной видеосъемке, и полностью загадочный мир: высокое, какое-то очень легкое небо, часто зеленеющее от приближающихся грозовых фронтов до изумрудного свечения; большое, с земную Луну, сплющенное рефракцией светило Эниф, словно жестяной поднос проглядывающее в небе; всхолмленная, поросшая пушистым и безлистым кустарником равнина Контакта, окружавшая Зону со всех сторон; далеко на западе — силуэты гор; цепочка игольчатых скал с площадками стражей, пересекающая равнину с востока на запад; небольшое озерцо тяжелой синей воды, видневшееся за близкими холмами, поросшими чем-то вроде спутанных черных канатов...

Тишину и запустение этого мира можно оценить по стражам, изредка шевелящимся на скалах, как большие угрюмые вороны, да по ветру, волнующему ворсистый ковер высокого мха...

Минут десять Неверов стоял на месте и ждал.

Интуиция его не подвела. Из-за горизонта вдруг началась странная черная метель. Ветер резко усилился, и вскоре черная волна закрыла видимость; стемнело. Неверов подставил под черный «снегопад» руку, и на ладонь упала ажурная «конструкция» — не снежинка, конечно,— сросток сажи.

Сажепад прошел, ветер развеял по земле черную пыль, и краски энифианской природы засияли вновь.

Но зато начала вздыхать земля: вдох — заметный сдвиг почвы вверх, выдох — вниз, и так в течение получаса. В Зоне этого не замечаешь, автоматика гасит «дыхание» полностью. И как всегда после почвенных «вздохов» в зарослях кустарника принялись вдруг бродить странные шипастые тени, послышались оттуда необычные звуки, отдаленно напоминающие человеческие голоса, смех, долгое эхо с отголосками.

Неверов оглянулся на белое, геометрически правильное и простое, и тем самым резко выделяющееся на фоне чужой природы здание Зоны, поколебался немного, но для проверки слов Диего надо было отойти от Зоны шагов на сто. Так он и сделал, спокойно перейдя невидимую границу, которую еще ночью не мог преодолеть.

В кустарнике за холмами мгновенно смолкли все звуки, движение вокруг Зоны в пределах километра замерло. Ближайший «меланхолический» страж перестал чистить на скале шкуру и уставился сверху круглыми пустыми глазами.

— Так я и думал,— пробормотал Неверов, отходя от здания еще на полсотни шагов. Диего в Зоне усмехнулся на его слова — Неверов забыл про включенный передатчик скафандра.

Сделать это раньше — то есть отойти от Зоны, Неверов не мог потому, что ночью работала все та же «защита от случайностей», дело рук земных инженеров, а не аборигенов, как он считал. Днем, как всегда, защита была не нужна, и выключал ее, конечно, Диего Вирт.

Неверов с любопытством прислушался к наступившей настороженной тишине, потом почувствовал на себе знакомый тяжелый взгляд, передернул плечами и повернулся спиной к холмам. Было бы глупо считать, что энифиане со своей стороны не предприняли меры безопасности против любопытства человека. «Взгляд» со стороны — это уже их работа.

Цивилизация энифиан по всем прямым и косвенным признакам не была технической, «голая биология плюс психология» — по словам Гунна. «И может быть, плюс к этому всякие штучки вроде телепатии и телекинеза,— подумал Неверов.— Тысячи лет биологической цивилизации! Кто знает, каких вершин знания достигли энифиане!..»

Вернувшись к зданию, он уселся посреди дороги на твердую подушку сухого мха и стал смотреть на удивительно скособоченный холм в полукилометре, голый и потрескавшийся. Дорога из серого бетона, материала древнего, на Земле давно не применявшегося, утыкалась прямо в холм. Кто мог построить ее здесь, столь похожую на земные дороги двадцатого века? «Странно, что мы с Диего не говорили на эту тему,— подумал Неверов.— А он должен бы знать, сколько лет дороге, хотя в инструкции и запрещены активные эксперименты. Почему бы здесь не приземлиться звездолету с Земли двадцатого века?»

Ничто не предвещало ни малейшей опасности, пейзаж вокруг Зоны был спокоен, но все же Неверов стал замечать некоторые изменения в этом пейзаже: кустарник словно бы начал уходить под землю, уменьшаться в высоте, одновременно сжимаясь и пряча ветви и шипы.

Цвет мха стал серым, как у рыхлого весеннего снега. Страж на столбе тоже претерпевал изменения, превращаясь в кожистое одеяло, обнимающее шпиль своего насеста...

Неверов не первый раз видел метаморфозы энифианской природы, приготовления животного и растительного мира планеты перед ураганом, но каждый раз его захватывало это поразительное зрелище.

Лишь через полчаса проявились наконец физические признаки приближавшейся бури: небосвод позеленел, засветился, первый порыв ветра сдул с дороги подушки мха. Неверов с сожалением оглядел изменившийся до неузнаваемости ландшафт и поспешил ко входу в Зону.

* * *

Диего Вирт оглянулся на чмокнувшую дверь и ухмыльнулся. Неверов вошел с необычным для себя виноватым видом. После «открытия» барьера против обоснованного, но не разрешенного любопытства, он должен был призадуматься, а это всегда на пользу увлекающимся натурам. Прежде чем что-нибудь сделать, он теперь кое-что вспомнит и сравнит...

— Ну? — напомнил о себе Тоидзе, вернее, голова Тоидзе, торчавшая в виоме, как голова профессора Доуэля из одноименного романа Беляева, писателя далекого двадцатого столетия.

— Мальчик не знал, что существует защита...

— ...от дурака.

Диего исподлобья посмотрел на инженера связи, и тот отвел виноватый взгляд.

— От случайностей, Вано, от случайностей.

— Ну, от случайностей, смысл тот же.

— По-моему, ты сегодня расстроен, Вано. Никто из нас не терпит бездеятельности, особенно в таких условиях. Когда-нибудь мы научимся управлять своим любопытством, чтобы оно не оборачивалось злом. Может, человек не стал бы человеком, не будь он любопытен? А Лен молод, выдержки не хватает, но у него неплохие качества: искренность и восприимчивость к толковым объяснениям.

— Спасибо, я понял,— криво усмехнулся Тоидзе.— Я и вправду сегодня расстроен, мою кандидатуру снова отклонили.

Он, очевидно, имел в виду то, что давно хотел попасть в число дежурных на Эниф, но по каким-то причинам научный совет Базы уже в третий раз вежливо советовал ему подождать. Впрочем, эти причины Диего знал, как никто другой. «Едва ли теперь вообще кто-нибудь попадет в Зону,— подумал он.— Наша смена скорее всего последняя». Вслух, однако, он этого не сказал.

— Ну, до смены еще полмесяца, многое может измениться,— успокоил он связиста.— Так что не унывай. Кстати, ты не в курсе, что ответили энифиане на наш вопрос относительно их космотехники? Помнишь, мы задавали им вопрос два дня назад?

Тоидзе пригладил свои знаменитые усы, не менее знаменитые, чем ресницы Гунна.

— Ничего они не ответили конкретно. Космической техники, как мы это понимаем, у них нет, как нет вообще никакой техники. В космос они выходят редко и не с познавательными целями.

— И это все?

— Не ты первый удивляешься. Тебе не кажется, что энифиане мудрее нас? Ведь главная ценность цивилизации — информация, а обмен пока далеко не равноценен: мы снабжаем их информацией чуть ли не в десять раз больше, чем они нас! Где справедливость?

— А ты спроси у Доброгнева,— усмехнулся Диего.— Он любит отвечать на такие вопросы. Что еще ты имеешь мне сообщить?

— Еще наши планетологи от безделья провели радиолокационный зондаж материка и обнаружили любопытное образование — нечто вроде наших областей со стоячими туманами. Они назвали эти туманные области — гаруа. Представляешь, километров по пятьдесят в диаметре круглые шапки туманов, а в центре россыпь странных столбообразных скал... погоди-ка, тебя запрашивает шеф. Переключи связь на ОЭЛ.

Виом мигнул и воспроизвел кабинет директора Базы, больше похожий на кусок морского пляжа. Доброгнев заметил взгляд Диего и выключил видеопласт, комната приобрела нормальный вид.

Суровое лицо Доброгнева казалось необычно напряженным, словно он ожидал плохих известий, а может быть, то сказывался эффект освещения — директор любил рассеянный голубой свет.

— Доброе утро. Что нового?

— Как будто ничего особенного. С Неверовым, очевидно, происходит то же самое, что и с остальными: прирост нервной массы, выхода энергии никакого, отсюда — нервная возбудимость и жажда деятельности.

— Но у тебя же сие не наблюдалось?

— Выдержка. Тренировка. К тому же мне не двадцать пять...

Доброгнев подумал и подключил канал связи с кабинетом Нагорина, главного врача Базы. Нагорин был не один: у передней панели медицинского комбайна, занимающего всю левую сторону комнаты, сидел заместитель директора по безопасности дежурств Руденко и разговаривал с одним из ученых-биологов, которого Диего знал только в лицо. Нагорин, оценив ситуацию, на минуту отключил связь, и когда снова включился, ученого в кабинете уже не было.

— Слушаю,— глуховатым голосом сказал он, ни к кому в особенности не обращаясь. Говорил он, почти не разжимая губ, и тем, кто не знал его близко, мог показаться высокомерным или равнодушным. Но таковым в действительности он не был. Диего знал это достаточно хорошо.

— Что дало обследование дежурных? — спросил Доброгнев.

Нагорин покосился на медлительного Руденко и вздохнул.

— Увеличение общей нервной массы естественно прекращается сразу же после их возвращения на Базу, то есть вне комплекса Зоны. Нежелательных последствий, в общем-то, никаких. Конечно, за время обследования. А что случилось?

— За месяц изменения в организме почти не заметны,— сказал Диего.— Идет как бы накопление средств для...

— Скачкообразной мутации,— докончил Нагорин.— Я думал об этом. Да, риск велик. Как далеко зашло у тебя?

— Он уже может заменить компьютер,— невесело усмехнулся

Доброгнев.— Что он еще будет уметь, я не знаю. Факт остается фактом — все ваши методы защиты от энифианских способов воздействия на людей в Зоне не годятся, даже пакетная силовая защита.

— Характеристики этого излучения уже известны,— произнес Руденко.— Теперь все зависит от физиков, насколько быстро они от теории перейдут к практике и изготовят нам необходимую аппаратуру.

Нагорин долго молчал, рассматривая свои руки, как чужие: такая у него была привычка. Потом тихо произнес:

— Мы все отлично понимаем, что можем найти в случае удачи и что потерять. Конечно, пандологи поставят тебе памятник, Диего, но... не пора ли заканчивать эксперимент? Ведь мы не знаем, для чего энифиане воздействуют на дежурных в Зоне излучением или целым набором излучений, влияющих на генную память. Я понимаю, соображения руководителей УАСС и виднейших специалистов ИВК, направленные на выяснения мотивов поведения энифиан, заслуживают внимания, но я уверен, что наши мето́ды (он так и сказал мето́ды, с ударением на слоге «то») выяснения этих мотивов по крайней мере некорректны.

— Это соображения безопасности для всей нашей цивилизации,— медленно сказал Руденко.— В УАСС работают опытнейшие прогнозисты, способные предвидеть события на годы вперед...

— Дело не в компетентности работников аварийно-спасательной службы,— поморщился Нагорин.— И даже не в том — зачем энифианам экспериментировать над нами, какую цель они преследуют. Простите меня, но любой эксперимент над человеком бесчеловечен, даже если он направлен на выяснение опасности для остальных людей. Мы же видим: цивилизация энифиан явно нездорова, негуманна в самом прямом смысле этого слова. В связи с чем встает вопрос: не станет ли Диего когда-нибудь опасен для этих самых людей, ради которых он сегодня подвергается риску?

— Вывел! — крякнул Доброгнев, избегая смотреть на Диего прямо.

— То же самое имели в виду и эксперты Управления,— пробормотал Руденко, с сочувствием рассматривая спокойную физиономию Вирта.— Не в этом ли и состоит цель энифиан — глобальная биоразведка земной цивилизации?

— Вы правы,— сказал Диего, погладив бритую голову.— Подстраховка мне не помешала бы. Но я на планете уже четвертый месяц и... ничего. Едва ли их излучение способно резко изменить человеческое в человеке, слишком долго лепила нас природа, миллионы лет.

— Прости, Диего,— тяжело сказал Нагорин.— Я не хотел обидеть.

— Чего уж там, ты-то мог бы и не извиняться. Но заканчивать эксперимент с нашей стороны преждевременно, материала для определенных выводов мало. Ну, и потом... я же сам согласился на продолжение.

Нагорин сардонически усмехнулся.

— Если ты об ответственности, то я ее не боюсь, это пройденный этап.— Он снова усмехнулся.— Что же касается дальнейшего участия в эксперименте... меня волнуют не столько заботы цивилизации в целом, сколько судьбы отдельных личностей, вроде тебя. Потому что на острие любого устремления общества всегда стоят конкретные и чаще всего дорогие сердцу люди.

— Спасибо,— серьезно сказал Диего.

— Ладно,— пробурчал Доброгнев.— У тебя больше ничего нет?

Диего замялся: вопрос был к нему.

— Есть одно наблюдение... Требует проверки, но все же думаю, что не ошибся. Видите холм в конце дороги? — Диего повернулся к станционному виому, показывающему пейзаж за стенами Зоны.— Так вот, по всему — это чужой космический корабль.

В помещениях Базы наступила тишина. Все молча смотрели на громаду холма. Наконец опомнился Руденко:

— Ничего не вижу. Не разыгрываешь?

— Оттуда ничего и не увидишь. Я сам долго сомневался, пока не проверил.

Доброгнев нахмурился.

— Каким же образом?

Диего хитро прищурился.

— Абсолютно легальным способом, не нарушая инструкции. Не забывай, я ведь мутант.

— Темнишь ты что-то, мутант. Но если твои наблюдения подтвердятся... Не пробовал определить возраст дороги?

— Каким же образом? — передразнил Доброгнева Диего.— Конечно, пробовал, получается сто пятьдесят плюс-минус десять лет. Возраст холма тот же.

— Серьезное открытие,— сказал Руденко.— И достаточно тревожное. С вашего позволения я дам депешу в Управление.

Все четверо переглянулись.

— Ладно,— еще раз сказал Доброгнев.— На Земле сумеют оценить эту информацию. До связи, разведчик. Ничего не предпринимай самостоятельно... без особых на то причин.

Виом спецсвязи угас. Диего скорректировал записи на стационарном блоке фиксации событий и задумался, глядя на стража, превратившегося в тонкое черное покрывало под порывами начинающейся бури.

На пульте тонко запищал сигнал метеопатруля.

— Вижу, вижу,— пробормотал Диего.— Зона к урагану готова.

Вскоре в зал ввалился Неверов, стал раздеваться, посматривая в окно дальновидения. Диего ободряюще подмигнул ему, и молодой человек ответил нерешительной улыбкой.

3

К ночи ураган за стенами Зоны немного утих, порывы ветра утратили свою былую мощь, рев и грохот сменился гулом и воем; ураган постепенно терял силу.

В центральном зале Зоны было тихо и уютно. Тишина и уют особенно подчеркивались черной круговертью за окнами дальновидения, пронизанной зигзагами и полосами электрических разрядов.

У пульта сидел Неверов, только начавший шестичасовую вахту, последнюю перед энифианской ночью. Он был полон сил и энергии, отчего сначала пытался петь, а потом читать вслух стихи, судя по рифмам, вернее по их отсутствию,— свои.

Диего, наоборот, был неразговорчив и угрюм, что еще более разделяло столь непохожих друг на друга людей. Определенно, с ним что-то происходило. Неверов как-то даже решил спросить его об этом напрямик, но передумал.

Иногда Диего словно резко просыпался и оглядывался вокруг с растущим изумлением, потом спохватывался и продолжал заниматься делом. Или с застывшим лицом начинал вдруг к чему-то прислушиваться, напрягался так с минуту, затем поворачивался к напарнику, лицо его смягчалось, и слабая улыбка трогала жесткие губы.

В такие моменты Неверов старался ничего не замечать и думать лишь о связи с Базой, но поведение товарища начинало его тревожить, Диего явно скрывал что-то от него, что-то существенное, пребывая при этом в неуверенности — сообщать об этом или нет...

Несколько минут Неверов просматривал записи прежних сообщений, нерешительно посматривая на товарища, молча лежавшего на диване в спальном отделении, потом сказал:

— Знаешь, Диего, я все думаю над твоими словами о дороге. Тот холм, в который она упирается...

Диего повернул голову.

— Ну и?

— Понимаешь, подозрительный он какой-то. Форма у него странная, а со стороны дороги он и вообще напоминает...

— Смелее.

— Ракету времени Королева!

— Ракету,— задумчиво повторил Диего.— Что ж, в наблюдательности тебе не откажешь. Не тебе одному кажется, что холм похож на ракету.

Неверов подозрительно посмотрел на Диего — не смеется ли?

— А вдруг это и в самом деле чей-то звездолет? — загорелся

он.— Представляешь, какое открытие?! Давай сходим к нему, посмотрим вблизи... Если разрешат.

— Посмотрим,— спокойно проговорил Диего.— Только позже, лучше всего ночью. База разрешение даст, но риск слишком велик.

— Ну где тут риск? Пройти всего-то полкилометра.

— А ты не задавал себе вопроса: почему этот звездолет, если это звездолет, конечно, так занесен почвой? Почему он мертв столько времени, мертв, несмотря на присутствие энифиан, существ разумных? Я понимаю твои стремления, но до холма мы можем не дойти.

— Энифиане нас?..— прошептал Неверов.

Диего посмотрел на его раскрасневшееся лицо и засмеялся.

— Воображение заработало? Сделать нам плохое энифиане, наверное, не смогут, но помешать — помешают. К тому же нарушать свое слово, пусть и данное неизвестно кому, неэтично.

Неверов потускнел.

— Интересно же!.. Чужой звездолет!.. Так близко...

— Интересно, спору нет. Но интересен не сам факт открытия чужого корабля, а то, в каких обстоятельствах состоялось это открытие. Вот и думай.

Диего вдруг упруго вскочил с дивана и подсел к пульту. Виом послушно «выдал» вечно сонное лицо Гунна и обесцветился защитой подключенного канала ОЭЛ.

— Привет, Эдвин. Я вчера дал запрос в информарий об экспедициях конца двадцатого — начала двадцать первого веков, пропавших без вести.

— Есть ответ. Передать в кристалле или на машину?

— Проще на машину, секретов в этом нет.

Гунн проделал необходимые манипуляции, и в окошке координатора связи появились строки записей и фотографии космонавтов первых межзвездных экспедиций, не вернувшихся на Землю.

Диего быстро просмотрел сообщение с Базы и разочарованно откинулся в кресле.

— Не то? А что ты ожидал увидеть?

— Ни один корабль не подходит по форме. Понимаешь, о чем речь?

— Ты об этом холме-«звездолете»? А вдруг ты ошибаешься? И кажется, ошибся. Но тогда перед нами чужой звездолет. Кто-то до нас контактировал с энифианами. А может, и не контактировал, а погиб при посадке. Не задать ли им по этому поводу вопрос?

Гунн помолчал, помаргивая своими длинными пушистыми ресницами.

— Одобрит начальство — спросишь,— сказал он наконец.

Диего хмыкнул и переключил видеоканал в медцентр. Нагорин был там, он вопросительно посмотрел на Вирта и кивнул.

— Ты просмотрел мой последний отчет? — спросил Диего.

— Это моя обязанность.

— Заметил? Они увеличили дозу облучения. То ли форсируют события, то ли конец эксперимента близок. Боюсь, Лену придется сократить срок дежурства. Скажем, до двух недель вместо месяца, иначе у него начнется то же самое.

— Процесс продолжается?

— Ты же читал отчет.— Диего покосился на внешне невозмутимого Неверова.— Более того, он ускоряется, я начинаю теряться в этой лавине изменений.

— Плохо.— Нагорин помрачнел.— Трудно анализировать собственное состояние? В таком случае без помощи тебе не обойтись. Не пора ли все рассказать ему? — Нагорин кивнул в сторону молодого коммуникатора.— Помочь тебе сможет только он один. Пока. Кстати, я вышел в секториат УАСС с предложением прекратить разведку независимо от вашего на то согласия. Опыт перерос рамки безопасности для его участников. Впрочем, он с самого начала был небезопасен.

— Не казни себя,— тихо проговорил Диего.— В таких вопросах трудно разобраться без проверки, а прогнозисты мы еще слабые.

Нагорин несколько мгновений смотрел на Вирта оценивающе, какое-то острое сожаление мелькнуло в его мрачноватых серых глазах, он кивнул и отключился.

У Неверова, очевидно, кончился заряд терпения, потому что он вдруг повернулся к сгорбившемуся Диего и произнес:

— Не ожидал от тебя такого свинства, уважаемый. Целых полторы недели я живу с тобой под крышей Зоны, будь она трижды благословенна, и ничего не знаю!

— Потише, Лен, я слышу тебя хорошо. Один из древних мыслителей говорил, что долго живет тот, кто меньше знает. Шутка. Об излучении ты уже наслышан, наши милые невидимые и неуловимые энифиане нашли вид излучения, вызывающего у нас изменения организмов на молекулярном уровне. У всех дежурных до меня и у тебя тоже оно вызывало только увеличение объема нервной массы. Но вы дежурите всего по месяцу, а я уже четвертую смену...

— Но почему именно ты?

— Потому что я, кроме всего прочего, являюсь еще работником спецотдела УАСС. Теперь понятно?

Неверов криво усмехнулся.

— Понятно. Ну и денек сегодня, новость за новостью!

— Ты не интересовался, вот для тебя и новость. Но проблема перед нами стоит трудная. Энифиане перекрыли все источники информации, кроме официального канала; это не насторожило бы нас, если бы не их излучение, проникающее в Зону через все слои изоляции и силовую защиты. Вот что, Лен, отрегулируй-ка медкомбайн, мне необходимо в течение нескольких дней контролировать твое со-

стояние. Не волнуйся, для сравнения. Я сейчас лягу, а ты буди, если что случится.

— Хорошо,— кивнул торопливо Неверов.

— Я в бассейн.— Диего кивнул и вышел из зала.

Неверов проводил его взглядом и погасил свет в зале. За стенами Зоны бушевала гроза, и всполохи электрических разрядов освещали зал дивными переливами холодного света.

Внезапно вспыхнул виом связи с Базой, показав обстановку одного из лабораторных отсеков, у виома стоял озабоченный Доброгнев. Из-за помех виден он был плохо, но Неверову показалось, что директор Базы нервничает.

— Как буря? — спросил Доброгнев, пробежав глазами по темному залу. Голос его был едва слышен.— Впервые длится так долго. Держитесь?

— Все нормально. Что нам сделается? Стены прочные плюс защита...

— Да и в метеорологическом отношении нам повезло: Зона расположена в довольно спокойной области материка, ураганы здесь гости редкие... А где Диего? Спит?

— Пошел в бассейн, сейчас придет.

— Он в последнее время ни на что не жалуется?

— В каком смысле? — растерялся Неверов.

— Ну, как тебе сказать...— Доброгнев понизил голос и прищелкнул пальцами, подбирая выражение.— Жалобы на здоровье, эмоциональные вспышки, на головную боль...

— Нет,— с облегчением сказал Неверов.— Ничего такого не было. Правда, иногда он словно прислушивается к себе, чего-то ждет...

— Ждет, значит,— пробормотал Доброгнев, уходя в свои мысли.— Ну, это в порядке вещей. Ладно, спокойного дежурства.

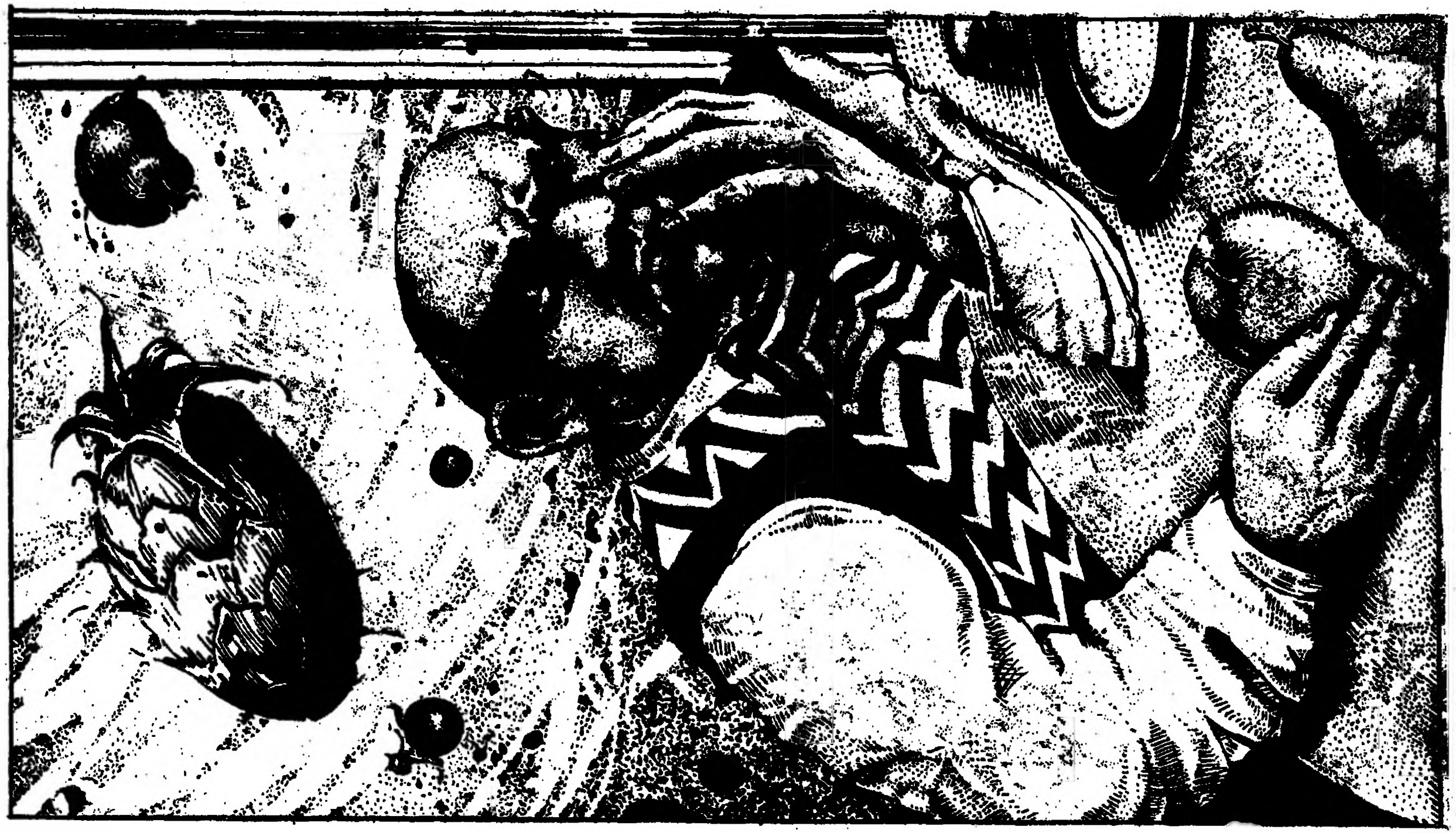
Виом опустел.

Вернулся Диего с яблоками и кувшином шипучего сока, налил бокал Неверову, остальное поставил рядом с диваном. Сок и яблоки были его слабостью.

Если бы Неверов пригляделся, он бы заметил, что Диего движется с закрытыми глазами, причем безошибочно. Но Лен не приглядывался. За окном дальновидения ураганные порывы ветра яростно хлестали стены здания ручьями дождя и цветного пламени. Гроза, вопреки прогнозу метеопатруля, усиливалась вновь.

* * *

...К шуршанию и скрипам затухающей вечерней жизни за стенами прибавился вдруг иной звук — долгое басовитое гудение.



Диего насторожился, прислушиваясь. Он находился в абсолютной темноте, и все же ощущал явное присутствие каких-то огромных твердых предметов вокруг себя. Внезапно без всякого перехода он очутился в дневном лесу Энифа: светило замерло в зените, густой перистый кустарник был почти полностью золотистым.

Тела своего разведчик не чувствовал, ощущение было такое, будто он смотрит на мир чужими глазами, причем с внушительной высоты.

Басовитое гудение, не смолкавшее ни на миг, перешло в гул, потом в рев, и наконец под аккомпанимент адского грохота в нескольких сотнях метров от Диего с небес рухнула раскаленная добела масса. Жара, однако, он не ощутил, а масса, перестав двигаться, начала быстро гасить сияние, и вскоре Вирт понял, что видит перед собой космический корабль.

Пошевелиться он все еще не мог, оставаясь как бы бесстрастным наблюдателем, зато подмечал все детали необычного прилета космических гостей.

Долгое время (Диего показалось, что прошло много дней) чужой корабль стоял неподвижной скалой, окруженный со всех сторон «толпами» стражей. Потом в фиолетовой обшивке корабля появилась щель, и на почву лесной поляны выползли странные существа, похожие на свежевыкорчеванные пни. Существа эти с помощью своих многочисленных корневидных рук-щупалец смонтировали какие-то механизмы и, не обращая внимания на вопящих стражей, принялись строить... дорогу!

Это продолжалось долго; Диего не чувствовал течения времени, но все же почему-то знал — долго. Стражи унялись, основная их масса улетела, осталось трое, наблюдавших за чужим звездолетом с вершин откуда-то взявшихся шестов. Ничего похожего на их теперешние насесты Диего не заметил, видимо, они появились недавно, когда на Эниф пришли люди.

И вот Диего, с интересом следивший за действиями стражей и существ-пней, увидел, что дорога длиной в полтора километра построена. Тотчас же «пни» прекратили деятельность, многорукие, похожие на хозяев механизмы выволокли из звездолета какие-то конструкции и принялись за сборку. А когда новая машина была построена, Диего понял, что «пни» строили не дорогу, они строили взлетную полосу, потому что собранный аппарат был самолетом.

Самолет загрузили, несколько «пней» залезли внутрь, и после разбега по «дороге» он исчез в пустом небе. Стражи не мешали полетам, хотя устроили подозрительную возню возле громады чужого корабля. И еще Диего отметил, что за все долгое время работы прилетевшей экспедиции в окрестностях корабля царило поразительное спокойствие: не пронесся ни один ураган, ничего похожего на сильную грозу или черную бурю.

Самолет совершил несколько полетов — Диего мог только догадываться, что «пни» изучали Эниф. А потом он вдруг заметил некоторые изменения в облике «пней»: из ярко-желтых они превратились в грязно-зеленые, тела их стали деформироваться, раздуваться, «головы» уменьшаться. Они все реже появлялись возле корабля, пока совсем не прекратили выходы.

Самолет их с очередной группой исследователей улетел и больше не вернулся... Долго, очень долго корабль стоял неподвижный, угрюмый, словно покинутый, но в один из дней вдруг загрохотал, вспыхнул ослепительным пламенем, клубы дыма и пыли полетели из-под него во все стороны, скрывая перспективу.

Поднимался он величаво, напомнив Диего старты первых космических кораблей — «Союзов» и «Аполлонов»,— но как-то уж очень неуверенно и слишком медленно. Поэтому улететь не успел: налетели тучи стражей, облепили поднимавшийся корабль, и разом все изменилось — рев стих, и чужой корабль плюхнулся на прежнее место. Пыль осела, стражи улетели, наступила тишина и неподвижность...

Лишь спустя «много дней» в корпусе звездолета открылся щелевидный люк, и на серую полосу взлетной полосы выползло какое-то существо. Диего вгляделся и с ужасом понял, что это страж! В корабле не должно было быть стражей, выполз, конечно, последний повелитель звездолета, но уж очень он походил на стража!

Мир сузился для Диего до размеров собственных глаз, потемнело. Тут он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

— Что? Кто это? Зачем? — забормотал он, силясь открыть глаза и удивляясь вернувшейся способности говорить, и увидел над собой встревоженного Неверова.

— Что такое? — спросил он, поднимая голову от подушки.

— Ты спал и стонал, вот я и... Плохо себя чувствуешь?

— Да-а... собственно, нет, все нормально.

Диего откинулся на подушку и с удовольствием оглядел знакомую обстановку зала связи.

— Все нормально, малыш, просто я видел любопытный сон. Долго еще до конца смены?

— Два часа. Ты спи, энифиане молчат — ночь у них. Страж тоже молчит. Полетал немного над Зоной, пока ты спал, и снова сел, до утра теперь. Ураган уполз к Синим Горам.

— Уговорил.— Диего потер глаза и повернулся на бок.— Ну и сон!

— Расскажешь?

— Обязательно, позже. Лен, будь другом, принеси сока, лучше всего березового, а?

Неверов улыбнулся и кивнул.

* * *

Окно дальновидения казалось толстой плитой из черного непрозрачного стекла — ни огонька, ни отблеска света не мелькало в его глубине.

Темнота за стенами Зоны была такой всеобъемлющей и глубокой, что казалось — Зона погребена под километровой толщей скал или вод океана.

Неверов, налюбовавшись энифанской ночью, принес из стандартного синтезатора гору фруктов и с удовольствием смотрел, как Диего ест.

— Итак, у нас осталось пять часов личного времени,— кряхтя произнес Диего, нагибаясь за упавшим яблоком.— Кстати, поздравляю тебя с полной адаптацией в условиях Зоны. Не тянет на Базу? Восторженные взгляды операторш и все такое прочее...

— Не тянет,— смутился Неверов и с хрустом откусил сразу пол-яблока, хотя есть не собирался.— К дежурствам я действительно привык, как-никак две недели здесь, опыт, понимаешь... Сегодня прилетал какой-то незнакомый страж, орал на нашего меланхолического. Я только что вспомнил.

— Вот как? — пробормотал Диего.— Кричал? Начальник, наверное. За лень ругался.

Они улыбнулись друг другу. Неверов уже привык к тому, что Диего постоянно к чему-то прислушивается, поэтому ни о чем его не спрашивал, справедливо полагая, что ему все будет рассказано, когда придет время.

— Между прочим,— сказал он, доев яблоко.— Ты обещал мне рассказать свой сон, помнишь?

— Сон? — пробормотал Диего.— На сон, брат, тот «сон» не похож...

Со времени своего странного «сна» Диего не раз размышлял над поразительным совпадением увиденного во сне с тем, что он знал о холме в конце дороги, и пришел к выводу, что сон — это скорее всего наведенная гипноиндукционная передача, и он стал ее реципиентом. Ибо чем мог быть навеян такой сон? Откуда такая ошеломляющая правдивость и жизненность? И главное — почему он так подробен? Сны, как правило, забываются почти сразу, а в этом помнится каждая мелочь. Но тогда возникает вопрос: кому и зачем понадобилось проводить сеанс гипноиндукции? Причем избирательной, Неверов ведь ничего не видел и не слышал. Получается, что он, Диего Вирт, землянин, приобрел информацию, прямо отвечающую на вопрос, какова цель эксперимента энифиан. Сами ли энифиане решили сообщить об этом, или у людей появился неизвестный союзник, рискнувший предупредить их о замыслах хозяев планеты?

О «сне» Диего сразу же сообщил на Базу, но с тех пор по этому вопросу База молчала, очевидно, дело вращалось в институтах Земли.

И еще одним соображением поделился Диего с Доброгневом: звездолет «пней» из его «сна» был настолько неуклюжим и древним, судя по работе двигателей — ракетно-ядерным, что межзвездным кораблем его трудно предствить. В связи с чем стоило поискать родину «пней» как в системе Энифа, так и у ближайших звезд. Открытие цивилизации «пней» послужило бы отличным доказательством того, что «сон» Диего — утечка информации из стана энифиан, происшедшая без их участия.

Не дождавшись продолжения, Неверов переменил тему разговора.

— Не могу понять истинных функций стражей.— Он кивнул в сторону окна дальновидения.— Разумными они не выглядят, делать ничего не делают. Сидят и орут время от времени. Глядя на них, я всегда вспоминаю гарпий из древнегреческого эпоса.

Диего прищурился.

— Похоже. А насчет их разумности... Может, с их точки зрения мы тоже выглядим кретинами?

Он вспомнил, как год назад был установлен контакт с энифианами.

Линейный разведчик класса 200 * «Искра», последний из серии ненацеленных ** кораблей Даль-разведки, задачей которого был поиск разумной жизни в созвездии Пегаса, изучая систему звезды Эниф, эпсилон Пегаса, обнаружил, что вторая планета системы, с мощной, насыщенной электричеством атмосферой, населена странными существами, названными впоследствии стражами. Биологическое исследование планет не входит в обязанности линейного разведчика первого класса, поэтому «Искра» спустя сутки стартовала с поверхности планеты и... была буквально атакована стражами.

Старт пришлось отменить, разведчик попытался перейти на облетную кривую, но это ему не удалось: стражи свободно перемещались в пределах атмосферы (и даже за ее пределами, как выяснилось позднее), и лишь включение рейсового режима позволило кораблю вырваться из неожиданных объятий планетарной биомассы. Поведение стражей было столь недвусмысленным, что разведчик, покружив на десятитысячекилометровой высоте, вынужден был отказаться даже от картографирования и фотометрии планеты. Однако энифиане первыми просигнализировали о своем желании вступить в контакт, хотя сигналы были расшифрованы только на Земле.

---

* Радиус разведки до 200 световых лет.

** То есть изучающих определенную область пространства со многими звездами, в отличие от кораблей, изучающих определенную звезду.

В то время никто не предвидел последствий этого контакта, Земля ликовала по поводу обретения братьев по разуму...

Неверов прав, роль стражей в этой истории неясна, но название им выбрано удачно. Стражи, сторожа, охранители тайн энифианской цивилизации... А сами энифиане законспирировались так хорошо, что невольно начинаешь предполагать разум у этих «симпатичных» тварей. И все же: почти полное совпадение «сна» с действительностью — и там и тут вмешиваются стражи и задерживают космические корабли. Нет, это не сон, это правдивая история, рассказанная тем самым последним «пнем», который превратился в стража... Больше некому... и незачем. Что же молчит Земля?

Диего перестал есть и с сожалением посмотрел на фрукты, рассыпанные по столу.

— Знаешь, в последнее время я никак не могу насытиться, хожу голодный, как бронтозавр. К чему бы это?

За стенами Зоны вдруг странно закричал страж, сорвался с насеста и долго летал над зданием, словно высматривая в нем что-то громадными белыми глазами без зрачков. Диего при этом напрягся и замер, прислушиваясь, потом расслабился и смахнул выступивший на лбу пот.

— Я почему-то чувствую к этому уроду симпатию.

— Родство душ,— пошутил Неверов, у которого мурашки поползли по спине от слов товарища.— Кстати, что ты все время сидишь с закрытыми глазами? Спать хочешь?

Диего на мгновение открыл глаза — Неверов похолодел! У Вирта были совершенно черные, словно целиком занятые зрачками глаза!

— Понимаешь, Лен — глухо сказал Диего.— Я, понимаешь, вижу сквозь веки... и не только сквозь веки. Вот, понимаешь, какой коленкор.

Неверов сглотнул.

— Надо сообщить об этом на Базу, Нагорину.

— Он знает. Не пугайся, старик. Хотя... мне тоже, честно говоря, страшно. Не такой уж я и герой, а?

— Что же делать? — Неверов улыбнулся неуверенно, растерянный и встревоженный.

— Пока ничего. Чувствую я себя неплохо, разве что есть хочу все время, так это не беда, как ты думаешь? — Диего явно пытался поддержать коммуникатора.— Кстати, какими ты представляешь энифиан? Ради любопытства?

Это «кстати» Вирта было как нельзя кстати — слишком богатое воображение Неверова рисовало ему такие картины, от которых он, по собственному выражению, мог «прослезиться алмазами».

— Какими? — переспросил он, всплывая к яви.— Ты же прекрасно знаешь, что энифиане ничего не ответили на прямой вопрос, а по косвенным данным можно только предположить, что они не

млекопитающие, не рыбы и не насекомые. Рептилии? Биологи, кажется, открыли здесь нечто подобное. В разумную плесень я не верю, в то, что энифиане — гуманоиды, тоже. Что еще? Если хочешь знать, я в последнее время вообще сомневаюсь в наличии на Энифе цивилизации. Где следы ее деятельности? Где сеть коммуникаций, опутывающая планету? Где, наконец, радиационный фон связи? Ничего этого нет...

Диего рассеянно взял со стола апельсин, взвесил его в руке, вздохнул и положил обратно.

— А как ты думаешь, к какому классу живых существ относятся стражи?

— Я не специалист по химерам,— буркнул Неверов.— По-моему, ответ на этот вопрос ты можешь получить у биологов Базы, они давно расклассифицировали всю живность Энифа.

Диего улыбнулся. Улыбка на его лице с закрытыми глазами выглядела по меньшей мере странной.

— Ладно, давай заниматься делами. Чем собираешься заняться ты?

— Не роботами, не волнуйся... сбил ты меня своими вопросами с толку. Может, пойдем поборемся? Я намерен выстоять целых две минуты. А потом поработаем с эфиром.

Вирт легко подхватился с места и напряг мышцы.

— Идет. Переодевайся.

Неверов не знал, не мог даже представить, с каким трудом давалась Диего эта легкость движений и спокойная улыбка на лице.

4

Уже перед рассветом Диего решил погулять вокруг Зоны.

— Не заблудись,— крикнул ему вслед Неверов, занятый настройкой координатора.

Диего неторопливо обошел здание Зоны, посматривая на уснувшего стража. Лес стоял тих и темен — ни одного движения, ни звука не доносилось из его таинственных зарослей. Мир стражей и неведомых энифиан еще спал.

Диего ощущал в себе такие изменения, столько возможностей, что боялся верить даже своей способности видеть сквозь любые предметы, даже сквозь стены Зоны. Слышал он также отчетливо и отлично и причем избирательно: мог слышать, например, как Неверов шагает по залу Зоны и напевает песенку или как «переговариваются» свистами автоматы в энергетическом сердце Зоны; стены при этом ему не мешали.

Воровато оглянувшись по сторонам и погрозив неподвижному стражу пальцем, Диего развел руки и подпрыгнул. Результат был такой, будто его выбросило вверх катапультой! Он взлетел выше зда-

ния Зоны, перекувыркнулся через голову и приземлился в кустах в ста метрах от дороги...

В наушниках раздалось восклицание Неверова, заметившего последний акт разыгравшейся драмы — падение Вирта на спружинившую массу кустарника.

— Что с тобой, Диего?! Помочь?

— Не суетись,— хрипло отозвался Диего, переворачиваясь на живот и вставая на колени.— Это просто не совсем удачный эксперимент. Я сам... виноват... не беспокойся.

Неверов все же выскочил наружу, но Диего отправил его назад, не желая разъяснять причин своего неожиданного падения.

Полчаса он отдыхал. «Полет» вызвал такой расход энергии, что все тело казалось рыхлым и ватным, и сердце никак не хотело успокаиваться. Повторить опыт он не решался, сил на второй полет могло просто не хватить.

Страж на столбе не двигался, безучастный ко всему, что происходило вокруг него. Диего наблюдал за ним несколько минут и удовлетворенно кивнул. Под утро у стражей, очевидно, кончались запасы энергии, и они «засыпали». «Странно! — подумал вдруг Диего.— Странно, что я не могу разглядеть строение стража. Ведь даже стены Зоны для меня «прозрачны», почему же не прозрачна шкура стража? По-моему, мы здесь сталкиваемся с чем-то абсолютным. Абсолютным отражением, например. Надо будет посоветоваться с физиками».

Диего прошел к дороге, вернее — взлетной полосе, построенной существами-«пнями», в этом он уже не сомневался. Еще раз успокоил Неверова, мол, все нормально, и решил пойти к холму, вырисовывающемуся на фоне побледневшего небосвода четкой громадой.

Тишина не нарушалась ни одним звуком — уже ставшая привычной обстановка, но все же он старался ступать бесшумно, хотя знал, что стражи слышат звуки ничуть не хуже, чем он сам с его новым суперслухом. Одно успокаивало — он чувствовал, когда стражи начинали просыпаться. Это новое чувство было проверено неоднократно, и еще ни разу он не ошибся. К тому же ближайший к Зоне страж в самом деле отличался от остальных не только меланхолическим поведением, но и еще чем-то неуловимо тонким, чему Вирт пока не подобрал названия. Возможно, страж был очень и очень стар, а может быть, он не всегда был стражем.

Холм, в котором Диего давно распознал очертания космического корабля, предстал перед ним исполинской горой, вершиной уходящей в розовеющее небо. Бока его, разорванные у основания метровыми трещинами, обнажавшими днем желтые, сейчас почти черные слои почвы, были слишком круты для холма естественного происхождения, хотя это впечатление появилось лишь вблизи: издали холм выглядел не таким уж крутым.

Диего обошел его кругом, всматриваясь в провалы трещин, и ему показалось, что в одной из трещин сверкнул металл. Он напрягся, пытаясь разглядеть глубину трещины, не включая фонаря, и перед ним внезапно открылось смутно видимое пространство, какие-то пересекающиеся плоскости, уходящие вдаль тоннели, застывшие тени незнакомых предметов. Новое зрение позволило ему заглянуть внутрь холма... нет, конечно, не холма. Перед ним стоял покрытый полуторавековым слоем почвы чужой космолет! Форма, обводы, детализация корпуса — все говорило об этом. Если раньше Диего мог сомневаться в своих предположениях, то теперь он видел, что это космолет. Не глазами, но видел!

Одного он не знал, хотя и всплывали в памяти детали «сна»,— почему корабль мертв, почему он стоит недвижимо столько лет. Впрочем, «сон» уже можно считать достоверной информацией. Таким образом, причина неподвижности звездолета ясна — энифиане воздействовали на прилетевших существ так, что те не поняли, что с ними происходит, и не успели улететь. А теперь энифиане пытаются проделать то же самое с людьми, тайно, ради своих, наверно, не очень чистых целей... «И мы делаем вид, что ни о чем не догадываемся... тоже ради своих целей, но целей, ведущих к благу всего человечества, ради безопасности других людей, своих товарищей. Ради безопасности других...»

В задумчивости Диего вернулся к Зоне, и вовремя: где-то далеко за обширной горной страной (две тысячи километров,— машинально отметил разведчик) раздался вдруг долгий сигнал, не звук — всплеск радиоизлучения, и страж на скале шевельнулся, словно его включили, поднял голову и посмотрел на человека. Диего даже показалось, что в странных глазах стража мелькнула ирония: мол, я-то знаю, куда и зачем ты ходил...

Но страж тут же отвернулся, и Диего, покачав головой, пошел в Зону, где Неверов, облегченно переводя дух, бормотал:

— Сначала ты говоришь, что ходить туда небезопасно, а потом на практике доказываешь обратное... Вот так хорошие манеры!.. Расскажешь, как тебе удалось прыгнуть так высоко?

— Дай мне самому разобраться,— устало сказал Диего.

* * *

— Снова не ответ, а уклончивое бормотание,— с усмешкой проговорил Зубавин, снимая с головы контактор.— Помните, мы запрашивали энифиан об их теоретическом представлении о строении материи? Знаете, что они ответили? «Наши представления не отличаются от ваших!» — почти дословно. Каково?! И в остальном ничего конкретного, в лучшем случае общие рассуждения на уровне детского лепета, не дающие пищи ни уму, ни сердцу.

— Существует мнение, что...— начал Тоидзе.

— Знаю, знаю, по одной теории, энифиане испытывают нашу дисциплину, по второй, они опять же изучают наши интеллектуальные возможности, по третьей, все наоборот — мы их исследуем. Не слишком ли много теорий?

Зал исследовательского центра Базы был невелик, чуть больше ходовой рубки типового трансгала. Сюда сходились информационные каналы всевозможного рода приборов и установок и линии управления этими установками. Стены зала представляли собой терминалы компьютеров, оконечные устройства приема информации и командные аппараты: почти вся исследовательская аппаратура Базы была автоматической.

Сейчас в зале находилось всего четверо: Зубавин, Нагорин, хмурый Тоидзе и о чем-то задумавшийся Руденко. Почти вся аппаратура не работала, и в зале было непривычно тихо.

— Теперь уже не секрет, что энифиане ставят в ходе контакта какой-то эксперимент,— сказал Тоидзе.— Причем без оповещения другой контактирующей стороны, то есть нас. А мы почему-то относимся к этому совершенно спокойно. Кто-нибудь из присутствующих может мне объяснить, почему?

Нагорин, прищурясь, взглянул на говорившего.

— Интересно, кто же, по-вашему, относится спокойно?

Тоидзе с опаской посмотрел на Руденко.

— Не надо делать преждевременных выводов,— продолжал Нагорин.— Да, цивилизация энифиан необычна, не технологического типа, но именно поэтому контакт с ней чрезвычайно ценен. Что касается своеобразия контакта с энифианами, то этот вопрос находится в компетенции коммуникаторов, а не инженеров технического обеспечения. Вы ведь, кажется, инженер бортовых систем?

Тоидзе криво улыбнулся.

— Разве суждения о контакте — прерогатива коммуникаторов?

— Нет, но мнения малоинформированных людей...

— Спасибо, я понял.— Тоидзе прикусил губу.— Вы совершенно правы. Почему-то с недавних пор мне от всех достается.

Посидев с минуту, он встал и, ни на кого не глядя, вышел.

— Что ты на него напал? — пробормотал Руденко, очнувшись от раздумий.— При существующем положении дел у людей не могут не возникать недоуменные вопросы.

Нагорин досадливо поморщился.

— Положение слишком неопределенно, чтобы делать какие-нибудь выводы. Разве ты сам не видишь, что равновесие контакта в высшей степени зыбко? — Врач Базы помолчал, снова поморщился.— А вообще-то ты прав, зря я на него накричал. Я только что говорил о ценности контакта с энифианами, а на самом деле ценность-то этого контакта — величина отвлеченная и зависит больше не от ин-

формативности цивилизации Энифа, а от конкретных личностей — Диего, Неверова... того же Вано Тоидзе, тебя и меня.— Он прервал речь и посмотрел на Зубавина.

Тот выключил вычислитель и сделал движение к двери.

— Останься, Виктор,— невозмутимо произнес Руденко, не оборачиваясь.

Зубавин пожал плечами и сел у пульта.

— До сих пор мы были пассивными наблюдателями,— продолжал Руденко,— не потому, что бессильны перед энифианами, а потому, что такова была наша воля. Хотя нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что против нас, горстки коммуникаторов, вся планета. Планета! Понимаешь? До сих пор энифиане не противились смене дежурных в Зоне, которую мы установили по их желанию, но вчера...

Нагорин нахмурился.

— И я об этом не знаю?

— Не сердись, Игорь. Многие вопросы контакта находятся в ведении УАСС, и отчитываться за свои действия я буду там. Директор Базы, кстати, в курсе событий. Так вот, до сих пор мы посылали к Зоне шлюп со сменой и возвращали дежурных. Вчера шлюп не смог опуститься на планету ниже пятидесяти километров. Предвижу твой вопрос: да, месяц дежурства Неверова еще не закончился, но Управление, исходя из твоего же рапорта, решило не подвергать риску еще одного человека. Вот мы и попробовали, не афишируя своих намерений, вернуть Неверова на Базу. Не удалось. А ведь надо будет скоро возвращать их обоих...

Нагорин встал, прошелся по залу и остановился у темного экрана телескопа.

— Что же ты предлагаешь?

Руденко тоже встал.

— Я предлагаю испросить у энифиан разрешения на посадку спасательного модуля и незаметно установить в Зоне ТФ-лифт.

Нагорин, опустив голову, снова прошелся по залу.

— Я ведь не работник Управления, для чего ты мне все это рассказал?

— Просто ввел в курс дела,— усмехнулся Руденко.— Ты тоже член Совета безопасности Базы. Не иронизируй. Проблемой Энифа заинтересовался Высший координационный совет, а это значит, дело гораздо серьезней, чем мы думали до сих пор. Сыграла роль, конечно, и твоя докладная записка, где ты предлагаешь прекратить контакт.

Нагорин несколько мгновений смотрел в светлые глаза Руденко, потом резко повернулся и вышел.

— Ты меня ставишь в неловкое положение,— сказал недовольный Зубавин, глядя вслед главврачу Базы.

— Что? — вздохнул Руденко.— Просто ты мне нужен. Тебе придется повторить полет к Зоне. И может, не один раз.

— Я готов.— Зубавин повертел в руках контактор.— Но ты, наверное, хотел сказать не только это?

Руденко тяжело сел в кресло, разглаживая лицо ладонями, и сказал глухо, через силу:

— Психолог... В полете ты испробуешь новую систему защиты... Но это опасно.

Зубавин недоуменно смотрел на руководителя группы.

— Ты меня удивляешь, Юра.

Руденко отнял руки от лица, и Зубавин увидел в его глазах угрюмую и жестокую решительность.

— Это опасно прежде всего для тех, кто в Зоне, вот в чем дело. Но рисковать необходимо. Диего я предупредил. На Земле разобрались с его информацией, его «сон» — наведенная гипноиндукционная передача с головоломным психоиндексом, нечто невероятное по способу обработки. Выходит, нас кто-то пытался предупредить об опасности контакта. Отсюда и второй вывод: цивилизация дендроидов, как ученые назвали существ-«пней»,— реальность.

— Допустим. Интересно, но не ново.

— Это не только интересно, Звездолет дендроидов не смог покинуть Эниф, его просто-напросто не пустили. Теперь понятно?

* * *

Конус модуля оторвался от диска Базы и, плавно ускоряя ход, устремился к жемчужной дымке освещенной стороны планеты. Затерялся в блеске надвигающегося дня...

Сначала Зубавин проверил автоматику модуля на скорость подчинения мысленным приказам, выписав в пространстве сложнейшую фигуру, называемую пилотами «школьным проклятием» — на курсах высшего пилотажа она обычно венчала экзамен.

Связь с Базой держалась постоянно, и в окне виома мерцали от помех напряженные лица товарищей.

В ходовой рубке модуля, кроме Зубавина, находился еще инженер энергетических установок Малахов. Сам Зубавин занимал кресло инженер-пилота.

Когда они опустились на двести пятьдесят километров над уровнем океана, Зубавин притормозил бег кораблика и, повернув голову к коренастому, раздетому по пояс — в рубке было жарковато — Малахову, сказал:

— Капсулирование.

— Действуй строго по программе,— быстро отозвался волнующийся Руденко.— Следи за временем, если через час не выйдешь на связь...

— Выйду,— пообещал Зубавин без улыбки.— Давай,— кивнул он Малахову.

Тот склонился над своим крылом пульта, и через мгновение короткое содрогание рубки показало, что модуль окутался защитным силовым полем. Теперь со стороны обнаружить его было почти невозможно: энергосфера поглощала все виды электромагнитного излучения. Определить местонахождение модуля можно было только с помощью гравитационных детекторов. Локаторов у энифиан не было, это люди знали почти со стопроцентной уверенностью, но рисковать не стали.

Связь с Базой прервалась, но это было в порядке вещей, и Зубавин, бросив короткое: «Поехали», направил модуль к границе плотных слоев атмосферы Энифа, намереваясь войти в коридор входа на посадку точно над Зоной.

Огромный диск планеты летел навстречу, кренясь и увеличиваясь в размерах. Вскоре он занял все боковые экраны, и Зубавин вдруг отчетливо почувствовал всю огромность слова «планета»! Не камень, не скала, не горный хребет, но — планета! Миллионы квадратных километров поверхности! Триллионы тонн массы! Чужой, незнакомый и, судя по всему, враждебный мир, населенный странной расой разумных существ, мощь которой еще не измерена, но ощущается во всех их действиях. Что против этой мощи группка землян? Пятикилометровый диск Базы?..

Зубавин мельком взглянул на красное от волнения лицо товарища и, встретив ответный взгляд, понял, что мысли их во многом совпадают.

— Ничего! — с веселой злостью сказал Малахов, пытаясь, видимо, поддержать товарища.— Ничтожный вирус валит с ног огромного слона.

Аналогия инженера не понравилась Зубавину, но отвлекаться на разговоры было некогда, начиналась самая ответственная часть полета.

Корабль медленно пронизал радиационные пояса планеты, затем опустился под слой сверхвысоких облаков и пересек невидимую границу в пятьдесят километров, за которую его не пустили в первом пробном полете.

Примерно в сорока километрах от поверхности Зубавин запустил съемочную аппаратуру и автоматический комплекс экспресс-анализа. В тридцати километрах координатор визуально поймал Зону и дал изображение на окно дальновидения. С этой высоты Зону видели только автоматы.

В двадцати километрах модуль вонзился в толщу слоистых светящихся облаков, похожих на кисейные полотнища. При этом его броня отозвалась вибрацией, возбудившей неприятные для слуха обертоны звука.

— Странные какие-то облака,— сквозь зубы процедил Зубавин.

Модуль опускался теперь совсем медленно, примерно двадцать метров в секунду. Планета превратилась в гигантскую чащу с тающими в дымке краями. Небосвод уже не казался бездонно черным, в его черном отливе появились фиолетовые оттенки.

Зубавин приготовился мгновенным прыжком к поверхности закончить медленный финиш корабля, и в это время они словно со всего размаха налетели на каменную стену! Из глубины темного провала между холмами, куда нацеливался модуль, выметнулась вдруг трасса ярких, пронзительно голубых огоньков и воткнулась в защитное поле корабля. Энергия этого неожиданного и почти невидимого выпада была так велика, что пятисоттонный модуль подбросило вверх, как шарик для пинг-понга!

Не успел Зубавин опомниться, как второй удар громом отозвался в его внезапно отяжелевшем теле.

Все же сознание он не потерял, хотя кровавый туман в глазах рассеялся не сразу.

Управление перехватил координатор и уводил теперь корабль по пологой глиссаде в фиолетовое небо.

Зубавин тяжело мотнул головой, подтянул слетевший с него контактор МУ и тут заметил, что корабль, идущий уже со скоростью километра в секунду, догоняют стражи. В первое мгновение Зубавин не поверил глазам, но стражи приближались быстро, и вскоре модуль оказался со всех сторон окруженным жуткими фигурами, от одного вида которых мороз драл по коже и хотелось поскорее открыть глаза и проснуться. Каким образом эти монстры поддерживали космические скорости при абсолютно необтекаемом корпусе — нельзя было даже представить! А ведь они должны были преодолевать контактор.

Зубавин опомнился и натянул контактор.

Скорость подскочила до десяти, пятнадцати, двадцати пяти километров в секунду, стражи не отставали, будто составляли с кораблем одно целое. Не помогло и сверхскоростное маневрирование, которое Зубавин провел на голых нервах, без координатора — мешало защитное поле. Зубавин уже махнул рукой, собираясь дать команду потному от сопереживания Малахову на снятие поля, но вовремя спохватился.

Модуль вырвался за пределы атмосферы, и в следующее мгновение стражи исчезли, сгинули, будто их и не было. Будто выполнили свою миссию — отогнали непрошеных гостей. То ли они затормозили все разом, то ли непостижимым образом «вывернулись» в пространстве...

Зубавин выругался и сбросил шлем контактора.

— Снимаем поле,— проговорил он хрипло.— Возвращаемся.

5

— Они не пропустили модуль.— Озабоченный Доброгнев пробежал глазами индикаторную панель и побарабанил пальцами по канту пульта, что служило у него признаком озабоченности и раздражения.— Мало того, они вообще не отвечают на наши вопросы. И я склонен полагать, что они не позволят прервать контакт, ибо двое наших товарищей полностью в их власти. Вернуть их без применения силы мы не сможем.

— Сомневаюсь, сможем ли и с применением силы,— пробормотал Нагорин.— Следует быть точными в формулировках. Возникает инцидент, а поскольку инцидентов подобного рода не знала история, то, следовательно, и решать сейчас мы не вправе. Надо запросить Землю.

— Уже запросили,— сказал Руденко.— Но в лучшем случае корабли с Земли придут через шесть-семь дней. А Вирт и Неверов? Что будет с ними? Что предпримем мы или будем сидеть и ждать?

— Предложи что-нибудь,— взорвался Доброгнев, вскочил с места и прошелся по комнате, успокаиваясь.— Извини.

Руденко понимающе кивнул.

— Давай думать, что делать дальше, думать не только нам троим, но и всем работникам Базы. Голова — это пока единственное наше оружие.

— Неужели мы не сможем взломать скорлупу их противодействия? — с неожиданной тоской произнес Нагорин.— Неужели человечество не обладает достаточной мощью?

Доброгнев изумленно вскинул взгляд на главврача Базы.

— А ты, однако, воин!

— Аника-воин,— буркнул Руденко.— Энерговооруженность человечества на порядок выше энерговооруженности цивилизации энифиан, но перед нами иное качество, неведомый противник, которому, кстати и к сожалению, многое о нас известно. И все же конфликт с применением оружия...

— При чем тут оружие,— махнул рукой Нагорин.— Рассуждать мы умеем, а что дальше?

— Это называется: посовещались, посоветовались и решили,— усмехнулся Доброгнев.— Один ум — хорошо, а три — куда лучше! — Он повернулся к Руденко.— Кстати, что же ты выяснил, рискуя людьми, когда посылал модуль в этот ненужный, как мне кажется, разведывательный полет?

— К сожалению, нужный,— сказал Руденко.— Земля вслед за нашей информацией о «сне» Диего сразу же посоветовала попытаться доставить Неверова на Базу, минуя все официальные каналы. Поэтому я действовал без вашего ведома... Ну, а второй раз нужно было спровоцировать энифиан на активную акцию с целью разведки их

военно-технического потенциала, чего мы и добились, хотя сами энифиане так и остались в тени, исполняли все стражи. Специалисты техсектора УАСС уже разобрались в нападении на модуль — это мезонный разряд огромной энергетической «массы».

— Спецслужба, спецотдел... спецканал,— буркнул Доброгнев, включая обзорный виом,— Тайны какие-то... К чему все это? Как дети в прятки играем. Опять соображения высшего порядка насчет безопасности космического человечества?

— Напрасно иронизируешь, Ждан,— мягко сказал Руденко.— Мы обязаны предусмотреть все до мелочей, потому что в разведке мелочей не бывает. Известно ли вам, что линейный разведчик второго класса «Одинокий охотник» обнаружил у гаммы Пегаса планету, населенную, вернее — некогда населенную существами, похожими на дендроидов из «сна» Диего?

— Шутишь! — вполголоса сказал Доброгнев.— Что значит — некогда населенную?

— Это значит, что планета представляет собой лишь памятник исчезнувшей культуры. Коммуникаторы там уже не нужны, контакт устанавливать не с кем.

— Опоздали? — очень спокойно сказал Нагорин, переводя взгляд на виом, в черноте которого засиял опаловым светом бледный диск Энифа. Его слова могли относиться и к сообщению Руденко, но товарищи поняли: Нагорин говорил о дежурных в Зоне.

* * *

Где-то около трех часов ночи, не энифианской тридцатичасовой, а порядковой — для отдыха одного из дежурных в Зоне, Неверов проснулся от крика.

В зале царил мрак, не нарушаемый несколькими цветными огнями пульта. Окна дальновидения не работали, постель Диего была пуста, в зале его не было.

Неверов полежал с открытыми глазами, привыкая к мраку и гадая, отчего он проснулся. И почти явственно услышал медленный нечеловеческий голос, струящийся откуда-то из-за стены. По телу прошла жаркая волна, сердце отозвалось колокольным звоном... Снова послышался голос, медленный, какой-то «картонный», совершенно не похожий на живую человеческую речь.

Неверов вскочил, сдерживая желание закричать, и включил дальновидение. Виомы прозрели, и он увидел чудовищную по своему неправдоподобию картину: на дороге напротив Зоны расхаживал страж, а рядом стоял Диего Вирт без скафандра (!) и смотрел на Зону, смотрел пристально и ожидающе. Неверов невольно взмахнул рукой, и Диего, словно мог видеть его жест сквозь стены, кивнул в ответ и отвернулся.

Лен сильно сдавил виски пальцами, зажмурился, но, открыв глаза, увидел ту же сцену: расхаживающего стража и спокойно стоящего в смертельной для человека атмосфере Диего. Тогда он подошел к пульту и сухо спросил координатора, что тот видит на дороге.

— Стража и существо, похожее на человека,— так же сухо ответил координатор.

— Существо?! — Неверов осторожно, наощупь сел в кресло оператора связи.

Пока он ломал голову, сообщать ли о случившемся на Базу или выйти к Диего, к Зоне подлетели еще пять стражей. Они уселись вокруг человека, и тут Диего снова оглянулся на Зону. Неверов похолодел, но не от взгляда, а от голоса, раздавшегося, как и минуту назад, внутри него. Он понял, что все это означает: Диего просил помощи, звал к себе.

Неверов больше не размышлял. Он подхватился с кресла, крикнул что-то вроде: «Держись, Диего!» и бросился в бокс за скафандром. Облачась, увидел, что стражи как по команде снялись с места и медленно полетели в долину между холмами. Диего Вирт, волоча ноги, останавливаясь и оглядываясь, побрел за ними. Было заметно, что идет он против воли и все-таки ничего не может сделать.

Неверов еще раз крикнул, теперь уже от ярости, кое-как зарастил скафандр и бросился из зала, доставая на ходу пистолет. Вирта он увидел уже в сотне метров от Зоны, все еще пытавшегося сопротивляться. Рука у Неверова дрожала, и первый разряд «универсала» пришелся на последнего стража, прикрывающего спину Диего. Страж кувырком полетел на дорогу, а его собратья разом оглянулись, и глаза их с непередаваемым выражением впились в Неверова, гипнотизируя, парализуя волю и желания. Спасло его то, что Диего на мгновение вышел из-под контроля и вмешался в схватку.

Он взлетел в воздух, вычертил крутую петлю и спикировал на стражей сверху, словно решил пойти на таран. Стражи бросились врассыпную, ловя Диего в «перекрестия глаз», и Неверов, усилием воли освободившись от дурмана чужого влияния, успел еще два раза разрядить пистолет...

Диего пришел в себя уже в зале связи, куда притащил его Неверов, не чувствуя от возбуждения тяжести тела.

— Вызови Базу,— глухо сказал Вирт, почти не разжимая губ.— Плохо мне, Лен...

— К-как плохо?! — испуганно забормотал Неверов, торопливо стягивая скафандр.— Почему плохо? Очень плохо? Сейчас, подожди чуть-чуть, вызываю...

Диего попытался привстать, повел головой и повалился на бок.

Неверов кинулся к нему, потом к пульту, снова к нему и наконец, обругав себя вслух, вызвал Базу.

Сообщение о случившемся, не слишком вразумительно переданное им дежурному, вызвало на Базе настоящий переполох. Пока искали Доброгнева и его заместителей. Неверов включил медицинский комбайн, подсоединил к нему рецепторные «усы» и со связкой проводов устремился к Диего. Но подключить к нему датчики не смог.

То, что он принял за странную одежду на коммуникаторе, оказалось телом Диего, деформированным, покрытым не то чешуей, не то потрескавшейся кожей. Руки Диего тоже изменились, стали длиннее и тоньше. Да и все его тело, уже почти не человеческое, на глазах продолжало изменяться, перерождаться, деформироваться...

Неверов сделал неуверенный шаг вперед, но Диего снова зашевелился, подогнул под себя руки и сел, и Неверов, задохнувшись, отскочил назад и выронил датчики.

— Что там у вас? — послышался от пульта встревоженный голос, Нагорина.

Неверов оглянулся и показал рукой.

В виоме показался Доброгнев, потеснив главврача.

— Что? — повторил он вопрос Нагорина, но в это время Диего встал и пошел к пульту, странно переваливаясь своим необыкновенным телом. Чем-то он стал похож на стража, неуклюжестью, что ли? — и это сравнение доконало Неверова.

— Пусть все выйдут,— сдавленным голосом произнес Диего.

Доброгнев побледнел. Повернувшись к замершей в немом удивлении группе людей, набившихся в центр связи Базы, сделал короткий и понятный всем жест.

Зал опустел, остались Доброгнев, Нагорин и Руденко.

— Организм перерождается внезапно и почти полностью,— хрипло сказал Диего, цепляясь руками за пульт.— Видите?.. Не только... нервная система... перестраивается все — энергетика тела, химизм и метаболизм...— говорил разведчик с паузами, словно с трудом подбирая слова.— Скачкообразно, я не успел... сообразить... и предупредить... Я пытаюсь бороться, но они, очевидно, кроме всего прочего встроили «механизм подчинения» радиоприказу — воля подавляется до потери сознания, как только я начинаю сопротивляться... Но для людей я не опасен (Нагорин поморщился, переглянувшись с Руденко), просто я получил такие способности, о которых и не смеют мечтать пандологи...

— Какие? — вырвалось у Доброгнева, хотя он тут же пожалел об этом.

— Я вижу в любом диапазоне волн.— Диего, тяжело дыша, с трудом уселся в кресло в нелепой позе.— Правда, мне сейчас мудрено разобраться, все так смешалось... Еще я могу летать, дышать в любой атмосфере и даже совсем не дышать... А также я могу сказать, о чем в данный момент думает мой сосед.

С ужасом и каким-то суеверным восторгом смотрел на Диего Неверов, чувствуя себя совсем плохо.

— Мы можем помочь? — спросил Нагорин.

Выразительная гримаса исказила лицо Диего.

— Можете. Первым делом — не паникуйте, не спешите с решениями.

Доброгнев мгновение вглядывался в Вирта, потом обратился к Неверову:

— Как вели себя стражи?

Неверов бессмысленно посмотрел на него, помотал головой, избавляясь от оцепенения, и перевел взгляд на виомы дальновидения. Все было, как и прежде: сонная тишина, струйки испарений над дорогой, вернее, взлетной полосой дендроидов, неподвижный страж на скале, застывший, как изваяние. Неверов вспомнил, что только этот страж, запомнившийся своим меланхолическим поведением с давних пор, не вмешивался в историю с Диего. Симпатизировал людям? Или у него была иная роль?..

— Их было много,— сипло отвечал Неверов и прочистил горло.— Они хотели увести Диего с собой. Я отогнал...

— Я не мог сопротивляться,— тихо пробормотал Диего, бесцельно поводя уродливыми руками; он заметно слабел.— Сначала было интересно, а потом — как удар по голове...— он замолчал, вдруг дико посмотрел вокруг и завалился на пульт.

Неверов подбежал к нему, приподнял голову, коснулся лоснящегося плеча и дернулся, как от электрического удара.

— Что мне делать? — с отчаянием сказал он, оглядываясь на застывших в тысячах километрах от него людей.

— Их надо возвращать немедленно,— скороговоркой произнес Нагорин.

— Как? — возразил Руденко.— Я не знаю, какой будет реакция энифиан, если мы попытаемся забрать дежурных силой. Еще хорошо, что они не прервали связи с Зоной.

— Но делать-то что-то надо...

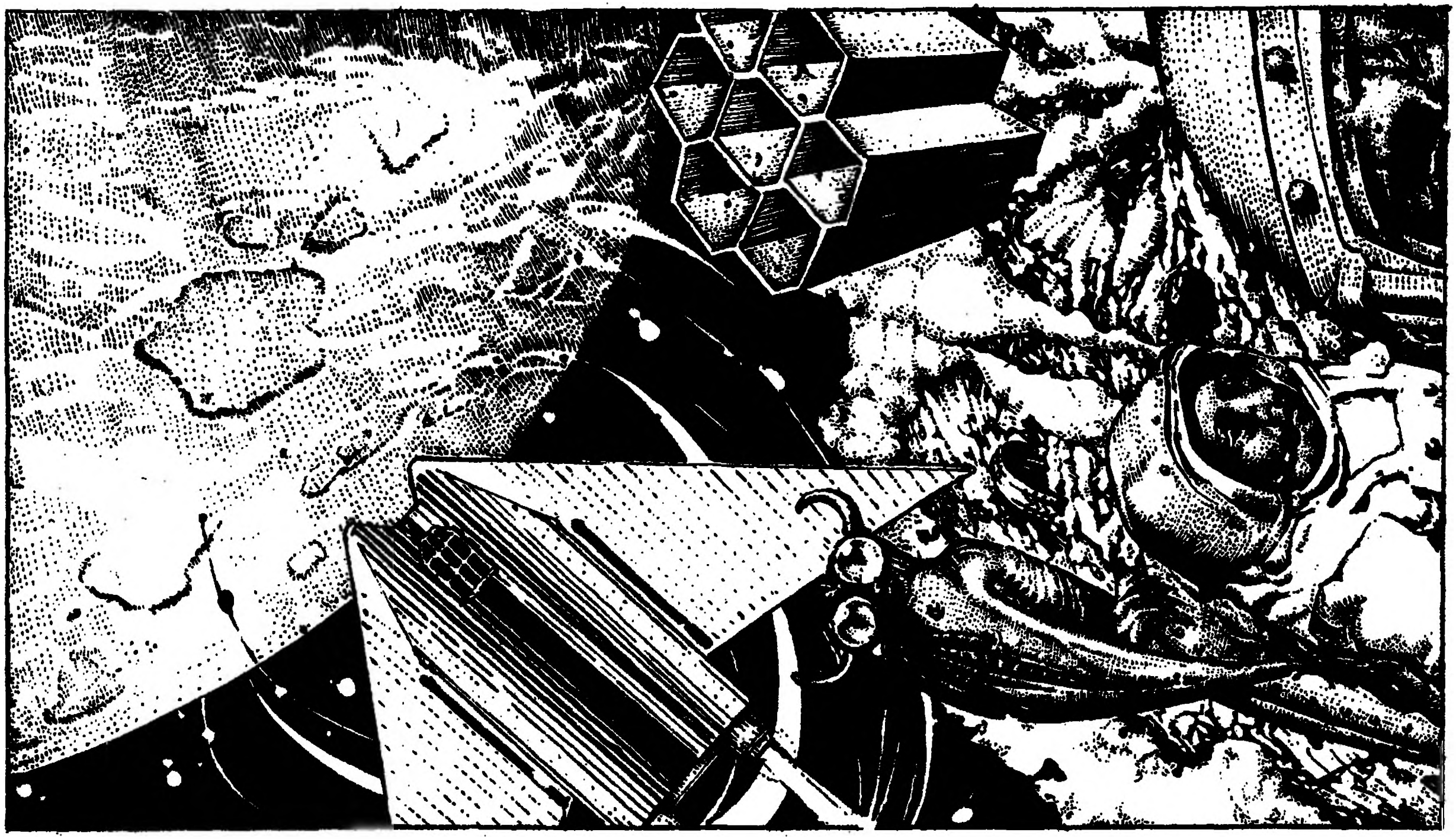
— Обычные модули слишком хрупки,— тяжело сказал Доброгнев.— И даже если бы мы имели ДМ или крейс-роботы...

Они одновременно посмотрели на Неверова и замолчали.

— Что делать с Диего?! — закричал тот, уже не владея собой.— Ему же плохо!

— Не кричите! — тихо проговорил Нагорин.— Подключите к нему киб-диагност и дайте воды, это ему не повредит. Данные диагноста передайте в медцентр, параметры линии я укажу. А ты,— он повернулся к директору Базы,— запроси энифиан непосредственно с Базы и продублируй через Зону, может быть, они все же откликнутся.

Доброгнев кивнул, быстро пересек зал и открыл дверь.



— Где видеоники? Гунна ко мне!

Вскоре в центральный зал Базы вошли трое: Тоидзе, Назаров и Гунн — старший из специалистов по видеосвязи.

— Нужна прямая связь с Землей. Как скоро вы ее дадите?

— Через час,— подумав, сказал Гунн.— Если, конечно, не лимитировать расход энергии.

— Связь экстренная, приступайте. Вано, попробуй связаться с энифианами напрямую, минуя Зону. Вы, Евгений, передадите ту же информацию через аппаратуру Зоны.

Назаров молча кивнул.

Директор Базы повернулся к Неверову: связь с Зоной не выключали ни на минуту.

— Лен, вам придется поухаживать за Диего. Возвращать вас... в общем, рискованно, а в Зоне вам ничто не угрожает, только включите дополнительные защитные контуры, экономить энергию не нужно.

— Ох, да не объясняйте вы мне ничего,— возмутился Неверов, слегка оживший в работе.— Конечно, я помогу Диего. Только я не врач...

— Врач ему пока не нужен,— хмуро сказал Нагорин.

— Эх, давно надо было потихоньку установить в Зоне ТФ-лифт! — вздохнул Руденко.— Под видом ремонтных работ. Не знали бы никаких забот! Генераторы ТФ-поля установили, а сам лифт — не успели.

Доброгнев с досадой поморщился.

— До чего верно подмечено и, главное, вовремя...— Он снова обратился к Неверову:— На вызовы энифиан не отвечайте, но поступающую информацию дублируйте нам. И еще...— Он поколебался немного.— Слева на пульте есть стеклопанель, под ней кнопка — это кнопка запуска генератора ТФ-поля. Пользуйтесь ею лишь в случае прямой угрозы жизни, при нападении стражей на Зону... ну и тому подобное. Потому что удар скалярного ТФ-поля превратит местность вокруг Зоны в обугленную пустыню. Хорошо, если вы перед пуском генераторов предупредите нас, но коль уж не успеете...

— Сделаю,— пообещал Неверов, слушая с пятого на десятое.

Он взял бокал, стиснул зубы, все еще не решаясь дотрагиваться до горячего, безобразно изменившегося тела Диего, и попытался влить ему в рот воды.

6

Огромный диск Базы вышел из конуса тени планеты, и огненное крыло света разогнало тьму в главном зале. В зал стремительно вошел Доброгнев, высокий, не по возрасту гибкий и подвижный.

— Крейсер на подходе,— сказал он, подходя к висящей в воздухе подкове пульта, у которой сидели инженеры связи, Нагорин, Руденко и два врача из медперсонала Базы.— Виден в бинокль. Как там у них? — кивок на виом связи с Зоной.

— Без изменений,— ответил Нагорин.— Диего, очевидно, потерял много энергии, получил деадаптационный дистрессовый шок и все еще спит. Неверов держится молодцом... насколько можно выглядеть молодцом в его положении.

— Энифиане только что пытались задать вопрос, будто ничего не случилось,— сообщил Тоидзе.— Их, видите ли, заинтересовала причина возникновения земной машинной технологии. Это их первый вопрос по данной теме. Мы не ответили, и они успокоились. На наши запросы из Зоны и с Базы — молчание.

Доброгнев сел напротив виома связи с Зоной.

— На Земле полностью разобрались в их излучении,— негромко сказал он.— Я только что подумал, что мы теперь сможем вернуть Диего «первозданный» облик... после его возвращения.

В зале Зоны показался Неверов. Бледный, с лихорадочно блестевшими глазами, то и дело порывающийся оглянуться.

— Я все время слышу зовущий меня голос,— сосредоточенно произнес он.— Может быть, я заболел?

Доброгнев переглянулся с Нагориным.

— Вы проверяли себя на диагностере?

— Слегка повышенная температура... диагноз: перевозбуждение нервной системы.

Нагорин успокаивающе кивнул, хотя внутри у него все сжалось.

— Так и должно быть после той встряски. Больше лежите и ни о чем не беспокойтесь. Скоро мы заберем вас с планеты.

Неверов сгорбился, пугливо оглянулся через плечо и отошел от пульта.

Нагорин поманил директора из зала. В коридоре сказал:

— У него начинается то же самое, что и у Диего. Это заметно сильнее, потому что самообладания у него поменьше. Очевидно, из-за увеличения энифианами дозы облучения ускорился и процесс трансформации организма.

— Сам вижу.— Доброгнев помрачнел.— Сколько времени в нашем распоряжении до полной трансформации?

— Думаю, дня четыре. После этого процесс будет продолжаться даже при снятии облучения, это мы установили в лаборатории, в медцентре, смоделировав процесс. И хотя я только что успокаивал Неверова, уверенности в том, что процесс обратим, у меня нет. Да-да, несмотря на то, что на Земле разобрались с излучением. Так что я не понял твоей уверенности насчет возвращения Диего «первозданного облика». Повторяешь чужие слова? К тому же меня беспо-

коит состояние Диего, он до сих пор не может прийти в себя. Видимо, просчитались энифиане в чем-то...

— В чем же?

— Точно ответить трудно, но мне кажется, что человеческое тело просто не в состоянии снабжать энергией раскрывшиеся возможности Диего.

— Он же говорил, что изменился и химизм тела, и метаболизм...

— Все равно главным генератором энергии осталась печень, а генератором давления — сердце, а они в потенциале не приспособлены к такому расходу энергии, какой требует, например, полет человека в поле тяготения.

— Диего летал.

— Боюсь, он перегрузил сердце... если не «загнал» его совсем. Или мы не все о нем знаем.

— С Неверовым скверно.— Доброгнев потер усталые глаза.— Он-то ни о чем до сих пор не догадывался. Как же их вернуть? Объявить войну? Кому? Планете?.. Что молчишь?

Нагорин хмуро смотрел в стену.

Мимо пробежал по коридору Тоидзе, заметил их в нише и вернулся.

— Приняли передачу с планеты, причем не через Зону, а прямо по обычному каналу!

Доброгнев мрачно усмехнулся.

— Наконец-то! Они не могли не заметить нашей реакции, но вызывать по обычному каналу... Пошли.

Все трое поспешили в центр управления.

— Запись обычным разговорным кодом,— сообщил Гунн, колдуя над сенсорной клавиатурой связи.— То есть код этот обычной автоматической связи, используемый нами на внутренних линиях. С энифианами у нас был до этого специальный код, и только через автоматику Зоны.

— Похоже, нас просто водили за нос,— буркнул Руденко,— если они могли разговаривать с нами без переводящей аппаратуры. А может, энифиане вообще прослушивали все наши передачи?

— Передачи по ОЭЛ прослушать невозможно,— обиделся Гунн, с которого на миг слетела вся его флегматичность,— была затронута честь специалиста по связи.— Это исключено. Энифиане могли поймать наши переговоры на орбите.

— Не шуми, давай запись.

Гунн включил воспроизведение, и все услышали ровный голос дешифратора:

— Разумные, называющие себя людьми. Мы, те, кого вы именуете энифианами, в целях исключения дальнейших недоразумений поясняем: во-первых, мы отличны от вас не только внешне, но и способами переработки информации; во-вторых, наша цивилизация

принадлежит к одной из самых древних в окружающем звездном мире. Однако несмотря на «детский» возраст вашей цивилизации, мы заинтересовались вами не случайно. Вы, белковая органическая форма жизни,— явление чрезвычайно редкое! В сопредельном звездном окружении таких форм жизни всего две! Но самым примечательным для нас оказался тот факт, что в процессе эволюции вы, кроме известной нам способности мыслить и инстинкта самосохранения, приобрели абсолютно непонятное нам свойство эмоциональных выражений жизнедеятельности. В настоящий момент мы выяснили: выражение чувств, эмоций представляет собой своеобразную приспособительную реакцию ваших организмов, применяющуюся при недостатке информации. Но оказалось, что эмоциональные переживания присущи людям даже там, где, по существу, никаких к этому причин не существует.

В ходе дальнейшего изучения выяснился еще один факт: в противоположность нам вы, люди, преобразуете среду обитания, подчиняя ее своим особенностям, в то время как гораздо проще и эффективней преобразовывать себя, сообразуясь со свойствами природы. А накопление измененных факторов ведет к отчуждению от экологической среди и невозвратимому изменению ее свойств. Эта особенность вашей цивилизации опасна, и мы обеспокоены.

Теперь о главном.

Для выяснения механизма эмоций мы пошли на перестройку организмов людей в Зоне контакта, имеющую большой познавательный интерес. К сожалению, мы поздно поняли, что чересчур хрупкие организмы людей не подготовлены к ускоренному преобразованию и не могут выдерживать длительного взаимодействия с общим функциональным полем разума планеты. Несмотря на это, мы предлагаем не прерывать контакта, потому что результат эксперимента в равной степени важен и для вас, вами же он может быть использован для физического совершенствования человеческой расы. Вынуждены предупредить; люди — посредники контакта в Зоне контакта — могут иметь значительные поломки жизненно важных цепей при попытке их резкого изъятия из функционального поля разума в период адаптации к условиям Энифа. Надеемся, что и для вас значение эксперимента превышает значение существования двух разумных единиц сообщества.

Связь можем держать непосредственно с центром контакта, установка Зоны контакта на планете была необходима нам только для глубокого изучения феномена человека — его эмоционального бытия.

Конец.

Голос автомата умолк.

В зале стояла тишина. Люди были изумлены тем равнодушием, с которым в послании говорилось об участи дежурных в Зоне, яв-

лявшихся для них только «биологическими системами» и «разумными единицами сообщества».

— Наглецы! — взорвался Тоидзе и добавил несколько слов по-грузински, яростно при этом жестикулируя.

Стоящий к нему спиной Доброгнев криво усмехнулся.

— Не надо оценивать их действия столь прямолинейно. Ты же слышал, они не знают, что такое чувства. Не знают, что значит ждать и беспокоиться, что такое страх и отчаяние, боль и гнев. Они просто констатируют факт, стоит ли упрекать их в бесчувственности?

Взоры присутствующих невольно потянулись к Доброгневу, на лице которого смешались гнев, сожаление и горечь. Думал он в это время о том, что у Диего на Земле жена и ребенок, что у Неверова отец получил травму и сын об этом еще не знает, плюс к этому — его ждет невеста; что никто, конечно, не упрекнет его самого в случившемся, ибо риск — неотъемлемая часть жизни коммуникатора, но сможет ли он сам себя уважать, если не сделает всего, чтобы Вирт и Неверов вернулись? И не просто вернулись, а вернулись людьми со всеми их способностями мыслить и чувствовать!

— Странная цивилизация,— тихо сказал Нагорин, пристально глядя на пушистый шар Энифа, укатывающийся в ночь.— Перепутались понятия добра и зла, есть и откровенный расчет, и рациональные зерна рассуждений... Едва ли мы способны доказать энифианам силой, что и мы годимся на большее, несмотря на наш «детский возраст». Все наши попытки проникнуть к Зоне, например, они пресекли без труда.

В набившейся в зал толпе послышался ропот и стих.

— Но вы слышали — они предлагают продолжить контакт, не учитывая, что в Зоне двое наших товарищей, которые нам дороже, чем результаты обмена информацией. И вот это надо доказать энифианам любым разумным способом. Разумным — понимаете?

В зале Зоны усталый от пережитого Неверов сел возле Диего и взял его за «руку»...

— Итак, перед нами выбор,— сказал Доброгнев, наблюдая, как, мерцая сигнализацией, к Базе подходит корабль с Земли.

— У нас нет выбора,— угрюмо возразил Нагорин.— Жизнь людей важнее любых проблем, даже если людей всего двое и они согласны рискнуть.

— Но энифиане говорили что-то об адаптации,— Доброгнев покосился на Гунна у пульта связи.— Я не меньше твоего хочу вернуть парней из Зоны, вернуть им человеческий облик. А ну как энифиане правы, и, убрав коммуникаторов с Энифа, мы тем самым их убьем?

— Скорее всего энифиане «блефуют». Они уже доказали, что не знают в своем словаре таких слов, как честность, совесть и гуманность.

— Согласен. Но ты учти и то, что Диего и Лен единственные по-

средники между человечеством и цивилизацией Энифа, единственные, кто может дать нам знание, которое мы не можем приобрести в любом другом уголке космоса!

— Может быть. Но что ты скажешь дочери Диего или отцу Неверова? Или его девушке?

— Скажу,— с горечью проговорил Доброгнев после долгого молчания.— Я скажу им правду. Да разве дело во мне?

— И в тебе,— твердо сказал Нагорин.— Во всех нас. Я не верю, что рационалистический подход к подобного рода проблемам делает людей людьми.

— Я не о том.— Доброгнев поморщился.— Каждый из нас уже сделал выбор, но разум протестует, так сказать — логика чистой выгоды. И не для себя — для нас же всех. Когда-то рисковали жизнями во имя гораздо менее значимых целей.

— Удобный тезис. И главное, правдивый...

— Может, стоит предоставить слово самим дежурным? — осторожно проговорил Гунн.— Хотя они, конечно, в таком состоянии...

— Да? — иронически поднял бровь Нагорин.— Здесь и гадать не стоит. Диего останется потому, что он работник УАСС и обязан идти до конца. А Неверов мальчишка, для него все окрашено в романтический ореол, он тоже останется... не столько, конечно, из-за романтики, сколько под влиянием характера Диего. Но вы-то, вы, зная, что посылаете их на заведомую гибель, что будете чувствовать вы?! Утешать себя мыслями о всеобщем благе?

— Я никуда их не посылаю,— пробормотал Гунн хмуро.

Доброгнев молчал. Он прекрасно понимал Нагорина, выдвигающего не только доводы разума, но и доводы сердца. Да, человек ради спасения друга способен на любое самопожертвование, но именно в этом его преимущество перед каким угодно существом «холодного разума». Разве он сам, Ждан Доброгнев, не согласен спасти Диего и Неверова любой ценой, даже ценой собственной жизни?! Только главное ведь в том, что как руководитель он должен был предвидеть результат эксперимента, пусть и чужого, должен был оценить степень риска и свести его к минимуму, прервав контакт в нужный момент, не спрашивая согласия у Диего. Конечно, участие Вирта в операции санкционировано многими руководителями УАСС, но разве это снимает ответственность с него, с директора Базы?

— Бросок в Неизвестность...— произнес вслух Доброгнев.— Не потому ли мы люди, что плакать умеем и не казаться при этом смешными?.. *

Звезды перемещались над их головами: База меняла орбиту, подходя ближе к Энифу. Корабль с Земли приблизился, затмив собою светило, и медленно разворачивался. Вблизи он казался могучим

---

* Гийом Аполлинер.

и непобедимым, вселяя в людей уверенность и тайную гордость за земную технику.

«Ждем, как панацею от всех бед,— подумал Нагорин.— Все же это долгий путь — через субъективное мнение каждого к объективному знанию всех. Мы еще не научились преодолевать собственные противоречия, а уже решаем проблемы чужих цивилизаций... Или так и надо? Ошибаться, чтобы выбрать правильное решение? Ибо, перестав ошибаться, кем станет человек?»

Корабль замер...

А далеко от Базы, под толщей атмосферы Энифа, в зале Зоны очнулся от долгого беспамятства Диего и улыбнулся встрепенувшемуся Неверову.

— Живем, коммуникатор? — Он перевел взгляд на окно дальновидения, в котором был виден страж на скале.— Как там наш знакомый меланхолический страж? Жив, курилка? Он единственный, кто перенес трансформацию организма и остался в живых из всего экипажа звездолета дендроидов. Надеюсь, я не слабее?

Диего снова улыбнулся и с трудом сел, стиснув руку Неверова своей непривычно горячей рукой.

— Этот дендроид мало что дал энифианам, вот они и решили продолжить опыт на нас, случай сам шел к ним в руки... не знаю, есть ли у них руки. Конечно, им повезло: два посещения планеты и оба — эмоциональными существами! К сожалению, дендроиды поздно поняли, что с ними происходит, поэтому и стоит их звездолет мертвым уже сто пятьдесят лет. А помочь им было некому.

— Я уже знаю,— тихо ответил Неверов, хотел добавить, что они-то как раз не одни и помощь придет наверняка, но промолчал.

Диего без труда прочитал его мысли.

ЧАСТЬ 2

ПРАКТИЧЕСКИ БЕССМЕРТЕН

1

Зал был тих и темен. Руденко прошел к висящей на невидимых силовых опорах подкове пульта, задумчиво склонился над ней, потом протянул руку и нащупал шлем связи. Шлем был холодным, шершавым и упругим, как шкура акулы. Звякнув, упала на пол вилка включения. Руденко потянул за шнур, усмехнулся своей заторможенности и надел шлем.

Палец коснулся сенсора, и шлемофоны заполнили характерные шумы эфира: тихий плач ребенка... невнятные голоса, шорохи, скрипы, вздохи... будто огромный, невидимый таинственный человек задышал над ухом... и снова шум прибоя, шорохи, и писки, и булькание... И вот сквозь этот тихий мерный шум пробилось тонкое звенящее стаккато маяка Энифа, длинная очередь точек и тире — все спокойно! И снова вечные вздохи эфира, порожденные излучением близкой звезды и далекого Млечного Пути...

Руденко снял шлем, несколько раз обошел комнату, касаясь приборных панелей руками, посмотрел на часы — было без восьми минут девять утра по времени Базы, наконец выбрал кресло и сел лицом к пульту, ожидая, когда соберутся остальные участники совещания.

Вторым после него вошел Нагорин, озабоченный вид которого всегда будил у Руденко тревогу и неуверенность в правильности своих решений.

— Доброе утро. Нравится сидеть в темноте?

Вспыхнул потолок. Нагорин подрегулировал освещение под розовое утро и сел рядом.

— Как спалось?

— Как всегда,— буркнул Руденко.

Нагорин, хмыкнув, покосился на обманчиво добродушное лицо руководителя группы безопасности.

— Ну, я думаю, пора авралов и тревог прошла. Контакт наконец-то вошел в русло рабочего порядка. Энифиане даже разрешили исследовать планетарные особенности Энифа, чего же еще делать?

— Вот я и думаю: с чего бы это? Еще два месяца назад все было

наоборот. Помнишь, как мы бились за возвращение Диего и Неверова на Базу? И вдруг полный поворот в политике — допуск во все области планеты... за редким исключением. Мол, смотрите, мы ничего не скрываем, ищите, что вам нужно. А на вопросы по-прежнему осторожные полуответы, ничего конкретного. И до сих пор загадка — где же хозяева планеты?! Кто командует «парадом»? Нет, не знаю, как ты, а я предчувствую еще немало авралов, по твоему выражению.

— Типун тебе на язык! Но ситуация, конечно,— нарочно не придумаешь! Кстати, сколько групп сейчас на планете?

— Ты же замдиректора, должен знать.

— Я не организатор исследований. Что у тебя за привычка отвечать вопросом на вопрос? У энифиан научился?

Руденко улыбнулся.

— Точно. Групп на Энифе девять, в каждой по десять-пятнадцать человек, А что?

— Капля в море, вот что. Чтобы изучить планету в отпущенные сроки, требуется как минимум две тысячи высококвалифицированных специалистов плюс тридцать-сорок кибер-комплексов.

— Ну, это ты выскажи на совещании, я лично против увеличения численности исследовательского персонала на поверхности. Хотя энифиане и разрешили нам проводить исследования своими методами, отношения их к нам я не назову доброжелательными. Да и информация Диего настораживает. Лучше скажи как врач: здоровью Диего ничего не угрожает? Сам-то он не скажет...

— Как ни странно, его новые способности позволяют ему чувствовать себя прекрасно.

— Давно?

— Пока проходил период адаптации, ему было тяжело. А сейчас он создал себе двухкамерный желудок и экстразонарное сердце. Летать долго ему все равно трудно, но энергетически он в сто раз мощнее любого человека.

— Суперхомо,— без выражения сказал Руденко.— А не отразится все это как-нибудь на психике? Иные возможности — иной смысл жизни...

— Брось ты не свои гадания,— сказал Нагорин неприветливо.— Он человек! Ясно? Несмотря ни на что, он человек. Возможно, остаться человеком в таких условиях чертовски трудно, не знаю... но Диего...

— Не надо считать меня машиной, обладающей лишь холодной логикой расчета. Я думал не о самом Диего, а о его родных. У него, кажется, есть жена и дочь...

— Кажется.— Нагорин сгорбился и замолчал.

Стали сходиться остальные участники совещания, руководители лабораторий и исследовательских групп.

Подошел Доброгнев.

— Что это вы молчите, как секунданты дуэлянтов?

— Очень остроумно,— буркнул Нагорин.

— Решаем этические проблемы.— В глазах Руденко мелькнул и пропал насмешливый огонек.

Доброгнев оценивающе посмотрел на хмурого Нагорина.

— Какие? Впрочем, потом поговорим. Пора начинать.

Он поднялся на возвышение у пульта и включил аппаратуру.

Рядом с Руденко сел Торанц, руководитель второго сектора УАСС, и Шелгунов, начальник спецотдела. Оба прилетели всего сутки назад, и совещание, собственно, собиралось из-за них, чтобы сразу ввести их в курс дела.

— Коллеги,— сказал Доброгнев негромко.— Давайте начнем. Общую информацию по Энифу сообщу я сам. Вопросы после сообщения.

Итак, положение на сегодняшний день пятого февраля сто восемьдесят восьмого года таково. Центр исследований на планете располагается в бывшей Зоне контакта, или, как мы привыкли говорить,— просто Зоне. Это удобнее, я имею в виду расположение, чем иметь центром Базу на орбите. Руководителем исследований являюсь я. Мои заместители: на Базе — Нагорин, в Зоне — Руденко. Исследовательских групп десять, по десять-одиннадцать человек в каждой. Всего на Энифе в настоящий момент находится сто пять человек, включая Диего Вирта и Лена Неверова. Основные направления исследований: планетографические — пять групп, две из них изучают океаны Энифа; биологические — две, экологическая — одна, ксенопсихологическая — тоже одна. В последнюю группу входит также группа специалистов из Комиссии по контактам.

С материалами многие из вас уже знакомы, повторяться не буду, но остановлюсь на некоторых событиях и фактах, поставивших нас в тупик.

За два месяца, конечно, невозможно составить полной и правильной картины жизни целой планеты, тем более что сами энифиане ни в чем помогать нам не хотят. Более того, стражи иногда прямо препятствуют работе наших поисковых групп. Главный вопрос: кто же является разумным повелителем планеты? — остается открытым до сих пор, как это ни печально. Ни одно из уже известных нам живых существ Энифа не подходит под определение «живое существо». В том числе и страж, хотя мнения по этому вопросу разделились.

Известно, что Эниф, как и Земля, на две трети покрыт водой, но имеет всего один материк — Панэниф и два архипелага островов: Северный и Южный. Орбитальное картографирование помогло нам отыскать интересные образования на теле планеты — гаруа, так называемые стоячие туманы. Это действительно места, где вечно стоят туманы, скрывающие в белой мгле группы странных, столбообраз-

ных, с плоскими вершинами, скал. Площади их колеблются от двухсот до трехсот квадратных километров, высота около трехсот метров. Мы успели сделать всего одну вылазку к гаруа, но вмешались стражи, и экспедиция едва не закончилась плачевно: один из быстролетов был сбит на скалы, экипаж получил ожоги и травмы. Все наши гневные «почему» остались без ответа. Ну, это вам известно тоже.

А вот что стало известно только теперь. Эниф — планета знаменитых шквальных ливней, гроз и ураганов. Не проходит и двух дней, чтобы над Зоной не пронеслась шести-семибалльная буря или сухая гроза. Совсем недавно метеорологи закончили разработку карты циклонов и центров развития ураганов, и оказалось, что в местах, где расположены гаруа, гроз и ураганов не бывает совсем. В то же время появление наших групп вне Зоны тут же вызывает изменения погоды, перераспределение воздушных масс таким образом, что стоит нам только заняться оборудованием метеопостов или автоматических биостанций, как налетает ураган и работы приходится свертывать.

Доброгнев посмотрел на Торанца и продолжал:

— Может быть, это и случайность, но в таком случае природа Энифа обладает «встроенным детерминизмом действия», как выразился руководитель группы безопасности Юрий Руденко.

— Что имелось в виду? — спросил внимательный Шелгунов, переглядываясь с Торанцом.

— Что человек для биосферы Энифа является фактором ее загрязнения,— ответил сам Руденко.— И все эти ураганы, бури и прочее — реакция биосферы на наши действия. Однако не следует придавать моей гипотезе слишком много внимания, она...— Руденко пошевелил пальцами, подбирая выражение.— Все это игра ума, не более. Ждан не хочет формулировать тот вывод, о котором мы все, безусловно, догадываемся: энифиане продолжают свою политику закрытых дверей на ином уровне, на уровне якобы явлений природы. С одной стороны, они не препятствуют изучать Эниф, с другой — частые ураганы в тех местах, где начинают работать исследовательские группы, заставляют нас самих прекращать работу. Плюс к этому откровенное отпугивание от наиболее интересных с познавательной точки зрения объектов, например, гаруа. Кстати, и ураганы в месте установки Зоны — тоже вещь любопытная. Раньше-то они были у Зоны гости редкие...

— Я понял,— Шелгунов задумчиво сощурил глаза.— Энифиане не отказалась от попыток изучения человека, его эмоциональной сферы и вообще цивилизации в целом, просто сменили методы изучения. Так?

— По-видимому, так.

— А по-моему,— сказал Доброгнев,— делать выводы рано. Ко-

нечно, нельзя сказать, что информации мы накопили мало, но вот обрабатывать ее нам зачастую не хватает времени.

— С обработкой поможет Земля,— глуховатым голосом произнес Торанц.— Десятки институтов ждут информации, только давайте. Нас же как представителей УАСС интересуют в первую очередь конфликтные ситуации. Столкновение со стражами, с другими существами и тому подобное. Как часто это случается?

— Сие вот его прерогатива,— кивнул Доброгнев на Руденко.— Он ухитряется знать даже то, чего я не знаю, я, непосредственный руководитель научного центра.

В зале вспыхнул смех.

— Чего доброго,— проворчал Руденко,— он скоро обвинит меня в скрытых связях с энифианами.

— УАСС за него ручается,— серьезно сказал Торанц.— Так, ситуация понятна. А о стражах известно что-нибудь, кроме того, что они выполняют функции сторожевой службы энифианской цивилизации?

— У Диего есть на этот счет любопытная идея,— усмехнулся Нагорин.— Будете внизу, спросите у него ради интереса. Я же, отвечая на ваш вопрос, начну издалека.

Основой множественности форм живых существ не только на Земле, но и вообще в космосе является принцип целесообразности. Человек, кроме того, «создан» природой еще и по принципу универсальности. Азбучные истины. Но вернемся к стражам. К сожалению, ни один из ученых-биологов не имел возможности изучать анатомию стража материально, с инструментами в руках. Мы можем изучать их лишь издали, на известном расстоянии, а наблюдения без активных методов познания не слишком информативны.

— Позвольте,— перебил Нагорина Торанц.— Разве вы не можете применить технику, работающую на расстоянии? Интравизаторы, например?

— Пробовали, и не один раз. Стражи непроницаемы для радиоизлучения и ультразвука, а рентген применять опасно, да и санкции на это энифиане не дадут. Тем не менее, группа пандологов под руководством Денисова провела сравнительный функциональный анализ строения тел стражей по тем данным, которыми мы располагаем; кстати, многое нам сообщил Диего. Выводы, мягко говоря, озадачили как самих пандологов, так и остальных ученых. Масса тела любого стража равна восьмидесяти килограммам, отклонения незначительны, порядка десятков граммов. Но крылья их не способны поддерживать в полете даже тела массой в сорок килограммов, не то что восемьдесят. И все же они летают! Могут возразить — Диего вообще не имеет крыльев, но тоже летает. Верно, но это означает одно — и стражи, и Диего имеют одинаковые функциональные особенности: способность управлять энергетикой тела в широких пре-

делах, управлять силовыми полями и так далее. Денисов задал вопрос: почему стражи сохраняют такую нелепую со всех точек зрения геометрию тела? Все эти ненужные крылья, лапы, перья, гребни? Если самая выгодная по энергетическим и динамическим соображениям форма тела — шар? Ведь по информации Диего стражи сами себе заводы и фабрики любых необходимых материалов, строят тело любым мысленным образом, то есть могут строить и перестраивать: все мы не раз наблюдали трансформацию их тел перед ураганом. Вопрос и по сей день остается открытым. Словно кто-то извне задал стражам форму тела и запретил менять ее до возникновения опасности для их жизни. Получается, что тело стража не имеет доминанты: ни тебе универсальности разума, ни целесообразности живого существа.

— Так что же, по-твоему, стражи — машины? — скептически заметил Доброгнев.

— Почему бы и нет? — спокойно ответил Нагорин.— Биологический кибернетический механизм. Разве на Земле не создавали таких же в экспериментах? Многое говорит в пользу последней гипотезы, особенно поведение стражей.

— По мнению физиков,— негромко произнес начальник физической лаборатории,— форма тела стража близка к форме ТФ-антенны третьего порядка сложности. Да так оно, собственно, и должно быть, иначе стражи не могли бы летать. Все их крылья и лапы — суть антенны. Но есть и лишние «детали».

— Ну хорошо,— сказал Торанц, стряхивая задумчивость.— Загадки стражей и другие тоже будем решать вместе. Теперь поговорим о Диего и Неверове, об их судьбе. Расскажите, только коротко, что они могут, наблюдающие особенности в поведении.

— Особенностей в поведении нет никаких,— с видимой неохотой сказал Доброгнев.— А возможности... Диего способен аккумулировать электромагнитное излучение от ультрафиолета до инфракрасного диапазона, может подзаряжаться от электросети и батарей, кроме того, вырастил себе двухкамерный желудок...

— Что это ему дает?

— В отсутствие чисто энергетической «подкормки» он может для пополнения энергии переваривать целлюлозу и даже каменный уголь.

— Ест древесину и уголь?! М-да-а... Что еще?

— Экстразонарное сердце позволяет ему летать, не так хорошо, как птицы, но все же... Слух абсолютный, физической силой не уступит грузовому роботу. Способен ощущать колебания электромагнитных полей за тысячи километров, может читать мысли, вернее ощущает эйдетические образы, возникающие в мозгу собеседника. Это, пожалуй, главное.

— Идеал физической эволюции человека,— тихо, с расстановкой сказал Торанц.— Но мышление остается человеческим?

— Да,— угрюмо кивнул Нагорин, хотел что-то добавить, но передумал и лишь тверже сжал губы.

— Я бы не рассматривал эту проблему под таким углом,— произнес Шелгунов.— Диего скорее не суперчеловек, а химера. Что будет с ним дальше? Природа неспроста предотвратила разрушение видовой индивидуальности на Земле, а Диего в настоящее время не представляет вид хомо сапиенс, он полуфункционален. И тут надо во что бы то ни стало дознаться, чего хотели добиться энифиане, изменяя не только генотип, но и фенотип человека. Какая у них была цель? То, что они сообщили два месяца назад, не может быть главной причиной.

— Вот наиболее правильная постановка вопроса,— сказал с уважением Нагорин.— Кое-что у нас уже есть. Разработка методов целенаправленного изменения генотипов любого живого существа подходит к концу. Разобравшись в спектре мутационного излучения, которым энифиане «пичкали» дежурных в Зоне, мы можем уже сейчас начать потихоньку разматывать процесс изменения в обратную сторону, но пока что мешают два фактора: первый — пандологи не до конца изучили свойство иммунологической толерантности клеточных популяций тела Диего — «старого» и «вновь созданного». Ну, это сугубо профессионально, и распространяться я не буду, скажу только, что, решив проблему этого блокировочного супрессора, ученые навсегда закроют проблему смертности человечества при пересадке любых органов. А второй фактор...— Нагорин искоса посмотрел на Доброгнева.

— Второй фактор — это желание самого Диего,— сказал тот сердито.— И с ним приходится считаться больше, нежели с остальными факторами. Диего наотрез отказался покинуть Эниф и вернуть себе прежний человеческий облик.

— Мотивы?

— Он сказал, что пока все загадки энифской цивилизации не будут разрешены, говорить об отступлении не только неправомерно, но и позорно. Да... и едва ли «нечеловеческие» способности мешают ему жить.

— Тоже верно.— Торанц встал.— Мне понятны все ваши тревоги и опасения, раздумья и надежды. Но у меня есть свои тревоги. Вы почему-то умалчиваете о том, что по данным самого же Диего энифиане «встроили» в него некий таинственный механизм подчинения своей воле. Пусть он себя пока никак не проявляет, ну а вдруг?.. И еще: почему вы уверены, что энифиане не «встроили» в Диего еще что-нибудь? Посерьезнее?

В зале стало тихо. Потом Доброгнев пробормотал:

— Пандологи его исследовали... Вы что — серьезно?

Торанц хмыкнул, прошелся между кресел.

— А вас это удивляет? Странно. Мне казалось, что вы должны были подумать об этом в первую очередь. Личные симпатии здесь абсолютно не нужны. Я тоже уважаю Диего, даже больше чем уважаю, но... Предусмотреть мы обязаны все.

Начальник сектора остановился у виома.

— Ну хорошо, оставим на время этот разговор. Как дела у второго «кролика» — Неверова? Он тоже «сверхчеловек?»

— Он может почти все, что и Диего,— сказал Нагорин после минутного молчания.— Хотя возможности его поскромней. Летать, например, он не умеет.

— Извините,— вмешался Руденко.— У меня вопрос: есть ли новая информация о причинах гибели цивилизации дендроидов? Тех, чей звездолет стоит перед Зоной? Не вмешались ли и там энифиане? Мы давали запрос Управлению месяц назад, но ответа не получили.

— Информация есть,— промолвил Шелгунов.— Причина гибели головоногих разумных, то есть дендроидов, достаточно тривиальна: никто их не уничтожал. Звезда их — барстер *, последняя ее пульсация была настолько мощной, что дендроидов не спасла ни атмосфера, ни миллионы лет приспособленчества к вспышкам.

Руководители УАСС покинули зал, остались Доброгнев и Руденко. Нагорин, поколебавшись, тоже вышел, пообещав подготовить к полету в Зону один из десантных модулей.

— Что ты мне хотел сказать? — спросил Доброгнев, оглянувшись на закрывающуюся дверь.— Не мог раньше, до совещания? Кстати, ты продумал, как установить в Зоне ТФ-лифт, не беспокоя энифиан?

— Это невозможно. Энифиане остро реагируют на прибытие в Зону любых грузов и тут же запрашивают, что за грузы и для чего они предназначаются. К тому же Диего...

— Договаривай. Что-то заметил?

— Он говорил со мной рано утром. У него появилась идея настолько безумная, что она, по его выражению, и отражает истину... Но если она истинна, то жизнь исследователей на планете в опасности. Да что там в опасности — они как на пороховой бочке!

Доброгнев с шумом выдохнул воздух.

— Ну вы и даете! Что же ты Торанцу не сказал?

— Диего посоветовал молчать до тех пор, пока не будут получены твердые доказательства. Вполне вероятно, что он ошибается.

Доброгнев посмотрел на часы, решительно сел в кресло и указал на соседнее:

— Рассказывай.

---

* Барстер — вспыхивающая рентгеновская звезда.

2

Неверов выкатил из ангара быстролет и откинул фонарь кабины, поглядывая то на удивительно чистое утреннее темно-зеленое небо Энифа, напоминающее металлическую полусферу, то на серое полотно взлетной полосы, упирающейся в буро-желтый конус звездолета дендроидов: стараниями исследователей звездолет был почти полностью очищен от почвы.

Неверов был без скафандра, и Шелгунов несколько мгновений ошеломленно смотрел на него, пока не вспомнил, что он «мутант».

— Не угодите в тайфун,— проворчал, стоя у входа в Зону, Доброгнев.— Служба метеопатруля у нас поставлена хорошо, так что постоянно слушайте сводку, мы передаем о зарождении ураганов и их движении каждые полчаса.

— Не беспокойтесь, Ждан,— сказал, оборачиваясь, Неверов, невольно краснея: получилось, что он подслушал радиоразговор.— Я чувствую приближение урагана не хуже метеопатруля.

— Кхм...— Доброгнев помолчал. Лица его не было видно из-за зеркального шлема-капюшона, но Шелгунов догадывался, что на нем сейчас написано.

— Тогда до связи.— Начальник центра махнул рукой и вошел в Зону.

— Поехали? — спросил Шелгунов, устраиваясь на заднем сидении.

Неверов захлопнул фонарь, и быстролет серии Г, похожий на наконечник копья с прозрачным острием, взмыл над белым параллелепипедом Зоны.

— Куда теперь?

— Покажите сначала одну из «зон недоступности» на побережье океана, а потом знаменитые гаруа.

— Гаруа ближе примерно вдвое.

— Тогда сначала к ним.

Неверов кивнул, и в оперении машины засвистел тугой ветер.

Шелгунов с интересом принялся рассматривать проплывающий под ними пейзаж.

Поросшая удивительно пушистым разноцветным мхом и колючим кустарником холмистая равнина уходила за горизонт. Иногда между холмами прятались похожие на малахитовые зеркала озерца тяжелой зеленой воды. Пунктиром пересекала равнину цепочка высоких игольчатых скал, на которых сидели стражи, провожающие быстролет холодным блеском внимательных желтых глаз. Потом вспыхивающий разноцветными бликами кустарник поредел и вскоре исчез вовсе. Местность постепенно повышалась, появились низкие, изъеденные эрозией скалы, выпиравшие из-под слоя серой почвы, как сломанные кости из-под кожи.

— Плато Неожиданное,— показал Неверов, не снижая скорости. Здесь биологи впервые повстречали клювокрылов... Да вот они, видите? Внизу, слева, у скал.

Шелгунов достал биноктар и возле группы белых скал заметил две изогнутые тени. Одна из них внезапно прыгнула вверх, наперерез быстролету, мелькнули пять растопыренных когтистых лап, мембрана крыла и страшный, длинный — около двух метров, разинутый клюв, усеянный треугольными зубами.

Быстролет сделал вираж, Неверов, смеясь, выровнял полет и покосился на Шелгунова.

— Ну как? Эти птички далеко не безобидны, верно? Единственные враги бронированных скалогрызов.

— А что, есть и такие? — осторожно поинтересовался Шелгунов.

— Имеются. Функционально те же кроты, только роют ходы внутри скал. Покрыты чешуйчатой броней и, по-видимому, не летают, крылья у них рудиментарны. Но они встречаются довольно часто, а вот клювокрылы — редкие твари, ходят только парами, причем всегда парагонально: самец с самцом — самка с самкой.

— У него пять лап? — помолчав, спросил Шелгунов.— Я почему-то заметил пять.

— Вы не ошиблись, у клювокрылов по пять лап — пентагональная симметрия. Вообще животный мир Энифа задает загадку за загадкой. Все виды живых существ очень резко отличаются друг от друга по филогенетическим признакам. У клювокрылов пять лап и одно крыло; у стражей две лапы, но три крыла; скалогрызы имеют три лапы и два крыла, хотя и неразвитые... Понимаете? Такое впечатление, что природа «экспериментировала», создавая животный мир планеты, не зная, какой вид выживет или какому отдать предпочтение. И поэтому каждый вид остался «недоделанным».

Под быстролетом пошла удивительная ярко-красная страна — сплошные валы, натеки, складки и языки старой лавы, некогда выползшей из недр планеты сквозь трещины и поры в коре и вулканические разломы. Трещины избороздили это гигантское плато черным узором. С высоты оно казалось еще не остывшей, пышущей жаром коркой. Но нет, температура пород под аппаратом не превышала температуры человеческого тела.

— Ты хорошо разбираешься в биологических терминах,— пробормотал Шелгунов, продолжая всматриваться в кроваво-красный ландшафт.

— Я хорошо разбираюсь в биологии,— подчеркнул последнее слово Неверов.— В Зоне я увлекся работами корифеев биологии и... понимаете, мозг, как губка, впитал всю информацию. Я бы сейчас без труда защитил минимальную ученую степень в области биологических наук. Да и в некоторых других науках тоже.

Шелгунов покашлял, слова не шли на язык, и он промолчал.

— Сейчас будет гаруа,— произнес Неверов, с непосредственностью молодости наслаждаясь в душе произведенным эффектом.— А красный пенеплен* под нами — это в основном магнезиально-железистые пироксены.— Он встретил взгляд начальника спецотдела УАСС и засмеялся. Отвернувшись, замялся:

— Извините.

Засмеялся и Шелгунов. Подумал: «Ничего, поделом мне».

Последние минуты до гаруа пролетели в молчании.

Сначала Шелгунов заметил на горизонте странное белое вкрапление в буро-красной плоскости плато. Потом вкрапление разрослось в стороны, превратилось в бесконечное снежно-белое поле.

Подлетев ближе, Шелгунов понял, что перед ними действительно на удивление плоское туманное облако, из которого проглядывали утопающие в белой мгле группы столбообразных с поразительно плоскими вершинами скал.

Неверов замедлил полет, замер, к чему-то прислушиваясь.

— Странно,— пробормотал он через минуту.

— Что-нибудь случилось? — спросил Шелгунов, поднося к глазам свой биноктар.

— Гудит... броня быстролета гудит, слышите?

Шелгунов опустил биноктар и прислушался, на лице его отразилось недоумение.

— Писк какой-то слышу, а гудение нет...

— Ах, ну да.— Неверов с досадой поморщился.— Частота колебаний около пятнадцати килогерц.

Он остановил быстролет в воздухе и некоторое время прислушивался к тишине, поворачивая голову то вправо, то влево, как антенна локатора; Шелгунов при этом лишь иногда «хватал» своим нормальным человеческим слухом тихий свист. Потом коммуникатор снова тронул с места аппарат.

— Частота понижается,— сообщил он чуть погодя.— Одиннадцать килогерц... десять... девять...

Теперь и Шелгунов отчетливо слышал странное дребезжание — полусвист-полушипение стенок кабины быстролета. Когда частота колебаний опустилась до шести килогерц, внезапно «запели» сидения, дрожь машины передалась и телам людей.

— Вот оно что! — сказал наконец Неверов.— Облучение! Попросту говоря, нас лоцируют, и локаторы эти где-то в черте гаруа.

— Это опасно?

— Не знаю, ничего подобного не встречал со времени дежурства в Зоне. Сейчас спрошу Диего, может, он знает?

Неверов напрягся, лицо его окаменело, резче выступили скулы

* Пенеплен — почти равнина, участок суши, образованный в результате длительного выветривания, разрушения и сноса горных пород.

и жилы на лбу. Шелгунов с невольным страхом наблюдал за этой демонстрацией феноменальных способностей молодого коммуникатора.

— Нет, к сожалению, и он не знает.— Неверов расслабился.—Посоветовал держаться подальше от гаруа и стражей, хотя их здесь, кажется, нет. Да, еще с юго-востока к нам идет черный тайфун, он еще далеко, да и зацепит нас чуть-чуть, но может, вернемся? «Боится за меня,— догадался Шелгунов.— Ему самому не страшен ни тайфун, ни черт, ни дьявол! Но ведь рисковать собой — не то, что рисковать другими? К тому же у гаруа тайфун наверняка свернет. Вперед!»

— Понял,— улыбнулся Неверов, хотя начальник спецотдела еще не успел произнести ни слова.— Посмотрим сверху, а потом рискнем нырнуть в туман, если не помешают стражи. Никто из наших еще не бродил по гаруа.

Быстролет воспарил над странным неподвижным слоем тумана. Правда, не совсем неподвижным: если вглядеться, верхняя кромка белесых испарений, очень медленно колыхаясь, истекала струйками в небо.

Приблизилась совершенно плоская вершина одной из скал. Неверов сделал петлю и с ходу без подготовки посадил аппарат на гладкую темно-синюю вершину скалы.

— Подождем немного,— пробормотал он, снова напрягся, как при биосвязи с Диего.

Ждали минут пять, но все было спокойно, тишина не нарушалась ни одним звуком. Стражи не появлялись.

— Видимо, энифиане сменили способ контроля,— пробормотал Неверов, снимая контактор мыслеуправления.— Стражей не видно, но я чувствую, что мы не одни. Пойдемте посмотрим.

Они вылезли из кабины, разминаясь, обошли почти идеально круглую площадку диаметром в полсотни метров.

— Интересное образование,— сказал молодой человек.— Мои интравизорные способности весьма скромны, но все же не настолько, чтобы не видеть в глубине этих скал металлические стержни. Вероятно, скалы — искусственные сооружения, как и все гаруа. Но меня все же тревожит, что стражи сегодня вежливы, я бы сказал — тактичны. Обычно они к гаруа никого близко не подпускают.

— Видимо, узнали, что я начальник спецотдела,— пошутил Шелгунов.

— А может быть, я их просто не вижу и они где-то рядом? — Неверов несколько раз повернулся вокруг оси.— Эх, сюда бы Диего! — Он-то уж наверняка разобрался бы что к чему!

Шелгунов хмыкнул, подошел к краю площадки и осторожно заглянул вниз, но увидел лишь постепенно исчезающий в белой мути

ствол скалы и рядом смутно видимые еще несколько таких же каменных столбов со срезанными верхушками.

— Действительно заметно, что скалы обработаны,— пробормотал он.— Да и форма необычная... Вершины — как отполированы.

— Я же говорю, что до Диего мне далеко,— сердито ответил Неверов, восприняв слова начальника спецотдела как упрек.— Он бы наверняка ответил на все ваши вопросы.— И такая убежденность была в его голосе, что Шелгунов невольно оглянулся на коммуникатора, удивляясь его вере в безграничную способность Диего Вирта видеть скрытую суть вещей.

— Насмотрелись? — Неверов полез в кабину.— Вниз не расхотелось?

Шелгунов поймал его косой взгляд, и ему показалось, что во взгляде этом промелькнула усмешка.

«Мальчишка! — с веселой злостью подумал он.— Грубить безнаказанно может только обезьяна в вольере, но никак не человек, даже обладающий такими данными. Умение, приобретенное без усердия, в подарок, далеко еще не определяет цену человеку».

По тому, как по щекам коммуникатора разлился румянец, Шелгунов понял, что его мысль расшифрована. Он рассмеялся и дружески стукнул Неверова по плечу.

— Не журись, разведчик. Не может быть, чтобы перед ними спасовали. Вспомни историю. Стражи — не боги, но мы — люди! Понял?

«Черт бы меня побрал со своими нотациями! — подумал он, тщательно блокируя мысли.— Еще неизвестно, во что выльется этот спланированный энифианами эксперимент с усилием интеллекта. Мальчишке не так сладко, как думают ученые на Базе...»

— А локация все еще продолжается,— пробормотал Неверов в кабине, закрыв фонарь.— Кто-то держит нас на прицеле. Не потому ли и стражей не видать?..

— Меня это тоже тревожит,— признался Шелгунов.— Сделаем так: нырнем в туман, пощупаем дно — и сразу назад. Не возражаешь?

Неверов кивнул, нахлобучил контактор, похожий на цветочный бутон в бронзовой оправе.

* * *

Белая пелена поглотила свет, съела все цвета и звуки. Только рядом, в десятке метров, проплывала тень одной из скал. Больше ничего Шелгунов не видел, как ни напрягал зрение.

Чем глубже в туманную невидь погружался быстролет, тем острее нависало над людьми ощущение чьего-то тяжелого присутствия,

словно откуда-то сверху все ближе опускалось на земную машину гигантская лапа неведомого великана, и лишь движение вниз спасало пока людей от удара.

«Интересно, Лен же должен видеть лучше, чем я»,— подумал Шелгунов.

— Вижу только скалы,— отозвался тот, не обладая достаточным тактом, чтобы не напоминать товарищу о своем экстрасенсорном восприятии чужих мыслей.— А вот под нами что-то интересное... соты.— Неверов вдруг присвистнул.— Ну и ну! Вот это да!..

— Что там такое?

Шелгунов схватился за свой бинокль, но по-прежнему видел лишь белую кипень за прозрачным стеклом фонаря.

— Стражи! — шепотом произнес Неверов.— Нечто вроде пчелиных сот, и в каждой ячейке по стражу! Что будем делать?

— Они нас видят?

— Н-нет... по-моему, нет, сидят неподвижно, да и глаза у них не светятся. Забавно, уж не инкубатор ли это? Вот обрадуем ученую братию!

— Там есть место, где можно приземлиться?

Неверов покрутил головой и утвердительно кивнул.

— Чуть подальше, за границей сот.

— Тогда на посадку.

Быстролет скользнул влево и вниз. Приблизилась неясно видимая темная масса, распалась на частокол черных шипов. Промелькнула мимо колонна скалы, и наконец показалось дно гаруа — серо-голубое, с чередующимися пятнами круглых ям.

Нет, не круглых — шестиугольных... Действительно, соты! И в каждой яме...

— Посветить нельзя? — спросил Шелгунов, понижая голос.

— Не хотелось бы.— Неверов наморщил лоб, напрягая свою экстрасенсорную нервную систему в попытках оценить степень опасности.— Если хотите посмотреть, лучше выйти и подойти поближе. По-моему, нам пока ничего не угрожает.

Шелгунов думал мгновение, потом решительно зарастил молнию скафандра, автоматически проверил указатель герметичности и первым вылез в серые сумерки. На блестящий балахон скафандра тут же начал оседать беловатый налет.

Шелгунов подошел к ближайшей яме — идти было легко, как по бетону,— и заглянул. Метрах в двух от уровня ямы он разглядел жуткую фигуру стража, распластавшегося по едва заметно светящейся фиолетовой полусфере. Сначала он просто рассматривал чудовище, не различая деталей, потом понял, что этому стражу чего-то не хватает.

— Нет лап,— поймав его мысль, сказал Неверов, останавлива-

ясь за спиной.— У него нет лап, да и по размерам он меньше летающих раза в полтора.

— Похоже, ты прав, это инкубатор,— сказал, разгибаясь, Шелгунов, и снова тревожное предчувствие кольнуло сердце.— Инкубатор. Однако мне их молчание начинает действовать на нервы. Энифианам зачем-то потребовалось показать нам инкубатор стражей — так это выглядит. Зачем?

Он еще раз посмотрел на неподвижного стража с мертвым взглядом несветящихся, как бельмо, глаз, подбежал к соседней ячейке, заглянул.

— То же самое...

Внезапно где-то родился странный шум — будто захлопали тяжелые крылья, и все стихло.

Шелгунов замер с поднятой ногой, Неверов напрягся, обращаясь в слух.

— Нет, не вижу,— глухо проговорил он.— Туман какой-то странный, липкий, плотный... хуже, чем скалы.

— Пошли назад,— заторопился Шелгунов.— Увлеклись, как мальчишки. Праздное любопытство не доводит до добра.

Они залезли в кабину, с облегчением ощущая привычную обстановку. Шелгунов брезгливо стер с рукава белый налет и не стал снимать скафандр. «Черт его знает,— подумал он,— чем это пахнет. Неверов себя обезвредит, а я сам себе, к сожалению, не медцентр».

— Что случилось? — спросил он, заметив, как напарник замер в позе немого удивления.

— Контактор...— сказал тот растерянно.— Пропал контактор!

— Как пропал? — нахмурился Шелгунов.

— Так — нет его на месте, и все... И запасной в нише исчез...

— Не может быть.

— Да не шучу же я!

Они посмотрели друг на друга, и у обоих мелькнула одна и та же мысль.

— Не может быть! — сказал теперь уже Неверов. Мысль была: «Заманили! Не выпустят!»

Несколько минут они искали пропавшие контакторы мыслеуправления, причем Неверов даже выходил из быстролета, но найти шлемы не удалось.

— Ладно, попробуем на ручном,— сказал наконец Неверов, откидывая небольшую панель ручного управления. В голосе его прозвучала неуверенность.

— Не приходилось без контактора? — спросил Шелгунов.

— Не приходилось... ручное управление я знаю чисто теоретически. Не дает покоя мысль — зачем это им?

— Кому?

— Энифианам, конечно, кому же еще? И самое интересное, чув-

ствую — наблюдают за нами, но никого не вижу... А ведь в «нормальном» тумане вижу так же хорошо, как при свете...

Шелгунову на мгновение стало не по себе. В душе шевельнулся страх, но он тут же подавил его злостью.

— Ничего, проскочим. Тут всего две сотни метров. Рванем по вертикали... Я, конечно, тоже не ахти какой пилот, но все же попробую. Садись рядом.

Они поменялись местами.

Фонарь с громким щелчком вошел в паз, зашипели насосы, выгоняя чужеродную атмосферу из кабины. Быстролет оторвал медленно нос от скалы и пошел вверх. И в это мгновение Шелгунову показалось, что прямо перед глазами в кабине произошел бесшумный взрыв! Ярчайшая вспышка ударила по глазам! И наступила темнота...

Вскрикнул Неверов:

— Гоните! Вверх, вверх, быстрее! Излучение!

И только тогда Шелгунов понял, что ослеп. Он толкнул от себя рулевую колонку.

Рывок быстролета, не смягченный защитным полем, бросил его на спинку сидения, боль в грудной клетке рикошетом ударила в голову, а потом он уже ничего не чувствовал...

— Может быть, все же не стоит рисковать? — сухо сказал Доброгнев.— Не было бы прецедента... Начальник сектора УАСС позволяет себе рисковать, как...

— Как это? — так же сухо спросил Торанц и, не дождавшись ответа, продолжал:— Я хочу убедиться сам, составить полную картину событий на планете. К тому же с нами Диего. А что это вы вдруг так всполошились? — Он подозрительно посмотрел на руководителей исследовательского центра.— Или дела обстоят хуже, чем мне докладывали? И риск превышает норму безопасности для неосвоенных планет?

— Не превышает,— пожал плечами Доброгнев.— Но инцидент с Шелгуновым...

— Шелгунов виноват в этом сам.

— Ему ничего не грозит,— вмешался Диего.— У него обожжена сетчатка глаза, временная потеря зрения, это излечимо. Но, я думаю, с нами ничего подобного не случится.

Торанц подождал немного — все молчали — и шагнул к выходу.

— Держите связь,— сказал вдогонку Тоидзе и добавил полушутливо:— Я на дежурстве, и мне вредно волноваться.

В кабине разместились быстро: впереди в кресле пилота Диего Вирт, на задних сидениях Торанц и Руденко. Аппараты этого типа не имели видеоприемников, и Торанц высказал недовольство, вызвав

улыбку понимания у Диего: начальник сектора думал вовсе не о видеосвязи.

Здание Зоны превратилось в белую точку и затерялось среди разноцветных холмов равнины Контакта.

— Вообще-то, если бы не Лен,— сказал Диего через плечо,— плохо пришлось бы Шелгунову.

— Почему? — пробурчал Торанц, продолжая разглядывать природу Энифа, которую раньше видел только на экранах и фотоснимках.

— Неверов прикрывал его собой, собственным биосиловым «зонтиком», и потерял энергии больше, чем если бы работал физически весь день. Когда они сели и я открыл фонарь, он был мокрый, как мышь. Странно только, что он не заметил похитителей контакторов. Как могли энифиане незаметно прошмыгнуть мимо — ума не приложу!

— И снова молчание в ответ на наши запросы,— пробормотал Руденко.— Словно не слышат.

Несколько минут прошло в тишине. Торанц достал из-под сидения бинокль и водил окулярами по наиболее интересным местам на поверхности равнины. Руденко что-то еле слышно напевал. Диего сидел, как изваяние, и никто не видел улыбки в его глазах: он знал, о чем думает каждый из пассажиров, и это забавляло его с той стороны, что и они знали о его знании. Но вели себя внешне совершенно спокойно, непринужденно.

— Я смотрел у видеоинженеров странные картинки,— сказал Торанц, опуская биноктар.— Видеосвязи у энифиан, очевидно, нет?

— Нет,— согласился Диего.— То, что принимают наши антенны, скорее всего, не видеопередачи энифиан, а эффект мыслеобщения стражей, эффект направленного биорадиоэха.

— Ты что же — можешь читать их мысли? — заинтересовался Торанц.

— Вопрос нуждается в уточнении,— улыбнулся Диего.— Во-первых, нет никаких доказательств, что стражи мыслят... у меня, правда, имеются кое-какие подозрения, но их еще нужно проверить. Во-вторых, я ощущаю разговоры стражей между собой чисто качественно, эдакий беззвучный толчок по нервам. Но о чем они говорят...— он развел руками,— не ведаю.

Торанц вдруг схватился за бинокль, и Диего без всякого перехода пояснил:

— Скалогрызы. Вылезли понежиться на солнышке. У всей здешней живности, кроме биоплазменного сердца-генератора, есть еще и фотоэлементные преобразователи. Вот они и блаженствуют, аккумулируя даровую манну небесную. А ночью вся жизнь на неосвещенной половине планеты замирает... по неизвестным причинам. Ведь не зависят же они в самом деле полностью от светила?

— Любопытно...

Через полчаса полета аппарат пролетел недалеко от одного из гаруа. Торанц сворачивать к нему не стал, проводил долгим взглядом, и все. Наверное, ему было достаточно случая с Шелгуновым. Вскоре кроваво-красные базальты, излившиеся миллиарды лет назад в эпоху горообразования, сменились темно-коричневой мешаниной хребтов. Здесь летающей фауны почти не встречалось, лишь на склоне гор кое-где горели ровные желто-оранжевые свечи — глаза скалогрызов.

Быстролет вдруг клюнул носом и чуть ли не отвесно пошел вниз.

— В чем дело? — буркнул Торанц, роняя бинокль.

— Сейчас я вам кое-что покажу, не зря же летели в этакую даль.

Мелькнул рядом блестящий, словно лакированный, бок скалы, небо и земля поменялись местами, и движение оборвалось.

Быстролет стоял на небольшой наклонной площадке, окруженный странным каменным частоколом, напоминающим челюсть какого-то грандиозного хищника. Рядом козырьком навис уступ угрюмой черной скалы, сзади громоздились валуны, скрывавшие под собой весь склон горы. Вершина горы пряталась за удивительно ровной плоской стеной высотой в несколько десятков метров.

— Ну и что? — нарушил молчание Руденко, с недоумением посмотрев на Диего.

— Выйдем,— решил тот.— Не беспокойтесь, потеряем пару минут, но это необходимо.

Они вылезли из кабины на коричневую осыпь. Торанц, утопая по щиколотку в щебне, обошел площадку и остановился напротив круглого черного пятна в боку скалы.

— Что это?

— След скалогрыза,— пояснил наблюдавший за начальством Руденко.— Прогрызая в скалах ходы, они цементируют их за собой. Толщина такой пробки около метра, прочность не уступает прочности основной породы.

— Зачем это им?

— Видимо, защита от извечных врагов — клювокрылов.

Торанц стукнул кулаком в перчатке скафандра по бугристой поверхности черного круга и приблизился к нависающему каменному карнизу.

— Смотри-ка, пещера!

— Заметили наконец,— с едва уловимой иронией отозвался Диего. Он одним прыжком преодолел десятиметровый подъем и окунулся в тень под карнизом.

— Юра, посвети.

Руденко прошел вперед и включил фонарь, вмонтированный в конус шлема. Луч света выхватил из тьмы сводчатый тоннель, усе-

янный кристалликами кварца. Тоннель уходил куда-то вбок и вниз, совершенно не увязываясь с понятием «естественная пещера».

Руденко углубился под своды тоннеля, дошел до поворота и остановился.

— Так!

Торанц быстро спустился за ним и увидел у своих ног... ступеньки, упиравшиеся в сплошную скалу!

— Лестница,— тупо сказал он, еще не поняв смысла сказанного.— Лестница?!

— Это еще не все,— сказал Диего. Нагнулся и подобрал с серого пола бледно-розовый сросток камня, нечто вроде сломанного человеческого пальца.

— Это кристалл кальцита, тут их несколько штук. Я проверил, когда-то они содержали в себе информационные записи, но сейчас — просто камни, и не удивительно: со времени их отделки прошло по крайней мере десять тысяч лет.

— Ты хочешь сказать...— начал Руденко.

— Совершенно верно. Я хочу сказать, что на Энифе когда-то существовала технологическая цивилизация. Перед нами ее следы. Этот тоннель завален совсем недавно, примерно с полгода назад, и за перекрывшей его скалой находится хранилище подобных кристаллов.

Диего швырнул розовый цилиндрик в перегородку, и тот разлетелся стеклянными брызгами.

— Понятно,— сказал Торанц, собираясь с мыслями.— Технологическая цивилизация... а существующая, по всем данным, биологическая... Но зачем энифианам скрывать от нас это обстоятельство? Разве что... геноцид?

— Не обязательно. Вернее,— поправился Диего,— я так не думаю, а разгадка там,— он кивнул на массивный выступ горной породы, вклинившийся в коридор.— Но пробиться туда я не в силах, нужны деформаторы как минимум на тысячу-две гравитуд. Ладно, пошли отсюда, я еще не все показал.

Они вышли из тоннеля в энифианский зеленый день. Диего взобрался на поваленный каменный останец и прошел по нему к серой, в зеленоватых потеках, плоской стене, накренившейся над площадкой.

— Лезьте сюда.

Торанц, не говоря ни слова, поднялся на скалу и подошел к стене.

— Что это, по-вашему?

Начальник сектора дотронулся до стены, стирая перчаткой зеленовато-рыжее пятно, и под рукой тускло блеснул металл.

— Так! Металл?

— Молибденовая сталь, вся стена. Полтора миллиона тонн стали! Возраст тот же, что и у кристаллов,— около десяти тысяч лет.

— Странно все это,— сказал уже в кабине Торанц, с любопытством разглядывая невозмутимое лицо Диего, будто впервые с ним познакомился.

— Ты давно знал о пещере? — спросил Руденко.

— Мне ее показал старый знакомый — меланхолический страж,— не отвечая прямо на вопрос, сказал Диего.— Сей факт пока не укладывается в стройную систему моих умозаключений, но для всех нас он крайне важен, вот я и решил сообщить вам... каюсь, поздновато. Но я надеялся все загадки размотать сам. Кстати, помните разведывательный полет Витти Зубавина, когда по его модулю был нанесен мезонный удар? Я нашел то место между холмами, откуда стреляли. Там когда-то очень и очень давно был город, сохранилась только кладка фундамента да несколько плит, вроде этой, из такой же молибденовой стали. К некоторым до сих пор подходят под землей питающие волноводы, но энергии в них нет, хотя я догадываюсь, откуда она поступает в нужную минуту.

Быстролет поднялся в воздух, обогнул стену и взял курс на дрожащее изумрудное марево на горизонте: океан был рядом, в ста километрах, за древним разломом планетарной коры, похожим на шрам.

* * *

До побережья они долететь не успели, дорогу перекрыл узкий, но чрезвычайно активный грозовой фронт.

— Энифианский хабуб,— сказал Диего, бросая быстролет в крутой вираж.— Идет полосой почти на полторы тысячи километров. Но мы обойдем его справа, я вижу просвет. Между прочим, не хотите посмотреть, как прячутся скалогрызы? Берите бинокли, впереди по курсу три закорючки... Видите? Сейчас подойдем ближе.

Быстролет нырнул вниз к самой вершине скалистого пика и резко затормозил.

Торанц поискал глазами «закорючки», навел окуляры и на расстоянии протянутой руки увидел трех скалогрызов. Закованные в гладкую до зеркального блеска броню, звери напоминали свернувшиеся кольцом металлические трубы: две лапы под брюхом и одна сзади цеплялись за камни, недоразвитые крылья так крепко были прижаты к телу, что почти не выделялись. Морды и рыла как такового у скалогрызов не было, была какая-то чудовищная мешанина серых и бурых гребней, шипов, желваков и воронок, от которой возникали нехорошие ассоциации и в мозг стучался слабый протест желудка. Торанц невольно сглотнул слюну и, вздохнув, стал рассматривать тускло мерцающее в грибообразном наросте «головы» скалогрыза пламя его глаз.

— Внимание! Смотрите!

Под быстролетом внезапно словно раздался взрыв — свернутые тела бронированных ящеров разогнулись, как пружины, впились в склон горы: во все стороны брызнул щебень, каменная крошка, вспыхнули и расплылись три облака сизого дыма и пыли. Когда дым рассеялся, на светло-сиреневом боку скалы открылись взору круглые черные пятна пробок.

— Ну и силища! — пробормотал Торанц.

— Не задело бы нас крылом бури,— сдержанно проговорил Руденко, кивая на быстро приближавшуюся иссиня-фиолетовую стену туч, внутри которой клубилось и играло электрическое сияние.

Диего круто взял вверх, машина перевалила хребет и с ходу влетела в узкое ущелье, проделанное в каменном щите древним водным потоком.

— Какова же тогда мощь клювокрыла? — продолжал развивать мысль Торанц.— Ведь скалогрыз — это живой металл!

— Скорее, живой плазменный резак,— заметил Диего, ведя быстролет с прежней скоростью.

Резко стемнело, небо над ущельем затянула фиолетовая мгла, которую вскоре оплела пульсирующая сетка электрических разрядов.

— Переждем здесь от греха,— решил Диего и мягко опустил быстролет в глубокую сухую яму.

— Глядите-ка — дождь! — удивился Руденко, показывая на сползающие по прозрачному колпаку кабины редкие капли.

— Хабуб не часто приносит дожди,— пояснил в ответ на жест Торанца.— Зато часто — черную угольную и графитовую пыль: на Энифе уйма открытых угольно-графитовых месторождений, прикрывающих, кстати, колоссальные гнезда алмазов.

Некоторое время просидели молча, дивясь на красивые всполохи электрического сияния в прорези ущелья; обычного для земных гроз грома не было, лишь иногда доносилось длинное ядовитое шипение да частый треск.

— Не люблю бесшумных гроз,— поежился Торанц.— Неестественно как-то... и тревожно...— Он вдруг вспомнил ровное оранжевое пламя глаз скалогрыза.— Глаза у них в самом деле светятся?

— Светятся,— подтвердил Диего.— Да и не глаза это вовсе, а рентгеновские локаторы, оранжевое свечение — побочный эффект их работы.

— М-да... Наверное, никогда не устану поражаться изобретательности природы.

Тигр, о тигр, светло горящий,
В глубине полночной чащи!
Кем придуман огневой
Соразмерный образ твой?—

тихо, но четко прочитал четверостишие Блейка задумавшийся Руденко.

— Серьезный вопрос,— вздохнул Диего.— Особенно если применить его к стражам.

Торанц подозрительно посмотрел на лицо разведчика, хранившее серьезное выражение.

— Причем здесь стражи?

— Стихи Юры подходят к ним больше, чем к кому-либо. Кем придуман огневой, соразмерный образ твой, страж? Ну, может быть, и не совсем соразмерный, но вопрос поставлен не в бровь, а в глаз.

— О чем ты? Не разговаривай полунамеками.

— Иначе он не может,— с внезапным раздражением бросил Руденко.— Своими умозаключениями он толкает нас к пропасти, просто голова кругом идет.

— Так поделись со мной.

Диего искоса посмотрел на насупленного начальника сектора и медленно проговорил:

— Может быть, это и в самом деле только мои фантазии, сам не знаю. Нужна проверка, я уже говорил. Отправной точкой моих умозаключений была мысль: откуда у энифиан столь крайний «социал-биологизм», редуцирующий человека до уровня биологического существа? Почему они относятся к нам как к биологическим машинам, а не существам разумным? Плюс к этому их признание об отсутствии эмоциональной сферы. Теперь понятно?

— Если бы,— хрипло ответил Торанц.— А доказательства?

— Я только ими и занимаюсь. Ну, кажется, уже можно отправляться.— Диего удобнее уселся на сидении, взвесил в руке контактор, потом вдруг обернулся и в упор посмотрел на Торанца.

— Единственная просьба, Джордж. Не делись своими сомнениями и догадками в Зоне и тем более не докладывай о них на Базу. У меня есть факты, что все наши разговоры в Зоне и переговоры с Базой прослушиваются энифианами.

Быстролет вынырнул из мглистой тени ущелья, и в его оперении заиграли крохотные радуги дождевых брызг. Хабуб умчался на юг, волоча за собой опадающий хвост тумана и водяной пыли.

* * *

Они стояли на берегу, утопая по щиколотку в крупном жемчужном песке, и у ног лежал дымящийся после дождя океан, прозрачный до того, что даже в полукилометре от берега можно было разглядеть его дно.

Диего нагнулся и плеснул себе в лицо водой.

— Благодать, скажу я вам, отцы. Жаль, что вы этого не ощущаете.

Видимо, одна и та же мысль: «А на Земле?» — мелькнула у обоих — у Торанца и Руденко, потому что Диего фыркнул и поднял обе руки над головой:

— Сдаюсь и прошу прощения. А теперь пройдем во-он до того бугорочка. Идти по песку одно удовольствие, вот и прогуляемся.

До бугорочка было около четырехсот метров. Шли медленно. Руденко забрел по пояс в абсолютно спокойное зеркало воды и шел вдоль кромки берега, поднимая сказочно прозрачную воду. Ему вдруг захотелось, как Диего, идти по берегу без скафандра, брызгать на шею водой и дышать йодистой свежестью древней колыбели жизни.

«Сорок недель без Земли — это много,— подумал он.— К сожалению, это не Земля, а Эниф, и дышать в смеси угарного и углекислого газов я еще не научился...»

— Что касается запахов,— словно невзначай обронил Диего,— то йодом здесь не пахнет. Океан пересыщен углекислотой и солями бария, есть и бромистые соединения, и соли урана и тория. Согласен, это химия, а не поэзия, просто даю справку. А вот и то, ради чего я вас сюда притащил.

Странный голый бугор, к которому они подошли, оказался мощной ржавой плитой, утопающей под многометровым слоем песка. Чуть поодаль из песка выступали углы еще нескольких плит, чредой уходящих в океан.

— Тот же молибденовый сплав, тот же возраст. Здесь тоже когда-то стоял город, но сейчас он под водой, почти полностью занесен илом. Из плит предки энифиан... ну, может, не предки, а другая разумная раса, не выдержавшая конкуренции с настоящей, построила убежища, но те не вынесли испытания временем.

— Десять тысяч лет и ураганы...— сказал Руденко.— Никакая сталь не выдержит.

— Другая раса...— повторил Торанц, пробуя на язык новое слово.— Две расы на планете: технологическая и биологическая, одна из которых не смогла себя защитить... Так? Но реально ли это? Что, если эволюция просто сделала крутой поворот? Такое могло произойти?

— Примеров сколько угодно, даже на Земле,— сказал Руденко с непонятной интонацией.

— Скорее всего, вы оба ошибаетесь,— грустно сказал Диего.— Самый крутой поворот эволюции длится не менее нескольких десятков миллионов лет, но никак не десятки тысяч. Столь круто могут повернуть свою историю только разумные существа. А теперь посмотрите сюда, вдоль берега. Видите?

Километрах в восьми на берегу океана виднелась туманная жел-

тая полоса, из которой вырастал частокол тонких из-за расстояния шпилей.

— Что это? — нарушил молчание Торанц.

— Одна из зон недоступности, куда нас не пускают стражи. Прелюбопытнейшее место, скажу я вам! Ребята с Базы провели локацию здешних районов, по-видимому, это действующий завод, оставшийся со времен оных...— Диего не договорил. Над урезом воды появилась черная точка, приблизилась, и люди увидели стража. Он летел чуть в сторону, но сделал крюк и пролетел над ними, внимательно разглядывая их белыми, без всякого выражения, глазищами. Два метровых крыла он распростер в стороны, третье стояло парусом, и казалось, что он плывет по воздуху, подгоняемый попутным ветром.

— Разведчик,— бросил сквозь зубы Диего, глядя вслед пролетевшему уроду из-под козырька руки.— Кому-то не понравилось наше появление на берегу вблизи зоны недоступности. А ну-ка быстренько в машину, не по душе мне их сигнализация,— и первым направился к быстролету.

— Куда теперь? — спросил его Торанц в кабине.

— В океан. Покажу город, сквозь толщу воды он виден хорошо. Потом пройдем возле зоны недоступности, у которой повышен радиационный фон. Пристегнитесь, пойдем на форсаже.

Океан распахнулся перед ними во всю ширь.

4

Диего поколдовал над замком, и дверь, к удивлению Нагорина, рассыпалась белым порошком.

— Смотри-ка, перестал держать магнитный каркас,— сказал Диего, переступая порог.— Последний раз я был здесь два месяца назад.

Комната была маленькой, два на три метра. Стены ее были увешаны в три ряда разнокалиберной сеткой защитных устройств, потолок и пол металлические, в углу стоял большой металлический ящик, и над ним панель пульта с мертвыми глазками индикатора ламп.

Нагорин похмыкал, включил механизм запирания, но дверь полностью не восстановилась, сквозь нее была видна противоположная стена коридора.

Диего жестом попросил отойти, тронул пальцем клавишу-сенсор — на пульте зажегся розовый огонек, потом открыл ящик и достал из захвата «универсал». Взвесив в руке, положил пистолет обратно, покопавшись, извлек из глубины ящика странный кружевной крест на массивной рукояти.

— Что это? — заинтересовался Нагорин.

— Болеизлучатель, вернее, излучатель звука. Диапазон от одного до двухсот тысяч герц. На частоте трехсот герц мощность максимальна, около двухсот децибел.

— Ага... болевой порог?

— Для человека — да, но к сожалению, а может, к счастью, не для живности Энифа. Все эти игрушки загружались еще при сооружении Зоны, когда мы ничего не знали об энифианах, кроме того, что они существуют.

— Сейчас знаем не больше.

— Ну, не говори, Кое-что мы знаем наверняка.

— Ради чего ты меня потащил сюда? И почему именно в эту каморку?

— Потому что объем этой комнатки — единственное место, недоступное ощущалам стражей. Я включил защиту.

Нагорин с опаской посмотрел на металлический потолок.

— Вот как? Интересно.

— Ладно, к делу. О том, что до энифианской биологической на Энифе существовала технологическая цивилизация, ты уже знаешь. Но не знаешь, что без техники нынешняя тоже не может существовать.

— Это еще надо доказать.

— Доказательства есть, но их надо уметь видеть. Резкие различия между отрядами животного мира планеты — раз.

На лице Нагорина отразилось разочарование.

— Причем тут фауна Энифа?

— Погоди, не спеши. Итак: отличия, эксперимент над нами, признание энифиан и, наконец, последнее — одна из зон недоступности у океана является заводом по производству... скал.

Нагорин засмеялся.

— Вот это открытие! Каких скал?

— Тех самых плосковершинных скал, которые стоят в гаруа. На самом деле это вовсе не скалы, а генераторы биосинтеза.

Диего замолчал, Нагорин задумался.

— Ты хочешь сказать, что все химеры Энифа — созданы все той же технологической цивилизацией тысячи лет назад? Но кто тогда в настоящее время стоит за всем этим? Кто на Энифе разумен?

— По-видимому, стражи.

— Стражи?!

— Не укладывается в голове? Да, стражи. Не исполнители чужой воли, защитники, ассенизаторы, сторожа и так далее, как мы думали, а разумные существа, управляющие миром. Чего я не могу пока понять, разобраться — в их социальной организации. И знаешь,— Диего понизил голос,— я не специалист-историк и не социолог, но... может быть, социума на Энифе нет совсем?

— Как это — нет социальной организации? Любая цивилизация имеет иерархию порядка и управления... Тьфу! Заговорил. А факты? Где доказательства, что стражи и есть те самые энифиане, с которыми мы так сложно контактируем? Наши с тобой подозрения ничего не стоят без фактов.

— Кое-какие факты у меня есть.— Диего постукал пальцем себя по лбу.— Остальные будут даже скорее, чем ты думаешь. А о том, что я тебе сообщил, подумай.

Нагорин постоял молча, повздыхал.

— Как дела у Лена? Ты с ним больше возишься.

— Что — Лен... Лен молод, даже юн, а юность — это старость без сомнений, будущее для нее — прямая линия. Он верит, что все будет хорошо, верит мне... а я верю вам.

Нагорин встретил всепонимающий светлый взгляд Вирта и заставил себя не отвести глаз.

— Диего,— сказал он,— вот я стою перед тобой, какой есть... Ты ведь читаешь мысли, загляни в мои... Я ничего ни от кого не утаивал... Ты мне дорог не как великолепный инструмент познания, а как человек... веришь?

— Не верю,— качнул головой Диего.— Знаю. Спасибо, Игорь, в тебе я никогда не сомневался. Впрочем, я ни в ком не сомневаюсь, это пройденный этап.

— Зато я читать мысли не умею и не имею понятия, что у тебя на уме. Не знаю даже, как ты себя чувствуешь, не в курсе твоих неприятностей.

По губам Диего скользнула грустная усмешка.

— Неправда, Игорь, все-то ты знаешь. Со мной все в порядке, да и что может со мной произойти, если я практически бессмертен? Помнишь, у Хайяма?

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если не совершенны,— то кто бракодел?

— Ну, ты-то явно не бракодел,— пробормотал Нагорин.— Но учти, даже твои сверхспособности не более, чем отклонение к совершенству. Да и что есть совершенство? Только не бессмертие тела, это я знаю точно.

— Я тоже. Может быть, для всего человечества совершенство — это умение учиться на ошибках?

Нагорин нехотя улыбнулся и неопределенно махнул рукой.

— Закрывай свой арсенал, надеюсь, он никогда никому не понадобится. Значит, энифиане прослушивают разговоры в Зоне? Но в таком случае они в курсе всех наших действий?

— Положим, не всех, иначе они перестали бы задавать вопросы через официальный канал связи. Но дальнейшая информация долж-

на оставаться для них тайной. В том числе и наши догадки, и сомнения, и замыслы, и решения, и даже решенные проблемы. Надо потихоньку свертывать исследования, но так, чтобы энифиане не пронюхали ни о чем. Иначе...

— Что иначе? — Нагорин, собравшийся выйти из комнаты, остановился.

— Пустив наши отряды на планету, энифиане и мысли не допускали, что мы можем проникнуть в их тайны. И если мы хотя бы намекнем, будто нам что-то известно, живых нас отсюда не выпустят. Точно так же, как не выпустили дендроидов. И будет стоять наша Зона пустой сотни лет, пока ее не откроет корабль-разведчик какой-нибудь другой цивилизации.

— Весьма драматично, даже жутко! Ты сам-то веришь в то, о чем говоришь? Как это нас не выпустят? Разве энифианская цивилизация — фашистская диктатура? Разве высокоорганизованный разум не гуманен в самой своей основе?

— Помнится, ты когда-то стоял на иных позициях...— Диего вздохнул и выключил защиту комнаты.— Гуманен, негуманен... человек — пуп Вселенной, так? Старо и неправильно... Ладно, я понял, тронут твоим сочувствием, хотя и не нуждаюсь в нем. Договорим потом, когда я буду готов. Там тебя, кажется, ищет Юра Руденко.

— А ты куда?

— Я пойду к вам позже, попробую починить дверь.

Нагорин, глядя в пол, задумчиво потрогал металлическую стенку ящика и вышел, чувствуя на спине изучающий взгляд Диего.

* * *

Быстролет Диего оставил в двух минутах лета от Осиного Гнезда — так он с иронией назвал одну из зон недоступности на планете, к которой, по его наблюдениям, стягивались все нити управления неспокойной жизни Энифа. Началось его знание об этом районе давно, еще с той поры, когда он только учился владеть своими новыми способностями. В один из выходов из Зоны он неожиданно уловил сигнал, пришедший отсюда, из Осиного Гнезда, после чего застывшие на скалах стражи ожили, будто их внезапно включили. Потом были еще сигналы и еще, на разных частотах и всевозможных видов, и все они исходили из этого места, из Осиного Гнезда. Два раза Диего пытался проникнуть в Гнездо, и оба раза появлялись стражи, и приходилось уходить несолоно хлебавши. Все же Диего сделал рекогносцировку местности и знал, что ищет. Это если и не облегчало задачу, то все же давало повод не отвлекаться на запоминание второстепенных деталей пейзажа. Знал Диего и то, что с ор-

биты Осиное Гнездо обнаружить было нельзя: стражи ухитрились накрыть Гнездо оболочкой, поглощающей все виды излучений.

«Так, осталось километров десять,— прикинул Диего расстояние.— Машину придется оставить здесь, может пригодиться при отступлении».

Он заблокировал управление, открыл дверцу багажника и вытащил пистолет. Погладив его матово-черный ствол, прицепил к поясу, подумал и добавил к НЗ в заплечном ранце еще две обоймы капсул-патронов и два ядерных аккумулятора.

Захлопнув прозрачный колпак кабины, он разогнулся, с недоумением глядя в небо,— стало вдруг темно. Потом понял.

«Очень кстати. Видимо, где-то неподалеку угольно-графитовые залежи...»

Над скалами низко пронеслась странная плотная черная туча, из которой пошел черный «снег». Диего терпеливо переждал этот «снегопад», вернее, сажепад, стряхнул с головы и с плеч черные хлопья, полюбовался на небольшой бугорок, ничем не выделяющийся среди черных валунов и каменных глыб — засыпанный пеплом и сажей быстролет, и направился к спуску в древнюю рифтовую трещину, по которой собирался пробраться к Осиному Гнезду. Вокруг на сотни километров простиралась дикая горная страна, полная мрачной красоты и тишины; грелись на солнцепеке скалогрызы; спал в тени под скалой сытый клювокрыл; два стража немо вглядывались в пейзаж с вершины самой высокой горы, застыв, как изваяния; и ждал неизвестно чего в десяти километрах от Диего гигантский провал в теле планеты, то ли древний след упавшего метеорита, то ли не менее древний кратер вулкана — маар Осиное Гнездо.

Спуск на дно трещины длился несколько минут, кое-где приходилось пользоваться умением летать, но Диего был готов ко всему. Мозг его как бы разделился на несколько участков: один из них следил за стражами, второй выбирал дорогу, третий вслушивался в разнообразные звуки, четвертый перебирал диапазоны электромагнитных волн и так далее.

На дне тень сгустилась до плотности киселя, Диего перешел на инфразвуковое зрение и одновременно на радарную локацию — для обнаружения ям и пещер; поди знай, вдруг какому-нибудь скалогрызу вздумается вынырнуть из-под камня именно в ущелье.

В одном месте Диего почуял запах металла. Он остановился, повертел головой, устанавливая точное направление запаха, напряг ультразвуковое видение и чуть выше, на узком и длинном уступе, увидел бесформенный сгусток пыли и щебня, из-под которого проглядывал желтый металл. Пришлось вскарабкаться на несколько метров выше по крутому склону трещин, стараясь не вызвать обвала.

Вблизи продолговатый вал с запахом металла оказался пустой сигаровидной оболочкой из желтого материала. Примерно посере-

дине сигары торчали в разные стороны два плоских отростка, погнутых и неровных, еще один треугольный лист вырастал на другом конце сигары.

Диего осторожно потрогал шершавый корпус сигары, обошел странное сооружение, и в памяти вдруг всплыл звездолет дендроидов и взлетная полоса возле Зоны.

«Самолет! — догадался он.— Самолет дендроидов! Вот где, оказывается, закончился его последний полет!»

Он еще раз внимательно осмотрел разбитый остов самолета, но тот был совершенно пуст, внутри лежал слой песка и пыли и больше ничего. Что ж, сто с лишним лет лежит эта машина в трещине, и ничто не вечно под луной, как говорил поэт. Хотя... кое-что из аппаратуры должно было сохраниться, особенно металлические корпуса приборов, сидения, багажники, двигатели... Скорее всего, и здесь побывали стражи.

Диего спрыгнул на дно ущелья и вжался в неглубокую нишу, и вовремя: над трещиной пролетел страж, сосредоточенно вглядываясь в ее глубину фосфорно-белыми глазами. Диего заблокировал мозг и сердце — наиболее излучающие свои органы — и превратился в камень; во всяком случае, он был холоден и мертв, почти как камень.

Лишь после того как страж удалился на свою гору, Диего разрешил себе думать.

«Неужели учуял? Чучело! Вот уж поистине цивилизация сторожей!»

Через три с лишним километра стены рифтовой трещины стали сближаться, нависая козырьком с обеих сторон. А потом трещина превратилась в мрачную сводчатую пещеру с фиолетово-красными стенами, уводившую в неведомые бездны материкового щита. Правда, не совсем неведомые: по просьбе Диего физики с Базы прозондировали местность вокруг Осиного Гнезда, и эта пещера, по всей видимости, вела прямо к кратеру. «А если нет, не велика беда, вернусь и попробую пройти верхом в другом месте, разве что ночью».

Пещера, вернее, тоннель, пробитый когда-то в породах не то потоком лавы, не то воды, был просторный и сухой, и хотя в нем было темно, как и везде под землей, Диего свободно ориентировался в стиснутом камнем пространстве. Не торопясь он достиг очередного поворота: по расчетам до кратера оставалось около двух километров,— как вдруг почувствовал, что впереди есть кто-то живой. Он остановился и затаил дыхание.

Электрозрение не давало четкой и ясной картины, сквозь толщу скал Диего мог определить лишь примерные размеры существа, излучающего «импульсы жизни»: тепловое излучение тела, электропульсацию сердца и биошум мозга — остальное тонуло в хаосе отражений и шуме природных процессов. Несколько минут Диего по-

тратил на анализ ситуации, до предела концентрируя энергию своих биолокаторов и «включив» все органы чувств. Местоположение существа, вернее, нескольких существ, на это указывало дробление сигналов, он определил довольно точно: чуть выше тоннеля и не далее полукилометра. Существа почти не двигались, лишь ритмично пульсировало их биополе: Диего «видел» это как дрожащее черное пятно на сером фоне.

В ногах вдруг отдалась вибрация пола, и вслед за тем из чрева тоннеля донесся скрежущий вопль. Снова дрожь пола, а потом грохот и стон камня. «Понятно,— с облегчением вздохнул Диего.— Всего-навсего скалогрызы. Сколько же их? Два? Три?»

Грохот и вой послышались совсем близко, с потолка тоннеля посыпались мелкие камни. Диего несколько секунд раздумывал, отступить ли назад или броситься вперед, затем, вспомнив русский «авось», метнулся навстречу приближавшемуся скалогрызу. Он миновал поворот, второй, и в тот же миг сзади, метрах в десяти лопнула стена тоннеля, брызнул ослепительный огонь, и длинное черное тело скалогрыза прошило тоннель насквозь. Проход заволокло едким дымом, пол дрожал так сильно, что пришлось воспарить в воздух в центре тоннеля. Тонко закололо в уголках глаз: Диего попал под поток рентгеновских лучей.

Грохот и гул ушли вниз, в толщу горных пород, дым рассеялся, и взору представилась глухая черная стена, перекрывшая тоннель в том месте, где прошел скалогрыз.

«Занятно! — сказал сам себе Диего, приблизившись к стене.— Пробка! Случайность? Или чей-то расчет? Надо же так точно попасть в трехметровую червоточину в недрах планеты, да еще и перекрыть ее пробкой! Нет, случайность исключается, кто-то управлял скалогрызом, кто-то управлял... Значит, меня вели, за мной наблюдали, а я ничего не заметил? Занятно!»

Диего замер. Новая волна дрожи проникла в ноги, со стороны открытого конца тоннеля раздался приглушенный рык. Словно где-то далеко заворочался громадный ящер, распахнул пасть и огласил окрестности зычным рычанием.

«Еще один! Если он пройдет впереди — я закупорен! Такие пробки мне, пожалуй, не преодолеть!»

Диего оттолкнулся от еще горячего бока сотворенной скалогрызом пробки и ринулся в быстро приближавшийся рев, пыхтение и удары второго зверя. Он едва успел проскочить трещину в полу тоннеля, как в нее с силой ударил огненный фонтан и из-под пола показалась жуткая голова скалогрыза, методично прогрызавшего сплошную скалу: тоннель на своем пути он, наверное, и не заметил.

Оглушенный грохотом и опаленный огненным дыханием исполина, Диего не стал останавливаться и убеждаться, что и в этом месте тоннель перекрыт пробкой. Дорога назад все равно была отрезана

и останавливаться не стоило, потому что в недрах горы прятался, по крайней мере, еще один скалогрыз, и он мог успеть завершить то, что не сделали его собратья,— закупорить выход. «Если выход есть»,— подумал вдруг Диего на лету, ощущая мгновенный укол страха. Но тут же увидел, что опасения напрасны. Тоннель стал расширяться, раздался ввысь и превратился в довольно большую пещеру, стены которой были продырявлены множеством круглых отверстий.

«Убежище скалогрызов? Или естественная полость? Никого не видно... Впрочем, это к лучшему. Передохну чуть-чуть. Да и подзаправиться не мешало бы...»

Он пролетел в дальний конец пещеры, где намечалось продолжение тоннеля, и опустился у стены, на выступ белой кристаллической породы, похожей на известняк. Понюхав воздух, Диего ковырнул пальцем белую глыбу, растер отколотый кусок в ладонях и кивнул, узнавая. Это была окаменевшая слюна скалогрыза. Отколов еще кусок, Диего положил его в карман ранца. Достал оттуда ториевый аккумулятор, расстегнул куртку, обнажил живот, подождал, пока подкожей выступит матово-белый кружок контактора, и приложил к нему оголенную клемму аккумулятора. Через минуту он был бодр и свеж, словно только что искупался в родоновом душе, а не мчался сквозь тоннель сломя голову полтора километра.

«А теперь по-человечески».

Диего усмехнулся и достал яблоко.

Он уже отчетливо видел выход — светло-серое пятно на фоне угрюмого коричневого свечения горных пород, слагающих гору. Эхо переговоров стражей доносилось сквозь толщу скал тихим шелестящим прибоем, над которым иногда зримо вставал вскрик какого-то близкого стража. Диего чутким телом, как антенной, ловил этот мерный шум, прикидывая, какую неожиданность он может встретить на выходе, прислушивался к своим ощущениям в надежде на то, что тело само определит источник опасности, вокруг ничего особенного не происходило, а что творится на выходе из тоннеля, он не видел. Лишь доносился из утробы горы настоящий звук — не то радиокрик стражей — далекий гул, не то рычание скалогрыза, не то следствие работы еще неведомой людям твари.

Диего взвесил в руке пистолет и быстро преодолел последние полсотни метров. Всего две секунды смотрел он на развернувшуюся перед ним панораму Осиного Гнезда, в следующее мгновение его буквально «взорвал» взрыв неистовых криков в радиоспектре. Удар по нервам, по всей тонкой сенсорной системе был так велик, что на некоторое время мозг отключился, но шоковое состояние продолжалось недолго; его спасло то, что инстинкт бросил тело вглубь горы, и тотчас же вопли, кромсающие мозг и душу, стихли: каменные стены пещеры ослабляли электромагнитное поле в десятки раз. Не доверяя рассудку, Диего отполз от края пропасти, в которую обрывал-

ся тоннель, и прислонился к стене. Однако шум радиопереговоров стражей был еще силен, отдельные всплески излучения отзывались головной болью, и Диего отодвинулся еще дальше, за поворот, где было почти тихо и темнота расцвечивалась лишь тусклым фиолетово-коричневым инфракрасным свечением каменных стен.

Отдышавшись, он попытался воспроизвести в памяти увиденную картину. Она была настолько же поразительна, насколько и невероятна!

Во-первых, объем. Осиное Гнездо представляло собой гигантский кратер диаметром около десяти километров и глубиной километра три, кратер, светящийся и накрытый сверху какой-то полупрозрачной крышей! Особенно сильное свечение падало на ультрафиолет: светились стены кратера, усеянные отверстиями пещер и ходов, как и тот, в котором находился разведчик; светилась крыша, светился сам воздух. Во-вторых, количество стражей! Весь этот кратерный объем, сотворенный когда-то взрывом вулканического конуса, был заполнен мириадами стражей! Стражи висели в воздухе, создавая сложный геометрический узор, ярус за ярусом — стражи, стражи, стражи!.. Словно увеличенная до гротеска модель атомной решетки кристалла! Словно колоссальная геометрически-структурная развертка какой-то невероятно сложной математической формулы!

В центре кратера Диего заметил странное сгущение, нечто вроде корявой колонны, также состоящей из соединенных между собой странным образом стражей. Но уверен в последнем он не был, слишком мало времени было в его распоряжении, чтобы разглядеть все подробности. И все же он понял, что это такое. Вернее, прежняя догадка перешла в уверенность. Осиное Гнездо представляло собой центр управления всей деятельностью своеобразной цивилизации Энифа, ее центральный мозг, а точнее — колоссальный вычислительный центр! Полупрозрачная крыша была эффективным силовым полем, не позволяющим локаторам земных кораблей разглядеть с орбиты, что это такое.

Слабая улыбка тронула губы Диего.

«Теперь надо все заснять на кристалл,— подумал он,— и убраться восвояси. Во что бы то ни стало! Теперь от того, как я доставлю свои знания в Зону, будет зависеть судьба всей экспедиции!»

Он достал еще один аккумулятор, зарядил свое, человеческое лишь чисто внешне тело новой порцией энергии и приготовил к съемке автоматические видеокамеры, встроенные в браслеты на руках и отвороты куртки. Потом заставил отключиться все органы чувств, кроме теплового зрения, сосредоточил внимание на дороге и в несколько прыжков-полетов достиг выходного проема.

На этот раз он продержался около десяти секунд, жадно разглядывая удивительное творение энифиан-стражей, но плотность элек-

тромагнитного излучения в «горячей» зоне кратера все же была слишком велика, и когда полученная телом доза превысила критическую, защитные рефлексы отключили уставший мозг и заставили тело отступить от выхода в глубину тоннеля.

Беспамятство длилось дольше, чем раньше, а очнувшись, Диего понял, что его заметили. Почти рядом, в десятке шагов за отверстием входа реял страж и сосредоточенно всматривался в лежавшего человека.

Диего сел, поморщился от боли в голове и первым делом очистил организм от радиоактивной грязи. Страж отпрянул от входа в тоннель и закричал. Его крик повторился и стих где-то наверху. Вслед прилетел другой звук — глухой шум, словно за стеной загремели тысячи деревянных колотушек.

Диего не стал дожидаться развязки событий, вскочил и бросился в темноту тоннеля. Вихрем промчавшись по залу пещеры, где недавно отдыхал, он поколебался немного, выбирая, в какой ход направиться дальше, но в зал ворвались стражи — более десятка, и колебаниям пришел конец. Он едва успел нырнуть в радиоактивную дыру, проделанную скалогрызами, как в спину шибануло горячим воздухом и осколками камня: стражи с ходу начали силовой обстрел.

На некоторое время удалось опередить погоню: ход для стражей был узковат. Но Диего не обольщался, знал, как они умеют трансформировать тело, и продолжал продвигаться вперед с максимальной быстротой, стараясь одновременно следить за направлением лаза и вероятными препятствиями. И все же он не рассчитал выхода: труба коридора загнулась вверх, расширяясь пузырем гладкой полости, пахнуло горячим металлом и тяжелым смрадом радиации, и Диего вылетел прямо на хвост дремлющего скалогрыза.

Бронированный зверь быстро приподнял переднюю часть туловища и вывернул свою отвратительную голову к замершему в воздухе человеку.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Диего знал: скалогрыз почти не видит его, плотность человеческого тела для рентгеновских лучей глаз-локаторов скалогрыза — все равно, что воздух. Но было такое ощущение, будто зверь видит его и понимает ситуацию ничуть не хуже, чем он сам.

Диего метнулся в сторону вовремя: скалогрыз шумно метнул струю пламени и... уронил голову на пол и застыл. Диего успокоил бешеный бой сердца, оглядел каменный мешок. Выхода, как он уже догадался, не было, кроме того, по которому он пробрался сюда. Тогда он опустился на пол подальше от хвоста скалогрыза и направил ствол «универсала» на черный зев хода.

Первый страж появился из отверстия через две минуты: он походил на крокодила с птичьим клювом — иначе не пролез бы по узкому ходу.

Диего вздохнул, понимая, что шансов выбраться из западни целым и невредимым нет, вскинул руку с оружием и... опустил, уловив дружественный психоимпульс.

— Здравствуй, дружище! — пробормотал он сдавленным голосом.— А я чуть тебя не пришиб! Как же ты меня нашел?

«Меланхолический» страж — это был он — наклонил голову над отверстием хода и крикнул. «Предупреждение, чтобы никто не входил»,— понял Диего. Подождав ответного крика, страж проковылял к скалогрызу, снова поднявшему морду, несколько секунд смотрел на него ничего не выражающим со стороны взглядом и отошел к человеку. Скалогрыз шумно фыркнул дымным клубком, ударил хвостом в скалу так, что дрогнули стены, и с лязгом и воем вошел в противоположную стену своего убежища.

Страж слабо каркнул — в прежнее время этот звук умилил бы Диего, так он был похож на крик земного ворона,— и хлопнул по ноге человека тяжелым крылом.

— Спасибо! — сказал Диего, нагибаясь к уроду.— Спасибо, друг! Надеюсь, и я смогу когда-нибудь отплатить тебе тем же.

Он почти с нежностью погладил жесткую шею стража и полез в еще горячий круглый тоннель, проделанный скалогрызом. Страж смотрел ему вслед.

Все время, пока Диего выбирался из-под горного массива вдогонку за скалогрызом, и когда отпугивал стражей выстрелами, добираясь к быстролету, и когда маневрировал на скорости, уворачиваясь от клювокрылов, он помнил этот взгляд. В этом странном существе ничего не осталось от прежнего дендроида, сухопутного головоногого моллюска, как называли его ученые Земли, и все же Диего всей душой чувствовал, насколько тот ему близок. Не только как «брат по несчастью», подвергшийся антигуманному эксперименту энифиан, но и чисто эмоционально, ибо Диего никогда не ощущал себя одиноким, а «меланхолический» дендроид-страж был по-настоящему одинок и нуждался если не в дружбе — такого понятия он, вероятно, давно не помнил,— то хотя бы в простой привязанности и сочувствии, ибо этические нормы, присущие всем эмоциональным существам, стражи убить в нем до конца не смогли.

В быстролет Диего забрался уже почти без сил, их хватило только на то, чтобы закрыть фонарь, включить двигатель и вызвать Базу.

На высоте километра на машину напали клювокрылы, и Диего потратил остаток сил на сверхскоростное маневрирование, пока не обогнал летающих бронированных ящеров. Потом он дважды «прорывал» багровую пелену забытья — срабатывал какой-то скрытый механизм защитных реакций,— чтобы направить полет в нужную сторону, к Зоне, ответить дежурному Базы и отбиться от назойливых стражей.

Модуль, стартовавший с Базы по пеленгу быстролета, не успел

минуты на две: уже далеко от Зоны машину настиг мезонный разряд, ударивший из-под холма, в котором никто никогда не видел никакой опасности.

5

Служащие Базы с удивлением глядели вслед бегущему: никто еще со времени постройки спутника не бегал по коридорам, когда существовали пронзающие «гуляющие» лифты и эскалаторы.

Но Руденко просто забыл про них. Он опустился на жилой горизонт, ворвался в комнату Торанца и остановился на пороге, успокаивая дыхание.

— Ну? — спросил начальник сектора спокойно, поднимая голову от стола. На столе стоял переносной проектор, лежали белые диски видеоконтактора, прозрачные «карандаши» кристаллов, ультразвуковая насадка, пинцеты и пакетики с электронной позитурой.

— Нашелся Диего,— почти спокойно сказал Руденко в ответ и прошел на середину комнаты.— Я не мог дозвониться, думал, ты спишь.

— Как видишь, решил отремонтировать виом, цветовариатор барахлит. Где он?

— В медотсеке Зоны. Быстролет сожжен мезонным лучом. Диего чудом остался цел, хотя и сильно обгорел. Буквально минуту назад он пришел в себя и велел врачам удалиться за пределы видимости. «Буду лечиться сам, а зрелище это не из аппетитных»,— как он выразился. Велел также принести энергоемкости и яблок. Да-да, попросил два килограмма яблок. А мне передал вот это, Лаирн специально модуль прислал.

Руденко полез в карман и вытащил голубоватый ромбик звукозаписи и кассету от ручного видео. Торанц взял кристалл, повертел в пальцах и поднял холодные глаза на руководителя группы безопасности.

— Что-то сногсшибательное?

— Суди сам. Гаруа ты уже видел, хотя бы издали, так вот — это инкубаторы стражей. Анализ тумана, окутывающего гаруа, показал, что он представляет собой металлоорганическую взвесь, из которой стражи и выращивают свои тела. Далее, записан тебе уже известный факт, что когда-то на Энифе существовала технологическая цивилизация. А потом Диего сделал вывод, что существующая в данный момент биомеханическая цивилизация стражей, этих таинственных энифиан, не что иное, как результат эксперимента исчезнувшей в веках технологической! И это еще не все: стражи, по данным Диего, всего-навсего биологические машины, биокибернетические системы, отсюда их абсолютное незнание об эмоциональных проявлениях

и психике «настоящих» живых разумных существ, вроде нас с тобой. Но и это не конец! Диего проследил линии передач сигналов и волноводы, питающие излучатели мезонных импульсов — те самые молибдено-стальные плиты, и обнаружил центр управления всей здешней кибержизнью: он назвал его Осиным Гнездом.

— Так,— сказал чуть охрипшим голосом Торанц.— Кое о чем я уже имел некоторое представление из отчетов Доброгнева, но все же оставалось сомнение, что кто-нибудь из нас ошибается.

— Только не Диего. Он едва не погиб, доставляя эти сведения. Об ошибке не может быть и речи.

Торанц покачал головой.

— Уж очень все просто получается...

— Где же просто? Разве на все наши вопросы даны ответы? Проблем еще целый воз, и хорошо запутанных проблем. Кстати, у меня есть и видеозапись Осиного Гнезда изнутри, давай посмотрим, я не успел его толком разглядеть.

Руденко достал еще один кристаллик, отсвечивающий чистым смарагдовым светом, вставил в гнездо инфора.

На стене замерцало радужное пятно, скачком приобрело объем и глубину, и сквозь искристый туман проступило изображение: кратер с почти отвесными стенами, заполненный сотнями тысяч, если не миллионами, стражей в строгом гармоническом порядке! Из дна кратера вырастала неровная колонна, вокруг которой концентрация стражей достигала максимума.

— Отдай запись математикам,— сказал Торанц, насмотревшись.— Пусть поломают головы над структурным анализом.

Руденко убрал изображение, выключил инфор.

— Именно это я и собираюсь сделать. Теперь поговорим о свертывании исследований планеты. Диего предупреждал об опасности разглашения имеющихся у нас сведений. Резко уменьшать численность групп и даже количество людей в каждой группе мы не можем, стражи наверняка разгадают наш маневр; они и так уже отметили нашу чрезмерную любознательность, особенно к местам, куда нет доступа,— к туманам гаруа, запретным районам...

— Что ты предлагаешь? Какой-то план у тебя уже есть?

— Есть,— после некоторых колебаний сказал Руденко.— Но он связан с риском.

Торанц поднял брови.

— С риском для исполнителей,— заторопился Руденко,— и не только исполнителей, но и для Диего с Неверовым. Эвакуировав их с планеты, мы тем самым отдаем их в руки земной, подчеркиваю — земной медицины, еще не решившей многих вопросов жизни и смерти. К тому же, для этой операции требуется неслыханная координация действий. С Диего я уже советовался, он рекомендовал поторопиться.

— Что называется — влипли! — в раздумье разглядывая развороченный на столе прибор, произнес Торанц.— По старой пословице: коготок увяз — всей птичке пропасть! Так? Ладно, давай свой план, обсудим втроем с Шелгуновым. Доброгневу и Нагорину сообщим позже, когда они прибудут на Базу.

От Торанца Руденко вышел через час. В зале связи его ждало известие о прибытии к Энифу крейсера УАСС «Витязь». Космолеты этого класса редко использовались как корабли разведки и научного поиска, их появление обычно означало какую-то беду, происшедшую в галактической сети человеческих поселений. Так как в системе Энифа беды никакой не произошло («Пока»,— поправил себя Руденко), то причиной появления «Витязя» мог быть либо профилактический рейд крейсера, либо прибытие высокого начальства Земли.

Истина, как всегда, оказалась посередине. На «Витязе» действительно прибыли руководители УАСС Земли Доминик Джваир и заместитель председателя Высшего Координационного Совета Молчанов, а сам корабль придавался в помощь техническому арсеналу Базы.

Встречая гостей, Руденко не знал, радоваться ему или огорчаться, а увидев среди прилетевших жену Диего, понял — огорчаться.

Анна, узнав его, подошла первой и протянула руку.

— Здравствуй, Юра. Вот не выдержала, прилетела... не одобряешь?

— Наоборот,— не очень искренне возразил Руденко.— Хотя, честно говоря, время ты выбрала не совсем удачное.

Анна помрачнела, помолчав, спросила:

— Диего нет здесь, на спутнике?

— Нет,— ответил Руденко с усилием.

В глазах Анны зажегся огонек тревоги. Она была невысокая, по грудь Руденко. Слегка полноватая фигура, мягкие руки, круглое доброе лицо с яркими губами, прическа «клен на ветру» и изумительные васильковые глаза, способные быть и грустными, и веселыми, и холодно-изучающими...

Руденко отвел взгляд. Спохватившись, снова посмотрел на женщену.

— Он в Зоне... м-м-м, внизу, на планете. Он был не очень серьезно болен... сейчас все в порядке. Он тебе не писал? Если хочешь, пойдем в зал связи и закажем видеосеанс...

Анна покачала головой.

— Ты чего-то не договариваешь, Юра, как и твое начальство на Земле. Я хочу к нему, хочу разобраться сама, почему вы... Диего не писал ничего более двух месяцев... он попал в аварию?

У Руденко сжалось сердце. «Не знает! — ужаснулся он.— Как

же так? Никто ей не сказал?... Ну, Диего не сообщил о своей «болезни» понятно почему, но Ждан или Игорь?..»

— Видеосвязь эфемерна,— продолжала Анна,— и не заменит его объятий... Кстати, со мной Эвелина, невеста Неверова. Нас пустили к Энифу только потому, что Диего и Лен стали героями даль-разведки. Тень славы разведчиков пала и на их подруг... Эви,— позвала она.

В группе молодежи, смешавшей старожилов Базы и прибывших гостей, оглянулась на зов высокая блондинка в свитере под цвет кожи и в юбке «косой дождь» по последней моде сезона.

— Эви, подойди, пожалуйста, познакомься. Это Юрий Руденко, начальник моего Диего, я тебе о нем рассказывала.

— Эвелина Барт,— представилась блондинка, изучающим взглядом пробежав по фигуре начальника спасателей Базы. Тот сразу почувствовал себя неуютно и скованно, признав в душе, что в свои шестьдесят два не выглядит спортсменом и что нынешняя молодежь безошибочно узнает возраст собеседника. Однако лицо девушки ему не понравилось. Безусловно, красивое, оно было одновременно каким-то неуловимо фальшивым, как яблочко с червоточинкой. Руденко даже не смог сразу сказать, что же именно ему не понравилось, пока Эвелина не сделала легкую нетерпеливую гримаску. Тогда он понял: надменность. Очень и очень мало, на грани видимости, но — надменность. «О таких говорят — холеная»,— подумал Руденко и огорчился, неизвестно за кого: за Неверова ли, за себя или за девушку, и тут же перестроил поведение — в шутливой форме стал рассказывать о встречах со стражами. «Анна поймет,— думал он.— Все обойдется, лишь бы не подвели молодые «крокодилы» здесь, на Базе, и там внизу, в Зоне. Ребята любят пугать красивых девиц... пошутить... Ох как может подвести чья-нибудь неосторожная шутка! Но еще надо решить вопрос — разрешать ли женщинам посещение Зоны...»

— Пойдемте со мной,— сказал он, беря обеих женщин под руки.— Сначала я покажу вам Базу, а потом решим проблему контакта с вашими возлюбленными,— и он почти весело рассмеялся.

* * *

— Ты с ума сошел! — сказал Торанц.— А если бы стражам вздумалось в этот момент продемонстрировать какую-нибудь из своих шуточек, типа мезонного обстрела?! Ах, Юра, Юра!.. И я отвлекся с начальством... Как же ты так быстро решил?

— Ничего страшного не произошло,— спокойно пожал плечами Руденко.— Да и не помогло бы ваше вмешательство, ни твое, ни

Джаваира, мы бы только напугали женщин. Это их право... да что рассуждать, видел бы ты встречу Диего с женой!

— Можно подумать, что ты видел.

— Фрагмент,— нехотя пробормотал Руденко.— И сказали-то они каждый всего по одному слову, он — Аня, она: любимый!— а столько друг другу сказали! Ей-богу, от всей души позавидовал. Всем бы таких встреч!

— Ты бы еще сказал — таких жен! — хмыкнул Торанц, побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.— А дальше что? Как ты думаешь возвращать их обратно и когда?

— Вероятно, завтра, тем же путем — на модуле. А рассуждал я примерно так: прибытие женщин в Зону отвлечет стражей, и мы сможем спокойно подготовить операцию по эвакуации людей. Кстати, стражи тут же пронюхали, что в Зоне представители другого пола, раньше-то женщины не прилетали. Последовало такое столпотворение стражей вокруг Зоны, что ребята подняли тревогу! Дежурные приняли сотню вопросов через официальный пункт связи о половых различиях людей, особенностях их размножения и так далее. Сами-то стражи однополы, вернее, бесполы, как... как роботы.

— Во помощнички! — Торанц выпростал худое, длинное тело свое из кресла и пошел к двери.— Во наградил господь! Хоть стой, хоть падай! Пошли, чего сел? К Джаваиру пошли, пусть он тоже послушает твою информацию. А Неверов-то хоть как? Рад? Невеста у него больно красивая... Кем работает, не узнавал?

— Работает она модельером на фабрике одежды.— Руденко смешно пошевелил выгоревшими бровями.— А как они встретились, не ведаю. Не нравится она мне...

— Эх-хе,— вздохнул Торанц, вызывая лифт.— Нравилась бы Неверову, а ты со своими мерками годишься разве что в смотрители кунсткамеры.

Серый прямоугольник двери лифта растаял, в проеме показался такой же серый круг «кабины». Прошумел сверху вниз теплый ветер, мигнула лампа пятого яруса, и они вышли в коридор командного поста Базы.

В помещении поста царила зеленая темь: потолка и стен не было, вместо них вокруг зала простиралась колючая бездна пространства и висел над головой узкий зеленый серпик Энифа. Звезда пряталась за ним и освещала край атмосферы слева от наблюдателей. В правом углу панорамного виома мигнула крупная голубая звезда — лазер-связь крейсера «Витязь».

— Зона в центре урагана,— раздался голос автомата-дешифратора.— Связи пока нет.

— Подойдите ближе, к пределу убегания,— сказал кто-то в зале; Руденко узнал Джаваира.

Снова блеснул синий огонь лазера.

— Есть связь! Передают — все нормально, происшествий нет. Ураган движется из области недоступности номер три, уровень помех и напряженность электромагнитных полей вокруг Зоны аномально высоки! Метеообстановка создана искусственно, есть факты, что генерацией вихревого ядра урагана занимаются стражи.

Руденко быстро взглянул на Торанца.

— Диего оказался прав.

— Прав-то он прав, но ураган — следствие своеволия с женщинами. Стражи бросили на Зону все средства исследований, которых мы не знаем. А может, что и похуже...

— Не теряйте связи. Конец.

Джаваир сделал жест рукой, и в зале вспыхнул свет. Изображение съежилось до размеров дверцы шкафа, стены снова стали плотными и осязаемыми, потолок оказался расчерченным концентрическими кругами специальных антенн.

— Вы кстати,— сказал Джаваир, заметив подошедших работников спасательной службы.— Надо сообща решить одну проблемку, садитесь ближе.

Руденко сел рядом с Нагориным, пожал ему руку.

— Я думал, вы еще в Зоне.

— Привез новые материалы, а тут ураган...

— Потом, потом,— Джаваир, похожий на бронзового монгольского божка, повел сухонькой ручкой.— Проблемка заключалась в следующем: каким образом быстро и эффективно эвакуировать людей с планеты на Базу. Положение, судя по мнениям всех ученых, далеко от оптимизма, надо избавить людей от бессмысленного риска. После того, что мы узнали от Диего, считаю, что контакт с энифианами следует прекратить.

— У нас уже есть разработка этой проблемы,— сказал Торанц.— Идея смелая, неожиданная... и связанная с риском.

— Спасатели, по-видимому, не могут обойтись без риска,— сказал совершенно седой Молчанов, и нельзя было понять, одобряет он или осуждает любителей риска.

— Не могут,— сдержанно подтвердил Торанц.— Обстоятельства, к сожалению, не позволяют нам обходиться без рискованных операций. Специфика работы.

— Хорошо.— Джаваир слегка поморщился.— Полемика о риске несвоевременна, тем более что в работе спасателей он часто целесообразен. Доложите свой план эвакуации. Насколько мне известно, все исследовательские группы работают автономно? То есть имеют свои базовые лагеря в разных районах континента? Как же их забрать, не вызывая панику у стражей? Честно говоря, мы тут поломали головы над этим вопросом, но выхода не нашли. Куда ни кинь, всюду клин. С какой стороны ни начни операцию, рано или поздно стражи разгадают наши маневры, а чем они ответят, никто не знает.

От пульта к сидящим подошел Тоидзе.

— Извините,— сказал он.— Юра, вызывает директор. Прямой связи с Зоной все еще нет, он просил передать, что как только кончится ураган — ждет тебя там.

— Что-то случилось?

— По-моему, нет, иначе прошел бы сигнал тревоги.

Руденко, извинившись в свою очередь, оставил Торанца разъяснять план освобождения людей «из плена», пообещав сообщить все новости из Зоны. Отойдя к пультам, он взял Тоидзе за отворот куртки.

— Ну, а теперь договаривай.

— Что договаривать? — опешил инженер связи.— Я все передал. Доброгнев сказал: «Пусть Юра не задерживается, в Зоне есть для него з а б о т а». Вот и все.

— Забота? Ты не ошибся? Может быть, работа?

— Во время дежурства я не ошибаюсь,— обиделся Тоидзе.

— Хорошо, спасибо. Чей модуль дежурит?

— Денисова, второй причальный. Подожди хоть пока пройдет ураган.

Руденко кивнул и покинул зал.

* * *

Модуль опустился на полотно бывшей взлетной полосы в трехстах метрах от белого параллелепипеда Зоны. Ураган только что промчался, но природа вокруг Зоны еще не успела отреагировать на это: обычно пушистые шапки цветного мха, заменяющего на Энифе траву, походили на каучуковые желваки, а страж на скале представлял собой кожистое одеяло, намертво приклеившееся к каменному пальцу насеста.

Руденко кинул взгляд на уползающую за горизонт черно-сизую тучу и пошлепал по мокрому бетону взлетной полосы дендроидов к зданию Зоны, перепрыгивая трещины и размышляя, что имел в виду Доброгнев, говоря о заботе.

В коридоре его встретил иронично-вежливый начальник центра.

— Твоя идея была привезти сюда лихо,— сказал он, глядя поверх головы руководителя спецгруппы.

Руденко почувствовал недоброе.

— Женщины? Что-нибудь натворили?

— Женщины, мой милый, женщины. Недаром моряки в старину говорили: женщина на корабле — к несчастью.

— Да говори ты толком, что случилось.

— Собственно, ничего особенного не произошло. Эвелина устроила некрасивую сцену... накричала на врачей, на меня... на Диего.

Да-да, и на него тоже... Верните мне того Неверова, которого я знала, а этот — монстр, чудовище!

— Сильно! Так и сказала?

— Так и сказала — чудовище! Видимо, Лен прочитал кое-какие мысли, которые она хотела сохранить от него в тайне... Веришь, я с трудом удержался, чтобы не дать ей пощечину! Сам понимаешь, какое настроение было потом у Неверова. Хорошо, что Диего каким-то образом ее успокоил...

Руденко сглотнул горькую слюну, покачал головой.

— Не предполагал, что она до такой степени... все-таки интуиция у меня есть. А как Анна?

— Что Анна? Жена Диего — это почти сам Диего. Удивительное самообладание у женщины! Кстати, она с характером: я попытался было обвинить руководство во всем, взять вину на себя, объяснить, что Диего подчинялся моему приказу... так она зыркнула на меня ледяной синью и сказала с самой доброжелательной улыбкой: «Если не знаешь, что сказать,— говори правду, Ждан».

— Почти Козьма Прутков. А ты?

— Я стал рассказывать, как Диего помог нам освоиться на Энифе и какой он вообще молодец.

— Будто она этого раньше не знала.

Доброгнев горестно махнул рукой.

— Что делать, если я просто обалдел. Не останавливайся, нас ждут в защитной камере.

Они спустились на самый нижний этаж Зоны, располагавшийся на десять метров ниже уровня почвы. Здесь коридор в сечении был треугольным, двери встречались только с одной стороны — в той стене, которая составляла с полом прямой угол. Доброгнев задержался у предпоследней двери.

В знакомой кубической комнатке со специальными экранирующими устройствами находились Нагорин, Шелгунов и начальник Группы технического обеспечения Генри Лаирн.

— Фью! — удивился Руденко.— Как ты меня опередил? Ты же остался на Базе!

— Может, я умею раздваиваться,— сказал Нагорин простодушно.

— Надо же! — Руденко пожал руку Шелгунову и Лаирну.—Над тобой тоже энифиане экспериментировали?

— Пора начинать нашу жесткую программу,— сказал Шелгунов, улыбнувшись глазами.— Мне кажется, события начинают разворачиваться по сценарию стражей. Сегодня Лен обнаружил под Зоной систему ходов, причем уверяет, что слышал вибрацию какого-то работающего механизма.

— Механизма? Может быть, скалогрыза? Чем не землеройная машина! Да и откуда на Энифе механизмы? Последние машины на

планете обратились в прах сто веков назад. Ты же знаком с данными Диего...

— Да я не возражаю, Лен мог ошибиться. Мы просветили район под Зоной интравизорами, но ничего не обнаружили, кроме ходов. Три хода тянутся параллельно друг другу и два сходятся углом, диаметр каждого около полутора метров.

— На работу скалогрызов действительно не похоже, диаметр их тел не превышает восьмидесяти сантиметров. Что еще?

— Стражи зачем-то обследовали звездолет дендроидов. Перед этим там работали специалисты из группы Генри, интересная штучка этот звездолет, скажу я вам! Ну, а потом налетели стражи, копошились в нем часа два, еще с час просидели молча рядом. Закончилось тем, что прилетел еще один урод, закричал, они устроили хоровод вокруг Зоны и утихомирились.

— Не поинтересовался у них, что они там делали?

— Официально нет,— развел руками Доброгнев и кивнул на Лаирна.— Мы хотели послать ребят Генри, но решили не начинать работу без твоего ведома.

— Правильно, сначала обсудим все «за» и «против». Кстати, хорошо бы переговорить с Диего. Мне кажется, право решающего голоса принадлежит ему.

— Он же...— Нагорин не договорил.

Над дверью мигнул желтый огонек — кто-то просил разрешения войти.

Лаирн, стоящий у пульта, открыл дверь. В комнату вошел энергичный, улыбающийся Диего Вирт.

— Не ждали? Знал, что понадоблюсь, вот и пришел. Юра, ты извини, но я от твоего имени отправил женскую половину на Базу, модуль уже ушел. Вместе с ними улетели инженеры технической бригады и математики. Итого, на планете сейчас восемьдесят семь человек, и. них шестнадцать в Зоне. Как решился вопрос с операцией под кодовым названием «Вознесение на небо»?

— Оперативно!..— пробормотал опомнившийся Руденко и покрутил головой.— Оперативно действуешь!

Доброгнев засмеялся, за ним остальные. Диего остался невозмутим.

— Времени у нас до обидного мало,— сказал он, прищелкнув пальцами.— Хотелось бы прежде, чем уйти, кое-что узнать... Но это моя забота. Меня тревожит возня наших милых пташек у звездолета дендроидов. С вашего разрешения вечером я его обследую вместе с Леном.

— Почему вечером? — спросил Шелгунов.

— Потому что к ночи жизнь здесь замирает,— густым басом ответил Лаирн вместо Диего.— Стражи ночью спят, вернее, отключаются.

— Спасибо, Генри,— серьезно сказал Диего.— Так какие же вопросы мы будем решать сегодня?

— Отправка намечена на двадцать первое,— сообщил Руденко.

— Через два дня? Неплохо бы пораньше...

Диего вдруг насторожился. В тот же миг тяжкий гул обрушился на здание Зоны, закачались стены, крупная дрожь потрясла пол. Со стены упал баллон кислородного НЗ.

Диего выключил защиту комнаты, все выбежали в коридор. Где-то рявкнула сирена тревоги, простучали по эскалатору шаги дежурной смены энергетиков. Диего первым добежал к окну виома, в стене коридора. Виом прозрел и показал хмурый день с надоевшим всем пейзажем и плотный бурый столб дыма в конце бетонной полосы. Столб оседал фиолетово-черным облаком. С неба редким дождем падали мелкие камни и серо-черный пепел.

— Вот оно в чем дело! — раздельно проговорил Диего.— Стражи взорвали звездолет дендроидов!..

6

Глубокой ночью Неверов проснулся оттого, что кто-то позвал его по имени. Он открыл глаза и прислушался. В комнате было темно и тихо, слабо светились теплые панели пола — там, где проходили полосы отопления и электрические провода в стенах, в также подводы питания к виому окна дальновидения и аппаратура водо-воздушного обмена.

Снова послышался чей-то голос, но это был не звук — радиовызов.

Неверов привычно сориентировался в пространстве — он уже не пугался, как раньше, радиопередач, которые принимал не хуже радиостанции, и пси-импульсов, излучаемых людьми,— и определил направление вызова. Это был Диего.

«Вставай и поднимайся на третий горизонт, в машинный зал. Постарайся пройти незамеченным».

«Понял, сейчас приду».

Неверов быстро оделся и бесшумно пробежал по коридору мимо зала связи, где дежурили видеоинженеры, терпеливо дожидаясь утра и новых сеансов связи с энифианами.

Диего возился с укладкой ранца возле ребристых кожухов энергогенераторов. Он был одет в обтягивающий тело черный костюм и казался худощавее, чем был на самом деле. Критически оглядев Неверова, он покачал головой и подвинул ногой черный ворох на полу.

— Надевай комбинезон, это тургорный костюм — с противодав-

лением и температурной регуляцией, специально для горячих работ. Нам в УАСС часто приходится пользоваться такими.

Неверов с трудом затянул на себе шов застежки-молнии, пошевелил плечами и изумленно посмотрел на Диего. Сначала казалось, что упругая ткань будет стеснять движения и сдавливать тело, но случилось обратное — костюма не чувствовалось совсем, будто его не было!

— То-то! — пробормотал Диего.— Теперь инграв.— Он подал скрещенные ремни индивидуального летательного аппарата.— Сегодня быстролет отменяется, пойдем на малой тяге. Попробуй, как работает... хорошо. Надевай ранец с НЗ, «универсал» цепляй на пояс.

Он проверил снаряжение на товарище и быстро оделся сам.

— Все-таки до чего живуч рефлекс,— сказал он вдруг со смешком.— Ведь можем общаться мысленно, а все равно разговариваем вслух. Уж очень много веков совершенствовала природа наш звуковой способ общения.

— Привычка,— согласился Неверов.— А к чему вся эта амуниция? Куда мы собрались?

— В поход.— Диего еще раз внимательно осмотрел свои доспехи, остался доволен и, мягко ступая, пошел к двери.— В поход за разгадкой «роковой» тайны стражей. Днем нам туда не пройти, ночь — лучшеее время для разведчика, запомни, юноша.

— И для злодея...

— Что? А-а...— Диего понял, что Неверов вспомнил старинные приключенческие романы.— Ты помнишь заваленную пещеру?

— Это там, где ты нашел «пустые» кристаллы?

— Совершенно верно, на юге Неожиданного плато, в двухстах километрах от побережья океана и от ближайшей зоны недоступности. А еще мы устроим небольшую диверсию. Звездолет дендроидов стражи взорвали неспроста: здесь и угроза, и предостережение, и сокрытие какой-то тайны.

— Эдак они, чего доброго, взорвут и Зону!

— Гарантировать не могу,— уклонился от прямого ответа Диего; они уже спустились на первый горизонт, где находился выход из Зоны.— Но вот тоннели под Зоной навели меня на очень неприятную мысль: по ним очень легко подвести любой энергоноситель и...

— Продолжить облучение персонала Зоны, как нас с тобой! — закончил Неверов.

Диего остановился перед тамбуром и предостерегающе поднял руку. Он молчал так долго, к чему-то прислушиваясь с закрытыми глазами, что Неверов не выдержал:

— Ты чего? — с недоумением спросил он, ничего не слыша и не видя ни в коридоре, ни за пределами Зоны.— Все спокойно, они же все спят.

— Да? — сказал Диего, открывая глаза.— Как ты думаешь, какова доминанта аварийщика-спасателя?

Озадаченный Неверов наморщил лоб, попытался прочитать мысль Диего, но тот заблокировал мозг.

— Ну... сила, реакция на опасность... еще уверенность...

— Все это второстепенное, мой друг, доминанта спасателя — терпение. Понял? Спешить надо медленно, потому что спят ночью на Энифе, к сожалению, не все. Спят только стражи, клювокрылы да мелкие зверьки, но бодрствуют скалогрызы, и один из них минуту назад прошел в трех километрах от Зоны. Но сейчас он на глубине двадцати пяти метров, поэтому нам можно быстренько выскользнуть и исчезнуть.

Он открыл дверь тамбура, потом наружную и осторожно выглянул.

— Давай первым, только не шуми. Не надо, чтобы нас заметили дежурные.

Они тенями перескочили бетонную полосу, включили ингравы и понеслись низко над холмами, следуя изгибам рельефа. «Теперь — ни звука! — передал пси-импульс Диего.— Переходим на мыслеобмен».

«А почему мы покинули Зону тайком? — спросил Неверов, когда они удалились от своего дома на два десятка километров.— Разве это противозаконно — что мы собираемся делать?»

«Законно, но едва ли Доброгнев и его заместители согласились бы на такой шаг... сразу. На уговоры, доказательства и согласование ушел бы не один день и... время было бы упущено. Не волнуйся, малыш, все будет нормально. Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе, как говорил древний мудрец».

Через полчаса полета в кромешной тьме, если не считать теплового излучения почвы и высотных флуктуаций воздуха, они достигли отрогов плато Неожиданного. Диего замедлил скорость, некоторое время регистрировал своей сверхчуткой нервной системой колебания электрических и гравитационных полей, но подозрительного ничего не заметил; далеко от этого места Осиное Гнездо — мозг и энергоцентр энифской цивилизации — излучало волны обычного рабочего состояния и, подчиняясь приказам этого мозга, где-то на другой, освещенной половине планеты стерегли свои кибернетические тайны стражи, дырявили планетарную кору скалогрызы, сотрясали атмосферу грохотом электрических сражений фронты ураганов...

«Все в порядке,— передал мысль Диего.— Ты тоже следи за воздухом, а то тишина здесь ненадежная. И не отставай».

Они снизились так, что ноги иногда цеплялись за камни, и продвигались вперед почти на ощупь, пустив в ход свои ультразвуковые локаторы. Наконец Диего послал предупреждение и мягко опустил-

ся у громадной вертикальной стены, экранирующей почти все виды излучений, из-за чего Неверов не мог проникнуть за нее взором. «Что за стена? — просигналил он, опускаясь рядом.— Металл?»

«Молибденовая сталь,— ответил Диего, направляясь к черному на фоне коричневого свечения скал пятну пещеры.— Здесь был когда-то один из информационных центров исчезнувшей цивилизации, эта плита — останки его защиты. Останься снаружи, я сейчас».

Он спустился в пробитый лаз в скале, пропадал там несколько минут и вернулся.

«Не пройти. Будь у нас время, вибраторы и уверенность в безопасности, мы прошли бы скалу за полдня. Но увы... Там за скалой я четко различаю полость и контуры какой-то установки. А раз прошло столько времени и она цела, то стражи ее зачем-то берегут. Улавливаешь?»

Неверов честно признался, что не улавливает.

«Это значит, что они должны ее стеречь днем и ночью, и может статься, в данный момент наблюдают за нами издали... вблизи я бы их почуял. Поэтому будем соблюдать осторожность и не шуметь. Во-вторых, должен быть еще один вход в пещеру. Поищем вокруг в расщелинах, разломах, под нависшими пластами. Только не забывай оглядываться, а дырку ищи не меньше этой, остальные проделаны скалогрызами».

Они затратили полтора часа на поиски второго прохода к запрятанному в недрах горы древнему информарию, но безрезультатно. То ли тоннель начинался дальше от района поисков, то ли был искусно замаскирован.

«Что, если попробовать проверить узкие дыры? — предложил Неверов, несколько утомленный повышенным расходом нервной энергии.— Я встретил их около десятка, половина без пробок».

«Давай,— неуверенно согласился Диего.— Только вряд ли это что-нибудь даст».

Снова потянулись минуты. Мелькали под ногами крутые и пологие склоны гор, натеки лавовых языков, песчаные плеши и щебнистые осыпи. Чтобы проследить ход скалогрыза в каменной породе, приходилось до предела напрягать радиозрение, и у Неверова вскоре в затылке появилась неприятная ноющая боль. Он постеснялся сказать об этом Диего, но тот сам заметил его состояние.

«Хватит,— сказал он, жестом предлагая посидеть на холодном обломке скалы.— Надо было взять с собой интравизорную технику, понадеялся на себя... Ты вот что, отдохни, а я попробую начать с центра: пощупаю полость и поищу входящие в нее тоннели».

Неверов смутился, но подзаряжаться от аккумуляторов, как Диего, он еще не научился, да и боль в голове мешала сосредоточиться, и он лишь неопределенно пожал плечами, соглашаясь с решением разведчика.

Диего умчался в коричневую, постепенно густеющую тьму: скалы остывали все больше, интенсивность инфракрасного свечения падала.

Голова прояснилась через полчаса, ноющая боль растворилась в тревоге за товарища. Два раза Неверов ловил слабые успокаивающие мыслеимпульсы Диего, потом установилась полная тишина, которую хотелось взломать криком и движением. Медленно тянулось время, капля по капле, минута за минутой. Беспокойство Неверова перешло в тревогу. Он сначала несколько раз подпрыгивал в воздух и осматривал каменный хаос сверху, потом послал мысленный запрос — никакого эффекта. Тогда он решил поискать Диего в том направлении, которое тот выбрал перед тем, как исчезнуть.

Через несколько минут Неверов неожиданно увидел узкую трещину в базальтовом склоне. Трещина заканчивалась черным, непросматривающимся даже ультразрением, провалом. Из провала не доносилось ни звука, и сочился оттуда едкий запах окислов металла, от которого першило в горле.

Оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, Неверов завис над дырой, проследил с помощью своих биодатчиков за извилистым ходом, тонувшим в тумане радиоактивного фона,— глубже, чем на несколько сот метров, ультразрения не хватало,— и плавно скользнул в провал.

Через двести метров петлистый подземный лаз, то сужающийся до толщины человеческого тела, то расширяющийся до многометрового грота, привел разведчика к ровному на удивление и флуоресцирующему тоннелю. В сечении тоннель был прямоугольной формы, и Неверов понял, что вырублен он в толще скал неведомыми существами, может быть, и предками современных энифиан.

Неверов снова мысленно позвал Диего, и хотя тот не откликнулся, все же он неизвестно каким чутьем определил, что Диего здесь был, и был совсем недавно.

С трудом продравшись сквозь выступы жил каких-то минералов в тоннель, Неверов отдохнул несколько минут, подкрепился яблоками из ранца НЗ. Потом проверил, куда ведет тоннель. Влево коридор уходил, постепенно снижаясь, в неведомые глубины плато и терялся на фоне слабого радиоактивного излучения горных пород; в другой стороне он упирался в какую-то стену, за которой смутно угадывалась целая анфилада пустот. В каждой из этих пещер-пустот находились какие-то конструкции, но разобрать на таком расстоянии детали Неверов уже не мог.

И тут он почувствовал, что за ним наблюдают. Он замер, настороженно обшаривая каменный лабиринт и тоннель ультразвуковым зрением, но ничего и никого не обнаружил. Тем не менее чувство постороннего наблюдателя не исчезло, хотя и заметно ослабело.

Где-то далеко задрожала гора, подземный скрежет докатился до тоннеля слабой вибрацией стен.

«Скалогрыз?— мелькнула мысль.— Наверное, скалогрыз. Отсюда и «взгляд»...»

Неверов включил инграв, уравновесил себя у оси тоннеля (три метра — высота, четыре — ширина) и бесшумной торпедой понесся к замеченным пещерам.

Вскоре он достиг тупика.

Тоннель в этом месте перегораживала толстая металлическая плита со следами термического воздействия: плита была пробита в центре и оплавлена. Потрогав гладкие натеки металла, Неверов нервно оглянулся — снова придвинулось ощущение скрытого наблюдения — и протиснулся в пробитую дыру. Пахнуло неостывшим жаром металла и острым запахом окалины — дыру пробили буквально полчаса назад.

«Диего! Это он здесь прошел!..»

Помещение, в которое проник Неверов, было занято решетчатой конструкцией, напоминающей стеллаж. У стен высились груды цилиндриков величиной с толстый человеческий палец. На полу лежал едва ли не метровый слой пыли.

«Откуда пыль? — подумал Неверов.— Ведь в подземелье ей копиться неоткуда».

Он на лету тронул носком ботинка ближний холм пыли, и тот осел, раскатился клубами и волнами, открывая взору кучу странного светящегося тряпья.

«Останки оборудования,— догадался Неверов.— Все, что осталось от содержимого комнаты. Прах!»

Внезапно что-то блеснуло в пыли. Он не поверил глазам — это был «универсал»! Медленно, словно боясь, что видение растает, Неверов поднял с кучи цилиндриков тяжелый пистолет, сжал в руке, бессмысленно глядя на счетчик разрядов — магазин был пуст. Так же медленно положил его в ранец на спине, машинально высыпал туда же горсть цилиндриков — сам он в это время ничего не думал, за него «думал» инстинкт разведчика, и вдруг закричал во весь голос:

— Диего!.. Диего, отзовись!

И услышал мысленный зов:

«Уходи, Лен! Опасность! Уходи... Передай нашим, что меня включили в...»

Мысленное сообщение Диего прервалось, и тогда Неверов увидел, как сзади него в одной из пещер зашевелился мрак и потек к нему беззвучным и страшным в своем безмолвии и целеустремленности потоком. Лен крикнул еще раз:

— Диего, дай пеленг!..

Ухнуло гулким эхом, одна из стен покрылась трещинами, выпятилась, словно Неверов криком нарушил прочность стен. Снова ухну-

ло, где-то родилась и покатилась на человека лавина грохота, стена лопнула окончательно, и в образовавшийся пролом вылезла кошмарная голова скалогрыза.

Неверов вскрикнул от неожиданности — левую руку обожгло мгновенным холодом — метнулся к выходу и выстрелил в яростный дымный гейзер, оживший в дальнем конце пещеры...

* * *

Руденко посмотрел на часы: было четыре часа утра по энифианскому времени на широте Зоны и час дня по времени Базы.

— Их нигде нет,— сказал Нагорин.— Дежурные клянутся, что никто из Зоны не выходил, мол, сработала бы сигнализация, но ты же знаешь Диего...

— Черт! Материалов ему не хватало, что ли? К чему этот тайный рейд, если мы все равно собираемся...

— Тише, стражи уже начинают просыпаться.

— Что делать? Искать? Где?

— Мне кажется, он что-то говорил насчет библиотеки... вернее, информационного центра.

— Того, что показывал нам? Оставшийся от прежней цивилизации? Может быть, может быть... Вопросы наши обращены в пространство. Дай сигнал готовности моей группе, я сейчас приду. Да, и разбуди Ждана.

Спустя несколько минут Руденко входил в зал связи, встретив в коридоре одевавшегося на ходу Доброгнева. В зале уже собрались спасатели из группы безопасности, выглядевшие так, будто ждали вызова. У пульта оперативной связи с лагерями исследовательских групп стояли Нагорин, Шелгунов и Генри Лаирн.

— Базу,— сказал Руденко, подходя к пульту.

Тоидзе, разминавший до этого кисти рук, кивнул и вызвал спутник. Виом открыл им вход в командный пост Базы, еще пустой по причине обеденного времени. Дежурный инженер поста встрепенулся и вопросительно посмотрел на Тоидзе.

— Джаваира,— так же коротко бросил Руденко.

Несколько минут ожидания прошли в молчании. Наконец в помещении поста Базы появились Торанд и Джаваир.

— Начинаем,— спокойным тоном произнес Руденко.— Откладывать операцию нельзя, только что стало известно: Диего и Неверов отправились ночью в самостоятельный поиск... нет, разрешения, естественно, им никто не давал, это личная инициатива Диего. Из поиска они до сих пор не вернулись, поэтому пускаю в ход сразу экстремальный вариант.

Джаваир молча перевел взгляд на Торанца.

— Твое мнение? — спросил тот начальника спецотдела.

— В консультанты я не гожусь,— ответил Шелгунов, носивший темные очки после лечения,— но, по-моему, Юра прав. Тем более, что в обстановке он разбирается лучше нас всех вместе взятых.

— Ясно. Что ж, начинаем. С нашей стороны главным прикрытием будет «Витязь», а с вашей?

— Группа прикрытия на ДМ. Два из них я выпускаю немедленно на поиски Диего, остальные будут барражировать над Зоной. С этого момента конец открытой связи, переходим на код ОЭЛ.

— Конец открытой связи,— повторил Торанц, и виом погас.

— Ко мне есть вопросы? — Руденко посмотрел на собравшихся.— Все теперь будет зависеть от слаженности групп Базы и нас с вами. Группа прикрытия — на старт! Два-ДМ — на поиски Диего и Неверова, пилоты — Денисов и Миклашевич; экипажи стандартные, экипировка аварийная. Вылет через три минуты! Провожатым пойдет Шелгунов. Остальным ДМ — старт через десять минут, барражирование вокруг Зоны лесенкой на высотах двести, триста и километр.

Толпа в зале рассеялась, остались начальник исследовательского центра и три спасателя — «резерв главного командования», как назвал их Нагорин.

— Дай мне связь со всеми лагерями,— повернулся к Тоидзе Руденко, подогнал себе кресло по фигуре и уселся у пульта ручного управления всеми системами Зоны.

— Кто из ученых и инженеров сейчас работает в Зоне? — спросил он Доброгнева.

— Механики и энергетики,— вмешался Лаирн.— Всего пять человек.

— Вызвать всех по тревоге, пусть готовятся к операции вместе со всеми. Перейти на дистанционное обслуживание. Всем присутствующим надеть скафандры, всем без исключения. А вы подсаживайтесь ближе.— Руденко оглянулся на Доброгнева и Нагорина.— Будете помогать.

— Базы на связи,— доложил Тоидзе.— Что передавать?

— Код ОЭЛ. Транспорт прибудет через контрольный срок. Не забыл?

— На память не жалуюсь,— рассердился Тоидзе.

Руденко не обратил внимания на его реакцию внимания.

— База, время тринадцать сорок две, пуск программы! Как поняли?

— Тринадцать сорок две, пуск программы,— отозвалась База голосом робота.— Районов посадки — шесть, модулей — шесть, резерв — шесть.

— Принял. Готов.— Руденко повернул голову к Нагорину.— Ну, братцы, сейчас мы, кажется, узнаем настоящую цену увериям стражей в миролюбии.

* * *

Шесть ДМ — десантных модулей типа «Мастифф», шесть блестящих игл, оторвались одновременно от гигантского цилиндра Базы и стали медленно падать в атмосферу Энифа, выбирая определенные районы финиша, где их уже ждали к эвакуации исследовательские группы. На высоте двухсот метров они притормозили падение и оделись в защитные поля, сразу исчезнув из поля зрения. А потом шесть коротких молний пробили атмосферу планеты в разных местах, и шесть громовых ударов сверхзвукового тарана атмосферы известили стражей о том, как люди умеют производить форсированные финиши своих спасательных кораблей. Центральный мозг энифской цивилизации только решал предложенную ему задачу о вторжении шести независимых друг от друга тел, как снова шесть громов потрясли воздух, и в небе сверкнули шесть молний, ударивших на этот раз с поверхности в небо.

Эвакуация исследователей с Энифа заняла всего три минуты двадцать секунд, и лишь спустя еще несколько минут поняли энифяне, что означают внезапные громы и молнии, созданные людьми.

* * *

Зал связи тонул в темноте, виом окна дальновидения казался дверью, открытой в желто-оранжевое утро Энифа.

Люди пристально всматривались в окружающие Зону холмы и гряды, на которых накапливались полчища стражей. Пять конусов земных десантных модулей, круживших вокруг и над Зоной, нисколько не пугали уродливых летающих химер.

— Обнаружил человека,— донесся из динамика сквозь хрипы эфира голос командира поискового патруля.— Похоже, что это Лен Неверов. Координаты: восемь градусов сорок минут северной широты, сто три градуса десять минут восточной долготы. Что делать?

— Где это? — быстро спросил Нагорин.

— Граница террасы Неожиданного плато,— сказал Доброгнев, развернув на экране карту планеты.— Триста с лишним километров.

— Высылаю два «панциря»,— сообщил Руденко.— На одном отправьте Неверова на Базу, с другим продолжайте поиски Диего, он должен находиться поблизости. В контакт со стражами вступать, но действия согласовывать со мной.

— Пока что стражи только наблюдают за нами, не вмешиваются. На прямые вопросы о Диего — молчок.

— Разреши, я пойду на одном из модулей,— скороговоркой произнес Нагорин, облизнув пересохшие губы.

Руденко отрицательно мотнул головой.

— Ты ничем не поможешь. Зубавин, бери Младена и к Денисову, быстро!

— Принял,— отозвался Зубавин.

Два модуля на переднем плане пейзажа скачком вознеслись на километровую высоту и растаяли в желтом мареве неба. Оставшиеся три продолжали облет.

— Пора и нам.— Руденко посмотрел через плечо на товарищей.— Вам здесь делать нечего, остаюсь я и...— он заметил умоляющее лицо Тоидзе и докончил:— И Вано. Остальные — на Базу.

— Я подожду, пока найдется Диего,— угрюмо сказал Нагорин.

— Нет.— Руденко снова повернулся к пульту.— Герои, от которых нет толку, мне не нужны. Извини за резкость. Григ, сажай свой «панцирь» ближе к Зоне, заберешь всех на Базу. Как понял?

— Сажусь,— коротко отозвался пилот ближайшего модуля, кружившего над Зоной.— С запада под землей к Зоне идут скалогрызы, штук десять, учтите.

— Учтем, не беспокойся.

Модуль спикировал к Зоне и сел впритирку к главному входу в здание.

— Ждем на Базе,— высказал общее настроение Шелгунов, задержался в зале, хотел что-то добавить, но лишь сжал плечо Руденко, затянутое в гибкий металл скафандра.

— Не задерживайся,— буркнул Доброгнев.

Нагорин промолчал, но Руденко и так знал, что мог сказать главный врач экспедиции.

— Найду Диего и прилечу,— сказал он.— Готовьте шампанское.

Через минуту десантолет принял последнюю партию людей из Зоны и стартовал. В полукилометре над Зоной он окутался в непроницаемое облако силового поля, исчез с экранов. Откуда-то из-за холмов ярко-лиловым пунктиром стеганул воздух мезонный разряд, но время было уже упущено, модуль ушел.

— Поздно спохватились,— с удовлетворением сказал Руденко и подмигнул Тоидзе.— Странно, что энифиане у нас ни о чем не спрашивают. Сбили мы их с толку... Лишь бы Диего нашелся... Душа в пятки не уходит? Все-таки против нас целая планета!

— Против вас,— возразил хитрый Тоидзе.— Я тут ни при чем, я только инженер связи.

Руденко посерьезнел, посмотрел на часы: прошло уже двадцать минут с момента ухода модулей в помощь поисковой группе. Аппаратура на них стояла ультрасовременная, и уж если с ее помощью не

удавалось отыскать Диего, то он или находился совершенно в другом районе, или был утащен стражами в глубины горных пород.

— Прикрытие,— позвал Руденко два оставшихся модуля, поглядывая на стаю стражей, окружившую здание.— Скалогрызов видите?

— Наблюдаем,— отозвался чей-то хрипловатый баритон.— Обходят Зону по периметру на глубине сорока метров, расстояние до стен Зоны триста метров. Идут, как по линейке, ходы описали четкий прямоугольник. Вы должны чувствовать вибрацию...

Руденко прислушался.

— Все тихо. Не будь сейсмодатчиков — не поверил бы, что рядом кто-то ведет подземные работы. Сколько их?

— Семь. Три вылезли на поверхность у самой прорвы стражей. Но тут кое-что новое... Примерно на глубине в сто двадцать метров обнаружился странный конус — не то громадный скалогрыз, не то машина. Во всяком случае этот конус движется, хотя и очень медленно. Направление — на Зону. Мощности наших интравизоров не хватает, чтобы рассмотреть детально, что это такое. Может, позвать на помощь крейсер? У них аппаратура помощней.

— Поздно.— Руденко вдруг всем телом ощутил дрожь здания, скалогрызы заработали на всю мощь, руководимые вездесущими стражами.— Смотри-ка, теперь аж все здание трясется! Того и гляди развалимся. Что же они готовят?

— Наверняка какую-нибудь пакость,— сказал Тоидзе.— База на приеме.

В квадрате виома дежурный инженер связи что-то говорил, но голоса его не было слышно. Тоидзе надел наушники.

— Передают, что идет магнитная буря. Кажется, наши переговоры с Базой начинают глушить. Торанц передает, что Неверов поражен электрическим током, доза чудовищная — до некроза тканей, но благодаря своим особенностям будет жить. В сознание пока не пришел, так что о Диего информации нет. Понимаешь,— Тоидзе снял наушники.— У Лена такая саморегуляция организма, что он и без помощи врачей...

— Дальше передавай,— оборвал Руденко неуместные объяснения инженера, видя, как шевелятся губы связиста Базы.— Что еще?

Тоидзе виновато крякнул и снова натянул дугу с наушниками ОЭЛ.

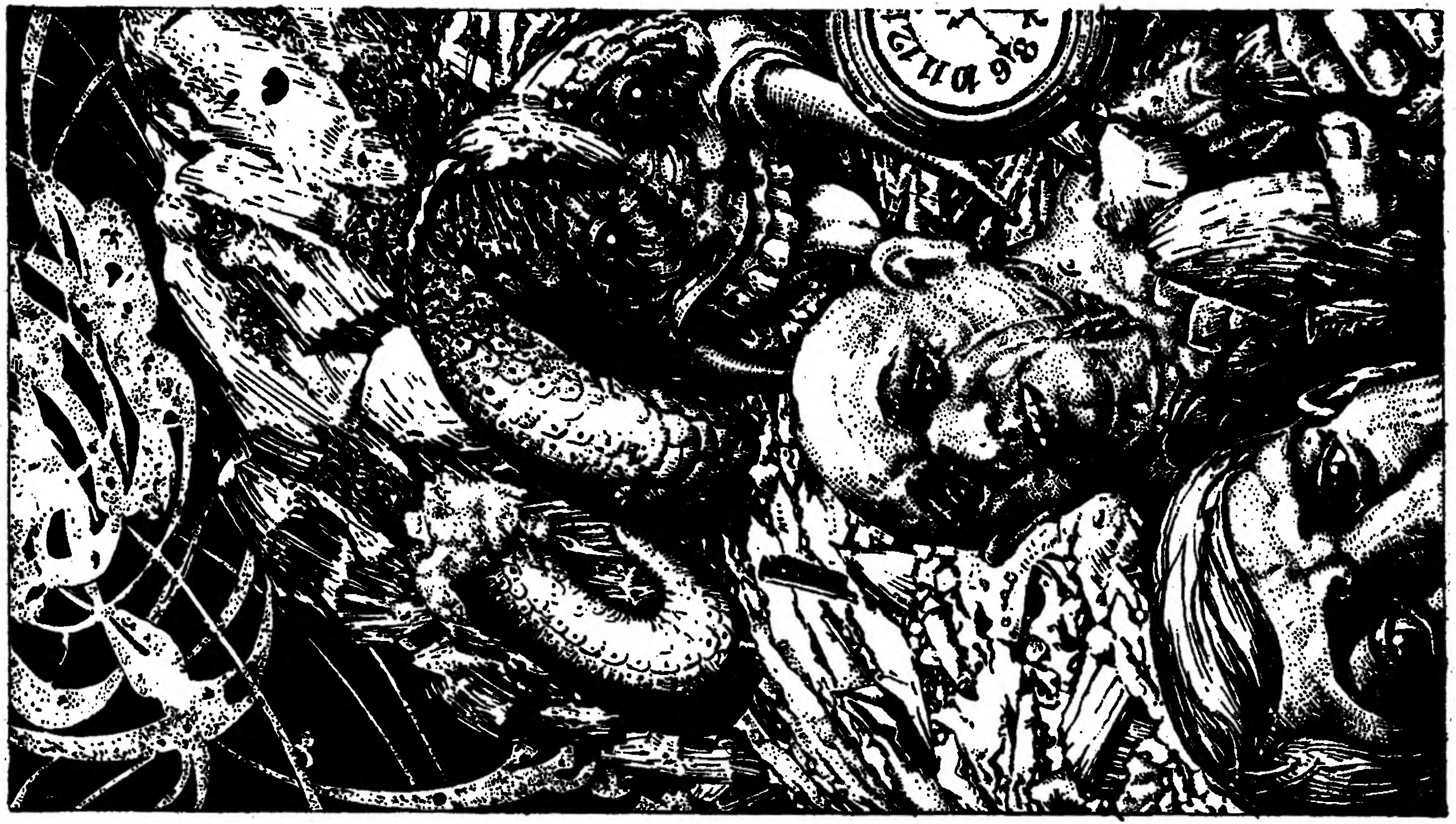
— В ранце Неверова обнаружили «универсал» Диего и цилиндрические кристаллы, Торанц говорит, ты в курсе...

— В курсе, дальше.

— Коммуникаторы-лингвисты взялись за расшифровку записей на кристаллах, вот пока все. Когда ждать нас?

— Скоро.

Руденко прищурился, посмотрел на замершие против громадной



стаи стражей два земных корабля, и ему вдруг стало холодно и неуютно, словно он голым оказался в ледяной пещере, и вокруг — только пронзительный блеск сталактитов и нависший ледяной потолок. Думал в это время он о Диего...

7

Диего отыскать не удалось ни через час, ни через два, ни к концу дня.

Руденко отправил к Базе десантолеты, приказав им не отвечать на атаки стражей, пытавшихся остановить уход землян с планеты, а сам покинул Зону и упорно продолжал поиски исчезнувшего без вести разведчика, будучи уверенным, что тот не даст безнаказанно убить себя, что он жив или, по крайней мере, где-то оставил условный знак. Сами энифиане на запросы людей относительно судьбы Диего Вирты не отвечали, хотя и повторяли все время вопрос: почему порываете контакт?

За это время специалисты Базы сумели частично расшифровать записи в найденных у Неверова кристаллах, и обретенная таким образом информация взбудоражила умы всего увеличившегося населения Базы.

Доброгнев собрал экстренный научный совет, который перерос в дискуссию о моральном праве разумного существа проводить эксперименты над себе подобными. Заключение сделал заместитель председателя Высшего Координационного Совета Земли Молчанов. Он сказал:

— Позволю вам напомнить, что два века назад, когда на Земле существовали государства, в одном из них была такая организация — Центральное разведывательное управление. Оно занималось сбором данных о техническом, экономическом и культурном потенциале своих политических противников, дабы применить эти знания во вред другой стороне, а также готовило и выполняло убийства прогрессивных деятелей других государств, устраивало перевороты, организовывало диверсии и тому подобное. Так вот, в лабораториях этой организации велись эксперименты над людьми с целью подавления их психики, воли, чтобы потом результаты экспериментов помогли кучке негодяев «завладеть миром». Программы этих опытов назывались по-разному: «Синяя птица», «Артишок», «МК-дельта», «МК-ультра» и так далее. Бесчеловечность подобных опытов очевидна, тем более что проводили их такие же люди, как и мы с вами.

К стражам подобная оценка неприменима. Теперь мы знаем, кто они на самом деле — самоорганизующиеся, самопрограммирующиеся биокибернетические системы, нечто вроде конечного продукта синтеза наших универсальных вычислительных машин четвертого поколения с биологическими организмами. Когда-то, сотни веков

назад, на Энифе цвела жизнь сродни земной. Единственное ее отличие, наложившее отпечаток на форму симбиоза экологической среды и разумных существ,— более жесткие природные условия. Разум планеты пошел на создание биологических интеллектуальных автоматов и исчез: кстати, не обязательно в результате войн со своим детищем, может быть, он даже вообще покинул планету для чистоты эксперимента. А эволюция этих автоматов привела к расе стражей и их центральному мозгу — Осиному Гнезду.

Уродливость техногенной эволюции стражей также очевидна. У этой машинно-биологической цивилизации нет цели, нет будущего, она бесплодна и обречена, ибо что такое ее главный мозг? — колоссальный по объему, но весьма скромный по возможностям вычислитель с зачатками интеллекта! Он может лишь сохранять, да и то с грехом пополам, уже накопленные знания, а не накапливать и не обрабатывать новые. Отсюда и кажущиеся странными при всей их энергетической мощи ошибки стражей, их отношение к человеку и многое другое. Как может быть бесчеловечной машина, если в ее памяти не заложены понятия добра и зла, морали и этики, совести и гуманизма?..

К сожалению, пресловутый «разум» Энифа — всего-навсего гигантская машина, зашедшая в тупик в попытках самосовершенствования. Одно только отсутствие культуры у стражей говорит само за себя — машине культура ни к чему.

Но есть все же маленькая надежда на то, что энифианская цивилизация не совсем мертворожденное дитя исчезнувших предков. Все попытки стражей вникнуть в сущность эмоциональной стороны деятельности человека указывают на зарождающиеся в них сомнения считать себя венцом творения, на то, что они понемногу стали осознавать ущербность своего развития, вернее, регресса. И не следует ли считать контакт стражей с нами их к р и к о м о п о м о щ и?! Да-да, криком о помощи, несмотря на жестокость эксперимента над Диего и Неверовым, на неразборчивость в средствах и холодный расчет типа: «цель оправдывает средства». Понимаете?

Никто из ученых не смог ответить на этот вопрос, ни историки, ни социологи, ни ксенопсихологи; люди не были готовы к ответу, потому что многих в этот момент занимала мысль о судьбе их товарища, принявшего основной удар энифианского расчета на себя. Только Шелгунов пробормотал про себя четверостишие, странно соответствующее настроению собравшихся в зале спутника и ситуации на планете:

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца? *

---

* А. Блок

Спустя сутки вернулся с планеты Руденко, буквально перерывший все плато Неожиданное и ближайшие отроги Синих и Красных Гор.

По-прежнему ни на один запрос через аппаратуру Зоны и непосредственно с Базы энифиане не отвечали, на всех диапазонах царило удивительное безмолвие, удивительное уже потому, что атмосфера Энифа была насыщена электричеством и рождала спонтанные магнитные бури и вихри, отзывающиеся всегда в динамиках шумом прибоя.

Всегда, но не в этот раз.

Руденко, появившись в командном зале спутника, молча выслушал сообщение Торанца и тут же отдал распоряжение патрульным кораблям понаблюдать за Осиным Гнездом. Торанц согласился с его решением и добавил:

— Надо бы запустить несколько зондов к Зоне, на всякий случай. Стражи не зря копались под ней.

Руденко равнодушно пожал плечами и повернулся, чтобы уйти, и в этот момент случилось неожиданное. Ожил вдруг виом связи с Зоной, и онемевшие связисты увидели в зале Зоны Диего Вирта.

Только на человека он не походил.

Человеческим у него было только лицо.

— Игорь...— позвал он, обвисая бесформенно-чешуйчатым телом в кресле перед пультом и запрокидывая голову, чтобы не удариться лицом о панель.

— Диего! — закричал Тоидзе, отчаянно жестикулируя товарищам, чтобы они дали сигнал общего сбора.— Диего, смотрите!.. Ты меня слышишь, Диего?!

— Игорь,— повторил Диего, не слыша инженера.— Кажется, мне конец... Они-таки «встроили» в меня... какую-то штуку... чтобы я подчинялся их приказам... я выдержал, и тогда они стали облучать меня такой дрянью, что больно... вспомнить... доза была слишком велика... но я все же сбежал... сообщить... Игорь, они готовят удар по Зоне и по Базе... Уходите от планеты... на другую орбиту. Они — ошибка создателей... По их машинной мифологии то, чего они не в состоянии объяснить и понять,— не существует. То есть мы для них — нежить, фантомы, созданные флуктуациями силовых полей, возникающих при работе Осиного Гнезда... их «мозга» ... Они так ничего и не поняли в нашей жизни, поэтому решили уничтожить свой затянувшийся «сон». Уходите...

Диего совсем обвис, и запрокинутое его лицо так и осталось смотреть в потолок остановившимся взглядом. Потом раздался щелчок, и виом погас.

Руденко прыгнул к пульту, рванул Тоидзе за плечо:

— Связь, Вано, ну же — связь!

— Не работает, Юра,— беспомощно пожал плечами тот, пытаясь восстановить прием.— В Зоне вырубило передатчик.

— К Зоне подходит ураганный фронт,— вмешался в разговор голос командира крейсера «Витязь», курсирующего у границ атмосферы Энифа.— Мощность до пятнадцати баллов по шкале 22.

Руденко думал несколько секунд, не сводя яростного взгляда с ругавшегося вполголоса Тоидзе. В зал ворвался бледный Нагорин, подбежал к пульту:

— Нашелся?!

Руденко очнулся от своего короткого раздумья и наклонился к панели экстренных распоряжений, нажал ярко-красную кнопку.

— Внимание, База! Объявляю минутную готовность к старту на параболу три мегаметра в периастрии! «Витязь», будь готов к ТФ-старту и усиль наблюдение за Зоной! Дежурные обслуживания ДМ: освободите шахту номер один к аварийному запуску! Все!

В коридорах Базы коротко провыли ревуны: пилоты предупреждали пассажиров спутника о необходимости соблюдать осторожность при старте с орбиты. В зале все схватились кто за что мог, многие просто сели на пол. Один Руденко не стал искать опоры, только прочнее уперся ногами в пол.

Толчок! Другой! Эниф пошел влево и вниз, уменьшаясь в размерах. База уходила с планеты.

В зал набилось много сотрудников Базы, среди которых уже распространился слух, будто Диего Вирт только что разговаривал из Зоны. Среди них были и Анна Вирт, и невеста Лена Неверова, потерявшая свой самоуверенный лоск.

Руденко подошел к этой молчаливой стенке и остановился, встретив слепой от боли взгляд Анны.

— Я не имею права требовать,— глухо сказал он, опуская голову и бледнея от усилий сдержать себя.— Я прошу... Кто из вас пойдет со мной вниз за Диего?

Он подождал, глядя в пол и вызывая в памяти то насмешливо-ироничное, то буднично-спокойное, то камерно-бесстрастное лицо Диего, того Диего Вирта, какого он знал.

— Нужен опытный пилот... Риск смертелен... может быть, даже уже поздно. Но там остался Диего, и мы должны, обязаны его...— Руденко нечаянно взглянул в сторону Анны и поразился перемене выражения ее глаз: в них был вопрос, отчаянное страдание и надежда.

Люди молчали, каждый взвешивал свое решение, поторопиться и переоценить свои силы — означало обречь на поражение спасательную операцию в самом начале. Потом из тесной группы спасателей вышел невысокий, худощавый и незагорелый юноша, почти мальчик.

— Разрешите, я пойду?

Руденко криво усмехнулся.

— Спасибо, но я же сказал — опытный...— Он встретился с бездонно-черными глазами юноши и не закончил.

— Меня зовут Святослав, я из бригады обеспечения спецотдела. Диего — друг моего отца, это все равно, что отец. У меня сертификат пилота первого класса. Идемте...

Руденко беспомощно оглянулся.

— Это сын Грехова,— буркнул почерневший от тревоги и забот Нагорин и отвернулся.

Руденко снова посмотрел на хрупкого с виду молодого человека, оглядел с ног до головы, словно оценивая его возможности, и отчаянно махнул рукой:

— Поехали!

* * *

Они нашли его в коридоре на втором этаже Зоны. По-видимому, Диего на короткое время пришел в себя и пытался ползти к выходу, прежде чем снова впасть в беспамятство.

Руденко с содроганием осмотрел его жуткое, исковерканное неведомой пыткой и борьбой с самим собой тело и, не найдя рук, подхватил под спину ближе к голове.

— Берись,— кивнул он Грехову.

— Робот,— дрогнувшим голосом произнес тот.

— Что?!

— С нами робот-универсал, дайте ему команду...

— Справимся сами, берись.

Святослав взял Диего за наросты, отдаленно напоминавшие ноги, и поднял. От толчков Диего открыл рот, сказал: «Уходите... от планеты...» — и снова замолчал.

Они с трудом втащили разведчика в рубку модуля, не обращая внимания на яростные атаки стражей: робот-универсал исправно нес службу охранителя, прикрывая их сверху.

— Скоро здесь будет буря,— пробормотал Руденко, глядя на приближавшуюся к Зоне черную стену, окаймленную короной электрических разрядов.— Мы опередили ее на полчаса. Ну, отдохнул? Давай положим его в кресло.

Они снова взялись за тело Диего, тяжелое и необычно горячее.

— Уходите,— четко выговорил тот, заставив их вздрогнуть и посмотреть друг на друга, а потом на застывшее спокойное лицо.

Модуль вдруг сотрясся: по его зищитному полю ширкнул огненный язык и ушел в стену Зоны, проделав в ней оплавленный черный шрам.

Руденко скрипнул зубами и бросился из рубки, крикнув на бегу:

— Привяжи его и последи за воздухом.

Грехов бережно опустил голову Диего на спинной валик кресла и закрепил ремни безопасности. Потом подсел к пульту и навел координатную планку стационарного излучателя антиметеоритной защиты чуть выше здания Зоны с тем, чтобы накрыть всю стаю стражей, если та вознамерится напасть на человека.

Время от времени то один, то другой из двух сотен стражей пикировал ко входу в Зону и отлетал в сторону, встречая защитное поле робота.

Руденко выскочил из Зоны через двадцать минут и нырнул в люк модуля, как пловец в воду.

В рубке он бегло оглядел почти полностью потемневший небосвод, недобро усмехнулся:

— Приостановили ураганчик-то? Это потому, что мы прилетели, надеются на что-то... Ничего, пташечки, я вам тоже сюрприз приготовил! Слава, давай поднимайся. Поспокойней только, время у нас есть.

На пульте мигнул зеленый квадрат, раздался голос автомата дешифратора:

— ДМ, вы в створе моих антенн, помощь нужна?

— Спасибо, «Витязь»,— отозвался Руденко, нажимая сенсор.— Через час выползаем на орбиту, готовьте врачей. И уберитесь, пожалуйста, с трассы. Диего прав, стражи подготовили удар по Базе, причем хотят использовать для этого Зону, у них под Зоной сделано нечто вроде фокусирующего многовиткового отражателя, к которому подходят шесть энерговодов.

— Базу им теперь не достать, а крейсер вообще орешек не по их зубам. Почему медлите? Уходите быстрей, на такой дальности мы не сможем прикрыть вас надежно.

— Терпение, «Витязь», терпение, дайте мне несколько минут...

Грехов осторожно поднял модуль над Зоной, и тотчас же несколько сильных ударов, сопровождаемых яркими вспышками, потрясли корабль.

Руденко ничего не предпринимал, положив руки на панель управления противометеоритной защитой, только один раз оглянулся на застывшего Диего и снова стал смотреть на уменьшавшуюся в размерах Зону.

— Останови-ка,— сказал он негромко, когда они достигли километровой высоты.— У нас еще есть две минуты...

Грехов, не задавая вопросов, остановил в воздухе модуль. Туча стражей, сопровождавшая корабль, немедленно поднялась над ними и построилась в правильную вертикальную колонну.

На пульте мигнул тревожный оранжевый сигнал, и автомат сообщил:

— Тангенциональное увеличение массы, даю отбой старту!

— Отстрел автоматики! — среагировал Грехов.— Перехожу на ручное!

— Стражи.— Руденко поднял взгляд.— Хотят посадить обратно. Сделай вид, что подчиняешься, иди вниз ровно десять секунд, а потом сделай так, чтобы мы оказались над стражами.

Грехов кивнул и застыл над пультом, положив руки на двурогий штурвал ручного управления.

Руденко с уважением посмотрел на его напряженно-сосредоточенное лицо, напоминавшее ему чем-то лицо Диего. Этот мальчик для своих двадцати с небольшим лет имел самообладание взрослого опытного спасателя, в нем угадывался стержень воли и самоконтроля — то же владение собой и чувство собственного достоинства, что отличало и Диего Вирта.

Модуль медленно, рывками дополз до намеченного рубежа, притормозил.

Стражи над ним завозились, сдвинули строй плотнее, и в это время Грехов сделал стремительно-сложное движение, на которое модуль отозвался немыслимым пируэтом в воздухе, сделал двойной скачок из горизонтали в вертикаль и обратно, и вся стая стражей оказалась под ним.

В ту же секунду поверхность планеты под модулем на многие километры окуталась странным полупрозрачным светящимся туманом, необычная глухота навалилась на людей, протяжно застонала и зазвенела броня корабля, отзываясь на чудовищный энергетический удар.

Модуль провалился вниз сразу на двести метров, подпрыгнул на столько же вверх и закачался на волнах «гравитационного прибоя».

Сияние под ним погасло, вместо него вспыхнула черная, в багровых языках пламени туча, выбросившая отростки и щупальца на десятки километров в стороны.

Низкий гул поднимался снизу, грозный гул небывалого бедствия, сквозь помехи с трудом пробился в рубку голос командира крейсера, вызывающего модуль:

— ДМ, ДМ, что случилось?! Почему молчите? Я вас не слышу, ДМ...

— Все в порядке, «Витязь»,— пробормотал Руденко, блестя сухими, покрасневшими глазами.— Я возвращаюсь. Зона уничтожена, опасности нет.

— Что это было? — тихо спросил Святослав Грехов.

— Зона превратилась в излучение. Взорвана...

— Кем? Стражами?

— Мной.

— Зачем?

«Действительно, зачем? — подумал Руденко.— Ты прав, маль-

чик. Этот бессмысленный жест мести равнозначен жесту отчаяния, я забыл об этом...»

— Игорь,— прошептал, дернувшись в кресле, Диего; жизнь трудно покидала его.— Быстрей уходите... они... за ними стоят... их создатели...

Руденко выбрался из кресла, опустился на колени у «ног» разведчика и прижался к ним горячим лбом.

— Уводи шлюп, Слава, догоняй Базу. Нас ждут врачи.

Грехов кивнул, отворачиваясь, и в это время модуль на полном ходу словно воткнулся в каменную стену! Инерционный удар был страшен. Носовые локаторы, энергокамеры и двигатели были сплющены и разрушены, ходовая часть кормы превратилась во вспышку света, все силовые и сигнальные цепи автоматического «скелета» корабля порвались и замкнулись, и только рубка управления, представлявшая собой капсулу высшей защиты и снабженная поглотителями инерции, уцелела.

Экраны ослепли, координатор выбросил на пульт красные огни, сухо отрапортовал:

«Нуль энергоресурса! Все системы корабля не работают!»— и замолк.

— «Витязь», слышишь меня? — позвал Руденко.

Ответа не последовало.

В рубке разливалась шуршащая тишина, прерываемая изредка зуммерами аварийных автоматов.

— Что случилось?! — Грехов повернул к Руденко недоумевающее лицо.

Руденко прислушался.

Где-то далеко за стенками рубки зародился странный шум, словно захлопали крылья лебединой стаи, вызывая в памяти образы земных птиц — образы стражей. Стены рубки вспенились, стали таять с отчетливым стеклянным хрустом. В глаза ударил чистый голубой свет, превратился в голубой туман, сгустившийся над головой в пелену ровного неяркого свечения. Даль раздвинулась, взору представилось убранство гигантского зала, поразившего своей неземной геометричностью.

Руденко встретился взглядом с Греховым и пожал плечами: он ничего не понимал, хотя подсознательно все время ждал необычных событий.

Перед ними, сидящими в креслах, на месте растаявшего пульта вдруг сгустилась темнота, приняла очертания странного двуногого существа, облик которого в течение нескольких секунд претерпел множественную трансформацию, пока не остановился на человеческом теле.

На коммуникаторов смотрел суровый молодой человек, в котором Руденко не сразу признал себя.

— Берегитесь!— сказал вдруг Диего так, что Руденко вздрогнул, посмотрел на разведчика, но тот был без сознания, за него сейчас говорило великое чувство долга, неизмеримое никакой мерой, кроме силы духа.

Двойник начальника отряда безопасности неслышно подошел ближе и остановился в двух шагах, глядя на беспомощного Диего Вирта, потом перевел взгляд на Руденко:

— Кажется, мы несколько опоздали...

* * *

«Витязь» подходил к Базе, когда с возвращающимся модулем, преодолевшим притяжение Энифа, вдруг произошло необъяснимое: на скорости в два километра в секунду он... сплющился буквально в лист и взорвался! Впечатление было такое, будто он воткнулся в толстую прозрачную стену, хотя локаторы крейсера никаких стен в этом месте не видели.

А потом между Базой и горящим модулем сформировалась — не возникла мгновенно, а именно «выкристаллизовалась» из вакуума — стокилометровая фигура, напоминающая ракетку для бадминтона с четырьмя ручками.

Крейсер ощутимо кинуло вперед.

— «Витязь», что там произошло? — донесся голос Нагорина, не отходившего от экранов.

— ДМ-2 взорван,— доложил Ненароков, в то время как готовые к аварийным ситуациям экипажи и автоматы отрабатывали стандартную вводную внезапно возникшей угрозы.— Базе тревога по форме «экстра»! Между ДМ и крейсером появились непрошенные гости. Пытаюсь спасти экипаж модуля.

В течение последующих минут экипажи Базы и крейсера действовали в соответствии с обстановкой.

Координатор крейсера рассчитал маневр, характеристики хода и защиты, способ захвата горящего модуля, оптимальный выход из-под колоссальной «ракетки» чужого корабля и начал маневр. Кибинтеллект Базы отделил от основного спасаемого блока секции, затрудняющие маневр и защиту, и приготовился к режиму «спасайся и беги», упрятав людей в капсулу-отсек высшей защиты.

«Витязь» вышел точно под «ракеткой» пришельца, но модуля Руденко там уже не было.

Вместо догорающего разведшлюпа на его месте вырос переливающийся всеми цветами радуги километровый «мыльный пузырь», заполненный роем ослепительных звезд.

— Щуп! — скомандовал командир крейсера.

«Витязь» выстрелил десятиметровой стрелой пробоотборной ракеты и тут же получил весомую «оплеуху» массой в полторы тысячи тонн.

Ракета успела пройти половину расстояния до «мыльного пузыря» и превратилась в язык оранжевого пламени.

— Панцирь! — невозмутимо сказал Ненароков, на экране которого сходились сейчас все исполнительные цепи крейсера.

«Витязь» выплюнул горбатый диск панцирного модуля, способного противостоять ядерным взрывам, и снова тяжелый силовой шлепок настиг крейсер, погасился защитным полем. Модуль достиг границ «мыльного пузыря» и исчез, связь с ним оборвалась. «Пузырь» скачком съежился и вознесся к близкой решетчатой плоскости «ракеты», метнулся в одну из ручек в семьдесят километров, пропал.

— Они забрали ДМ,— сообразил инженер защиты.

— Сила последнего удара? — жестко отрезал Ненароков.

— Две сто.

— Запас на отражение?

— Стократный плюс столько же на поглощение, характеристики поля уже в машине.

— База, иду на «абордаж»! — тяжело проговорил Ненароков.— Уходите на параболу, как и рассчитывали, энергозапас гостей выше, чем у вас.

— Принято,— сказал Нагорин; из-за его спины выглядывали Торанц и Доброгнев.— Только кажется мне, что это не гости, а хозяева, больно смело себя ведут.

— Что ты хочешь сказать? — буркнул Доброгнев.

— То, что сказал. Это настоящие хозяева Энифа. Не знаю только, почему они объявились так поздно. Боюсь, «абордаж» не получится, уводи крейсер, Миша.

— Я все же попробую,— без улыбки сказал Ненароков.— Мы с ними на равных, пусть поздороваются и скажут, чего хотят. Вежливость — слава сильных.

«Витязь» начал разгон...

* * *

У Руденко внезапно сильно закололо в висках. Боль сняла нервный тик и успокоила: он не грезил и не спал.

Псевдо-Руденко прошелся перед замершими людьми, прислушался к чему-то в себе или в пространстве, усмехнулся.

— Вас пытаются отбить. Неоправданный риск. Вы всегда так поступаете? Эниф — наш дом, пусть старый и полузабытый, брошенный предками много тысяч лет назад, но дом. Той информации,

которой мы располагаем к настоящему времени,— она передана теми, кого вы называете стражами,— вполне достаточно, чтобы уничтожить вашу экспедицию.

Но мы решили выслушать вас ради исключения ошибки. Стражи — дети давнего эксперимента, а значит, наши дети, незаслуженно забытые, может быть, брошенные на произвол судьбы, не имеющие возможности выбраться из тупика механоэволюции. И вот приходите вы и, не разобравшись в ситуации, вместо того, чтобы помочь...

Руденко покачал головой, переборол спазм горла и желание выругаться, боль Диего стала и его болью, и это было главным сейчас.

— Мы не боги,— хрипло сказал он.— Мы далеко не всемогущи и не всегда способны предвидеть последствия своих действий, бываем жестокими и беспощадными, часто неправы и несправедливы... Мы веками грабили и убивали, лгали и предавали друзей! Было... Было! Но это мы создали шедевры музыки и живописи, сражались за свободу и независимость, отдавали жизни за друга и ради истины, ради правды и справедливости. Это мы способны на прекрасные порывы!

Пусть мы до сих пор несовершенны, противоречивы и способны ошибаться жестоко и больно, но не потому же мы люди, что имеем руки, и ноги, и голову!

А потому, что находим в себе силы на доброту и любовь, на заботу о ближнем, на вдохновение и поиск счастья, и стремление к совершенству, которое ничего не стоит, если только оно не от сердца!..

Пришелец, задумавшись, молчал.

— Разберитесь в себе,— продолжал Руденко шепотом, борясь с болью в затылке.— Может быть, вы более жестоки, потому что мы своих детей не бросаем. Вы можете нас уничтожить, но едва ли это будет мудрым решением, достойным истинных творцов.

— Вы только что уничтожили около тысячи существ, виноватых лишь в том, что они не поняли вас. Или месть вы считаете достаточно мудрым решением?

— Тогда убейте меня!— Руденко медленно, с трудом встал.— Но отпустите с миром моих друзей, тех, кто умнее и гуманнее меня и кто испытал на себе жестокое любопытство ваших детей. Я не знаю, способны ли вы читать в душах, но вот я стою перед вами, защищенный только броней совести, умея ошибаться и падать, слепо и жестоко. И подниматься. И идти дальше.

Прочтите меня, проникните во все тайники памяти, убедитесь во всем, что я уже сказал, и поймете, что не только мы, но и вы далеки от совершенства...

Пришелец отступил на шаг, не сводя задумчивого взгляда с лица Руденко, посмотрел на Диего Вирта, и в глазах его родилась неуверенность. Руденко ободряюще кивнул пилоту, закрыл глаза и вспомнил:

Блеснет в глаза зеркальный свет,
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет... *

---

* А. Блок

КОНСЕРВНЫЙ
НОЖ

НОРМАН ХАМФРИ

Архипелаг был невелик — семь островов общей площадью шестьсот десять квадратных километров.

Норман нашел самый большой остров, напоминавший полумесяц, покружил над ним, всматриваясь в глубины мрачного вудволлового леса, полюбовался «мечетью» в деревне дайсов, ничего подозрительного не заметил и посадил пинасс * на северном роге острова у древнего разлома шириной в двести метров.

До назначенной встречи еще оставалось время, и Норман решил пройти к побережью через крыло вудволловой рощи, похожей,— что вблизи, что издали — на развалины города или крепости.

Постояв у разлома, оплывшие стены которого поросли перьями оранжевой гриботравы, Норман направился по густой желто-сизой траве к лесу и окунулся в тень первого вудволла. Пахнуло теплом: в лесу всегда было теплее, чем на открытом пространстве. Касаясь рукой теплой, обросшей пухом стены растительного великана, Норман обошел его кругом и по белым шрамам старых семязавязей определил возраст вудволла: около тысячи лет. Вдруг пришло ощущение скрытого наблюдения, неясная тревога шевельнулась в душе инспектора. Тот, кто назначил ему встречу, ни словом не обмолвился, что на острове есть деревня дайсов. Экспедиции здесь не работали, так что выбор места встречи был не случаен, но откуда этот щекочущий спину взгляд извне? Или незнакомец, назвавшийся Альфредом, прилетел раньше и теперь ради страховки наблюдает за ним издали?

Норман поднял голову. Над лесом кружил виброкрыл — живая фотоэлементная батарея размером с земного кондора. К побережью идти расхотелось. Тщетно стараясь избавиться от чувства постороннего присутствия, Норман вернулся к машине. Перевалило за полдень, в белом небе в зените изливала ослепительный свет голубоватая дыра с четко очерченными краями — Дайя.

Назначенный час прошел.

Норман понял, что было ошибкой лететь сюда одному, не пре-

---

* Здесь и дальше в тексте названия летательных аппаратов заимствованы из терминологии древних мореплавателей Греции, Финикии, Египта.

дупредив группу страховки. Правда, Альфред или кто-то, назвавшийся этим именем, не дал времени на размышления, и к тому же знал, кем и где работает инспектор Хамфри.

Внезапно издалека, с другого конца острова, долетел тонкий жалобный крик. Так кричат дети и умирающие олени. Крик смолк, затем повторился, но глуше, и снова тишина завладела островом, чтобы через минуту прорезаться стоном.

Хамфри нырнул в кабину пинасса и дал форсаж. Ему понадобилось всего полминуты, чтобы покрыть шесть километров до южной оконечности острова. С высоты открылась панорама деревни дайсов: двенадцать конусовидных яранг, кольцом окружающих лобное место — утоптанную, без травы, площадь с ажурной колонной святилища в центре. Колонна горела чистым зеленым пламенем, совершенно бездымно, в ее глубине корчился бхихор, которому поклонялись дайсы, а вокруг валялись трупы аборигенов, лохматых, большеглазых, похожих на лемуров-долгопятов с кузнечикообразными ножками, кротких даже в смерти.

Норман зажмурился, потряс головой, но это был не мираж и не галлюцинация. Перед ним, как в кошмарном сне, вызванном историческим фильмом о преступлениях фашизма на Земле, лежала расстрелянная деревня иного мира!..

Он не забыл об осторожности, но в его практике это был первый случай массового убийства, причин которому не было и не могло быть, и Норман открылся. Он вышел из пинасса, метнулся по площади, отыскивая живых, не нашел, бросился к хижинам. Реакция у него была хорошая, он успел выстрелить в шарообразную массу, выпрыгнувшую из яранги ему навстречу, но второй раз выстрелить не успел. Укол в шею свалил его на землю, все поплыло перед глазами. Из яранг вышли люди в обычных рабочих комбинезонах Дальразведки, окружили упавшего. Четверо. Усилием воли Норман на несколько секунд преодолел подкрадывающееся забытье, шевельнул рукой. Один из подошедших принял его движение за угрозу и поднял пистолет, но другой жестом остановил его.

— Не торопись: Норман, вы слышите меня?

— Аль... фред? — прошептал Норман, слабея.

Человек засмеялся странным взлаивающим смехом.

— О нет; Альфред — это мыльный пузырь, которым мы заманили вас на остров.

— За... чем?

— Теперь виновник этой бойни — вы! Временное умопомешательство, такое бывает при укусе виброкрыла. Но для хозяев Сферы и всех трех Дайсонов этого будет достаточно, чтобы убедиться в агрессивности и жестокости людей, и они вас вышвырнут из Сферы.

— Кто... вы?

Человек снова засмеялся, нагнулся.

— Не узнаете?

Норман широко раскрытыми глазами вгляделся в надвинувшееся лицо и вдруг стал приподниматься. Он узнал!

— Кас... Кас...

— Узнал, молодец.

— Странно,— сказал второй член группы.— Он давно должен отключиться, я же всадил ему две иглы.

— Пора кончать,— вмешался третий.— У них такая система страховки, что скоро здесь появится весь их погранотряд.

Норман обмяк.

Говоривший перевернул его на живот и пинцетом выдернул из шеи две черных иголки.

— Шприц!

Парень с пистолетом и сумкой подал странной формы шприц. Первый воткнул иглу, похожую на клюв, в места уколов иглами с парализующим ядом, выдавил кубик белой жидкости.

— Порядок. Вот теперь его и в самом деле укусил виброкрыл. Пистолет!

— Здесь еще есть заряды.

— Оставь один, остальные в дело.

Пока обыскивали инспектора, парень в несколько выстрелов поджег оставшиеся яранги и вложил рукоять пистолета в ладонь Нормана.

— У него рация работает и две видеокамеры.

— Камеры обезвредить, рация пусть работает. Уходим.

Начальник группы убийц достал из сумки самого молчаливого напарника аппарат с раструбом, приставил к голове Нормана, покрутил лимбы настройки, глядя на мерцающий экран, и нажал на красный квадратик единственной кнопки.

— Мы гуманны,— пробормотал он,— мы не убиваем представителей высшей расы без особой нужды, просто человек забудет, что он делал.

Из-за стены вудволла вышел еще один член группы.

— Все спокойно, ни один не ушел.

— Хорошо, Коршун, твой манок сработал. Парень, видно, забыл, что ни одно живое существо Дайсонов не кричит.

— Люди всегда бросаются на помощь кричащему, это инстинкт.

— Уточняю, инстинкт сохранения вида, и это очень опасный инстинкт, основанный на их морали, а не на разуме. Нам еще придется повозиться, чтобы добиться желаемых результатов. Всем в шлюп.

Пятеро неизвестных скрылись в лесу. Спустя минуту над «развалинами» вудволлов показался серый диск шлюпа и тут же превратился в цепочку «призраков», растаявших в небе,— в таком режиме взлетают обычно автоматические десантные модули.

ИЗ ОТЧЕТА ПЕРВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ДАЛЬ-РАЗВЕДКИ У 101 ЩИТА

В созвездии Щита на расстоянии тридцати двух парсеков от Солнца экспедицией Ларичева обнаружена звезда с действующим астроинженерным сооружением под названием «сфера Дайсона».

Для справки: термин «сфера Дайсона» возник в середине двадцатого столетия при анализе ряда проектов возможной астроинженерной деятельности высокоразвитых цивилизаций американским физиком-теоретиком Ф. Д. Дайсоном. «Сфера Дайсона» представляет собой оболочку вокруг звезды, поглощающую ее энергию с целью максимальной утилизации разумными существами.

«Сфера Дайсона» (в дальнейшем именуемая просто Сферой) у 101 Щита построена около десяти тысяч лет назад. Диаметр — две астрономические единицы. Внутри Сферы на круговой орбите вращаются три однотипные планеты, названные соответственно Дайсонами-1, 2 и 3, близкие по параметрам к Земле, обладающие своеобразной флорой и фауной.

Разумных существ, построивших Сферу, в системе не обнаружено. В Сфере также найден искусственный объект дайсониан в рабочем состоянии, названный Дайсоном-комплексом (в дальнейшем Д-комплекс), способный произвольно (автоматически) менять орбиту движения вокруг центрального светила...

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Его встречал плотный молодой человек в форме служащего компании космосервиса, назвавшийся администратором. Был он немногословен и сдержан до равнодушия. Вместе с тем Никита отметил у администратора цепкий взгляд и какую-то странность в манере поведения, которую он не смог объяснить сразу, с первых минут знакомства.

«Буфтаар Джумаа»,— сообщил «Вася», персональный интелмат, имеющий прямой выход на аксон слухового нерва; датчики и рецепторы «Васи» были встроены в комбинезон, вернее, составляли с ним одно целое. По сути «Вася» был «альтер эго» — «вторым я» инспектора. Никита мог советоваться с ним, как с помощником, и сам решать любые математические и этические задачи со скоростью компьютера.

«Квартирьер похода,— продолжал шелестеть «Вася»,— непалец, двадцать восемь лет, участник двух экспедиций БП, хобби — шахматы».

Они вышли из-под козырька приемной камеры метро, практически мгновенно перенесшего Никиту с Земли на Дайсон-станцию,

и оказались в зале под прозрачным куполом. Никита впервые не через виомы, а своими глазами увидел Сферу...

Дайсон-станция, или как ее называли старожили, Д-комплекс, представляла собой искусственную планету-диск диаметром около двадцати пяти километров. Это был не единственный, но один из наиболее сохранных объектов древних дайсониан, строителей Сферы, не только уцелевший со времени постройки, но и продолжавший таинственную службу в полностью автоматическом режиме. Его орбита проходила так близко от орбиты планет Сферы, что с Д-комплекса можно было разглядеть на их поверхности даже отдельные острова, а скорость его движения была такова, что за время одного оборота вокруг светила он успевал трижды пройти мимо каждой из трех планет мира Дейи. Одна сторона его диска всегда смотрела на центральную звезду, а другая — на оболочку Сферы.

Чтобы не тратить средства и время на строительство исследовательского центра, люди решили использовать Д-комплекс, не вмешиваясь в работу чужих механизмов и продолжая осторожные исследования. На одной из сторон диска и был установлен купол стационарного метро, связавшего Сферу с Землей и Д-комплекс с базами на планетах и стандартными модуль-станциями внутри Сферы, а ряд пустых помещений в его ободе оборудовали под лаборатории и жилой сектор исследователей.

Никита прибыл на станцию как агент сектора освоения планет Даль-разведки, и лишь несколько человек на Земле знали, кем он был на самом деле...

Первым впечатлением Никиты было ощущение невероятной глубины: казалось, он заглянул в бездну, причем бездну светлую, потом упал в нее и стал погружаться, все глубже и глубже...

Вторым было впечатление гармонии цвета.

Оболочка Сферы состоит из трех слоев планетоидов со средним диаметром в полсотни километров, соединенных невидимыми связями в удивительную сеть. Д-комплекс вращается вокруг Дейи на расстоянии в сто тысяч километров от ближайшей точки Сферы, поэтому планетоиды видны без биноклей и сияют ярче, чем несколько земных Лун. Но главный эффект вносит спектральное распределение цвета: в зените пятнышки планетоидов источают голубоватый свет, потом идут кольца белого, зеленоватого, желтоватого, снова голубого цвета — перламутровые переливы, как у земных раковин или жемчуга, ни одного яркого, контрастного, спектрального чистого цвета! У горизонта небосвод багров и тускл, и, как потом оказалось, это цветовое распределение не зависит от положения наблюдателя внутри Сферы. Сфера есть сфера, и угол зрения, под которым видны планетоиды, на орбите Д-комплекса везде одинаков...

Долго на Сферу смотреть было невозможно — глаза уставали от световой ряби,— и Никита отвел взгляд.

— Зрелище совершенно необычное,— сказал администратор, наблюдавший за ним.

— Весьма! — искренне ответил инспектор.

— То ли еще увидите. Идемте, отведу вас в «гостиницу».

По обыкновенной лестнице в четыре пролета они спустились «с крыши» на этаж ниже, под поверхность внешнего корпуса станции. Никита обратил внимание, что лестница слишком «земная», и гид пояснил:

— Сделана нашими инженерами, здешние лестницы и лифты не предназначались для хождения и транспортировки людей, хотя использовать их можно.

Выбрались в коридор, один конец которого заканчивался тупиком, другой, казалось, уходил в бесконечность. Пол коридора был покрыт губчатой упругой ворсистой массой зеленовато-серого цвета, ходить по нему было неудобно, хотя сила тяжести на станции приближалась к земной.

Остановились у одной из снежно-белых дверей, явно сработанных человеческими руками. Администратор посторонился.

— Открывайте, это ваша каюта, дверь не заперта. Кодон распознавания подберете сами.

Пересвет кивнул, погладил дверь рукой и мысленно приказал открыться.

Белый прямоугольник превратился в дымную пелену, потеряв плотность и цвет. Никита первым шагнул в каюту.

Помещение было невелико, геометрически просто — параллелепипед со сторонами четыре на шесть метров и высотой в два человеческих роста — и безлико, как пустой бокс. Стены отливали серебром, словно на них налипла паутина.

В углу стояла стандартная приставка автокровати, разворачивающаяся при желании в диван, кресло или стол. Рядом — пульт «домового», домашнего координатора, похожий на бутон какого-то экзотического цветка на стебельке, столик, два стула, шкаф, в дальнем углу — кабинка душа. Посередине комнаты в полу торчал круглый выступ высотой сантиметров пятнадцать, точно такой же выступ располагался на потолке. Эти бугры были единственным напоминанием о чужеродности помещения. А в общем, подумал Никита, напоминает стандартную обстановку кают рейсовиков на трассах средней протяженности.

Он поставил свою сумку на стул, огляделся и с недоумением посмотрел на провожатого.

— Больше дверей нет?

— В этих помещениях вообще не было дверей, пришлось прорезать со стороны коридора. Для чего они предназначались, известно только строителям.

— Я буду один?

— Рядом каюты ученых и дирекции, а всего в жилом секторе «гостиницы» живут семьдесят человек. Со всеми каютами есть связь. Располагайтесь. Будут вопросы, звоните мне или моему помощнику Гонсалесу, номера найдете в памяти «домового».

Джумаа направился к двери, у порога оглянулся.

— Хочу дать совет. Д-комплекс изучен едва на одну сотую, никто не знает, для чего он предназначен и как работает. Ходить по нему в одиночку опасно.

— Учту,— вежливо пообещал Никита.

Дверь заколебалась и снова восстановила плотность, агент Даль-разведки остался один. С минуту прислушивался к тишине, обволакивающей комнату глухой болотной ряской. Молчал и «Вася», анализируя поступающую через датчики информацию.

Никита медленно обошел помещение, касаясь рукой серебристых, шершавых и теплых на ощупь стен. Посидел на стуле, с удивлением обнаружив, что ему не хочется думать о задании, предстоящем расследовании, разведке и странных случаях, происшедших на планетах Сферы и в самом Д-комплексе. Организм сопротивлялся включению в особый ритм жизни с постоянной готовностью к тревоге и к бою, ожиданием схватки с неведомой силой, проявившей себя жестоко и беспощадно, что и заставило отдел безопасности ввести в действие экстремальный вариант.

Итак, начали?..

Он открыл шкаф и разложил по полкам содержимое сумки: белье, запасные комплекты верхней одежды, туалетные принадлежности. Потом достал «универсал» в плоской кобуре с набором обойм, вогнал одну в рукоять и поставил пистолет на предохранитель. Фауна Сферы как будто не имела хищников, и применять оружие не было нужды, но агент по освоению имел право носить пистолет на не полностью исследованных мирах. Никита потрогал вшитые под кожу за ухом генератор психозащиты и мыслепередатчик «Васи», проверил, как держится на указательном пальце искусственный ноготь — дубль-рация, и вышел из каюты. Кодоном распознавания для двери он выбрал образ брата, ушедшего в глубокий поиск на корабле Даль-разведки.

Диск Д-комплекса был толщиной в два километра и делился на слои-горизонты: пятьсот горизонтов высотой от трех до шести метров. Планировка горизонтов была очень сложной и, главное, изменялась со временем. Лишь один из десяти горизонтов сохранял свое оборудование и геометрию, был стационарен во времени, остальные жили динамичной жизнью: коридоры в них появлялись и исчезали, помещения изменяли форму и содержимое, наполнялись таинственными «призраками» и автоматами непонятного назначения или пустели, превращаясь в «мертвые», заполненные тишиной этажи.

Все это Никита знал по описаниям станции, но одно дело вы-

слушать рассказ и совсем другое — увидеть собственными глазами. К тому же у него была иная цель. По времени «гостиницы» шел всего восьмой час вечера, и он решил побродить по чужому спутнику, поддавшись одному из самых необъяснимых и прекрасных чувств — ощущению тайны.

Стена тупика коридора, куда вышел Пересвет, была вогнутой, а в центре выпячивался пузырь из молочно-белого стекла. Утопая по щиколотку в зеленой «пене» пола, Никита подошел и почувствовал щекочущее дуновение в шею: «Вася» предупреждал, что «пузырь» находится под напряжением.

Хмыкнув, инспектор приблизился к «пузырю» и тут же отпрянул: «пузырь» вспыхнул переливчатым голубым светом и стал расти, надуваться, словно воздушный шарик, пока не превратился в грушевидную фигуру высотой в два метра; в ее туманной глубине зажглась зеленая звезда.

Сзади кто-то рассмеялся.

Никита оглянулся. К нему, улыбаясь, подходил тонкий в талии, седоголовый мужчина в костюме планетарной службы.

— Новенький? Сегодня прибыли? — Он протянул руку.— Уве Хоон, археонавт.

«Уве Хоон, член-корреспондент Академии наук,— отозвался в ухе шепоток «Васи».— Пятьдесят девять лет, участник тринадцати экспедиций, из них три — Даль-поиск. Хороший скрипач».

Никита назвал себя и пожал руку ученого, которого знал по отчету бригады подготовки.

— Я ваш сосед, решил прогуляться. Мне столько рассказывали... Правда, меня предупредили, что это небезопасно.

— Гулять по Д-комплексу можно, просто надо быть внимательным. Заходите вечером, после девяти, у меня собирается интересная компания, вам тоже будет полезно. Моя каюта напротив.

— Спасибо, приду. А что это за «груша»?

— Это? — Хоон улыбнулся.— Техника дайсониан очень своеобразна, неантропна, если вам понятен этот термин. Кто вы по специальности?

— Эколог, агент по освоению планет,— сказал Никита.

— Квартирьер, я сразу понял, по реакции. А этот «мыльный пузырь»,— выходной тамбур наружу, за пределы станции. Так сказать, дверь с тамбуром.

Археонавт дотронулся рукой до «пузыря», и тот бесшумно лопнул, превращаясь в белую стеклянную выпуклость.

— Чтобы воспользоваться этим выходом, надо иметь при себе электрогенератор, иначе тамбур не открывается. До вечера, коллега.

Хоон ушел к себе в каюту.

Никита постоял в одиночестве минуту и побрел по коридору, уходящему в бесконечность.

Через полсотни шагов двери по обеим сторонам коридора перестали встречаться, часть горизонта, приспособленная исследователями под «гостиницу» и освещенная светопанелями, осталась позади. Дальше коридор освещался только голубовато-фиолетовыми прожилками в толще потолка, бессильными рассеять угрюмый полумрак.

Дважды Никите встретились люди: трое молодых парней в форме технического персонала, не обратившие на него никакого внимания, и странная пара — мужчина и женщина в комбинезонах спасателей, замолчавшие при его приближении и долго смотревшие вслед.

Еще через полкилометра Пересвет вышел к перекрестку, освещенному пронзительным зеленым светом.

Второй коридор тоже уходил в обе стороны на неопределенное расстояние, но был совершенно иным. Пол его не был устлан толстым слоем зеленой упругой массы и блестел, как металлический. В пятнистых его стенах через неравные промежутки шли знакомые «стеклянные» выпуклости дверей и ниши с «живым», ворочающимся и наблюдающим за человеком мраком.

Никита поразмыслил и свернул направо. Едва он ступил на металлический квадрат пола, отгороженный серебристым выступом, как все вокруг пришло в движение. Воздух словно затвердел, сжав инспектора так, что он почти не мог двигаться, стены коридора побежали мимо, от скорости зарябило в глазах. Никита напрягся, стараясь освободиться от невидимых пут и соображая, что делать, и в этот момент коридор изогнулся, как живой, вильнул в сторону и выбросил человека в глухой тупик, освещенный бледным светящимся пятном не то плесени, не то жидкости на полу.

Никита шагнул к стене и застыл на мгновение, готовый к новым метаморфозам чужой техники, однако ниша казалась устойчивой, стены ее были сухими и теплыми, гладкими на ощупь. Из тупиковой стены выдавался нарост, походивший на ветвистые оленьи рога с черными шарами на концах. И рога, и пятно плесени на полу тоже были заряжены электричеством.

Никита обошел нишу, с опаской оглядел нарост, и ему показалось, что в глубине черных шаров мелькают искры. Осторожно приблизив лицо к шару, он словно заглянул в глубокий колодец с мириадами светлых точек-звезд. Перископ — вот что это такое! В глубине шара была видна часть оболочки Сферы.

Выглянув в коридор, Никита обнаружил, что тот совсем не похож на взбесившийся металлический. Пол в губчатой зеленой массе, стены не вертикальны — в сечении коридор напоминал перевернутую трапецию. Потолок был фиолетовым, и в его глубине, меняя узоры, бродили светящиеся пятна.

Пересвет понял, что выбраться к «гостинице» самостоятельно будет сложно, он понятия не имел, куда забросил его дайсонианский

транспортный «мешок». Он мог оказаться всего в сотне метров от своей каюты или же на другом конце двадцатипятикилометрового диска. Конечно, инспектор знал особенности техники Д-комплекса, тщательно изучив отчеты бригады подготовки, но на себе испытал ее действие впервые.

Коридор повернул и вывел его к провалу неизвестных размеров, заполненному текучим багровым полумраком и странными звуками: сериями тихих щелчков, похрустыванием, шепотом. Из глубины провала волнами наплывали удушливые запахи, горькие и кислые одновременно — корица пополам с квашеной капустой.

Черт возьми, какой же фантазией и мощью надо обладать, пришла внезапная мысль, чтобы построить такую махину, как Д-комплекс! Сотни квадратных километров поверхности. Коридоры, помещения, машины, силовые конструкции, и при всем при этом — строгие геометрические формы и беспрецедентная точность стыковки узлов! Какие титаны строили Д-комплекс и Сферу? И где они сейчас?..

Никита вспомнил рассказы начальника группы подготовки и включил рацию в режиме автовызова.

Техника древних дайсониан отреагировала быстро: из провала со звуком пробки, вылетающей из бутылки шампанского, выскользнул «мыльный пузырь» и подплыл к обрыву коридора. Внутри него загорелась звездочка.

Никита шутливо развел руками:

— Извини, проверка.

«Пузырь» подождал немного и провалился вниз, в багровый полумрак, напоминающий жерло вулкана во время извержения.

Выключив рацию, Пересвет не спеша зашагал по коридору обратно и вскоре вышел еще на один перекресток, где пересекались по меньшей мере четыре коридора, включая «нормальный», с зеленым упругим полом. Один из коридоров был круглым и освещался ослепительным желтым светом. Казалось, он заполнен раскаленным жидким стеклом, готовым вот-вот вылиться на перекресток. Второй, наоборот, давился темнотой, живой и текучей, как и все конструкции этого космического левиафана. Третий был почти земным, квадратным в сечении, с черным полом и голубыми стенами с рядом белых выступов. Недолго думая, Никита свернул в этот коридор, который через полкилометра вывел его на круглую площадку, на метр покрытую прозрачной жидкостью, напоминающей воду. Но это была не вода. Едва Никита приблизился к низкому барьеру, превратившему площадку в бассейн, как вода вдруг бесшумно вспучилась, шевеля мышцами мелких волн, вылепилась в полусферу, потом в граненую колонну и наконец превратилась в стеклянное дерево, подрагивающее ветвями. В потолке над бассейном загорелся зеленый светлячок.

Заинтригованный Никита подошел ближе. Дерево мгновенно сломалось и трансформировалось в конструкцию, отдаленно напоминающую кресло.

«Спасибо за приглашение»,— подумал Пересвет. Он уже понял, что это такое: дайсонианский мгновенный транспорт, модификация метро, использующая тот же «струнный» принцип, но с совершенно иными параметрами и конструктивами.

— Не вздумайте сесть,— раздался сзади тихий голос.

Никита обернулся. Из коридора, заполненного мраком, вышел скупо улыбающийся молодой человек в серо-голубом костюме инженера похода *. Волосы черные, блестящие, лицо узкое, с хищным носом и дерзкими, хитрыми глазами.

— Это дайсонианский вариант метро, мы называем его «прыгскок»,— продолжал незнакомец.— Во-первых, он бьется током, как и вся действующая техника Д-комплекса, а во-вторых, может забросить вас куда угодно в пределах Сферы, даже на любой астероид оболочки. А вы без скафандра.

Аппаратура, встроенная в комбинезон и подчиненная «Васе», дала понять, что это живой человек, а не «призрак» динго **, но автоответчик, настроенный на строго фиксированную комбинацию частот, молчал. Никита узнал парня без подсказки «Васи»: Мухаммед бин Салих, пограничник из группы Пинаева. Но он Пересвета знать не мог.

Никита вежливо улыбнулся.

— Меня предупреждали. Правда, здесь я оказался вопреки своей воле.

Салих кивнул, сдерживая ответную насмешливую улыбку, только глаза блеснули иронией.

— Вероятно, вам повезло воспользоваться внутристанционным лифтом, который срабатывает совершенно неожиданно и почти не заряжен электричеством.

Никита вспомнил лихой полет в силовом коконе сквозь сплетения конструкций Д-комплекса. Что ж, ничего особенного, всего-навсего дайсонианский лифт. Интересно, как его называли инженеры, склонные к юмору?

Собеседник понял его мысли.

— Лифт есть лифт, хотя дайсонианский лифт своенравен, как дикий кабан. Мы так его и назвали — вепрь.

— Как же далеко меня забросило от гостиницы?

— Двадцать семь километров по прямой. Вы прибыли недавно, надо полагать?

— Только что, решил прогуляться. Одно дело — знать хитрости

---

* Инженер по обслуживанию земной техники в условиях внеземных экспедиций.

** Динго — динамическая голография.

станции по отчетам экспертов, другое — убедиться на собственном опыте. Никита Пересвет, агент по освоению,— представился инспектор.

— Мухаммед бин Салих,— подал крепкую руку черноволосый.— Инженер похода. Здесь уже больше недели, но не скажу, что освоился полностью. Да это, наверное, и невозможно, станция набита тайнами, как пещера Сезама сокровищами.

Никита не знал, имеет ли право Салих открыто выходить на контакты с интересующими пограничную службу людьми, но ему показалось неоправданной та поспешность, с которой Пинаев санкционировал прощупывание его личности; встреча была явно не случайной, хотя Салих и пытался представить ее именно так.

— Я покажу, как удобнее выбраться к гостинице,— предложил пограничник.

— Спасибо, выберусь сам,— отклонил предложение Никита.— Время у меня есть, да и любопытство не иссякло.

Он все время чувствовал присутствие еще одного наблюдателя, но никого не видел и не слышал.

— Тогда до встречи на малом ученом совете, знаете о таком?

— Кажется, догадываюсь. Меня встретил Уве Хоон...

— У него. На всякий случай запомните: наши земные транспортные линии установлены на первом и десятом горизонтах, найдете их по указателям.

Салих вскинул руку и растворился в сумраке темного коридора.

Никита проводил его взглядом. Со стороны встреча казалась естественной и случайной, однако что-то подсказывало инспектору, что это не так. Но поживем — увидим...

Полупрозрачное дерево-кресло в центре «бассейна» все еще предлагало свои услуги, мигая зеленым глазом готовности.

— Извини,— серьезно сказал Никита,— в другой раз.

Обойдя площадку, он свернул в квадратный коридор с черным полом. Через несколько сот метров коридор уперся в прозрачную перегородку толщиной в метр. Но стоило инспектору приблизиться вплотную, как сработала дайсонианская автоматика: перегородка наполнилась жидким сиянием, вспенилась и бесшумно лопнула, образуя треугольное отверстие, в которое Никита мог протиснуться лишь с трудом, согнувшись в три погибели. Вероятно, это был проход для автоматов, обслуживающих станцию. С появлением отверстия в коридоре явно обозначился ток воздуха.

Пересвет колебался недолго, его еще не удовлетворила часовая прогулка по колоссальной махине Д-комплекса. Он нырнул в отверстие и почувствовал, что... падает! Конечно, никуда он не упал, просто дальше в коридоре царила невесомость, установки искусственной тяжести за перегородкой не работали.

К невесомости Никите было не привыкать, он оттолкнулся от

перегородки, снова ставшей прозрачной, и углубился в слабо освещенный коридор.

Около двух километров он плыл по воздуху, стараясь не касаться стен тоннеля, металлических, с неприятными штырями, находящимися под напряжением. А потом коридор уткнулся в сочленение еще пяти таких коридоров, и Никита понял, что это шпангоуты Д-комплекса, силовой его каркас, вокруг которого нарастили плоть всех остальных конструкций.

Возвращаться не хотелось, но вместе с легким разочарованием пришел охотничий азарт: Никита почувствовал себя первооткрывателем чудес чужой механической, а может быть, и не только механической жизни, хотя в душе и посмеивался над своей мальчишеской жаждой тайны. Поразмыслив, он пришел к выводу, что коридоры-шпангоуты должны служить не только скелетом Д-комплекса, но и выполнять другие полезные функции, аналогичные функциям земной техники: коммуникаций связи и пожарной системы, транспортных артерий для автоматов и ремонтных киберов, а также убежищ в аварийных ситуациях. Отсюда вывод: сеть этих коридоров должна иметь собственный транспорт, иначе для обхода даже небольшого участка сети потребуется слишком много времени.

Никита развернулся на месте, собираясь возвращаться, и нечаянно задел один из верхних штырей. Мышцы руки неприятно свело, и тут же из соседнего тоннеля выскользнула к сочленению шарообразная капсула, утыканная иглами, словно еж. Несколько игл втянулось внутрь шара, и часть его оболочки в этом месте разошлась лепестками диафрагмы. Из недр капсулы выскользнул фиолетовый омерзительного вида желвак, живой и неживой одновременно, развернулся в зонт с десятком клейких фиолетовых щупалец и поплыл к человеку.

Никита с трудом избежал объятий квазиживого монстра, скорее всего, автомата обслуживания здешнего оборудования, и поспешно вернулся в нормальный коридор. Прозрачная перегородка послушно выпустила его, наградив легким электрическим уколом пониже спины.

Еще дважды он попадал в странные, жаркие, наполненные ярким текучим светом помещения, снова подвергся атаке вепря — автоматического транспорта Д-комплекса, который выбросил его на этот раз в башенку, торчащую из днища диска станции на добрую сотню метров. Таких башенок было несколько, они венчали отливающие серебром купола, идущие через равные промежутки по ободу станции.

Стенки башенки были прозрачными. Никита долго и с невольным благоговением любовался сиянием Сферы, вспоминая ее описание и сравнивая с тем впечатлением, какое дает прямое наблюдение.

— Представь себе колоссальную оболочку,— говорил ему Ка-

лашников, знакомя с заданием.— Оболочку, вращающуюся вокруг звезды. Ближайшая аналогия — маковое зерно в центре надутого воздушного шарика. Теперь вместо сплошной пленки воздушного шара представь три слоя из миллиона песчинок, соединенных между собой хитроумным способом — гибкими невидимыми нитями. А теперь увеличь маковое зерно до размеров Солнца — оболочка таким образом превратится в сферу диаметром в две астрономические единицы, а песчинки станут планетоидами, размер которых колеблется от десятка до полусотни километров...

Никита прищурил глаза, вглядываясь в мерцание бесконечной зернистой оболочки Сферы. Очевидно, конструкторы системы 101 Щита использовали в качестве строительного материала астероиды из внутреннего астероидного кольца, а также разломали для этого три-четыре мертвые планеты. Никита ни разу не видел Сферу со стороны, но знал, что из космоса она почти не видна: механизмы, скрепляющие оболочку, продолжали действовать, и все излучение Дайи поглощалось ею с КПД, близким к единице.

Прямо в зените, над головой Никиты, засияла вдруг более крупная звездочка, постепенно усиливающая блеск. Это была одна из планет Сферы, Д-комплекс догонял ее с относительной скоростью в сто километров в секунду. Вскоре звездочка превратилась в туманное пятнышко света с перламутровым отливом, потом в пятнистый шар, окрашенный во все мыслимые оттенки желтого, и наконец — в громадину планеты. С тяжеловесной медлительностью она прошла слева по борту — прохождение длилось почти две минуты, несмотря на скорость станции. В момент наибольшего сближения в толще молочно-белой граненой колонны, занимающей центр башенки обзора, всплыли алые светящиеся кольца, складываясь в правильный геометрический узор, верх колонны вскипел белой шипучей пеной, как сбежавшее молоко, и пена рассосалась облаком искр. В воздухе запахло озоном.

Никита переждал, пока сработавший неведомый прибор успокоится, и шагнул на металлический квадрат вепря.

Его вынесло в широкий коридор с сиреневым светом, где работали земные транспортные средства, и спустя четверть часа он отыскал свой номер «гостиницы».

* * *

Он вошел и сразу почувствовал, что в комнате кто-то был: интуиция сработала раньше, чем встроенная в комбинезон аппаратура.

Никита, не сходя с места, внимательно осмотрел апартамент, включил свой микрокомпьютерный комплекс экспресс-анализа. Туалетная и душевая, сверкающие «мрамором», металлокерамикой

и зеркалами, были чисты, но в кровати и приставке виома связи обнаружились «глаза»— видеокамеры размером с шип акации. Искать их пришлось незаметно, делая вид, что занят другими делами.

Никита не удивился камерам, он удивился тому, как мог тот, кто их поставил, проникнуть в запертое помещение, не зная кодона распознавания замка. Не мог же он выследить агента Даль-разведки, прочитать его мысли, что было невозможно при включенной пси-защите, а потом вернуться и выключить замок...

Пересвет открыл шкаф и насторожился: ему показалось, что на него в упор взглянул кто-то холодно-презрительный, жестокий и опасный. Ощущение тут же прошло, но инспектор слишком хорошо знал возможности своей нервной системы, усиленной «Васей», чтобы отнести это ощущение к разряду галлюцинаций.

Через десять минут осторожного, законспирированного поиска он обнаружил, что в кнопку шкафа, открывавшую нишу с бельем, встроена неметаллическая спиралька, диаметром в миллиметр и толщиной в человеческий волос. Но как только Никита вознамерился выковырнуть кнопку с чужим аппаратом, раздался щелчок и кнопка превратилась в облако дыма. «Шпион» был запрограммирован на самоуничтожение при обнаружении. Предназначение его не оставляло сомнений, но в памяти «Васи» не было сведений о фирме-разработчике таких приборов, лаборатории Земли не изготавливали невидимых наблюдателей подобного типа.

Никита хмыкнул. Версия Калашникова, высказанная при расставании, подтверждалась: похоже, на Д-комплексе действуют не только сумасшедшие роботы охраны, но и некто, использующий, кроме аппаратуры спецназначения, разработанной для Даль-разведки, еще и микротехнику, не поддающуюся идентификации, что наводило на мысль о возможном контакте с инопланетной разведкой.

Пересвет переоделся, чувствуя себя голым: тот, кто устанавливал микрошпионов, знал свое дело, и надо было до конца играть роль ничего не подозревающего человека. Пусть смотрят.

Освежитель действовал прекрасно, озоновый душ — тоже.

Никита причесался, посмотрел на часы: без пяти десять по местному. Не поздно ли идти к Хоону? Впрочем, не может быть, чтобы малые ученые советы заканчивались через час, а знакомиться с населением гостиницы лучше в неслужебной обстановке. Вперед, инспектор!

* * *

Дверь открылась.

— Проходите,— раздался мягкий мужской голос.

Никита повиновался.

В комнате, истинные размеры которой терялись в полумраке, разместилось человек восемь, двое из них — женщины. Хозяин стоял у стены и колдовал над светящейся нитью неразвернутого виома.

— Проходите, садитесь на что найдете,— кивнул Пересвету молодой человек в стандартном костюме планетарной разведки.

Никита поискал глазами стул и сел рядом с одной из женщин, лицо которой пряталось в тени.

Уве Хоон, хозяин комнаты, пригласивший инспектора на «уикэнд» три часа назад, справился наконец со своими таинственными приготовлениями и тоже сел. Световая нить виома развернулась в трехметровое световое полотнище, обрела глубину и цвет, превратившись в изображение Сферы. В группе зрителей послышался ропот, возгласы, смех.

— Это не доказательство, Уве,— укоризненно произнес парень, пригласивший Никиту сесть.— Одну тайну вы пытаетесь объяснить другой. Я не верю, что современные дайсы-аборигены — одичавшие и регрессировавшие потомки строителей Сферы: уж очень значительно их облик отличается от предполагаемого облика древних дайсониан. И, главное, вы не ответили на вопрос: куда ушли сами строители.

— По расчетам, Сфера построена примерно десять-двенадцать тысяч лет назад,— проговорил курчавый бородатый великан, время от времени поглядывающий на соседку Никиты.— Но механизмы, удерживающие ее от распада, как известно, продолжают работать. Неужели вы будете утверждать, что систему сохраняют автоматы?

— Это невозможно,— поддержала бородатого женщина, сидевшая в одном из кресел.— Сто лет — допускаю, ну двести, но не десять же тысяч! К тому же, характер изменения экосистем на планетах Сферы линеен, а это говорит о непрерывном контроле среды.

— Чисто антропоморфное суждение,— мягко заметил Уве Хоон.— Древние дайсониане вплотную подошли к пределу совершенствования технических устройств, вы же знаете выводы экспертов, а нам этот предел пока только снится, хотя его контуры уже вырисовываются. Но учтите: Сфера не изучена и на миллионную долю. Кто знает, какие открытия ожидают нас впереди. Что касается чудес, то их в Сфере хватает. Скажем, вудволлы — теплокровные растения всех трех Дайсонов. Кто не бродил по вудволловому лесу, тот не может по видео оценить его неземного величия и необычности и, главное, ощущения живого! На Земле теплокровные растения не возникли только потому, что раньше по капризу эволюции природой были продуцированы теплокровные животные. Да что я об этом вещаю вам, специалистам...

Никита вспомнил старинную картину Мэри Оппенгейм «Мех на завтрак»: чашка, блюдце, ложка — и все из меха, как живые! Люди с тонкой нервной организацией долго не могли есть после созерца-

ния картины — настолько разительно «живое» изображение того, что мы привыкли видеть неживым. А «живые» деревья, кстати, совсем не похожие на деревья, способные, наверное, даже ощущать боль, еще более эффектны.

— Или бхихоры,— продолжал хозяин комнаты.— Разве они не чудо природы? Я, к сожалению, не биолог...

Поднявшийся шум прервал речь Хоона. Снова послышался смех, веселые реплики и шутки.

— Кажется, археонавт Хоон решил поменять профессию,— засмеялся молодой человек, сидящий перед Пересветом.

— На моей родине говорят — пора переквалифицироваться в управдомы,— басом прогудел добродушный толстяк, с трудом умещавшийся в кресле.

— Управдом — это, кажется, у Ильфа и Петрова? — впервые заговорила соседка Никиты. Голос у нее был глубокий, грудной, великолепного бархатного тембра.

Никита окинул ее внимательным взглядом и встретил ответный взгляд, загадочный и томный. Ему показалось, что в глазах незнакомки прячется иронический вызов.

Разговор в комнате стихийно разбился на несколько дружеских пикировок. Молодой человек в форме планетарной службы придвинулся к Никите, но заговорил с его соседкой.

Пересвет вежливо пересел на край дивана и стал смотреть на мерцающий узор Сферы, чувствуя себя лишним.

С расстояния в тридцать миллионов километров Сфера выглядела идеальной твердью с перламутровыми переливами, но Никита знал, что вблизи «твердь» превращается в мелкоячеистую сеть и не выглядит «с иголочки»: кое-где на ее боках зияют бреши, над полюсами скопились облака пыли, некоторые участки иногда начинают вибрировать так, что планетоиды не выдерживают напряжений из-за приливных сил, разлетаются на осколки или срываются со своих гнезд в трехслойной оболочке и улетают в космос. Никто не знал, как они удерживаются в строго геометрической сфере, удивительной сетчатой кольчуге, сплетенной вокруг центральной звезды, на расстоянии около десяти километров друг от друга.

Конечно, проектор не давал возможности прочувствовать масштабы Сферы, для этого надо было видеть ее воочию, без технических приспособлений, но психологическое давление чужой мощи уже не покидало тех, кто однажды увидел Сферу и, потрясенный, уловил грандиозность замысла...

Никита почувствовал перемену в настроении компании и прислушался.

Речь шла о других чудесах в системе Дайи, и Пересвет заинтересовался.

Кто-то выключил виом, изображение Сферы исчезло, вспыхнул

свет. Никита уловил на себе беглые любопытные взгляды и, в свою очередь, оглядел компанию. Мухаммеда бин Салиха среди них не было.

Уве Хоона он уже видел, а оппонентом ученого оказался великан, лицо которого почти полностью пряталось под мощным волосяным покровом. Рядом на диване — любопытная парочка: молодой человек с нежным лицом и румянцем во всю щеку и пергаментная старуха с живыми умными глазами. Еще одна пара — на пеностульях в углу: седой старик с брезгливо оттопыренными губами и юнец с нашивками суперкарго космофлота на рукаве.

Только теперь Никита смог рассмотреть и оценить свою соседку по дивану.

Девушка была безусловно красива, гибка, грациозна в каждом движении и даже легком жесте и очень не проста, если судить по ее ответному оценивающему взгляду с глубоко упрятанными ироническими огоньками.

— Друзья, знакомьтесь,— прервал разговоры Уве Хоон.— У нас в гостях Никита Пересвет, инспектор по освоению. На Д-комплексе он впервые.

— Константин Мальцев,— первым представился молодой человек с дивана,— эксперт-кибернетик и хороший парень.

По комнате пробежал смех.

— Костя не может без саморекламы,— прогудел, подходя, бородач и сунул Никите широкую ладонь.— Ираклий Валаштаян, инженер похода.

Юноша с нежным лицом оказался работником спасательной службы Михаем Морицем, а старуха — его начальником, то есть начальником группы спасателей, Стефаной Калчевой.

Дошла очередь до красавицы, с которой не сводил глаз ревнивый Мальцев.

— Флоренс.— Девушка встала и оказалась почти одного роста с Никитой.— Психоэтик. Можно просто Фло.

Пересвет осторожно взял протянутую с хищной грацией узкую руку. На безымянном пальце девушки красовался ажурный перстень из голубого металла со светящимся камнем; казалось, внутри камня запрятан мерцающий огонь — переливы чистых спектральных тонов чередовались в самых причудливых сочетаниях, отчего камень «мурлыкал« светом.

— А меня можно просто Никита,— в тон девушке сказал инспектор.— Очень удачно, что нас познакомили, ведь мне придется работать с вами на всех трех Дайсонах.

— Меня предупредили.

Глаза у Флоренс были карие, теплые, с золотистыми точечками — не озера, скорее, родники. Если бы не настороженный интерес

в них, скрытый иронической полуусмешкой, и не вызов, тоже, кстати, тщательно упрятанный на «дне родников»...

Никита выдержал рукопожатия остальных мужчин и вдруг сквозь общий доброжелательный эмоциональный пси-фон почувствовал, что его пытаются прозондировать в пси-диапазоне. «Вася» отреагировал мгновенно, включив защиту и форсаж своей анализирующей системы. «Нас пытаются прощупать».— «Кто?» — «Не пеленгуется. Излучение узкоспектральное, но не поляризованное».

Гипноизлучение было избирательным, действовало только на Никиту и, судя по реакции защитной аппаратуры, отличалось по спектру от всего того, что предусмотрели инженеры техсектора УАСС *. На инспектора повеяло чем-то н е з е м н ы м, н е ч е л о в е ч е с к и м. Впечатление было, конечно, сугубо эмоциональным, интуитивным, но Пересвет доверял как «Васе», так и своей интуиции. Продолжая разговор, он незаметно проанализировал поведение каждого из присутствующих, но все были увлечены беседой, и с точностью сказать, кто из них пытается подслушать мысли, было нельзя. К тому же, приходилось напрягаться, прятаться за барьер воли и пси-защиты, и при этом казаться естественным и спокойным.

— У вас интересный перстень,— заметил Никита непринужденно.

Флоренс посмотрела на свою руку.

— Найден на втором Дайсоне. Ему около десяти тысяч лет.

— Но, судя по виду, сохранился он великолепно, словно его только что сработали. Или, может быть, его сделали современные дайсы?

Мальцев, ревниво следивший за Флоренс, засмеялся.

— Вы плохо знаете аборигенов, об их разуме спорят до сих пор. Они, по-моему, просто смышленые животные, вроде земных дельфинов, и не более. Для того, чтобы сделать такие перстни, нужна развитая промышленность, высокая культура производства и глубокие знания эстетики.

— Перстни — вообще загадка,— пробасил Валаштаян.— Их наверняка сделали древние дайсониане, строители Сферы. Но по всем данным облик дайсониан одинаково далек как от человеческого, так и от облика дайсов-островитян. Зачем перстень был нужен дайсонианам? В качестве украшения? Но тогда они — люди, что противоречит всем гипотезам.

— Это для нас он — перстень,— сказал Уве Хоон.— А дайсонианам он мог служить чем угодно: от витаминных добавок к рациону до искусственных зубов. Но Ираклий прав, перстень — загадка, как и наша очаровательная Фло.

---

* Управление аварийно-спасательной службы.

Никита с любопытством ожидал ответа девушки, но она только улыбнулась и со вздохом разочарования развела руками.

— Прошу извинить, друзья, мне пора идти, встретимся на очередном «светском рауте». Приятно было познакомиться.— Взгляд на Пересвета.

Инспектор вежливо поклонился.

— Взаимно. Завтра я навещу вас.

Фон внешнего пси-давления внезапно исчез. Флоренс вышла. Компания зашевелилась и стала расходиться, словно до этого ее сдерживало именно присутствие девушки.

— Вы поздно зашли,— подошел к Никите Хоон.— Мы успели наспориться и выговориться. Кстати, в качестве гида Флоренс будет незаменима, она старожил Д-комплекса, одна из первых облетела все три Дайсона. Заходите по вечерам, бывает интересно.

Никита поблагодарил хозяина каюты и вышел вслед за Мальцевым, который явно потерял настроение. В коридоре кибернетик остановился.

— Как вам наше... общество? — Видимо, он хотел спросить о Флоренс, но передумал.

Инспектор улыбнулся.

— Вполне. Только я не понял, чем занимаются в Сфере спасатели. Ведь эта женщина, Калчева, кажется, начальник группы спасателей?

— Они здесь недавно, всего три дня. На Базе-2 произошла серьезная авария, вот УАСС и направило сюда группу для расследования. Вы где устроились?

— Напротив, вот моя дверь.

— А я через три каюты слева, номер одиннадцать. Заходите в любое время.

Константин пожал руку Пересвету и, неловко повернувшись, упал.

— Ходить здесь удобно только босиком,— сказал Никита, скрывая улыбку.— Интересно, как дайсониане передвигались по таким коридорам?

Мальцев вскочил со смущенным видом.

— Вы еще больше удивитесь, если узнаете, каким был пол коридора десять тысяч лет назад, когда Д-комплекс только что построили. Эта зеленая губчатая масса имела полметра в толщину и была рыхлой, как чернозем! Представляете? Просто за сто веков чернозем высох и превратился в каучук.

Они разошлись по каютам.

Никита еще раз обошел свои апартаменты, настроил микроаппаратуру защиты на появление человека в пределах двадцати метров и уснул, не успев опустить голову на подушку. На вопрос, кто пытал-

ся зондировать разведчика и могла ли это быть Флоренс Дженнифер, «Вася» не ответил.

Д-КОМПЛЕКС. НЕПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

— Прибыл некто Никита Пересвет, агент Даль-разведки, инспектор по освоению планет. Займитесь им.

— Уже занялся, как и всеми, кто прибывает в Сферу в последнее время. С виду обыкновенный работник, стандартно мужественный и ограниченный рамками уставов и служебных инструкций.

— Не торопитесь с выводами, в этом человеке дремлет сила. Необходимо проверить его по вашим каналам.

— Я его не знаю, ни разу не встречал в погранслужбе и вообще в Управлении.

— Это не аргумент. Он может оказаться законспирированным агентом, работающим по спецзаданиям. Даю два дня на документальную проверку.

— Легче провести пси-зондирование.

— Только в том случае, если не помогут обычные средства. Но для подстраховки реактивируйте двух наблюдателей типа «тень».

— Три наблюдателя типа «волос» уже находятся в его каюте, хотя... один из них почему-то не отвечает на вызовы.

— Проверьте, но не рискуйте. Отдел безопасности УАСС не пошлет сюда любителя, а экзо-профессионал способен на многое, о чем мы еще не догадываемся. Что у вас еще, помимо рутин-информации?

— В систему скоро должна прибыть группа риска степени АА. Это особая группа, укомплектованная специалистами из сектора контактов-конфликтов отдела безопасности.

Молчание. Собеседники одновременно получили сигнал предупреждения, но сигнала тревоги не последовало. Тишина длилась несколько минут, полная абсолютная тишина безвоздушного пространства: собеседникам воздух для разговора был не нужен, потому что один из них не был человеком, а второй находился в скафандре.

— Это тревожный факт, я доложу о нем Продавцу. Теперь о главном. Операцию необходимо форсировать, люди должны уйти из системы в крайнем случае через месяц, больше Клиент ждать не станет. Готовьте акцию «природа».

— Коэффициент самостоятельности?

— Ноль девять. Количество жертв — до десяти.

— Не мало? Форсированный вариант не ограничивает количественные характеристики терактов.

— Тем не менее, делайте то, что я сказал. О появлении и пере-

движении вашей группы риска АА докладывайте каждые шесть часов, о действиях Пересвета — раз в сутки. Сомнения относительно вашего реноме?

— Нет. Иначе мне перестали бы давать задания как офицеру погранслужбы. Но о передвижении группы АА я докладывать не смогу: никаких подробностей о функциях этой группы, а также о составе и координатах каждого ее члена не знаю.

— Узнайте. По возможности меньше показывайтесь на глаза Пинаеву, он не экстрасенс, но обладает богатой интуицией. Что ему известно из того, что неизвестно мне?

— Не имею информации.

— Плохо! Это минус вашей оперативности, землянин, что равносильно вычету из гонорара. Я вынужден опираться на данные суточной давности, а за истекшие сутки отдел безопасности мог поменять установки своим агентам.

— Калашников не Продавец.— Ирония ответа была очевидна.— Люди в подобных ситуациях не принимают решений, не опирающихся на проверенные сведения, тем более руководители такой фирмы, как контрразведка отдела безопасности. Можете не беспокоиться, они считают, что на Д-комплексе проснулась его киб-охрана, в программе которой произошли необратимые изменения.

Полуминутное молчание.

— Хорошо. Учтите мои замечания. Отбой связи.

Разговор закончился.

САВВА КАЛАШНИКОВ

В кабинете было свежо.

Калашников поежился и наугад набрал на столе-пульте шифр видеопласта — кабинет превратился в салон крейсера Даль-разведки.

— Контроль вечерних распоряжений.

— Пинаев вызван на девять ноль-ноль,— лаконично доложил киб-секретарь.— Отдел кадров предупрежден о подборе кандидатур и готовит ответ к десяти. Симушир вызван на одиннадцать. Австралия — на половину двенадцатого. Экспертная медкомиссия готова к работе в Сфере, вылет в пять часов вечера. Представитель Даль-разведки ждет вызова. Оперативное совещание у директора отменяется, но он просил вас позвонить в четверть одиннадцатого.

— Где Рудаков?

— Он на американском материке, ведет дело «Невада-90».

Хозяин кабинета бегло просмотрел строки бланк-сообщений, ползущие по матово-черной доске стола, и прошелся по кабинету, сцепив руки за спиной.

Был он коренаст, с виду медлителен; лицо тяжелое, с крупным носом и светло-серыми глазами; пристальный взгляд, твердый, властный и жесткий, выдавал в нем натуру сильную и незаурядную. Выгоревшие волосы Калашников зачесывал налево, скрывая шрам за ухом. Одевался он почти всегда в серо-синий комби — официальную форму работников Управления, и не снимал ее, по слухам, даже дома.

Дважды обойдя «салон крейсера» по периметру, начальник отдела снова сел за стол и, преодолевая внутреннее сопротивление — чисто психологический эффект включения в новое расследование — принялся за анализ данных.

Сфера Дайсона была открыта полтора года назад. Спустя полгода в ней начала работу первая экспедиция, базирующаяся на крейсере Даль-разведки «Сахалин». Еще через три месяца базу перенесли на Д-комплекс, станцию древних строителей Сферы, установили на ней метро, связавшее систему с Землей. Странные происшествия в Сфере начались спустя год и два месяца после открытия колоссального сооружения и образования разветвленной сети баз и лагерей экспедиции возле всех объектов системы.

Сначала исчез без вести один из физиков, исследовавших внешнюю оболочку Сферы. Затем заболели странной болезнью два археонавта на Дайсоне-3 — оба утратили память вплоть до эмпатического уровня, то есть перестали осознавать себя как личности.

Сошел с ума заместитель директора научного центра по хозяйственной части: им овладел страх закрытого пространства, переросший в жуткую форму мании преследования.

Заболел инженер по обслуживанию таймфага — кровь у него стала белой, как молоко! Вывод медиков: внезапное исчезновение фермента липопротеидлипазы. Еще один случай потери памяти — у биолога на Дайсоне-2. За дело взялась медицинская комиссия погранслужбы Даль-разведки, но странные события продолжались, множились, росли как снежный ком: заболели хиломикронезией еще двое исследователей, инженер-виомист выбросился из модуля в космос без скафандра, начальник группы биологов сбежал на Землю, где его с трудом нашли и уговорили лечь в клинику.

Отдел безопасности УАСС подключился к работе, когда медики погранслужбы констатировали свою беспомощность в постановке общего диагноза происшествий. А странные события, озадачив медицину, перекочевали в другие области науки и человеческих отношений.

Взрыв на Д-комплексе с использованием электрофакельного разрядника. Пропажа десантного модуля. Исчезновение оборудования экспертов, исследующих узлы оболочки Сферы. Отказ от работы автоматических исследовательских комплексов типа АРТ на Дайсоне-2. Варварское уничтожение вудволлового леса на одном из

архипелагов Дайсона-3. Авария на топливно-ресурсной базе ТРБ-2. И наконец случай с Норманом Хамфри, взявшимся за расследование дела.

Калашников с минуту сидел, вспоминая, при каких обстоятельствах был обнаружен Хамфри, потом вызвал Дориашвили.

Заместитель начальника отдела по науке и технике явился через две минуты, подтянутый, внимательный, аккуратный. Вежливость его не имела пределов, хотя между ее оттенками он умел и пошутить, и поставить человека на место, и выразить уважение.

— Пора включать «спрут» *,— сказал Калашников.— С сегодняшнего дня начинаем развивать операцию «Сфера» всеми секторами. Пограничники не справляются с анализом ситуации, нужен компьютерный анализ на больших машинах.

— Мы готовы,— сказал Дориашвили.— Наверное, на начальном этапе операции нужен информирующий «спрут».

— Координирующий тоже, но с ограничением подуровней — не ниже начальников отделов. Садись, начнем разбираться.

Оба надели эмканы связи с компьютером и с его помощью разбили происшествия в Сфере на три группы: относящиеся к области медицины, «уголовно-процессуальные»: «воровство» модуля, оборудования, личного имущества исследователей — и «диверсионно-террористические». К девяти часам отпали первые версии дела и родились новые. Калашников зафиксировал свои размышления и замечания Дориашвили в памяти машины, отпустил зама и снова пошел кругами по кабинету.

Пинаев пришел ровно в девять ноль-ноль, но не один, а с Германом Косачевским, директором УАСС.

— Я его перехватил по дороге,— сказал Косачевский, здороваясь.— Хочу познакомиться и получить сведения из первоисточника.

Калашников указал гостям на кресла.

Ждан Пинаев работал в пограничной службе Даль-разведки уже три года. Был он невысок, но широкоплеч, плотен, стремителен. Хороший спортсмен, владеющий приемами рукопашного боя, предпочитающий, однако, футбол всем остальным играм и видам спорта. За три года он успел зарекомендовать себя умелым и решительным работником, знающим цену риску. Может быть, он бывал слишком азартным и напористым, что иногда отталкивало от него людей, но за последний год он научился владеть собой в достаточной мере, изменил манеру поведения до мягкой, деликатной и в то же время по-особому решительной, и снискал славу человека слова, умеющего ценить юмор и скрывать взрывную азартность натуры.

Лицо у Пинаева было скуластое, смуглое, голубоглазое, живое, хотя он все время старался придать ему невозмутимое выражение.

---

* «Спрут» — единая система компьютерной связи.

— Донесения погранслужбы я читал,— сказал Калашников, покосившись на Косачевского.— Но Совет безопасности счел нужным подчинить операцию нашему отделу. Вы будете работать непосредственно со мной. Что нового появилось за последние сутки?

— Все тихо, если не считать протестов ученых против сокращения программы исследований.

— Мне пришла целая петиция из научного совета Даль-разведки,— проговорил Косачевский без улыбки.— Десять подписей, академики и доктора наук. Просят объяснить решение Совета безопасности о сокращении научного десанта.

— Речь идет только о человеческом контингенте.

— Они правы, одной автоматикой, комплексами ИКО и АРТ * в Сфере не обойтись. Тем более что планетарная АРТ по неизвестным причинам отказывается работать. Какова численность отряда в настоящее время?

— Тысяча сто восемь человек. На Дайсонах около семисот, сто двадцать на орбитальных базах, двести исследуют оболочку Сферы, а остальные — Д-комплекс.

— Вчера вечером прибыли еще четверо,— сказал Пинаев.— Агент по освоению планет из квартирьерского сектора Даль-разведки и трое врачей. Прошу разобраться, кто дал санкции на пропуск в Сферу агента по освоению, если еще не решен вопрос проведения исследований в полном объеме.

Калашников встретил взгляд Косачевского.

— Разберемся. Новости по ТРБ-2?

— Расследованием аварии занимаются Калчева и Мориц, объем поступившей информации невелик. Через сутки доложу о результатах собственного поиска.

— Подключите к спасателям своего работника.

— Уже работает.

— Как продвигается расследование дела Хамфри?

Пинаев помолчал, перенимая манеру поведения собеседников.

— Опрос его друзей и всех, кто имел с ним дело, не выявил никаких проявлений или предрасположения к патологии. Его помешательство внезапно.

— Как и вся эта чехарда в системе,— пробурчал Косачевский.

Калашников вопросительно посмотрел на него.

— Когда началась цепь событий в Сфере? — спросил в ответ директор Управления спасателей.— Сразу после появления в ней человека или нет?

— Год спустя.

— Причем внезапно, так? Не говорит ли это о какой-то эпидемии?

---

* ИКО — исследовательский орбитальный комплекс; АРТ — автономная система адаптивной робототехники.

— Может быть.— Калашников прошелся по кабинету.— Но не думаю. Кроме случаев, относящихся к компетенции медицины, есть и другие.

— Но тогда ваша версия об охранной автоматике Сферы отпадает. Она должна была сработать сразу после появления человека, а не год спустя.

— Эта версия пущена в ход для дезинформации тех, кто работает под охранную автоматику. Тем не менее, охрана жизненно важных центров Сферы существует. Я провел анализ происшествий и вот к чему пришел. Все странные случаи делятся на три группы: медицинскую, или эпидемическую, уголовно-процессуальную и диверсионно-террористическую.— Калашников хмуро усмехнулся.— Не думал, что когда-нибудь придется прибегнуть к терминологии прошлого века: диверсия, террор, провокация, воровство... Каждая из групп происшествий обособлена, но не настолько, чтобы не иметь общего знаменателя. Согласен, в одних случаях мы были свидетелями работы сторожей Сферы, в других — жертвами собственной неосторожности, в третьих — что касается «краж со взломом и без» — нельзя исключить любопытства дайсов, братьев наших меньших, которым забрезжила заря цивилизации. Но случай с Норманом Хамфри нельзя объяснить никаким помешательством, в этом деле все странно: внезапность, эта дикая, бессмысленная бойня, которую он учинил, затем последующая потеря памяти... Вирус неизвестной болезни? Не исключено. Но у меня иное мнение.

— Медэксперты считают, что вирус здесь ни при чем,— тихо сказал Пинаев.— На шее Нормана найден след укуса виброкрыла, но в ранке кроме слюны виброкрыла, действующей, как наркотик, обнаружен препарат, не поддающийся идентификации.

— Интересно,— медленно проговорил Косачевский.

— Препарат может оказаться фикцией,— Калашников остался спокойным.— То есть, я хотел сказать, компонентом слюны, нужны дополнительные исследования в этом направлении. А в остальном... напрашивается тревожный вывод.

— Я догадываюсь,— сказал Косачевский.— В Сфере действуют чужие разумные существа.

Калашников кивнул.

— Вирус? Не исключено. Охранная автоматика — тоже. Кто-то из людей внезапно сошел с ума? Не исключено и это. Но все же ближе к истине — негативное вмешательство чужих носителей разума. Единственное, что непонятно,— цель этого вмешательства.

— А что если вернулись хозяева Сферы?— вырвалось у Пинаева.— Ее конструкторы и строители?

Калашников и Косачевский одновременно посмотрели на него и переглянулись.

— Надо подумать,— сказал Калашников спустя минуту.— Мысль неожиданная. Весьма. Надо подумать.

Пинаев переменил позу, порозовел под взглядами.

— В последнее время мне почему-то кажется, что деятельность моей группы... м-м, находится под контролем.

Калашников молча ждал продолжения.

— Может быть, это чисто субъективное ощущение,— заторопился Пинаев,— но избавиться от него я не могу.

— Факты?

— Их нет. Экстрасенсорное восприятие... мысленное эхо типа «взгляд в спину»...

Директор УАСС в свою очередь нахмурился, хотел что-то сказать, но передумал.

— Примем к сведению,— сказал Калашников.— Если подозрения подтвердятся, поговорим об этом подробней. Попробуйте проанализировать свои ощущения, в каких ситуациях они возникают чаще всего, кто при этом находится рядом с вами, особенности окружающей обстановки и так далее. Поняли? Остров, где нашли Хамфри, обследован?

— Обследован весь архипелаг, следов присутствия других людей много, но идентифицировать их не удается. По предварительным данным на острове совершал посадку модуль типа «Коракл», обнаружены следы пятерых человек давностью до двух суток и еще трех давностью две недели. Это все.

— А как Норман? — спросил задумавшийся Косачевский.— Удастся его вылечить?

— Нет. Он в клинике нервных заболеваний на Симушире. Врачи выяснили, что у него стерты альфа- и гамма-уровни памяти, что равносильно смерти личности. Восстановить память невозможно.

— Каким образом можно стереть память до гамма-уровня?

Калашников развел руками.

— Если это не вирус, о котором медицина наша ничего не знает, то остается одно средство — амнезотрон.

Косачевский легонько хлопнул ладонями по подлокотникам кресла и встал.

— Не буду больше вас отвлекать. После инструктажа прошу ко мне в кабинет.

Калашников проводил директора взглядом, сел за свой стол и отхлебнул из стакана зеленый пенящийся напиток.

— Хотите?

Пинаев покачал головой.

— С утра не пью.

Они обменялись понимающими полуулыбками. Оба сразу понравились друг другу. Потом начальник отдела посмотрел на часы и заторопился.

— Комплекс задач, поставленных перед вами, остается прежним. Присматривайтесь к людям, наметьте, кто по роду деятельности может быть связан со всеми происшествиями. Параллельно с вами будет работать еще один специалист, но об этом должны знать только вы. Если появится необходимость, он сам найдет способ связаться с вами. Теперь такой вопрос: вы хорошо знаете своих людей?

Пинаев растерялся.

— Отбором кандидатур занимался зам по кадрам погранслужбы, не согласовывая этот вопрос ни с кем. Я лично работал только с двумя: Ираклием Валаштаяном и Кириллом Изотовым. Ираклий сейчас в пятерке Салиха, а Изотов сам руководит пятеркой.

— Хорошо. Присмотритесь ко всем по мере возможности. Меня интересуют их личные качества, степень самостоятельности, инициатива. Связь в обычном порядке. Вопросы?

Пинаев помялся, легкая краска снова легла на него щеки.

— Не знаю, откуда дует ветер... и как могло случиться... что об этом узнали... короче, по Д-комплексу ходят слухи, что в Сферу прибыла из вашего Управления специальная группа степени АА.

Калашников улыбнулся, хотя лицо его при этом не потеряло своей твердости и внутренней силы.

— Пока это просто «утка». Группа риска степени АА будет работать в Сфере, когда возникнет необходимость. В нее войдете и вы... если, повторяю, понадобится.

У Пинаева, очевидно, были еще вопросы, недоумение его не рассеялось, но сдерживать себя он умел.

— Разрешите идти?

Калашников вышел из-за стола и подал руку.

— До связи, капитан. Работа очень серьезная, учтите, контакт с чужим разумом в таком аспекте не просчитан никем, в том числе и нашими прогнозистами.

Пинаев четко повернулся, подтянутый, гибкий, крепкий, и вышел, чуть косолапя, что казалось несовместимым с его спортивной стройностью и грацией.

Начальник отдела задумчиво прошелся по кабинету, прикидывая, кого назначить координатором операции в Сфере, и в это время посреди кабинета развернулся виом связи с директором. Косачевский, длинный, костистый, худой, с двумя седыми пятнами в волосах, непроницаемо-ровный, смотрел на Калашникова, чуть прищурясь, из-за своего директорского пандарма.

— Пинаев ушел?

— Только что.

— Понимает ли он, что расследование необходимо вести быстро, но тактично, без ошибок? Если все происшествия в Сфере суть действия чужих, то напрашивается интересный вывод: нас пытаются

выпихнуть из Сферы, имитируя реакцию природы и кибер-техники древних дайсониан на наше вторжение.

— Сформулировано жестко,— сказал Калашников,— на грани фола. Эксперты эту гипотезу забракуют — нет квалитета достоверности. Да и я, признаться, не вижу причин, по которым нас, землян, следует выгонять из Сферы. Законы экоэтики и психоэтики мы соблюдаем неукоснительно.

Косачевский кивнул.

— Это самое слабое место гипотезы, но мне не нравится, что нас словно тянут, провоцируют на силовую борьбу. Все события взаимосвязаны и четко отделимы, и нет времени на раздумья, скрупулезное исследование причин и контригру. Поэтому людей для работы в системе Дайи надо отобрать жестко. Ждан Пинаев — неплохой работник, но слишком молод и не обладает достаточным опытом. К тому же, мне не нравится его нервозность, вернее, чувствительность к «взгляду в спину». Это симптом ненадежности нервной системы.

— Он не интрасенс, но хороший интуитив.

— Вот как? — Директор УАСС приподнял бровь.— Почему я не знаю об этом? В личном деле не сказано, что он интуитив.

— Информация подобного рода не должна просачиваться за пределы медкомиссии погранслужбы, отдела кадров и непосредственного начальства, к коему мы не относимся. А Ждан не только интуитивен, но и владеет приемами психозащиты. Из пограничников это наиболее подходящая кандидатура для работы в Сфере.

— Тогда удачи ему, да и всем нам в этом деле. Меня не будет до трех часов дня, приеду из ВКС — вызову.

Вином свернулся в линию и угас.

Калашников сел за стол, включил отработку накопившейся информации. Его решений ждали десятки других дел и забот, связавших отдел безопасности УАСС со всеми планетами Солнечной системы и планетами других звезд.

Д-КОМПЛЕКС. НЕПЕРЕХВАЧЕННЫЙ РАДИОДИАЛОГ

— Пинаев вызывал Калашникова. Их разговор высветить не удалось.

— Он часто бывает на Земле?

— Всего второй раз за десять дней. Обычный способ связи с погранслужбой — бланк-сообщения, закодированные личным кодом Пинаева.

— Возможность перехвата и дешифровки?

— Ноль.

— Мне не нравится категоричность ваших ответов, землянин,

вам бы следовало быть гибче в решении эмпатий, ибо от этого, напоминаю, зависит ваш гонорар. Продавец недоволен нашей деятельностью, быстрее отрабатывайте задания. Что слышно о группе АА?

— Ничего. Ее цель, методы работы и штатная структура неизвестны. По косвенным данным, она прибыла в Сферу не стационарным ТФ-каналом, а на спейсере УАСС «Печенег», но кто командир, сколько в ней человек... сведений нет.

— Еще минус вашей оперативности, землянин. Я вынужден просить помощи у Продавца, уменьшая тем самым свой гонорар.

— Не очень-то кичитесь своей ловкостью, уважаемый неземлянин. Против вас работают профессионалы безопасности, а не дилетанты, и опыт работы у них громаднейший.

— А вас это радует? Даю сутки на поиск необходимых данных. Активизируйте вариант два: робототехника людей на втором Дайсоне должна выйти из строя.

— Я уже занимаюсь этим, но мне нужна помощь. По перехваченным переговорам руководства центра исследований Сферы с Землей можно сделать вывод: Даль-разведка вышла на систему Клиента.

— Хоп! — воскликнул собеседник. На самом деле его радиовозглас передать адекватно человеческой речью или эмоциональным восклицанием было невозможно, поэтому смысловая нагрузка разговора передается в вольном переводе.

— Доказательства?

— Будут завтра-послезавтра.

— Продавец не обрадуется. Это случайная экспедиция или планируемая?

— Пока не знаю. Но земляне с Клиентом не скоро установят контакт, пока Клиент находится в состоянии ожидания войны. Обычная процедура глубокой разведки длится около года, мы успеем закончить работу здесь. Еще одно сообщение: Пинаев усиливает нажим расследования аварии на ТРБ-2 и случая с Норманом Хамфри. Боюсь, он докопается до истины.

— Подготовьте остров к уничтожению, а с ТРБ-2... подумаем. Возможно, уничтожим и ее. Конец.

Отбой связи.

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Два дня он мотался по трем планетам Сферы, вовлекая в свою деятельность десятки других людей исследовательского центра, преимущественно планетологов, экологов, биологов и экспертов-физиков.

В его обязанности как агента по освоению входило определение

экономических затрат на строительство сооружений и эксплуатацию коммуникаций, перспектив развития исследовательских и промышленных комплексов, природоохранных мер, учет состояния ресурсов, установление постоянного и точного контроля состояния и динамики среды, а также главное — экологический прогноз, то есть расчет экологических тенденций изменения среды в результате антропогенного воздействия.

Конечно, один он не справился бы с такой работой, но инспектор имел право привлекать по мере надобности любых специалистов и делал это со спокойной совестью. Единственной, кого он избегал трогать, была психотик Флоренс Дженнифер, в обязанности которой входил анализ диффузии человеческой культуры, направленности освоения Сферы, возможного потока загрязнения и нарушений инфраструктуры. Никита знал, что Флоренс уже составила уравнение хомодинамики, экстраполяционный прогноз-предупреждение и определила порог вмешательства человека, но не торопился знакомиться с результатами ее работы, предпочитая составлять картину событий без предвзятости и навязанных мнений.

Планеты Сферы не имели орбитальной инфраструктуры, как Земля и планеты Солнечной системы, не были опутаны сетью спутников и станций. То ли все спутники за десять тысяч лет попадали на поверхность, то ли дайсониане вообще их не запускали, но это обстоятельство облегчало работу всем.

Никита изучил карты электромагнитного сканирования поверхности Дайсона-1, данные гравизондажа и Т-съемки температурных полей и занялся анализом распределения суши в океанах планеты.

Дайсон-1 не имел материков, как и две другие планеты-сестры, только несколько островных архипелагов общей площадью с земную Евразию. Элементный состав воздуха, горных пород, вод океана и рек всех трех планет был близок к земному, однако почти все элементы по отношению к земным были изотопами. Так, содержание кислорода-18 в воздухе Дайсонов достигало двух процентов по отношению к общему объему, азота-16 к «нормальному» азоту-14 — семь процентов, а так как эти изотопы были радиоактивны, то исследователям приходилось принимать специальные меры, чтобы вывести радиоактивные «шлаки» из организма при дыхании: скафандрами пользовались только в тех случаях, когда опасность превышала допустимую норму.

На Дайсоне-1 работало пять исследовательских отрядов: коммуникаторы-экзосоциологи, терпеливо изучающие жизнь, быт и нравы современных дайсов, археонавты, занятые изучением остатков культуры исчезнувшей древней цивилизации, два отряда биологов и планетологи. Каждый отряд имел автономную мобильную базу, расположенную на одном из крупных островов, свободном от поселений

дайсов-островитян, и общую топливно-ресурсную базу — ТРБ-1 на орбите вокруг планеты. Все базы имели собственное метро, и посетить их не составляло труда.

Занимаясь как агент по освоению заданием Даль-разведки, Никита одновременно изучал жизнь Сферы и накапливал информацию, необходимую для дальнейшего развертывания основного задания.

Попытки пси-зондирования личности инспектора пока не повторялись, его приняли в коллективе на правах молчуна, умеющего в нужный момент тонко пошутить и оценить достоинства выдвигаемой гипотезы.

«Малый ученый совет» в каюте Уве Хоона заседал с завидным постоянством, гости менялись, хотя костяк компании оставался прежним. Никита с интересом выслушивал азартные споры молодых исследователей на темы, волнующие всех: облик древних дайсониан, способы их общения, зачем они построили Сферу, почему ушли, достигли они высот социального развития или уничтожили себя в разрушительной войне...

Контакты подобного рода были полезны Пересвету не только с точки зрения конкретных целей разведки, они позволяли ему оценить общую психологическую обстановку межчеловеческих отношений в Сфере, в том числе отношений человека с фауной и флорой планет, с техникой дайсониан. Насколько он понял, несмотря на происшествия, заставившие включиться систему космической безопасности, исследователи сохраняли спокойствие и продолжали заниматься делом. А таинственная деятельность неизвестного фактора, метко названного Калашниковым «фактором ДС» — «деятельностью Сатаны», продолжалась.

На второй день пребывания Пересвета в Сфере на Дайсоне-1 произошел колоссальный взрыв, уничтоживший остров, на котором неделю назад произошла темная история с инспектором отдела безопасности Норманом Хамфри. Никита узнал о взрыве из сводки спасателей, без промедления занявшихся расследованием причин катаклизма. Такие сводки получали только три человека в Сфере: директор исследовательского центра Нагааны Давaa, секретарь директора Каспар Гриффит, ответственный за соблюдение норм экоэтики поселений землян в Сфере, и офицер погранслужбы Даль-разведки Ждан Пинаев. О том, что еще один человек — Никита Пересвет, имеет доступ к закрытой информации следственной группы УАСС, руководимой Стефаной Калчевой, знали только на Земле, в отделе безопасности Управления аварийно-спасательной службы.

Вечером в каюте Уве Хоона было высказано много гипотез о причинах взрыва на Дайсоне-1. Вулканизм отпадал, все три Дайсона оказались идеальными планетами земного типа с угасшей вулканической и сейсмической деятельностью. Падение болида тоже исключалось: пространство Сферы было чисто и прозрачно, если не

считать пылевых облаков у полюсов эклиптики, да и локаторы земных автоматов-наблюдателей у всех трех планет не отметили метеорных тел. Оставалась еще одна версия — разряд электрического кармана, но и она не выдерживала критики с точки зрения мощности взрыва. Атмосферы Дайсонов были насыщены электричеством, их недра тоже, и острова планет служили как бы изолятором для обкладок колоссального конденсатора. В результате неравномерного распределения проводящих электрический ток пород на островах, в их глубинах образовывались электрические аномалии — карманы, которые иногда спонтанно разряжались: чаще в глубь планет, реже — в атмосферу.

Присутствующие у Хоона не знали результатов обследования места взрыва. Пересвет знал, но не вмешивался в спор. Для него было ясно, что в действие снова вмешался «фактор ДС», потому что никаких электрических аномалий в районе острова Хамфри эксперты не обнаружили, зато по характеру взрыва и остаточной радиоактивности определили, что в этом месте вполне мог быть инициирован разряд МК-баллона: МК-баллон представлял собой миниколлапсер — черную дыру в силовой упаковке, и служил генератором энергии для машин звездного флота человечества.

Утром Никита встретился с Каспаром Гриффитом в резиденции исследовательского центра, занимавшей три помещения Д-комплекса на десятом горизонте, уже более или менее обследованном земными инженерами и учеными. Первое помещение служило приемной, где работали заместители директора и секретарь — у каждого был свой драйв-пульт, и стояла аппаратура киб-анализа и координации работ. Второе помещение занимал директор, а третье — информационно-вычислительный центр, метко названный кем-то из острословов «дум-бункером».

Каспар Гриффит оказался флегматичным здоровяком с безмятежным взором бесцветных глаз, упрятанных под мощные надбровья. Он был одет в точно такой же комбинезон, что и Пересвет, только на рукаве вместо кирки на фоне палатки, эмблемы сектора освоения планет, красовалась эмблема сектора экоэтики — смеющаяся мордочка зайца.

«Каспар Гриффит,— канадец, доктор экологии,— прошелестел в ухе шепоток «Васи».— Сорок семь лет, полгода назад считался без вести пропавшим в экспедиции Славича к Цератопсу—Гамме Рыси. Работал в системах Сириуса, Щита-В, Дзеты Кормы Корабля. Назначен секретарем в Сферу приказом директора Даль-разведки после рекомендации СЭКОНА. Не женат. Осторожен, рассудителен, строго придерживается установленного распорядка жизни.— «Вася» помолчал две секунды и добавил, словно сомневаясь:— Скрытен. Возможно, характер имеет «двойное дно».

Никита усмехнулся в душе. «Вася» был запрограммирован так,

что чуть ли не в каждом человеке подозревал натуру двойственную и коварную.

Гриффит был старожилом, поскольку находился в Сфере уже полгода и знал об ее особенностях больше, чем Пересвет.

Они поговорили об обязанностях агента по освоению, определили круг задач, которые должны были решать совместно, хотя Никита все время чувствовал какую-то неуверенность в поведении собеседника. Наконец он прервал речь и спросил напрямик:

— Вас что-то смущает? Мне кажется, вы все время сомневаетесь. В чем?

— А вас разве ничего не смущает? — ответил вопросом на вопрос Гриффит.— Разве вы не знаете обо всех этих происшествиях на планетах?

— Вы о взрыве на первом Дайсоне?

— И о взрыве тоже.

— А не могли взорвать остров сами дайсы-островитяне?

Доктор экологии вежливо улыбнулся.

— Цивилизации дайсов-островитян, как таковой, не существует, их культура в самом начале пути. Энергопотребление современных аборигенов составляет около двух тысяч калорий в сутки, это уровень земного каменного века.

— Тогда что же там взорвалось?

— Этот вопрос адресуйте соответствующим службам, в Сфере крутятся спасатели и безопасность.— Голос Гриффита остался ровным, но «Вася», не дремлющий ни днем, ни ночью, почему-то счел возможным вставить слово: «хитрит».

Разговор перешел в узкоспециализированную область экоэтики, причем Никите показалось, что его очень квалифицированно и тонко экзаменуют, но так ли было на самом деле, сказать с уверенностью он не мог.

Беседа закончилась напутствием Гриффита «заболеть» красотой природы Дайсонов и взять в проводники специалиста по псиэтике Флоренс Дженнифер.

— Весьма примечательная женщина,— сказал Гриффит, улыбаясь, превратив глаза в щелочки.— Во всех отношениях. Лучшего гида вам не найти. Да и специалист она неплохой, а вам, как квартирьеру, еще придется с ней работать.

Никита хотел сказать, что уже знаком с мисс Дженнифер, но промолчал. Ему стало казаться, что кто-то пытается осторожно «заглянуть в его мысли», хотя «Вася» молчал, да и микроаппаратура экспресс-анализа отмечала лишь обычный пси-фон небольшого скопления людей.

Флоренс на Д-комплексе отыскать не удалось, она в данный момент находилась на третьей планете Сферы, в экспедиции Уве Хоона, но Никита мог попасть туда только через карантин — блок глав-

ной базы, расположенной в переобрудованном помещении первого горизонта Д-комплекса. Пришлось сначала пройти карантинный контроль.

Инспектор, уже освоившийся с техникой первых исследованных горизонтов гигантской станции, поднялся в метро, полюбовался сиянием Сферы и, следуя указателям, нашел блок карантин-контроля.

Помещение блока разделялось прозрачной перегородкой на два кабинета. В первом стояла пирамида автокартотеки и стойка прямого ввода данных, во втором, обрудованном пеномагнитной мебелью, располагались стол-пульт, стационарный диагностер и медицинский комбайн.

Навстречу Никите вышел вежливый молодой человек в голубом полукомби с эмблемой медсектора. Пересвет назвал себя. Дежурный врач набрал шифр на стойке, через несколько секунд получил медицинскую карту инспектора и вставил в щель приема. На панели стойки перемигнулись зеленые огоньки.

— Очень хорошо,— сказал молодой врач.— Никаких противопоказаний к работе в условиях повышенной радиоактивности. Но контроль есть контроль. Пройдите, пожалуйста, сюда.

Никита миновал перегородку, разделся до пояса и встал на ребристую пластину в нише медкомбайна. Свет в комнате погас. В нише зажглись слабые красные линии, оконтуривая протянувшиеся к пациенту манипуляторы с чашечками биодатчиков. Под черепом щекотно «потянуло сквозняком» — включились ультразвуковые сканеры кровеносных сосудов, потом радиопрожектор, физиологические датчики, детекторы нервной нагрузки, анализаторы состояния и прочая мудрая и сложная медицинская техника.

«Вася», лишенный дополнительных рецепторов при снятом костюме, скованный мысленным приказом «сидеть и не рыпаться», а потому сердитый, как человек, которому мешают работать в полную силу, дважды сообщил данные о молодом враче, хранящиеся в оперативной памяти, и замолчал.

Прошла минута. В левом предплечье кольнуло. Никита встревожился. Почему так долго? Что за укол? Обычный анализ состояния длится секунды. Что-то не в порядке со здоровьем? Чушь!

С тихим щелчком манипуляторы втягиваются вглубь машины, вспыхивает свет. Инспектор с облегчением покидает нишу, натягивая рубашку и комбинезон.

— Ну что?

— Норма,— роняет врач.— Вот ваш бланк. Я ввел комплексную прививку, которой хватит на месяц. Через месяц, если вы еще будете здесь работать и ничего не случится, повторим процедуру.

— Что за прививка? У меня общая АВБ.

— Стимулятор компенсации кислорода и газообмена и антира-

диационная сыворотка. Изотопный состав атмосферы планет Сферы отличен от земного. Всего вам доброго.

— И это все? — разочарованно спросил Никита.

Врач рассмеялся.

— Вам одного укола мало? Могу добавить. В атмосфере Дайсонов гибнут все без исключения бактерии-симбионты человеческого тела, а остальных микробов, несущих болезни, я добил. Теперь вы безопасны для жизни планет... если только не станете хвататься за оружие без надобности.

Пересвет улыбнулся в ответ и покинул карантин-блок.

Переход с основной базы в лагерь археонавтов на Дайсоне-3 был несложен: вошел в кабину метро и вышел из такой же кабины уже на поверхности планеты, поэтому полюбоваться ландшафтом с высоты не удалось.

Его никто не встречал. Рабочий день в лагере уже начался, и все работники занимались своими делами. Однако не успел инспектор выйти в кольцевой коридор, опоясывающий ядро базы — диспетчерский пункт, административно-хозяйственные службы, метро, управленческий аппарат с кабинетом директора,— как навстречу из двери диспетчерской вышел старый знакомый, пограничник из отряда Пинаева, Мухаммед бин Салих. Пересвет поздоровался первым, отметив, что простодушное удивление Салиха — не более, чем маска. Если первая их встреча на Д-комплексе могла быть случайной, то вторая «случайность» исключалась: Салиху, по «легенде»— инженеру похода, нечего было делать в лагере археонавтов.

Никита почувствовал досаду и неуютное, раздражающее ощущение несоответствия своего положения реальному раскладу сил: пограничники Пинаева, расследуя происшествия в Сфере, заподозрили новенького, хотя к этому не было никаких причин. За два дня Никита не мог раскрыться, каждый вечер он анализировал происшедшие за день события и свое поведение и не обнаружил ни одного прокола. Даже пси-зондирование в комнате Уве Хоона он выдержал без особого напряжения. Ситуация складывалась забавная и не предусмотренная прогнозом: агента отдела безопасности с особыми полномочиями решил прощупать офицер погранслужбы, не зная, что он выполняет аналогичное задание, только на другом уровне. «Хотя,— мелькнула мысль,— может быть, это просто самодеятельность Салиха?»

— Мир тесен,— произнес, улыбаясь одними губами, Салих.— Добрый день, квартирьер. Вы уже приступили к детальному анализу суши?

— Только собираюсь,— сдержанно ответил Пересвет.— Решил пощупать планету своими руками, прежде чем начинать работу. К тому же, мне сообщили, что вчера произошел взрыв на одном из здешних островов, любопытно было бы взглянуть и поговорить с эк-

спертами. Будет весьма неприятно, если мы заселим острова, а они начнут взрываться.

— Не завидую вашей специальности, степень ответственности где-то у предельной черты. То ли дело — инженер похода, ответственность в два раза ниже.

Никита усмехнулся.

— Не преувеличивайте, вы тоже отвечаете за жизнь людей в походе, как и любой член экипажа. Подскажите, где здесь можно разжиться машиной и проводником?

— Мог бы и я послужить проводником, но увы, спешу. А машину вы найдете в эллинге, база имеет дежурный резерв. До новых встреч.

Салих, пригладив черные волосы, исчез за поворотом коридора. Инспектор пошел своей дорогой, продолжая размышлять о встрече. Не нравилось ему поведение пинаевского работника, уж очень тот был бесплотен, неощутим психологически, словно не живой человек, а тень отца Гамлета. С одной стороны, загадочность натуры — вещь неплохая, недаром она обладает притягательной силой, особенно для женщин, но с другой — пограничнику следовало бы не выпячивать свою незаурядность, иногда это мешает делу, особенно в работе с людьми.

Пересвет миновал тамбур с приставкой карантин-контроля и вышел в день Дайсона-1.

Сначала его оглушила, сбив дыхание, странная смесь сладких и кисло-острых запахов: кипрей, клевер, полынь, аммиак, окись азота и озон. Потом показалось, что он оглох: тишина стояла, как в вакууме — по первому впечатлению.

Дайя — ослепительный розовый пузырь — висела почти в зените, окрашивая небо в нежно-розовый цвет. Западная часть небосклона скрывалась за грядой высоких, кипенно-белых с перламутровыми прожилками облаков.

Холмистая равнина уходила на север до горизонта, на юге она переходила в плато и заканчивалась грядой невысоких скал, а с запада и с востока начинались знаменитые черно-золотые вудволловые леса: черное — стволы-стены, золотое — шапки пуха, заменяющего листья.

База — комплекс из четырех серебристых параллелепипедов без всяких выступов и отверстий, соединенных квадратными трубами переходов,— стояла на вершине пологого холма, поросшего густой и желтой пух-травой. Почва холма была зеленовато-серой. Кое-где в траве посверкивали пятна изморози, на первый взгляд, но при рассмотрении вблизи «изморозь» оказалась языками лишайниковидного растения с тонким рельефным рисунком. Возле стен базы буйно разрослись оранжевые перья гриботравы, привлеченной избытком тепла и запахом чужеродных образований.

Над инспектором пролетело что-то невероятно красивое, радужное, размером с крупного орла, покружило на небольшой высоте и полетело дальше, едва шевеля округлыми крыльями, напоминающими большие плавники. Радужный виброкрыл, определил Никита, «бабочка» Дайсонов, вернее, «комар». Укус виброкрыла вызывал у человека нечто вроде приступа эйфории, состояние блаженных грез, притупляя мыслительные процессы, и уже были случаи, когда виброкрылов использовали для индустрии наслаждений намеренно.

На всех трех планетах Сферы сохранились остатки сооружений и городов древней расы, построившей эту колоссальную энергосистему, но на Дайсоне-1, кроме всего прочего, был обнаружен древний космодром с одним-единственным звездолетом, именно поэтому базу археонавтов расположили на первом Дайсоне, хотя отряды археонавтов работали и на других планетах.

Отойдя на сто шагов от строений базы, Никита оглянулся. У левого крыла ближайшего здания грузился белый куттер. Рядом киб-ремонтники возились с наполовину разобранным пинассом, еще один пинасс парил над базой.

Тихие голоса людей, шелест травы под ногами, далекое тенькание — вот и все звуки. Тишина владела островом, океаном, всей планетой, великая тишина мирной жизни. Взрыв острова не вписывался в концепцию спокойного, размеренного бытия планеты, он был лишним, инородным и по логике не принадлежал неразумной природе.

Никита спустился с холма в долину. При каждом шаге с травы срывался рой электрических искр и оседал на башмаках. Воздух тоже был насыщен электричеством, кожу на щеках и веках чуть пощипывало при ходьбе.

Обычных для Земли насекомых на мирах Дайсона не водилось. Виброкрыл напоминал комаров и других земных кровососущих тварей только функционально, как и змееноги — гусениц или маммофаги — червей. Царство фауны дайсоновских планет оказалось довольно обширным и разнообразным, хотя земные системологи и филогенетики разобрались с их жизнью не сразу, потому что многих существ можно было отнести в равной мере и к животным, и к растениям. Таксонометрические категории, используемые учеными на Земле и ряде других планет, где была обнаружена жизнь, оказались непригодными для определения царств, подцарств, видов и отрядов фауны и флоры планет Сферы. К тому же на жизнь планет Сферы наложила отпечаток высокая электризация воздуха: почти все живые существа имели электрические органы, действие которых было еще не до конца изучено.

Никита принюхался: спектр запахов стал иным, видимо, аппарат обоняния уже адаптировался и не реагировал болезненно остро на

незнакомые радикалы. Преобладающими стали запах озона и горьковато-нежный аромат маттиолы.

«Вася», молчавший до этого момента, пробудился и выдал двадцать семь наименований пахучих веществ, составляющих общий фон запахов здешних мест. Потом предупредил об электрических карманах, которые инспектор обошел на почтительном расстоянии.

Вспугнув змеенога, Пересвет подошел к лесу и окунулся в его угрюмую тень. Но если у кого-то при слове «лес» перед мысленным взором предстал земной бор, березовая роща или джунгли, то он далек от той картины, которую представляет собой вудволловый лес.

Одиночный вудволл больше всего напоминает сросток неровных стен разной толщины — от дециметра до метра, разной длины — от двух до тридцати-сорока и высотой до шестидесяти метров. Стены по верхней кромке обросли золотистым ворсом — это листва вудволла. Кое-где бороды «листвы» спускаются по стене почти до ее основания, но цвет ее при этом переходит в пепельно-серый. И по всем черным плоскостям «ствола» вудволла разбросаны странные наросты с вкраплениями рубиновых кристаллов, разбрызгивающих алые лучики по атласно-черной коре дерева. Но это одиночный вудволл, явление, по отчетам исследователей, очень редкое. Обычно вудволлы растут группами, рощами, в самой маленькой из которых как минимум шесть-семь деревьев.

А вудволловый лес — это почти непроходимые «заросли» из черных стен, перегородок, перепонок, сросшихся в шеренги, лабиринты, «беседки», «хижины» и «дворцы» без крыш, с редкими окнами-провалами и дверями-дырами...

Кора у вудволла бархатистая, теплая на ощупь, с тонким муаровым рисунком, напоминающим загадочные письмена, и если приложить ухо к боку исполина, можно уловить медленную пульсацию его сердца, гонящего кровь-гемолимфу на высоту в десятки метров.

Никита прижался к дереву щекой.

«Температура вудволла сорок градусов по Цельсию,— с готовностью доложил «Вася».— По данным биологов, он имеет подобие нервной системы и центральный нервный узел в комле на глубине трех метров. Кстати, отмечаю повышение пси-фона».

Пересвет и сам чувствовал мысленное эхо, присутствие живой громады, заполнявшей все пространство вокруг, но это было просто психологическое давление исполинского вудволлового леса, в котором человек казался самому себе ничтожнее букашки...

Инспектор углубился в лес, похожий на развалины какого-то апокалиптического города-храма. Микроклимат в лесу был иным, чем на равнине, температура — градусов на десять выше, к тому же повысилась концентрация горьких примесей в воздухе. Подлеска, кустов и побегов молодых вудволлов не было видно, их не обнару-

жила в лесах всех трех Дайсонов ни одна экспедиция, а большинство исследованных деревьев имело возраст не менее тысячи лет.

«Долгожители,— подумал Никита.— Интересно, не окажется ли сок-кровь вудволла долгожданным эликсиром бессмертия? Ведь если он живет так долго, то в крови его должны быть вещества, способствующие долголетию и регенерации. Может быть, биологи уже проверили эту мысль?»

Он выбрался из зарослей и побрел к базе, контрастирующей земным обликом с фоном дайсонианского ландшафта. Показав диспетчеру сертификат агента по освоению планет, взял пинасс из резерва базы, покружил над ней и направил каплевидный аппарат на юг, к горной стране на горизонте. Горы здесь, конечно, горами назвать можно было только условно, с натяжкой; самые высокие из них больше напоминали скалистые холмы высотой метров в семьсот.

Большой остров сверху походил на четырехпалую ладонь. Самым примечательным сооружением древних дайсониан на нем была «Баальбекская веранда», квадратный плоский стол со стороной в два километра, сложенный из громадных каменных блоков. Назначение веранды оставалось невыясненным до сих пор, так как единственное разумное объяснение — древний космодром — отпадало по той простой причине, что у дайсониан не было ракетного флота.

От веранды начиналась изъеденная временем дорога, а может быть, и оборонительная стена высотой в двадцать пять метров и шириной с улицу древнего земного города типа Москвы. Пересвет вспомнил земные скансены *— Торжок, Суздаль, Вщиж, Тверь — и подумал, что сооружения дайсониан тоже напоминают музеи под открытым небом, причем на редкость хорошо сохранившиеся, если вспомнить, что возраст самых «молодых» из них превышает десять тысяч лет!

Никита остановил аппарат над стеной, потом выбрался из кабины, пробуя прочность покрытия башмаком. Материал стены, мутный, зеленый, как старинное бутылочное стекло, не походил на горную породу. «Кремнийорганическое соединение с примесями солей бора,— сообщил «Вася» коротко и тут же добавил: — За нами следят».

Никита незаметно осмотрелся и в шести километрах за вудволловой рощей обнаружил трехместный пинасс в тень-окрасе. Неподготовленный человек вряд ли заметил бы его на таком расстоянии, но Пересвет знал, как и что искать. На смену ожиданию встреч с чудесами чужой природы пришло сожаление и досада, очарование таинственного, незнакомого мира ушло. Никита впервые пожалел, что находится в Сфере не как исследователь, первооткрыватель, а как инспектор безопасности УАСС.

---

* Музей под открытым небом.

Велев киб-пилоту следовать изгибом оборонительной стены, он некоторое время следил за действиями неизвестных наблюдателей — те оставались на месте,— а потом переключил внимание на разворачивающийся под аппаратом пейзаж, хотя ему очень хотелось узнать, кто за ним следит и с какой целью.

«Черт с ними,— сказал «Вася»,— узнаем позже, я запомнил отличительные особенности пинасса».

Оси вращения всех трех планет Сферы были почти перпендикулярны плоскости орбиты, к тому же Дайсоны вращались вокруг Дайи и вокруг собственной оси в одном направлении, по часовой стрелке, с одинаковой угловой скоростью, поэтому планеты имели всего две климатические зоны — Южную и Северную, медленно, в течение шести лет, сменявшие друг друга. В Южной зоне все время стоит день-лето, в Северной — ночь-зима. Но благодаря широтной конверции и ровным тропосферным ветрам температуры зон отличаются незначительно: максимальная температура Юга — плюс двадцать восемь градусов, минимальная температура Севера — плюс восемь градусов по Цельсию.

Никита находился на Юге Дайсона-1, примерно на пятой параллели, где температура воздуха держалась на уровне двадцати градусов.

Стена внизу вскоре снизилась, измельчала, пока не превратилась в «пунктир» — отдельно сохранившиеся участки по сто метров длиной, а потом и вовсе исчезла в складках минигорной страны. Никита поднял пинасс повыше и увидел желтую блещущую «твердь» океана, в которую обрывались скалы-горы плато. Пухтрава и гриботрава здесь не росли, лишь изредка глаз натыкался на красноватые подушки летающего мха, отмеченные яркими колокольчиками спороносов.

Никита сориентировался и направил полет к Верхнему полюсу, включив форсаж. Неизвестные наблюдатели не рискнули сопровождать его в открытую.

Через четверть часа на горизонте появилась темная полоска, вскоре она распалась на цепочку островов. Где-то среди них находился взорванный остров Хамфри, на котором нашли потерявшего и память, и человеческое «я» Нормана.

Пересвет снизил скорость, раздумывая, стоит ли привлекать к себе внимание работающих здесь экспертов из отряда Калчевой, но пока он раздумывал, его заметили. На крохотной панели аппарата замигал голубой огонек вызова, инспектор мысленно включил рацию.

— Пилот белого пинасса, остановитесь, вы вошли в запретную зону. Сообщите полномочия.

— Кто спрашивает?

— Михай Мориц, командир звена УАСС.

— Я Никита Пересвет, инспектор по освоению. Где вас можно отыскать?

— Левее по курсу, второй остров с озером посередине, увидите палатки.

Никита нашел указанный остров, напоминающий земной атолл с лагуной в центре, и сел возле городка ослепительно-белых тетраэдров лагеря экспертов УАСС.

Мориц встретил его у стреловидного нефа формулы ПК, способного самостоятельно выходить в космос. Такие мощные и одновременно малогабаритные машины использовались только спасательной службой, Даль-разведка в них не нуждалась.

— Что вас привело именно сюда, инспектор?

На сей раз Мориц не показался Никите изнеженно-женственным, как при первой встрече у Хоона. Рука у командира звена была хрупкой только на вид.

— С завтрашнего дня я начинаю составлять карты заселения,— сказал Никита.— А сегодня решил совершить пробную прогулку. Вы же понимаете, что меня не может не волновать взрыв острова. Если после заселения Сферы начнут взрываться острова под поселками и базами...

— До сих пор не взрывались. Случай странный...— Мориц снял шлемофон, и ветер взметнул его длинные волнистые волосы так, что вокруг них вспыхнул ореол электрических искр.— К тому же заселение Сферы весьма проблематично.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил Никита.— Причины взрыва уже известны?

— Пойдемте покажу вам это место сверху,— уклонился от ответа спасатель.

Они влезли в кабину нефа и поднялись в воздух.

Взорвавшийся остров напоминал чью-то челюсть, от него осталась только цепочка клыков-скал, бликующих оплавленной пленкой глазури.

Помолчали. Мориц развернул машину и облетел весь архипелаг, состоящий из семи островов, три из которых заросли вудволловым лесом. На самом большом острове из леса вырастал тонкий шпиль мечети дайсов.

Издалека прилетел тонкий перезвон, словно заговорили небольшие колокола церкви.

Мориц посмотрел на часы.

— Час молитвы. На трех островах есть поселения дайсов, через каждые тридцать часов они собираются вокруг мечетей и молча сидят в течение часа.

— Общаются?

— Кто знает? Языка у них нет, то есть они не разговаривают, как мы с вами. Самое интересное, что мечети не пустые, внутри за-

точены интересные существа — бхихоры, полурастения—полуживотные, представляющие самостоятельный класс царства зоофитов; сидят, как в клетке...

— Почему заточены? — поинтересовался Никита.— Разве мечети не имеют входа-выхода?

— В том-то и дело. Мечеть — это ажурная конструкция из костей-досок вудволла, она полая внутри, как клетка. Коммуникаторы назвали эти действия островитян культом бхихора, но никто не знает, за что дайсы чтят бхихоров подобным образом.

Неф снова прошелся над остатками острова Хамфри. По одной из скал ползали люди в оранжевых комбинезонах, сквозь толщу воды был виден диск подводного аппарата и рядом — еще четверо в скафандрах.

— И все же,-- нарушил молчание Пересвет,— что здесь произошло? Почему остров взорвался? Это ведь на нем нашли... э-э, работника отдела коммуникации Нормана Хамфри?

— Да,— сухо сказал Мориц, разворачивая аппарат к лагерю.— Но причины взрыва еще анализируются. Единственное, что я могу сказать, не рискуя выдать тайну расследования, взрыв не принадлежит к естественным природным процессам, характерным для Дайсонов.

Никита с интересом посмотрел на профиль собеседника: Мориц открывался с иной, жесткой стороны. Он умел казаться изнеженно-томным, «аристократически» снисходительным, как в кают-компании у Хоона, и волевым, независимым, откровенно суровым. В юноше чувствовалась хватка незаурядного руководителя.

Пересвет еще немного полюбовался в бинокль на застывших вокруг мечети дайсов, похожих на обросшие мехом валуны с глазами, и Мориц повел неф к лагерю.

Прощаясь, инспектор заметил, что молодой командир звена вертит в пальцах знакомый перстень: точно такой же красовался на пальце Флоренс Дженнифер.

— Любопытная штучка. Я уже видел один такой.

Мориц подкинул в ладони перстень, камень сверкнул голубым и зеленым.

— Их нашли на втором Дайсоне в Северной зоне, около двух десятков. С ними связана интересная загадка: многие пробовали надевать, и я в том числе, но тут же снимали. Они какие-то... неудобные, что ли, холодные, как лед, и пальцы натирают, а Флоренс — помните? — носит и хоть бы что! Но эстетика перстней не имеет аналогов. Вообще, насколько я уже вошел в курс дела, все, что создали древние дайсониане, будь то машины, архитектурные сооружения или предметы искусства — в высшей степени совершенно!

Никита сел в свой пинасс и через полчаса ураганного полета прибыл на базу археонавтов.

Какой-то аппарат попытался увязаться за ним в пределах видимости, но отстал.

В диспетчерском пункте базы Пересвет оставил записку Флоренс Дженнифер, что ждет ее вечером в кают-компании, и вернулся на Д-комплекс. Слова Морица о совершенстве техники дайсониан не шли из головы, была в них притягивающая сила и тайна, и Никита, переодевшись в своей каюте, направился в музей или, как его называли исследователи, «культур-отстойник», в котором найденные на планетах драгоценные раритеты, памятники искусства и культуры строителей Сферы проходили первое обследование специалистами.

Музей занимал четыре помещения на внешнем горизонте Д-комплекса, там же, где располагались административные и научные отделы исследовательского центра.

Первые три помещения, узкие и длинные, служили складом экспонатов, четвертое — лабораторией с аппаратурой анализа и обработки данных. Музей был открыт круглосуточно.

Никита медленно прошелся вдоль стеллажей с экспонатами в первом зале, в котором хранились предметы культуры и искусства: странные статуэтки, сосуды, обломки скульптур, в том числе и перстни, найденные Уве Хооном. Во втором зале помещались останки машин и механизмов, многие из которых имели вид только что сошедших с конвейера, а третий был полон предметов невыясненного назначения.

Никита остановился возле первого бокса и с любопытством прочитал табличку на прозрачной стенке: «Клеймор».

На полу бокса стояла на торце, ни на что видимое не опираясь, гигантская — метра два в высоту — «бритва» из какого-то желто-серого металла или сплава. «Клеймор» имел вид именно старинного земного бритвенного лезвия, как на первый взгляд, так и на второй.

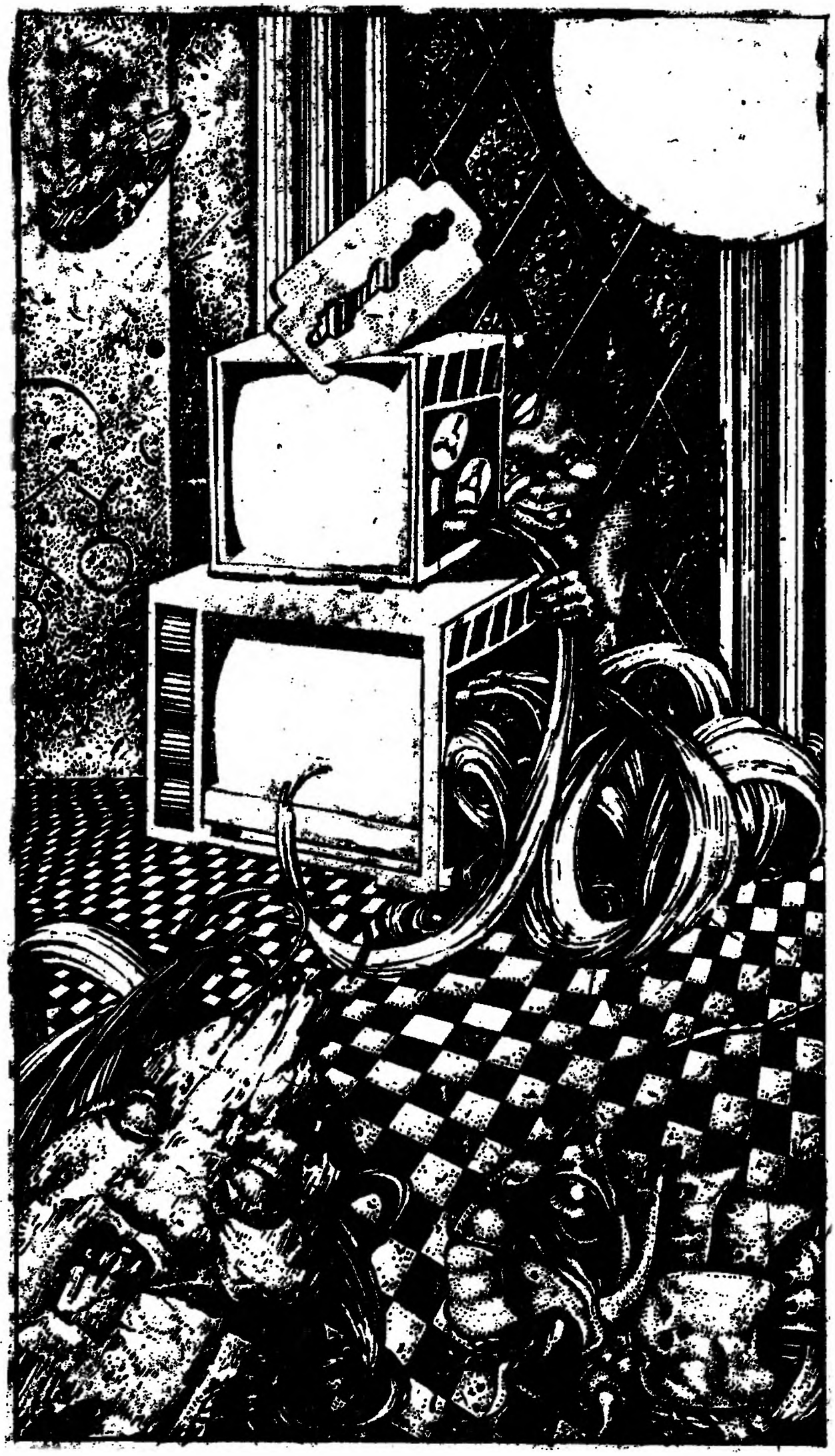
— Любуетесь? — обратился к инспектору пожилой мужчина с эмблемой археонавта на рукаве, доселе исподтишка за ним наблюдавший.

Никита оглянулся.

— Любопытная штуковина. Клеймором ее назвали, очевидно, в шутку?

Пожилой сморщил лоб в улыбке. «Лука Захаров,— шепнул «Вася».— Археоэксперт, пятьдесят три года, семь экспедиций, три монографии о культуре Зоо».

— Шутников у нас хватает. Клеймор — это обоюдоострый кельтский меч, так что по названиям можете судить и о наличии иронии и юмора. Материал клеймора — бериллиевая бронза, и ни следа коррозии! Древние дайсониане использовали методы биоконсервации за десять тысяч лет до нашего рождения.



Перешли к следующему боксу. «Робот-универсал».

Чудище непонятной формы с десятком гофрированных шлангов-щупалец и пятью выпуклыми глазами.

— Внутри обнаружили нечто вроде потухшего электронно-кристаллического мозга и обширной нервной системы,— опять пояснил гид,— но функциональные характеристики этого монстра остались невыясненными.

Полуметровый серый куб, изъеденный крупными порами, похожий на блок из сипорекса — древнего земного пористого бетона. «Водяной». Почему «водяной»?

— Стоит к нему приблизиться вплотную — он превращается в фигуру, напоминающую корягу.— Эксперт заулыбался.— Кто-то увидел в коряге сказочный персонаж. Показать?

— В другой раз. Начинку изучили?

— Внутри куба нет никакой начинки — один сплошной кусок студня, желе, не поймешь даже, живое оно или нет. Но биологи отказались признать его живым.

Прошли мимо дерева с неуловимо строгой нерегулярностью расположения металлических на вид ветвей, под деревом была табличка с надписью: «Фракталь».

Клубок черных шлангов: «Осьминог».

Невероятно изогнутый лист из голубого материала с надписью: «Топологическая развертка желудка типичного археонавта». И еще десятки странных предметов, не имеющих иных аналогий среди земной техники, кроме языково-терминологических.

— Вас как зовут? — Пожилой эксперт, вероятно, был рад случайному посетителю музея и не хотел быстро прощаться с должностью экскурсовода.— Пойдемте покажу коллекцию машин, сохранившихся полностью, не фрагментарно.

В торце зала оказалась еще одна дверь, взору представилось обширное помещение с прозрачными клетками, внутри которых находились машины и аппараты, соответствующие поясняющим табличкам. Даже на глаз эти механизмы вызывали восхищение гармоничностью и совершенством, несмотря на то, что разрабатывались существами, чей облик был далек от человеческого.

Захаров по лицу Никиты понял, о чем он подумал.

— Экоперты тоже все эти аппараты отнесли к классу совершенных. Существуют пределы совершенствования технических устройств, за которыми дальнейшие доработки нецелесообразны, ибо не улучшают характеристик устройства и его эстетического вида. Например, чувствительность аппаратуры при этом определяется лишь естественными шумами самих источников, а не недостатками прибора. Так вот, древние дайсониане этих пределов достигли.

Никита кивнул, соглашаясь.

Остановились возле пульта: изящное кресло, предназначенное явно не для человека, соединенное в одно целое с черной матовой доской, с группой цветных квадратов (сенсорная клавиатура?), усами с черными каплями на концах (микрофоны?) и с коричневыми дисками «наушников». Судя по конфигурации всех элементов «пульта», у существа, работавшего за ним, голова была гораздо больше седалища.

«Устройство адаптивного контроля» — рогатый зеленый шар, похожий на подводную мину середины двадцатого века.

— Применялось дайсонианами для выращивания биомеханических систем и регуляторов третьего класса,— сказал разговорившийся Захаров.— Диапазон применения практически неограничен. Почти все автоматы обслуживания Д-комплекса выращены с его помощью.

Никита вспомнил электрическую «медузу», встреченную им в первой вылазке в глубины дайсонианской станции.

«Передатчик материи».

Грушевидная белая кабина, дверь в нее по контуру напоминает гриб боровик. Внутри — не то металлический куст, не то проросшее кресло.

— По принципу действия — наше метро, но дайсониане использовали другие диапазоны частот. Энергопитатель, конечно, отсутствует. Мы нашли всего пять уцелевших кабин и несколько обломков, причем все — на одном острове Дайсона-2. Уве предложил гипотезу, что дайсонианские метро, названные прыг-скоками, не вышли из стадии экспериментальной проверки, но это противоречит остальным фактам. Во-первых, Д-комплекс напичкан устройствами подобного рода, хотя они и совершеннее найденных, во-вторых, [illegible] мгновенного перемещения в пространстве невозможно было б[illegible] построить такую махину, как Сфера.

Подошли к посл[illegible]му боксу с надписью «Летательный аппарат». На полу стояла [illegible]ранная асимметричная конструкция, соединяющая тора с двумя [illegible]локалиберными конусами. С виду аппарат мало походил на летательный, хотя все его обводы были геометрически правильны и [illegible]вно переходили из фигуры в фигуру. Но чем больше инспектор рассматривал аппарат, тем сильнее ему казалось, что тот незавершен, недостроен.

— Чего-то ему не хватает,— пробормотал Никита, приблизив лицо к прозрачному листу пластика.— Или я ошибаюсь?

— Интуиция у вас чисто инженерная,— с одобрением проговорил Захаров.— Дело в том, что все летательные аппараты дайсониан обладали свойством изоморфии — в широком диапазоне могли преобразовывать форму корпуса для движения в любых средах. Этот аппарат застыл в момент перехода, когда у него закончилась энергия. Кабина — в большем конусе, там вполне мо-

жет уместиться экипаж из двух человек. Сколько вмещалось дайсониан — неизвестно.

У Никиты внезапно пропал интерес к технике аборигенов, к тому же замечание собеседника о «чисто инженерной» интуиции заставило его вспомнить, что он эколог, а не инженер и ему следовало бы меньше интересоваться техникой древних строителей Сферы, а тем более разбираться в ней.

Попрощавшись с Захаровым, Пересвет опустился на десятый горизонт, зашел в приемную директора и записался на прием на девять вечера.

СФЕРА ДАЙСОНА, ВТОРАЯ ПЛАНЕТА СИСТЕМЫ

Второго января по ТФ-каналу прибыл первый комплекс адаптивной робототехники «Аргус». За три дня бригада инженеров проверила его в работе, и шестого января он был десантирован на Дайсон-2, в район Большого Возмущения, единственное место на планете, где практически отсутствовало статическое электричество.

«Аргус» представляет собой модуль-матку и сорок самостоятельных роботов сбора информации, способных видоизменяться в зависимости от внешних условий, но подчиняющихся единому мозгу — хозяину комплекса. «Аргус» также может самостоятельно изменять программу исследований в пределах действия закона минимального причинения ущерба окружающей среде и не нуждается в уходе.

Комплекс исправно отработал четыре дня, ежесуточно посылая полученную информацию в центр, а потом замолчал. На вторые сутки молчания в район Большого Возмущения был послан кибернетик, ответственный за работу подобных систем, и обнаружил «Аргус» в состоянии «умопомрачения»: роботы-«руки» комплекса методично уничтожали вудволлову рощу, какие-то развалины и друг друга. Один из островов был превращен ими в дымящийся кратер, второй — в гладкий монолит. Модуль-матка взирала на бессмысленное уничтожение с равнодушием автомата, лишенного интеллектронного мозга.

Кибернетика к себе она не подпустила, а когда тот решил применить силу, один из уцелевших роботов комплекса полоснул по куттеру лазерным лучом.

Кибернетик остался жив и смог вызвать бригаду коллег, но лишь через сутки им удалось пробиться внутрь «Аргуса», чтобы потом в недоумении развести руками: программа работы комплекса была стерта, а его мозг превратился в конгломерат антагонирующих систем.

Причин возникновения ситуации выяснить не удалось.

ЖДАН ПИНАЕВ

Топливно-ресурсная база ТРБ-2 была реперной, основной для Дайсона-2, и обслуживала наземные лагеря и базы исследовательских экспедиций на планете.

База была подвешена над Северной Климатической зоной планеты на высоте трех тысяч километров и представляла собой полукиломе́тровый цилиндр, сложенный из «блинов», каждый «блин» — отсек со своим оборудованием, катапультой, ангаром и обслуживающим персоналом. С центром база соединялась местной линией метро, как и с другими реперными базами, разбросанными по всей системе Сферы.

Авария произошла во втором от торца цилиндра секторе, секторе крупнотоннажного транспорта, основной единицей которого были десантные шлюпы типа «Коракл»: высота сорок пять метров, диаметр кормы семь и восемь, масса восемьсот двадцать тонн, дедвейт * пятьсот сорок тонн. При стыковке с базой один из шлюпов вдруг повело в сторону от курса, он врезался в защитное ограждение отсека и взорвался. Взрыв уничтожил посадочную ферму со всей ее автоматикой, часть обшивки сектора и сам шлюп, кроме аварийной посадочной капсулы, в которой при вскрытии обнаружили... полуживого дайса-островитянина!

Пинаев прибыл на базу, когда эксперты поисково-спасательного патруля из группы Калчевой уже закончили предварительный анализ причин аварии. Ждан ознакомился с выводами комиссии и понял, что авария достаточно неординарна и подтверждает мнение начальника отдела безопасности Калашникова о «деятельности Сатаны». Она была неординарна уже тем, что погибших и без вести пропавших в результате не оказалось, хотя шлюпом кто-то управлял. Но кто был пилотом и куда он подевался, дознаться не удалось. А дайс-островитянин не смог бы управлять шлюпом уже потому, что управление «Кораклами» рассчитывалось на био- и пси-характеристики людей, а не электрических животных с зачатками разума.

На третий день после очередного оперативного совещания у директора центра Пинаев, не имея особого плана на утро, отправился на ТРБ-2.

База работала круглосуточно, потому что техника требовалась исследовательским отрядам постоянно: у половины групп и экспедиций распорядок дня совпадал с периодом ночи центра.

Сектор крупнотоннажного транспорта, в котором произошла авария, уже функционировал: обшивку корпуса в месте взрыва залатали, обрудование подъемника с манипуляторами и посадочной фермой заменили. Пинаев прошелся по ангару резервных шлюпов,

---

* Полная грузоподъемность

разглядывая синеватые, глянцевые призматические тела «Кораклов». В ангаре стояли четыре шлюпа, три — полностью готовые к вылету, у четвертого возились инженеры похода в серых комбинезонах с нашивками техслужбы Даль-разведки. Гудели вентиляторы; механизмы, похожие на безголовых обезьян, разбирали гору контейнеров, перезванивались летающие платформы гравикранов с гибкими хоботами захватов. По ангару плыли запахи металла, пластика, горьковатого дыма от матричных соединителей.

Пролом в корпусе Пинаев обнаружил за гофрированным кожухом подъемника, в причальном отсеке. Пролом был заделан серебристым листом гермопластика и укреплен временным ребром жесткости.

В отсеке было холодно. В рабочей зоне с получасовым интервалом садились и взлетали башни «Кораклов», поддерживаемые невидимыми силовыми подушками стыковки и финиша. Отсек здесь разверзался в пространство гигантским зевом, перекрытым силовой пленкой, и непосредственно в зоне царила невесомость.

Пинаев побродил за решеткой наблюдательного балкона, пытаясь представить причину, по которой мог взорваться шлюп типа «Коракл», но фантазия была вялой, истощенной двумя днями непрерывной работы с экспертами. Если автоматика посадки и стыковки отсека работала в момент аварии нормально, как оно и было в действительности, то ничего не должно было случиться. Причина таким образом находилась внутри шлюпа, хотя записи «черного ящика», блока регистрации параметров жизнеобеспечения корабля, уцелевшего вместе с капсулой безопасности, ничего существенного не добавили.

Внезапно свет Сферы, льющийся в отсек через зев финиш-створа, мигнул. Пинаев остановился. Снова на краткий миг погасло жемчужное сияние Сферы, затем свет начал мигать с интервалом в три секунды, словно кто-то включал и выключал светильник. Люди под куполом отсека и в кабинках управления продолжали работать, как ни в чем не бывало. Через минуту Сфера погасла совсем. В отсеке зажглись светопанели. Никто не таращился в темноту пространства и не изумлялся, работа продолжалась в прежнем темпе. Лишь Пинаев, впервые присутствующий при появлении «эффекта световой судороги» Сферы, жадно высматривал неизвестно что в черном провале.

Конечно, он знал, в чем дело. Нормальным рабочим состоянием Сферы было поглощение света центральной звезды. Оболочка Сферы имела механизмы аккумуляции электромагнитного излучения, которые по логике должны были работать постоянно, однако по статистическим данным цикл поглощения превышал цикл отражения лишь вдвое, из-за чего уровень излучения внутри Сферы был на порядок выше, чем вне ее. Этот факт в свою очередь позволял биоло-

гам предположить, что именно возросший фон радиации ускорил мутационные процессы в биосферах планет, и у дайсов появились зачатки разума. Правда, по другой гипотезе дайсы были деградировавшими потомками строителей Сферы...

Пинаев выбрался в осевой коридор, пронизывающий весь цилиндр базы. Можно было взять модуль-кресло или автономный «пузырь» для работы в открытом космосе, облететь базу, взглянуть на место происшествия извне и мысленно представить аварию в натуре, ибо количественные характеристики были уже известны: вектор движения, масса, скорость, тормозной путь, пространство маневра,— но Пинаев не верил в свои способности предсказателя. Побродив возле кабинетов технического руководства базы, он с тоски решил было зайти к директору и поинтересоваться отношением непосредственных участников события к аварии, выслушать его версию происшествия, но в этот момент в ухе пискнул вызов «микро». Это был Ираклий Валаштаян из тройки Мухаммеда бин Салиха.

— Ждан, я в блоке «сорок» энергозоны, зайди на минуту.

Энергозоной базы, где располагался стандартный полевой кварк-реактор и генератор тяготения, служил торцевой «блин» ее цилиндрического тела. Пинаев нашел люк с цифрой сорок и влез сквозь горловину в тесное кубическое помещение со встроенными в стены шкафами ЗИПов. Валаштаян, занимавший половину объема блока, вжался в угол, рискуя раздавить шкафы. Он был заметно взволнован, несмотря на железное самообладание и умение владеть мимикой.

— Что случилось? — осведомился Пинаев.— Зачем тебе понадобилось прятаться в этом ящике?

— На меня напали,— глухо ответил Валаштаян.

— Что?! Кто и когда?

Гигант протянул руку вперед, в его могучей ладони лежал странный изогнутый предмет, напоминавший макет синусоиды, выполненный из серой полированной древесины. Пинаев не сразу узнал в «синусоиде» оружие дайсов, в обиходе археонавтов его называли бумерангом по-дайсониански.

— Как это произошло?

— Два часа назад я влез сдуру на «вепря», и этот дикий дайсонианский лифт выбросил меня где-то на уровне двухсотого горизонта по оси Д-комплекса...

Картина вырисовывалась такая: Валаштаян сгоряча решил снова воспользоваться «вепрем» в надежде, что тот выбросит его поближе к транспортным линиям землян, но тут услышал необычные звуки: попискивание и тихий, но отчетливый скрип. Звуки доносились из коридора, заполненного осязаемо плотным мраком. Ираклий бесшумно проскользнул в коридор, с минуту двигался вслепую, потом мрак поредел и в неверном коричневом свете — здесь коридор освещался инфракрасным источником — показались движущиеся фигу-

ры: одна человеческая и две — роботов универсального использования. Они выкладывали на полу какой-то геометрический узор из черных дисков, соединяя их кабелем или нитью.

Валаштаян, неплохо видевший в инфракрасном диапазоне, собрался было заснять сцену на кристалл, но удар в голову свалил его на пол.

— Очнулся у «вепря», на голове шишка, рядом — эта штука.— Ираклий подкинул в руке бумеранг.— Попытался снова найти то место, но это был уже другой горизонт.— Пограничник помялся.— Понимаешь... мне показалось... может быть, это результат удара... но тот человек, раскладывающий «пасьянс» в коридоре, показался мне знакомым.

— Вот как? И кого он напомнил?

Валаштаян снова замялся.

— Это кто-то из наших. Но кто именно... И все же я где-то видел его, точно.

— Все?

— Нет. Всего несколько минут назад там, где на меня напали, произошел взрыв.

— Почему же не прошел сигнал тревоги?!

— Там еще не установлены наши следящие устройства, взрыв был идентифицирован другими датчиками по сотрясению Д-комплекса. Я послал ребят, но дальше сто пятидесятого горизонта они не прошли, видимо, автоматика станции заблокировала зону взрыва.

Пинаев сжал зубы.

— Дела! О твоих открытиях никому ни слова. К месту взрыва попытайтесь пройти снизу, и осторожнее, пожалуйста. Ты стал свидетелем странного происшествия, нелогичного и непонятного. Если бы тебя хотели убрать, тебя убрали бы раньше, проще, без применения чужих бумерангов. Значит, предупредили... Как ты себя чувствуешь? Сходи в медотсек, проверься. А может, нас нарочно направили по ложному следу? Но откуда на Д-комплексе оружие дайсов? Не сами же они занесли его сюда...— Пинаев остановился, пришедшая мысль поразила.— Не сами... А если они и в самом деле более разумны, чем мы думаем? Вспомни случай с «Кораклом». Дайс его просто угнал, а потом не смог справиться с управлением и...

— И превратил кресло пилота в аварийную капсулу? Нелогично. К тому же, ты знаешь, мы расшифровали кое-какие записи регистратора: на борту модуля находился не только дайс, а кто-то еще.

Пинаев потрогал трехколенный бумеранг и взялся за рукоятку люка.

— Отдай эту штуку на анализ и предупреди Заманского и Галайду, они тоже должны знать о нападении. Мухаммеду говорил?

Валаштаян отрицательно качнул головой.

— Не успел, да и не тянет в последнее время быть с ним откровенным, хотя он и начальник группы. Ехидный он какой-то, по-недоброму ехидный...

— Ладно, это психология, он обязан сдерживать инициативу своих подчиненных. В пять соберемся у меня.

С пояса Валаштаяна слабо пискнул сигнал предупреждения: где-то рядом прошли люди.

Пинаев подождал несколько секунд и вылез в коридор. Через десять минут он входил в кабинет директора исследовательского центра, обязанного принимать работников погранслужбы вне очереди в любое время суток.

Нагааны Даваа представлял собой натуру сдержанную, ровную, терпеливую и мало восприимчивую к одобрению или порицанию. Типичный представитель монгольской расы, по иронической оценке Салиха, потомок Чингисхана в улучшенном исполнении.

— Слушаю вас,— сказал он, собрав лучики морщинок у глаз, и указал на стул.

— Полчаса назад в десятом секторе Д-комплекса произошел взрыв.

— Я в курсе.

— Причина взрыва неизвестна, однако есть косвенные данные, что он... не случаен.

— Как вы сказали? Не случаен?

Пинаев кивнул.

— Большего пока сказать не могу, ситуация анализируется. Прошу немедленно провести перекличку отрядов, работающих непосредственно в Д-комплексе, отозвать тех, кто работает в десятом и соседних с ним секторах. О результатах доложите через... Сколько понадобится времени на перекличку?

— Полчаса. Прошу извинить, но вы уверены в необходимости этих мер?

— Да,— коротко ответил Пинаев.

Даваа мельком взглянул на пограничника и, не повышая голоса, принялся отдавать распоряжения.

Спустя полчаса стало известно, что в секторах десять и одиннадцать не отвечают на вызовы группы механиков и материаловедов, общим числом девять человек. На секторы Д-комплекс разбили, конечно, сами исследователи для удобства контроля работы, но техника дайсониан этого «не знала», поэтому после взрыва заблокированы были десятый полностью, а одиннадцатый и девятый частично. В девятом секторе, по счастью, никто не работал.

— Объявите общий сбор,— сказал Пинаев, внешне не уступая директору центра в хладнокровии.— Пугать людей не надо, но исследование Д-комплекса с сегодняшнего утра необходимо приостановить. До особого распоряжения. Передвигаться по станции толь-

ко в пределах устойчивых горизонтов административной и бытовой зон. Искать людей самостоятельно запрещаю.

Пинаев встал.

— Извините.— Даваа тоже встал.— Как объяснить людям ваше... э-э решение?

— Аварийным состоянием Д-комплекса или... как-то иначе. Вы же знаете, настоящую причину сообщать нельзя. Да и... неизвестна она никому.

— Я постараюсь,— кротко проговорил директор.

Пинаев поклонился и вышел, понимая, что выглядит в глазах ученого мальчиком, серьезно играющим в несерьезную игру.

* * *

К пяти часам вечера Валаштаяну удалось проникнуть в заблокированный сектор и определить масштабы разрушений. Взорваны были семь горизонтов и два шпангоутных узла, но ремонтировать земным инженерам разрушенный участок не пришлось: кибремонтные системы Д-комплекса действовали самостоятельно, медленно, но уверенно. Спустя сутки горизонты ими были восстановлены, а узлы соединений «скелета» станции заменены, а может быть, и выращены. Одного не могла сделать автоматика дайсониан — найти пропавших без вести. Из девяти человек не удалось отыскать пятерых.

С Земли пришло подтверждение решения Пинаева приостановить исследовательские работы на Д-комплексе, но он не радовался своей удачной оперативности: объективных данных, разъясняющих цель «деятельности Сатаны» в Сфере у него не было. И хотя начальство погрансектора Даль-разведки и отдела безопасности УАСС не подгоняло и не запрашивало сведений, у Пинаева крепло ощущение вины и неудовлетворенности собой. Однако новые события на время заставили его забыть о своих чувствах и оторвали от глубокого самоанализа, отнюдь не улучшающего настроения.

Через сутки после взрыва и безрезультатного поиска пропавших в недрах станции исследователей произошел еще один взрыв — на той же злополучной ТРБ-2 и в том же отсеке, где случилась авария с «Кораклом».

Пинаева известили о взрыве практически мгновенно, на базу он прибыл через три минуты, но в отсек проникнуть не смог: земная автоматика действовала не хуже дайсонианской и, заблокировав отсек, принялась устранять последствия взрыва, не дожидаясь хозяев.

К Пинаеву подбежал молодой координатор базы, возбужденный, злой и жаждущий мести.

— Вы руководитель спасателей?

Ждан молча указал в сторону Калчевой, ее группа прибыла одновременно с пограничниками.

— Она послала меня к вам.

— Вот как? А в чем дело?

— В том, что неизвестный любитель острых ощущений угнал шлюп, а когда его попытались остановить, произошел взрыв катапульты.

— И кто же этот неизвестный?

— Никто не видел. Шлюп только что загрузили продуктами для археонавтов на Дайсоне-2, а он вдруг стартовал.

— Где он сейчас?

Координатор виновато развел руками.

Пинаев махнул рукой сопровождавшему его Галайде — следуй за мной — и перенесся обратно на Д-комплекс, а оттуда — на спейсер «Печенег», готовый к старту в любое время.

Спейсер был отшвартован в километре от торца Д-комплекса и соединялся с ним лучом вакуум-лифта. Старт производился по аварийной формуле, поэтому лифт выключили без обычной подготовки. Маневр отхода выполнял сам командир спейсера Алексей Мартынов, соскучившийся по живому делу. Он уже знал о случившемся, хотя причину столь поспешного старта Пинаев сообщить ему еще не успел.

— Связь с ПНП *,— бросил Ждан, торопливо занимая кресло рядом с командиром.

Мартынов с дугой эмкана на голове не шевельнулся, но над секцией пульта бортинженера развернулся виом связи с диспетчерской ПНП.

— С ТРБ-2 десять минут назад стартовал модуль с неизвестным пилотом, направление неизвестно...— Пинаев запнулся, обычно он, даже волнуясь, не повторялся.— Прочешите пространство, учитывая скорость «Коракла», и дайте координаты по каналу целеуказания.

Диспетчер, немногословный, как и все работники связи Дальразведки, поднял вверх кулак: он понял.

— Куда дальше?— повернул голову к инспектору Мартынов.

— К Сфере. Дай команду носовым локаторам, может быть, мы обнаружим беглеца и без помощи ПНП.

— Дал, пока «зеро» информации, ни один объект по параметрам не подходит.

Две минуты истекли в тишине.

В рубке, поражающей сверхрациональной функциональной геометричностью, находился, кроме командира и Пинаева, только бортинженер, остальные пять членов экипажа располагались в отдель-

---

* Посты наблюдения за пространством.

ных камерах, контролируя работу ведомых систем. Двое из них прослушивали эфир и поддерживали связь с обширной сетью баз, станций, кораблей и с самим Д-комплексом.

— Главная, я спейсер,— сказал Мартынов.— Отход по вектору Дайи, обеспечьте коридор.

— Есть коридор по вектору Дайи,— отозвался диспетчер центра и продиктовал вереницу цифр — координаты вектора; цифры высветились в левом углу главного экрана. Вслед за ними в правом углу побежали рубиновые цифры вывода на цель.

С пульта раздался голос дежурного ПНП:

— Объект идет со скоростью пять кубов * к оболочке Сферы, приготовьтесь к режиму «ведомый на луче».

— Готовы!— Мартынов щелкнул пальцами, бортинженер молча ткнул пальцем в грибок кнопки защиты.

Кресла опрокинулись под углом сорок градусов к вертикали, спеленали людей и заполнились пеной физиологической компенсации.

Спейсер ощутимо повело кормой вверх и вправо. В рубке погас свет, и тут же она осветилась сквозь включенные виомы призрачным, не дающим теней светом Сферы. Центральная звезда 101 Щита — Дайя смотрела в корму.

Толчок в бок, спейсер рыскнул влево, в глаза брызнуло алым светом. Еще толчок — светило прыгнуло вверх и исчезло из глаз. Пинаев сглотнул горькую слюну — желудок отозвался на последний маневр корабля коротким спазмом.

Снова сияние Сферы заполнило рубку. Движение спейсера становилось заметным: точки-звездочки сетчатой оболочки Сферы увеличивались и сползали влево все быстрее. Вскоре Пинаев разглядел, из чего сделана оболочка: неровные каменистые глыбы, преимущественно серого цвета — такими они казались с расстояния в пятьсот километров — сплетались в геометрически безупречную бесконечную сеть, удивительным образом удерживаясь каждая в своей ячейке. И Пинаев вновь пережил изумление, восхищение и трепет от мысли, что Сфера — этот грандиозный, уникальнейший памятник технологического этапа эволюции дайсониан — построена руками разумных существ, близких по духу человеку!

В оболочке вдруг обозначился темный провал, здесь «сеть», причем тройная, была порвана. Сквозь брешь слабо засияла звездная пыль далекого Млечного Пути.

— Объект вышел из-под контроля,— гулко возвестил дежурный ПНП.— Целеуказание снимаю, переходите на свою автоматику.

— Перешел,— будничным тоном проговорил Мартынов.— Борт-1, расстояние до цели?

— Две тысячи,— отозвался бортинженер, заведующий всей впе-

---

* Пять тысяч километров в секунду, жаргон работников космофлота.

редсмотрящей, лоцирующей и расчетно-координатной техникой.— Объект идет ходом «кузнечик». Необходим переход на режим «призрак», иначе преследование затянется.

— Добро. Перейдем сразу после прохода дырки.

Спейсер свернул к бреши, и желудок Пинаева судорожно сжался, требуя внимания: от дурноты спасала только физиопена. Приблизившийся край оболочки, состоящей из трех слоев «сети», плавно ушел под ноги, и над рубкой сомкнулась ночь. Новый поворот, Сфера стала видна со стороны в инфрадиапазоне — коричневая стена в вишневую крапинку. Брешь в стене светилась пепельным светом, уменьшаясь с каждой секундой.

«Интересно,— подумал Пинаев мимолетно,— почему эта дыра не растет в размерах? Напряжения в оболочке чудовищные, а в таких местах тем более...»

— Борт-1, захват цели, полная стабилизация. Расчет координат на экране. Борт-2, приготовиться к маневру. Борт-3, продолжать контроль эфира на всех диапазонах.

В правом нижнем углу экрана побежали строки бланк-сообщений: вектор движения, абсолютные координаты, трехмерные относительные координаты, отработка команд. В центре экрана появилась алая искра цели. Угнанный модуль пытался прижаться к оболочке Сферы, маневрируя в таких режимах, которые не снились, наверное, даже конструкторам разведтранспорта.

— Четыреста десять до цели,— доложил бортинженер-1.— На дальности двести переходим на копирование.

— Не ищет ли он другие дырки в оболочке?

— На такой скорости он не сможет войти в нее, это равносильно самоубийству.

— Мне вообще кажется, что модуль ведет робот, а не человек,—проворчал молчавший до сих пор пилот.— Смотрите, какие он выделывает петли.

— Почище зайца в поле,— без улыбки сказал Мартынов.— Приготовьтесь к переходу на мигание. Вы, Ждан, еще небось не знаете, что это такое. Не лучше ли вам уснуть на время?

Пинаев не успел ответить.

Модуль, шедший впереди них на расстоянии трехсот километров, вдруг совершил прыжок по перпендикуляру вверх. Спейсер ответил более плавным поворотом, тем не менее защита рубки едва уберегла самый ценный груз — людей. Все оказались на грани беспамятства. Пинаев на несколько секунд потерял остроту зрения, а когда пришел в себя, успел заметить лишь последнюю фазу трагедии: в центре экрана догорал небольшой желтый «цветок» взрыва.

— Отбой отслеживанию, форсажное торможение,— слабо донесся голос Мартынова. Последнее, что услышал Пинаев, прежде

чем потерять сознание от нового инерционного удара, была фраза пилота:

— Явное самоуничтожение...

Д-КОМПЛЕКС. НЕПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

— Мы потеряли второго биокопа...

— Грязно работаете, землянин. Ваш напарник бездарно провалил операцию с дайсами и выдал наше присутствие в Сфере. Безопасность вплотную подобралась к случаю с «Кораклом». Скоро там дознаются, что в модуле кроме дайса был еще кто-то, то есть ваш биокоп. Вторую акцию на ТРБ-2 надо было проводить тоньше или же уничтожить базу полностью двумя днями раньше. Зачем вашему биокопу понадобилось угонять модуль после взрыва?

— Его засекли во время операции. Кроме того, мы недооценили оперативности погранслужбы и, в частности, Пинаева. Биокоп был вынужден самоликвидироваться, потому что в противном случае был бы пойман...— Тот, кого назвали землянином, замялся на несколько секунд.— Это не все. Они засекли меня на станции при подготовке к взрыву секции десять.

— Кто именно?

— Валаштаян.

— Узнал?

— По-моему, нет.

— Валаштаяна ликвидируйте. Подготовьте отвлекающий маневр где-нибудь в пространстве, меня начинает беспокоить интерес пограничников и безопасности к Дайсону-2. Как вы оцениваете общую обстановку?

— Как напряженную. Земля запретила исследования Д-комплекса до выяснения обстоятельств взрыва. Планетарным отрядам дано указание соблюдать максимальную осторожность в активных исследованиях. Но главного мы достигли: техника дайсониан, а то и они сами, начали реагировать на негативное поведение землян.

— Я это знаю лучше вас. Все идет нормально. Надо продолжать террористическое давление. Проводите запланированные акции и подумайте об их усилении.

— У меня осталось всего два биокопа.

— Активизируйте еще двух взамен ликвидированных. Кстати, не нравится мне деятельность нового инспектора по освоению. Вы его проверяли?

— Насколько смог. Напарник на Земле выяснил лишь соответствие его личности паспортным данным, все сходится. Может быть, стоит провести пси-зондаж?

— Понаблюдайте за ним, потом будет видно. Нельзя ли провести прямой зондаж Пинаева?

— Он профессионал, подобраться к нему практически невозможно. К тому же, мне кажется, он уже подключил к работе скрытую группу подстраховки и контроля связи.

— И все же подумайте над этим вариантом. Что известно о группе риска?

— Ничего, кроме факта присутствия второго спейсера «Печенег» в Сфере.

— Даю сутки на поиск информации. Не сможете добыть сведения, я найду другого работника.

— Думаете, это легко сделать? Едва ли вам удастся скоро купить еще одного землянина, мистер нечеловек. Для этого необходимо не только знание человеческой психологии, но и стечение обстоятельств, и просто везение.

— Удалось найти вас, удастся и других. Этот разговор — пустая трата времени. Я не угрожаю, я сообщаю свое отношение к делу. Цена сделки велика, и вы ее знаете. Конец.

— Отбой связи.

САВВА КАЛАШНИКОВ

Сообщение о последних событиях в Сфере пришло в Управление восьмого марта вечером.

Через полчаса Калашникова оторвали от стола у друзей и аварийно доставили в кабинет директора. Еще через сорок минут из кабинета Косачевского он отправился на метро в Сферу в сопровождении группы поддержки.

На Д-комплексе никто их не встретил: во-первых, потому что они никого не предупредили, а во-вторых, потому что здесь шел второй час ночи.

Калашников отослал группу в три человека в распоряжение Калчевой, которая должна была со своим отрядом спасателей быть или на Базе, или в глубинах Д-комплекса, а сам решил пройтись по дайсонианской станции, понюхать запах тайны.

Земным лифтом он опустился на десятый, бытовой горизонт, прошелся у дверей кают, обитатели которых спали без тревог и сомнений в правильности своих поступков. Светильники в коридоре были выключены, лишь в толще потолка изредка пробегали прожилки голубого света. Утопая по щиколотку в губчатой массе пола, Калашников повернулся спиной к «гостинице» и бесшумно углубился в недра гигантского сооружения. Он ни разу не был на станции, но хорошо знал ее особенности и опасные зоны, которые следовало обходить стороной.

«Вепрь» удачно выбросил его к сотому горизонту девятого сектора, ниже которого произошел недавний взрыв. Людей здесь уже не было. Убедившись в том, что сектор заблокирован, спасатели оставили у границ блокированного участка роботов-наблюдателей, сигнализирующих об изменении обстановки. Калашников наткнулся на одного такого робота, похожего на металлического богомола, и вздрогнул от раздавшегося голоса:

— Внимание! Находиться на аварийном горизонте запрещено. Настоятельно рекомендую вернуться в бытовой сектор.

— Хорошо, хорошо,— вполголоса пробормотал Калашников.

Заблокированная зона выглядела, как обычный тупик коридора: гладкая серая стена под напряжением в шестьсот вольт. Пробиться сквозь такую стену можно было только с помощью излучателей.

Калашников нашел второй радиоактивный коридор, потом третий, но все они заканчивались тупиками. А в широком кольцевом коридоре с губчатым полом на него напал странный зверь, похожий одновременно на гигантскую крысу и на пятнистого волка или рысь.

Зверь неожиданно и бесшумно появился из бокового ответвления коридора, залитого черной и вязкой темнотой, и от его броска Калашникова спасло только природное чувство опасности, не дремлющее ни днем, ни ночью, да возглас Микки: «Опасность!» Калашников отпрянул к стене, мгновенно выхватив из подмышечного захвата «универсал».

Зверь промахнулся буквально на сантиметр, громко щелкнув мощными передними клыками, выдающимися, как у саблезубого тигра. В длину он достигал не менее трех метров, хвост тянулся еще метра на полтора, голова тоже была вытянутой, с длинной хищной пастью. Задние ноги работали, как мощные рычаги, а передние лапы заканчивались растопыренными когтями длиной сантиметров по семь.

«Крысоволк» бесшумно приземлился на все четыре лапы, тут же гибко изогнулся и без остановки, попирая законы инерции, «перелился» в другой прыжок, но на мгновение раньше Калашников отпрыгнул назад, в одну из ниш с дверью — здесь их было много,— и выстрелил вдоль стены, автоматически выбрав разряд-факел.

Слепящий голубой рукав с шипением ушел в глубь коридора, опалив шерсть зверя, и тот длинным прыжком метнулся прочь, исчез в темном тупике, словно тень. Ни стука когтей, ни шороха, ни звука дыхания — тишина. Лишь запах остался, тяжелый смрадный запах зверя, запах хищника, не перебиваемый даже разлившимся после выстрела озоном.

Калашников подождал немного, потом внимательно осмотрел место схватки, нашел несколько длинных бурых волосков и положил в карман. Не пряча «универсал», отступил к перекрестку, где его подхватил «вепрь». Наверх, на административно-исследователь-

ский горизонт, он попал только с третьей попытки, удивил дежурного связи и вызвал директора.

Нагааны Даваа явился через десять минут, с бесстрастной миной пожал руку начальнику отдела.

— У вас, кажется, начался период бессонницы?

— Нечто вроде этого,— кивнул без улыбки Калашников.— К сожалению, нашей бессонницей всегда руководят обстоятельства. Я прибыл час назад, побродил по станции и в секторе, где произошел взрыв, на меня напало хищное животное.

Даваа на мгновение сбросил свою природную невозмутимость.

— Не может быть! Хищное животное?!

Калашников молча выложил на стол три длинных волоса, черных у основания, бурых по длине и со светлыми метелочками на концах.

Директор центра внимательно осмотрел волосы, сцепил пальцы на груди.

— Я грешным делом подумал... Странные волосы. На кого это животное было похоже?

— На крысу и пятнистого волка, только крупнее. Я имею в виду — крупнее волка. На вашей памяти таких встреч не было?

Даваа задумался, потер переносицу пальцем.

— По-моему, молодые биологи на Дайсоне-2 видели нечто подобное... дня три назад. Могу уточнить.

— Уточню сам.— Калашников наконец понял, откуда у него взялось ощущение, будто он уже встречал где-то «крысоволка». Неделю назад в потоке информации, проходящей через отдел безопасности, промелькнуло короткое сообщение о происшествии в Австралии, на биополигоне «Хоррор», где палеогенетики воссоздавали утраченные в процессе эволюции формы жизни. Наиболее удачными были признаны эксперименты по выведению мамонта, ламантина, утконосого динозавра траходонта и гигантской нелетающей птицы диатримы. Год назад на полигоне был впервые выведен тритемнодон, представитель полностью вымершего отряда хищников, похожий на волка и крысу одновременно. И вот неделю назад вольеры с тритемнодонами на полигоне опустели. Никто не видел, как и когда это произошло и куда делись звери...

— Кажется, я знаю, что это за животное,— пробормотал Калашников.— По Д-комплексу теперь опасно ходить в одиночку и даже парами. Утром объявишь по внутреннему интеркому приказ всему населению станции собраться у тебя, а я объясню ситуацию.

— Это серьезно? Мы и так почти бездействуем, остановили все работы в нижних секторах, начиная с сотого горизонта.

— Придется потерпеть, пока не выясним, что здесь происходит.— Калашников перевел разговор на другую тему.— Как тебе работается с пограничниками? С Пинаевым?

Даваа улыбнулся, превратив глаза в щелочки.

— Очень решительный молодой человек. Во многом максималист, азартен и поспешен в решениях, но это возрастное. Хороший работник. Сколько ему?

— Двадцать пять.

— Я так и думал. Кстати, почему я, директор Центра, не знаю, зачем прибыла в Сферу машина спасателей?

— А разве последние события в Сфере не требуют специальных мер? Взрыв острова, взрывы на ТРБ-2, взрыв здесь, на Д-комплеске, наконец. Вам это ни о чем не говорит?

— Эскалация военных действий...

Калашников пристально посмотрел на директора.

— Очень точная формулировка. Если бы я не знал тебя, как знаю, я бы решил, что в отделе произошла утечка информации.

— А, так это не беспочвенные старческие фантазии?

— К сожалению.

— Может быть, нам лучше уйти со станции? Построить свою?

— Потеря времени и ресурсов, да и ситуации наш уход не изменит. Похоже, мы нарвались на чье-то настойчивое противодействие. Хорошо, если это просто дайсонианская техника, автоматы и кибер-системы, пусть даже «сошедшие с ума». Но скорее всего, вмешались чужие силы... Вот что, директор, я вызову Пинаева, а ты пока отдохни часа два.

Даваа развел руками.

— Какой там отдых... Вызывай своего Пинаева, пойду к диспетчеру, обзвоню лагеря на планетах.

Директор ушел, а через несколько минут в кабинет вошел подтянутый и свежий — сна ни в одном глазу — Пинаев.

— Доброе утро.

— Здравствуй, капитан. Не спишь?

— Мне хватает трех часов. Докладывать?

— А разве есть новые данные?

Пинаев немного смутился, легкая краска выступила на скулах.

— В общем-то... нет. У Валаштаяна на левом виске обнаружилась странная рана...

— Когда обнаружилась? После нападения?

— Так точно. Раной, собственно, этот порез нельзя назвать, он не болит и не кровоточит. И похоже это на небольшой кожаный карман.

Начальник отдела безопасности и командир пограничников встретились глазами.

— Интересно,— медленно проговорил Калашников.— Карман пуст?

— Медики проверили на аппаратуре — ничего. Но, вполне воз-

можно, ему хотели вшить какую-то штучку типа передатчика команд или пси-программатора.

Калашников перестал ходить по кабинету и сел. Помолчал.

— Положение осложняется. Если чужие используют людей в качестве исполнителей... а это, наверное, так... то обнаружить их будет трудно. Нужен компьютерный анализ биографий всех исследователей и работников бытовых служб. Сколько их должно быть?

— Резидент может быть один, а помощников...— Пинаев подумал,— не больше четырех. Система «фактора Сатаны» распадается на три направления: медицина — случаи непонятных заболеваний, кибертехника — сбои в работе автоматических комплексов и террористические акты — взрывы, нападения и тому подобное.

— Согласен. У тебя в группе есть профессионалы следственного отделения, дай им задание заняться выявлением «саботажа» по всем трем направлениям. Это хорошо, что «система Сатаны» зиждется на людях, в том смысле, что, по старинному определению, любая система, зависящая от человеческой надежности, ненадежна.— Калашников едва заметно улыбнулся, заметив растерянность в глазах пограничника.— Это я о способности человека совершать ошибки. Наш противник, используя людей, уже совершил ряд ошибок. Например, случай с Валаштаяном, угон модуля, да и нападение на меня — ошибки, хотя, может быть, и непреднамеренные.

— На вас?!— не поверил ушам Ждан.

Калашников поведал ему о схватке с крысоволком.

— В этом секторе мы еще не успели поставить «глаза»,— пробормотал Пинаев.

— Как видишь, ниточка тянется на Землю, и я за нее потяну. Ну, а тебе остается самое трудное...— Калашников вдруг замолк, прислушался к чему-то и вопросительно посмотрел на пограничника.— Ты не один? Кто тебя подстраховывает?

— Сейчас — никто.

Начальник отдела распахнул дверь кабинета, но в соседнем помещении никого не было, дверь в коридор была открыта. Калашников стремительно выскочил в коридор, но успел увидеть только спину человека, скрывшегося за углом коридора.

— Не выходи без прикрытия,— сказал Савва, вернувшись в кабинет.— По всем данным, противник знает о нас почти все, а мы о нем ничего. На каждом горизонте постарайтесь установить комплексные датчики и «глаза», работающие на общий селектор. У селектора пусть дежурит Строминьш со своими ребятами. Я сейчас слетаю на ТРБ-2, а ты собери группу и проинструктируй, как обезвредить крысоволка. Насколько мне помнится, в вольерах на полигоне «Хоррор» было двадцать две особи, одну нашли в пустыне, остальные исчезли. И все они где-то здесь, на станции и на планетах.

Пинаев порозовел под взглядом, но постарался скрыть чувства, хотя Калашников никогда не считал такую сдержанность особым достоинством.

Найдя прибывшего с ним начальника группы поддержки, он сказал:

— Гоша, срочно возвращайся на Землю и раскопай с Захаром инцидент в Австралии на полигоне «Хоррор». Никого не привлекайте, этот поиск необходимо провести скрытно. К моему возвращению материал должен быть собран.

Маленький и подвижный Гоша, Георгий Хлопов, умевший понимать начальника отдела без слов, укатился к метро, а Калашников остался размышлять над тем, кто мог подслушивать его разговор с Пинаевым и услышал ли этот любопытный что-нибудь существенное.

До утренней зарядки начальник отдела побывал на Базе-2, выслушал доклад Калчевой о выполненных мероприятиях, осмотрел место взрыва и вернулся на Д-комплекс, где директор исследовательского центра уже собрал всех своих работников, проживающих в «гостинице» станции.

Калашников скупо поведал им о создавшемся положении, не разъясняя суть своей работы, прочитал распоряжение руководства Даль-разведки о временном прекращении исследовательских работ непосредственно на Д-комплексе и провел инструктаж по технике безопасности. Вопросов было немного, опытные специалисты, не раз участвовавшие в дальних экспедициях, знали цену неожиданностям. Первый вопрос был самому Калашникову:

— Могут ли ученые, изучающие станцию, присоединиться на время к экспедициям на планетах?

Начальник отдела безопасности предвидел подобные вопросы и ответил, что это нежелательно, хотя решающее слово остается за руководством центра.

Второй вопрос задали директору Нагааны Даваа:

— Почему доступ к вам стал практически невозможен? Многие вопросы находятся вне компетенции секретарей, тем не менее в последнее время все пути ведут к секретарю Каспару Гриффиту.

Среди собравшихся послышались восклицания и смех, молодежь до тридцати лет составляла среди них более восьмидесяти процентов.

— Константин не может без шефа...

— Он решает только глобальные проблемы...

— Пора перевести его на диетпитание — у человека явно выросло самомнение.

Виновник реплик и смеха, молодой рыжий кибернетик, покраснев, отбивался от беззлобных выпадов товарищей. Каспар Гриффит, улыбаясь, оглянулся на Калашникова и развел руками:

— Каюсь, узурпировал власть, но у директора очень много работы.

Даваа переждал шум и сказал серьезно:

— Разрешаю все вопросы решать со мною лично в любое удобное для вас время.

Смех вспыхнул с новой силой. Никакие ограничения и запреты не могли вышибить из молодых исследователей их оптимизм и веру в свои силы.

Калашников провел в Сфере еще сутки, посетил несколько лагерей на Дайсонах-два и три, поговорил с биологами, видевшими животное, похожее на тритемнодоно-«крысоволка», и убыл на Землю с грузом информации для размышлений.

ДАЙСОН-1.
ВТОРАЯ ОПЕРАЦИЯ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ

Океан занимал семьдесят семь процентов поверхности планеты, остальная площадь приходилась на сушу — пять крупных островных архипелагов и «четверть материка», часть суши, занимавшую по площади промежуточное положение между большим островом и небольшим материком.

Экспедиции на острове, носившем название Остров Невезения, не работали по многим причинам. Во-первых, он был густо заселен дайсами: орбитальные наблюдения показали, что на острове находится сорок поселений аборигенов, приспособившихся к жизни в вудволловом лесу. Но это обстоятельство объяснялось легко — остров располагался в экваториальной области Южной тропической зоны планеты, и его среднесуточная, она же среднегодовая, температура достигала двадцати шести градусов. Во-вторых, на острове практически не было открытых пространств, полян и площадок — только лес и несколько невысоких каменных горбов. В-третьих, электрический потенциал Острова Невезения был настолько высок, что всякое появление инородных тел над его территорией вызывало сухую электромагнитную бурю, и работать там без скафандров было невозможно.

Совет исследовательского центра во главе с директором Даваа решил пока довольствоваться наблюдениями за жизнью островитян с помощью высотных зондов и дистанционных измерений, для чего над Островом Невезения был подвешен ИКО «Аргус-2» — исследовательский орбитальный комплекс с компьютером первичной обработки данных.

Двадцать второго марта по земному календарю, в два часа ночи по относительному времени Д-комплекса, над ИКО «Аргус-2» появился модуль серии «Коракл». В его кабине находились двое, затяну-

тые в компенсационные костюмы спасательной службы: пилот и бортинженер.

Пилот вывел модуль в позицию энерговыхлопа — корабль мог вызвать снежную лавину или уничтожить ледник — и, не предупреждая соседа, мысленно скомандовал: «Залп!»

Энерголуч вонзился в двадцатиметровый пучок труб — станцию ИКО «Аргус-2» — и в течение двух секунд раскалил их до желтого свечения. Большего с расстояния в десять километров луч сделать не мог, да этого и не требовалось.

Пилот выполнил маневр входа в атмосферу, а спустя двадцать минут модуль вышел над островом, живущим своей замедленной таинственной жизнью. Две минуты ушло на выбор точек удара и расчет траекторий сбрасываемых аппаратов, затем с интервалом в пять секунд модуль, как невиданная птица, обронил над островом три серебристых яйца.

Пилот и его спутник молча проследили за падением капсул. Первая упала в центре деревни дайсов, вторая и третья — в массивах вудволлового леса. Через мгновение в местах их падения взметнулись поначалу небольшие, но стремительно растущие белые облака. За минуту деревня дайсов была скрыта парообразной пеленой, на глазах сгущающей цвет до ослепительного белого. Белые шапки странной кипящей пены выросли и над лесом, где скрывались аппараты, но здесь их продвижение было замедленно, хотя площадь леса под снежно-белой пеленой увеличивалась, пока не достигла сорока квадратных километров.

Издалека донеслись частые и звонкие, как удар хлыста, звуки — лопались от жуткого холода замерзшие вудволлы. Капсулы, сброшенные неизвестными, были генераторами холода, способными в течение считанных секунд заморозить небольшое озеро; применялись они для постройки айсбергов нужной конфигурации и в спасательных операциях, когда нужно было перекрыть реку, брешь в плотине, пробоину в подводном куполе, укротить вулкан или цунами.

Три растущих пятна соединились в одно белое поле и прекратили рост.

— Все,— буркнул пилот.— Прилетим позже, посмотрим, что осталось.

Модуль задрал нос и прыгнул в небо.

Лишь через час облако осело, и взору предстала картина обледеневшего под действием температуры жидкого водорода леса и деревни дайсов, вернее, того, что от них осталось. Но вскоре под воздействием колоссальной холодной массы над островом стала конденсироваться влага и он весь скрылся в пелене тумана и дождя, явления небывалого в климатических условиях дайсоновских планет.

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Приказ директора исследовательского центра о временном запрещении экспедиционных работ на Д-комплексе привел в уныние большую половину населения центра, состоящего из молодых ученых, экспертов и инженеров в возрасте до тридцати лет. Лишь немногим из них удалось добиться разрешения войти в состав планетарных отрядов, остальным же оставалось заниматься анализом уже добытых данных и обсуждением возникших проблем на «раутах» в каюте Уве Хоона.

Никита не участвовал в полемике о природе странных происшествий на дайсонианской станции и на планетах Сферы, он работал с экологами на спейсере Даль-разведки «Лидер», используемом в качестве информационно-вычислительного центра большой мощности, выполняя программу интегрального обзора характеристик планет. Дважды он встречался с Флоренс Дженнифер по служебным делам и дважды в компании у Хоона, но девушка вела себя, как и прежде, с ироничной официальностью, что заставляло инспектора ощущать себя в известной мере объектом исследования.

Ревнивый Константин Мальцев, ни на минуту не оставляющий Флоренс одну, если ему предоставлялась такая возможность, чувствовал «конкурентоспособность» Никиты, но задевать его в шутливых пикировках побаивался.

В последней серии климатических прогнозов планет Сферы Никите пришлось работать вместе с кибернетиком, и они неожиданно для Константина, видевшего в инспекторе только соперника, подружились. Мальцев даже признался, что успеха у Флоренс не имеет, несмотря на множество попыток найти с ней что-то общее, а Никита был достаточно осторожен, чтобы не расспрашивать Костю в открытую.

Закончив расчеты по первому Дайсону, инспектор принялся за Дайсон-2, одновременно устанавливая круг лиц, допущенных к ключевым позициям исследовательского центра. Таких позиций было три: медицинское обслуживание с аппаратом карантин-контроля, обслуживание автоматических исследовательских комплексов типа ИКО «Аргус» и адаптивной робототехники «Осьминог» и прямой доступ к технике землян на топливно-ресурсных базах.

Количество лиц, занятых на каждом направлении, оказалось достаточно велико, и Никита понял, что необходима связь с Калашниковым: без помощи специалистов отдела он не сможет гарантированно проверить всех подозреваемых в помощи «фактору Сатаны». Инспектора неприятно поразило то обстоятельство, что псиэтик Флоренс Дженнифер находится в дружественных отношениях с главврачом медцентра Джанарданом Шрестхой. Дружба эта казалась странной: семидесятилетний старик, вечно мерзший даже

в костюмах с терморегуляцией, лысый и неприятно высокомерный, явно не годился в друзья эффектной во всех отношениях Флоренс, но какая-то связь между ними была, и Никите пришлось внести Флоренс Дженнифер в круг особого внимания, что было, если честно признаться, весьма желательно.

После семичасового бдения над расчетами с подключением к вычислению Никита разрешил себе расслабиться, и они с Мальцевым потащились в кают-компанию спейсера, зависшего над плоским торцом Д-комплекса. Сели в уголке, заказав тоник со льдом, и принялись развлекаться, вспоминая общих знакомых на Земле. Потом перешли на открытия в Сфере, и Константин поведал инспектору немало интересного, чего тот еще не знал.

По натуре кибернетик относился к холерикам: был нетерпелив, смешлив, склонен к риску, обладал быстрой речью и выразительной мимикой. Однако это не мешало ему завязывать контакты со всеми, кто вызывал у него интерес.

— Я был в зоне орбитального запрета,— рассказывал Мальцев, потягивая тоник.— Это область пространства на расстоянии миллиона километров от Дайи; там обнаружены сооружения дайсониан по размерам близкие к Д-комплексу. Подходить к ним опасно, вокруг них часто возникают странные вихревые поля или, как сказал мой друг Валаштаян, «колебания вакуума». Инженеры проникли внутрь одной из шести установок, и знаешь, что они там обнаружили?

— Живого дайсонианина,— пошутил Никита.

— Почти,— засмеялся эколог.— Законсервированный машинный парк и банк генофонда! А мы гадали, куда дайсониане подевали свою технику, ведь находки на планетах немногочисленны.

— Выходит, эти орбитальные установки — просто летающие склады, выведенные подальше от любопытных глаз?

— Нет, они, скорее всего, представляют собой преобразователи энергии, но ты же знаешь наших инженеров — они никогда не скажут всей правды сразу, даже если они ее знают. А вообще-то машины дайсониан в высшей степени интересны. Во-первых, они многофункциональны, а во-вторых, трансформны в таких диапазонах, которые пока недоступны нашей технике.

— Так уж и недоступны,— усомнился Никита.

Мальцев смутился.

— Я, конечно, узкий специалист, но к технике близок, и это мнение не мое. Напрасно ты редко посещаешь кают-компанию Уве, услышал бы много любопытных вещей.

Кроме машинных парков кибернетик успел посетить города дайсониан на всех трех планетах, познакомился с коммуникаторами и планетологами, физиками и биологами, поучаствовал в создании музея и сделал множество других дел, и Никита невольно позавидовал его энергии и умению осваиваться в любой обстановке. В школе

контактеров Мальцев получил бы высший балл по коммуникабельности.

— Понимаешь, свои обязанности я выполняю легко,— продолжал увлекшийся Константин,— и меня тянет к неординарным задачам. Например, экспертов по технике волнует вопрос: где звездный флот дайсониан? Нашли только один сохранившийся звездолет, а где остальные корабли? Не могли же дайсониане строить Сферу вручную, без флота.

— Много мы знаем об их возможностях,— с улыбкой заметил Никита, которому нравились увлекающиеся натуры.— Может быть, они управляли строительством через метро-тоннели.

— Вот-вот, есть и такое мнение, но опять же возникает парадокс: дайсониане, судя по Д-комплексу, имели свой метро-транспорт, но на планетах до сих пор не найдена ни одна кабина! Как же они сообщались между собой? Или вот еще проблема: облик строителей. Единого мнения по сей день не существует. Все сходятся лишь в том, что дайсониане были двуноги и, может быть, двуруки, если судить по форме пультов управления, кабин и кресел в аппаратах, но точная реконструкция их облика только по этим данным — дело пустое. Там, в этих креслах, есть еще какие-то бугры и вмятины, на пультах — выемки и выросты, причем все выросты и вмятины находились в рабочем состоянии под напряжением.

— И в креслах?

— В них тоже. Представляешь, садишься в такое кресло, а там три тысячи вольт!— Константин хихикнул.

— Значит, древние дайсониане были существами электрическими, вернее, имели электроорганы, только и всего.

— Таково же мнение биологов, да и неудивительно, коль атмосфера планет насыщена электричеством, как лейденская банка. Но что интересно — к креслам дайсониан подведены еще световоды, а вместо ножных упоров сделаны ванны, содержавшие некогда сложный солевой раствор.

— Может, дайсониане имели ротовые отверстия на ногах?— серьезно заметил Никита.

Мальцев посмотрел на него с замешательством, потом понял, что инспектор пошутил.

— Ты оригинально мыслишь. Подари идею.

— Пожалуйста.— Никита захрустел пластинками жареного папоротника.— А современные дайсы-островитяне тоже электрические существа?

— По-моему, нет.— Константин задумчиво выцедил стакан апельсинового напитка.— Хотя точно не знаю, поговори с биологами. Знаешь, я вспомнил... вчера мы крутили с тобой анализ Дайсона-2, и я обнаружил интересную аномалию...

Никита поставил свой стакан с соком, нахмурился.

— Почему же я не обнаружил?

— Тебя отвлекли, помнишь, звонила Фло?

Никита вспомнил, почесал в затылке.

— М-да... за такую невнимательность меня надо снять с работы. Почему сразу не сказал?

— Меня тоже отвлекли. Пока ты разговаривал с Фло, пристал Салих: расскажи да расскажи, кто был у Хоона в последний раз. Ну, я и забыл...

— Работнички мы с тобой!..— Никита хмыкнул.— И что же ты обнаружил?

— В расчетах термобаланса Дайсона-2 имеются расхождения. Первый был сделан при анализе инфраструктуры планет сразу после открытия Сферы, а второй провели планетологи при детальном обследовании каждой планеты. Не знаю, почему я зацепился за эти цифры. Если оценить их качественно, то впечатление такое, будто поверхность суши на Дайсоне-2 больше, чем есть на самом деле, примерно на пятьсот сорок квадратных километров.

— Всего-то?— прищурился Пересвет.

Мальцев снова смутился.

— Может, это и не существенно, но мне показалось любопытным такое расхождение в оценках площади суши двумя методами: топосъемкой и термобалансным соотношением.

«Слышал?— Никита мысленно позвал «Васю».— Проверь расчет. Получается — был остров, потом пропал, но тепловое излучение не изменилось».

«Принял,— прошелестел «Вася».— Прошу обеспечить информацией. Кстати, за нами ведется наблюдение, советую обратить внимание на молодого человека за столиком у второй двери».

«Аппаратура?»

«Прибор для дистанционного прослушивания».

Никита незаметно оглядел наблюдателя: средних лет, залысины, бледное лицо с безвольной складкой губ. Не красавец, но и не урод, судя по форме — специалист по ТФ-связи. Какого дьявола ему надо? Кто он? Пограничник или агент чужих?

— Что замолчал?— напомнил о себе Константин.— Тебя никогда не мучила ностальгия? Я здесь всего пять месяцев, а уже хочется за Землю. Не говорю, что мне стало скучно, но длительные экспедиции не для меня. Хотя и на Земле не усижу долго... Знаешь, давно попросил бы отпуск...

— ...если бы не Фло,— подсказал Пересвет.

Кибернетик порозовел и не нашелся, что ответить. Допив очередной стакан напитка, он повертел красивый резной стакан из дымчатого стекла и посмотрел на часы.

— Ну, я пойду? В три часа главный собирает нас на очередной инструктаж. Слышал, что на Д-комплексе появились какие-то хищ-

ники? Говорят, это сторожевая техника древних дайсониан, по станции теперь ходить небезопасно.

Инспектор кивнул. Он уже знал, что сторожевая техника дайсониан не имеет отношения к появлению хищников.

Мальцев ушел. Вслед за ним ушел наблюдатель, личность которого «Вася» определить не смог, в его памяти не было связиста с физиономией меланхолика. Никита перебрался со спейсера на Д-комплекс и задержался под куполом метро.

В это время небольшой зал приема был почти пуст, приказ о временном закрытии линии Земля—Сфера вступил в силу. В зале отправки несколько человек вместе с киб-погрузчиками загружали синие контейнеры с эмблемой Даль-разведки — алая стрела, перечеркнувшая спираль галактики,— да робот-уборщик с жужжанием ползал под куполом, натирая до блеска прозрачный пластик. Словно специально для зрителя Сфера вдруг мигнула и погасла.

Второй раз Пересвет наблюдал мигание Сферы, но теперь успел заметить, что гасла она не мгновенно. Сначала погас тот участок-круг, напротив которого проходил в данный момент Д-комплекс, а потом волна темноты побежала от него дальше и дальше, пока полностью не погасила сияние сферической оболочки. Затем все повторилось в обратном порядке, но со светом: вспыхнул ближайший участок Сферы, и радужная волна света побежала по оболочке во все стороны.

В ответ на эмоциональное состояние хозяина «Вася» попытался объяснить явление, но Никита сам знал, в чем дело: таинственные механизмы, включающие поглощение оболочкой излучения Дайи, срабатывали синхронно, но поскольку Сфера была огромна, а скорость света конечна — проявлялся эффект волны на воде,— человек видел световую волну, бегущую по оболочке Сферы со скоростью триста тысяч километров в секунду.

Под куполом зажглись светильники. Рабочие в зале продолжали свое дело, не обращая внимания на метаморфозы Сферы.

В своей каюте Никита привел в порядок записи, бегло просмотрел отчет центра по водным ресурсам планет и, диктуя выводы в усик инфора, прикрепленный к воротнику куртки, тщательно проверил в комнате наличие «примесей». «Вася» отметил появление в стенах каюты новых электропятен, то есть блуждающих потенциалов электрического поля, и двух странных точечных областей на дверце шкафа и в тумбе стола, создающих вокруг себя микроволновой фон. «Устройства передачи информации,— безапелляционно заявил «Вася».— Внедрены в материал мебели методом мембранной диффузии. Уничтожимы только вместе с мебелью».

Никита отложил отчет. «Каким образом кто-то проник в запертую каюту?»

«Не знаю,— признался «Вася».— Попробуй сменить кодон рас-

познавания входной двери. Если не поможет, значит, хитрость заключена в самом помещении. Возможно, комната имеет механизм трансформации, работа которого контролируется извне, дистанционно».

«Понял, приму к сведению. Сейчас сделаем сюрприз Пинаеву. Выйду из каюты — крути программу вызова».

Никита проверил экипировку, чувствуя раздражающее присутствие скрытого наблюдателя, подумал, что с удовольствием уничтожил бы микрошпионов, но, к сожалению, нельзя. За ним пока установили профилактическое наблюдение, а если уничтожить «глаза» — установят слежку оперативную, по всем правилам, уйти от которой в навязанных условиях будет очень сложно.

«Вепрь» на этот раз унес инспектора всего на двадцать пятый горизонт, к перекрестку двух коридоров, освещенного голубой мигалкой и темного, с багрово светящимися прожилками в потолке.

Никита послонялся по голубому коридору, утопая в упругой массе пола, ничего интересного не нашел и вернулся к перекрестку.

Темный коридор с багровым рисунком на потолке оказался живым, то есть наполненным тихим механоэлектрическим движением. В нем то и дело вспыхивали фонтаны искр, двигались и исчезали какие-то медузообразные бесшумные тени, вздрагивал пол.

Пересвет с любопытством углубился в коридор, не обращая внимания на предостережения «Васи», и в это время сзади раздался не-громкий голос:

— По-моему, идти туда без нужды не стоит.

Никита оглянулся. На перекрестке с вопросительно поднятой бровью стоял Ждан Пинаев, капитан пограничников. Он явно не ожидал встретить здесь агента Даль-разведки по освоению планет.

— Быстро вы добрались, я бы так не смог. За нами наблюдают ваши люди?

Вопрос в глазах Пинаева исчез.

— Мои, группа подстраховки. Значит, вы и есть «блуждающий форвард» Калашникова? Честно говоря, на вас не подумал, хотя и пытался прикинуть, кто разведчик.

Никита улыбнулся.

— А на кого вы подумали?

Пинаев слегка смутился, хотя держался хорошо.

— Грешил на двоих — на Каспара Гриффита и Джанардана Шрестху. Оба активны, любопытны, хотя и скрывают любопытство, оба далеко не просты. Но у вас, наверное, мало времени. Что случилось?

— Свяжитесь с Калашниковым и сообщите, что база чужих, скорее всего, находится на втором Дайсоне. Прямое доказательство: площадь суши не соответствует термобалансу, часть ее скрыта от глаз, вероятно, под силовым колпаком. Косвенные доказательства:

концентрация странных происшествий именно вокруг Дайсона-2, концентрация наиболее интересных и важных находок там же. Пропавших в зоне взрыва нашли?

— Двоих нашли, блокировка сектора частично снята, но третьего нигде нет. Либо хомодетекторы не тянут сквозь материал стенок и перекрытий, либо его в заблокированной зоне нет. А ломать перегородки и стенки опасно — там все под напряжением. Кстати, на вашего начальника у заблокированного сектора было совершено нападение.

— Жив?!— вырвалось у Никиты.— Кто напал?

— Все в порядке, жив. Хищный зверь, один из тех, что таинственно исчезли из вольера биополигона «Хоррор». Называется — тритемнодон, обитал на Земле в среднем неогене, сорок пять миллионов лет назад. Восстановлен ген-инженерами по методу обратимости генной памяти. Об этом не раз передавали по интервидению.

— Я тоже слышал об исчезновении, но каким образом тритемнодоны оказались в Сфере?

Пинаев пожал плечами.

— Этим делом занимается ваш отдел. К сожалению, прочесать Д-комплекс, чтобы выловить зверей, мы не в состоянии. Придется передвигаться с оглядкой, будьте осторожны.

— Принял. Передайте Калашникову, что я отменяю связь через посредника, предусмотренного операцией. До тех пор, пока не разберусь, кто есть кто. В дальнейшем связь с вами буду держать только по рации. Будьте готовы к форме «экстра». При получении сигнала войдете в группу риска для координации действий. Самостоятельные операции с этого момента запрещаю, будете работать только по моим указаниям.

— Есть,— подтянулся Пинаев.— Могу ли я сегодня закончить работу с зоной взрыва и ТРБ-2?

— Можете, но не лично. Предел действия раций — десять тысяч километров, вы не должны удаляться от Д-комплекса на большее расстояние. Удачи.

Пинаев пожал протянутую руку и бесшумно зашагал прочь от перекрестка по голубому коридору. Вслед за ним из боковых ответвлений в сотне метров от перекрестка мелькнули две тени — прикрытие. Исчезли. Тихо, как в подземелье, только шею щекочет ток озонированного воздуха.

Никита вернулся в центр и разыскал по связи Флоренс Дженнифер. Девушка находилась на Базе-10, располагавшейся на одном из островов Южного океана Дайсона-2. На вопрос, что она там делает, Флоренс не без юмора ответила, что ждет агента по освоению Пересвета. Никите ничего не оставалось, как поторопиться на Базу-10, чему он был даже рад: база находилась на втором Дайсоне, где предполагался лагерь чужих.

«Десятка» снабжала всем необходимым отряды коммуникаторов, океанологов, биологов и археонавтов и представляла собой три стандартных параллелепипеда длиной в пятьдесят и высотой в пятнадцать метров каждый. Внутри первого — лаборатории и склады оборудования коммуникаторов и археонавтов, второй занимали океанологи и биологи, а третий был общим: столовая, оранжерея, энергоблок, транспортный отсек, медицинский блок — все, как и на других базах.

Никита нашел на втором этаже общего корпуса медицинский блок и вошел в дверь с надписью: «Вход только по вызову».

В приемной комнате отсека мужчина средних лет, широколицый, с глазами навыкате, равнодушно оглянулся на инспектора. Он что-то писал на дисплее медицинского комбайна.

— Флоренс Дженнифер у вас?— спросил Никита.

Мужчина молча кивнул на одну из дверей и занялся своим делом. Инспектор вошел в указанную дверь.

Небольшая комната с бесформенными с виду креслами, подставкой координатора в углу и стеной видеопласта. На полу ковер, оформленный под толстый слой опавших кленовых листьев, цветовой подбор стен и мебели комфортный: мягкие зеленоватые и палевые тона, освещение объемное, без бликов, по спектру близкое к солнечному.

«Мы не одни»,— предупредил «Вася».

«Это я и сам вижу»,— иронично заметил Никита.

«Кроме Флоренс я чувствую присутствие еще одного человека... а может, и не человека, мало информации...».

— Проходите,— улыбнулась девушка, видя, что инспектор остановился у порога.— Или у вас внезапный приступ робости?

Одета Флоренс была в золотистое трико с черным поясом — внутренний компенсационный слой рабочего комбинезона, и Никита мог в полной мере оценить достоинства ее фигуры. Изъянов он не видел и раньше, теперь же понял, что природа поработала над Флоренс серьезно, с вдохновением, не экономя. Фигуру девушки трудно было описать двумя словами, хотя на ум Пересвету и приходили в основном стандартные оценки: совершенство, гибкость, изящество, гармония — слагаемые красоты, в свою очередь состоящие из определенных наборов черт и характеристик. Но одно Никита знал точно: в стоящей перед ним девушке природа максимально реализовала идеал. Чтобы быть точным — его идеал.

Флоренс тихо засмеялась и скрылась за выросшей в углу ширмой. Через минуту она появилась в комбинезоне, таком же, какой был на Пересвете.

— Я в вашем распоряжении, инспектор. Какая у вас программа?

— Программы нет, основные расчеты и анализ характеристик Дайсонов я закончил. Хочу познакомиться с каждым Дайсоном де-

тально, а начать надо с положений экоэтики и психоэтики. Нужно определить зоны, где присутствие человека в любых ипостасях нежелательно. А для этого мне нужен старожил и специалист, псиэтик Флоренс Дженнифер, знающая Дайсоны, как свои пять пальцев.

Глаза у Флоренс стали задумчивыми.

— Явное преувеличение в духе Кости Мальцева. Вы знакомы?

— Он мне кое в чем помог. Парень без вас, по-моему, просто не выживет, если отправить его на Землю.

— Костя... славный мальчик, но и только. Что касается зон запрета... можно почти не рискуя отнести все три Дайсона к заповедникам планетарного масштаба, присутствие в которых людей не только нежелательно, но и вредно.

— Ого! Вывод достаточно эмоционален, но объективен ли?

— Я приведу факты. Псиэтики ошибаются редко, а если ошибаются, их просят подыскать другую профессию. Может быть, я и пережимаю, но попробую убедить вас на примерах. Вы знаете, что здесь, на Дайсоне-2, вчера нашли второй звездолет дайсониан?

— В самом деле? Тогда почему мы стоим? Вперед!

Флоренс перекинула через плечо ремень плоской белой сумки и вышла первой. Шаг девушки был легок и быстр, комбинезон не мог скрыть ее грациозной женственности, и Никита усмехнулся в душе своей готовности следовать за Флоренс хоть на край света. «Вася» молчал, он, похоже, одобрял мнение хозяина.

Пройдя кабину лучевой дезобработки, они вышли в «бабье лето» Дайсона-2. У входа ждал трехместный пинасс голубого цвета, на крыло которого опирался молодой парень со скучающим лицом. Заметив Флоренс, он подобрался, не обращая внимания на ее спутника.

— Извините, по распоряжению администрации центра всем самостоятельным группам из соображений безопасности придаются проводники. Меня зовут Вальин, и я в вашем распоряжении.

«Вальин Гонсалес, мексиканец, двадцать девять лет,— прошептал «Вася».— Гравионик, стаж работы в Сфере — десять месяцев, числится в группе экспертов технологии».

Флоренс вдруг остановилась и с досадой щелкнула пальцами:

— Забыла оптику... Простите, вы не принесете из медотсека мою рабочую сумку?— обратилась она к парню, на которого явно подействовали ее колдовские чары.

Гонсалес кивнул и исчез за дверью.

— Садитесь быстрей.— Флоренс ловко юркнула на место пилота, и через мгновение они были в воздухе.— Не понимаю, к чему эта перестраховка, к тому же для нашей прогулки третий — лишний.

Никита с любопытством посмотрел на раскрасневшуюся спутницу, заговорившую вдруг несвойственным ей игривым тоном, но Флоренс ответила насмешливым взглядом, и все стало на свои места. По-видимому, это было в ее манере: придать фразе смысл, которого

на самом деле нет, и не опровергать его словами, рассчитывая на известную поговорку: сапиенти сат — умный поймет.

Цвета материковой, вернее, островной природы дайсоновских планет в южной зоне группировались вокруг желтой полосы спектра, поэтому пейзаж под аппаратом напоминал земной умеренных широт в период солнечной осени. Да и температура воздуха была близкой к осенней — плюс девятнадцать по Цельсию.

Пролетели над вудволловой рощей, напоминавшей останки какого-то архитектурного сооружения. В центре рощи на поляне стояла мечеть дайсов, окруженная цепочкой маленьких фигур. Пинасс оставил в стороне три мелких островка здешнего архипелага и взял курс в открытый океан. Вода под ним приобрела интенсивный янтарный цвет, и даже рябь волн не могла забить, засеребрить эту светящуюся медвяную желтизну. Иногда на поверхности воды встречались сиреневые и коричневые пятна водорослей, изредка в глубине можно было заметить косяки дайсонианских рыбозмей или подводные горы, а однажды по воде проплыли ослепительно белые ажурные кружева, колония живых цветов, заряженная электричеством.

Молчание не мешало Никите наблюдать за разворачивающимся ландшафтом и одновременно за сосредоточенной Флоренс, но ему все время казалось, что вместе с ними в кабине незримо присутствует кто-то третий, пытаясь осторожно заглянуть в мысли инспектора. Ощущение было субъективным, психологическим, потому что «Вася» молчал, но Пересвет доверял своей интуиции, своим инстинктам и повысил боеготовность, зная цену неожиданностям; он помнил попытку пси-прослушивания в каюте Уве Хоона в первый свой день на станции.

Внезапно Флоренс резко повернула и протянула руку вперед:

— Смотри!

Пинасс догонял какую-то бесформенную массу, в которой Никита не сразу узнал... воздушный шар! В размерах шар, больше, впрочем, напоминающий банан, достигал метров пяти, и под ним болтался в сетке небольшой предмет черного цвета. Пинасс завис рядом с шаром, и Никита наконец разглядел предмет: это был труп дайса.

— Замерз,— тихо сказала Флоренс с какой-то странной интонацией.

Никите показалось, что в ее голосе проскользнули нотки грусти и нежности, но он не намеревался анализировать каждый жест или фразу девушки, к тому же ему самому было жаль путешественника-островитянина, нашедшего смерть вдали от дома.

Флоренс тронула аппарат с места и чиркнула стабилизатором по боку воздушного баллона. «Банан» с шипением съежился, пошел вниз и исчез в блеске янтарных волн океана.

—Мир праху твоему, первооткрыватель,— пробормотал Никита.

Флоренс посмотрела на него, изогнув бровь, но промолчала.

На горизонте показалась длинная темная гряда — остров. Когда до него осталось километров пятнадцать, на панели управления вспыхнул оранжевый глазок, а из динамика раздался мужской голос:

— Борт-икс, остановитесь! Остров объявлен запретной зоной — работают коммуникаторы.

Лицам, не имеющим полномочий, приближаться к острову запрещено!

— Алло, Стив?— сказала Флоренс в микрофон.— Это я, Фло Дженнифер, сертификат «три шестерки», ты знаешь.

— Фло? С базы мне сообщили, что ты не одна...

— Со мной инспектор Даль-разведки Пересвет, сертификат «три девятки».

«Три девятки» на жаргоне космоперсонала означало «особые полномочия», «три шестерки» — доступ в любые места кроме районов работы спасателей.

Стив отозвался через полминуты.

— Полет разрешаю. Что конкретно вас интересует?

Никита повернул усик микрофона к себе.

— Занимайтесь своими непосредственными обязанностями, уважаемый, мы сами решим, что нас интересует.

Неведомый Стив отключил связь.

Флоренс укоризненно покачала головой, увеличила скорость.

— Стив хороший парень, напрасно вы его обидели.

Остров, береговую границу которого они пересекли, был велик и почти целиком зарос вудволловым лесом. Через минуту полета в сплошных черно-золотых «развалинах» под аппаратом протаяла долина, в которой стоял город дайсониан, один из немногих уцелевших, успешно справившийся с вырождением.

До этого Никита видел дайсонианские города только на стереографиях.

Флоренс подняла машину чуть выше, чтобы город был виден весь целиком, и остановила полет, давая инспектору возможность оценить градостроительное искусство древних хозяев планеты.

Архитектура дайсониан — нечто странное с точки зрения земной логики и позиций антропоморфизма. Вертикальный стиль, если вводить земные аналогии, но прошедший через чуждое людям восприятие, образ жизни со своими геометрическими пропорциями и функциональным назначением.

Во-первых, все здания города были высокими, но одноэтажными. Во-вторых, они не имели крыш. В-третьих, соединялись в замысловатый узор, напоминающий лабиринт, а улицы города больше походили на газоны, засеянные травой, а может быть, и в самом деле были газонами, во всяком случае для ходьбы людей они не предназначались. В-четвертых, город дайсониан был похож на вудволловый

лес, разве что менее густой и более облагороженный и с другим цветовым оттенком стен.

У одного из крайних зданий Никита заметил палатку, куттер и группу людей в желтых комбинезонах.

— Археонавты,— пояснила Флоренс.— В этом городе их человек сорок, потому что он сохранился намного лучше других. Большинство дайсонианских городов почти растворилось в массе вудволловых лесов. Есть гипотеза, что вудволловые леса — это одичавшие и расплодившиеся города.

Перстень на пальце девушки полыхнул сиреневым огнем. «Пальцы натирают,— вспомнил Никита слова недавнего гида при посещении музея,— все сняли, а Фло носит — и хоть бы что!» Интересно, разобрались специалисты в функциях этой безделушки или нет?

— Красив! — заметил инспектор, кивая на перстень.

Флоренс мельком посмотрела на руку и равнодушно кивнула. Эта ее реакция озадачила Пересвета, потому что он знал, как неравнодушны обычно женщины к комплиментам, но в это время пинасс завис над газоном одной из улиц и мягко приземлился. Отскочил и повернулся колпак кабины, Флоренс выпрыгнула наружу, утонув в густой желтой пухтраве по колено.

Никита выбрался следом, прислушиваясь не столько к звукам жизни чужого города, сколко к шепоту «Васи», который снова заметил постороннего наблюдателя.

Над городом медленно кружил виброкрыл величиной с крупного орла, вспыхивая радужными плавниками. Больше никаких живых или движущихся предметов в поле зрения и в поле интуиции Никиты не попало.

— Не отставайте,— окликнула его Флоренс, уверенно направляясь к ближайшему зданию.— Что вы там увидели?

Никита указал на виброкрыла.

— Интересная птичка. «Крылья орловы, хобота слоновы; мы их бить, а они нашу кровь пить».

Девушка засмеялась.

— Похоже. О ком это на самом деле?

— Древняя поговорка о комарах. Что-то не похож виброкрыл на комара, перефантазировали биологи.

— Тем не менее, это существо физиологически ближе к насекомым и к тому же способно кусаться. Кстати, укус виброкрыла вызывает пароксизм удовольствия. Были попытки отлова виброкрылов для получения сеансов удовольствия.

Никита кивнул, он знал, о чем идет речь.

Прошли мимо квадратной толстой плиты, утонувшей в траве. Материал плиты напоминал бетон. Такие прекрасно сохранившиеся плиты встречались в изобилии на всех островах Дайсонов, но их

предназначение оставалось тайной. Гипотеза археонавтов, что это постаменты для скульптур, не выдерживала критики.

Пересвет подошел к стене здания, прогнувшейся, покрытой наплывами и вмятинами, потрогал ее рукой и получил слабый электрический укол. Материал стены походил на серый мрамор с черными прожилками, образующими тонкий, удивительно красивый муаровый рисунок, но, главное, он был теплым на ощупь.

— Вудволл,— пробормотал Никита.— Город живой, как вудволловый лес. Предлагаю альтернативную идею: дикие вудволловые леса жили на планетах изначально, а дайсониане их одомашнили, изменив генетическую программу.

— Хорошая идея, но вас уже опередили палеобиологи.

Флоренс пошла вперед, касаясь стены рукой.

Они обошли здание, заглянули в окна другого, остановились перед третьим, в стене которого зияло отверстие в форме цветочного бутона.

Стены этого здания пошли складками, из которых выростали плоские досковидные контрфорсы, достигающие почвы, и были покрыты серебристым пушком, словно поседели от времени.

Ты спишь один, забыт на месте диком,
Старинный монастырь!
Твой свод упал; кругом летают с криком
Сова и нетопырь,—

С чувством прочитал Никита. Глаза Флоренс на мгновение стали пытливыми и холодными, словно она, взвесив слова, нашла в них скрытый недобрый смысл.

— Чьи это?

— «Ноктюрн» Афанасия Фета, девятнадцатый век.

— Подходят, будто написаны специально. А дальше помнишь?

— А дальше:

И кто-то там мелькает в свете лунном,
Блестит его убор.
И слышатся на помосте чугунном
Шаги и звуки шпор.

— А вы, оказывается, лирик, уважаемый инспектор по освоению. Стихи — это хобби или метод давления на женскую психику?

Никита улыбнулся.

— Увлечение юности, да и сейчас я нахожу многое для ума и сердца в русской поэзии девятнадцатого и двадцатого веков.

Он заглянул в пролом, сквозь который был виден интерьер здания. Собственно, зданиями дома дайсониан можно было называть лишь условно, потому что они представляли собой, скорее, дворики в окружении толстых и высоких стен с окнами и без них. Но дворики эти не были пустыми, они заросли странными, похожими на металлические, конструкциями, фермами и арками, образующими

ажурную пространственную решетку с утолщениями в узлах и сочленениях.

— Сорняки,— сказала Флоренс, кивнув на конструкции. А Никита наконец понял, почему «Вася» настойчиво доказывал присутствие скрытого наблюдателя. За густыми зарослями сорняков в углу двора прятался дайс-островитянин. Чем-то он напоминал Пака, забавного проказливого чертенка из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

— Что вы там увидели?— насторожилась девушка.

— Аборигена. Он увидел нас и спрятался.

К инспектору снова пришло ощущение нависшего над ним каменного свода пещеры, рождающего шорохи и множественное эхо от звуков падающих капель воды; он находился внутри мертвого и одновременно живого исполина, настолько чужого и далекого от всего, чем жил человек, что эта мысль была физически ощутима, порождала душевную муку, отчаяние и желание постичь то, что этот исполин хотел сообщить...

Флоренс взяла Никиту за руку и, как маленького, отвела на середину улицы.

— С непривычки можно заработать эйфоропатию. Вудволловые города, да и дикие леса тоже, образуют сложнейшие системы электрических и биополей. Вполне вероятно, что дайсониане жили в симбиозе со своими городами. Пойдемте, покажу кое-что интересное, чего вы еще не видели.

Они вышли на перекресток улиц, свернули и подошли к зданию круглой формы, стоявшему обособленно в отличие от остальных строений, сросшихся стенами в мозаичные кварталы. У здания были окна-щели и «парадный вход» в форме буквы Т.

Флоренс обернулась, прижала палец к губам.

— Тс-с-с, не спугните! В этом доме поселился бхихор.

Никита послушно кивнул. Он еще не видел вблизи это чудо дайсонианской природы — полусущество-полурастение.

Разведчики прокрались к нижнему из окон и заглянули внутрь здания.

Взору открылся голый оранжевый двор, перепаханный бороздами, словно его недавно вскапывали. У дальней стены двора на участке, освещенном солнцем, рос бхихор.

Он был похож на гриб сморчок высотой в два метра, спрятавшийся под громадным перепончатым зонтом. Тело гриба было коричневым, складки головы — черными, псевдоноги, заменявшие корни — их было три,— золотились пушком, псевдоруки-хваталища бхихора поддерживали паранатальный вырост на голове, фотоэлементный зонт, впитывающий даровую энергию светила.

Никита неловко шевельнул рукой, и в следующую секунду бхихор их заметил, хотя глаз у него не было, вернее, не было глаз, по-

добных человеческим. Гриб почти мгновенно свернул свой зонт в шар головы, втянул руки в тело, скорчился и замер, похожий теперь на обгорелый пень. Потом вдруг выдрал ноги-корни из почвы и отполз подальше в тень, оставив свежую борозду.

— Испугался,— с сожалением сказала Флоренс.— Вас испугался, меня-то он знает. Жаль, послушали бы, как он поет. Бхихоры — существа с развитой психосферой, а может быть, даже мыслящие существа. Недаром у дайсов существует культ бхихора. Может, это отзвук былого величия?

«Сложнейшая система биополей,— вспомнил Никита фразу Флоренс.— Город древних дайсониан — родственник дикому вудволловому лесу. А бхихор кому родственник? Полусущество-полурастение, может питаться светом, электричеством или почвенными соками, умеет передвигаться, ощущать боль и удовольствие и, может быть, мыслить, пусть и на низком уровне... Существо, которому поклоняются островитяне... А ведь вывод напрашивается сам собой, он лежит на поверхности: бхихор — родственник древних дайсониан, строителей Сферы! Это же очень просто! И тогда становится понятной таинственная любовь дайсов к бхихору: хозяева ушли, а их «кошкам», выбравшимся на тропу самостоятельного развития, ничего не осталось, кроме обожествления бхихора, похожего на бывшего хозяина, как две капли воды...»

Над ними медленно пролетел виброкрыл, вернулся и завис, трепеща боковыми плавниками.

Никита внимательно вгляделся в летуна и, не долго думая, точным выстрелом из «универсала», с которым он не расставался, сбил насекомое на землю.

Флоренс оглянулась, изумленная.

— Что вы делаете?!

— Тренируюсь,— пробормотал инспектор, осматривая плоское тело полуптицы-полунасекомого, и показал на его груди россыпь блестящих капелек.— Видеокамеры. Этот «комарик» искусственный, биоробот. То-то мне показалось подозрительным его любопытство.

— И что сие означает?

Никита поднял глаза, встретил ответный взгляд девушки, в котором прятались недоверие и вопрос, и ему стало не по себе.

— Не знаю. Чтобы сделать такую штучку, надо иметь, как минимум, лабораторию, но в пределах Сферы таких лабораторий не существует.

— Не понимаю.

— Я тоже. Давайте заберем его с собой, в Сфере работает отряд спасателей, пограничники, вот и пусть поломают головы.

Флоренс нагнулась, потрогала глазки видеокамер на радужно переливающемся теле виброкрыла и не ответила.

«Эфир чист,— сообщил «Вася».— Внешнего наблюдения не чувствую, но отмечаю повышение пси-фона».— «Терпи,— посочувствовал Никита.— Мне тоже неспокойно».

Через пять минут они взлетели, погруженные каждый в свои мысли. Никита думал, что напрасно открыл спутнице тайну виброкрыла-шпиона. Если она не причастна к таинственной деятельности «фактора Сатаны», то ее реакция довольно необычна, если же она и есть «фактор Сатаны» или хотя бы одна из Чужих, то надо ждать каких-то событий, причем немедленных. Держись, инспектор!

Аппарат пролетел над островами архипелага, и Флоренс повернула в открытый океан, но не в сторону базы, а в противоположную. Никита молча ждал продолжения, поглядывая на профиль девушки, но она вела пинасс без объяснений, вдруг отодвинувшись на «расстояние официального знакомства».

Минуло пять минут, десять, пятнадцать.

Пинасс шел со скоростью двух тысяч километров в час и вследствие сильной электризации воздуха оставлял в кильватере светящуюся полосу — инверсионно-электрический след.

Еще через несколько минут на горизонте показалась темная гряда и, приблизившись, распалась на несколько пятен.

Архипелаг был невелик, из семи островов, зато центральный из них превосходил по площади земной Мадагаскар.

Флоренс подняла аппарат повыше и остановила над островом. Потом тихо сказала:

— Посмотрите внимательно.

Никите не надо было пояснять, куда смотреть, он и так увидел все, что хотела показать ему Флоренс Дженнифер.

Впечатление было такое, будто вудволловый лес недавно горел: стены вудволлов превратились в черно-серые, словно присыпанные пеплом скелеты, зиявшие рваными дырами. Кое-где виднелись бреши в «развалинах», где целые участки леса скорчились от жара, упали на почву и спеклись в поля рыхлого серого шлака. Лес был мертв. Но Пересвет знал, что вудволлы не горят.

— Термический удар? — спросил он, напрягаясь.

Флоренс покачала головой, испытующе глядя на инспектора. Показалось ему, или она в самом деле пыталась прослушать его мысли? Под черепом словно прошумел сквозняк...

«Защита!» — напомнил Никита.

«Все в порядке,— очнулся «Вася».— Отмечаю попытку пси-локации на волне «лямбда». Мощность на три порядка ниже защитного порога».

Значит, Фло все же прощупывает его, хотя и очень осторожно. Или это не она?.. Чушь какая-то! Кругом ни души. К тому же для пси-зондажа нужна соответствующая аппаратура, которую не спрячешь в кабине пинасса. Да, но в каюте Хоона в первый день тоже

кто-то пытался пробить мыслеблок вновь прибывшего на волне «лямбда»... на которой, кстати, не работает земная аппаратура. Так что же, псиэтик Дженнифер — агент Чужих?..

— Термический удар был бы заметен с орбиты,— сказала наконец Флоренс.— А здесь был нанесен удар холодом. В центре острова найдены остатки трех криогенераторов, с помощью которых можно за один час заморозить озеро размером с Ладожское.

— Когда это произошло?

— Вчера.— Флоренс повела пинасс на снижение, сделала круг над островом.

Никита заметил два шпиля мечетей дайсов, но промолчал. И так было ясно, что из населения деревень в живых не осталось никого.

— Кто же мог сделать такое?!

— Не знаю. По оценке экспертов генераторы холода были сброшены намеренно. Странные вещи творятся в Сфере, и агент по освоению должен знать об этом в первую очередь.

— Вы правы,— сухо сказал Никита, почувствовав упрек в словах девушки.— Спасибо за информацию. Но, по-моему, подобными делами занимаются пограничники. Вы сообщили им о случившемся? И откуда вы сами узнали об этом?

Флоренс невесело улыбнулась.

— Они же и сообщили. А моя информированность пусть вас не пугает. Обо всех происшествиях на планетах сначала докладывают мне, как псиэтику, а потом в другие инстанции. Вам это должно быть известно.

— Как видите, неизвестно. Как вы оцениваете ситуацию в целом?

— Свою оценку я высказывала не раз и собираюсь послать докладную записку главному социоэксперту Даль-разведки Рудковскому. Сферу нельзя рассматривать как объект освоения и заселения, она является колоссальным памятником культуры дайсониан, имеющим непреходящее этическое, моральное и эстетическое значение, причем не только для землян, но и для других разумных существ, которых мы еще не встретили.

Никита заинтересованно смотрел на Флоренс. Он пока не мог сказать ей, что Высший Координационный Совет уже утвердил вердикт о судьбе Сферы Дайсона, по которому Сфера после исследовательских работ отходила в ведение отдела охраны памятников культуры Даль-разведки.

Ратификация документа была отодвинута по просьбе отдела безопасности УАСС. Об этом знали только несколько человек на Земле и двое в Сфере: командир пограничников Пинаев и сам Пересвет.

— Но вы не можете не знать, что странные вещи, как вы изволили выразиться, имеют некую направленность.— Инспектор остано-

вил бубнившего «Васю», которого продолжали волновать колебания псифона вокруг машины.

Глаза Флоренс на мгновение стали угрожающими, хотя впоследствии Никита убедил себя, что это ему показалось.

— Вы страшный человек, инспектор. Иногда мне кажется, что вы читаете мысли. Да, я знаю о направленности странных явлений, которая означает одно: кто-то еще кроме землян заинтересован в Сфере. Но если наши цели мне известны, то цели чужих...

Никита встретился глазами с Флоренс и поразился их перемене: теперь в них стояли вопрос и надежда. Инспектор постарался вложить в улыбку больше добродушия.

— Порой и мне кажется, что вы читаете мои мысли. Хотелось бы подружиться, как вы на это смотрите?

— Положительно, хотя существует старая поговорка: друзья приходят и уходят, а враги остаются.

Никита засмеялся. У Флоренс дрогнули губы, но она осталась серьезной, сквозь прищур глаз разглядывая инспектора.

— Не знаю почему, но меня тянет к вам. Вы очень неординарный человек, Никита. Учтите, это высшая похвала в моих устах.

— А если я из тех, из Чужих?

Флоренс помедлила, покачала головой, и снова в голове Пересвета беспокойно зашевелился «Вася», отмечая появление тревожной пси-волны.

— Вы не находите, инспектор, что мы оба ходим по острию иглы? Вы прощупываете меня, я вас, и в итоге все остается на местах: вы сомневаетесь во мне, я — в вас. По-моему, вы не тот, за кого себя выдаете.

— Как и вы,— вежливо сказал Никита.— Еще немного, и мы договоримся до полного признания. Может быть, оттянем этот миг? Неинтересно будет жить. Давайте для начала перейдем на «ты».

Флоренс закусила губу, знакомое полуироничное-полунасмешливое выражение вернулось в ее глаза. Она развернула пинасс в океан и включила форсаж.

— Знаете,— сказала она негромко.— Я, кажется, готова в вас... в тебя влюбиться. Молчи,— остановила она попытку Никиты заговорить.— Мы были откровенны до определенного предела, расценивай мои слова, как хочешь, но... хорошо, что мы остановились на этом.

Никита понял намек, но в отличие от спутницы, которая просто боялась ошибиться, он ошибаться не имел права. Подозрительный «Вася» долдонил: «Не верь, пропадешь, она неискренна»,— однако Никите все больше хотелось расслабиться, поверить в наметившуюся духовную близость и тот смысл, который стоял за признаниями девушки, хотя он знал, что никогда не позволит себе расслабиться до такой степени.

Д-КОМПЛЕКС. ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЕВР

Стационарная станция метро устанавливалась на Д-комплексе с таким расчетом, чтобы ее влияние на станцию дайсониан практически исключалось, поэтому она представляла собой конус, соединявшийся с торцом Д-комплекса вакуум-изоляторами. Внутреннее инженерное обеспечение конуса было стандартным: грузовые камеры старта и финиша, кабины пассажирской линии, генераторы поддержки канала, реактор, оборудование защиты, отсек управления, автоматы разгрузки. Обслуживающий персонал метро состоял из четырех смен по четыре человека в каждой.

Вечером двадцать второго марта начальник смены Хайдаров был вызван к директору исследовательского центра, которому непосредственно не подчинялся. Передав смену напарнику, Хайдаров отправился на второй горизонт Д-комплекса, а его напарник, привычно окинув взглядом пульт управления, в работу которого имел право вмешаться только в исключительном случае, поправил на голове эмкан и вызвал инженеров смены, коротавших время за игрой в нарды. На сияние Сферы ни один из них внимания не обращал; сияющая манная крупа оболочки давно стала для них деталью пейзажа.

В этот момент под конусом станции появилось двое мужчин, один в форме инженера похода, второй в комбинезоне спасателя. Действовали они быстро и бесшумно, связанные нитью радиосвязи.

Один из них, высокий, черноволосый, с лицом узким и бледным, на котором выделялся острый нос, проследовал в отсек управления; второй — плотный, коротконогий и весь какой-то непропорциональный, зашел на территорию рабочей зоны за перегородку инженерного персонала. Оба одновременно надвинули полумаски, скрывающие нос и рот, вынули небольшие цилиндры с рукоятками, похожие на пистолеты. Раздалось короткое шипение выброшенных струек газа — дежурный оператор и оба инженера уснули, не успев ничего сообразить.

Пришельцы продолжали действовать в том же стремительном темпе, не теряя ни секунды на колебания и размышления.

Ровно через минуту на Землю ушел сигнал: «Готов принять груз». Еще через минуту на сигнальной панели грузовой финиш-камеры вспыхнул зеленый круг, ударил гонг и у люка громко шикнула туманная струя азотной отсечки.

Черноволосый ответил Земле: «Груз принят» — аккуратно стер запись о приемке груза на кассете контроля, поставил переключатели на пульте в прежнее положение и поспешил в рабочую зону, где его напарник выгружал из недр финиш-камеры продолговатые ящики с клеймом Даль-разведки.

Ящиков было пять, и весили они немало, но плотный и широкий,

с короткими ногами, диверсант без труда выносил их и ставил на тележку гравикара.

На погрузку ушло две минуты семь секунд, после чего оба незнакомца закрыли камеру, обрызгали пол рабочей зоны какой-то жидкостью и укатили на тележке с ящиками, изнутри которых доносились возня и глухое рычание.

Начальник смены вернулся на рабочее место спустя десять минут после посещения станции неизвестными. Был он зол и озадачен, так как в приемной директора ему сказали, что тот никого вызывать не мог, потому что находился в данный момент на Земле.

Зайдя в отсек управления, Хайдаров обнаружил сладко спящего напарника, проснувшегося, правда, от одного прикосновения. Немая сцена, последовавшая вслед за этим, могла охарактеризовать начальника смены как очень сдержанного человека. Объяснить свое минутное отключение напарник не смог и безропотно дал согласие на медицинское обследование.

Поскольку на Д-комплексе уже действовал приказ директора о чрезвычайном положении, Хайдаров тут же доложил о случившемся секретарю директора Каспару Гриффиту.

САВВА КАЛАШНИКОВ

Времени на завтрак почти не оставалось, и он проглотил грибную запеканку и брусничный мусс за две минуты, не чувствуя вкуса.

В отделе его уже дожидались заместитель и доставленный из Д-комплекса молодой кибернетик, который жаловался на невозможность пробиться на прием лично к директору исследовательского центра.

— Будем знакомы,— подал руку начальник отдела.— Савва Калашников.

— Константин Мальцев,— представился рыжий молодой человек, пребывая в некоторой растерянности; попасть в отдел безопасности УАСС он не ожидал.— Я вас, кажется, видел в Сфере.

— Верно, я был там недавно. Садитесь, долго не задержим. Расскажите поподробней, сколько раз вы пытались добиться аудиенции у директора центра, каковы причины вашей настойчивости и почему секретарь директора вас не пропускал.

Мальцев почесал кончик носа.

— Извините за любопытство, но мне непонятна заинтересованность вашей службы...

— Давайте сначала договоримся, что этот разговор останется между нами. Желательно также, чтобы вы никому не рассказывали о вызове в УАСС, хотя бы в ближайшие три-четыре дня.

— Я постараюсь.

— Прекрасно. Остальное просто: в Сфере введено чрезвычайное положение как реакция на повышение общего фона непрогнозируемых опасных явлений.

— В экспедициях всегда существует фон опасности, не поддающийся прогнозу из-за отсутствия полной информации.

— В данном случае этот фон повысился столь резко, что мы вынуждены отрабатывать пункт «срам» *. Но не будем отвлекаться.

— Мне нужно было попасть к директору Нагааны Даваа трижды. Я кибернетик и вхожу в одну из групп экспертов, исследующих непосредственно Д-комплекс; группа состоит из специалистов по автоматическим системам управления. Первый раз нам понадобилось разрешение директора вскрыть один из отсеков сто пятидесятого горизонта, где, по нашему предположению, располагался пост управления станцией. Гриффит вскрывать отсек не разрешил, сославшись на устное распоряжение директора. В тот же день шеф группы встретил директора, и тот дал согласие на вскрытие. Как оказалось, это был не пост управления, а нечто вроде машинного зала ЭВМ. Самое интересное, что прямо у входа мы обнаружили четыре контейнера голубого цвета...

— Стоп! — поднял руку Калашников.— Директор действительно запретил применять силовые методы при исследовании станции?

— Не знаю,— подумав, сказал Мальцев.— Мы не применяли силу, во всяком случае, в масштабах, затрагивающих жизнеобеспечение Д-комплекса. Вскрытие отсеков состоит в том, что возле входа в помещение мы ищем точки с повышенным электропотенциалом. При воздействии на эти точки электроимпульсами с определенной частотой двери открываются.

— Понятно, продолжайте. Контейнеры были дайсонианские?

— В том-то и дело, что наши, с эмблемой Даль-разведки. Все, конечно, удивились: кто до нас мог проникнуть в отсек, если мы были первыми исследователями сто пятидесятого горизонта? Работали до вечера, а утром контейнеров не стало, наверное, забрали бытовики.

— Второй раз надо было получить согласие директора на эксперимент с прыг-скоком.— Мальцев посмотрел на внимательные лица собеседников и пояснил: — Так мы называем дайсонианское метро. По плану приступили к изучению системы мгновенного транспорта. И снова Гриффит не разрешил, хотя сам Даваа потом присутствовал при эксперименте. А позавчера вообще получилась глупая история. Я возвращался к ребятам — мы начали щупать подходы к посту управления, который нашелся на сто десятом горизонте,— и в коридоре встретил странного человека с большой головой. Я такого не видел ни разу, иначе бы запомнил, лицо у него... какое-

---

* Пункт инструкции аварийно-спасательной службы «сведения риска к абсолютному минимуму».

то непропорциональное, асимметричное. Он без усилий нес двухметровый контейнер. Я ему: «Привет, помочь?» Он даже не глянул, прошагал мимо и исчез за поворотом. Меня любопытство разобрало, думаю, куда этот тип контейнер понес? Повернул за ним, и тут в стену передо мной с треском врезался предмет... такой изогнутый, как...

Калашников снова поднял ладонь и вытащил из стола двухколенник в форме английской буквы дабл-ю из черного материала, отполированного до блеска.

— Этот?

Рыжий Мальцев потрогал двухколенник пальцем.

— Тот был поменьше, но такой же формы. Откуда он у вас? И что это такое?

Начальник отдела переглянулся с заместителем, спрятал «дабл-ю»в стол.

— Это оружие дайсов для охоты за виброкрылами, заряжается электричеством. Продолжайте.

— В общем, меня задело по плечу и немного оглушило, а потом из-за поворота вышел Салих...

— Кто-кто?

— Мухаммед бин Салих, инженер похода, он работает в бригаде обслуживания. «Поворачивай,— говорит,— обратно, тут ходить опасно». Подобрал этот ваш двухколенник, спросил: «Не задело?» «Слегка,— говорю,— а кто бросал?» «Не знаю,— говорит,— тут всего можно ожидать, неспокойный горизонт, нельзя здесь работать, опасно». Ну, я и ушел. А вечером поразмыслил и решил поделиться с директором, он предупреждал, чтобы обо всем необычном докладывали ему лично.

— И секретарь вас к Даваа не пропустил?

— Совершенно верно. Пришлось все рассказывать Гриффиту, а он посмеялся и сказал, что все в порядке, не беспокойтесь, мол, Салих уже все сообщил. Может быть, я напрасно отнимаю у вас время...

— Спасибо за информацию. Похоже, мы не напрасно вызвали вас. Отдохните день-два на Земле и возвращайтесь в Сферу. Если заметите что-то необычное, сообщите мне или моему заместителю прямо с узла связи Д-комплекса. И прошу вас помнить о нашем уговоре: все, о чем мы говорили, служебная тайна.

Кибернетик ушел, смущенный своим новым амплуа.

— Тебе все ясно? — спросил Калашников заместителя.

— Каспар Гриффит,— задумчиво проговорил Захаров.— Личное дело в ажуре. Начну с круга друзей и знакомых, потом потрогаю служебные контакты до экспедиции в Сферу. Так?

— Кроме того, дай задание Пинаеву осторожно понаблюдать за ним в рабочей обстановке. Теперь всплывает еще одно имя: Мухаммед бин Салих, оперативник из группы Валаштаяна. Начни его проверку в том же объеме, что и Гриффита. Не люблю я таких совпаде-

ний. По теории, Салих должен был докладывать о случившемся Валаштаяну, а не Гриффиту, которому не подчинен.

— Есть такой закон: если факты не подтверждают теорию, от них надо избавиться.— Заместитель вытер лоб платком, оставаясь озабоченно-серьезным.— Может быть, Салих и сообщил Валаштаяну, а тот не успел передать сведения Пинаеву.

Калашников покачал головой.

— Они не новички. Если начать списывать неудачи на неоперативность пограничников, то нас всех надо гнать с работы. Но я проверю. Что у тебя по Австралийскому биополигону? Каким образом исчезнувшие там тритемнодоны оказались на Д-комплексе?

— Круг подозреваемых в утечке снизился до пяти человек, среди которых работники лаборатории — двое, работники охраны и защиты полигона — тоже двое и один инженер связи, обслуживающий метро полигона. Подробный анализ происшествия будет готов к вечеру.

— Хорошо, готовь операцию захвата совместно с работниками Австралийского филиала. Времени на скрытое наблюдение и проводку объектов у нас нет.

Калашников остался один в кабинете. С минуту размышлял, потом надел эмкан и подключился к вычислителю, одновременно выводя на машину канал оперативной памяти общего компьютера-координатора отдела.

В одиннадцать часов дня начальник отдела был готов к разговору с директором УАСС, включив в операцию расследования кроме работников отдела еще около двухсот человек из разных секторов погранслужбы.

Косачевский принял его через десять минут.

— Садись, сам хотел в двенадцать вызвать с докладом.

Длинное костистое лицо директора УАСС загорело до бронзового свечения, оттеняя два седых пятна в пышной шевелюре. Вечно прищуренные, излучающие глаза, карие, когда он был в хорошем настроении, и желто-рыжие, когда в плохом, сейчас были орехового цвета.

— Кое-что прояснилось,— начал Калашников, привычно потрогав за ухом небольшую припухлость, куда был вшит «Микки» — личный компьютер и советчик.— В Сфере действует ограниченный контингент представителей иной цивилизации, которых мы раньше для краткости закодировали названиями Чужие и «фактор Сатаны», предполагая, что это два разных лагеря: один — дайсониане или их живая техника, и второй — собственно чужая разведка. Однако дальнейшие события показывают, что техника дайсониан, вполне самостоятельная и умная, здесь ни при чем. Но и на разведку действия Чужих не похожи, скорее, в Сфере находится отряд террористов или диверсантов, целью которых является провоцирование кон-

фликта между нами и миром Дайсона в целом. Присутствие в Сфере дайсониан, хозяев этого мира, гипотетично, но, по оценке экспертов, вполне вероятно.

— Любопытно,— хмыкнул Косачевский.— В каком же виде эти «террористы» гуляют по Сфере?

— Поскольку техники на Д-комплексе хватает, то в принципе они могут маскировать свой облик в широких пределах под любой дайсонианский автомат, но тогда глубина их разведки ограничивается. Если судить по событиям последних дней, похищение хищных тритемнодонов, нападение на Валаштаяна, то Чужие должны маскироваться под людей. Возможны два способа: использование скафандров, имитирующих тело человека, если Чужие негуманоиды, и непосредственное использование людей, запрограммированных надлежащим образом. Происшествие с Валаштаяном подтверждает последнее предположение: ему собирались вшить под кожу на виске программатор. Но не исключено и применение обоих способов.

— М-да, уровень контроля высок. Каким образом можно обнаружить человека с внедренным программатором?

— Только с помощью пси-прослушивания, но, во-первых, пси-контроль исключается по чисто моральным причинам, во-вторых, Чужие тоже могут использовать защитную аппаратуру, биоблокаду, пси-заземление или иные, неизвестные нам методы.

— То есть оперативное пси-прослушивание гарантии не даст,— прокомментировал Косачевский, пригладив седое пятно на виске.— А пригласить подозреваемого на Землю в биоцентр мы не сможем, не пойдет.

Калашников приподнял бровь.

— Герман, вы, кажется, пытаетесь шутить. Это означает одно: вам известно то, что еще неизвестно мне.

— Отдаю должное вашей проницательности, но сюрприз не готовился специально, и я преподнесу его позже. Как работает в Сфере ваш Пересвет?

— От него пришло известие через Пинаева, Никита почему-то отказался от связи через подготовленного посредника. Кто-то пытался прощупать его пси-сферу прямым путем, но кто именно, выявить не удалось. Последнее, что он сообщил: по всем признакам база Чужих находится на Дайсоне-2, и он приступил к непосредственному поиску. Круг лиц, подозреваемых в контакте с Чужими, сузился до четырех человек. Обещал через двое суток точно указать на резидента.

Косачевский с сомнением посмотрел на собеседника.

— Не слишком ли он самонадеян? В Сфере работают далеко не дилетанты, я имею в виду как пограничников, так и наших специалистов; работают уже месяц, но сдвигов почти нет. А он за пять

дней собирается выйти на резидента. Неужели он так силен? Переоценивать свои силы в его положении...

— Понимаю вашу реакцию, дорогой Герман, и тем не менее верю Пересвету, как самому себе. Конечно, есть специалисты более высокого класса, каждый в своей профессии или увлечении: снайперы, которые лучше стреляют, пилоты, которые лучше знают технику пилотажа, борцы, бегуны, прыгуны, актеры, но Никита, во-первых, уступает им ненамного и, во-вторых, обладает редким даром предвидения оперативно-тактической обстановки. К тому же он экипирован биоперсонкомом — анализирующим микрокомпьютерным комплексом, напрямую связанным с мозгом.

— Да вы что?! Внедрение БПК запрещено Комиссией морали и этики год назад!

— Я знаю,— сухо ответил Калашников.— Но биоперсонком внедрен Пересвету раньше, до моратория. Помните открытие базы боевых роботов в Средней Азии?

— Теперь вспомнил. Я был тогда начальником первого сектора Управления. Пять лет назад...

— Почти шесть. Для операции уничтожения базы пятерым работникам отдела безопасности и были внедрены БПК. В живых осталось двое.

— Пересвет? Вот, значит, как... А кто второй?

— Я,— просто ответил Калашников. Он понимал чувства Косачевского, знавшего о последствиях экспериментов с усилением интеллектуальных способностей человека. Технологический путь, путь машинного наращивания, оказался тупиковым, но первопроходцы этого не знали. Не знали они и того, что внедренные микрокомпьютеры невозможно было отключить или удалить — владельцы БПК тяжело заболевали синдромом «потери личности», вплоть до тяжелого психического расстройства с летальным исходом.

— Не знал,— качнул головой Косачевский,— извините.

— Ничего, я привык.— Калашников не стал рассказывать, что их предупреждали о последствиях внедрения в мозг микрокомпьютерных устройств, но у службы безопасности не было иного выхода.

— Считаю, что наш противник экипирован не хуже,— сказал Косачевский через минуту.— Так что́ предложить террористам в качестве контригры? Кроме прямого зондажа Сферы и стратегической контрразведки?

— Поиск идет по трем направлениям: полигон в Австралии — канал переброса хищников на Д-комплекс; база Даль-разведки — утечка генераторов холода; отряд спасателей — осведомленность Чужих о расстановке сил и передвижении отряда в пределах Сферы. Результаты уже есть, к вечеру будет подготовлена операция по захвату пособников резидента на биополигоне, а завтра выйдем на то-

го, кто перебросил на Д-комплекс криогенераторы. В Сфере обстановка сложнее, хотя выявлен ряд лиц, имеющих доступ к важной информации конфиденциального характера. Намечены секторы их контактов между собой до экспедиции в Сферу, изучается характер связей, личностные характеристики, поведение, послужные списки, отношение к обязанностям.

— Хорошо. Какие дополнительные меры безопасности предусмотрены вами в отношении работы экспедиции?

— Чрезвычайное положение продолжает действовать. Исследования Д-комплекса приостановлены, отряды на планетах продолжают работу, но режим безопасности переведен на форму «экстра». Проанализированы вектор-зоны возможных террористических актов, в этих зонах установлено наблюдение.

— Пропавшие без вести на Д-комплексе так и не найдены?

— Боюсь, что они попали в точку взрыва и погибли.

— Итак, двое суток в Сфере тихо. Что предпримут Чужие в ближайшее время?

— Ждем.— Калашников нахмурился.— Все службы готовы к ликвидации последствий. Точно предугадать место нового удара, к сожалению, пока невозможно, потому что не выяснено главное: цель действий Чужих. Логико-смысловая модель их деятельности только разрабатывается.

Косачевский задумался, поглаживая седой висок.

— Пожалуй, это самое слабое место в системе наших умозаключений. Необходима консультация историков и социологов. Я свяжусь с Институтом истории и социологии Земли и предложу поломать головы над проблемой вместе с нами. А новость, которую я приберег, звучит так: пограничная служба Даль-разведки наткнулась одновременно на две цивилизации в разных областях космоса. Одна — у Гаммы Дракона, гуманоидная, вторая — у Дзеты Ящерицы, негуманоидная. Обе, по всей видимости, подлежат опеке вашего отдела. Исчерпывающую информацию вам представит Рудаков. Желаю удачи.

Размышляя над новостью, Калашников вернулся в кабинет и с головой окунулся в вихрь сводок, сообщений, команд и встреч с начальниками служб и отделений.

* * *

В семь часов вечера по московскому времени оперативная группа отдела безопасности в составе двадцати семи человек вылетела в Австралию на биополигон «Хоррор», расположенный на краю пустыни Гибсона, где ее ждали работники группы наблюдения следственного отделения.

Калашников прибыл на полигон на полчаса позже в сопровождении куратора Австралийского филиала УАСС Корнера.

Биополигон «Хоррор» был создан в Австралии двадцать три года назад для сохранения полного набора генов животных, занесенных в Красную книгу. Затем, спустя пять лет, на нем были построены лаборатории, специализирующиеся на воссоздании исчезнувших сравнительно недавно видов фауны Земли. Одна из этих лабораторий с номером семь получила разрешение на эксперименты по палеогенетике, то есть начала исследование возможности воспроизведения предков современных животных вплоть до эпохи динозавров — мезозоя и палеозоя.

Полигон имел свое пассажирское и грузовое метро, контролируемые Инором, международной службой охраны порядка, но в этот день работники Инора были заменены специалистами отдела безопасности, и встречали Калашникова и Корнера знакомые лица: подвижный, пухлый, как хлебный батон, заместитель начальника отдела Захар Захаров и старший инспектор-официал Фредерик Эгберт, массивный, по-медвежьи косолапый, с тяжелым сонным лицом.

За стенами метро царил жаркий полдень. Полупрозрачный купол станции метро стоял в окружении двухметровых шпалер голубоватого спинифекса и островков молодых баобабов. Сопровождающие свернули к белому двухэтажному зданию административно-управленческого корпуса полигона, выстроенного в стиле «плавающий тор». Людей нигде не было видно, лишь в холле здания читал старинную книгу бородатый интеллектуал в шортах, не обративший на процессию никакого внимания.

В кабинете начальника полигона царила стандартная обстановка, обычная для кабинетов деловых организаций и фирм: стол-пульт с подставкой видеоселектора, панель координатора, расчетчик режимов охраны полигона, два пандарма с креслами, терминал вычислителя и ряд легких стульев. Две стены кабинета — фасады кристаллокартотек, третья — бар и сейф, четвертая — окно с видом на территорию полигона с редкими скалами, зарослями кустарника, толстопузыми баобабами и строениями всевозможных форм и размеров. Многие кубы и цилиндры соединялись прозрачными рукавами коридоров.

Захаров поговорил о чем-то с инспектором и повернулся к начальнику отдела:

— Все готово к операции. Резидент выявлен с вероятностью ноль девяносто три. Это Суннимур Кхеммат, палеобиолог, заместитель начальника седьмой лаборатории. Непалец, тридцать три года, месяц назад вернулся на Землю — отказался от работы в Сфере.

— Вот как? Это интересно. Причина отказа?

— Болезнь. Помните странные заболевания белокровием? Он

был первым, кто заболел. На земле все пришло в норму, последствий никаких, но возвращаться не стал.

— Запрограммирован? Или подменен?

Захаров засмеялся.

— Анализ поведения однозначных оценок не дал. Иногда Кхеммат ведет себя странно, однако выявить причины такого поведения весьма трудно, если вообще возможно. У нас не было времени. К тому же он нелюдим, угрюм и явно сторонится женщин.

Калашников прищурился.

— Любопытная подробность. Мы далеко уйдем, если будем основывать свои заключения на женофобии подозреваемых. Шучу. А не хитрит ли наш подопечный? Не подготовил ли он сюрприз вроде раздвоения личности?

— Двойник? — догадался заместитель.— Такая возможность учтена. Но для выявления двойника опять же необходимо иметь достаточный запас времени, которого у нас нет. Кхеммат может работать самостоятельно, если он робот в облике человека, или контактировать с двойником только по связи, если он запрограммирован. Конечно, мы вполне можем свернуть операцию захвата, еще не поздно.

Калашников отрицательно качнул головой, посмотрел на представителя Австралийского филиала УАСС.

— Времени у нас, действительно, кот наплакал, поэтому риск оправдан. Анализировали причину вербовки Кхеммата Чужими? Почему именно он им понадобился?

— Кхеммат мог попасться случайно, как и Валаштаян. С другой стороны, Чужие ничего не делают без расчета. Но если их заинтересовала работа полигона, то выпуск хищных тритемнодонов на Д-комплексе — крупный прокол.

— Согласен. Однако целевая функция агента на полигоне может быть иной, скажем, отвлекающей. Тогда сегодняшняя операция заранее рассчитана Чужими для высвечивания нашей осведомленности и тактической глубины планов отдела безопасности.

— Учтена и эта возможность, хотя разработанная социоэкспертами динамическая информационная модель ситуации прямо указывает на заинтересованность Чужих работой полигона. Суннимур Кхеммат до болезни был ярым романтиком, если можно так сказать, любителем рискованных экспериментов, его невозможно было силой принудить вернуться на Землю, и вдруг словно подменили человека. Второй факт: на Д-комплексе отмечено всего два нападения тритемнодонов на людей, оба на сотом горизонте. То есть нападал, по всей видимости, один и тот же зверь, а где остальные девять? Ответ один — они нужны Чужим для других целей.

К разговаривающим приблизился соннолицый инспектор Эгберт.

— Пора выходить. Все готово, посты наблюдения дают зеленый свет.

Калашников хмыкнул.

— Не нравится мне ваше спокойствие. Как-то уж слишком просто и будничто мы работаем. Все-таки объект захвата — чужое разумное существо!

Захаров пожал плечами, но промолчал.

В карантин-блоке они одели пленочные диффузионные скафандры, обтягивающие тела и пропускающие только молекулы кислорода и азота. За воротами грузового бокса их ждал десятимесячный хэтчбек, замаскированный под грузовой робокар. Всего в кабине разместилось семь человек: Калашников, Захаров, Корнер, инспектор Эгберт и трое молодых парней, молчаливых и собранных.

Робокар без толчка взял с места и неторопливо покатил к ближайшему строению. Встроенный манипулятор выгрузил из него небольшой ящик и поставил внутрь такой же.

Поползли дальше, к усеченной пирамиде с рядом зеркальных пластин по фасаду. Там повторилась та же процедура, и Калашников понял, что делается это для маскировки передвижения отряда.

К зданию седьмой лаборатории, цилиндру диаметром в двадцать и высотой в сорок метров, прибыли через семь минут. Здание стояло в группе невысоких, но крутых скал и соединялось легкими лесенками с двумя серебристыми десятиметровыми шарами, расположенными на карнизе одной из скал.

— Боксы-виварии для особо опасных экспериментов,— пояснил Эгберт в ответ на взгляд Калашникова.— Снабжены диагностическими машинами и граничными блокираторами. Уровень защищенности — десять мегаджоулей на квадратный сантиметр.

Защита на уровне кораблей косморазведки, подумал Калашников. Ничего себе, опасные эксперименты! Что они здесь, огнедышащих драконов выращивают, что ли?

— Зачем понадобилась такая мощная защита? Ведь внутри ничего не взрывается, это же не физическая лаборатория.

— В числе прочих задач седьмая лаборатория занимается мутагенными факторами, выводит химер, как тут их называют,— заговорил с гортанным акцентом молчавший до сих пор Корнер.— Полгода назад, экспериментируя с генной памятью земных мант, ученые вывели чудовищного ящера, побившего рекорды роста и выживаемости. Он разнес оборудование камеры, убил исследователя и едва не вырвался на волю.

Помолчали, пока робокар шлюзовался в приемной камере карантин-блока. Потом Эгберт вышел, перекинулся парой фраз с возникшим из темноты мужчиной в белом комбинезоне и махнул рукой остальным:

— Выходите, отсек контролируется нашими людьми. Объект за-

хвата находится в зале управления вторым виварием, с виду спокоен.

— У него должен быть помощник,— сказал вдруг Калашников, поймав мысль, мучившую его со времени появления на полигоне.— Один он не справился бы с таким делом, как похищение пяти пар тритемнодонов.

— Он мог использовать роботов,— возразил Захаров.— История похищения примечательна тем, что нет ни одного прямого свидетеля. Трое дежурных — в боксе, в зале управления и на территории метро — внезапно уснули и ничего не помнят. Точно так же, как и дежурные на Д-комплексе.

— И все же у меня ощущение, что мы что-то упустили из виду. Вернее, я упустил.

Захаров понимающе похлопал Калашникова по плечу. Операцию готовил он и как никто другой знал, что сделано все возможное.

Они вышли из отсека в коридор прямоугольного сечения, спиралью опоясывающий центральный ствол лаборатории. Впереди тенями скользили оперативники Эгберта, одетые в «хамелеоны». Изредка из глубины здания в коридор просачивались тихие звуки: невнятные голоса людей, размеренный пульс метронома, звериное ворчание и пересвист автоматов.

Прозрачная перегородка, дверь распахнута, на полу сидят двое в зеленоватых комбинезонах, на лицах — растерянность и любопытство.

Вторая перегородка — еще один работник лаборатории, молодой, в глазах заинтересованность.

Навстречу вышла женщина с красивыми рожками спецаппаратуры на висках.

— Он в вольере пситтакозавров. Лифт на галерею отключен, все тихо.

У тупика коридора полезли вверх по лестнице. На второй площадке женщина оглянулась, сделала жест: тихо! — и указала на приоткрытую дверь.

Калашников шагнул вслед за Эгбертом и оказался в узком и длинном помещении с рядом кресел. Перед креслами стена была полупрозрачна, и сквозь нее, как сквозь туман, виднелся круглый зал, поделенный переборками на шесть секторов. Один из секторов был пуст, соседний был забит непонятным непосвященному оборудованием, а остальные три представляли цепочку воспроизведения биоцикла птицеклювых ящеров, пситтакозавров: «роддом» — «ясли» — «детсад».

«Роддом» напоминал инкубатор с тремя саркофагами бактерицидных камер. «Ясли» представляли собой одну камеру с серией излучателей и аппаратурой контроля, по травяному дну которой ползали странные существа, напоминающие ощипанных попугаев вели-

чиной со страуса. В третьей секции зала, самой большой, росли древовидные папоротники, а в зарослях хвощей ворочался черный, отливающий сизой зеленью бугор с красной клювастой головой, увенчанной зеленым гребнем. Рост этого ящера достигал двух метров.

В секторе с аппаратурой работал за пультом один человек, второй, в пузырчатом скафандре, возился в «роддоме».

— Кто? — спросил Калашников.

— За пультом,— ответил Эгберт.

С минуту все наблюдали за действиями разведчика чужой цивилизации, ничем не примечательного мужчины с ежиком черных волос и слегка утомленным смуглым лицом. Это был Суннимур Кхеммат. Он протянул руку над пультом, на пальце мигнул огонек.

— Что у него на пальце? — повернулся Калашников к заместителю.— Или мне показалось?

Стена перед креслами посветлела, обстановка зала за ней стала видна лучше.

— Перстень,— пригляделся Захаров.

— Где-то я уже видел подобный... вспомнил! Мне его показывал Нагааны, они нашли на втором Дайсоне целый клад. Точно такой же носит псиэтик Флоренс Дженнифер.

Человек в скафандре перестал возиться в «роддоме», прошел в тамбур-фильтр, снял скафандр и прошел в отсек управления.

— Нельзя ли подслушать, о чем они говорят? — спросил скупой на слова куратор Австралийской службы.

Ответил Захаров:

— Зал имеет электронную защиту, выключаемую только изнутри. Защита, по идее, призвана обеспечить сигнализацию при попытке прорыва наружу, но фактически она переориентирована, что, конечно, дело рук Кхеммата.

— Он что же, еще и специалист по электронике?

— По нашим данным — нет.

— Тогда у него все-таки есть сообщник. Наблюдение ничего не дало?

— Никаких зацепок, ни одной попытки связи за трое суток.

Калашников задумался. Заместитель вытер вспотевшую лысину платком, переглянулся с Эгбертом, потерявшим свой обычный сонный вид. Напряжение, повисшее в воздухе, достигло электрического накала.

— Начинайте операцию,— сказал наконец начальник отдела.— Если все обстоит так, как я думаю...

Захаров подождал продолжения и махнул рукой инспектору:

— Пошли!

Звуки из зала не долетали на галерею, но, вероятно, на пульте прозвенел вызов.

Сосед Кхеммата дотянулся до сенсора связи, послушал, что-то сказал резиденту и встал.

— Его «вызвали к руководству»,— пояснил Захаров.— Парень — кандидат биологических наук, проверен, связей с Кхеммат ом не имеет, кроме служебной.

Молодой человек вышел, и тотчас же в зал вошла женщина в халате, прошла в секцию управления, что-то сказала с улыбкой. Кхеммат исподлобья посмотрел на нее и вдруг, не вставая, нанес удар в лицо. Удар цели не достиг, девушка изумительно кошачьим движением увернулась, отпрыгнула к стене и вскинула «универсал». В секцию вбежали двое парней в маскировочных комбинезонах, но Суннимур Кхеммат действовал гораздо быстрее, так быстро, что иногда его движения размазывались от скорости. Он выстрелил в оперативника слева («Дерк-3»,— определил Калашников машинально), ушел от выпада второго и достал-таки девушку с «универсалом», причем наблюдающим за схваткой показалось, что рука его выскочила из плечевого сустава и удлинилась на полметра!

Пульт управления внезапно выбросил изнутри клуб желтого дыма, трое оперативников попадали в тех позах, в каких застал их неизвестный газ.

Эгберт уже командовал прикрытию, что-то бормотал Захаров, Калашникову пришлось повысить голос:

— Всем отходить! У него «Дерк-3» и весь неземной арсенал! В коридоре накрыть сеткой или силовым пузырем.

Они скатились по лестнице на первый этаж и успели увидеть финал операции.

Так бежать, как бежал Кхеммат по коридору, люди не могли: нога у него поднималась и выстреливалась вперед вместе с бедром, словно соединялась с тазом реечным механизмом. Была в этом неестественном беге пугающая и отвратительная стремительность механизма и паучья гибкость живого организма, и не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: бежал не человек!

Кхеммат успел пробежать метров семь, как вдруг из ниши коридора на него упал тонкий длинный ус, вцепился в руку и дернул. Резидент на бегу грохнулся всей массой о стену, упал, тут же три или четыре таких же уса опутали ему ноги, вторую руку, и все же он встал, нечеловеческим усилием разорвал путы на руках, но они летели со всех сторон, превращая беснующегося чужака в кокон.

— Все!— сказал со вздохом облегчения Захаров.— Вторая линия страховки не подвела. Лина, Мак и Павел живы?— обратился он к Эгберту. Ответить инспектор не успел.

Коридор осветила яркая голубая вспышка, взрыв бросил людей в тупик, на лестницу, лопнула одна из стен, с грохотом рухнул потолок. От входа в здание донеслись крики.

— Всем назад! — донесся чей-то приказ.— Пускаю киберов.

— Как вы там, живы? — буркнул Калашников, поднимаясь и отряхивая костюм. В облаке пыли и дыма зашевелились фигуры.

— Кто стрелял? — выплыл из облака Захаров, держась за голову: он ударился затылком о ступеньку.— Кто стрелял?!

— Никто,— поморщился Калашников.— Он взорвался сам. Мое предположение, к сожалению, оказалось верным: это робот, двойник настоящего Кхеммата. А сам Кхеммат, скорее всего, запрограммирован и выполняет какое-то задание Чужих здесь, на Земле.

— Это я виноват.— Заместитель озадаченно посмотрел на ладонь, она была в крови.— Надо было предусмотреть попытку самоликвидации. В Сфере они тоже взорвали модуль, когда пытались бежать с Базы-2.

В коридоре появились юркие киберы, и люди вытащили из ниши раненого оперативника, стали разбирать груду упавшего перекрытия. В воздухе витали запахи сгоревшей синтетики, ментола и почему-то чеснока.

Калашников пробрался к выходу, оглянулся на Захарова, пытавшегося давать указания.

— Покажись медикам, у тебя весь затылок в крови. Ничего ты здесь не найдешь. И все же, по-моему, не все потеряно, есть возможность подобраться к «живому» Кхеммату.

Заместитель забыл о боли.

— Прочесать весь полигон?

— Нет, здесь его не найти. Но откуда у робота Чужих земной парализатор? «Дерк-3» давно изъят из всех арсеналов... кроме трех: нашего отдела, базы Даль-разведки и Военно-исторического музея.

— Понял,— хрипло проговорил Захаров.

— Что с теми, в зале?

— Павел Шапошников в реанимации,— хмуро доложил Эгберт.— У Лины перелом ключицы, Мак отделался испугом — наглотался газа, потерял сознание.

Калашников выбрался из здания, подставил лицо солнцу и подумал, что задача Никиты Пересвета в Сфере усложняется, а опасность расшифровки увеличивается.

ЗЕМЛЯ, МОСКВА, ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В девять часов утра директору музея позвонили из спецсектора Управления аварийно-спасательной службы и предупредили, что в половине десятого к нему наведаются работники отдела безопасности по делу, не подлежащему разглашению. Директору музея шел

девяносто шестой год, и на своем веку он уже не раз встречался с представителями УАСС, поэтому он не удивился и вежливо ответил, что готов помочь.

Ровно в девять тридцать в кабинет директора вошли двое мужчин: смуглый, слегка сутулый, черноволосый, в сером полукомби, и второй, широкоплечий, приземистый, с большой головой, чуть ли не по брови заросшей курчавым волосом.

— Суннимур Кхеммат, инспектор-официал индийского филиала УАСС,— представился смуглый с акцентом, выдающим его южноазиатское происхождение, и протянул серебряную пластинку с именем, указанием отдела и должности.— А это эксперт техцентра Бикара. Нам нужно убедиться в том, что из ваших сейфов не произошло утечки оружия индивидуальной защиты прошлого века, конкретно — пистолетов, стреляющих усыпляющими иглами и парализаторов классов «Дега» и «Дерк».

Директор оживился, пергаментное морщинистое лицо его приобрело снисходительное выражение.

— Это исключено. На витринах живых экспонатов нет, только «мыльные пузыри», а из сейфов взять любой экспонат можно только через систему кодового запроса, что невозможно оставить в тайне. Проверить, конечно, можно, однако хотелось бы получить подтверждение ваших полномочий.

Кхеммат весело стукнул себя по лбу, достал белый квадратик пластпапира, на котором выступила надпись: «Полномочия «АА». Предъявителю оказывать содействие по первому требованию».

— Все в порядке, извините.— Директор музея развел руками.— Таков порядок. Пойдемте, пока есть время до открытия.

Они вышли из кабинета, прошли два зала с экспонатами, на лифте спустились в подвал обширного старинного здания и остановились у металлической на вид двери с надписью «Запасник». Директор постоял несколько секунд, словно прислушиваясь, дверь превратилась в зыбкую туманную пелену, соскользнула на пол, как упавшая шелковая штора.

В помещении зажглись белые люминесценты, осветили бесконечные ряды полок с миниатюрными контейнерами, опутанными системой электромагнитного транспорта.

Каждый ряд был снабжен небольшим пультом, световыми указателями и грузовым роботом. Директор уверенно зашагал между решетчатыми стенами к дальней шеренге стеллажей, окрашенных в коричневый цвет.

— Обычно мы только даем консультации,— обернулся он на ходу,— у нас работают отличные специалисты, историки, знатоки оружия всех времен и народов. С таким делом, как у вас, к нам еще не обращались.

У первого стеллажа, тянувшегося метров на сто, директор остановился, повел рукой:

— На этом горизонте хранится оружие индивидуальной защиты конца двадцатого — начала двадцать первого веков: пистолеты и револьверы огнестрельного боя, пневматические, ультразвуковые, лазерные, усыпляющие, пистолеты запахов и парализаторы. Этажом ниже хранится автоматическое и полуавтоматическое оружие: винтовки, карабины, автоматы, пулеметы, гранатометы. Еще ниже — зенитная артиллерия, машины и танки, ракетное оружие, бомбы, мины, гранаты. Военные корабли и подводные лодки хранятся в филиале Музея в Одессе. Атомное оружие представлено макетами, как и лазерное, гамма-радиационное и бионное. Военные летательные аппараты выставлены в Куйбышевском филиале музея. Извините за лекцию, привычка. Что ж, давайте проверять, но уверяю вас — все на месте.

Один за другим дисплей контрольного пульта воспроизводил содержимое контейнеров. Оружие хранилось в вакууме при постоянной напряженности электромагнитного поля и сохраняло характеристики сотни лет. Дошли до контейнера с парализаторами.

— Простите,— остановил директора Кхеммат, внимательно следивший за его руками,— а как вы достаете экспонаты? Разгерметизация не влияет на их свойства?

— Контейнеры перед вскрытием продуваются азотом, свойств экспонаты не теряют, они же и предназначены для работы на воздухе. Но при вскрытии срабатывает сигнализация на пульте у дежурного, так что вскрыть контейнер без шума невозможно.— Директор включил связь с дежурным центрального хранилища.— Анти, отключи на пару минут сорок вторую линию, ряд семь.

Зеленый огонек на торце стеллажа с оружием погас, загорелся алый глазок.

Директор поколдовал на пульте, ближайший контейнер зашипел, как рассерженный кот, и раскрылся. В то же мгновение Кхеммат уколол директора длинной иглой в шею, тот обмяк и осел на пол.

— Открывай пятнадцатый, семнадцатый и двадцать третий,— скомандовал Кхеммат быстро. Его массивный угрюмый спутник молча склонился над панелью управления.

Через минуту мнимый работник УАСС набил кейс оружием и спокойно направился к боксу с транспортными средствами. Выбрав робокар, он жестом пригласил спутника. Еще через полторы минуты они выходили из лифта на первом этаже здания. Встретившемуся работнику музея они сообщили, что директору в хранилище стало плохо; миновали пост на входе, и больше их никто не видел.

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Уже второй день «Вася» не давал покоя Никите, отмечал скрытое наблюдение. Инспектор и сам чувствовал слежку, но велась она столь умело и хитро, что определить наблюдателя пока не удавалось: в поле зрения попадал слишком широкий круг лиц. Первым в этом круге стоял Мухаммед бин Салих, пограничник из группы Пинаева, последним Уве Хоон, археонавт. Флоренс Дженнифер обосновалась в центре круга давно, хотя Никита завел досье на нее с великим внутренним сопротивлением.

Шел пятый час утра по времени Д-комплекса, когда Никита дал сигнал Пинаеву ждать его на десятом верхнем горизонте. Когда он спустился в главный радиальный коридор горизонта, попетляв по боковым отросткам и хордам, Пинаев вышел из глубокой ниши с пузырем внешнего выхода, снабженного дейсонианской автоматикой.

Начальник отряда пограничников был затянут в блестящий черный комбинезон с карман-ранцем на спине для работ в открытом космосе. Шлем в таком комбинезоне образовывался автоматически при резком падении давления воздуха или по команде владельца. Никого из ребят Пинаева Никита не видел, но знал, что Ждан не пришел бы без двойной, а то и тройной подстраховки.

— Понаблюдайте за мной издали,— сказал Никита, пожимая сухую и твердую руку Пинаева.— Чувствую слежку, но отфильтровать наблюдателя не могу. В мои планы входит исследование второго Дайсона, база Чужих там. Новости из центра есть?

— Калашникову удалось раскрыть резидента Чужих на Земле, внедренного на биополигон «Хоррор» в Австралии. Некто Суннимур Кхеммат, биолог, генный инженер. При попытке задержания ранил четвертых, уничтожил себя. По данным экспертизы, это был двойник, робот в человекообразном скафандре. Сам Кхеммат, очевидно, запрограммирован и работает по заданию главного разведчика в Сфере. В данный момент он на Земле, успел совершить две акции: похитить криогенераторы на базе Полярстроя и оружие в хранилище Военно-исторического музея.

— Что именно?

— Парализаторы «Дерк», усыпляющие пистолеты и дапли — пистолеты запахов.

— Значит, Чужие теперь вооружены земным оружием. Своего нет? Или не хотят рисковать, исключая случайную утечку информации?

— Калашников сказал, что круг поиска Кхемма сужается, его задержание — дело двух-трех суток, директор дал добро на проведение глобальных мер «экстра-поиск».

— Непонятно, что понадобилось Чужим на Земле. Зачем им

хищники? На отвлекающий маневр эта акция не похожа, она позволила нам высветить помощника главного резидента Чужих.

Пинаев промолчал. Он не любил ни задавать риторические вопросы, ни отвечать на них. Намерения Чужих пока были неизвестны и не поддавались расчету и прогнозированию.

Никита оценил его молчание.

— Никто. Никуда. Ниоткуда,— сказал он, улыбнувшись.— Вот и все, что мы знаем о разведке Чужих. Хорошо работают, надо признаться, почти без ошибок.

Пинаев кивнул, прислушиваясь к шепоту рации.

— Ребята только что засекли зверя на сто десятом этаже, мы обклеили коридоры «глазами» до двухсотого горизонта, так что контролируем движение почти в одной трети объема Д-комплекса. Естественно, только на стационарных горизонтах с шагом в десять этажей, промежуточные слишком динамичны, и камеры часто прекращают передачу. Попробуем отловить?

Никита подумал.

— Пока не надо, пусть побродит голодный, взять его можно будет в любой момент. У тебя все?

Пинаев помялся, взвешивая сомнения относительно ценности имеющихся сведений, но все-таки решил сообщить:

— Мне жаловался Валаштаян, в шутку, конечно. В свободное от дежурства время они устроили сеанс показательной борьбы — парни молодые, энергии много — и в трехминутке Салих «связал» Валаштаяна, как котенка. А ведь Ираклий — мастер спорта по тайбо.

— Ну и что? Значит, Салих сильнее.

— В том-то и дело, что раньше Мухаммед не проявлял особых успехов в тайбо, он профессионал в плавании, Ираклий его брал на тренировках, как хотел. Честно говоря, ничего особенного в этом нет.— Пинаев вдруг смутился.— Мухаммед мог тренироваться независимо, но Ираклий был обескуражен...

— Салих,— повторил Никита.— Ладно, возьмем на заметку, хотя если начать подозревать всех... Кстати, ты ему давал задание понаблюдать за мной?

— Нет.— Пинаев порозовел от усилия остаться бесстрастным.

— Понятно. Тогда до связи.

Пограничник исчез.

Пересвет поиграл с пузырем выхода, заставляя его раскрываться и закрываться, и не успел выйти из тупика коридора, как «Вася» «заорал» на весь мозг: «Берегись! Слева опасность!»

Мгновенно отозвались сторожевые центры мозга, бодрствующие в любое время суток. Пришло зябкое и неуютное ощущение чужого взгляда. Свет в коридоре стал зеленым, а пространство вокруг — плоским, словно Никиту поместили в аквариум, заклеив один глаз.

Напрягаясь, он с трудом вынырнул из засасывающей трясины беспамятства, прошел несколько шагов до угла, надеясь увидеть людей с гипноиндуктором, и едва не упал от слабости. Генератор пси-защиты ослабил удар по нервной системе, но будь вместо Пересвета нетренированный человек, он не мог бы сопротивляться внушенному приказу.

В сжатом ледяными шершавыми пальцами излучения черепе — жуткое, ирреальное чувство! — как в пустом и безводном колодце холодной змеей свернулся вопрос: «Кто ты?»

Вопрос был прям и нелеп, как и все происходящее, но именно поэтому Никита сразу стал спокоен: спрашивали без угрозы, просто даже с долей любопытства. Инспектор отдела безопасности прошел хорошую школу, умел контролировать мысли и чувства, поэтому он мысленно «высветил» в ответ давно заготовленную «исповедь», что он экосоциолог, агент по освоению планет, эколог, и так далее, и так далее...

Вопрос в голове змеей «уполз в песок», колючим кактусом выполз другой:

«Зачем ты здесь?»

Никита разыграл растерянность — трудно объяснить очевидные вещи — и начал нудно перечислять свои обязанности, прислушиваясь к шепоту «Васи» второй, «замаскированной», половиной своего «я»: «Нападение осуществляется переносным пси-генератором типа «Имидж», глубина проникновения — до сложных рефлексов. Количество нападающих установить не могу. Предел устойчивости психики на данном уровне мощности излучения две минуты, предлагаю вызвать помощь».

Никита велел «Васе» помолчать. Неизвестный допрашивающий тоже умолк на полминуты, потом фон в голове изменился, как и «взгляд» сверху: частота излучения стала гулять, нападающий искал частоту психорезонанса. Никита напрягся, подбираясь к порогу «грогги»; он был почти оглушен.

В голове вдруг качнулась вселенная, и на сетчатом фоне возник образ симпатичного большеглазого существа с тонкими ручками и кузнечикообразными ножками: нечто среднее между земным лемуром под названием долгопят и бамбуковым медвежонком-пандой. Это был дайс-островитянин, больше всего походивший на пикси — доброе маленькое существо в фольклоре Англии, в которое якобы воплощаются души умерших младенцев.

Никита удивился: ему явно внушались мысли, что с ним разговаривают дайсы. Он уже достаточно хорошо знал жизнь планет Сферы. Дайса представляют собой расу разумных животных, то ли зарождающийся разум нового поколения, то ли деградировавших потомков строителей Сферы, но главное — они не могли воспользоваться земным гипноиндуктором типа «Имидж», даже если бы

захотели. Это был несомненный просчет противника, рассчитывающего на полную подавленность воли перципиента.

Образ дайса исчез, вместо него появилось изображение Сферы изнутри, с поверхности одного из астероидов оболочки. Дайя, светило Сферы, вдруг перестала светить, и на ее месте возникла «глубокая» черная яма, дыра... В следующее мгновение ощущение чужих пальцев, сдавливающих мозг под черепом, прошло. Никита стоял у стены, один, пустой, как рыцарские латы, с мыслью, что укатали сивку крутые горки... Заботливый «Вася» быстро разобрался в биоритмах усталого от борьбы мозга и подавил психошлаки — отрицательные эмоции. Инспектор обшарил коридоры вокруг, заглянул в одно из соседних помещений, дверь которого, единственная из всех, оказалась незапертой, но никого и ничего не нашел. Таинственный незнакомец с гипноизлучателем мог прятаться где угодно за стенами коридора, этажом выше или ниже, искать его не имело смысла. Понравилась ему реакция Никиты, остался ли он удовлетворенным и глубоко ли проник в тайники психики — осталось неизвестно, хотя инспектор надеялся, что держался достойно и правдиво. Интересно, видел этот любопытствующий встречу с Пинаевым или пришел позже? Скорее, последнее, потому что если бы он уже был здесь, то люди Ждана вычислили бы его, значит, резидент Чужих пришел сразу после встречи. Но тогда возникает вопрос: зачем он таскает с собой гипноиндуктор? В расчете на случайную встречу с подозреваемыми в связях с земной контрразведкой? Глупо. В таком случае, встреча его с Никитой не случайна, точно рассчитана, Чужой знал, где его искать. И подкрался незамеченным... как невидимка и неощутимка...

«Чепуха,— ответил «Вася», следя за мыслью хозяина.— Я бы его учуял за сто метров, будь он даже привидением».

«Не преувеличивай,— усмехнулся Никита.— Лучше скажи, почему ты крикнул, что опасность слева?»

«Вася» помолчал.

«Мне так показалось. В стене слева резко изменились электрические потенциалы, емкость, магнитное поле, да и объем комнаты за стеной был меньше, а потом скачком увеличился...»

«Ясно, спасибо. Вот каким образом агент Чужих остался незамеченным: они умеют передвигаться через помещения, вне коридоров, недаром почти все помещения Д-комплекса способны менять форму. Не этим ли способом они проникли в мою каюту?»

«Нет информации,— честно признался «Вася».— Предлагаю поискать методы трансформирования помещений станции с их центрального поста управления».

Это была неплохая мысль, но Пересвет отложил ее реализацию до вечера, его ждали неотложные утренние дела. А в коридоре, ведущем к «вепрю», инспектор встретил Флоренс Дженнифер.

— Вот те на! — с шутливым удивлением внешне и отнюдь не шутливым внутренне воскликнул Никита.— Доброе утро. Кто это вас выгнал из постели в такую рань?

Девушка не ответила на шутку, внимательно разглядывая удивленную физиономию инспектора, будто не узнавая. В руке блеснул металл. «Универсал»! Стволом вниз, у бедра — девушка держала оружие с небрежной свободой профессионала.

«Почему не предупредил?» — зло воззвал Никита.

«Не слышал,— виновато буркнул «Вася».— Она выпрыгнула, как чертик из банки».

— Понятно,— вслух произнес Никита.— Вышли поохотиться с утра. Живности тут хватает, особенно электрической.

В глазах Флоренс появилось незнакомое ранее выражение беспомощности, нерешительности, но длилось это две-три секунды.

— Я только что встретила странного зверя...

Никита посерьезнел, нахмурился.

— Два метра, с хвостом — три с лишним, полосатый и похож на крысу...

— Разглядеть не успела, но похоже, он. Я успела выстрелить в пол, и он юркнул в другой тоннель.

— Тритемнодон, предок кошачьих, реставрирован палеоген-инженерами на биополигоне в Австралии. Разве вы забыли инструктаж директора? Какой-то шутник похитил прайд тритемнодонов и выпустил их здесь, на станции.

— Зачем?

— Вероятно, затем, чтобы понаблюдать, что из этого выйдет.

— Не понимаю.

Никита отбросил шутливый тон.

— Что с вами, Фло? Вы перестали понимать юмор.

Девушка мгновение смотрела на него по-прежнему, недоверчиво и напряженно, явно колеблясь принимать какое-то решение, потом спрятала «универсал» в боковой карман комбинезона.

— Вас искал секретарь директора Каспар Гриффит, кажется, на втором Дайсоне обнаружили еще один хорошо сохранившийся звездолет дайсониан, дирекции интересно ваше мнение, как физика. До встречи у Хоона.

Ушла.

Никита смотрел ей вслед и пытался унять сердцебиение и сумбур в голове, гадая, откуда Флоренс знает о первой его специальности, что она здесь делала на самом деле и почему так странно реагировала на его появление. И потом, что за колебания, явно относящиеся к его персоне? Что это, игра, рассчитанная на определенный эффект, или отзвук настоящего душевного дискомфорта? Неужели Фло пытается разобраться в нем со своей стороны? Но кто она тогда?..

* * *

Каспар Гриффит убыл на Дайсон-2, не дождавшись агента по освоению планет, и Пересвет, перекинувшись парой фраз с Уве Хооном, прибывшим лично к директору центра Даваа, позавтракал в одиночестве в кафе-автомате и переместился на седьмую базу археонавтов. Там он оседлал одноместный пинасс, походивший на земного ската, и направился к Северной климатической зоне: остров, на котором обнаружили звездолет, находился на границе сумеречного пояса.

Океан внизу напоминал цветом свежий мед, и Никите захотелось одновременно и отведать этого меда, и искупаться. Под аппаратом проплыли три небольших островка, поросших пухтравой и дайсонианским саксаулом, напоминавшим рассохшиеся деревянные беседки из почерневших досок.

Потом попался еще один остров с небольшой вудволловой рощей, похожей на развалины замка. Над рощей, сверкая радужным оперением, кружила стая виброкрылов. Видимо, охотилась на змееногов или на кочующий лишайник.

Гористый Остров Удачи, как уже окрестили его археонавты, показался через полчаса. Остров представлял собой почти квадрат со стороной километров шесть-десять, от него к востоку отходила цепь островов поменьше, загибаясь широкой дугой в сумеречную зону. Дайя здесь стояла низко, распахивая океан огненной бороздой бликов.

Звездолет дайсониан Никита отыскал со второго захода, пересекая остров по диагонали: ослепительно белый цилиндр, длиной в четыре километра и диаметром в триста-четыреста метров, утолщенный посередине, с наростами у торцов, испещренный узором геометрически правильных бугров и вмятин. Его уже вытащили из почвы и очистили от наносов: рядом виднелся громадный котлован, наполовину заполненный маслянистой коричневой жидкостью. Гигант со всех сторон был окружен земной техникой, по его корпусу ползали темные мураши-роботы и люди.

«Ничего особенного,— подумалось Никите,— наши спейсеры немногим уступают в размерах этой махине. Другое дело — сама Сфера. Но, может быть, оболочку Сферы строили именно с помощью таких машин?»

Форма звездолета была необычной и не соответствовала формулам звездных кораблей Земли, а узор вмятин на его боках напомнил инспектору картину полного топологического преобразования плоскости.

«Интересно,— подумал он мимолетно,— чем руководствовались эксперты, делая вывод, что это звездолет?»

Он посадил пинасс возле целого парка разнообразных летатель-

ных аппаратов и принялся искать Каспара Гриффита. Не давал покоя вопрос: откуда тот знает о прежней специальности инспектора и зачем ему понадобилась консультация?

Гриффита на острове не оказалось.

Никита нашел координационный пост исследований звездолета, располагавшийся в палатке у вудволлового леса, дежурный организатор работ обзвонил все группы, но Гриффита не обнаружил.

— Был здесь час назад,— сказал организатор, багроволицый толстяк, которому было жарко, несмотря на весьма умеренную температуру воздуха на острове.— Потом его отвлек незнакомый мне молодой человек, и они сгинули.

— А почему дирекция вдруг нарушила свой же запрет на разворачивание исследований? Что за крайности? То выход с баз на планетах разрешается только в сопровождении спецработников, то вдруг отменяются все меры безопасности?

— На этот вопрос могу ответить я,— раздался сзади чей-то голос, и в палатку зашел уверенный, энергичный Салих, одетый, как и Никита, в компенсационный костюм спасателя.

— Вот он,— оживился толстяк-организатор.— Он видел вашего Гриффита последним.

— Мир тесен,— сказал Никита, здороваясь.— Однако позвольте узнать, какое отношение вы, инженер похода, имеете к археонавтике вообще и к исследованию звездолета в частности?

Молодой человек улыбнулся.

— Отвечаю по порядку. Меры безопасности не отменены, и о вашем появлении мы были предупреждены, а то, что вас пропустили без сопровождающего, говорит лишь о доверии к вашему опыту. Количество изучающих звездолет увеличено за счет исследователей Д-комплекса, что было согласовано с Землей. С Гриффитом я разговаривал несколько минут назад и могу проводить вас к нему, если хотите. И последнее; я не только инженер похода, но и работник погранслужбы.

— Вот как? — с ноткой удивления произнес Никита, как никто другой знавший о профессии Салиха.— Поздравляю. Это не с вашей ли подачи введен особый режим?

— Пойдемте, провожу,— уклонился от ответа пограничник.

Они поднялись на колоссальную тушу дайсонианского корабля и проникли в его недра через распахнутые створки в одном из наростов у кормы.

Сразу за входом начинался ангар или нечто в этом роде, над которым был проложен исследователями легкий мостик для удобства работы и осмотра. Все в ангаре было странным и необычным: интерьер, планировка, формы аппаратов и устройств, расположение залов и помещений, геометрия этих помещений, чудовищная мешанина коридоров и площадок, совершенно не приспособленных для

путешествия по ним людей. Цвет конструкций был грязно-желтым или оранжево-серым, но это оказался цвет пыли, покрывавшей все предметы слоем толщиной в десять сантиметров. Кое-где роботы-уборщики успели счистить этот слой, и стены коридоров отливали перламутром в свете люминесцентов.

Салих остановился посреди зала высотой не менее двадцати метров. Стены зала были покрыты крупной чешуей и блестели, словно смазанные жиром. С шести сторон к центру помещения тянулись острые шпили, образуя нечто вроде захлопнувшегося капкана, и Никита вдруг обнаружил сходство этого сооружения с камерой распада, с которой он работал в лаборатории вакуума на Земле три года назад. Догадаться о сходстве мог только специалист в физике вакуума, и снова пришла пугающая мысль: откуда Гриффит знает о прошлой специальности агента по освоению планет?

— Инженеры считают, что это генераторы движения,— сказал Салих, наблюдая за инспектором. Голос его взлетел под купол зала и разбудил звонкое множественное эхо, не смолкавшее около десяти секунд.

Следующее помещение было копией первого, а потом одна за другой пошли низкие комнаты с пакетами черных пластин, и снова Никита по ассоциации вспомнил лабораторию вакуума: эти помещения напоминали камеры компенсации разряда, разве что по масштабам превосходили лабораторные в два десятка раз. Звездолет дайсонианы... а внутри — техника для преобразования вакуума! Причем настолько простая внешне, что невольно приходит мысль о явной демонстративности, граничащей с демонстративностью наглядных пособий. Звездолет... Звездолет ли?

Они поднялись выше, на другой ярус, потом опустились на «дно», всюду встречая увлеченных работой людей, занятых расшифровкой функций оборудования гиганта, умолкшего тысячи лет назад. Исследователи были счастливы, и Никита с трудом подавил прилив острой зависти к парням, копающимся в таинственных механизмах с наслаждением, без оглядки на «фактор Сатаны» в лице разведки чужой цивилизации. Сам же Пересвет в настоящее время был планетологом, а не инженером и физиком, мог позволить себе лишь экскурсию по звездолету, этому сверхсовершенному кенотафу *...Зачем он все-таки понадобился Гриффиту?

— Странно,— пробормотал, озираясь, Салих.— Гриффит был здесь с Антоновым, куда он исчез? Может быть, направился в рубку? Подождите здесь, я сейчас вернусь, посмотрите пока вон тот бункер, там есть кое-что интересное.

Неподалеку и впрямь чернело прямоугольное отверстие в стене

---

* Кенотаф (*греч.*— пустая могила) — погребальный памятник в виде гробницы, но не содержащий тела умершего.

коридора. Никита послушно нагнулся, с трудом протиснулся в отверстие и оказался на хрупком эластичном мостике, пересекавшем по диагонали конусовидный зал с рядом дырчатых пластин и бурых сталагмитов на черном полу. В центре, под мостиком, располагался шишковатый нарост, усеянный острыми шипами, он иногда отсверкивал мокрым блеском, и Никита, заинтересованный, шагнул на мостик. «Осторожно,— предупредил «Вася»,— мы не одни, и здесь опасно».

В тот же момент мостик лопнул, Никита рухнул вниз с высоты четырех метров. Упал он на ноги, упруго подскочил, спасаясь от взрывающихся, как стеклянные гранаты, осколков мостика, и увидел, как самая крайняя пластина с круглыми дырами медленно падает на него. Он оказался в мышеловке, простой и надежной, как колодец: бежать некуда, а вверх по гладкой стене не заберешься. Однако у Никиты был ангел-хранитель.

Пластина толщиной в полметра успела накрениться всего на двадцать градусов к вертикали, как вдруг сверху на инспектора упала широкая черная лента и раздался голос:

— Пошевеливайтесь, маэстро.

Никита мгновенно сообразил, что от него требуется, и через секунду оказался наверху, на уступе стены, с которого начинался мостик. Дырчатая пластина с гулом ударила в стену, толкнув спасителя и спасенного в спины воздушной волной. Никита только теперь разглядел, что это не Салих, а незнакомый светловолосый крепыш в спецкостюме спасателя.

— Спасибо,— подал руку инспектор.

— Не за что,— ответил белокурый, рука у него была сухая и твердая.— В другой раз будьте осторожнее.

Он испарился прежде, чем инспектор спросил его имя.

Спустя минуту появился спешащий Салих.

Увидев Никиту, он изменился в лице, но тут же сделал озабоченную мину.

— Все в порядке? У вас какой-то испуганный вид.

Это была ложь, Никита отлично владел собой и даже без подсказки «Васи» понял, что Салиху известно о происшествии.

— Ничего особенного,— сказал он небрежно,— там что-то упало, я посмотрел — все на месте.

— А вы туда не входили?

— Там тупик, нет хода.

— Ясно. Что ж, идемте наверх, заодно посмотрите центр управления этой махиной.

К рубке звездолета они добрались через двадцать минут, пройдя несколько километров по коридорам, залам и хитрым пандусам колоссальной машины пространства. Широкий коридор с губчатым покрытием пола и наклонными стенами вывел в яйцеобразное помеще-

ние, действительно напоминающее рубку старинного космолета, если представить, что в ней ничего не работает.

В центре помещения на ажурных пилонах стояло семь кресел, напротив каждого — слепые, серые, в зеленоватых разводах доски с пучками тонких усиков. Из стен кое-где торчали странные выросты, похожие на изуродованные когтистые лапы, позади каждого кресла в стенах — круглые вмятины, отливающие серебром. В куполе потолка, которым служил острый конец «яйца», чернели отверстия — семь, по числу кресел. Над входом в рубку из стены выдавался еще один нарост, напоминавший с виду выпуклый глаз насекомого в увеличенном виде. Он был вскрыт, и возле него возились на плавающей платформе несколько человек в синих комбинезонах — кибернетики, механики, электроники. Еще трое спорили у кресла. Предметом спора, насколько понял Никита, была форма тела дайсониан. Каспара Гриффита среди них не было.

— Извините, камрады,— подошел к ним Салих.— Секретарь директора здесь не пробегал?

Все трое оглянулись, замолчав. Никого из них Никита не знал и не встречал, хотя «Вася» и сообщил их имена и основные данные.

— Разве Гриффит занимается прямыми исследованиями? — нарушил молчание лысоватый аскет, худобу которого не мог скрыть даже комбинезон.— Он же администратор.

Салих пожал плечами.

— Его ищет вот этот молодой человек, а Гриффит где-то на корабле, я его встречал.— Он повернулся к Никите.— Оставайтесь пока здесь, я поищу Каспара по связи и вернусь за вами.

Салих ушел. Наступила пауза. Потом один из собеседников, маленький, черноволосый турок «включил» прерванный разговор:

— Ни следа письменности! А это значит, что хранение информации у дайсониан с самого начала было основано на ином принципе, значит, дайсониане не имели языка. И общались без помощи звука. Может быть, свет? Или пси-контакт, мыслеобщение?

— Нет-нет,— запротестовал коллега археонавта, белобрысый и красноглазый альбинос,— только не мысль. Уже точно известно, что дайсониане были электрическими существами и вполне могли общаться с помощью электромагнитного излучения в диапазоне от света до радио. Вы попробуйте сесть в это кресло — чем не электрический стул?

— Сам садись,— пробурчал аскет.— Ты мне давно напоминаешь живого дайсонианина.

Белобрысый не обиделся.

— Молодой человек, не хотите примерить?

Вопрос был задан Никите, и тот не колебался. Но высидеть в кресле долго не смог и под смех присутствующих выкарабкался обратно.

— Вы правы,— сказал он, улыбаясь,— наши кресла комфортабельней. В этом слишком много выступов.

— Многовато,— согласился аскет.— Вот к тем, пониже, когда-то подводилось электричество, а к этим двум подходят световоды. Назначение остальных неизвестно. Как вы думаете, на кого были похожи дайсониане?

— На бхихоров,— сказал Никита первое, что пришло в голову.

Трое собеседников воззрились на него одинаково изумленно.

— Он гений! — изрек наконец опомнившийся альбинос.— Вы, простите, кто по специальности?

— Социальный планетолог, агент по освоению планет.

— Я редко ошибаюсь в таких делах, но памятник вам обеспечен. И давно вы пришли к такому выводу?

Никита хотел честно признаться, что высказал идею в шутку, но вошедший Салих освободил его от необходимости оправдываться.

— К сожалению, Каспар убыл на Д-комплекс, так что ищите его там. Вас подбросить к базе?

— Спасибо, у меня есть машина.

Инспектор попрощался с новыми знакомыми и в сопровождении Салиха, напевающего под нос песенку на языке телугу, покинул муравейник звездолета. Пограничник оставил его у стоянки аэротранспорта, скользнув взглядом по номеру на борту пинасса.

— Круто к югу не берите,— посоветовал он через плечо,— там недалеко дрейфующий электроконденсат — скопище шаровых молний.

Никита поднялся в воздух, осмотрел белый цилиндр звездолета сверху и сформулировал наконец мысль, пришедшую еще в недрах исполина: эта машина не была чистым звездолетом. То есть она, наверное, могла передвигаться и в космосе, раз у нее нашлись двигатели, но основной ее функцией являлось локальное преобразование вакуума. Правда, насколько Никита успел присмотреться, внутренности звездолета были почти стерильны — ни хлама, ни обслуживающего оборудования, ни грузов, пустой каркас, вычищенный до блеска. Уж не памятник ли это, подобный самолетам и ракетным кораблям на Земле, прославившим своих создателей?..

Кинув последний взгляд вниз, инспектор повел аппарат над океаном. Интересно, что это за «дрейфующий электроконденсат», о котором предупреждал Салих?

Никита свернул круче к югу, увеличил скорость.

«В этом районе должна, по расчетам, находиться суша,— ворчливо напомнил «Вася»,— площадь которой компенсирует термобаланс Южной полюсной зоны».

Пересвет мысленно присвистнул. Как же он мог забыть о термобалансе?! База Чужих где-то здесь, на втором Дайсоне, спрятанная под силовым колпаком вместе с островом. Это очевидно. Но в таком

случае предупреждение Салиха двусмысленно: если он эмиссар Чужих, тот самый «фактор Сатаны», то предупреждал он с целью понаблюдать за реакцией агента Даль-разведки, в котором подозревает контрразведчика...

Океан разворачивался монотонно-янтарный, с полосами ряби или электропланктона, пустынный, как во времена рождения этого мира.

Дважды датчики пинасса фиксировали области повышенной ионизации, в которых за аппаратом вырастал красивый хвост электрических искр, а потом вдруг сработала интуиция — Никита почувствовал тревогу и неприятное давление на виски. В голове «заворочался» «Вася»: «Где-то недалеко отмечаю концентрацию энергии. Будь осторожен».

Никита заложил крутой вираж, переходящий в свечу, и это спасло ему жизнь.

Д-КОМПЛЕКС. «ФАКТОР САТАНЫ»

Константин Мальцев вышел из «предбанника» директорского кабинета в дурном расположении духа. Самого Даваа не было на месте, его вызвали в Даль-разведку на Землю, и все дела он передал Каспару Гриффиту, сочетавшему в характере лед вежливости, гранит хладнокровия и паутинную нить насмешливого превосходства.

— Вы опоздали, май диэ *,— сказал Гриффит.— Группа кибернетиков и инженеров уже укомплектована, и включить вас в нее не представляется возможным. Во всяком случае, до возвращения директора. Вы так рвались к нему на прием, что я боюсь предпринимать в отношении вас какие-то меры. Даваа вернется через два дня, потерпите, может быть, он и разрешит вам примкнуть к какому-нибудь отряду на время действия особого положения. Кстати, почему вы не доказали председателю оргкомиссии, что ваша помощь как специалиста необходима?

— Меня вызывали в...— Константин осекся и поправился.— Я был на Земле, в институте, и опоздал на комиссию.

В душе он пожалел, что не вернулся в Сферу сразу после разговора с начальником отдела безопасности, пробыв сутки дома, с друзьями, и еще сутки в Закарпатье, у отца.

Гриффит улыбнулся, прищурил глаза, развел руками.

— Сами виноваты, не надо было покидать центр. Придется ждать шефа. Не забудьте о режиме: ходить по станции запрещено, без нужды мешать работающим на планетах — тоже.

---

* Мой дорогой *(англ.)*

— Учту,— угрюмо сказал Мальцев, и подумал, что так и от скуки помереть недолго.

Он толкнулся в дверь кают-компании — заперта, на высоте глаз листок пластпапира с надписью: «Брифинги, конференции, пикники и капустники временно отменяются. Сатана».

Юмористы... По стилю — дело рук Шагина или Гийома. Где-то они сейчас? Да и Фло тоже? Вечно ее днем с огнем не найдешь, бродит по Дайсонам с этим противным стариком, Джанарданом Шрестхой. Что она в нем нашла? Ему же лет сто!..

Мальцев постоял у двери каюты Флоренс Дженнифер и побрел дальше.

Каюты сотрудников по группе тоже оказались закрытыми, лишь в одной из них, Валдиса Хомичуса, возился у кучи снаряжения незнакомый мужчина, широкий, с длинными руками и грубым, ничего не выражающим лицом. На приветствие Константина он что-то утробно буркнул и уставился на кибернетика белесыми, словно выцветшими глазами.

— Извините,— пробормотал Константин.— Здесь жил мой товарищ, Валдис... наверное, переехал...

Длиннорукий молча отвернулся и занялся своим делом. И только закрыв за собой дверь, Мальцев вспомнил, где видел этого низкорослого, но мощного, как несгораемый сейф, здоровяка — именно он без усилий нес двухметровый контейнер по коридору Д-комплекса в тот памятный день, когда на Мальцева кто-то пытался напасть.

Поразмышляв, идти ли на узел связи с Землей сразу или подождать до вечера, Константин решил, что новость его слишком мелка, чтобы тревожить отдел безопасности, и направился к метро. У него появилась идея найти Уве Хоона и попросить место в одной из групп на втором Дайсоне в качестве инженера похода.

Метро равнодушно перенесло его на вторую базу археонавтов, расположенную на острове в Северной климатической зоне Дайсона-2, почти у псевдополюса. Остров освещался только сиянием Сферы, долгая двухгодичная ночь-зима должна была смениться днем-летом только через год и два месяца, но температура на этом северном «полюсе холода» никогда не опускалась ниже десяти градусов по Цельсию.

Константин нашел координационный пост базы и узнал, что Уве Хоон находится в тысяче километров отсюда, на Острове Главного Города.

Мальцева туда не пустили, вежливо сославшись на распоряжение директора центра: «Пущать на планеты только ответственных специалистов, а туристов не пущать ни под каким предлогом». Константин пробовал спорить, потом плюнул и, красный и злой, совершил круиз: за час обошел остров по периметру.

Он уже совсем успокоился, хотя и не оставил мысли добиться своего, увлекся видом океана, коричневого, с янтарными проблесками в глубине, и не заметил, что за ним медленно следует двухместный неф. Остановившись на мыске у каменных глыб, Константин подобрал плоский камешек, бросил в воду и стал считать желтые светящиеся всплески.

На счете семь камень утонул, и в тот же миг с гулом и грохотом на кибернетика «упала небесная твердь».

Очнулся он от второго удара в голову, удара не физического, не материальным предметом, как и первый, а пси-полем с концентрацией, превышающей сопротивляемость любого незащищенного мозга.

— Готов,— сказал кто-то над ним знакомым голосом.— Можете задавать вопросы.

— По-моему, ты перестарался,— хмуро проговорил наклонившийся к Мальцеву человек, закрыв полнеба.— Он плывет.

— Обычная доза для погашения воли. Может быть, у него слишком сильная реакция.

— Вколи ему что-нибудь возбуждающее.

— Не поможет, антагонистические реакции только ускорят конец. Попробую алгоген.

Константин ощутил укол в плечо, и тут же дикая мышечная боль горячей волной разошлась по телу, расплавленным металлом плеснула в голову, заставила тело корчиться в судорогах.

Мальцеву удалось сесть, и в свете Сферы он увидел давешнего здоровяка, копавшегося в куче вещей в каюте Валдиса Хомичуса. А рядом был...

Константин узнал его не сразу, напрягся, пытаясь справиться с раздирающей внутренности болью, прохрипел:

— З-зачем это?.. З-за что?..

— Кто тебя вызывал на Землю? — быстро спросил второй.— С какой целью? Говори!

Мальцев опрокинулся навзничь, обессиленный борьбой, сознание затуманилось. В нем слабость боролась с готовностью все рассказать, лишь бы ушла боль, а слова палача били в голову, как молот в наковальню:

— Говори! Кто вызывал? Зачем? Говори!

Второй и последний раз он всплыл из беспамятства через несколько минут.

— Не надо было глушить его в пике семи герц! — бубнил голос, принадлежавший инженеру похода, имя которого он за эти минуты успел забыть.— Какого дьявола ты действуешь самостоятельно? Да не копайся, включай, может, успеем подслушать хоть одну мысль...

Истязатели подслушали эту мысль. Умирая, Константин Мальцев подумал: «Не добьетесь, сволочи!»

* * *

Захар то и дело вытирал лицо платком, и Калашников даже мимолетно пожалел его, хотя им владело сейчас желание выгнать заместителя из кабинета и при этом ударить кулаком по столу.

Захар Захаров был далеко не молод — ему шел шестьдесят восьмой год — и стрижен «под Котовского», как он шутил. Но его энергичность, обстоятельность и, главное, аккуратность в делах, ставшая притчей во языцех, так соответствовали понятию Калашникова о руководителе такого ранга, что он уже пять лет ставил Захарова в пример не только стажерам и практикантам, но и начальникам служб.

И вот первый прокол, допущенный не кем-нибудь, не мальчишкой-романтиком, начитавшимся книг и упросившим маму «отпустить его в спасатели», а заместителем начальника отдела безопасности с сорокасемилетним стажем работы в отделе! Понять причину ошибки Калашников мог, но простить и принять не хотел, да и не имел права.

— Пойду писать рапорт,— вздохнул Захаров, виновато разведя руками.— Видно, теряю былые навыки. Старею.

— А расхлебывать я буду? — Калашников заставил себя говорить спокойно.— Нет уж, закончи дело, а потом пиши. Ты понимаешь, что мы сами вооружили Чужих? Да так, что я не удивлюсь, если они объявят нам войну! Сначала криогенераторы, потом парализаторы, пистолеты сна и запаха, яды, а теперь и МК-батареи! А ты знаешь, что такое МК-батарея? Это сто Хиросим в наперстке!

— Да знаю я,— пробормотал Захаров, снова берясь за платок.— И не оправдываюсь. По косвенным данным, в похищении участвовали двое, один из них — Кхеммат. Где он сейчас, мы не знаем, но предполагаем, что в Сфере. Резидент Чужих должен понимать, что мы висим на хвосте Кхеммата, и рисковать больше не станет. Он или уберет помощника или...— Заместитель вытер шею.— Впрочем, второго не дано, он наверняка все рассчитал, в том числе и ликвидацию засвеченного агента. В средствах Чужие неразборчивы.

Калашников ткнул пальцем в сенсор-набор.

— Связь с Рудаковым. Иди,— кивок Захарову.— Установи контроль за всеми объектами, могущими заинтересовать Чужих. И запри метро Сферы так, чтобы никто не мог тайно проникнуть ни туда, ни оттуда.

Захаров кивнул, помедлил и вышел.

«Надо узнать, как у него со здоровьем»,— подумал Калашников и внезапно успокоился. Он уже дал команду спасателям Калчевой в Сфере искать МК-батареи, излучающие радиоволны инфранизкой частоты. Если резидент Чужих не знал об этом, то мог доставить батареи на свою базу, что облегчало ее поиск. Если же знал, то они ему понадобились на короткое время, скажем, для подзарядки энер-

гоемкостей своего разведкорабля или базы. Но есть и другое решение: Чужие готовят новую акцию.

Савва снова коснулся сенсора связи.

— Почему не отвечает Рудаков?

— Веду поиск, на месте его нет,— отчеканил кибсекретарь.

— Тогда найди Дориашвили.

Агран Дориашвили нашелся через пять секунд, он тоже был заместителем Калашникова, но по науке и технике, в то время как Захаров был замом по организации оперативной работы, а Рудаков — по связи с пограничной службой Даль-разведки.

— Я весь внимание,— вежливо проговорил Дориашвили, умевший угадывать настроение начальника.

— Что нового по Сфере?

— Для размышлений много, для выводов мало. «АА» работает по полному профилю.

Имелось в виду, что группа риска приступила к выполнению основного задания. В задачи группы входила подстраховка контрразведчика Никиты Пересвета, связь с погранотрядом Пинаева, скрытое наблюдение за подозреваемыми, контроль транспорта, лабораторно-криминалистические исследования и многое другое.

— Строминьш искал вас час назад,— добавил Агран, в глазах которого вспыхивали лукавые искорки: он был великий мастер на розыгрыши и большой ценитель юмора, но уже давно научился не путать грешного с праведным, то есть знал время и место, когда и где шутить разрешалось.

— Я был в Даль-разведке, разве киб не сказал?

— Ивар обещал позвонить еще раз.

— Хорошо, я сам его найду. Что он дал тебе?

— Они пощупали «шпиона» в каюте Берестова, дистанционно, конечно. Эта штучка сработана не на Земле. Наша микротехника работает на молекулярном и атомарном уровнях и подбирается к внутриядерным процессам, микротехника Чужих примерно того же уровня, но материальное воплощение и технология изготовления у них совершенно иные.

— Нельзя ли доставить «глаз» на Землю, в наши лаборатории?

— Едва ли. Во-первых, он сам внедрен в материал невинных предметов, а во-вторых, в него встроен механизм самоуничтожения, срабатывающий чуть ли не от мысли.

— И все же просчитайте возможность доставки. Тогда многое стало бы известно о создателях этих игрушек. Когда будет готова логико-смысловая модель ситуации в Сфере? Мне давно пора докладывать начальству о векторе нашего вмешательства.

Дориашвили почесал кончик хищного носа.

— Пока составлена только предварительная динамическая информационная модель, но вы же знаете положение в Сфере; измене-

ния ситуации неформалируемы, сокращение альтернатив идет медленно, многофакторное представление об объектах поиска имеет расплывчатые смысловые поля...

— Короче.

— Модель контакта зависит от работы «АА» и Пересвета. «Гена-большой» еще голоден. Если сегодня к вечеру от них поступят новые данные, то к утру мы справимся.

В переводе на нормальный человеческий язык сказанное Аграном означало, что проблемно-ориентированный интеллектуально-вычислительный комплекс, которого в отделе называли «Геной-большим», не получил пока достаточно информации для упорядочивания, систематизации и обработки, поэтому и рекомендаций ждать от него не приходилось.

— Работайте,— лаконично сказал Калашников и движением пальца оборвал связь. Посоветовавшись с «Микки» и проверив, не упустил ли какую-нибудь важную деталь, он оставил отдел на попечение кибсекретаря и через несколько минут появился в кабинете директора Управления.

Косачевский, сосредоточенный на созерцании развернутого перед ним неземного пейзажа, поднял голову и выключил проектор.

— Собирался вызывать. Вы, случаем, не внедрили в меня пси-ухо?

— Только планируем. Есть новые сведения, хочу посоветоваться. Чужие форсируют события, что-то или кто-то их торопит. За пять дней они провели четыре диверсии: похитили из музея оружие, с базы полярников — криогенераторы, а сегодня ночью со склада Даль-разведки — МК-батареи. Кроме того, два часа назад на втором Дайсоне обнаружен труп Константина Мальцева.

Длинное костистое лицо Косачевского сохранило выражение озабоченности, только в глазах появился холодный острый блеск.

— Как же вы его упустили?

— Здесь есть о чем поразмышлять. Группе «АА» передавать Мальцева под охрану было нецелесообразно, я поручил это дело Пинаеву, а тот Валаштаяну. Похоже, «крайним» будет Мухаммед бин Салих, который попал в поле нашего зрения сравнительно недавно. Пока я не имею о нем исчерпывающих данных.

— Но смерть Мальцева — явный перегиб для разведки Чужих. Ах, черт возьми! В таких операциях, которую разработали Чужие, есть предел допустимого устрашения, когда дальнейшее ужесточение ситуации чревато открытым военно-политическим конфликтом. По-моему, «фактор Сатаны» этого предела достиг, и мы вправе превысить установленный нами в Сфере предел допустимой обороны.

— Мы давно готовы пересмотреть кое-какие ограничения с обязательным соблюдением необходимых этических норм. К вечеру я дам предложения. Теперь выслушайте мои рассуждения. Личность

похитителя оружия и криогенераторов установлена точно — это Суннимур Кхеммат. А то, что он дважды предъявлял сертификат работника отдела безопасности, говорит о его связях. Или один из резидентов работает в оргсекторе Управления, связанном с документооборотом, или он сидит, по крайней мере, в погранотряде.

— Не слишком ли много получается резидентов? Их задача — не обнаружить себя, а чем больше исполнителей, тем больше вероятность засветки.

Калашников пригладил выгоревшие волосы на макушке.

— Резонно. Я тоже чувствую какую-то несогласованность в действиях Чужих, но качественно, безадресно. Считаю, что эмиссар один, остальные — помощники из числа поддающихся пси-программированию людей. Судя по количеству событий, по разному уровню и качеству исполнения, их трое, в крайнем случае, четверо.

— Давно пора знать это точно. Когда будет готова модель контакта?

— Динамическая информационная модель практически готова, а логико-смысловая будет разработана к утру. Моделирование усложняется слабо структурированной схемой связей резидентов и трудно формализуемой системой их вероятных действий. Я подключил к работе БИМы Управления и социоэкспертов ИСЗ, результаты уже налицо, думаю, скоро мы высчитаем главного.

— Прикидывали, кто это может быть? Салих? Каспар Гриффит?

— Судя по осведомленности эмиссара, это должен быть руководитель высокого ранга. На подозрении пять человек.

— Многовато. Получается, что подозрительно все руководство центра в Сфере? И Даваа?

— Да,— твердо сказал Калашников.— Не исключено. Хотя верить в это я не хочу — он мой друг. И все же... Внедрить «монстра», то есть аппарат пси-контроля, в мозг любого человека технически несложно, разве что не каждый будет подчиняться приказу извне в силу морально-этической закалки и чистоты характера. Все-таки Чужие должны специально отбирать для таких дел людей, имеющих определенные моральные изъяны: гипертрофированное самолюбие, честолюбие, зависть, высокомерие, корыстолюбие, тщеславие, эгоизм, трусость. Тому, кто может выразить себя в песне, незачем выражать себя в убийстве *.

— Насчет трусости вы переборщили.

— Как раз наоборот: человек мог струсить в жизни раз-другой, научиться подставлять других, прячась за их спинами, и запрограммировать его, внушить, что он выше и сильнее остальных, не так уж и трудно. Чувствуя себя безнаказанным, такой человек может быть наиболее жестоким исполнителем чужой воли.

---

* Г. Честертон.

— И среди подозреваемых есть такие индивиды?

— Есть. Салих, например, эгоистичен, корыстолюбив, а с такими задатками недалеко до подлости и предательства. Кхеммат — фанатик научного эксперимента, любит неоправданный риск, зачастую ведущий к потере ценностных ориентаций, вплоть до обесценивания человеческой жизни. Все это, конечно, не в таких масштабах, чтобы хватать их и лечить, но все же близко к допустимому пределу социальных категорий. Есть недостатки и у Гриффита, и у Даваа, и у Шрестхи, и у многих других. Вечером я отбываю в Сферу для встречи с Пересветом. Уверен, что после встречи круг подозреваемых сузится. К тому же, наметился определенный прогресс в поиске базы Чужих. Вероятнее всего их две: главная — на втором Дайсоне, а перевалочная — на Д-комплексе.

Косачевский помолчал в раздумье, не отвечая на голубое мерцание индикатора вызова.

— Что ж, кое-какие сдвиги в деле есть, хотя две неудачи испортили общее впечатление: провал в Австралии на полигоне и похищение оружия и МК-батарей. Убийство Мальцева — это очередной ход Чужих. Каков наш контрход?

Калашников опустил голову и сказал тихо:

— Мы говорим о смерти как-то слишком... просто. Теряем людей... прекрасных парней...

— Да, к смерти привыкнуть невозможно.— Косачевский нахмурился.— И оправдать ее нельзя. Но от того, что мы будем говорить о ней жалостливым тоном, факт смерти не изменит своего значения. Обесценивания этого факта не произойдет, пока мы помним и скорбим о нем. Что это вы, Савва? Сентиментальное биение в грудь: «Ах, это мы виноваты!» — вам не пристало. Виноваты, да, но думать надо о другом, как сделать, чтобы не допустить потерь в будущем. Простите, что напоминаю прописные истины.

— Принимаю,— кивнул Калашников, не делая попытки оправдаться: он не был сентиментальным, да и сухарем тоже, но директор еще не знал его достаточно хорошо.— В футболе есть такой термин — пас в борьбу. О том, что в Сфере работают следователи погранслужбы и наш отдел, Чужие уже знают. Теперь они узнают о группе «АА», а мы пустим слух, что эта группа занимается психопроверкой всего контингента экспедиции. Логика Чужих нам неизвестна, но почему бы им не поверить слухам?

Косачевский с сомнением посмотрел на собеседника.

— Звучит не очень красиво... и очень открыто, прямолинейно. А играть надо будет тонко...

— Все подозреваемые под наблюдением, наш ход заставит Чужих реагировать быстро, а мы посмотрим, кто из них будет реагировать неадекватно, в соответствии с нашим прогнозом.

— Согласен. Все?

— По Сфере все. Маленькая информация по Ориону. Вы были правы: в системе кризисная ситуация, похожая на военный паритет Земли двадцатого века, и работать по ней придется нам, пограничники уже сдали полномочия. Что интересно: по сообщениям отряда предварительной разведки и анализа можно сделать вывод, что за планетой ведем наблюдение не только мы, люди. И, главное, эти неизвестные наблюдатели не хотят, чтобы их замечали. Я приказал перейти на режим усиленной маскировки с соблюдением «полного нуля присутствия».

— Интересно. Явное уклонение от прямого контакта с теми, кто вышел в космос, не совсем нормальное явление.

— Совсем не нормальное. Вторые Чужие.

— Может быть, это они и есть? Дважды за чудовищно короткий срок напороться на представителей цивилизации, исповедующих нежелание общаться и преследующих неизвестные цели, это как-то противоречит опыту и теории вероятностей. Вы не находите?

Вопрос не требовал ответа, и Калашников сказал, заканчивая разговор:

— Подождем новых донесений. Я послал к Ориону социоэкспертов, пусть разберутся в положении дел на планете. У меня все, до вечера. Буду нужен, ищите через замов.

* * *

Сфера погасла неожиданно.

Спейсер с хода нырнул в тень планеты, и командно-экспедиционный зал растворился в зыбком мраке, словно упал в бездонный колодец вне пространства и времени. Слабые огоньки пульта, напоминающие звезды на пределе видимости, не могли разогнать этот мрак.

— Вот тебе еще одна загадка,— прозвучал ниоткуда приглушенный голос.— Мы вначале думали, что сфера мигает из-за поломки механизмов поглощения света, но эксперты доказали, что механизмы дайсониан действуют исправно. Интересно, что по подсчетам строительство Сферы должно было длиться около тысячи лет — исходя из энергетического и технологического потенциала дайсонианской цивилизации, но есть гипотеза, причем основанная на довольно весомых фактах, что строилась Сфера... не больше десяти секунд!

— Ну-ну,— недоверчиво хмыкнул Калашников. Он вызвал директора научного центра Даваа на спейсер для того, чтобы выяснить два вопроса: убедиться в его непричастности к «фактору Сатаны» и оценить важность объектов Сферы. Последнее могло помочь в определении вектора общих интересов Чужих, а академик Нагааны Даваа, историк, археонавт и социолог, был в курсе всех открытий.

— Каким же образом дайсонианам удалось проделать такую колоссальную работу за столь смехотворный срок?

— Есть такой термин: космокреатика — деятельность разума, направленная на фундаментальную перестройку структуры материального мира...

— Учил когда-то,— сказал Калашников.

Даваа помолчал; в темноте не было видно, что он делает. Затем продолжал глуховатым голосом, в его речи иногда проскальзывал гортанно-горловой акцент:

— Похоже, дайсониане увлеклись именно космокреатикой, слишком многое говорит в пользу этого предположения, а сама Сфера больше всего. Дело в том, что оболочку вроде Сферы возможно построить не обычными методами, с помощью транспортных средств и монтажа, а... из ничего, с помощью локального фазового перехода вакуума вдоль поверхности выбранной сферы. Теоретики разрабатывают модель такого перехода, но уже ясно, что он принципиально возможен.

Директор снова помолчал, словно к чему-то прислушиваясь.

— Однако главной загадкой для нас в настоящее время является исчезновение строителей Сферы. Ясно, что они ушли без спешки, после длительной подготовки, но зачем ушли и куда — неизвестно. Бросили дом, прекрасный дом — Сферу, бросили природные богатства планет, энергобазу и технические сооружения, беспрецедентные по мощи и совершенству, бросили культурное наследие цивилизации... Конечно, это выходит за рамки человеческой логики.

В зале вспыхнул свет.

— Хитришь,— прищурился Калашников, получивший сигнал по рации, что Даваа не излучает ни в одном из диапазонов, кроме «дельта», то есть он спокоен, уверен, работа мозга не сопровождается наводками аппаратуры, и никто его не подстраховывает.

— Не верю, чтобы опытный социолог, философ и логик не прикинул хотя бы для себя причину ухода дайсониан.

— Э-э, дорогой мой, гипотез столько, что можно заблудиться. В рамках гипотезы космокреатики дайсониане «ушли не уходя», то есть не оставили свое былое хозяйство без присмотра. В последний отрезок времени перед уходом они усиленно занимались изучением и экспериментами с вакуумом, этой основой всех основ. Вполне вероятно, что они нашли способ уйти в иную Вселенную, более подходящую по параметрам, или же создали себе такую Вселенную, изменив структуру вакуума, сделав еще один локальный фазовый переход. Я понятно выражаюсь? Могу попроще, на пальцах.

Калашников усмехнулся, зная склонность директора к тонкой иронии и шутке при абсолютной внешней невозмутимости.

— Спасибо, на пальцах не надо, у меня есть советчик. Физику я понять могу, но психологию и этику дайсониан, толкнувшие их на такое решение, понять труднее.

— Есть одно простое объяснение, которому мы, люди, пока не придаем значения. Дайсониане поняли гибельность неограниченной космической экспансии и избрали другой путь — на развитие вглубь с жестким самоограничением и прекращением количественного роста основных показателей.

— Действительно, простое решение, осталось доказать его истинность... если позволит «фактор Сатаны».

— А это уже ваша забота, милейший. Сфера — объект исследования и, если хочешь, восхищения, это музей в открытом космосе, а Даль-разведка вдруг присылает агента по освоению планет! Там что, собираются колонизировать Сферу? Человечеству больше негде расселяться? — Даваа говорил очень вежливо и спокойно, но Калашников чувствовал его волнение.— Я разговаривал с ним, я имею в виду Пересвета, странный он какой-то... уравновешенный, умный, но... в нем запрятан, фигурально выражаясь, взрывной механизм большой силы. Я его боюсь.

— Ну-ну,— снова усмехнулся Калашников,— ты еще скажи, что он работает на нас.

Даваа сложил пальцы на животе и погрузился в созерцание пола. Потом поднял голову.

— Зачем ты меня вызвал? В последнее время за мной, кажется, ведется наблюдение. Я тоже попал в подозреваемые?

Калашников принял еще одно сообщение по рации и сказал просто:

— Извини, дархан, я знаю тебя давно и мог бы поручиться за тебя жизнью и совестью, но слишком велика цена ошибки.

Помолчали. Даваа едва заметно улыбнулся.

— Мы оба не любим высоких слов, Савва, давай не будем их искать и впредь, чтобы выразить свое отношение друг к другу. Я понимаю цели твоей работы и не прошу верить мне на слово. Что ты хотел узнать конкретно?

Калашников подавил желание обнять товарища, подождал, пока схлынет волна радости — Нагааны был чист во всех отношениях,— и проговорил будничко-спокойным тоном:

— Давай-ка начнем с дайсониан. По-твоему, кто они были? Я имею в виду класс живых существ.

— Коммуникаторы и биологи сошлись, наконец, во мнениях и разработали общий документ, прелюдию к теории. Дайсониане были электрическими существами, прямо использующими солнечный свет, и одновременно шагающими растениями, берущими соки из почвы. То есть принадлежали к разумным зоофитам, полурастениям-полуживотным.

Обычно сдержанный Калашников округлил губы, словно собирался свистнуть, посидел так несколько секунд, наконец сказал:

— Велика потенция у природы, даже дух захватывает! Реализация такого сложного организма уже граничит с волшебством, а появление у него разума!.. Но кто же тогда дайсы-островитяне?

— Есть интересная гипотеза, коммуникаторы выдвинули: современные дайсы, эти симпатичные кузнечико-лемуры с зачатками социальной организации, на самом деле бывшие «кошки» хозяев Сферы. Вероятно, функциональная связь дайсониан была сложнее, может быть, имел место своеобразный симбиоз островитян с дайсонианами, но аналогия между взаимосвязью людей и земных домашних животных прослеживается неплохо.

— Религия — система сложная, можно ошибиться, однако, исходя из открытия биологов, вывод напрашивается сам собой: бхихоры — родственники древних дайсониан и очень на них похожи, дайсы просто перенесли свою любовь и привязанность на тех, кто напоминает им хозяев. Объяснима и айлурофилия — патологическая привязанность к кошкам строителей Сферы, если применять земную терминологию. Современные дайсы — живые генераторы электричества, и хозяева могли использовать их в качестве подзаряжающих устройств или стимулирующих электрогенераторов.

— Весьма интересно! — искренне сказал Калашников.— Сожалею, что не могу принять участие в исследовании Сферы, это действительно жемчужина Космоса! — «Потому она, наверное, и понадобилась Чужим»,— подумал он.

— Ответь мне на пару вопросов. Где на Дайсоне-2 находится наименее исследованная область?

В зале медленно погасли светопанели, с пульта донеслись звонки, серии тихих гудков, голоса. Калашников насторожился, но сидевший у пульта Захаров успокаивающе помахал ему рукой.

— Неизученным можно назвать любой район второго Дайсона,— ответил Даваа, неподвижностью и бесстрастным лицом похожий на бронзового монгольского божка.— Как ни многочислен на первый взгляд исследовательский отряд в Сфере, он не в состоянии охватить всю поверхность Дайсонов и самой Сферы. Я даже не могу выделить наиболее интересные объекты системы, настолько они равноценны в познавательном смысле.

— Понятно. Вопрос второй: хорошо ли ты знаешь своего секретаря?

Даваа позволил себе улыбнуться: у него слегка растянулись губы, глаза превратились в щелочки.

— У меня их три.

— Насколько я знаю, двое из них — киб-интеллекты, и лишь один — человек. Нас интересует Каспар Гриффит.

Директор центра перестал улыбаться, помолчал, испытывая какие-то колебания.

— Что-то странное происходит в мире. Три дня назад я имел беседу с членом Совета безопасности Косачевским, и он задал мне те же вопросы, а потом взял слово, что я никому об этом не сообщу.

— Почему же сообщил мне?

— Ты мой друг, к тому же... ты работаешь в безопасности...

— Понял, спасибо за доверие. Но неужели Герман Косачевский утаил от меня посещение Сферы? Странно... Кстати, я тоже член Совета безопасности. Хорошо, разберемся. Спасибо за информацию. Рад, что не ошибся.

— Ты или я?

— И я тоже. Не исчезай надолго за пределы прямой связи, ты можешь понадобиться в любой момент.

— Слушаю и повинуюсь.

Директор центра поклонился, собираясь покинуть зал спейсера, и, пропустив внутрь двух мужчин, исчез. Калашников с удивлением смотрел на вновь прибывших. Первым подошел Косачевский, вторым Ефремов, председатель СЭКОНа — комиссии социального и этического контроля за опасными исследованиями.

— Не удивляйся,— буркнул Косачевский.— Пришлось явиться незваным. Сегодня после обеда мне позвонили со Сферы, анонимно, чтобы я разобрался со здешними «безобразиями» и прекратил все работы. То же самое и ему.— Он кивнул на Ефремова.

— Здравствуйте.— Щекастый, низкорослый председатель комиссии был хмур и неприветлив.— Хотелось бы разобраться в обстановке.

Калашников с укором посмотрел на Косачевского.

— Я же сказал, что буду готов доложить вечером, в крайнем случае, завтра утром.

Косачевский отвел взгляд.

— Я знаю, но СЭКОН — не моя епархия.

Калашников вдруг вспомнил:

— Захар, верни Даваа на минуту.

Захаров с помощью бортинженера отыскал Даваа в зале метро спейсера. Вскоре директор центра вернулся, ничем не выдав своего справедливого недоумения. Калашников указал на директора УАСС:

— Он?

— Что «он»? — не понял академик.

— Это член Совета безопасности и он же директор УАСС Герман Косачевский.

Даваа перевел взгляд на Косачевского.

— Вы Косачевский?

— Он самый.— Директор УАСС повернулся к Калашникову:— Что здесь происходит?

— Потом объясню. Вот что, дархан Нагааны, с тобой, похоже, разговаривали три дня назад не люди. Во всяком случае, не Косачевский. Поэтому сейчас ты поможешь нашим специалистам составить фоторобот псевдо-Косачевского и расскажешь, при каких обстоятельствах и где вы встречались.

Захаров увел Давaа, растерянного, но не потерявшего невозмутимого бесстрастия каменного идола, и начальник отдела безопасности принялся вводить в курс дела Ефремова и Косачевского.

В девять часов вечера по времени центра оперативные группы отдела безопасности и погранслужбы заняли исходные позиции, позволявшие руководителям операции контролировать возможные действия Чужих и быстро принимать необходимые контрмеры.

Калашников вызвал на спейсер «Печенег», который избрал в качестве штаба, Калчеву и Морица, получил новую порцию информации для размышлений и связался с погранотрядом.

Пинаев держался молодцом, но чувствовалось, что он чем-то недоволен или расстроен.

— Что случилось? — спросил Калашников, видя необычную нерешительность молодого командира погранслужбы.

— Мы потеряли из виду агента по освоению Пересвета.

— А разве он нуждался в опеке?

— Не в опеке — в проверке связи.

— Беда невелика, он делает свое дело. Кто непосредственно отвечал за его прикрытие?

— Валаштаян.— Пинаев помялся.— Может быть, я перестраховываюсь, но мне не нравится одно обстоятельство... Короче, сегодня утром Ираклий пожаловался, что он в разминке потерпел поражение от Салиха.

— Не понял.

— Утром и вечером ребята устраивают в спортзале — на Д-комплексе есть импровизированный спортзал — нечто вроде состязаний по тайбо. Разминка и тренинг одновременно.

— И Салих выиграл у Валаштаяна? Ну и что?

— Дело в том, что у Ираклия серебряный пояс по тайбо, а Салих раньше не проявлял особых способностей.

— Ясно.— Калашников задумался.— Где он сейчас?

— Салих? Не знаю.— Пинаев покраснел.— Это знает Валаштаян.

— Узнайте и доложите.

Пинаев молча свернул видеосвязь.

Калашников с трудом дождался прихода Захарова, проявлявшего, как и в молодые годы, завидную активность и выносливость.

— Все сходится. Один из них — Мухаммед бин Салих. Составили фоторобот псевдо-Косачевского?

Захаров вытер красное лицо, потом лысину, не торопясь отвечать.

— Это Суннимур Кхеммат, сомнений нет.

— Где он сейчас?

— На втором Дайсоне, на базе археонавтов. Ищет транспорт.

— Держите его в поле зрения, близится операция захвата. Надеюсь, получится не так, как на полигоне в Австралии.

— У нас все готово. Где Пересвет?

— Должен выйти на связь, но задерживается. Правда, он подстрахован, пора бы ему объявиться.

— Парни Дориашвили рассчитали модель ситуации и вектор смысла действий Чужих. Вызвать Аграна?

— Доложи сам, но только самое важное.

— Чужим нужна Сфера, причем не для использования ее богатств, а для продажи.

— Что?! Для какой продажи!

— По всем логико-смысловым узлам расчета векторы необходимых условий сходятся на этом варианте. Сфера нужна Чужим для передачи кому-то... назовем его Клиентом. Кому именно, надо еще разобраться. Если бы Чужие хотели просто отпугнуть нас, чтобы использовать Сферу в качестве среды обитания, они бы действовали иначе.

К тому же в расчете есть тонкие подуровни или слои смысловых искажений, подварианты, как их называют специалисты, позволяющие сделать вывод, что Чужие, во-первых, негуманоиды, во-вторых, гораздо в меньшей степени приспособлены к условиям жизни на планетах Сферы.

— Не думал, что придется когда-нибудь услышать терминологию курса истории эпохи капитализма,— сказал Ефремов басовито.— Клиент... продажа... диверсии... Двадцать второй век, глубокий космос и — рецидив фашизма!

— Мы тоже не думали,— буркнул Калашников, прикидывая, что делать в первую очередь.— Но отдел безопасности обязан помнить эту терминологию всегда, чтобы быть готовым к любому рецидиву фашизма и мракобесия. Захар, Стромыньша на связь, быстро! Мне нужен Никита. Что у нас по основному резиденту?

— Круг подозреваемых сузился до трех человек: археонавт Уве Хоон, псиэтик Флоренс Дженнифер и Каспар Гриффит. Все трое ушли из-под контроля и находятся на втором Дайсоне.

Калашников решительно сжал губы.

— Прошу подтверждения особых полномочий, потому что мы выходим на прямой контакт с представителями иного разума, чреватый непредвиденными последствиями.

— Я предвидел это, потому и попросил председателя СЭКОНа посетить Сферу,— сказал директор УАСС.

— Все в порядке,— кивнул Ефремов.— Формальности соблюдены, мотивы доказаны, юридическое и правовое разрешение получено.

— УАСС готово ввести тревогу по форме «Шторм» всем службам,— добавил Косачевский.

— Стромыньш на связи,— повернулся от пульта Захаров.

Виом сформировал в зале видеопризрак начальника группы риска «АА» Ивара Строминьша.

— Простите, мастер,— сказал Строминьш тихо.— Мы потеряли Пересвета.

— Где? — спросил Калашников в наступившей тишине так, что, казалось, в зале заметно похолодало.

— В сумеречном поясе Дайсона-2, между сто сорок первой и сто пятидесятой параллелью...

* * *

В режиме «призрак», недоступный никаким средствам обнаружения, спейсер «Печенег» завис над сумеречным поясом Дайсона-2, над районом, где потерялся след Никиты Пересвета.

Отдав необходимые распоряжения, Калашников почти не вмешивался в работу слаженной системы оперативных отрядов, молча выслушивал их рапорты и продолжал ждать сигнала Никиты, веря, что тому удастся подать весть о себе.

Из всех подозреваемых в причастности к разведке Чужих отыскался пока лишь археонавт Уве Хоон, занятый организацией исследования звездолета дайсониан. Ни Гриффит, ни Флоренс Дженнифер в поле зрения наблюдателей не попадали.

— У Чужих могут быть свои страхующие линии связи и наблюдения,— сказал Захаров.— Если они заметят наши приготовления — операция примет непрогнозируемый характер.

— Поэтому надо просчитать все варианты ситуации,— ответил Калашников.— Возьми Аграна и попробуй прикинуть возможные ответы Чужих.

— Скорее всего, при угрозе захвата они подготовили отвлекающие удары типа взрыва Д-комплекса или взрыва острова на первом или втором Дайсонах. Это их единственный шанс отвлечь наши силы от главной цели — захвата базы.

Калашников встретил виноватый взгляд заместителя. Тот думал о пропаже МК-генераторов, способных уничтожить любой остров на планетах Сферы. Генераторы могли быть и на Д-комплексе, но поисковые группы пока ничего не нашли.

— Эвакуируем центр, полностью! Оставим только поискеров с аппаратурой и техников метро. Ничего другого предложить не могу.

Молчавший до сих пор Косачевский шевельнулся.

— Этим мы сразу дадим понять наблюдателю Чужих, что готовы к активным действиям. Сколько людей на Д-комплексе?

— В настоящий момент тридцать семь не считая наших.

— Советую незаметно окружить Центр и службы энергоэкраном, контролируя передвижения каждого человека. Успеете? По-моему, этот вариант лучше.

— Попробуем.— Калашников и сам видел, что предложение директора лучше.— Тогда, Захар, начни с Д-комплекса, задание Рудакову я определю сам. Фаттах, вы берете Уве Хоона. Салиха не трогать, пусть Пинаев просто держит его возле себя. Герман, останься на крейсере, пока я не вернусь. Откликнется Пересвет — дай знать. Я хочу поучаствовать в захвате Кхеммата. Самое время поговорить с ним в открытую.

— Ни пуха! — вырвалось у Захарова.

— К черту!

Калашников махнул рукой ожидавшим его парням из группы спецпоручений и через несколько минут был уже в рубке аксиального модуля десантной связки.

— Ведомым — старт с тангенциальным ускорением сто «ж». Курс — остров старого города. Посадка в режиме «ныряльщик». Готовность — ноль. Десанту — выход!

В теле спейсера открылись створки грузового отсека, связка из пяти модулей, похожая на гроздь бананов, медленно выплыла из распахнутого зева и через мгновение затерялась в дымном палевом свечении дневной атмосферы Дайсона-2.

И тотчас же Сфера мигнула и погасла...

Д-КОМПЛЕКС, НИЖНИЙ ГОРИЗОНТ, НЕДОСТУПНЫЙ ПРЯМОМУ РАДИОЗОНДАЖУ И ПРОСЛУШИВАНИЮ

В помещении, представлявшем собой усеченный конус, царил холод и синий полумрак. У стены фиолетово светились глыбы каких-то аппаратов. Черный квадрат экрана одного из них изредка передергивала судорога голубого свечения. На возвышении в центре помещения лоснилась угрюмой чернотой еще одна глыба, очертаниями напоминавшая спящего слона. На «ухе слона» сидел некто странно скособоченный, похожий на человека и в то же время жутко отличавшийся от него, с пугающим взглядом глаз из черных провалов, треугольным клапаном на месте носа и щелью прямого безгубого

рта. Сидел он совершенно неподвижно, без мимики, и голос его, казалось, исходил откуда-то снизу, из живота или из ног, утопающих в меховой поросли аппарата-кремла.

С двух сторон от этой фигуры так же неподвижно стояли двое низкорослых, широких, уродливых мужчин. В их неподвижности таилась скрытая сила, готовность действовать и угроза.

Двое других мужчин были, несомненно, людьми, и хотя они уже видели разведчика-дилера в его естественном обличье, без скафандра, имитирующего человеческое тело, им все же было не по себе.

— Вы оба наделали столько ошибок,— продолжал эмиссар Чужих скрипучим, «насекомоподобным» голосом,— что я не удивлюсь, если вас раскроют в ближайшее время. Поставленная цель не достигнута — земляне не ушли из Сферы. Наоборот, люди ввели особое положение на Д-комплексе, ограничившее наши передвижения, и осуществляется комплекс мер, направленных на подстраховку исследовательских отрядов и на расследование нашей деятельности. Отдел безопасности идет по нашим... вернее, по вашим следам, а вы до сих пор не определили, что это за группа «АА» и каковы ее задачи. Почему вы не убрали агента по освоению Пересвета?

Горбоносый смуглый мужчина с копной блестящих черных волос покосился на соседа с оливково-смуглой кожей, жителя африканских саванн, но тот молчал, полузакрыв глаза тяжелыми веками.

— Мне помешали...

— Кто?

Короткое молчание.

— Не знаю.

— Так узнайте! Из-за вашей нерасчетливости и неоперативности мы потеряли пятерых биокопов и вашего соотечественника, а дело не сделано и на треть. Предупреждаю, я буду наблюдать за каждым и, если кто-то отклонится от программы, не остановлюсь ни перед чем. Я мог бы устранить любого в любой момент, но у вас еще есть шанс оправдать цену сотрудничества. Вам, Суннимур, сегодня же необходимо убрать агента Даль-разведки Никиту Пересвета, раз уж не справился ваш друг. Пересвет слишком активен и подозрительно внимателен к замаскированным объектам. Вероятно, он контрразведчик высокого класса, так что не будем рисковать. И займитесь вплотную Флоренс Дженнифер, эта женщина — загадка для меня, я ее не понимаю, но чувствую исходящую от нее опасность. Захватите ее и доставьте на основную базу. Запасную уничтожить.

Нигериец не изменил позы, только на мгновение приоткрыл глаза, чтобы кинуть взгляд на неподвижных роботов-телохранителей.

— Вы, Мухаммед, к вечеру взорвете базу археонавтов на втором Дайсоне, замаскировав взрыв под разряд электрокаверны. Продолжайте программу демонстрации угрозы для дайсониан, надо, чтобы

они, наконец, вмешались. Потом, в прямом контакте, все свалим на людей. И подготовьте к взрыву генераторы движения Д-комплекса. Если контрразведка станет наступать нам на пятки или предусмотренные меры не дадут желаемого результата, устроим небольшой фейерверк.

Не думаю, что после этой акции дайсониане станут разбираться, кто прав, кто виноват, и люди будут изгнаны из Сферы! А там придет и мое время.

— И наше,— нарушил молчание горбоносый, сверкнув неприятной хищной улыбкой.— Не стоит нам угрожать, ваша блокировка морали и внедренные «монстры» — не гарантия подчинения. Недооценка союзников может вам дорого обойтись, уважаемый. Мы продали души и знаем цену, и платить вам придется в любом случае.

Эмиссар инопланетян не пошевелился, но от него ощутимо повеяло холодом и смертью — он усилил пси-излучение на волне холодного бешенства с общим фоном подозрительного высокомерия и злобного равнодушия, давая понять, что ему наплевать на личные переживания людей и их попытки уравнять себя с ним в правах. И в то же время он видел, что на них это произвело обратное впечатление: в их поведении появилась асимптотическая свобода, неадекватная внешнему приказу. Личности людей стали расщепляться под нажимом чужой воли, давая узкий спектр непредсказуемых в будущем поступков, и этого стоило опасаться... до тех пор, пока люди были нужны.

Разведчик ослабил нажим отрицательных эмоций и угрозу в пси-диапазоне, подумав почти по-русски, что не стоит перегибать палку. Во всяком случае, так перевелась бы его мысль на язык эмоций да и просто на язык.

— Плата определена давно,— проскрипел он с добродушной интонацией.— Клиент готов заплатить, и все дело только в нас, в том, как мы справимся с делом. У вас будут власть и бессмертие, это немало, насколько я знаю вашу историю. Закончили. МК-генераторы побудут здесь за экраном, пока вы не подготовите акцию. Связь в двенадцать, как обычно. Поторопитесь.

Люди молча повернулись кругом и вышли, за ними грузно, враскачку, но мягко и бесшумно устремились биокопы, роботы в оболочках, не отличимых от своих хозяев.

Эмиссар проводил их темным, без просверка белков, взглядом, оставаясь неподвижным несколько минут, пока невидимые автоматы-сторожа, наблюдатели и слухачи, внедренные в различные вещи и предметы по всему Д-комплексу, докладывали ему обстановку и поведение людей, потом понежился в фиолетовых лучах эмоциатора, выпил тонус-иллюзора и с отвращением принялся натягивать на себя скафандр, имитирующий человеческое тело.

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Остров объявился неожиданно, прямо впереди по курсу, в полукилометре. Он словно выпрыгнул из-под воды, небольшой, звездообразной формы, заросший вудволловым лесом. Из его глубины стегнул воздух короткий лазерный разряд.

В моменты опасности Никита мог решать скоростные задачи почти наравне с компьютером, поэтому он, подумав, не слишком ли много приключений для одного дня, реагировал мгновенно: бросил пинасс в пике, проделал каскад фигур высшего пилотажа, спасаясь от мгновенных смертоносных бликов, и выровнял машину в метре от воды. По точности атак он понял, что за ним охотится автомат, состязаться с ним в быстроте расчетов траектории не имело смысла. Инспектор отстрелил колпак и выбросился из кабины. Уже вонзаясь в воду, он увидел на месте аппарата бледно-желтую вспышку и мысленно попрощался с автопилотом, как с равным.

Под водой, приятно покалывающей кожу, Никита определил направление на остров и поплыл в его сторону. Это было единственно правильное решение: те, кто стрелял в него, не могли не видеть его падения и должны были послать спасателей, чтобы удостовериться в точности попаданий.

Вудволловый лес начинался сразу за пляжем: толстые и тонкие, лоснящиеся чернотой стены, сросшиеся в удивительный геометрический хаос городских развалин, сожженных давним пожаром. Верхушки вудволлов обросли шапками «пепла» — серого и золотистого пуха, кое-где в их мрачных плоскостях посверкивали рубины плодозавязи, несозревшие и зрелые плоды, похожие на детские розовые воздушные шарики.

Насколько знал Никита, вудволлы плодоносили очень редко, но лес этого острова, видимо, побил все рекорды по плодоношению — в воздухе летали темно-розовые и красные шары плодов, натыкаясь изредка на стены деревьев и взрываясь.

Пересвет оглянулся, ощутив какое-то движение. Тут же включился «Вася»: «Нас накрыли». Его замечание было двусмысленным, но Никита понял: остров был накрыт силовым зонтиком. Вот и объяснение вспышки размножения вудволлов: из-за силового колпака изменился микроклимат — резко потеплело, изменился и режим физиологического обмена вудволлов со средой, заставив их зацвести. Никита и в самом деле чувствовал, насколько воздух на пляже теплее, чем над океаном. А в лесу, наверное, и вовсе парилка от вудволловых тел.

Представьте себя на острове, над которым опрокинута чаша зеркального стекла — остров отразится в ней по всей ее поверхности и предстанет перед вами в искаженном и увеличенном виде. На отражение накладывается вид океана с внешней стороны и неба над

головой, вот это все и означает, что над островом поднято анизотропное силовое поле: с внешней стороны оно поглощает все виды электромагнитного излучения, с внутренней — отражает...

Никита перебежал узкую полоску пляжа, покрытую крупным голубым песком, и спрятался в тени молодого вудволла, похожего на плоскую стелу с красивым серым узором. Интересно, где же преследователи? И куда он попал, неужели на остров с тайной базой?! Невероятное везение! И ничего похожего на зону с повышенной ионизацией, о которой предупреждал Салих. Если он пошутил, то у него странное чувство юмора. А если не шутил, значит, знает об этом районе больше, чем докладывает по цепочке Валаштаян — Пинаев. Неужто он и есть разведчик Чужих? Не верится, слабоват он для эмиссара...

Никита разделся в тени вудволла и насухо вытерся губкой из кармана-ранца: комбинезон не промокал, но при погружении вода попала внутрь через ворот и манжеты рукавов. Снова оделся и добросовестно прикинул свои возможности. У него были видеокамера, рация, одна МК-батарея и «универсал» с двумя обоймами. Не густо, но и не мало, кому как покажется. Главным подспорьем оставался комбинезон со встроенной микротехникой, способный выдержать разряд «универсала». Рация пока бесполезна, из-под колпака поля сигналы не пройдут, к тому же неизвестно, услышит ли их спутник связи, подвешенный над линией терминатора. По всему видно, выбираться отсюда придется самому, без помощи извне...

Никита вовремя спрятался за плоским контрфорсом вудволла: над пляжем пролетел белый диск с решеткой антенны под брюхом. Завис над тем местом, где инспектор вылез на берег, медленно двинулся к воде. Автомат-сторож. Если у него есть хомодетекторы, подумал Никита, придется стрелять.

Но диск сделал петлю над водой, «обнюхал» песок и полетел дальше, то снижаясь, то поднимаясь.

Странно! Не похоже, чтобы его оставили в покое, и в то же время выпустили для проверки автомат... Уверены в его гибели? Или остров безлюден и никакой базы на нем нет? В таком случае, зачем прятать остров под колпак?..

Пересвет поставил «универсал» на предохранитель, несколько минут настраивал мышцы на готовность к мгновенному действию, перекинулся с «Васей» парой мыслей и двинулся в глубь острова.

Судя по высоте колпака, остров был невелик — километров пять в поперечнике. Типичный гайот, выступивший из воды в час отлива. Электризация воздуха довольно высока, душно и жарко — явные признаки парникового эффекта. Недаром здесь пора невиданного семяпада.

Никита обошел полянку с подземным электрокарманом на сорок

тысяч вольт, миновал несколько знакомых серых плит и снова углубился в пульсирующую духоту и полумрак леса.

В воздухе летали розовые и красные шары вудволловых плодов размером с человеческую голову. Они были наполнены почти чистым гелием и содержали пулеподобные семена, выстреливающиеся в почву при разрыве плода. Зрелище, надо признаться, необычное. Ботаники, увидев столь редкий способ разбрасывания семян, наверное, пришли в состояние восторженного ступора, тем более что теплокровные вудволлы оказались естественными генераторами гелия — явление единственное в своем роде на всю контролируемую землянами зону космоса.

По рассказам старожилов дайсы-островитяне использовали гелий в своих странных плавучих сооружениях и в строительстве летающих мешков, своеобразных воздушных шаров. Иногда эти шары с привязанными к ним телами островитян, чаще уже мертвых, находили далеко в океане, за тысячи километров от ближайших островов. Может, то были несчастные случаи, но вернее всего, великая жажда открытий, стремление к неизведанному, жажда знаний гнала мечтателей и романтиков, имеющихся у любой разумной расы на заре цивилизации, на поиски новых прекрасных земель, неиспытанных приключений, на поиски неведомого...

Никита подставил руку густо-розовому шару с полметра в диаметре. Шар коснулся ладони и лопнул с сочным звоном, выбросив в почву дюжину темно-вишневых «пуль». Одна из них кольнула в щеку — довольно ощутимо.

Вудволловый лес стоял тих и сумрачен, привыкнуть к нему сразу было трудно, то и дело казалось, что пробираешься по развалинам крепости или старинного города, чьи стены с молчаливым неодобрением взирают на пришельца. Ни птиц, ни насекомых, ни мелких зверушек... Черные «каменные» джунгли да бесшумный полет семяплодов, заканчивающийся треском разрыва... Один раз над человеком пролетел виброкрыл, но был он какой-то помятый и тусклый, не вспыхивал, как обычно, радужным оперением, буйством ярких красок. Не верилось, что на острове находится тайная база пришельцев, что-то здесь было не так; «Вася» давно должен был учуять людей, эхо их работы, следы присутствия, но он молчал. Из конца в конец остров был угрюм и нем.

Выбрав ступенчатый вудволл, Никита взобрался на его стену и совсем недалеко обнаружил две постройки неизвестного назначения: одну — в километре от себя, другую — чуть дальше, на вершине голого холма, господствующего над островом. Но он не смог, как ни старался, разглядеть, кто там внутри и вообще есть ли кто живой на острове. Видимо, люди на нем — гости редкие, и используется он, скорее всего, как резервная база или склад. Непонятно только, кто сбил пинасс, вернее, кто дал команду автоматам острова. Сами они

едва ли способны к самостоятельным действиям, без команды извне не обойтись. Впрочем, если за ним следили, то вполне могли дать команду на уничтожение, тот же Салих мог, например, тем паче что Никита сам поставил пинасс в удобную для поражения позицию, спасли его случайность да реакция.

Пригибаясь под шрапнелью семян и высматривая просветы в стенах вудволлов, он побежал к первому из обнаруженных зданий.

Бежать было трудно, ноги увязали в рыхлой почве выше щиколоток. «Дайсонианский чернозем»,— усмехнулся инспектор в душе, стараясь выбирать поросшие травой участки — там почва была потверже. Через пять минут он выбежал на опушку леса и остановился. Дальше шел небольшой пустырь, в центре которого стоял город древних дайсониан: те же развалины, но серые и не так хаотично расположенные. То, что с высоты вудволла Никита принял за здание, оказалось теплоконденсатором: фиолетовый ребристый диск величиной с поле для хоккея. От него дул прохладный ветер, гнал волны по густой желтой траве. И ни одной живой души рядом.

«Так... еще одно подтверждение того, что остров необитаем. Второе здание должно быть центром защиты острова с генератором поля. Если и там никого,— подумал Никита,— то мне повезло, с автоматами я как-нибудь справлюсь».

Ко второму зданию в виде квадратной башни он выбежал в тот момент, когда вернулся из полета знакомый сторожевой автомат. Белый диск завис над белой башней, снабженной сложной антенной многодиапазонной связи, в стене башни протаяла круглая дыра, диск скользнул в нее и исчез. Ни души и здесь. Гипотеза о резервной базе подтверждалась.

Проникнуть в башню оказалось просто: ее строили явно не люди, это Никита понял сразу. Вход не имел замков и не был снабжен автоматикой защиты. Видно, строители верили в неуязвимость защитного поля и не видели нужды во внутренней защите своих сооружений. Правда, кое-какие страхующие контуры они-таки оставили, в этом Никита убедился очень скоро.

Дверь сработала, как только он приблизился к ней на два шага: свернулась валиком и скользнула вверх. За дверью был тамбур, рассчитанный на одного посетителя. Никита думал недолго — у него не было выбора. Он вошел, дверь тотчас же скользнула на место, и в ту же секунду в тамбур начал поступать какой-то газ. Пересвет задержал дыхание. «Аргон,— подсказал «Вася».— Вероятно, дезобработка. На всякий случай, не дыши». С юмором у «Васи» все было в порядке.

Словно в ответ на его замечание потолок тамбура вспыхнул на мгновение малиновым светом, потом фиолетовым. Зашипело. Газ улетучился, открылась вторая дверь тамбура. Длилось все это две минуты.

Никита по-кошачьи выпрыгнул в коридор, осторожно вдохнул; обычный воздух с сильным запахом сгоревшего хлеба. «Изомальтол,— снова буркнул «Вася».— Концентрация не опасна. Ядовитых примесей не чую. Дыши спокойно».

Здание внутри оказалось трехэтажным: подвал и два этажа над землей, и все в нем говорило о принадлежности к чужому миру.

Пересвет обошел коридорчик с тремя дверями, две из них не дрогнули при его приближении, третья открылась так же, как и входная,— свернулась валиком кверху. За ней протянулось небольшое помещение, вспыхнул неяркий синий свет, отразившись от зеркальных плоскостей какой-то установки. Установка напоминала стеклянного ежа с редкими, ртутно блестевшими иглами-стержнями, с вкраплениями из металла и черным ядром.

Никита рискнул подойти ближе. На одном из стержней загорелся желтый огонек. «Осторожно,— предупредил «Вася».— Эта штука радиоактивна. Нейтроны и рентген».— «Что это может быть?» — «Все что угодно, от реактора до установки связи или автокухни. Сработано не людьми».— «Это я и сам вижу».

Никита вышел, дверь скользнула на место.

На втором этаже в коридорчик выходило пять дверей, четыре из них группировались вместе, пятая, самая большая, украшала тупик коридора и на ней тускло светилась россыпь желтых звезд, складываясь в рисунок кривой стрелы.

Инспектор осторожно дотронулся до одной из малых дверей высотой чуть больше роста человека. Дверь свернулась и... Никита отпрыгнул назад, поднимая пистолет. Перед ним в глубине небольшого бокса стояли двое людей, глядя равнодушно перед собой, широкие, не уродливые, но и не симпатичные, и веяло от них жутким холодом и угрозой. Никита пригляделся и опустил «универсал». Мужчины не двигались, соединенные двумя кабелями с каким-то устройством на стенке бокса. Это были роботы, совершенно неотличимые от людей, и только мертвая неподвижность выключенных автоматов указывала на их естество.

Они жили, то есть дышали и смотрели, были теплыми на ощупь, но мозг был выключен, программа не введена.

«Температура тела тридцать два градуса,— доложил «Вася» и добавил: — Истуканы биомеханические». «Не ругайся,— усмехнулся Никита.— Сам не больно самостоятельный». «Я не виноват, что меня засунули в обыкновенного тирана и брюзгу,— огрызнулся «Вася».— Кстати, вся эта техника не принадлежит к дайсонианской, совершенно иной тип конструкций, инженерных решений и подбор материалов».— «Вижу, спасибо».

Никита не удержался и открыл соседнюю дверь.

Еще один бокс, но уже не с человекоподобными роботами, а с кошмарного вида автоматами, напоминающими металлических

богомолов с десятком суставчатых лап, с рядами когтей по телу и тонкими усами на брюхе. Эти тоже соединялись пуповиной кабеля с коробкой на стене, но температура их тел поддерживалась на уровне нуля градусов.

«Красавцы! — съязвил «Вася».— Заикой остаться можно!».

С этим замечанием Никита согласился, хотя с инженерной точки зрения автоматы были безупречны и, вероятно, могли выполнять множество разнородных функций.

В третьем боксе стоял стеллаж с непонятными на первый взгляд предметами, но «Вася» разобрался в них быстро: «Оружие». Это и в самом деле было оружие хозяев башни. Лишь два его типа из всего разнообразия можно было идентифицировать по аналогии с земным: пистолеты, похожие на кресты с рукоятями, приспособленными явно не для человеческой руки, и кинжалы с пучком тонких лезвий вместо одного. О функциях остальных средств нападения и защиты можно было только гадать. Никита хотел взять одну из трубок оранжевого цвета, изогнутую в виде буквы «г», с ручкой и каким-то черным замком на конце трубки, но «Вася» поспешил предупредить: «Фотоэлементный барьер и силовая защита, может включить тревогу. Наверное, где-то встроены страхующие контуры, надо знать пароль или код выключения».

Четвертая дверь не прореагировала на жесты, и Никита, с тревогой отметив время, сильно толкнул ее.

Помещение, открывшееся взору, принадлежало централи управления, это Никита понял и без подсказки «Васи», хотя обстановка централи была далека от привычной. Устройство в центре, асимметричное, с косыми пилонами, покрытое множеством «волдырей» с огоньками внутри, все же не могло быть ничем иным, кроме пульта. Баранки в углу высотой в человеческий рост, полупрозрачные, с пучками усов, были, наверное, аппаратными стойками, а три бархатно-черных прямоугольника, наклоняющихся над пультом, служили, вероятно, экранами. Остальное оборудование, мигающее, шелестящее, дышащее и даже постоянно меняющее форму, не имело явно выраженного назначения. И все же оборудование централи стояло гораздо ближе по восприятию к человеческому, антропному опыту, прежде всего психологически и эмоционально, чем дайсонианские сооружения. База на острове была построена гуманоидами, а дайсониане гуманоидами не были.

Никита шагнул в централь, заинтересовавшись двумя креслами у пульта, но ему не следовало этого делать. Видимо, требовалось знать какой-то пароль или радиокод, выключающий сторожевые системы внутри станции, потому что дверь за инспектором бесшумно закрылась, над пультом всплыл на стеклянной нити багрово запылавший шарик, а оживший динамик прокашлялся серией звуков, отдаленно напоминавших «речь» обезьяны.

Никита оглянулся на дверь, сожалея, что не успел подготовиться к реакции чужой техники, и подошел к пульту. Откуда-то снизу заскрежетало и задребезжало — сирена тревоги?— снова раздалось невнятное бормотание автомата, в котором Пересвету почудились вопросительные интонации.

«Что он говорит?» — спросил инспектор «Васю». «Я не умею переводить с медвежьего»,— серьезно ответил тот. «Почему с медвежьего? Этот язык мне больше напоминает обезьяний, так говорят оранги...» — «Попробуй задать вопрос на русском».

Никита наконец разобрался, откуда исходят все необычные, чуждые человеческому уху звуки: разговаривал глянцево-голубой бугор слева на пилоне пульта. Внутри него плавали черные кляксы, вспыхивали искры, и веяло от него живым, неприятным, возбуждающим теплом. Наверное, это и был киб-интеллект — координатор станции. У Никиты появилось ощущение, что «бугор» смотрит на него оценивающе и с угрозой, хотя глаз, подобных человеческим, объективов или фотоэлементных пластин у техники Чужих не было.

— В чем дело? — осведомился Никита.— Прошу перейти на земные языки.

Дребезжание сирены смолкло, координатор поперхнулся и вдруг через мгновение четко произнес по-английски:

— Предъявите полномочия, иначе буду вынужден действовать согласно программе «Ноу».

Изумившийся Никита не сразу нашелся, что ответить.

— Прежде чем я предъявлю полномочия, прошу ответить на вопросы. Первый: кому приналежит станция?

Координатор не отвечал полминуты, решая предложенную задачу, и Никита понял, что перед ним интеллектуальный автомат с гибкой подстраивающейся программой. С жестко запрограммированными роботами договориться невозможно, а с этим...

— К сожалению, не уполномочен отвечать на вопросы, нарушающие режим «Ноу»,— сказал наконец координатор.— Еще раз требую предъявить полномочия. Даю кланг.

— Что?

«Мог бы и сам догадаться, минуту он тебе дал,— подсказал «Вася».— Пора смываться отсюда».— «Рано, попробуем договориться, он не отличается от наших самостоятельных киб-систем».

— Уполномочен ли ты отвечать на вопросы, не нарушающие режим «Ноу»?

— В течение отпущенного срока.

— Ну, это нечестно. Давай поговорим спокойно. Что такое режим «Ноу»?

— Режим пресечения утечки информации.

— Кто из людей находится в контакте с твоим хозяином?

— Вопрос за пределами моей компетенции. Время истекло, прошу прощения, вынужден включить спецрежим.

Где-то послышалось шипение, в помещение стал поступать какой-то газ, и тут же в затылке кольнуло дважды, шевельнулся «Вася»: «Эфир тиохолин-фосфоновой кислоты, известен на Земле как Ви-токсин. Противоядие я ввел, но кроме эфира газ содержит компоненты, которые я не могу идентифицировать».

Надо было действовать быстро, потому что респиратор из кармана-ранца не гарантировал защиты от неизвестного газа. Никита поднял «универсал» и выстрелил в один из экранов. Черная плита рассыпалась фонтаном кристаллических осколков. Снова из-под пола заверещал — задребезжал сигнал тревоги, из пульта высунулись усы с горящими фиолетовыми шариками.

— Если не прекратишь свой спецрежим, буду вынужден уничтожить станцию,— предупредил Никита и вторым выстрелом разбил еще один экран.— Даю три секунды.

— Подчиняюсь,— отозвался координатор через мгновение.

Газ перестал поступать в помещение, вздохнули вентиляторы, всасывая отравленный воздух.

— Открыть все двери, в том числе и в подземный бункер. Снять силовой колпак над островом. Отключить систему безопасности и заблокировать ее до особого распоряжения.

— Выполнено,— прогундосил координатор через несколько секунд.

Дверь в коридор централи открылась.

— Есть ли связь с хозяином?

— Постоянной нет, только по вызову.

— Ты успел его вызвать?

— Сигнал вызова ушел, ответа пока нет.

— Где находится установка связи?

Молчание.

Никита выстрелил, последний экран рассыпался в пыль.

— Внизу, слева у лестницы.

«Сопротивляется! — восхитился «Вася».— Действует, почти как человек! Между прочим, он все время кого-то вызывает, я чую радиопульсацию на сверхнизких».— «Вызов внешний или внутри здания?» — «Маломощный, скорее всего, в пределах острова».

Никита повел стволом «универсала», целясь в горб координатора.

— А ты хитрец, братец, кто только тебя такого программировал! С кем состоишь на связи в данный момент?

«Берегись!» — рявкнул вдруг «Вася».

Никита упал за пульт и в падении выстрелил в знакомый белый диск робота-стража, вплывшего в проем двери. Робот обладал реакцией автомата и успел среагировать на выстрел, но у него не было свободы маневра. Импульс «универсала» попал в фасетчатую опу-

холь с пучком игл под брюхом диска и повредил, очевидно, логический блок аппарата. Ответный разряд робота, не лазерный, а электрический, пришелся в пульт, и Никита, зная, как трудно выиграть дуэль с роботом, ударил по нему короткой очередью.

Бой закончился.

Робот застыл на полу комом оплавленного металла и пластика, в стенах зала что-то глухо трещало, будто лопалось стекло, по залу плыли космы дыма, воняло кисло и неприятно, даже запах озона не мог перебить эти неаппетитные запахи.

Никита встал, держа пистолет наготове, оглядел пульт и покачал головой. Разряд робота разворотил не только пульт, но и «опухоль» координатора. Киб-интеллект станции был мертв и не отзывался на запросы. Теперь и в самом деле пора было уходить: хозяин станции мог услышать сигнал и дистанционно включить средства посерьезней, скажем, приказать автоматам взорвать остров со всем его содержимым. Как уже показало время, Чужие были неразборчивы в средствах.

Инспектор выбежал из здания и убедился, что координатор выполнил приказ: зеркального пузыря над островом не существовало, экранирующее поле было выключено. Никита мог вплавь убираться от «пиратского гнезда» подальше и попытаться по рации связаться со спутником связи. Но он не удержался от соблазна заглянуть в подвал станции — минута-две в его положении ничего не решали.

Дверь в подвальный бункер была открыта.

Как только инспектор ступил на порог, в помещении зажегся тусклый серо-голубой свет, с потолка над входом опустились подрагивающие черные нити, утолщенные на концах.

«Они под напряжением,— предупредил «Вася».— Двести сорок вольт, температура сорок шесть градусов».

Никита дунул на нити и те, словно обидевшись, взвились вверх и упрятались в черные сосульки на потолке.

Бункер был почти пуст.

У дальней стены стояли пинасс, капсула гидрометеоконтроля и гладкий белый цилиндр высотой в рост человека с рядом выступов у дна. Ближе к центру помещения располагались контейнеры, один голубой, с эмблемой колонистов, и два белых с красной полосой, принадлежавших медслужбе Даль-разведки. Синий контейнер был запечатан, белые открыты.

Никита подошел.

Оба контейнера были доверху наполнены реликвиями древней дайсонианской культуры: первый — «статуэтками» необычных форм, предметами, вызывающими неприятные ассоциации (например, рыбьи внутренности), и вовсе непонятными вещами; второй — трехколенниками, в которых инспектор узнал дайсонианские бумеранги, металлическими на вид тонкими дисками с зазубренными

краями, многокрасочными веерами и небольшими коробками из черного стекла.

Пересвет потрогал коробку, раздался щелчок, и из коробки выдвинулся пенал, наполненный... перстнями! Точно такой же носила Флоренс Дженнифер. Никита взял один из перстней. Тот был как живой: теплый, красивый, «мурлыкнувший» в ответ на прикосновение желто-оранжевой световой гаммой, и у Никиты появилось чувство, будто перстень ему дружески подмигнул.

«Не задерживайся,— напомнил «Вася».— Я начинаю нервничать, неуютно здесь, да и сюрпризы могут быть».

Инспектор спрятал перстень в карман, повертел в руках одну из миниатюрных статуэток, изображавших, по всей видимости, бхихора, полусущество-полурастение. Но были и различия. Чуть-чуть иная форма тела и нечто, напоминающее блестящий комбинезон. «Одежда? Странно... Одетый бхихор — это вроде наряженного в брюки медведя... Стоп! — Никита ухватился за мелькнувшую мысль.— Одетый бхихор... И культ бхихора у современных дайсов-островитян... Не здесь ли корни религиозного обряда? Что, если древние дайсониане и в самом деле были бхихорами?! Или их родственниками? Сколько накоплено фактов в пользу этого предположения: электрические органы есть у бхихора и были у строителей Сферы; форма кресел — тело бхихора полностью вписывается в эти кресла; мощные осветители и площадки с почвой планеты в звездолете дайсониан; мягкие коридоры на Д-комплексе — непонятно, зачем они там с человеческой точки зрения, и абсолютно ясно, если звездолет и Д-комплекс предназначены для дайсониан-бхихоров, полурастений-полуживотных, имеющих разум!»

— Великий Космос! — пробормотал Никита вслух.— Я был прав, когда шутил в звездолете насчет бхихоров...

Он вдруг окончательно поверил в свою гипотезу. Древние дайсониане были родичами бхихоров, как люди — родственниками обезьян. А современные дайсы-островитяне наверняка играли роль домашних животных, тех же кошек, существ для игр или выполняющих определенные полезные функции вроде истребления вредителей в домашнем хозяйстве.

«Логично,— одобрительно сказал «Вася».— Осталось определить, в каком родстве с дайсонианами находились вудволловые леса с их сложнейшими системами биополей. Может быть, вудволлы когда-то были живыми биовычислительными комплексами?» — «Вася», ты гений! Такую мысль можно и в мир пустить. Спасибо!».—«Да что там,— скромно ответил «Вася».— Не стоит благодарности. Еще надо суметь выбраться отсюда».

Это замечание остудило кипение фантазии в голове инспектора и заставило направить мысли в сторону отступления. С момента не-

ожиданного нападения и вынужденного купания прошло уже почти два часа.

Никита нашел люк в потолке подвала, через который загружался бункер, и разбил его двумя импульсами «универсала». Убедился, что пинасс заправлен энергией и готов к старту, вывел его в люк, но потом вернулся и сунул в карман статуэтку дайсонианина, на память о посетившем «вдохновении».

Остров с базой Чужих провалился вниз и затерялся в расплавленной массе янтаря — таким казался океан в свете низкой Дайи. Сфера не светилась, и небо казалось бездонным, как трясина...

ДАЙСОН-2. НОЧНОЕ ПОЛУШАРИЕ, ОСТРОВ, НЕДОСТУПНЫЙ ПРЯМОМУ НАБЛЮДЕНИЮ С ОРБИТЫ, ОСНОВНАЯ БАЗА ЧУЖИХ

Мухаммед бин Салих облачался в доспехи, мурлыкая что-то под нос. Он был подвижен, энергичен, не терпел бездействия и фанатично верил в свою исключительность.

Суннимур Кхеммат одевался медленно и молча, как всегда, уйдя мыслями в себя, в темный мир недоступных никому движений души. Мухаммед не знал, на чем, на каком моральном изъяне сыграл эмиссар Чужих, купив Кхеммата, но чувствовал, что тот не ошибся: биолог с австралийского биополигона оказался натурой загадочной, сложной, эксцентричной и двойственной. В отличие от него, Салих был прям, высокомерен до дерзости, властолюбив, честолюбив и не скрывал ни одного своего недостатка, компенсируя их повышенной внимательностью к приказам начальства, исполнительностью и оперативной выучкой. В погранотряд Даль-разведки он попал случайно, не уразумев сразу всей ответственности и сложности работы этой службы, погнавшись за славой и выгодным вниманием со стороны слабого пола к защитникам земной цивилизации. Через полгода он понял, что рутинное исполнение обязанностей не соответствует его понятию риска и не утоляет жажды острых ощущений. Он предпринял несколько самостоятельных ходов на планетах, где работал погранотряд. В результате, спасая его и груз, погиб пилот разведшлюпа и оказалась отравленной долина с зарождающейся жизнью на второй планете системы Дракона. Салих понял, что его могут судить и вообще лишить свободы выбора профессии, и впервые в жизни солгал, оговорив погибшего, переложив всю вину на него. Ему поверили, а вскоре на него вышел эмиссар инопланетян, искавший помощников для работы в Сфере. Вероятно, Мухаммед в конце концов отказался бы от сотрудничества, если бы уловивший его колебания разведчик Чужих не внедрил в его мозг крошечную капсулу пси-контроля. С этого момента система личности погранич-

ника стала постепенно деградировать, распадаться, упрощаться, приближаясь к однолинейной психонатуре с одним-единственным позывом утоления собственных желаний, низведенным до инстинкта. Думать сам Салих уже не мог и поэтому ошибался чаще, чем хотел эмиссар Чужих.

Кхеммат тоже работал под контролем, но был сложнее и сильнее Салиха, и разведчику не всегда удавалось прочитать его мысли или побудить действовать так, как требовала обстановка.

— Как ты думаешь, он сдержит слово? — Салих бросил мурлыкать, с шипением задернул молнию комбинезона на бедре.— Не понял я его насчет власти. Может быть, он предложит командовать ротой киберов, это тоже власть...

— Заканчивай сборы,— оборвал его Кхеммат.— Переходим на скорость, диапазон связи — от ста и трех десятых мегагерца до ста трех и семи.

Дальнейший их разговор происходил в радиодиапазоне и занял тринадцать секунд: встроенная в мозг биоаппаратура позволяла ускорять темпы мышления и реакции тела.

— Оружие?

— Три комплекта, включая парализаторы и дапли.

— Объем анализа ситуации и последствий?

— Расчетчики сошлись на отклонении результатов в один процент, можно пренебречь. Подготовка проведена, я готов. Кстати, почему ты не сказал, что Пересвет уничтожен автоматом резервной базы?

— Это не моя заслуга, а твоя, мог бы и сам сказать. Но мне не нравится, что база не отвечает. Придется слетать на место. И еще меня беспокоит, что Флоренс Дженнифер ушла из-под наблюдения. Если случайно увидишь, дай знать.

— Непременно, но с одним условием: отдашь девочку мне, с мастером я договорюсь.

— Не возражаю. Тебе придется обезвредить Валаштаяна, он догадывается о твоей двойной игре. И опасайся Пинаева, он умен.

Салих пренебрежительно фыркнул:

— Этот мальчишка, играющий в отцы-командиры?

— Этот мальчишка умен не по годам и способен преподнести сюрприз. К тому же он в контакте с Калашниковым, начальником земной контрразведки, а этот орешек не по зубам не только тебе и мне, но и нашему хозяину.

— Откуда у тебя такие данные?

— А ты думаешь, только мы с тобой завербованы? У хозяина есть еще кто-то на Земле, тоже человек, и сидит он глубоко. Но это не наше дело, ты прав, главное, чтобы хозяин платил. А власть... должность президента одной из держав на планете Клиента тебе подходит?

— Если только они люди.— Салих подумал секунду.— Хотя бы женская половина. Негуманоидов не терплю.

— Хозяин тоже негуманоид.

— Я имел в виду...

— Знаю, будут и девочки, гейши, куртизанки и так далее, все, чего пожелаешь. И плюс к этому неограниченный срок существования.

— Я не совсем понял... насколько я знаю школьный курс биологии, бессмертен может быть лишь вид, но не индивидуум...

— Решение старо, как мир — нам будут менять тела при неизменной психоструктуре. Так же, как это делает хозяин. Знаешь, сколько ему лет? Одиннадцать тысяч триста! Он поменял уже сто пятьдесят тел.

— То есть отнял сто пятьдесят жизней...

Кхеммат холодно взглянул на собеседника.

— Ему платят за работу, и только. Закончили. Открывай окно.

Две тени появились над океаном, прянули в стороны и исчезли в густом коричневом мраке ночь-зимы.

ЖДАН ПИНАЕВ

Стены рубки потеряли монолитность, растаяли, впустив пространство внутрь модуля.

Сфера светилась ровно и сильно, свет от нее не давал тени, и рубка со всем ее оборудованием превратилась в стеклянный макет, в призрачный технопейзаж, живущий по законам привидений. И вдруг свечение Сферы изменилось, началось нечто вроде северного сияния, радужные волны кругами побежали по исполинской сети Сферы; невиданное, волшебное зрелище, превосходящее по масштабам и красоте все эстетические эффекты со светом, созданные людьми за всю историю человечества!

«Светомузыка» длилась две минуты, потом Сфера погасла.

Заработали аккумуляторы, подумал Пинаев, все-таки привыкнуть к этому зрелищу невозможно! Интересно, сколько лет, сколько поколений строили Сферу дайсониане? Или права гипотеза, что строили они ее всего несколько секунд? И зачем она понадобилась им вообще, если они открыли такой источник энергии, как вакуум?

Последнюю мысль Пинаев высказал вслух, и сидевший в кресле пилота Никита Вербицкий, флегматик по натуре, проворчал в ответ:

— Дайсониане были рационалистами.

— Не скажи,— возразил Валаштаян, занимавший кресло справа; больше кресел в рубке не было, и остальные пограничники сидели на полу и в коридоре модуля.— Нужно обладать поистине неслыханным рационализмом, чтобы строить Сферу ради утилизации

энергии светила, когда под боком есть неиссякаемый источник более дешевой энергии. Да и не были дайсониане рационалистами до мозга костей, имея эмоциональное, чувственное поле, иначе у них не было бы ни искусства, ни культуры, ни тяги к непознанному. Помоему, Сфера — это памятник творчеству, и воздвигнут он не только для них, но и для нас, и для тех, кто придет позже. Умение восторгаться и удивляться не менее универсально, чем законы добра и зла.

На пульте коротко прогудел интерком. Звонил Калашников:

— Ждан, вам готовность по захвату отменяется. Возвращайтесь на Д-комплекс и примкните пока к поисковикам Паши Рудакова. Во что то ни стало надо отыскать МК-генераторы, они где-то на станции.

— Выполняю,— отозвался Пинаев, подавая знак пилоту. У него остался на душе мутный осадок какой-то недоговоренности, ощущение дискомфорта. Непонятно было, почему Калашников вдруг отменил свое прежнее решение, словно перестал доверять. Но может быть, он наметил задание поответственней?..

Модуль повернул, оставив за кормой серп Дайсона-2 и ослепительную дыру Дайи, бросился догонять ушедший вперед Д-комплекс.

— Снова мы на подхвате,— недовольно пробормотал Валаштаян,— словно неопытные стажеры...

— Не перегибай,— сухо бросил Пинаев.— Контакт с непрогнозируемыми последствиями — работа отдела безопасности, а не погранслужбы. У нас свои задачи. Сережа, форсируй, у нас мало времени.

Индикатор тяги на пульте набух красным свечением, скорость модуля подскочила до тысячи километров в секунду, перейдя порог для этого класса шлюпов. Д-комплекс обозначился в визирных метках локатора порхающей бабочкой размером с циферблат наручного инфора. И тут произошло неожиданное: пространство исказила судорога гравитационного шторма! Маленький кораблик потерял управление, завертелся щепкой на невидимых волнах, превратившись в игрушку чудовищных сил. А затем пространство пронизал разряд призрачного зеленого сияния. К счастью, канал этот, протянувшийся откуда-то из оболочки Сферы к Д-комплексу, прошел в стороне от модуля, иначе не спасла бы никакая защита.

«Шторм» стих, гравитационное волнение пространства успокоилось, пограничники стали приходить в себя. Первым очнулся Пинаев и потрепал по плечу пилота, указав на пульт: они летели по направлению к Дайе, совершив поворот на сто с лишним градусов.

— Что это было? — нарушил молчание Валаштаян, убедившись, что никто не пострадал.— Неужели взрыв на Д-комплексе?

— Разряд Сферы,— буркнул пилот, переходя на ручное управ-

ление.— Второй раз на моей памяти и третий в истории освоения системы. Неужели Калашников не знал, что наш маневр опасен?

Пинаев тоже подумал об этом, вспоминая беседу с экспертами в каюте Хоона. Для поддержания равновесия Сферы и орбит всех трех ее планет требовалась колоссальная энергия, но все равно, даже при КПД утилизации энергии, не достигавшем и сорока процентов, чистый энерговыход установок Сферы превышал расход. Эти «излишки» надо было куда-то девать, и дайсониане построили Д-комплекс — станцию техобслуживания Сферы и гигантский аккумулятор. Раз в год преобразованная энергия Сферы, накопленная оболочкой, разряжалась на Д-комплекс, «стекая» в неведомые емкости, невиданные по мощности и возможностям конденсации. Куда энергия уходила дальше, не знал никто, но ее было в тысячи раз больше, чем шло на нужды технического обслуживания.

Снова на экране локатора появился абрис «бабочки» Д-комплекса, превратился в геометрическую игрушку-головоломку, вырос в гору, закрыл носовые экраны переливающейся электрическим свечением стеной.

— Такой разряд способен разнести в пыль Луну, а ему хоть бы что! — крякнул Валаштаян.— Подъем, ребята, приехали. Бегом в центр!

Первое, что узнал Пинаев от дежурного погранслужбы: Калашников никаких новых заданий им не давал, и его «приказ» был явной провокацией со стороны Чужих, пожелавших уничтожить группу наиболее простым путем. Вторая весть была о поимке двух тритемнодонов. Оба почти не сопротивлялись, потому что находились на грани истощения и голодной смерти: ничего съедобного по Д-комплексу после введения спецрежима не ходило, а биохимическая живность дайсонианской техники пришлась хищникам не по вкусу.

В посту координации тревожных сил УАСС и погранслужбы, оборудованном в кабинете директора исследовательского центра, командовал Косачевский.

Пинаеву определили горизонты, не охваченные поисковыми группами отдела безопасности, он разбил отряд на тройки, раздал выделенную Косачевским аппаратуру, и пограничники двинулись к своим секторам, давно научившись пользоваться транспортными средствами Д-комплекса типа «вепрь» и «прыг-скок».

Ждан и сам собирался заняться поиском МК-генераторов, но судьба распорядилась иначе.

Не успел он отправить последнюю группу, как вдруг в пост, на три четверти занятый пультом монитора координации, ввалился Никита Пересвет, озабоченно-спокойный и неулыбчивый, впрочем, как всегда.

— Хорошо, что здесь все, кто нужны. Чем занят?

— Приказ Калашникова — прочесать станцию и найти украденные МК-генераторы.

— Обойдутся без тебя. Где сам Калашников?

— Погиб,— сказал Косачевский, оглядываясь.— Как вы здесь оказались?

— Долго рассказывать. Немедленно пошлите опергруппу на второй Дайсон, координаты укажу. Я обнаружил базу Чужих... Подождите... Савва... Вы сказали, погиб Савва?! Как?!

— Пошел на захват Салиха, но... тот оказался роботом, биокопией, отвлекающей удар на себя. Как и Суннимур Кхеммат. Группы захвата сработали хорошо, но им достались живые мины, а не разведчики Чужих.

— Разве расчетчики операции не учли этого варианта? И почему на захват пошел сам Калашников?

— Он не рисковал, так получилось. Псевдо-Салих и псевдо-Кхеммат, конечно, взорвались, но обошлось без жертв, хотя трое оперативников пострадали серьезно. А Савва...— Косачевский поморщился.— С ним сложней. Он в это время, по словам Захарова, был вызван в сектор административных служб базы — операция захвата Салиха проходила на второй базе археонавтов, а Кхеммата — на территории орбитального лифта, и у метро базы его перехватили...

Пинаев, пораженный новостью, молча ждал продолжения, известие о гибели начальника отдела безопасности, с которым он разговаривал всего полчаса назад, не укладывалось в голове! Никита мельком взглянул на него, потом на часы.

— Факты?

— Нет. Это я так думаю, что его перехватили,— продолжал Косачевский,— но свидетелей нет, потому что спустя шесть минут после исчезновения Саввы была предпринята попытка взорвать базу. Все было подготовлено на совесть, но в последний момент Захаров успел нейтрализовать цепь управления главным зарядом.

— МК-генератор?

— Разряд произошел, но пострадало только метро базы.

— Но если все обстоит так... зачем Чужим похищать Савву? Вы ведь пришли к такому выводу?

— Чужие стремятся всеми правдами и неправдами выдворить нас из Сферы, и смерть Саввы в этом аспекте им невыгодна. Эмиссар Чужих умен и расчетлив, он подготовил нам немало сюрпризов и меняет тактику столь быстро, что наши прогнозисты не успевают отрабатывать изменения ситуации. А главное — он способен на все! Захват Калашникова он может использовать гораздо выгоднее, чем его смерть.

— Вы правы, он попытается выведать у Саввы все, что тот знает, возможен шантаж и многое другое.

Косачевский отвернулся и вполголоса распорядился послать группу на модулях по указанным Пересветом координатам.

— Так Калашников и в самом деле... погиб?! — хрипло спросил Пинаев, обретя дар речи.— Как же так? Я только что с ним разговаривал...

Косачевский угрюмо посмотрел на него, но обратился к Пересвету:

— Что вы советуете делать в сложившейся ситуации?

Никита задумался, поглядывая на пульт, отражавший положение отрядов погранслужбы, отдела безопасности, наблюдателей и зондов-автоматов. В комнату то и дело входили люди, по двое, по трое, получали задания от заместителей Калашникова, исчезали и снова появлялись. Непрерывный легкий гул переговоров поглощался стенами не до конца и мешал размышлять спокойно.

В помещение заглянул высокий, светловолосый, атлетически сложенный парень в сером костюме спасателя. Косачевский поманил его рукой:

— Зайдите, Ивар, вы мне нужны.— Директор УАСС кивнул на Пинаева.— Знакомьтесь, начальник погранотряда Ждан Пинаев. Никита Пересвет. Командир группы «АА» Ивар Строминьш.

Пинаев был в достаточной степени ошеломлен сменой событий, но быстро пришел в себя, протянул руку.

— Я предполагал нечто в этом роде, потому что пытался установить за вами слежку.

— Знаю,— кивнул Строминьш без улыбки, повернулся к Пересвету.— А с вами мы знакомы, не так ли?

— Спасибо за подстраховку, я сразу-то не сообразил. Опоздай вы на пять-шесть секунд...

— Мы едва успели.— Командир группы порозовел.— А потом потеряли из виду...

— Я не стал разбираться, кто свой, кто чужой, и ушел вторым темплом. Знаком термин? Итак, что делать? Думаю, сначала надо эвакуировать всех оставшихся исследователей с планет Сферы на Землю.

— Если бы знать, куда они упрятали Савву...

— Еще надо доказать, что он похищен. Да и что бы это изменило? Нужна база Чужих, это главное. А где она находится, знают лишь живые Салих и Кхеммат, и сам резидент, конечно.

Косачевский снял с головы ежастую дугу эмкана с наушниками, пригладил волосы.

— Знать координаты базы — еще далеко не все. Вы знакомы с вариантами контакта, рассчитанными отделом Дориашвили? Жаль. В одном из них отчетливо прослеживается стремление Чужих спровоцировать нас на открытое выступление против нынешних обитателей Сферы. В результате подразумевается, что кроме нас и,

разумеется, Чужих, в Сфере незримо присутствуют ее хозяева. И вот их-то Чужие и пытаются расшевелить, чтобы те вмешались и вышвырнули нас из своих владений.

— Но вы же знаете, гипотетические решения уравнений этики еще надо доказывать. Давайте думать, как найти Савву, если он жив, вернее, безо всякого если, и заставить раскрыться эмиссара Чужих. Он сделал ход, и теперь наша очередь.— Пересвет вдруг со вздохом погладил себя по животу.— Есть хочу... извините. Где тут можно подзаправиться?

— Рядом,— кивнул Косачевский на стену слева, не удивляясь желанию инспектора.— Даю десять минут, потом начнем сворачивать операцию. Если Чужие хотят, чтобы мы ушли, мы уйдем.

Никита, прищурясь, оглядел лицо Косачевского, но ничего не сказал. У порога оглянулся:

— Кстати, вы не знаете, где сейчас находится психэтик Флоренс Дженнифер?

— А вы разве... не знаете? Она... входит в круг подозреваемых и находится где-то на втором Дайсоне. Сведений о точном местонахождении нет.

Пересвет вышел.

Пинаев, подсознательно задержавший дыхание во время этого разговора, вдохнул полной грудью, поймал жест Строминьша. Они отошли в угол комнаты, где было свободней. Косачевский снова надел эмкан «спрута», на который сводились все каналы связи служб и отрядов, участвующих в операции, вызвал Захарова.

Строминьш поправил «родинку» рации на горле. У Пинаева была такая же «родинка» над нижней губой.

— Подождем,— тихо сказал Ивар.— Это единственная свободная минута. Есть не хотите?

— Нет,— коротко ответил Пинаев.

Никита вернулся через семь минут, сосредоточенный и задумчивый.

— Что надумали?

Строминьш посмотрел на Ждана, тот покачал головой:

— У меня нет достаточной оперативной информации, чтобы предложить варианты поиска Салиха и Кхеммата. Зато я, кажется, знаю, где искать МК-генераторы: в посту управления Д-комплексом.

— Идея неплохая, осталось только определить, где находится этот самый пост. Эксперты поговаривали, что его вообще не существует.

— Я вспомнил разговор с Костей Мальцевым, киберне... бывшим кибернетиком. Гриффит не разрешил им вести исследования донных горизонтов, начиная с двести сорок первого, а они добились разрешения у Даваа и наткнулись в центре станции на помещение,

к которому сходятся все выявленные цепи управления... Если бы не ввод особого положения, кибернетики уже открыли бы туда вход.

— Это меняет дело. Что у тебя?

Строминьш снова поправил рацию.

— След Кхеммата всплыл на ТРБ-1, а оттуда он может уйти в пространство на любом модуле. Салих, похоже, должен вот-вот объявиться на станции.

— Где именно?

— Пока не знаю. Ребята взяли под контроль космодром и все известные внешние люки.

— Наверняка существуют и неизвестные, особенно на донных горизонтах. К тому же, Чужие могут воспользоваться «прыг-скоком», дайсонианским транспортом они владеют не хуже нас. Вероятно, именно таким образом они и ушли из-под наблюдения, зная выходы «прыг-скока» в Сфере.

Пересвет увидел жест Косачевского — палец вверх, подошел к пульту, окруженному неплотной стеной людей. Те расступились. Косачевский оглянулся, снял эмкан, помассировал уши:

— Эвакуация началась. Ребята Захарова обыскали весь район второй базы в радиусе десяти километров — никого. Чужие выигрывают финал вчистую. Я вернул десант на спейсеры. Пока не возьмем эмиссара и не узнаем координаты его базы...

— И не выручим Савву. Надо срочно дать объявление по базам.

— Уже дали, но едва ли Чужие сунутся на наши базы, это же явное самоубийство.

— Они объявятся здесь, на станции, где больше половины горизонтов нам не подконтрольны.

Вином связи воспроизвел голову Захарова с блестящей лысиной.

— На шлюп Морица совершено нападение.

— Где?!

— Спасатели помогали нам обследовать оболочку Сферы, и с одного из астероидов их обстреляли из лазеров.

— Группу послали?

— Ушла четверть часа назад.

— Обследовать, выяснить, в чем дело.— Косачевский поймал взгляд Пересвета.— Вот вам еще одна запасная база Чужих. Видимо, сработали охранные системы.— Захарову: — Обыщите все вокруг и попытайтесь проникнуть под пузырь защиты. Возможно, Чужие захотят воспользоваться базой в ближайшее время, а у них там, скорее всего, есть свое метро.

Внезапно на панели монитора перемигнулись алые огни, и в помещение ворвалось сразу несколько голосов:

— Наблюдаю световые эффекты в поясе ДЭУ!

— В диапазоне гамма вижу странное «струение пространства» в поясе ДЭУ!

— Перестал принимать информацию от зондов в поясе дайсонианских энергоустановок возле Дайи.

— Нет связи с группой Калчевой...

— Регистрирую повышение нейтринного потока от Дайи...

Косачевский рывком подался к пульту.

Центральный виом поста, расчерченный квадратами оперативных видеообъемов, слился в одно громадное черное окно с розовым диском Дайи. Диск мигнул, погас, закрытый избирательным контуром, обозначился тонкий обруч протуберанцев и факелов звезды, побледнел. И недалеко от Дайи — по масштабам локационного поля — засияли зеленоватые облачка, непрерывно меняющие форму и спектр свечения.

— Что это? — спросил в наступившей тишине Косачевский.

Ответом было молчание.

«Может быть, хозяева»,— подумал Пинаев, но вслух ничего не сказал.

Прошло несколько минут. Из докладов наблюдателей стало ясно, что явление пока не представляет опасности для экспедиции, и Косачевский передал феномен под опеку специалистов-физиков, приказав сообщать о поведении объектов каждый час.

— Как вы думаете, это не демонстрация Чужих?

— Кто его знает,— уклончиво ответил Никита.— Масштабы уж больно велики, диаметр облаков более тысячи километров. Я, пожалуй, пока вам не нужен, попытаюсь поискать украденные МК-генераторы. Если что-нибудь прояснится, дайте знать.

Пересвет, за ним Строминьш и Пинаев, протолкались к выходу, в коридоре молча повернули к перекрестку, где в нише дремал дайсонианский «вепрь». Спустя несколько минут они уже были в двадцати километрах от поста координации, у центрального зала двести пятидесятого горизонта Д-комплекса, к которому сходилось десятка два коридоров разного сечения.

Двое парней из группы Строминьша, появившись следом, принесли аппараты электропунктуры, соединенные с компьютером, и принялись колдовать над закругляющейся стеной загадочного зала у выходов коридоров к стене. Повезло возле четвертого заполненного дымным голубым свечением коридора с металлическим полом.

Монолитная на вид стена вдруг вздулась пузырем и бесшумно лопнула, образовав грибообразный проем. В ноздри проникла сложная смесь запахов от нежных, цветочных и пряных фиалки и корицы до горьких и неприятных смолы, креозота, клея, пластмасс.

За стеной рос лес пупырчатых колонн, соединенных между собой толстыми лианами труб и кабелей. Колонны потрескивали, издавали шорохи и скрипы, вокруг них носились хороводы электрических искр, струи слоистых дымов, светящиеся паутины разрядов. Ход вел в недра этого «леса», в холодную электрическую полутьму.

— Жуть какая! — вполголоса сказал один из оперативников.— Не очень-то это похоже на зал управления.

Пересвет поманил Строминьша к себе.

— Анализаторы запахов у вас есть? Если здесь были люди, мы найдем их следы.

Вперед снова выступили увешанные спецаппаратурой помощники Строминьша, осторожно углубились в тоннель, поглядывая на экранчики приборов, торчащие на гибких усах из-за спин, словно головы змей. Остальные эксперты группы деловито принялись «обнюхивать» коридоры. Пинаев почувствовал себя лишним. Он ждал сообщений от своих подчиненных, но те ничем не могли порадовать начальника.

Наконец Пересвет, поглядывающий на часы, махнул рукой вперед. Перешагнули оставленный разведчиками индикатор тревоги, реагирующий на изменение полевой обстановки, и догнали ушедших вперед экспертов возле выхода из «леса» на небольшую поляну. На свободном от колонн пятачке стояли три странных кресла, а перед ними шевелилось, словно живое, радужное облако с сотней мигающих огней. Над креслами нависали черные воронки, обрамленные блестящими полосами.

— Осторожно,— предупредил первый оперативник, отщелкивая крышку прибора, похожего на бинокль.— Здесь все под напряжением. Следы есть, но не это главное: регистрируем длинноволновое радиоизлучение, локализовать трудно, потребуется время.

— Это они.— Пересвет нашел глазами Строминьша.— МК-генераторы излучают в радиодиапазоне. Оставь двух-трех ребят, Косачевский сейчас пришлет помощь. А нам здесь больше делать нечего. Ясно, что это пост управления, хотя и очень специфичный, рассчитанный только на хозяев.

— Внимание! — раздался у всех в ушах голос Косачевского.— На сто первом горизонте наблюдатели засекли человека, похожего на Салиха.

Пересвет отреагировал тотчас же:

— Где именно? Площадь горизонта почти пятьдесят квадратных километров!

— Сектор два, возле осевой трубы.

— В этом секторе установлены наши «микро»,— вмешался Пинаев, быстро нашедший выход.— Монитор в моей каюте.

Строминьш выбежал первым, по ходу отдавая приказ группе подняться на сто первый горизонт и ждать.

Через несколько минут головокружительного полета на «вепре» Пинаев вывалился в коридор на десятом горизонте и рванул в жилую зону, к каютам. Строминьш и Пересвет не отставали. Втроем они ворвались в каюту Ждана, и тот включил свой монитор, надеясь, что техника не подведет. Техника не подвела.

Сработала линия в четвертом секторе, компьютер почти сразу выдал изображение: виом отразил перекресток коридоров, освещенный ручьем света на потолке, и фигуру человека в комбинезоне типа «чибис» для работы в жерлах действующих вулканов, но без шлема.

— Интересно, что заставило его вернуться на станцию? — проговорил Пересвет.— На заведомый риск провала... Что-то здесь не так, я не понимаю, что задумал главный резидент, его мысли.

— Отвлекающий маневр,— предположил Строминьш.— Этот человек мало похож на Салиха. Сходство есть, но...

— Наверное, они подстраховались несколькими копиями,—пробормотал Пинаев, манипулируя клавиатурой монитора.

— Салиха будут брать оперативники Захарова,— проговорила рация в его ухе голосом Косачевского.— Ивар, вы на подстраховке. Как поняли?

— Понял, приступаю.

Строминьш похлопал Пересвета по плечу, тот ответил жестом: «Все в порядке, действуй».

Сначала Пинаев прислушивался к командам Ивара, поэтому не сразу расслышал, что его шепотом позвал Никита.

— Извини, отвлекся.

— Пошли в центр, сейчас Салих выйдет из сферы действия видеокамер, и мы потеряем его из виду.

Они поднялись на второй горизонт в пост координации, где царила напряженная, мало понятная непосвященному атмосфера деловитой сосредоточенности и быстрой смены событий. Косачевский стоял, его место занимал Захаров с дугой эмкана на гладкой голове.

— Дошел до поворота,— раздался с пульта тихий голос,— стоит... Снова пошел... коридор с губчатым полом... оглядывается...

— Его уже ведут профессионалы отдела,— шепнул Пересвет на ухо Пинаеву.— Но у меня предчувствие, что это пустой номер, наживка.

— У меня тоже,— ответил Пинаев.

— Остановился у двери в какое-то помещение,— продолжал докладывать наблюдатель.— Достал из ранца прибор... ощупывает стену... вероятно, ищет вход... Оставил прибор на стене, отошел... о, черт!

Из динамика послышался треск.

— Что случилось?! — подался вперед Захаров.

— Ничего особенного, он проломил стену. Это был не прибор, а устройство для направленного взрыва. Вошел... пытаюсь подойти ближе...

— Ивар,— позвал Захаров.— Что у тебя?

— Подходы чисты, никто его не подстраховывает, и это сбивает с толку. В радиусе полукилометра нет ни чужих глаз, ни излучающей аппаратуры.

— Не одного тебя это сбивает с толку.— Захаров поправил эмкан, посмотрел на Косачевского.— Он один, без подстраховки... однако брать все равно надо.

— Не надо,— сказал вдруг Пересвет из-за спин впереди стоящих; Захаров и Косачевский одновременно оглянулись. Никита пробился к ним.— Это не Салих, копия, робот, пусть делает свое дело, а мы посмотрим. Может, он выведет нас к хозяевам или хотя бы к тому, кто им руководит в данный момент. Взять его можно будет в любой момент... если только удастся обезвредить самоликвидатор.

— Он в любой момент может сесть на «вепря» или в «прыг-скок», и поминай, как звали!

— На «вепря» да, в «прыг-скок» вряд ли. Он явно запущен с отвлекающей целью и будет стараться держать нас «на привязи». Пустите за ним серию зондов «шмель» и не потеряете.

Захаров отвернулся, безмолвно принимая совет. Косачевский показал Никите на кресла, но тот не спешил садиться.

— Как эвакуация?

— Через час-полтора закончим. Ефремов занимается, сам изъявил желание. От Саввы — ни слуху, ни духу. Второй Дайсон блокирован на всех мыслимых уровнях, муха не проскочит, но обнаружить базу с орбиты невозможно. Ждем, а чего...

— Чужие тоже ждут, вот что главное. Напоминают, что время идет, и ждут. Начинаю верить, что они ждут появления на сцене еще кого-то, может быть, и в самом деле дайсониан, хозяев Сферы. Что с этими облаками в поясе ДЭУ?

— Глотают зонды. По словам специалистов, вакуум в этих областях пространства «кипит». Одно из облаков движется к орбите Дайсонов. Если проследить вектор, то часов через пять оно подойдет ко второму Дайсону.

— Так я и думал. Нам тоже пока ничего не остается, кроме ожидания. Впрочем... у меня идея. Будьте на связи.— Никита обернулся к Пинаеву.— Ждан, ты мне поможешь.

Пинаев молча последовал за Пересветом.

В каюте Никиты они проверили экипировку, не задавая друг другу вопросов. Оба были в белых комбинезонах спасателей с комплектами инструментов и разного рода приспособлений. Взяли НЗ, аппараты «динго» и пистолеты, кроме того, Никита прихватил фонарь. Пинаев не знал, что затеял инспектор, но спрашивать не стал, понимая, что все будет сообщено ему своевременно.

Он оглядел не слишком уютное помещение и обратил внимание на две рваные дыры в дверях шкафа и холодильника. Никита коротко пояснил:

— «Глаза» Чужих самоликвидировались. Остальные два ребята Ивара ухитрились выколупать целыми и невредимыми.

— Он вышел, идет к лифту,— прогнусавил динамик рации голо-

сом Захарова.— В помещении, куда он входил, остался непонятный предмет. Пробуем исследовать дистанционно.

Никита, тоже вслушивающийся в писк рации, махнул рукой: за мной.

Вышли в коридор, залитый теплым золотистым светом люминесцентов, утопая в пружинящем покрытии пола, проследовали мимо каюты Уве с листом пластпапира «Капустники отменяются», мимо дверей с номерами и указателя «К лифту». Никита вдруг остановился и вернулся к предпоследней двери, остановился, в задумчивости потирая лоб.

— Это каюта Фло,— сообщил он негромко.— Флоренс Дженнифер... вот войти бы...— Он не договорил, отпрыгивая в сторону с пистолетом в руке.

Дверь каюты Флоренс покрылась рельефным узором и скользнула вверх, открывая вход.

— По-моему, нас приглашают войти,— сказал Пинаев, опуская свой «универсал».

Никита был уже у двери, заглянул, постоял несколько мгновений, словно прислушиваясь к чему-то, и бесшумно скользнул внутрь.

— Зайди-ка,— пригласил он через минуту.

Пинаев проводил взглядом оперативника из захаровского отделения, не обратившего на них внимания, и переступил порог жилища мисс Дженнифер, оставившей у него в свое время глубокое впечатление.

Комната была круглой, с конусовидным потолком фиолетового цвета, в центре стояла комплексная стойка «Иван-да-Марья»: кровать-шкаф-стол-холодильник-видеоприставка, и рядом, на полу, знакомый перстень. И все. Ничего лишнего, говорившего о том, что здесь жила женщина, любившая красиво одеваться и умело следящая за собой.

— Однако! — сказал озадаченный Пинаев.— Никогда не поверил бы, что эта каюта Флоренс! А как ты вошел? Она что же, дала тебе код распознавания своей двери?

Никита нагнулся и поднял перстень.

— Нет, дверь открылась сама, как только я пожелал войти.— Он повертел в руках перстень.— Неужели она предугадала мой приход? Честно говоря, я тоже не ожидал увидеть здесь... такой демонстративный аскетизм.

Камень перстня на его ладони высветил ало-желтую гамму и вдруг заговорил голосом девушки:

— Никита, мне некому довериться, и, хотя вся моя техника говорит мне обратное, хочу тебе верить.

Пересвет взглянул на изумленного Пинаева, открывшего рот, и жестом остановил его попытку заговорить.

— Не знаю, что это, как оно называется и откуда пришло... не

верила, что может прийти ко мне... но если все получится, как я задумала, ты объяснишь мне, что со мной происходит. Правда, думаю, что эта запись не понадобится, но привычка рассчитывать на худший вариант сработала и на этот раз. Не объясняю ничего, поймешь сам... если ты не тот, за кого я тебя принимала все время до последнего момента. Если же я ошиблась, это не повредит никому, кроме меня, а я... я всего лишь вещь, наделенная интеллектом, оформленная, как женщина Земли, и необходимая для решения одной-единственной задачи. Но к делу: если я не появлюсь до девяти часов вечера в центре, то попробуйте прочесать квадрат Северной климатической зоны второго Дайсона с координатами: сто один градус северной широты и девятый градус долготы в радиусе двухсот километров.

Перстень умолк, сверкнув гаммой сине-зеленых переливов света.

Пинаев машинально глянул на браслет видео: без четырех десять. Флоренс не вернулась к девяти, как задумала.

— Почему она назвала себя вещью, наделенной...— начал Ждан, но Пересвет прервал его, подняв руку.

В стене каюты неожиданно открылся тоннель, протянувшийся куда-то далеко-далеко. Запахло озоном, электрические искры короной одели устье тоннеля.

— Примите подарок,— снова заговорил перстень.— Вы еще плохо знаете работу оборудования Д-комплекса, вернее, ваше мнение о предназначении помещений и коридоров ошибочно. То, что вы называете «коридорами»,— бывшие оранжереи и спортивные площадки станции, если пользоваться земной терминологией, а комнаты и залы, кроме занятых оборудованием, лечебно-процедурные палаты. А в функции Д-комплекса, кроме известных вам, входили и функции лечебно-оздоровительного центра, работавшего вплоть до ухода дайсониан в созданный ими континуум. Из любого помещения можно попасть в любое другое место станции без кабин и пузыря «вепря», зная электрод этого места. Коды я вам записала, если понадобится, с помощью обычного тестера вы попадете куда надо.

Никита подождал, пожал плечами.

— Спасибо. Это все?

— Не разговаривай с ним, как со мной,— улыбнулся Пинаев.— Этот «перстень» — всего лишь интеллект-система, нечто вроде компьютерного банка данных.

— Ты прав, я, кажется, заговариваюсь. Но этот тоннель... Не мы же его включили?

— И не перстень.

— Может, Фло запрограммировала порядок знакомства?

— Давай проверим. Куда направимся отсюда?

— К метро, оттуда прыгнем на спейсер и возьмем модуль. База Чужих наверняка в указанном квадрате. Идем?

И в этот момент из туннеля, казавшегося пустым, шагнул в комнату человек. Судя по реакции, он не ожидал встретить здесь людей, но держал оружие наизготовку — зрачок пистолета странной формы смотрел прямо в грудь Никите. Это был Суннимур Кхеммат.

Д-КОМПЛЕКС, ПОЛОВИНА ДЕСЯТОГО ВЕЧЕРА

Косачевский съел бутерброд, залпом выпил стакан брусничного сока и кивком поблагодарил проявившего заботу Рудакова.

Семь виомов оперативной связи показывали коридоры Д-комплекса, а на центральном дисплее высвечивалась компьютером монитора схема связей операции, по которой было видно, как отряды Захарова и Строминьша продолжают д в и ж е н и е.

Перекличка отрядов, команды и ответы были выведены на общий динамик интеркома, но непосвященный не сразу разобрался бы в специфичном жаргоне оперативников. Правда, в посту непосвященных не было.

— Икс сел в лифт, следите за выходом.

— Гамма, омега, Бридер — вертикаль. Монитор — где он идет?

— Поднимается, сорок второй горизонт; шестому — вектор под углом семьдесят градусов.

— Гамма — сорок второй горизонт, омега — на крышу; перехо-

дите на волну «сто десять», Бридер — продолжайте вертикаль в том же темпе.

— Монитор, донные горизонты чисты, приступаем к поиску в секторах генераторов движения.

— Альфа, он вышел на двенадцатом горизонте, ведем визуально, идет к лестнице, спокоен.

— Вернон, освободите одиннадцатый и десятый, он сейчас начнет подниматься.

— Монитор, устройство, оставленное Иксом,— генератор инфразвука с автономным питанием. Похоже, генератор имеет охранную систему, напичкан молектронными чипами, КМК компьютер. Начинаем искать окно уязвимости.

— Осторожно, десятка, не спровоцируйте устройство на самоликвид.

— Гамма, он прошел десятый, направляется к жилому сектору, достал оружие.

— Альфа, кто-нибудь из жильцов есть в жилом секторе?

— Их эвакуировали в первую очередь.

— Туда пошел командир пограничников Пинаев и новенький, агент из Даль-разведки...

— Пересвет? Никита, ответь монитору.

Тишина.

— Ждан, Никита, почему молчите?

Ни звука в ответ.

— Ивар, «Единица», ответь монитору. У тебя есть связь с Никитой?

Косачевский нахлобучил поданную Захаровым дугу эмкана.

— Гамма, омега — приготовьтесь к захвату Икса. «Единица», быстро проверьте каюты жилсектора, в одной из них Пересвет и Пинаев. Сначала их каюты, потом каюты Хоона и Флоренс.

— Они в каюте Флоренс,— раздался голос Строминьша.— Мои ребята видели, как они туда зашли. Связи с ними не имею.

— Монитор, объект Икс в коридоре жилого сектора.

— Вижу, готовность к захвату — трехсекундная!

— Альфа — один — два — три — четыре — пять — готов! — эхом прошелестело в динамике, и следом еще несколько речитативов.— Гамма — один — два — три —... — семь — готов! Омега — один — два — три...— шесть... дельта — один — два —...—пять — готов!

Передачу из коридоров жилого сектора вели три видеокамеры, и объект Икс — псевдо-Салих — был виден хорошо. Он подошел к двери каюты Флоренс Дженнифер, остановился.

— Пора,— выдохнул Захаров.

— Пусть войдет,— возразил Косачевский.— Ивар, как только Икс войдет в каюту, отвлеките его внимание. Скажем, включите в каюте интерком и крикните: «Бросьте оружие!» Альфа, начинайте.

Псевдо-Салих вошел в распахнувшуюся дверь, и в то же мгновение в коридоре появились люди в сопровождении летающих киб-исполнителей, напоминающих по форме речных скатов. Двое из оперативников расстреляли дверь, в пролом юркнули «скаты», за ними — люди с преобразователями энергии, предназначенными для гашения взрывов.

«Шмель» с видеокамерой, бесстрастно передававшей ход событий, вплыл в каюту, и глазам руководителей операции предстала картина: замершие у черной дыры в стене «скаты», пригнувшиеся, готовые ко всему, оперативники, опрокинутая стойка гарнитура «Иван-да-Марья» в центре и больше никого и ничего...

САВВА КАЛАШНИКОВ

Сквозь белую колышущуюся пелену проступило черное пятно с нечеткими краями. Оно словно выплывало из придонной мути сквозь толщу воды, формируясь в какой-то знакомый предмет. «Экран»,— подумал без всякого выражения Калашников. Мысли были вялые, ленивые и скользкими угрями норовили расползтись по углам сознания, как только он пытался сосредоточиться.

Черное пятно наконец «всплыло», превратившись в прямоугольник с горящими зелеными строчками.

«Экран дисплея»,— снова подумал Калашников равнодушно, и его мысль высветилась новой строкой на черном фоне.

Из-за поля зрения протянулась к экрану рука, что-то сделала, экран стал фиолетовым, а буквы на нем — ярко-голубыми.

«Забавно,— подумал Калашников,— это же мои мысли на экране...»

Фиолетовый прямоугольник послушно отразил мысленную фразу начальника отдела безопасности.

«Забавно, ведь я, кажется, не сплю... значит, я на Земле... на Земле... почему на Земле? Я должен быть в... где-то я должен... забыл... вспомнил! В Сфере... странное слово... Сфера. Зачем я должен там быть? Почему я вообще об этом думаю?..»

Калашников попытался пошевелиться, и его едва не стошнило от головокружения и слабости.

— Лежите,— раздался над головой громовой голос.— Вам нельзя двигаться. Вы в реанимационной клинике, попытайтесь мысленно вспомнить, кто вы, чем занимаетесь и что делали до последнего момента.

«Я Савва Калашников, начальник отдела безопасности УАСС,— послушно вспомнил Калашников, наблюдая, как голубые строчки не произнесенных им слов загораются на фиолетовой панели. И вдруг где-то глубоко под толстым слоем «воды», затопившей сознание, шевельнулся в «мутном иле» острый плавник тревоги:— Внимание! Контроль! Группировка личности! Контроль! Контроль! Контроль!!!» С каждым разом строчки фраз на экране бледнели, кривились, начинали расплываться, пока не превратились в струи света. Калашников окончательно пришел в себя, обретая задавленный до этого момента мысленный блок и контроль над пси-сферой.

— Черт! — произнес тот же голос.— Блокада мысли чудовищная, не помогают даже ваши препараты! Не трогайте его, пусть просыпается.

Сознание прояснилось. Калашников ощутил себя живым: ноги и руки были тяжелыми, словно налитыми инерцией взлета при десяти «ж», болели мышцы живота, саднила кожа за ухом. «Микки» не отзывался на запросы, и Калащников понял, что его персональный советчик с обширной памятью изъят. Зато вшит «монстр», передатчик чужой воли, ощущаемый как застрявшая в голове пуля, вернее, как паук, высасывающий кровь из жертвы.

Савва, покрывшись липким потом от неимоверного усилия, запер «паука» в крошечной камере за пси-барьером и полностью овладел своим мозгом.

Он лежал одетым на узком и твердом ложе. Голова покоилась на вогнутой металлической решетке, на руках и ногах были защелкну-

ты широкие браслеты. Ложе переходило в пучок труб, вросших в прямоугольник экрана с небольшой полусферой сбоку, напоминающей металлического ежа. Напротив громоздились какая-то непонятная слоноподобная установка, а на одном из ее «ушей» сидел лицом к начальнику отдела мужчина в комбинезоне.

— Каспар Гриффит,— шевельнул беззвучно губами Калашников.

Гриффит понял.

— Он самый. Отстегни его.

Из-за головы Саввы появился напарник Гриффита: громоздкое широкое туловище на коротких ногах, длинные руки, громадная голова с ничего не выражающим, бугристым, словно составленным из непропорциональных деталей лицом. Калашникову он напомнил массивного южноафриканского австралопитека, робустуса. Повозился у ежастой полусферы, пошевелил пальцами несколько игл, и браслеты на руках и ногах Калашникова превратились в дымные кольца, а «дым» втянулся в отверстия ложа. Урод повернулся лицом к Савве и сгорбился, превратился в статую.

Калашников с трудом сел, чувствуя себя совершенно разбитым. Не глядя на Гриффита, сделал несколько упражнений аутотренинга, пока в тело вместе с притоком крови не вернулась часть былой подвижности.

— Вы очень сильный человек,— без тени насмешки произнес Гриффит, не меняя позы.— Нам почти ничего не удалось из вас вытащить даже с помощью этого гроба.— Он кивнул на аппарат пси-зондирования.— Итак, вы подошли ко мне вплотную. Признаюсь, это, в некоторой степени, оказалось неожиданным для меня; не предполагал, что у вас такая мощная контрразведка.

Калашников потрогал побаливающий висок и обнаружил там свежую опухоль. Надавил пальцами и, не обращая внимания на боль, с отвращением выдрал белый плоский овал с сотней тонких длинных волосков, испачкав руку в крови. Бросил на пол, достал платок и занялся лечением, унимая пульсирующую боль: кровь и пси-шумовой удар — эффект внезапного отключения подавляющего волю аппарата.

Гриффит наблюдал за ним с любопытством, покачал головой.

— Да, вы меня поражаете. Не хотите разговаривать.

Калашников наконец справился с выведенной из равновесия нервной системой, вздохнул с облегчением и впервые прямо посмотрел на собеседника.

— Я знаю, с кем имею дело. Что вам от меня нужно?

— Вот это другой разговор. Но едва ли вы в самом деле знаете, кто я. Представитель иного разума, разведчик? Вовсе нет, я посредник, дилер, если пользоваться земным деловым жаргоном двухвековой давности. Так уж получилось, что Сфера оказалась на пересече-

нии обоюдных интересов: ваших, альтруистски безгрешных, научных, исследовательских, и моих как агента по продаже особо ценных ресурсных источников, точнее, как посредника между Клиентом и Продавцом.

— Вы неплохо знаете терминологию земной эпохи социальной разобщенности. Чтобы добыть такую информацию, надо иметь хорошую разведку.

— О, вовсе не обязательно. Мы — цивилизация посредников. И Продавцы, и Клиенты вынуждены платить нам за посредничество: Продавцы, обычно имеющие прекрасную разведку,— необходимой для работы информацией, Клиенты...— ну, здесь возможен любой обмен.

— Не совсем понятно.— Калашников дотронулся до кармана на бедре, и тут же длиннорукий напарник Гриффита вскинул руку, из ладони высунулся черный ствол оружия. Калашников замер, медленно опустил руку.

— Какой он у вас нервный... Робот, конечно?

— Биокоп, но примитивный, выращен за день. Кстати, вы не удивились, что ваш соотечественник Гриффит — разведчик иной цивилизации.

— Почему я должен удивляться? Вы или используете тело Гриффита, либо сделали скафандр, имитирующий его тело.

— Второе. Доктор экологии Каспар Гриффит случайно попал в поле нашего зрения полгода назад, находясь в экспедиции Славича. Он бы погиб, если бы не мы. Это был удобный случай для проникновения в Сферу, и я начал подготовку. Однако работать на нас Гриффит отказался, пришлось...

— Понятно, не продолжайте. Вы гуманоид?

— Не совсем, но ближе к роду хомо, чем дайсониане. Постарайтесь спрашивать самое главное, времени у меня не так уж и много.

— Мне непонятны пока следующие моменты. Если вы не разведчик, то, выходит, на Земле есть или были разведчики другой цивилизации, так?

— Совершенно верно. Представители Продавца. Один из них даже работает в аппарате Совета безопасности.

У Калашникова окаменело лицо, он не сразу смог разжать сцепленные челюсти. Однако голос его был ровен:

— Я догадывался. Вы можете сказать, кто он? Я ведь в ваших руках и не опасен.

Гриффит засмеялся.

— Не переигрывайте, контрразведчик опасен всегда, пока жив. Что еще вам непонятно?

Как ни был Калашников подготовлен к самым неожиданным поворотам событий, все же он не сразу собрался с мыслями.

— Каким образом вы завербовали Салиха и Кхеммата?

— После тщательного отбора и анализа характеристик. Чем больше в человеке отрицательных качеств, даже если он их скрывает, тем легче он поддается внушению, тем легче его обработать. А с программатором в мозгу он и вовсе слепой исполнитель приказа, воспринимающий внешние команды как свои собственные решения. Мы попробовали обработать несколько человек с более сильной волей, но потерпели неудачу. Однако, если бы мне понадобились еще помощники, я бы их нашел.

— Не сомневаюсь, человечество не свободно пока от потенциальных негодяев, используя «качели» генофонда от гениев до ущербных психически людей. А тех, кто сопротивляется до конца, вы?..

— О нет, мы уничтожаем свидетелей только в крайних случаях, чаще используем вашу же медицинскую технику, амнезотрон, например. Стоит чуть передозировать излучение, и память человека тает, как дым.

— Вы лирик, господин посредник. Правда, мне неясна связь между... э-э, Продавцами, вами и Клиентами. За каждым термином — цивилизация...

— Вы молоды. Не вы лично — ваше человечество. Вспомните термин «звездные войны», не раз обыгранный вашей литературой. Идеи земных писателей не отличались разнообразием: земляне воевали с другими звездными расами за свое господство или против господства других. На самом деле звездные войны не столь примитивны, как их представляли люди. Нет врагов и друзей — есть партнеры по торговле. Разве в вашей истории не было таких примеров? В двадцатом веке с Гитлером воевали все: Советский Союз, Европа, Америка, а за спинами политиков шла торговля. Капитал не имеет границ, это доказано историей многих цивилизаций, ваша — не исключение.

— И что же вы продаете?

— Еще не догадались? Сферу, конечно. Ее первооткрывателями являются разведчики цивилизации с планет Альфы...— э-э, неважно, они же и являются Продавцами, привлекшими меня к сделке. Я нашел Клиента, который хотел бы приобрести право на владение Сферой, и теперь осталось лишь передать ее будущему хозяину.

— А мы, следовательно, мешаем...

— Верно... Пока я искал Клиента, вел с ним переговоры, в Сфере появились вы, пришлось отстаивать право на продажу.

— Такими средствами? Вы что же, имея такие возможности, не могли выйти на руководство Земли и объяснить ситуацию?

Гриффит рассмеялся.

— Типичная реакция землянина. Экая вы интересная космонация, нация филантропов и мечтателей. А как хорошо все шло в двадцатом веке: военный паритет, устойчивая конъюнктура войны и капитала, великолепный цинизм власть имущих... До сих пор не пой-

му, что позволило человечеству объединиться, преодолеть барьер социального роста. Нелогично. Неестественно. Противно! Вот, например, мир моего Клиента, вашего соседа, кстати: вышел в космос, но до сих пор разделен на два лагеря и продолжает гонку вооружений. Какая благодать для торгового партнерства! Представьте, что одна из сторон завладевает секретами Сферы...

— Война на уничтожение другой стороны?

— Вовсе нет. Зачем же нам терять Клиента? Мы просто предложим другой стороне нечто эквивалентное, и так без конца...

Калашников едва сдержался, чтобы не выругаться. Теперь он смотрел на Триффита с отвращением.

— Вы еще более интересная космонация, господин дилер. Уродливей отклонения эволюции разума я еще не встречал. Ну да ладно, мы до вас доберемся и потолкуем о моральной стороне вашей деятельности. А ваш Клиент, случайно, не Орион?

— О! Догадались! — Триффит два раза хлопнул в ладоши.— Знаю, что вы уже и туда добрались. У вас тоже отличная разведка, почти как у Продавца! Если бы не прискорбное столкновение из-за объекта продажи, мы бы поладили.

— Вряд ли. Вы хорошо знаете нашу историю, науку и технику, но плохо знаете нас самих. Иначе не стали бы добиваться цели теми средствами, которые заставляют человека бороться до конца.

Триффит слегка поморщился.

— Снова вы оперируете тем, чего нет. На Земле уже были времена, когда цель оправдывала любые мыслимые средства. Хотите примеры?

— Были,— кивнул Калашников, обретая былую уверенность.— Концлагеря, атомная бомбардировка Хиросимы, авторитарные политические режимы, геноцид, государственный терроризм, массовые убийства ни в чем не повинных людей — всегда находились те, кто оправдывал эти «средства» целью, мировым господством или «подлинной демократией». Но вспомните, чем это заканчивалось...— Калашников заторопился, заметив гримасу нетерпения на лице Чужого.— Наш спор схоластичен и ни к чему не приведет. Последний вопрос: что является товарным эквивалентом вашего обмена с партнерами? На Земле для этого служило золото — металл, имевший промежуточные формы — деньги, валюту.

— Для каждой цивилизации валюта разная. Для нынешнего Продавца — это энергия, необходимая для непрерывной экспансии в пространстве, для Клиента — технология, способная сломать военное равновесие в его пользу, но самым ценным эквивалентом по Вселенной, ее главным капиталом является... жизнь! Да-да, вы, люди, к моему удивлению, правы, хотя и возвели жизнь в ранг романтически возвышенного абсолюта. Вот цель, для которой мы способны оправдать любые средства! Скажите откровенно, разве вы коле-

бались бы, если бы вам предложили бессмертие? Не бессмертие тела, это невозможно, а бессмертие духа? Тело — лишь оболочка, сосуд для души, его можно менять бесконечно. Вы отказались бы от власти более могущественной, чем власть любого правителя в прошлом на Земле? Отказались бы стать равным богу для любого уголка Вселенной?..

Калашников, улыбаясь, смотрел на Гриффита. Ненависть и презрение ушли, уступив место жалости. Чужой умолк, вопреки страсти, прозвучавшей в голосе, оставаясь холодным и недобрым От него исходила волна скрытой угрозы, напряжения и ожидания.

«Он не чувствует себя хозяином положения,— подумал Калашников,— хотя может пристукнуть меня в любой момент. Знать бы, когда наступит этот момент... Что делать? Потянуть время? Не даст ведь, подлец. Или попытаться пригрозить? А не удастся — сыграть на страхе».

— Еще вопрос: почему бы вам не продать Сферу нам, землянам? Если Продавцу нужна энергия...

— Хорошая мысль, но у нас свой кодекс чести. Я уже договорился с Клиентом, он согласен заплатить и мне, и Продавцу. Да и не заплатите вы ту цену, на которую согласился Клиент.

— Почему же Продавец не может сам, без посредника, продавать свои находки?

— Цивилизация Продавца вырождается, пик ее могущества в далеком прошлом — сто миллионов лет назад, и представителей этого племени бродяг осталось совсем немного. Им некогда заниматься торговлей.

— Какой глубокий регресс! — прошептал Калашников, не сдержавшись.— Никто из нас не мог и представить, что контакт с цивилизацией, вышедшей в космос раньше человека, сведется к элементарной математической модели на уровне школьной игры! О, великий Космос, ты устроен гораздо проще, чем наш ум, если мы принимаем извращенную логику дряхлой нации за суперэтику сверхинтеллекта...

— Что вы там бормочете? — Гриффит подозрительно впился взглядом в глаза Калашникова, подозвал помощника.— Что с ним? Действие наркотиков? Что ты ему вколол?

— Транквилизатор и эйфородинитрил. Он уже давно должен быть в трансе.

— Добавь что-нибудь из своего арсенала.

Калашников не двинулся с места, когда робот подошел к нему с кубиком пневмошприца.

— Знаете,— сказал он,— я бы на вашем месте не торопился. Вы так цинично откровенны со мной, что, боюсь, неправильно оцениваете ситуацию.

Робот примерился к шее Саввы, в то же мгновение тот отбил ру-

ку, с силой ударил противника коленом в живот, одновременно поворачиваясь влево, и его локоть с глухим звуком врезался в шею биокопа, словно по кожаному мячу ударили.

— Браво! — негромко похвалил Гриффит начальника отдела, глядя, как робот, дергаясь, выбирается из-под обломков устройства пси-прослушивания.— Для своих лет вы хорошо деретесь. Но на мне приемы демонстрировать не стоит, я вооружен лучше.

Резкий, неприятный звук резанул уши: нечто среднее между свистом, шипением и дребезжанием железного листа. Над «ухом» установки, на которой сидел Гриффит, всплыло облачко голубого света, развернулось в объемный экран. В глубине объема передачи появилась человеческая фигура. Она стояла спиной к Калашникову, но ему почудилось что-то знакомое в облике и осанке этого человека.

— Почесте,— раздался гнусавый голос.— Дуних кажеш сомо караисса. Брадо окривице Мориц та шаратха. Кхеммата до но стлание баки фороракссо караисса. Беже до горих на токсоду уморо.

— Те коло юмифороо караисса бель брадор? — удивленно сказал Гриффит.— Тктеколо беже до биируу? Умех! Умаро шифораксоою баки но стланиеце. Качисе дг!

Калашников с запозданием сообразил, что язык ему не знаком.

Экран свернулся в облако света и угас. Гриффит задумчиво слез со своего сиденья и остановил робота, готового повторить попытку подавления воли пленника спецпрепаратами.

— Теперь я скажу, зачем вы мне понадобились. Только что мне доложили, что, во-первых, двое ваших работников Пересвет и Пинаев, доставлены Кхеммaтом сюда, на базу, и во-вторых, в действие скоро вмешаются иные силы, о которых вы не подозреваете.

— Дайсониане?

— Ах, даже так? Еще раз примите мой комплимент. Вы правы, дайсониане наконец зашевелились. Флоренс Дженнифер ваш работник?

— Странный вопрос. По нашим данным, она ваш работник...

— Все правильно, спросил на всякий случай. Она разведчик дайсониан. Так вот, вы сейчас по рации свяжетесь с Д-комплексом, там у вас, кажется, координирующий работу контрразведки центр, и прикажете всем покинуть Сферу, эвакуация исследователей — половинчатое решение. Если в течение часа после объявления земляне не покинут Сферу, обещаю взорвать Д-комплекс и сделать так, что дайсониане будут вынуждены уничтожить все ваши лагеря и базы и закрыть вам доступ сюда как завоевателям и убийцам, экспериментирующим на дайсах, уничтожившим несколько островов на первом и втором Дайсонах, а также планирующим глобальное переселение человечества в Сферу. Флоренс Дженнифер подтвердит мои слова, потому что лучше поддается перепрограммированию, она — всего-навсего кибер, вернее, биоробот дайсониан. Хотите по-

говорить с ней? Вас проводят, даю на размышление полчаса. И помните; на вас будет лежать ответственность за убийство ни в чем не повинных людей. Вы, люди, так погрязли в гуманизме, так жестоко привязаны к морально-этическому кодексу, по-своему отграничив добро от зла, так не терпите насилия над личностью, что не способны причинить вред сопланетникам, если на весы брошены ваша жизнь и судьбы многих.

Калашников молча повернулся и проследовал к выходу из помещения, повинуясь жесту робота: тот держался сзади, равнодушный ко всему, что выходило за пределы приказа хозяина. Савва до боли в голове пытался вспомнить, где видел человека, разговарившего с Гриффитом, и не мог. Ни на Мухаммеда бин Салиха, ни на Сунними-мура Кхеммата незнакомец не походил, значит, это и был тот самый разведчик, представитель пресловутой цивилизации Продавцов.

СФЕРА ДАЙСОНА

В десяти миллионах километров от Дайи светящиеся облака, пульсируя и кипя, продолжали свою загадочную жизнь, формируясь в гигантские геометрические фигуры: веретено, шар и копье.

«Копье» направилось к одной из планет, которую люди нарекли Дайсоном-2, «веретено» двинулось к Д-комплексу, оставляя за собой длинный, негаснущий хвост. «Шар» поднялся над плоскостью системы и устремил свой полет к самому большому вывалу в трехслойной оболочке Сферы.

Спустя час после своего рождения облака неизвестной субстанции достигли цели и замерли каждый у своего объекта. «Хвосты» из искристого тумана по мере движения самих облаков продолжали вытягиваться, светиться и играть мириадами огненных вспышек-искр. С Д-комплекса и с баз землян к ним стартовали модули, ведомые суровыми молодыми пилотами спасательной службы Земли, зависли в сотне километров, включив автоматические исследовательские системы. И во всей Сфере, казалось, все живое затаило дыхание. Некто огромный, сравнимый по размерам со Сферой, выглянул вдруг из облаков, вытянулся «во весь рост», внимательно вгляделся в панораму событий, с легкостью проникая взором сквозь толщи атмосфер и океанов планет, стен искусственных сооружений, скал и планетарных недр.

Он увидел инородную технику: спейсеры, модули, цилиндры ТРБ, лагеря экспедиций, застывших у экранов людей, ощутил их напряжение и тревогу, не понимая, чем они вызваны, «ощупал» невидимыми пальцами раны на теле планет, нанесенные пришельцами, и еще раз, более внимательно, прислушался к бушующей, клокочущей стихии мысли, пытаясь выловить очаги отрицательных и поло-

жительных эмоций. Ему не сразу удалось это сделать, к тому же было неясно, кто из пришельцев друг, а кто враг; без длительного изучения ситуации или без подсказки обойтись было невозможно, и тогда исполин позвал своего разведчика, не узнавая его в «толпе».

Ответа не было.

Снова и снова колосс беззвучно, но так, что содрогалось пространство, бросал в космос призыв откликнуться, никто не отзывался на этой волне мыслесвязи, только мысли людей создавали множественное эхо, шумовой фон, разобраться в котором было непросто.

Тогда исполин — искусственный интеллект, посланец бывших хозяев Сферы — отыскал в ее колоссальном объеме области, где стихия мысли кипела наиболее напряженно, и сосредоточил на них внимание. Сквозь «гул» пси-поля пробилась мысль одного из пришельцев...

— Добро сильнее зла,— медленно сказал Косачевский, устало разглаживая лицо ладонями.— Все так, все верно... И все же, всегда наступает момент, когда вся наша техническая мощь, призванная укротить зло, оказывается бессильна и финал схватки начинает зависеть от крохотной детали, от чего-то малого, эфемерного, невидимого глазом — от мужества и благородства одного-двух человек, от их ума, выдержки, великодушия и зачастую неосознанного стремления к идеалу, имя которого — любовь...

Посланец дайсониан не знал, что такое любовь, потому что был создан, во-первых, не людьми, а, во-вторых, для определенной цели, поэтому не стал анализировать «пакет смысла» речи человека и не смог оценить ее глубины. Он был слишком велик и чудовищно далек от всего того, что человек называл моралью, этикой, добром и злом...

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

— Какая неожиданная встреча,— сказал, приятно улыбаясь, Суннимур Кхеммат.— Не двигаться! — предупредил он попытку Пинаева выхватить оружие.— Я выстрелю первым. Оружие на пол!

— Спокойно, Ждан,— проговорил Никита.— У него парализатор и «универсал». Послушаем, что он нам предложит.

— Речь профессионала,— снова улыбнулся Кхеммат, следя за каждым движением друзей.— Сейчас придет мой помощник, и мы вчетвером прогуляемся по свежему воздуху. Очень кстати вы здесь оказались, хотя я и не ожидал увидеть вас в каюте мисс Дженнифер. Впрочем, вы ей симпатизировали, камрад Пересвет?

— Где Калашников? — спросил Никита, не отвечая на вопрос.

— Приятно проводит время в компании Флоренс. Он будет весьма удивлен, увидев вас... м-м...

— На основной базе,— тихо подсказал Пинаев.

— Вы догадливы. Тем не менее, вынужден вас огорчить — это вам не поможет,— Кхеммат повел стволом парализатора.— Поднимите руки повыше, уважаемые, раздвиньте ноги, пошире, пошире, из позы «шпагат» не очень-то прыгнешь, не так ли, спортсмены? — В тоне Кхеммата прозвучала издевка. Он обошел каюту Флоренс, обыскал стойку универсального комплекта, в задумчивости остановился у незакрывшейся дыры тоннеля, откуда тянуло озоновым сквозняком.

— Неужели она ничего не держала в каюте? И не оставила координат, где ее искать? Шеф будет огорчен. Что скажете, камрад Пересвет?

— Не знаю, о чем вы,— пожал плечами Никита.

— Ну хорошо, это не имеет значения. Итак, прошу вас следовать за мной... м-м, вернее, впереди меня. Пинаев, вы первый, живо!

Ждан посмотрел на Никиту и безмолвно шагнул в тоннель. Инспектор последовал за ним, и в этот момент в каюту вошел широкий, неуклюжий на вид мужчина с некрасивым смуглым лицом. Он был похож на Салиха.

— За мной идут,— просипел он сдавленным голосом.

— Быстро в люк! — Кхеммат толкнул Никиту в спину, ввалился следом, за ним — угрюмый незнакомец, что-то тонко просвистало, и равнодушная сила понесла всех четверых в невесомости сквозь сплетения и вязь конструкций, коридоров, помещений, колодцев, залов — вниз, в искристую бездну.

Длилось это падение недолго, минуты две. Негрубо, но ощутимо, людей сдавила упругая невидимая пелена, повернула, выстроив в затылок друг другу, и вытолкнула в квадратное помещение с синими стенами, напоминающими соты. В углу светилась какая-то непонятная установка, а рядом из ячеистой стены выпирала белесая опухоль «прыг-скока» — дайсонианской разновидности метро, внутри которой горел зеленый огонек готовности к пуску.

Никита понял, что их сейчас заставят покинуть Д-комплекс, и тогда Косачевский напрасно будет ждать их в посту. Конечно, он поймет, что с ними что-то случилось, но пройдет немало времени, прежде чем он убедится в отсутствии обоих на борту станции. Никита незаметно уронил перстень Флоренс на пол, сделав вид, что споткнулся. Шанс, что перстень найдут оперативники Захарова, был невелик, но пренебрегать им не следовало. «Вася» помалкивал, ему нечего было посоветовать.

Кхеммат достал ажурные браслеты со штеккерами.

— Надевайте.

Никита повиновался, Пинаев тоже.

Кхеммат подсоединил браслеты к плоским аккумуляторам, включил. Пленники почувствовали легкий электрический укол — браслеты были генераторами электростатического поля, с их по-

мощью, изменяя параметры поля, можно было пользоваться «прыгскоком».

«Опухоль» мгновенного транспорта стала расти, туман внутри нее поредел и исчез, обозначились зеленоватые наросты в рост человека, похожие на ушные раковины.

— Вперед! — скомандовал Кхеммат, беспокойно поглядывая на часы.— Риг, обеспечь встречу.

Его напарник по-медвежьи полез в пузырь, прозрачная пленка пропустила его, чмокнула, неяркая сине-зеленая вспышка высветила полость пузыря, и «опухоль» опустела. Зеленый огонек, плавающий в верхней точке пузыря, сменился голубым, потом снова позеленел.

— За ним, и побыстрее,— махнул пистолетом Кхеммат.

— Я обезврежу робота,— быстро сказал Никита на японском, зная, что Пинаев понимает его.— Больше шансов не будет. А ты задержи этого...— Никита шагнул в пузырь.

Мышцы на лице свело от ощутимого электрического разряда, тело сдавила невидимая лапа, бросила в глубокий колодец невесомости и тут же выдернула оттуда, поставила на что-то твердое. «Скорость!» — скомандовал Никита «Васе». Тот послушно, без обычного ворчания, что, мол, искусственный стресс разрушительно действует на организм, включил эруптивный нервный контур, увеличивающий скорость прохождения нервных импульсов. Время для инспектора как бы замедлило свой бег...

Он очутился на светящейся белой плите в окружении черных стен. Пахнуло теплом. «Кругом вудволлы,— сообразил инспектор, переходя на инфракрасное зрение.— Мы на одной из планет, причем в Северной климатической зоне: Сфера не светится, и Дайи не видно — ночь... Где же наш длиннорукий «приятель»?»

Псевдо-Салих стоял у стены вудволла, опустив руки, и ждал остальных. Он не был человеком, уверенным в преимуществе положения, а просто исполнял приказ и действовал в силу своей программы. Наверное, до этого момента такая программа себя оправдывала, но его создатели не знали, что Никита был оптимизирован для любого открытого боя с быстрой сменой ситуаций.

Ветер свистнул в ушах — прыжок влево — что там вокруг? — Все тихо,— ответ «Васи» — рука робота с пистолетом — по руке у локтя! — выпученные глаза — не успеваешь, голубчик. Где у них уязвимые места? Дышит-то он по-человечески или нет? — удар по шее — падает, но это просто от удара, ага, по-видимому, нервный узел на затылке — получай!..— О, черт!

Падающий робот вдруг раскрылся от последнего удара, как раковина моллюска, сбрасывая человеческую оболочку. Из нее выскочила кошмарная конструкция, по-змеиному гибкая и быстрая, как хищное насекомое.

Никита было замешкался, но крик «Васи» подстегнул его. Он

нырнул под удар членистого рычага, выхватил «универсал» из руки-чехла псевдо-Салиха и выстрелил в падении. Дымная молния разряда вонзилась в корпус «насекомого» и, видимо, пришлась на энергоузел: по глазам ударила двойная фиолетово-оранжевая вспышка, короткий двойной шипящий свист взрыва туго хлестнул по ушам.

Появившихся на светлой плите Пинаева и Кхеммата бросило ударной волной на стену вудволла, но Ждан сориентировался быстрей...

Кхеммата связали, обезвредили рации. Три минуты вслушивались в оглушительную тишину острова, но нигде не взвыла сирена тревоги, не разверзлась земля и не появились роботы охраны.

Никита смазал себе обожженное лицо и руки деальгиновой мазью из аптечки, а Пинаеву — ссадину на носу и прилег у плиты. Его знобило — реакция на большую потерю нервной энергии после искусственного стресса. «Вася», бормоча свои наставления, занимался иглоукалыванием, раздражал доступные ему нервные узлы, от чего по телу Никиты бегали приятные «мураши», как при массаже.

Пинаев разведал обстановку, и оказалось, что они находятся на острове, в полукилометре от береговой линии. Останки чужого робота догорали, стало темно, лишь плита слегка светилась призрачным светом, бессильным рассеять мрак уже на расстоянии в локоть.

— И все же непонятно, почему Кхеммат высадился не на базе,— высказал вслух свои сомнения Никита.— Здесь в логике Чужих какой-то изъян. Зачем ему надо было выгружать нас здесь, вдали от надежной охраны?

— Может быть, он в спешке набрал не тот код?

— Может быть. Ты не заметил ничего подозрительного?

Пинаев достал из аптечки таблетку адаптогена, прижал к шее, подождал, пока содержимое всосется под кожу.

— За вудволлом, по-моему, начинается просека.

— Просека?!

— Вудволлы вырублены и сложены в штабеля. Больше ничего.

— Тогда подождем, пока очнется Кхеммат.— Никита лег.

Пинаев встревожился.

— Ты ранен? Помочь?

— Пройдет.— Инспектор не стал рассказывать пограничнику о причинах своего недомогания.— У тебя нет запасных раций?

— Одна все-таки осталась, этот приятель почему-то пропустил. «Родинка» на горле.

— Работает?

— Я включил ее в последний момент, но сработала ли она, не ведаю. Знаешь, у меня тоже кошки скребут на душе, уж слишком гладко прошло у нас освобождение.

— Элемент везения, конечно, сопутствует нам, но Кхеммат был

излишне самоуверен и спешил, за что и наказан. Ты хорошо его связал?

— Практики, как ты сам понимаешь, в этом деле нет, но освободиться он не сможет.— Ждан подошел к лежащему на боку предателю.— Дышит, я попал ему в подвздошный нервный узел.

Никита наконец почувствовал, что начинает набирать тонус. Каждую мышцу и нерв он настраивал, как отдельные инструменты в оркестре, пока они не «зазвучали» слаженно и мощно. Сердце снова заработало в прежнем секундном ритме, а не в темпе лихорадочного галопа, руки и ноги стали послушными, легкими и сильными. «Порядок,— высветилась в голове мысль довольного «Васи».— Свеж, как огурчик. Известна тебе этимология этой фразы, мон шер ами?» — «Известна,— буркнул Никита.— Лучше следи за средой. Никто не крадется? А то я что-то нюх потерял».— «В радиусе километра никого. В двух километрах к северу ощущаю пульсацию полей в широком диапазоне».— «База, все правильно. Где-то там Калашников...» — «И Фло Дженнифер...» — «Что ты этим хочешь сказать?» — «Она мне не нравится. При ее приближении у меня начинаются сбои, словно немеют рецепторы...» — «Ты просто ревнуешь. Она странная женщина, но в ней есть какая-то загадка».— «То есть программатор Чужих. Она их шпион, доказательств хоть отбавляй».— «А последняя записка? Если она резидент, то ее записка — прямая утечка информации. И все, хватит полемики».

Никита вскочил на ноги.

Угрюмая стена вудволлового леса светилась коричневым, небо было почти черным, с багровыми тусклыми пятнами, грунт под ногами был холодным и твердым, словно его специально утаптывали.

— У них должна быть сигнальная сеть, а я ничего не чувствую.

— Должна быть,— согласился терпеливый Пинаев.— Хорошо, что мы не вышли к воде. Охранять базу вроде бы ни к чему, если есть силовой пузырь над островом, то я бы на их месте поставил дополнительные охранные системы.

— Приводи в чувство Кхеммата. Не дает мне покоя вопрос, почему он высадил нас здесь, а не на базе. Странно как-то, нелогично... Кхеммат, конечно, не ожидал встретить нас в каюте Флоренс, но не учесть этот вариант... ладно, разберемся. Интересная у дайсониан финиш-камера метро — плита и все. А я ломал голову, что за каменные плиты понатыканы на островах... Знать бы раньше... В темноте ориентируешься?

— Не очень хорошо, но силуэт твой вижу.

— Будешь подстраховывать с тыла.

Никита проверил заряд в «универсале» и обойму в пистолете Кхеммата, стреляющем иглами сна. Пистолет был изящен и красив особой хищной и зловещей красотой, форма его была доведена до совершенства, и Пересвет с мимолетным сожалением подумал, что,

в отличие от дайсониан, у человека первыми достигли совершенства орудия уничтожения себе подобных.

Пинаев порылся в аптечке, подсвечивая под руку фонарем, нашел осмоампулу противошокового препарата, но Никита остановил его.

— Не надо, он очнулся. Вставайте, Суннимур, не притворяйтесь, вы меня слышите.

Кхеммат открыл глаза, повозился и сел. Он казался спокойным, хотя это было спокойствие готовой к броску змеи.

— Вам все равно не выбраться отсюда. Эти плиты — лишь выходы метро, а вход — на территории базы.

— Ничего,— тихо сказал Пинаев.— Выберемся.

— Времени у нас мало,— сказал Никита,— поэтому буду краток. Вы нас интересуете мало, поскольку все ваши шаги известны. Непонятны лишь мотивы вашего предательства. Как вы, человек, землянин, могли пойти на сделку с инопланетной разведкой?! Чем они вас купили? Чем вообще можно прельстить человека в такой ситуации?

— Вам не понять.— Голос Кхеммата внезапно сел, биолог откашлялся.— Вам не понять. Хозяин способен...

— Хозяин?! Не партнер?

— Вас это шокирует? Да, он мой хозяин, хотя и временно. Он способен дать мне то, что никто никогда на Земле не мог дать ученому: возможность экспериментировать над такими формами жизни, какие вам и не снились! Плюс к этому бессмертие, способность менять облик, власть над всем, что движется и дышит...

— Ну, это по крайней мере ясно.— Никита сунул пистолет в захват на поясе.— Как все легко и просто: бессмертие, власть, отсутствие контроля, будто вы собираетесь жить вне социума, наблюдателем извне, демиургом, так сказать. Каким образом хозяин собирался все это вам приподнести? Но оставим обещания хозяина на его совести... которой у него нет. Ответьте еще на несколько вопросов, более конкретных, и мы расстанемся почти друзьями. Действуют ли на биороботов, ваших помощников, иглы сна?

— Не знаю, не пробовал.

— Верю. Где в настоящий момент Салих?

— Готовит вам сюрприз. Где именно — тоже не знаю.

— Сюрприз — это взрыв Д-комплекса?

— Так вы уже знаете? — В голосе Кхеммата прозвучало разочарование.

— Понятно.— Никита задавал вопросы все быстрее, чтобы не дать пленнику времени на размышления.— Кто главный? Под чьей личиной прячется эмиссар?

Кхеммат покачал головой, покривил губы.

— Экий вы быстрый... Даже если бы я захотел, я не смог бы произнести его имя.

— Пси-блокада? Что ж, тогда скажу я — Каспар Гриффит. Так? Не отвечайте, все ясно. Еще вопрос: зачем вы все это затеяли? Убийства, взрывы, террор...

— Хозяину нужна Сфера.— Кхеммат напрягся и разорвал силифторовый жгут, стягивающий запястья, улыбнулся.— А вы мешаете. Надо было выгнать вас... землян, вот и все.

— Так просто! — Никита посмотрел на Пинаева и встретил ответный взгляд.— Какое-то чудовищное несоответствие психологии и морали масштабу действий! — Он говорил тихо, ровно, как бы про себя, но внутри все дрожало. Перед глазами промелькнуло лицо Нормана Хамфри с пустым взглядом идиота, безвольное тело Константина Мальцева, словно уснувшего на минуту, взорванная база, мертвая деревня дайсониан, вереница заболевших исследователей, снежная гора, скрывшая под собой несколько деревень дайсов... Выгнать из Сферы! И все!..

«Спокойно! — подал голос «Вася».— Он же глухонемой от рождения к любой чужой боли, а тут еще программатор в мозгу. Темп, темп, топчемся на месте, а время уходит».

— Не стоит демонстрировать свои возможности,— вежливо предупредил Пинаев, брезгливо глядя на Кхеммата.— Вы что, в самом деле считаете себя суперменом?

— В том все и дело.— Никита глубоко вздохнул. Ждан был прав, «Вася» тоже был прав, все были правы.— Последний вопрос: какую роль у вас играла Флоренс.

Кхеммат перестал растирать запястья.

— Не понимаю, о чем речь.

— Какую роль играет Флоренс Дженнифер в спектакле хозяина?

— Вопрос в духе театрального критика.— Кхеммат коротко засмеялся.— Мухаммед, оказывается, прав. Он специалист по точному анализу.— Биолог снова засмеялся.— Вам, кажется, небезразлична эта девица? Она здесь, у хозяина... а знаете, кто она на самом деле? Робот!

Свет фонаря в руке Пинаева дрогнул. Ждан посмотрел на Никиту с каким-то испугом, тот остался бесстрастным. И в этот момент Кхеммат прыгнул на Пинаева. Пограничник выстрелил неожиданно для себя самого.

— Ну что же ты,— с сожалением проговорил Никита, поднимая и опуская безвольную руку биолога.— Он же теперь проспит не меньше суток.

— Извини,— с трудом произнес Пинаев, лежа в трех метрах от товарища в позе боксера, пропустившего нокаут.— Он мне, кажется, что-то сломал...

Никита поднял упавший фонарь, подошел.

— Куда он попал?

Пинаев встал, отказываясь от помощи инспектора, показал на шею.

— Пройдет. Умеет кое-что, гад! Надо было прежде всего спросить его, где база и как туда пройти.

«База в двух километрах,— брюзгливо заметил «Вася».— Скажи ему».

Никите вдруг показалось, что его накрыла холодная и тяжелая тень. Он поднял голову. Невысоко над вудволлами бесшумно проплыла стая виброкрылов.

* * *

Они выбежали на свежую вырубку с десятком штабелей разрезанных на плиты вудволловых стен. Запахи здесь стояли неприятные, железистые, болотные.

Штабеля были увязаны белым тросом и готовы к отправке. «Попутная добыча,— подумал Никита.— Они не брезгуют ничем, в том числе и костяной древесиной вудволловых трупов. Жадность губила не одного преступника в былые времена...»

Пинаев отстал, но не жаловался, он был в форме, что вселяло дополнительную уверенность в успех задуманного. Обстоятельства складывались в их пользу, следовало использовать эффект внезапности и дар судьбы в полной мере.

Остановились передохнуть, вдыхая полной грудью прохладный воздух, пахнущий озоном и нагретым камнем.

— Наши там готовы полцарства отдать, чтобы узнать координаты базы,— вдруг тихо засмеялся Пинаев,— а мы уже здесь. Как ты выдерживаешь направление? Я бы уже давно сбился в этом мраке.

— У меня «альтер эго».

— Биоперсонком? — Пинаев был поражен, но постарался скрыть это.— И как ты его зовешь?

— «Вася».

Разговор прервался. Пинаев знал, как обидчивы искусственные интеллекты, перенимавшие многие черты личности хозяина, поэтому шутить не стал.

— Почему ты уверен, что это их основная база?

— Слишком жирно иметь на одной планете сразу три базы; две резервные и реперную. Одну я обнаружил, вернее, она меня, а эта должна быть главной.

Снова побежали, утопая в мягкой почве, попадая в тупики сросшихся вудволловых стен, путаясь в куртинах липкой пухтравы, оскальзываясь на разваливающихся под ногами кочках гриботравы, продираясь через шпалеры паутинотравы. Этот лес был какой-то дикий, плотно забитый вудволлами, насквозь проросший травой

всех видов, глухой и недобрый. Кратчайший путь к базе получался похожим на кардиограмму.

Через четверть часа остановились под сенью накренившегося вудволла, мертвого, закостеневшего и холодного.

«Вася» твердил, что база перед ними, в двух шагах, но они ничего не видели. Вернее, видели холмы, поросшие вудволловым лесом, и ни одного признака искусственного сооружения. Никита напрягал зрение, но даже в инфракрасном диапазоне не смог разглядеть упорядоченной структуры в излучающих тепло пятнах.

— Ничего не понимаю,— признался он Пинаеву. Оба лежали в зарослях гриботравы, испускающей запах пыли, прибитой дождем, и прислушивались к редким звукам, долетавшим из глубины острова.

— У меня ощущение, что на нас кто-то смотрит,— сообщил Пинаев шепотом.— Может быть, здесь видеокамеры слежения?

— Не исключено, но я ничего не вижу.

— А если база находится под землей?

— Не вижу смысла прятать ее под землю. Без силового зонтика ее все равно можно обнаружить, даже из космоса. А вот видеозавеса — другое дело... Ползи следом, проверим.

Никита обогнул край вудволла и пополз на холм, но не преодолел и двух метров, как руки его ушли в склон холма по локоть. Он замер.

— Я так и думал — видеошатер! Они накрыли базу голографическим миражом. Боюсь, мы нарушим поле завесы, что нетрудно зафиксировать, но у нас нет иного выхода.

Никита рывком продвинулся вперед и зажмурился от неяркого — но неожиданного света, брызнувшего в глаза.

Он оказался на краю обрыва. Под обрывом начиналась круглая долина диаметром в километр, накрытая шапкой голубого тумана, гладкая, как городская площадь. В центре долины красовалось сложное сооружение, напоминающее бабочку с распахнутыми перепончатыми крыльями, однако размеры «бабочки» превосходили ее земной аналог по меньшей мере в тысячу раз! Во всяком случае, тело «насекомого», похожее на тушу кита, обросшую «водорослями» и «моллюсками» каких-то деталей, достигало в длину около двух сотен метров и в высоту около сотни. Рядом с «бабочкой» располагались сооружения более простых форм: десятиметровый куб с антенной системой наверху, полосатая колонна высотой в двадцать с лишним метров, цепочка белых шаров, модуль типа «Коракл» и два пинасса.

Над колоссальным телом «бабочки» сновали диски гравикранов, перегружая что-то из трюмов «Коракла» в недра перепончатокрылого гиганта, по серо-голубому грунту бегали юркие робокары, неторопливо и целеустремленно двигались приземистые фигуры биокопов, но ни один звук не долетел до ушей разведчиков.

«Звуковая завеса,— сказал «Вася».— Страхуются они здорово. Тут такая каша излучающих источников, что я могу не справиться с идентификацией. Работай больше сам».

— Это, скорее всего, космодромный комплекс,— прошептал Никита едва слышно на ухо подобравшемуся Пинаеву.— «Насекомое» в центре, видимо, корабль, куб — централь, башня — склад. Что будем делать?

— Давай сформулируем задачу и составим план действий. Идем вслепую, без подстраховки, поэтому все будет зависеть не от расчета, а от дерзости.

— Согласен. Наша задача проста — найти Калашникова... если он жив, и Фло, а потом попытаться снять колпак поля с острова и дать сигнал Косачевскому. Все.

— Проще пареной репы. Если бы кто-нибудь еще посоветовал, как это сделать...

— Сам же говорил о дерзости. Будем действовать нахально, просто и прямо, в расчете на внезапность. Я зайду левее и в тени этого насекомовидного корабля подойду к централи, а ты пойдешь отсюда к стоянке аэротранспорта, спокойно сядешь в куттер и будешь ждать, пока я не выйду. Возражения есть?

— Ждать не буду. Если не выйдешь через полчаса или не дашь знать, начну действовать сам сообразно обстановке.

— Годится. Как только я появлюсь в долине, начинай спускаться. И поосторожнее, пожалуйста, я трудно схожусь с людьми и не смогу найти тебе замену.

Никита отодвинулся назад, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и сделал порядочный крюк, огибая замаскированную видеошатрами долину с базой Чужих. Он вышел точно напротив перепончатого крыла странного сооружения, ничем не напоминающего космолет. Нашел глазами то место, где лежал Пинаев, никого не заметил, вздохнул и нырнул с обрыва, как в воду, соскользнув по гладкой стене почти до самого дна. Его задержал небольшой карниз, оказавшийся пузырем оплавленного камня, с которого инспектор скатился на равнину за две секунды. Весь спуск, таким образом, занял всего десять секунд.

Внизу он подобрал брошенный кем-то пустой желтый ящик и побрел к серому кубу, словно тоже был роботом, обслуживающим погрузочную площадку. Снова показалось, что сверху на него упала холодная тень. Так и есть, виброкрылы. Что им надо? Видеокамер у них нет, «Вася» бы уловил, но может, у Чужих есть устройства, работающие в диапазонах «ям нечувствительности» нашей аппаратуры?

Стала слышна работа механизмов, словно внезапно прорвалась накидка звукоизоляции: скрипы, тарахтение, мерные удары, посвистывания и шорохи.

Здание приблизилось, полускрытое громадным, янтарно отсвечивающим, словно медным, крылом непонятного сооружения. Роботов с этой стороны не было совсем, лишь несколько многофункциональных по виду машин размером с медведя рыли траншею и укладывали в нее ярко-красные «бусы».

Никита обошел канавокопатели и бегом преодолел оставшиеся метры до здания централи, отметив не без тревоги, что никто не обратил на него никакого внимания. Кажется, мы слишком увлеклись штурмом, подумал. Похоже, нас переиграли и ведут, как слепых котят. Не может быть, чтобы база не имела охранных систем, контролирующих границу.

«Как будто ты этого не предполагал,— саркастически заметил «Вася».— Будто у тебя был выбор».— «Был. Времени не было, а выбор был. Если бы мы пошли к океану и попытались уйти вплавь, Чужие вынуждены были бы раскрыться».— «Но ведь и они способны ошибаться, особенно когда им предлагают нестандартные варианты».— «Вот тут ты прав».

Никита обошел здание со стенами, не имеющим ни впадин, ни выступов, ни вообще каких-либо деталей, поднял «универсал» и постучал в стену рукоятью.

В метре от него кусок стены потерял монолитность камня, клубом дыма выпал на почву и сформировался в пандус. Никита невозмутимо шагнул в проем и прежде, чем за ним выросла стена, успел заметить Пинаева, подходившего к стоянке летательных аппаратов.

— Добро пожаловать, инспектор,— раздался сверху чей-то вежливый баритон.— Будьте добры, оставьте ваш арсенал у входа, он не является весомым аргументом в этом доме.

Никита повиновался.

Стены тамбура, куда он попал, вспыхнули на мгновение жгучим голубым светом. Волна жары сменилась волной холода.

— Не тревожьтесь, дезобработка,— сообщил тот же голос.

Дверь из тамбура открывалась проще — шторой скользнула вверх. Перед Никитой стоял улыбающийся Каспар Гриффит.

Д-КОМПЛЕКС. ГЕРМАН КОСАЧЕВСКИЙ

В посту становилось жарко, кондиционеры не справлялись с нарастающей духотой.

Косачевский велел резерву и всем оперативникам на подхвате выйти в коридор.

Шел уже двенадцатый час ночи, а поиски Пересвета и Пинаева результатов не давали.

— «Прыг-скок»,— вздохнул Захаров, меняя очередной носовой платок.— Не представляю как, но их похитили через «прыг-скок».

Они могут оказаться в любой точке Сферы, так что искать их бесполезно.

Косачевский покосился на него, снял эмкан и помассировал ушные раковины.

— Что там с этими облаками?

— Одно догнало Д-комплекс, вон светится в крайнем виоме, второе вышло на орбиту вокруг второго Дайсона, третье дрейфует возле оболочки Сферы у самой крупной дыры,— доложил начальник группы наблюдения.

— Пора,— бросил Ефремов.— Свертывайте операцию. Ясно, что это прибыли дайсониане, хозяева Сферы. Едва ли они станут разбираться, кто прав, кто виноват.

— Обязаны,— сказал Косачевский невнятно, жуя питательную таблетку.— Они обязаны начать с вопроса: что происходит. И мы ответим.

— А если они спросят не у нас? У Чужих? И те ответят, что виноваты во всем мы? Представляешь последствия? К тому же они негуманоиды, полуживотные-полурастения. Даже ксенопсихологи не в состоянии дать рекомендации, как вести себя с ними, настолько они отличаются от нас.

— Чушь! — сердито буркнул Косачевский.— В главном мы сходимся: в стремлении к совершенству, в тяге к познанию, в романтике, наконец. Дайсониане далеко не воплощения холодного разума, иначе у них не было бы культуры и искусства, так поразивших нас.

— Этой культуре сто веков! С той поры многое изменилось. Зачем они бросили все это богатство?

— Почему бросили? Разве за Сферой никто не ухаживает?

— Всего-навсего автоматы Д-комплекса.

— Однако же за сто веков их заботы хватало. Земные заповедники и скансены тоже, наверное, выглядят заброшенными со стороны, пока не наткнешься на тех, кто за ними следит и оберегает их.

В посту на недолгое время установилась относительная тишина: с пульта доносились лишь негромкие переговоры патрульных и оперативных отрядов, мерная пульсация фона аварийной волны, перекличка наблюдателей пространства. Вспыхивали и гасли виомы связи, по объемной схеме операции ползли строки бланк-сообщений, команды, цифровые и кодовые ответы исполнителей, мигали и перемещались огоньки основных и вспомогательных сил, наливались оранжевым светом зоны срыва контроля и алым — зоны непредвиденных осложнений.

Одной из них был сектор Д-комплекса, где наблюдатели потеряли след Пересвета.

— И все же не понимаю, почему эти люди могли так долго мас-

кировать свою сущность! — воскликнул вдруг Ефремов, стукнув ладонью по бедру так, что все вздрогнули.— Неужели никто не видел их моральных качеств?

— Причин много,— нехотя сказал Косачевский.— Во-первых, они многое скрывали, а в душу не заглянешь; во-вторых, тем, кто знал их больше, мешала врожденная деликатность, мол, ничего страшного, исправятся; в-третьих, на работе это не сказывалось, они обладали определенными и организаторскими и творческими способностями, что вполне устраивало начальство; и, наконец, в-четвертых, для проявления всех отрицательных свойств им просто не хватало питательной среды. Кхеммат работал в престижном по всем меркам научном центре, Салих также попал в отличный коллектив, пограничники — люди редких качеств, что вполне объяснимо: равнодушным и недобрым нечего делать на переднем крае в космосе и на Земле, где все порой зависит не от знаний, физической силы и выносливости, а от умения улыбнуться или пошутить. Ну, а Каспар Гриффит... это непонятный человек, положительный во всех отношениях. Боюсь, он просто подменен.

— Вы хотите сказать, что настоящий Гриффит убит? — спросил Захаров, на которого было жалко смотреть.

— Несомненно. Его взяли раньше других, выкачали всю личностную информацию, и эмиссар явился на Землю в его облике. Я даже могу сказать, когда это произошло: или полгода назад, в экспедиции Славича, или в прошлом году, в отпуске. Никто не знает, где и с кем он отдыхал, Савва проверял.

При имени Калашникова разговор на минуту прервался. Потом Ефремов пробормотал:

— Чего же им не хватало? Не понимаю...

Косачевский вздохнул, оставил в покое малиновые уши.

— К сожалению, подонки и отщепенцы запрограммированы человечеству эволюцией, так же, как и гении: для обеспечения необходимого запаса генетической информации. Их стало меньше, но они есть, и не всегда в этом виновато общество и его институты воспитания... хотя и они еще далеко не совершенны. Что из того, что Кхеммат и Салих имеют высокий уровень интеллекта? Высокий интеллект не всегда уживается с высокой моралью, что нам наглядно и показано...

Послушайте, Захар, идите, примите душ, укол адаптогена и возвращайтесь,— обратился Косачевский к Захарову.— На вас смотреть больно.

Захаров сбросил эмкан и без слов выкатился за дверь.

Динамики донесли четкий голос начальника группы «А»:

— Здесь Строминьш. Мы вычислили путь Пересвета и Пинаева: они воспользовались новым видом внутреннего транспорта Д-комплекса, ранее неизвестным. Эксперты назвали этот способ передви-

жения туннелированием или туннельным просачиванием. В точке выхода туннеля обнаружены следы четырех человек, в том числе Пинаева и Пересвета, а также окно «прыг-скока». Попытаемся определить, куда тот мог выкинуть ребят.

— Добро,— ответил Косачевский и подозвал шагающего из угла в угол Ефремова.— Будем держать военный совет. Захар, зови остальных заместителей Саввы.

Через минуту явился толстяк Рудаков, за ним вежливый, внимательный Дориашвили.

— Коллеги, обстановка усложняется. Говоря узкоспециальным жаргоном пограничников, в Сфере сложилась «фронтовая ситуация оборонного типа». Нам навязывают игру не по правилам, а контригры, ведущей к успеху, к разгадке поведения Чужих, не получается. Силовые методы не годятся, это не разведка боем, но и ждать дальше опасно, вот-вот вмешаются дайсониане, хранители заповедника-Сферы. Ваши предложения?

— Уходить,— отрезал Рудаков, внешность которого резко контрастировала с характером.— Чужие столько напакостили в Сфере под видом людей, что дайсонианам нет особой нужды разбираться в ситуации, они просто вышвырнут нас со своей территории.

— Хорошо, если только вышвырнут,— добавил хмурый Ефремов. Он явно волновался, и Косачевский стал к нему приглядываться.

Захаров, несколько оживший после душа, оторвался от пульта — он продолжал командовать силами отдела — и поправил дугу эмкана.

— По-моему, уходить нам нельзя, потому что это жест виноватых. Какой вывод сделают дайсониане? Натворили дел и удрали! Нет, надо продолжать операцию и одновременно готовиться к встрече с дайсонианами по программе ВНК *.

Калашников предвидел многое, в том числе и необходимость тревожной группы комиссии по контактам. Она уже готовит аппаратуру.

— Однако! — Косачевский покачал головой.— Савва не раз удивлял меня интуицией, но предвидеть ВНК!..

— Не поздно ли? — сказал Ефремов.— К тому же возникает вопрос: почему начальник отдела безопасности с а м пошел на захват разведчика Чужих? К чему этот риск? Для опытного мастера это явный просчет. Но...— Ефремов оглядел присутствующих,— он вполне объясним, как и другие ошибки отдела, если предположить, что Савва Калашников — эмиссар Чужих!

---

* ВНК — внезапный непредвиденный контакт с угрозой военного конфликта.

— Наконец-то вы пришли,— сказал Гриффит, делая приглашающий жест.— Почему так долго? Разве Суннимур не сообщил, что от выхода «прыг-скока» к базе протянута линия «вепря»? Вы могли быть здесь спустя минуту после появления на острове. Кстати, сдайте и остальное оружие во избежание недоразумений, автоматика здесь очень нервная и может неправильно оценить ваши жесты.

Никита молча протянул пистолет сна.

— Пойдемте,— Гриффит пропустил инспектора вперед.

Теперь стало отчетливо видно, что и эта база выстроена не человеческими руками, хотя коридоры, везде выполнявшие функции проходов, и здесь не отличались от коридоров земных зданий.

Прошли ряд ниш с люками, выпуклые щиты с фасетчатыми глазами и пучками тонких стержней; на концах некоторых стержней горели цветные огоньки. Поднялись по странной лестнице со ступеньками в форме звериной челюсти на этаж выше и вошли в квадратный зал с черным полом. Приглядевшись, Никита понял, что пол выложен вудволловыми плитами с тонким муаровым рисунком.

В центре зала стоял круглый аквариум с плавающей в нем мумией дайса. У дальней стены — два трехсекционных пульта с креслами, в которых сидели двое в костюмах Даль-разведки, а рядом — нечто вроде «крыла летучей мыши» с оперением из «крыльев стрекозы», тоже пульт, но предназначенный не для человека. Общий панорамный виом показывал пейзаж острова с высоты в сто метров, над пультами светились небольшие шароэкраны, в каждом — свое изображение. Странно, стоянка аэротранспорта видна хорошо, но Пинаева на ней нет.

— Смотрите, где ваш напарник,— кивнул на виом Гриффит.— Он неплохо чувствует опасность и успел улизнуть в здание технического обеспечения. Видите башню? Реактор, генераторы полей, охранные системы, связь. Там никого нет, лишь компьютер-исполнитель, команды поступают отсюда, к тому же наша аппаратура работает несколько иначе и не сразу можно понять ее функциональное назначение. Но мы скоро займемся вашим другом всерьез, а пока пусть посидит взаперти. Почему вы не спросите, где Калашников?

— И так знаю, что он здесь. Могу я встретиться с ним?

Гриффит засмеялся.

— Обязательно, но чуть позже. Сначала вы ответите на несколько вопросов.

— Вы уверены, что я на них отвечу?

— У вас нет другого выхода. В противном случае мы скормим вас голодным тритемнодонам,— раздался знакомый голос, один из операторов за пультом встал и оказался Мухаммедом бин Сали-

хом.— Нравится вам такая перспектива, камрад Пересвет? — В голосе пограничника проскользнули нотки злорадства.

«Примитивны ваши угрозы, мон шер,— подумал Никита,—как и все поведение, опереточное и неадекватное моменту. Вы же не артист кинобоевика в стиле «звездных войн», а участник беспрецедентного в истории цивилизации контакта с чужим разумом! Какой-то жуткий психологический просчет, наив, причем обоюдный — предателей, начавших работать на Чужих, и собственно Чужих. Неужели они так самодовольны, что не видят своих промахов?» Никита усмехнулся. Он не чувствовал ненависти к предателю, только брезгливую жалость.

— По-моему, вы, Мухаммед, чувствуете себя суперменом «а ля завоеватель Галактики». Не тяжело нести на плечах такую ответственность?

Салих налился темной кровью, потянул из поясного захвата пистолет. Нет, не пистолет, парализатор. Серьезная штучка! И ведь по лицу видно, что запросто может пустить ее в ход. Кхеммат почему-то побоялся. Да, приятель, глубоко ты упал, не выбраться.

— Аппаратура готова,— подал голос второй оператор, большеголовый и широкий. Робот, конечно.

— Сейчас начнем.— Гриффит посмотрел на часы.— Самое время. К сожалению, ваш начальник отказался произносить речь для соотечественников, может быть, это сделаете вы?

— Нет.

— Не спешите, вы же еще не знаете, что нужно говорить.

— Савва отказался, а я мыслю и чувствую так же.

— Весьма похвально. Мы могли бы, конечно, прибегнуть к психотропным медикаментам и психондажу...

— Я тренирован и готов к любому способу допроса. Напрасно потеряете время.

Гриффит поскучнел.

— Верю и могу успокоить: Калашников тоже оказался на высоте, хотя его здоровье с вашим не сравнить. Завидую волевым натурам, в какой-то степени такое самообладание оказалось для меня неожиданным. Но вы лишь усугубили положение экспедиции. Да-да, именно. Я хотел, чтобы Калашников объявил немедленный отбой операции и полную эвакуацию всех отрядов на Землю, он отказался, и теперь я вынужден напрямую обратиться к дайсонианам, чтобы это сделали они. Вам понятно положение ваших соотечественников?

Никита бросил взгляд на виом.

— Я вижу, вы тоже сворачиваете базу?

— В принципе, моя работа закончена, остались кое-какие формальности по передаче Сферы Клиенту... после того, разумеется, как вас здесь не станет. Я получу заработанное вознаграждение

и отправлюсь дальше. По сведениям моих информаторов, в соседнем звездном секторе появился Продавец, нуждающийся в посреднике.— Гриффит улыбнулся, наслаждаясь чудесным и упоительным чувством превосходства.— Я ведь не разведчик Чужих, как меня окрестили, а всего лишь дилер, посредник между Продавцом и Клиентом. Объект продажи — Сфера. Кстати, один из контролеров Продавца — он-то и есть разведчик в вашем понимании — находится среди ваших руководителей. В настоящий момент он объявляет, что эмиссар Чужих — Савва Калашников.

— Зачем?!

— Чтобы ускорить финал.

«Лжет! Не похоже... он верит в то, что говорит. Но к чему это садистски снисходительное объяснение? Разведчик не должен ни при каких обстоятельствах раскрывать свои истинные цели, неужели он не понимает, что тайна, произнесенная вслух, становится достоянием всех?»

«Он не разведчик,— напомнил «Вася».— И считает, что все позади».— «Он профессионал, вернее, должен быть профессионалом, а ведет себя, как самый настоящий земной обыватель, окрыленный сознанием удачи и превосходства. Что-то мне не... не понимаю, в чем дело, но не покидает ощущение, что все это фарс. Продавец. Клиент, вознаграждение, дилер — каков жаргон! Ему лет триста, если не больше. Нет, ситуация мне не нравится, вполне возможно, мы проглядели тех, кто стоит за спиной Чужих. Настоящий Чужой — не Гриффит».— «Он сказал, что в руководство операций внедрен разведчик, «контролер Продавца...» — «Если это правда, то уровень «контролера» повыше, поскольку мы узнаем об этом человеке только со слов Каспара... черт! Нет времени на анализ и компьютерный расчет. Подыграем-ка ему...»

Гриффит удовлетворенно кивнул, заметив озабоченность на лице пленника.

— Наконец-то вы начинаете осознавать. Конечно, Кхеммат должен был просто уничтожить вас, но коль скоро он предпочел доставить вас сюда, извольте доказать свою полезность. Понимаете, о чем речь?

— Ничего он не скажет,— буркнул Салих, массируя кисти рук.— Отдайте его мне, он явно предпочитает драку, а для меня будет неплохой спарринг.

— А что? — задумчиво проговорил Гриффит.— Это идея. Если он выстоит — отпустим, после финала, естественно, ну, а не выстоит... Но прежде вопрос: коды связи всех служб в операции? Это важно.

— Еще бы,— Никита издевательски засмеялся.— Зная коды, можно передвигаться в Сфере практически незамеченным. Следующий вопрос.

— Я так и думал, что вы откажетесь отвечать. Мухаммед, попробуйте высшую степень допроса.

Салих с готовностью бросился выполнять приказ. Никита с любопытством и тревогой стал наблюдать за его действиями. «Вася» комментировал: «Камера пси-зондажа, плюс препараты, плюс амнезотронно-лучевая обработка, плюс электрошоковая терапия для подавления воли... Выдюжим?» — «Неужели Савва прошел все это?!» — «Кто знает...» — «Если бы я был уверен...»

— Глубокая ассоциативная память недоступна амнезотрону,— сочувственным тоном сказал Гриффит,— но оперативная, хранящая всю важную информацию о повседневной работе, иногда поддается. Еще вопрос, пока готовится аппаратура: каковы функции группы «АА»?

— А разве ваш осведомитель в руководстве этого не знает?

— Он начал заниматься отделом безопасности вынужденно и не успел вовремя завладеть всей документацией.

— Что ж, на этот вопрос я отвечу. Вы планировали мое уничтожение? Кстати, почему? Неужели я засветился?

— Мы тоже имеем анализирующие компьютерные системы и вычислили вас с восьмидесятипроцентной вероятностью, да Салих не смог убрать.

— Вот это и является результатом работы группы «АА». Одна из ее функций — подстраховка контрразведки.

Никита продолжал говорить, а сам готовил себя к схватке, потому что дальнейшее промедление грозило усложнить положение еще больше. Он знал, что будет делать в следующую секунду, «Вася» уже «включил» резервы организма на отдачу в режиме искусственного стресса. Итак, господа дилеры, расчетливые и хладнокровные убийцы, умеющие с будничным цинизмом рассуждать о смысле бытия, вы явно не способны оценить свои поступки в истинном свете и не останавливаетесь ни перед чем. Не пора ли остановить вас, хотя бы и силой?..

Гриффит вытянул откуда-то из перепончатой плоскости правого крыла пульта обыкновенные бокалы с изумрудным напитком, протянул один бокал Никите:

— Подкрепитесь, это сок вудволла, очищенный, конечно. Прекрасное тонизирующее средство.

— Вы хотите сказать — кровь вудволла,— поправил Никита.— Сомневаюсь, чтобы она служила тоником человеку.

— А вы попробуйте и убедитесь.

Инспектор, словно колеблясь, протянул руку, мгновенно разогнулся и ударил Гриффита в горло, ощутив, насколько тот массивнее и неподатливее, чем можно было судить по внешнему виду. Второй удар в нервный узел также не достиг цели, хотя обычный человек от такого удара вышел бы из строя надолго. Гриффит упал, но

не безвольной массой, а как опрокинутая скала. Бокалы разлетелись прозрачными брызгами, зеленая жидкость залила пол.

Никита, изогнувшись, в прыжке выхватил у Чужого «универсал» и одновременно выбил пистолет сна. Падая, он увидел, как Салих поднимает руку, а робот из-за установки пси-зондирования выкатывает какую-то сложную машину с десятком блестящих глазков. До выстрела оставались мгновения, и Никита сделал единственное, что успевал сделать: прикрылся телом Гриффита, потерявшего на некоторое время ориентацию и, понимая, что уже не успевает, разрядил пистолет сна в Салиха.

Основной импульс парализатора пришелся на эмиссара Чужих, Салих бил навскидку, не целясь, но зацепило и Пересвета.

«Боль — сторожевой пес здоровья»,— гласит древнегреческая поговорка, и когда-то, лет двести назад, это выражение соответствовало истине, но инспектору в данный момент этот «пес» был врагом, самым страшным из всех, которых только можно было представить.

Ощущение было такое, будто каждый нерв, каждую клеточку мозга, каждое волокно мышц обнажили и ошпарили кипятком! Никиту скрутило от адской боли, но он все же успел выстрелить в робота.

Дальнейшее он помнил смутно, чудом удерживаясь над зыбкой пропастью беспамятства. В робота он не попал, но задел машину с «глазами». Яркая зеленая молния ударила из машины в потолок, второй клинок слепящего огня вонзился в робота, потом машина зашипела, вскипела желтым дымом, вспыхнула и рассыпалась дождем горящих капель. От густой вони сгоревшего пластика перехватило дыхание.

От робота остался почерневший «скелет», ничем не напоминающий человеческий. Салих лежал ничком и не двигался, игла сна все же нашла его, готового убить любого во имя собственного спасения. Тело Гриффита конвульсивно вздрагивало, и вдруг на глазах Никиты треснуло щелью, края разрыва развернулись, как полы шубы, и обнажили фиолетовое, с синим глянцем, как вороненая сталь, тело того, кто на самом деле прятался под маской Каспара Гриффита, тело эмиссара чужой цивилизации.

Он выпростался из скафандра, имитирующего человека, как улитка из раковины, подобрал выпавший из рук Никиты «универсал», что-то сказал замершему у пульта второму роботу и направился к выходу — жуткая фигура, карикатурно напоминающая человека в доспехах, но без шлема, с головой, похожей на топор с затылком — лезвием. Ноги у этого существа не сгибались, а «выстреливались» вперед вместе с коленным суставом, однако, его походка не казалась механической — со своеобразной грацией шел нечеловек, живой, по-своему гибкий и естественный в каждом движении. Види-

мо, и его нервной системе непоздоровилось от разряда парализатора, иначе он не оставил бы Никиту на попечение робота.

Инспектор, ощущая тело рыхлым, тяжелым и слабым, подтянул руки и замер, делая вид, что потерял сознание. Робот, похожий на Кхеммата, поднял пистолет, подождал немного и занялся пультом, поглядывая в сторону Никиты. «Вася» наконец нашел сочетание импульсов, возбудивших гипоталамус, и продолжал интроукалывание до тех пор, пока Никита не почувствовал прилив сил и энергии. Секунды снова стали послушно растягиваться, а пространство сжиматься, давая возможность оценить обстановку, выбрать правильный ход и выполнить задачу.

Никита улучил момент, когда робот отвернулся, бесшумно вскочил и нырнул за продолжавшую дымить и потрескивать установку с потухшими «глазами», наполовину расплавленную и потерявшую былую форму. Затем нагнулся к Салиху, подобрал пистолет сна и, не разгибаясь, выпустил всю обойму в робота, уже начавшего д в и ж е н и е. На пульте, в который попали две иглы, что-то взорвалось со стеклянным треском, остальные иглы поразили открытую шею и лицо биодвойника Кхеммата, но они все же были рассчитаны на человека, а не его биокопию с искусственным интеллектом. Движения робота замедлились, но наркотик, способный мгновенно усыпить любое живое существо Земли, не сковал тело чужой машины цепями сна. И тем не менее Никита выиграл драгоценные доли секунды, в течение которых он успел прыгнуть к пульту, отбить руку с «универсалом» и провести прием, после которого робот грохнулся на пульт, круша его тяжелым корпусом.

— Браво! — раздался сзади знакомый голос псевдо-Гриффита.

Никита рывком развернулся, уже сознавая, что не успевает, увидел силуэт Чужого, в котором было много от гигантского богомола, а также краба, змеи и человека в доспехах, и с отчетливым плеском «нырнул» в омут беспамятства.

Очнулся он через минуту лежащим на полу: «Вася» времени не терял и успешно боролся с проникшим в тело препаратом сна, блокировавшим мотонейроны. Второй раз восставать из небытия оказалось труднее. Пока «Вася» и защитные инстинкты очищали организм от остатков ганглиоблокаторов, исторгнутых железами внутренней секреции по приказу расстроенной парасимпатической системы, Никита прислушивался к звукам в зале. Кто-то разговаривал... Кажется, двое, один из них Гриффит, вернее, Чужой, а кто второй?

Никита приоткрыл глаза, но увидел лишь спину разведчика Чужих. Тот оглянулся. Инспектор едва сдержал восклицание, разглядев наконец лицо этого существа: вогнутое, голубоватое, без носа, с двумя щелями, нижней, покороче — ртом, верхней, длиной во весь лоб — одним-единственным глазом. Лицо это обладало мимикой, но

эмоции Чужого разгадать было невозможно, и только голос, в котором звучало удивление, выдавал их:

— Еще раз примите мои поздравления, коллега. Ну, у вас и подготовка! Даже пистолет сна не является гарантией в борьбе с вами. Уж не робот ли вы? Или имеете специальные защитные системы вроде внедренного «альтер эго»? Мне говорили, что ваша наука и техника уже приблизились к этому уровню компьютеризации.

Никита закрыл глаза, продолжая накапливать силы, и с отчаянием подумал, что его возможности ограничены, несмотря на помощь «Васи», а цель не только не приблизилась, но и вообще находилась теперь дальше, чем была до проникновения на базу.

«Расслабься,— сказал «Вася» в ответ на мысль.— Через три минуты будешь в порядке, займись йога-регулировкой, я не справляюсь. Но предупреждаю, еще с одной иглой сна нам не справиться. Учти».— «Учту».

— Где Флоренс Дженнифер? — тихо спросил Никита.

— Рядом, она мне еще нужна для прямой связи с ее хозяевами — дайсонианами. Кстати, вы знаете, что она робот, искусственный интеллект? По донесениям Салиха вы, кажется, были к ней неравнодушны?

«Подонок!,— вяло подумал Никита.— Твой цинизм дорого тебе обойдется. Удивительно, что такой примитив мог так долго работать в Сфере инкогнито. Кто-то ему помогает, не иначе как ангел-хранитель». «Тот самый разведчик,— сказал «Вася» — агент Продавца».

— Считайте, что вам повезло,— продолжал Чужой, не дождавшись ответа.— Если вы не будете мешать, то останетесь в живых. Я прибегаю к насилию лишь тогда, когда это необходимо для дела, а дело уже почти сделано, дайсониане готовы выйти из своего кокона и выслушать то, что я скажу. А Флоренс Дженнифер подтвердит, что я говорю правду, и тогда вас вежливо, а может, и не очень вежливо попросят убраться из Сферы. Не будете же вы сопротивляться хозяевам?

— И Флоренс дала согласие? — голос у Никиты остался тихим и невыразительным, но внутри все сжалось в напряжении.

— Даст, когда я поставлю ее перед выбором: или она подтвердит все сказанное мной, или я убью вас у нее на глазах. Удивительно, но факт: она в вас влюблена! Все же дайсониане странные создания, даже роботов своих они наделили не только интеллектом, но и чувствами, эмоциями и характером. Вероятно, это единственные в Галактике существа, достигшие предела в техническом совершенствовании, выжавшие из технологической стадии эволюции все, что можно. Кстати, интересно, а что если сделать наоборот — заставить вас выступить от имени дайсониан, пригрозив, что я убью Флоренс, если вы не согласитесь? — Чужой оглянулся на лежащего Пересвета; он не шутил.— Это неплохой вариант. А ну-ка спросим советчика.

Разведчик занялся манипуляциями на своем полуживом пульте.

«А ведь он всерьез способен предложить такой выбор,— подумал Никита в смятении.— Он совершенно аморален, равнодушен, глух и слеп к любому проявлению чувств, кроме чувства удовлетворения. Это самое страшное, что он ко всему равнодушен, и нет времени, чтобы подобрать ключик к панцирю его равнодушия». «Изъяны психики лечат принудительно,— подал голос «Вася».— На Земле к нему живо подобрали бы ключик».

— Нет, первый вариант лучше,— с сожалением сказал Чужой, которого Никита продолжал звать про себя Гриффитом.— Процент риска во втором случае в два раза выше, потому что едва ли вы способны влюбиться в биоробота, пусть и самого совершенного. Не понимаю, почему дайсонианам вздумалось придавать одному из своих разведчиков облик женщины.

— Разведчики? Разве их много?

— Двое, Фло и Джанардан Шрестха.

— Вот оно в чем дело... а я-то думал, почему они все время вдвоем... То, что они роботы и разведчики дайсониан, вы узнали от Продавца? — спросил Никита, расслабляясь перед прыжком.

— Мы знали, что они должны быть, и подозревали многих, но что это именно она — узнали только сегодня. Вернее, уточнили, что она и есть разведчик.

— А о том, что дайсониане находятся в Сфере, в созданной ими пространственной нише, вы тоже узнали от Продавца?

— Конечно. Условия моей работы: полная информация об объекте продажи. Извините, приходится прерывать беседу. Кажется, ваш шеф решил-таки в своем безнадежном положении поиграть в кошки-мышки. А чтобы и вы не вздумали вступить в игру, я вас усыплю на некоторое время, не возражаете?

И Никита, преодолевая внутреннее сопротивление и острое нежелание открытой борьбы с мизерным шансом на успех, буквально чувствуя, как рвутся мышцы и лопаются кровеносные сосуды, бросил тело навстречу врагу, так и не научившемуся уважать противника.

Гриффит обладал хорошей реакцией, превосходившей реакцию даже тренированного человека, но никто не готовил его к разведке боем, к открытой схватке, к готовности пожертвовать собой ради дела. Никита же был оптимизирован физически и психически, а главное — этически, ибо категории добра и зла не были для него отвлеченными понятиями, определенные всем опытом цивилизации и впитавшиеся с молоком матери так глубоко, что стали основой личности. Он знал и был готов к тому, что рано или поздно придет его судный день, когда обстоятельства вывернут душу наизнанку, обнажат его суть и заставят понять, на что он способен...

Выстрел «универсала» пришелся на то место, где Никита только что лежал. В следующее мгновение пистолет вылетел из руки Чужо-

го, а сам он вонзился головой в стройку пульта, доламывая уцелевшую аппаратуру. Никита прыгнул еще раз, на мгновение раньше успев ногой выбить пистолет сна, появившийся у Гриффита словно по мановению волшебной палочки. Незнание строения тела разведчика и его нервных узлов не позволяло Никите парализовать двигательную систему соперника, поэтому приходилось надеяться только на случайное попадание и броски, потрясавшие массивное тело чужака. Никита очень скоро понял, что удары по корпусу Гриффита приходятся на некое подобие панциря-комбинезона и не достигают цели, а голову и шею тот защищал довольно умело, нанося ответные удары, от которых Никиту спасала только реакция и великолепный тренинг приемов рукопашного боя.

Борьба продолжалась уже две минуты, Гриффит защищался хладнокровно и расчетливо, обладая силой биоробота, и Никита понял, что долго не выдюжит. Тогда он стал маневрировать таким образом, чтобы подобраться к упавшему «универсалу», и оказался возле пистолета в тот момент, когда в зал с разных сторон ворвались Пинаев, Калашников и существо, соединявшее в себе черты хищной птицы, рептилии и механизма, и это был уже не просто кибер Чужих в своем естественном облике, а боевая система, призванная охранять и защищать своих хозяев. Она с ходу выстрелила в Калашникова — бледная трасса электроразряда вонзилась тому в плечо — мгновенно развернулась, находя дулом разрядника Пинаева, который сориентировался и уже падал на пол, за тумбу развороченной глазастой машины, и только тут Никита наконец поймал силуэт охранного кибера и выстрелил сам.

Две вспышки слились в одну, кто-то вскрикнул, третья вспышка означала взрыв боевого робота, выстрел Никиты разнес ему энергоблок. Тугая воздушная волна отбросила Калашникова к стене, сбила с ног Никиту, но оружия инспектор не выпустил.

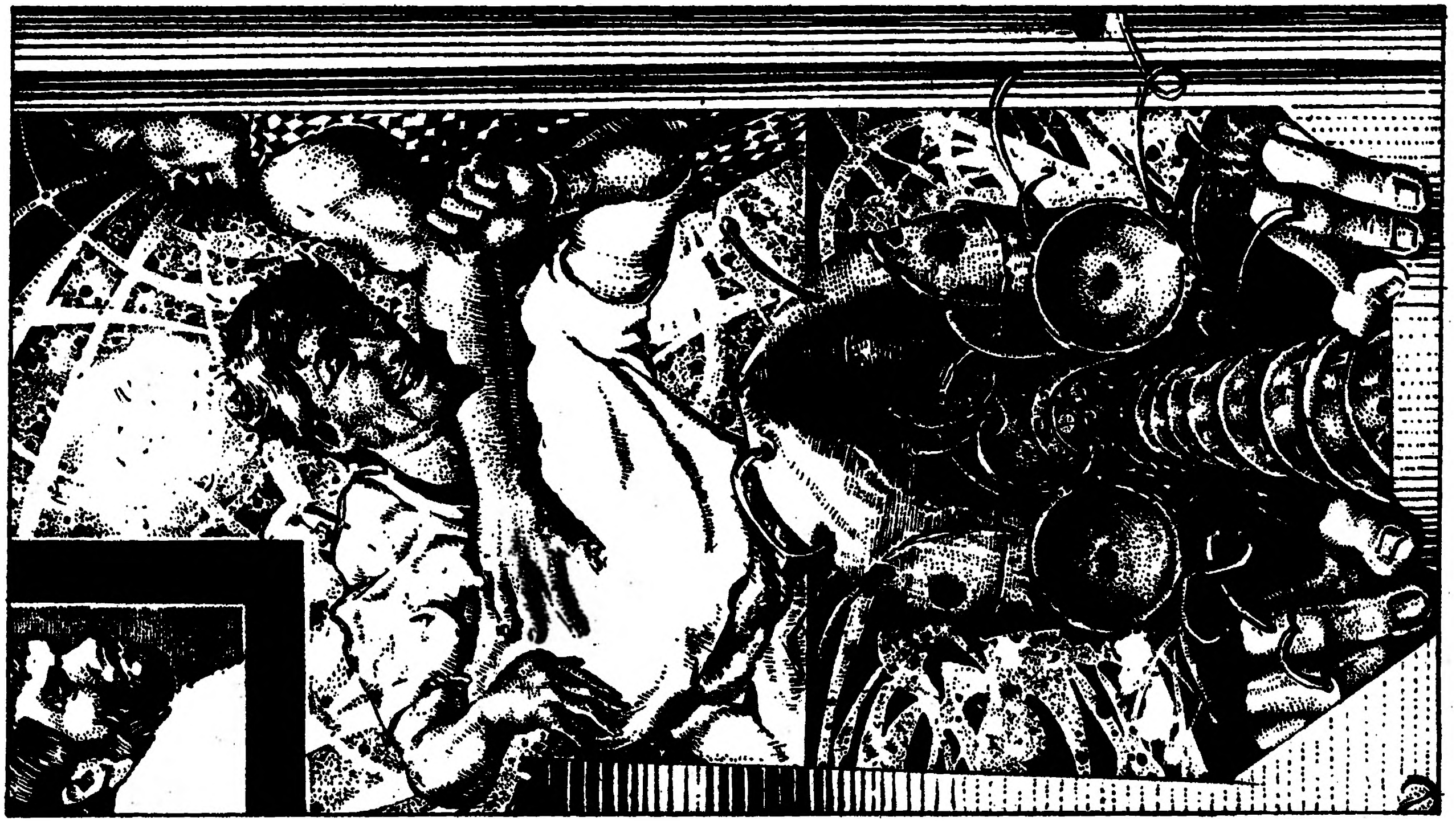
— Стоять! — приказал он Чужому, вскакивая и прислушиваясь к звенящему металлическому курлыканию, долетавшему из коридора. «Включилась сирена тревоги,— шепнул «Вася».— Сейчас здесь будет вся охрана».

Никита, держа замершего Гриффита на прицеле, приблизился к Пинаеву. Тот зашевелился, сел, держась за голову.

— Слава богу, цел! Подержи-ка его на мушке.

— Это бесполезно,— проговорил Гриффит.— Даже если вы справитесь с внутренней системой защиты, внешняя охрана не выпустит вас за пределы здания.

Никита, не отвечая, перевернул безвольное тело Калашникова, обнажил запястье: пульс не прослушивался. Инспектор достал из аптечки универсальный противошоковый инъектор и вкатил начальнику отдела два кубика ярко-оранжевой жидкости, потом еще два — кардиостимулятора и следом — кубик активатора нервной



системы. Через минуту синеющие веки Калашникова затрепетали, он приоткрыл глаза, хрипло вздохнул. Губы его шевельнулись. Никита наклонился и уловил слабый шепот:

— Ефремов... Еф...— на большее у Калашникова не хватило сил, глаза его снова закрылись.

Но Никита понял, что хотел сообщить Савва. Он взял пистолет у Пинаева, глотавшего адаптоген, потрепал его по плечу, подошел к Гриффиту.

— Как снять силовой пузырь с острова?

— Это невозможно, программа защиты введена в компьютер базы с ограничением сверху: при отключении зонтика включится программа уничтожения базы.

— Где Флоренс Дженнифер?

— Зачем она вам? — В голосе Чужого прозвучало удивление.

— Я знаю, где она,— проговорил Пинаев.— Что с Саввой?

— Шок. Если через полчаса им не займутся медики, будет поздно что-либо предпринимать.

— Могу предложить обмен.— Хладнокровию Гриффита можно было позавидовать.— Я указываю вам камеру «прыг-скока», имеющего выход на Д-комплекс, вы забираете начальника и покидаете остров, а за это освобождаете Сферу от своего присутствия. Идет?

— Вы забыли о Флоренс.

— Ну, для вас это не потеря, а мне она нужна для контакта с дайсонианами. Соглашайтесь, через полчаса будет поздно.

— Хорошо,— выдохнул Никита после секундной заминки. Пинаев перестал тереть виски и посмотрел на него с недоумением.— Но прежде я хочу поговорить с ней.

— Я слушаю тебя,— раздался за дверью голос Флоренс Дженнифер. Она вошла. Звонкий сиренный клекот тревоги смолк, и наступила пульсирующая тишина.

Никита повернул голову. Флоренс смотрела на него огромными глазами, чуть ли не полностью занятыми зрачками. В них была мука и сумасшедшая боль, которой Никита не решился дать названия, потому что это касалось его лично.

Пинаев, опомнившись, подошел и отобрал у него пистолет, повернулся к Чужому и прижал палец к губам.

— Фло,— сказал Никита, сглатывая ком в горле.— Я не знал...

— Теперь знаешь,— проговорила девушка прежним безжизненным голосом.— Но не бойся, я выполнила свою задачу и скоро исчезну, как и любая машина с ограниченным количеством функций, предназначенная для определенной цели. Прости меня, я думала, ты из их банд.— Кивок в сторону Гриффита.— Савва мне все объяснил.

— Фло! — Никита шагнул к девушке, снял все мыслеблоки и псибарьеры, обнял ее за плечи.— Вот я стою перед тобой, раскры-

тый так, как никогда ни перед кем не раскрывался. Ты же умеешь читать в душах, прочти мою и все поймешь!

Она замерла, полузакрыв глаза, со щек ее сбежала краска.

— Но я же... робот! — прошептала она.— Как ты можешь... меня... это же невозможно!

Никита сквозь ткань комбинезона почувствовал, что тело Флоренс бьет озноб.

— Чудо мое! Разве ты чувствуешь себя роботом? Чем ты отличаешься от меня? Только способом появления на свет, но разве от этого зависит твоя дальнейшая судьба?

Флоренс слепо провела рукой по его лицу, по волосам. Никита поцеловал ее ладонь, крепко обнял и отстранил.

— У нас еще есть немного времени и надо успеть выполнить с в о ю задачу. В Сфере действует диверсионно-разведывательная группа чужой цивилизации, это ее руководитель.— Никита кивнул на Гриффита.— Можешь передать своим, что люди, земляне, не являются источником загрязнения Сферы и не угрожают ее нынешним обитателям. Все взрывы, уничтожение поселений дайсов, похищение паритетов — это деятельность Чужих, направленная на удаление экспедиции из Сферы.

— Я уже поняла, мне все объяснил Савва.— Флоренс вздохнула, бессознательно поправила волосы и оглянулась не лежащего Калашникова.— Что с ним?

— Электрошок, его нужно срочно доставить на Д-комплекс, в реанимацию.— Никита взял «универсал» у Пинаева, с мрачной решительностью подошел к пульту, бегло осмотрел панель.

Часть пульта была разворочена, на уцелевших панелях загорались и гасли комбинации огней, в глубине информационных окон плыли столбцы цифр и символов, короткие кодированные сообщения, мигали алые транспаранты тревоги и единственная надпись на русском языке: «Отсечка мыслеприказа». Видеостены зала продолжали работать, но звуки пропали, кроме тех, что доносились из коридора здания.

— Ждан, по-видимому, это приставка связи с общим компьютером, попробуем-ка разобраться. Главное найти кабину «прыг-скока».— Гриффит сделал движение к пульту, но взгляд Никиты остановил его.

— Неужели вы до сих пор не отдаете себе отчет, в каком глубоком провале находитесь? Ваша миссия дилера провалилась. Независимо от исхода событий, мы не дадим вам вступить в прямой контакт с дайсонианами, даже если вы продублировали программу контакта через компьютер базы. Мы найдем метро, уверяю вас, а там уж я постараюсь обезвредить вашего помощника, Продавца, и он расскажет нам остальное, то, чего я до сих пор не понимаю. Ведь ваш информатор-Продавец — Ефремов, не так ли?

Снова на лице Гриффита отразились непонятные эмоции, хотя говорил он по-русски абсолютно правильно, и это несоответствие облика тем чувствам, которые звучали в голосе, порождало неприятное ощущение проглоченного живьем моллюска.

— Кажется, вы меня положили на обе лопатки,— засмеялся Гриффит, и в голове его прозвучало восхищение.— Я недооценил вашу контрразведку в общем и вас лично в частности. Но меня еще больше поражает, что вы так неразборчивы в...— Чужой замялся,—в объектах поклонения. На Земле десять миллиардов женщин, полноценных представительниц расы, а вы вдруг выбираете биомеханизм в облике обольстительной красотки, выращенной искусственно чужими разумными существами. Вы уверены, что у нее есть все человеческие органы чувств и нет дополнительных?

— Ценю ваш юмор,— тяжело сказал Никита,— и умение держаться, но я никогда не думал, что представитель высокоразвитой цивилизации способен дойти до такого цинизма и будет вести себя в духе интеллектуального фашизма. Впредь, если захотите что-то сказать, просите разрешения. Что это за сооружение рядом с централью? Космолет?

— Да,— с едва заметным колебанием ответил Чужой.

«Врет!» — убежденно прокомментировал «Вася».

— Лжете,— сказал Никита.— Если вы не хотите говорить правду, мы все равно узнаем сами. Ну что, Ждан?

— Много непонятных блокировок. Вероятно, пульт связан с компьютером через вот эту перепончатую приставку. К сожалению, линия мыслесвязи повреждена, а на звуковые команды не реагирует.

— Плохо, придется обследовать базу на ощупь, а времени мало. Может быть, есть идеи?

— Не надо обследовать базу,— тихо сказала Флоренс, не глядя на Никиту. Она уже взяла себя в руки, но глаза выдавали ее внутреннюю борьбу и тревогу.— Фокусирование тоннелей выхода закончено, меня вызывают на связь.

— Тоннели — это те светящиеся облака? — быстро спросил Никита, сообразивший, о чем речь.— Дайсониане готовы к диалогу?

— Не к диалогу, этот их выход вынужденный, я должна сориентировать отряд... назову их чистильщиками, который очистит Сферу от всего привнесенного извне и наглухо закроет вход в нее.

Словно в подтверждение слов девушки где-то внутри Никиты и одновременно вне его шевельнулся кто-то огромный и чужой, не поймешь — добрый, или злой, или равнодушный.

Гриффит внезапно прыгнул к стене и исчез в открывшемся проходе прежде, чем Никита успел выстрелить.

— Я догоню,— бросился следом Пинаев.

— Не надо,— так же тихо проговорила Флоренс.— Он никуда не уйдет.

— Там на погрузке его корабль...

— Это не корабль — станция метро, использующая запредельные частоты, которые вы в своих метро не применяете. Поэтому и запеленговать ее не смогли, хотя она включена постоянно. Но Чужой, как вы его называете, не уйдет.

— Почему? Ему же никто не мешает...

— Мы помешаем,— сказал кто-то сзади Никиты озабоченным тоном.

Инспектор стремительно повернулся: на пороге стоял Ефремов.

Д-КОМПЛЕКС

В посту координации сил УАСС было тихо, но световой ураган на пульте монитора свидетельствовал о том, что напряжение ситуации достигло апогея. Косачевский и Захаров перешли на мысленсвязь с компьютером-координатором, который обрабатывал поступающие донесения, на второстепенные отвечал сам, а главные пропускал хозяевам с готовым анализом и предложением — что следует предпринять в ближайшее время.

За пультом сидели только двое — Косачевский и Захаров, остальные стояли за их спинами, готовые выполнить любое распоряжение директора УАСС, принявшего на себя всю полноту власти и ответственности.

— Флоту — боевая тревога! — бросил Косачевский в микрофон общей связи.— Спейсерам «Печенег» и «Ра» подтянуться к Д-комплексу, объект контроля — светящееся облако в двухстах километрах. Спейсерам «Диего Вирт» и «Днепр» выйти к Дайсону-2, объект контроля — светящееся облако в мегаметре. Десанту «Лидера» начать поиск базы Чужих в Северной климатической зоне второго Дайсона.

Директор УАСС сменил канал связи.

— Земля-1, «Шторм» Управлению и погранслужбе Даль-разведки! Ввести в действие программу ВВУ * степени «Щит». Особому отряду комиссии по контактам немедленно прибыть в Сферу для развертывания ВНК.

Еще раз смена линии связи.

---

* ВВУ — внезапно возникшая угроза, код комплекса мер, направленных на отражение внезапных крупномасштабных стихийных явлений природы; предусматривает также оборону от агрессии любого потенциального противника — цивилизации антигуманистической направленности (возможность появления теоретически не исключена).

— Отрядам отдела безопасности и пограничникам закончить поиск на донных горизонтах станции, оцепить коридоры десятого горизонта, никого не выпускать за пределы горизонта. Группе «АА» прибыть ко мне.— Косачевский повернулся к Захарову.— Где Ефремов?

— Не знаю,— растерялся тот.— Был здесь. Виталий, не видел Ефремова?

— Вышел,— лаконично ответил второй заместитель Калашникова.— Найти?

— Будь добр...

— Подождите.— Косачевский перешел на связь с Землей.— Земля-1, я давал задание оперативному-3, ответ получен?

— Две минуты назад,— ответил дежурный Управления.— Всего несколько слов: «Связь Сферы с Землей — в пределах служебных сообщений».

— Спасибо.— Косачевский сидел оглушенный несколько секунд, пропустил вопрос Захарова мимо ушей, посмотрел на него слепо. Потом мотнул головой, сбрасывая оцепенение.— Ну и дела! Знаешь, что это означает? Никто из Сферы не звонил ни мне, ни Ефремову, звонок был с Земли. Почему звонили мне — понятно, а почему Ефремову?

— Ему надо было попасть в Сферу.— Захаров понял все сразу, ослабил воротничок, вытер шею.— Все получилось естественно: вам нужен был представитель Совета для квалитета ответственности, и вы его получили в лице Ефремова, к тому же он представитель СЭКОНа. Но тогда Ефремов и есть главный эмиссар Чужих?!

— Не главный,— покачал головой Косачевский.— Глубоко законспирированный разведчик — да, но не главный, ему невозможно было бы руководить разведгруппой в Сфере с Земли.

— Такие обвинения подлежат тщательной проверке,— обрел дар речи Рудаков.— Вы что, серьезно? Делать вывод только на основе звонка из Сферы...

— Не только.— Косачевский снова стал самим собой.— Ему не надо было обвинять Савву Калашникова, которого я знаю лучше, чем себя. Может быть, для вас этот довод не покажется весомым, но для меня он основной. Где Сроминьш?

— Здесь,— шагнул в комнату начальник группы «АА».— Можем рискнуть и послать группу через «прыг-скок», по которому ушли Пинаев и Пересвет. Наверняка канал работает фиксированно, привязан к одной точке выхода где-нибудь на втором Дайсоне. Может быть, и к базе.

— Чуть позже. Ян, надо срочно разыскивать Ефремова, он где-то близко, в пределах десяти верхних горизонтов.

— Ефремов? — с мягким удивлением переспросил Стро-

миньш.— Мы встретили его в коридоре, упирающемся в комнату, где стоит тот самый проклятый «прыг-скок».

Косачевский откинулся на спинку кресла, обхватил скулы длинными пальцами, раздумывая несколько мгновений: глаза его похолодели, стали из карих совсем желтыми.

— Где группа ВНК?

— Выгружается,— тотчас же отозвался Захаров.— Двенадцать человек и три капсулы оборудования.

— Ян, быстро к метро, возьми одно отделение ВНК — четыре человека, у них автономные единицы, и мчись к «прыг-скоку», где ты видел Ефремова. Катапультируйтесь в скафандрах вслед за ним, я думаю, он тоже ушел на базу Чужих через эту камеру метро. Там действуйте по обстановке, попробуйте захватить Ефремова и найти Пересвета. В дальнейшем поступишь под командование начальника отделения.

— Принял,— сказал Строминьш.

В коридоре послышался нарастающий шум, и пост заполнился незнакомыми людьми в белых комбинезонах с красными стилизованными буквами ВНК на рукавах. На всех были нацеплены эмканы с наушниками компьютерной связи. Вперед выступил плотный широкоплечий мужчина с ежиком коротких седых волос.

— Начальник комиссии ВНК Ширяев. Группа готова к работе, мы уже полтора часа подключены к операционному компьютеру Управления и в курсе всех проблем.— Седой полуобернулся к одному из прибывших.— Павел, поступаешь в распоряжение Строминьша.

Косачевский дал знак Яну, и тот увел отделение ВНК за собой.

— Еще одно отделение пусть идет на спейсер «Печенег».

Ширяев дал распоряжение начальнику второй четверки.

— Остальные — на крейсер «Лидер».— Косачевский посмотрел на часы.— Через пять минут начнем перебазироваться туда все. Захар, ты первый.

И в этот момент словно холодный пронизывающий ветер ворвался в помещение, проник в тела людей и оставил зябкое ощущение неловкости, чужеродности, застрявшей в мозгу пыли.

Мгновением позже голоса наблюдателей выплеснулись из динамиков хором восклицаний:

— Наблюдаю новые световые эффекты у второго Дайсона!..

— Вижу свечение в форме снежинки...

— Появилось нестационарное поле пространственных искажений, возмущение гравиполя, в пике сто сорок гравитуд.

Косачевский и сам видел все, о чем докладывали наблюдатели. Передачи со спейсеров, стерегущих светящиеся облака, принимались ситуационными виомами, и в каждом расцветали яркие волокнистые объекты: не то «цветы», не то «снежинки» размером в сотни километров. Они не совпадали со светящимися облаками, застывши-

ми каждое у своей цели — у Д-комплекса и Дайсона-2, но вспыхнули совсем рядом с ними.

— Что это? — спросил Захаров севшим голосом.

Никто ему не ответил.

НИКИТА ПЕРЕСВЕТ

Ефремов подошел к лежащему Калашникову, наклонился, потрогал лоб, на «универсал» в руке Никиты он не обратил внимания.

— Когда это произошло?

— Четверть часа назад,— сказал Пинаев.

— Поражение электроразрядом, паралич двигательных центров. Вы успеете, если немедленно отправите его на Землю.

Ефремов разогнулся, подошел к пульту, бегло осмотрел его и переключил что-то на панели, словно не замечая людей, онемевших от неожиданной будничности его поведения. Панорамный виом зала, показывающий пейзаж вокруг базы, высвеченный бестеневым сиянием Сферы, раскололся на несколько отдельных объектов изображения. Центральный из них показал округлую глыбу планеты с двумя странными светящимися объектами: бесформенным облаком и красивой конструкцией в форме снежинки. Оба объекта дышали, меняя узор и форму. Ефремов смотрел на них несколько секунд и повернулся к Никите, спокойный, уверенный в себе, и только взгляд его выдавал озабоченность и внутреннее напряжение.

— Кажется, пришла пора объясниться,— сказал он.

Никита посмотрел на Флоренс. Девушка, замерев, молча прислушивалась к чему-то с тревогой в глазах, которую она даже не пыталась скрыть.

Ощущение чужого внутри усилилось, воздух вокруг странно загустел, кто-то ворочался внутри Никиты, безмолвно и настороженно, вздрагивало здание базы, вздрагивал остров, качалась Вселенная. В груди рос болезненный ком неизведанных переживаний и чувств, невыразимых никакими понятиями и словами. Но Никита понял. Он ощутил наличие третьей силы, кроме сил добра и зла, привнесенных в Сферу Чужими, силы, не вмешивающейся до поры до времени в их дела и имеющей великое, поистине космическое долготерпение...

В зал вбежал Строминьш, за ним пять человек его группы, незнакомые молодые люди втолкнули в дверь плывущую над полом капсулу ВНК, способную защитить группу в десять человек от любого катаклизма, вмещавшую интеллект-вычислитель высшего класса, банк данных для контакта и аппаратуру экспресс-анализа.

— Очень хорошо,— кивнул Ефремов,— вы, как всегда, прихо-

дите вовремя, Ян. Заберите Калашникова и отправьте его на Землю. Метро, связанное с Д-комплексом, на втором этаже здания.

Разыгралась немая сцена, которую через полминуты разрядил смех Флоренс. Правда, смех этот был странным, невеселым и безжизненным, но это отметил только Никита.

— Действуй, Ян,— бросил он.— Все в порядке. Сейчас нам все объяснят.

Строминьш невозмутимо спрятал оружие и жестом показал, что делать. Калашникова унесли.

— Начну издалека,— продолжал Ефремов, с непонятным выражением глядя на побледневшую Флоренс.— Ваши ученые... да, ваши, я не землянин, как вы догадались, не раз задавались вопросом: где дайсониане? Куда они ушли из Сферы и зачем? Вопрос не праздный, интересный в познавательном смысле для любого исследователя. Но не только в познавательном, к сожалению. Облик дайсониан, полурастений-полуживотных — бхихоры их ближайшие родственники — далек от совершенства, и дайсониане, выжав все из технологического этапа развития цивилизации, повернулись к самим себе, ушли в космокреатику, избрав для этого далеко не лучший путь. Они создали свою временную нишу, здесь же, в системе Дайи, изменив состояние вакуума в Сфере, закуклились, ушли в глубокое экспериментирование по изменению генной структуры индивидуума и генома цивилизации в целом. К сожалению — мне часто придется повторять это «к сожалению»,— подобный путь ведет в тупик, к регрессу, и уже давно, около тысячи лет, дайсониане перестали интересоваться окружающим миром, потеряли интерес к познанию и даже забросили свой бывший дом, Сферу, оставив ее на попечение автоматов. Гибельность их пути очевидна, поэтому нам и пришлось пойти на жестокий шаг — спровоцировать их выход из своей ниши, чтобы попробовать объяснить им ситуацию, воззвать к их разуму, а потребуется, и начать принудительное лечение от равнодушия, ибо это — начало деградации, смерть психозоя. А теперь позвольте представиться.— Ефремов перестал посматривать на Флоренс, оглядел присутствующих.— Я руководитель галактической инспекции Совета Свободы Выбора, в той же степени подчиненный Совету, что и начальник отдела безопасности УАСС — Совету безопасности Земли. Двести с лишним лет назад Совет Свободы решал вопрос с вами, человеческой цивилизацией, направившей развитие производительных сил, сопровождавшееся экологическим разрушением, на производство оружия, на гонку вооружений, но вы все-таки смогли удержаться на грани уничтожения сами, без хирургического вмешательства извне. Здесь случай иной.

Ефремов прошелся вдоль пульта, закинув руки за спину, словно обыкновенный человек, учитель, озабоченный нерадивостью своих учеников. Флоренс наблюдала за ним расширенными глазами, ее

била дрожь, и Никита крепко прижал ее к себе, успокаивающе проведя ладонью по волосам.

— В какой-то мере ситуация в Сфере напоминала спектакль, преследующий одну-единственную цель — заинтересовать одного-единственного зрителя, то есть дайсониан, но играть этот спектакль нужно было так правдиво, что никакая инсценировка, игра, малейшая фальшь не прошли бы — наблюдатель дайсониан тут же разобрался бы, что это просто пьеса, и дайсониане никогда не вышли бы из кокона.— Короткий взгляд в сторону Флоренс.— Мы не могли рисковать и пошли на связь с Чужим, как вы назвали представителей цивилизации дилеров, деловых посредников, доживающих свой век. Каким образом этот тип разумных существ-торговцев сумел остановиться на грани вымирания, каким причудливым поворотом эволюции он вообще достиг высот технологии и вышел в космос, нам еще предстоит разобраться. Их цивилизация пошла по иному пути: не самостоятельного развития научно-технического потенциала, а заимствования достижений у других цивилизаций, купли-продажи и промышленного шпионажа. Таланты, знания, информация, мастерство, культура, искусство — все для дилеров является товаром межрасовой коммерции, хотя сами они почти ничего не создали и ничего не приобрели. Представляете, в каком они социально-эволюционном тупике?! Заимствование неизбежно ведет к пробелу в информационном базисе, к резкому замедлению развития и главное — к извращению логики и эрозии морали.

Мы лишь недавно открыли цивилизацию дилеров, но лечить ее придется долго.

К сожалению, в Галактике еще много неблагополучных цивилизаций, занесенных в Красную книгу психозоя, и дилерам есть где приложить свои способности. Но не будем отвлекаться. Вы уже поняли, в чем состояла суть нашей игры: дилеру надо было продать Сферу, а для этого прежде выгнать оттуда вас. Да, вы понесли потери, закрыв собой амбразуру Чужих, веками росших в атмосфере циничных расчетов и жажды наживы, всеобщей ненависти и лжи, высокомерия и корыстолюбия. Да, вы пережили боль утрат, гнев и тревогу за судьбы своих соотечественников, но скажите — слишком ли велика эта цена для спасения цивилизации? Не человека, не коллектива, даже на народа — цивилизации?!

Все молчали. Флоренс снова вздрогнула.

Ефремов остановился, вглядываясь в глубину виома, отражавшего две светящиеся фигуры в центре — облако и снежинку, в его голосе вдруг прорвалась нотка тоски:

— Мы не боги, увы, и тоже теряем людей.— Он так и сказал, людей, хотя едва ли облик его сородичей был схож с человеческим.— При одной из попыток выковырнуть дайсониан из их «скорлупы» погибла моя... жена, друзья...— Ефремов обернулся.— Я сде-

лал свое дело, как и вы, Никита, диалог-контакт уже начался, а это главное. Приглашаю ваших специалистов ВНК.

— Обидно на чужом пиру быть незваным гостем,— пробормотал молодой начальник группы контакта.

Ефремов покачал головой.

— Вы не будете в этом диалоге «родственниками из провинции», потому что решающее значение для контакта имеет не высокий уровень техники, а высокий уровень культуры. Думаю, земная культура достаточно развита и самобытна, чтобы стать достойным партнером в контакте. У вас еще ко мне вопросы?

— Выходит, мы сыграли роль консервного ножа? — тихо спросил Пинаев.

Ефремов посмотрел на него, как сквозь слезы.

— Я понимаю ваши чувства и, хотя не имею полномочий продолжать разговор на таком уровне, от имени Совета и от себя лично прошу прощения. Но мы не нашли иного пути.

Никита молчал, молчали Строминьш, руководитель группы ВКН, Флоренс. Кто-то невидимый, но ощущаемый, продолжал шевелить мир вокруг, заглядывая в их души, оценивая, сравнивая, размышляя, а они стояли и смотрели на представителя высшего разума, ничем не отличимого от человека, даже способностью совершать ошибки, и только Никита наконец нашел в себе силы ответить Ефремову:

— Я не вправе судить и осуждать... может быть, в самом деле невозможно помочь дайсонианам иным путем... но я уверен — можно было удержаться от ненужных жертв, объясни вы нам все раньше.

На мгновение глаза у Ефремова снова стали больными, измученными, растерянными, словно колоссальная тяжесть ответственности за все происшедшее сломала барьеры воли и выдержки и обнажила ранимую, исколотую шипами сомнений душу. Он не собирался оправдываться, но не мог уйти, не ответив на обвинение, и колебания его были красноречивее слов.

— Пойдемте,— сказал он наконец начальнику группы контакта.— Вас ждут.

И тут Флоренс, высвободившись из объятий Никиты, шагнула за Ефремовым и сказала ему в спину с отчаянием:

— А что будет теперь со мной?!

Ефремов обернулся, лицо его изменилось, разгладилось, улыбка впервые промелькнула на его губах.

— По-моему, на этот вопрос может ответить только Никита Пересвет.

Флоренс растерянно оглянулась...

Зеленый
Джинн

Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
А. С. Пущкин. Демон

Я враг небес, я зло природы...
М. Ю. Лермонтов. Демон

ПРОЛОГ

Возвращение звездной экспедиции всегда событие, особенно если она возвращается из глубокого поиска. Но крейсер пограничной службы Даль-разведки «Лидер» с экипажем, укомплектованным пограничниками и сотрудниками отдела безопасности Управления аварийно-спасательной службы, пришел незаметно, имея связь только с руководством погранслужбы.

Он выполнял особое задание и груз на борту имел специфичный: оружие.

Четыре года назад военные историки, изучающие документы конца двадцатого — начала двадцать первого веков, обнаружили сверхсекретные материалы блока НАТО — военного союза ведущих капиталистических держав, в которых говорилось об отправке в космос армады автоматических космических кораблей с оружием. Маньяки, цеплявшиеся за тезис наращивания вооружений «для защиты Земли от космического нападения», не могли спокойно смотреть, как после выхода документа ООН о всеобщем и полном разоружении уничтожаются запасы ядерного и обычного оружия, и тайно отправили опасный груз с тем, чтобы перехватить его в удобное время и использовать по назначению, если не на Земле, то где-то в другом районе космоса.

Сведений о перехвате у историков не было, но не проверить правдивость документов служба безопасности человеческой цивилизации двадцать третьего века не имела права, и «Лидер» был отправлен в космос по вектору гаммы Геркулеса — именно в том направлении должны были двигаться ракеты с оружием, вылетевшие с Земли два века назад.

Три года ушло на расчет и уточнение траектории ракетного поезда и поиск груза, и вот «Лидер» вернулся, загруженный оружием, вернее, образцами оружия — для музеев истории и военной техники, остальное было уничтожено далеко от Солнечной системы. Представители умиравшего блока НАТО так и не смогли догнать свой страшный, смертоносный и опасный арсенал...

Крейсер подошел к одной из финиш-баз спасательного флота,

«привязанной» орбитальным лифтом к Марсу, и запросил разрешения на стыковку.

Спустя полчаса экипаж крейсера был отправлен на карантин, длившийся трое суток.

Последними после карантина крейсер покидали его командир Калаев и руководитель десанта Игнат Ромашин.

— Вот мы и дома,— сказал Калаев, глядя на близкую громаду Марса в растворе главного виома.

— Дома.— Ромашин мельком взглянул на виом, упаковывая в громадную белую сумку вещи, разложенные на пульте.

Калаев пригладил вихры пышной шевелюры, посмотрел на его спину с буграми мышц, хмыкнул.

— Зачем тебе это барахло?

— Сувениры. Память. Если бы Лапарра услышал, что ты назвал его бесценные реликвии барахлом, он бы не простил. Хорошо, что мне удалось прихватить лишние экземпляры, коллекционеров среди моих друзей хватает.

Калаев покачал головой.

— Ну карабин, положим, еще можно повесить на стену, как трофей, хотя это чистой воды снобизм, а регалии?

Ромашин со скрежетом затянул молнии на сумке и закинул ремень на плечо.

— Зам моего начальника Первицкий — заядлый фалерист, который собирает значки, медали и ордена с доисторических времен. Видел бы ты его коллекцию. Это ему презент. Пошли?

Калаев взял свою сумку с эмблемой Даль-разведки, окинул рубку взглядом и грустно проговорил:

— Это мой последний дальний поход, Игнат. В следующую экспедицию пойдешь с другим командиром.

— Не пойду,— улыбнулся Игнат.— Меня ждет Лапарра. Я обещал ему, что вернусь в отдел при первой возможности.

— Наземный сектор?

— Наземный. Неплохо звучит?

Земной, наземный, земля...

* * *

Он возвращался домой со сложным чувством сожаления, вины и радости. Оказывается, он отвык от Земли! Прошло всего три года вдали от нее, а он уже забыл детали, помнил, что Земля — это что-то большое, зеленое, доброе и радостное. И теперь «детали» напоминали о себе сами: автоматикой зданий и технических сооружений, ветром сквозь лапы елей, улыбкой солнца, голосами детей, потоком людей у станций таймфага. Оказывается, он многому разучился, не-

смотря на тот же распорядок жизни на корабле, разучился даже вести себя, иначе почему тогда многие оглядываются вслед? Может, потому, что в его облике видна внутренняя тревога? Постоянное ожидание опасности? Готовности к немедленному действию? Наверное...

Калаев заметил это сразу, но он на пятнадцать лет опытнее...

Игнат оставил такси на крыше дома, потом вспомнил правила и скомандовал киб-пилоту «свободен». Двухместный пинасс умчался, приняв чей-то вызов.

Игнат подумал несколько мгновений, улыбнулся в душе, вспомнив, как звонил домой под чужим именем, узнать, есть ли кто дома. Ему ответили, и хотя голоса он не узнал, главного добился. Он зашел в одну из ниш вечернего отдыха, созданную зарослями тенистого клена, достал из сумки парадную форму официала спасательной службы и переоделся. Затем подмигнул сам себе, накинул на шею ремень карабина, о котором говорил Калаев, и спустился к лифту. Через минуту он стоял перед знакомой дверью, снившейся ему не раз, и странная робость закралась в душу, будто ждал его за дверью неведомый экзамен, не сдать которого он не имел права.

Дверь в ответ на мысль-приказ утратила монолитность, Игнат шагнул сквозь ее голубую завесу в прихожую. Из гостиной ему навстречу вышла тоненькая девушка с сеткой эмкана на пышных волосах. Увидев ослепительно-белую фигуру, сверкающую множеством пряжек, застежек, карманов и поясков, с устрашающего вида карабином на ремне, она невольно попятилась и стянула с головы эмкан.

— Простите, вам кого?

Игнат растерялся, так как ожидал увидеть лицо матери или отца, но перед ним стояла удивленная не меньше его незнакомка, имевшая с кем-то отдаленное сходство. Она была очень молода, мила, крупный рот не портил лица, а глаза были серые; лучистые и внимательные.

У Игната мелькнула мысль, уж не промахнулся ли он этажом, но прихожая была знакома, гостиная тоже, запахи напомнили ему детство: он был дома.

— Извините,— пробормотал он.— Вы, кажется?..

Девушка вдруг зажала рот рукой и тихонько засмеялась.

— Ой, не узнал! Вот здорово! Здравствуйте, дядя Игнат.

— Привет,— тупо сказал Игнат.— Ну конечно, Дениз!

Это была Дениз Сосновская, которую он помнил тонюсенькой, как стебелек ромашки, светлоголовой, доверчивой девчушкой, большеглазой и серьезной.

Игнат засмеялся вслед за девушкой.

— Низа! Вот это сюрприз! Не узнал, честное слово! Я звонил, думал, мать ответила или кто-то из гостей.

— Это была я. Мы уже неделю гостим у вас.

Они отсмеялись, поглядывая друг на друга сквозь матовое стекло памяти, потом Игнат поднял сумку, которую оставил у порога, достал оттуда пакет, развернул фольгу и подал Дениз букет цветов.

— Это тебе, из оранжереи корабля.

Дениз молча приняла цветы, глаза ее вспыхнули восхищением. Цветы были ярко-алыми, крупными, похожими на пляшущие языки пламени, и пахли незнакомо, нежно и тревожаще.

— Какие красивые! Спасибо!

Игнат поймал ее взгляд и хмыкнул про себя: похоже, то время, когда его боготворили, не успело забыться.

Он прошел в свою комнату, бросил сумку на диван, с удовольствием ощущая полузабытые запахи знакомой обстановки. Включил видеопласт, и домашний координатор послушно преобразил комнату в поляну, окруженную березовым лесом. Дениз остановилась на пороге, поглядывая на него из-за букета.

— Садись,— спохватился он, подвигая сумку. Снял карабин и сел рядом, размышляя, ждать ли родителей дома или махнуть к кому-нибудь из них: мать работала в Институте видеопластики, а отец... три года назад, как раз перед его полетом, его назначили на пост директора УАСС.

Дениз встретила его взгляд и покраснела чуть ли не до слез. Тогда Игнат начал рассказывать, где был, что видел и что нашел, и рассказывал до тех пор, пока девушка не заслушалась. Тогда он прервал красноречие:

— Извини, я могу делиться впечатлениями целый день, а ведь ты, наверное, занята?

Дениз снова покраснела.

— Готовлюсь к экзаменационной сессии, но... все наоборот, это ты меня извини, что не даю оглядеться. Я поставлю цветы в воду?

— Конечно, только посоли воду.

Дениз вышла.

Игнат встал, прошелся по комнате-поляне, выключил видеопласт, комната приобрела прежний вид. Что-то мешало ему, какое-то давнее воспоминание, будоражащее память. Что-то связанное с Дениз... или с ее братом... не вспомнить, пожалуй. Игнат с досадой щелкнул пальцами, волнение не давало сосредоточиться.

Вошла Дениз.

— Поставила. Ну и красивый же у тебя костюм, дядя Игнат!

Она принялась с интересом рассматривать нашивки, кармашки, ремни и отличительные знаки официала аварийно-спасательной службы.

— Это парадная форма спасателя-безопасника,— ответил Игнат, в свою очередь незаметно разглядывая девушку.— Никогда не видела? Отец же надевал...

Память настойчиво тасовала картины прошлого: как Дениз делилась с ним школьными новостями, плакала на руках, смеялась и сердилась, когда он не принимал ее переживаний всерьез... Но тщетно Игнат пытался вызвать в памяти образ прежней девочки, возникала тоненькая абстрактная фигурка... светлое пламя волос... глаза с вечным вопросом... и тихий смех... Перед ним же стояла взрослая, оформившаяся девушка, серьезная, естественная в каждом жесте, еще не осознавшая своей привлекательности.

— А это — оружие?

Мысль с переодеванием уже не казалась Игнату удачной. К тому же накатило нетерпение: ждать не хотелось, появилось желание действовать, звонить на работу отцу, бежать, мчаться, лишь бы не ждать. Но он сдержал себя. Взял карабин за ствол и передал Дениз.

— Это «дракон», ракетный карабин с автоматической сменой боя. Ужасно тяжелая и неудобная машинка.

— Машинка? — фыркнула девушка.— Ой, действительно, тяжелая! А ты стрелял из него?

Игнат, помедлив, кивнул, закатал рукав куртки и показал на левой руке три длинных белых шрама.

— След так называемой веерной пули. Она рикошетирует от любого предмета, и от нее очень трудно увернуться, особенно когда она расщепляется на десять иголок. Мы не знали, вот и получилось.

Дениз потрогала шрамы и спрятала руку за спину.

Игнат засмеялся, отобрал карабин.

— По твоему лицу легко читать, о чем ты думаешь. Если честно, полет был трудный. Многие из моих друзей были ранены, один погиб, а я... я был осторожен. Ты ждала меня?

Дениз вспыхнула и выбежала из комнаты.

Игнат улыбнулся и стал переодеваться в любимый голубовато-серый костюм, включив сумматор моды. Чувствуя некоторую скованность, он вышел в гостиную, где Дениз строила замок впечатлений от их встречи. Неизвестно от чего, оба смутились, хотя Игнат отметил этот факт для себя с изумлением: он уже давно не верил в то, что есть на свете вещи, способные заставить его смутиться.

— Это опять тебе.— Он протянул девушке ажурный браслет удивительно тонкой работы из голубого металла.— Мы нашли целый сейф таких безделушек. Красивый, правда?

— Очень!

Браслет был холодным и тяжелым, и Дениз удивленно подняла взгляд, в котором смешались радость и смущение и еще что-то, че-

му Игнат не мог сразу подобрать названия, но что радостным толчком отозвалось в сердце.

— Браслет из чистого осмия,— пояснил он.— Два века назад он стоил баснословно дорого.

— Но ты, наверное, вез его для мамы...

— Не беспокойся, маме тоже есть подарок.

Он помог Дениз нацепить браслет, и в это время в прихожей чуть слышно всхлипнул дверной автомат.

Игнат выскочил в прихожую — это пришла мама...

ВИТОЛЬД СОСНОВСКИЙ, СТАЖЕР ОТДЕЛА БЕЗОПАСНОСТИ УАСС

Игнат, прищурясь, смотрел на утреннее солнце, застрявшее в ажурном перекрытии террасы, а я смотрел на него. Внизу под нами дымился и плавился Сааремский пляж, продавленный обилием человеческих тел. И это называется пятница, обычный рабочий день...

Игнат искоса посмотрел на меня и неожиданно подмигнул:

— Может быть, лучше позагораем?

— Издеваетесь, инспектор? — вздохнул я в ответ.

Игнат оценивающе прошелся взглядом по моей фигуре, отчего я невольно втянул живот.

— Похвально, варяг, на попятную идти поздно.

Я пожалел, что уговорил Игната поехать с утра сюда. Самолюбие, видите ли, взыграло! Надо мне было затрагивать эту тему... Теперь доказывай, что не верблюд... а осел!

Игнат повернулся и пошел к эскалатору, а я смотрел, как он идет. Ноги Игнат ставил так, будто при каждом шаге пробовал ступней зыбкую почву, и, только убедившись в прочности земли, переносил тяжесть тела на всю ногу. Раньше я никогда не видел у него такой походки, а, может, просто не присматривался. Три года назад, перед тем как он улетел в свою долгую командировку, мне было шестнадцать, и ценил я в то время в своем старшем друге такие качества, как сила, ловкость, реакция. Я, конечно, и сейчас ценю эти качества, но теперь они не кажутся мне главными... Через десять минут мы вошли в гулкий, прохладный и почти пустой эллинг виндсерферов, разделенный надвое каналом.

— Для начала тебе подойдет тип «мастодонт»,— сказал Игнат, колдуя у пульта координатора спортивной базы.

— «Мастодонт»? — Я слегка запаниковал, вызывая в памяти образ волосатого и клыкастого предка слона.— Что это за зверь?

— Не бойся, «мастодонт» — это серфер с фиксированным центром тяжести. На «колибри» тебе еще рано, с него падают и мастера.

Пока мы раздевались в одной из кабин, ловкий, как паук, робот приволок и спустил на воду выводного канала два совершенно одинаковых, на мой взгляд, плотика с килями, посреди которых торчали тонкие членистые, словно сделанные из бамбука, мачты со свернутыми в тугие валики парусами.

Игнат, посматривая на меня с неопределенной усмешкой, пошевелил мачты серферов, пробуя подвижность сочленений, потрогал ногой шаткую палубу и вилкообразный гик. Что-то щелкнуло, и валик на мачте развернулся в прозрачный косой парус. С таким же щелчком раскрылся парус второго серфера.

— Или все же пойдем на пляж?

— Инструктируй,— махнул я рукой, хотя, честно признаться, лезть на неуютную палубу верткого суденышка не хотелось.

— Инструктаж прост.— Игнат отлично понял мимику моего лица.— Делай, как я.

Он шагнул на палубу своего серфера, ловко развернул парус, ровный ветер аэродинамической полости эллинга тут же подхватил странное плавучее сооружение, не лишенное, правда, изящества и красоты, и отнес на несколько метров от берега.

Я набрал в грудь воздуха, сделал свирепую мину и прыгнул на второй серфер, будто хотел взять его на абордаж...

История эта с виндсерфингом началась две недели назад, когда в отделах Управления провели очередной экзамен на отработку комплекса ВВУ — внезапно возникшей угрозы. Внешне это выглядело, как спортивно-техническое многоборье, состоящее из целого ряда состязаний, плюс проходка полигона ВВУ. В отделах работали разные люди, с разными характерами, способностями и увлечениями, каждый из них был профессионалом в какой-нибудь из технических или научных дисциплин, а также в совершенстве владел одним из видов спорта. Но по мысли руководителей Управления, в идеале каждый работник аварийно-спасательной службы должен быть универсалом, потому что, несмотря на применение автоматов, вычислительных компьютеров и киберсистем, спасательные операции требовали от спасателей всесторонней подготовки, колоссальных физических и нервно-психологических нагрузок, обширных научных и технических знаний, умения мгновенно ориентироваться в любой обстановке. Универсализм в подобных ситуациях помогал находить необходимое решение в кратчайшие сроки. А что такое время, особенно если счет идет на секунды, знал даже я, стажер отдела безопасности, не допущенный пока ни к серьезным операциям, ни к архивам Управления.

Отработка ВВУ в отделе безопасности выявила в среде безопасников своих универсалов, в числе которых по праву оказался и Игнат, месяц назад вернувшийся из экспедиции «Погоня». Кстати, именно по его просьбе меня и приняли в отдел, хотя обычно стаже-

рами безопасности становились пограничники. Я же в этом году только собирался поступать в Школу пограничной службы.

Спортивную программу многоборья и психологическое тестирование я прошел нормально, однако «срезался» на технической ее части, и меня даже не допустили к прохождению полигона. Это обстоятельство настолько уязвило мое самолюбие, что я по неосторожности отозвался с пренебрежнием о виндсерфинге, любимом виде спорта Игната. Теперь я пожинал плоды своих заявлений, далеко не уверенный в том, что справлюсь «одной рукой» с виндсерфером, этой «обыкновенной овальной доской с килем и парусом». Но я надеялся на свою реакцию и чувство равновесия, натренированные годами занятий борьбой тайбо. Как оказалось, напрасно надеялся...

Серфер в море я все же вывел: через двадцать минут и примерно столько же падений. В конце концов я разозлился, и парус стал мне покоряться.

Игнат не смеялся и не подшучивал, и я был благодарен ему за это, потому что с детства не люблю насмешек — такой уж у меня комплекс. Если к этому добавить мою вспыльчивость, с которой я борюсь с переменным успехом, подверженность резким сменам настроения и нелюбовь к нравоучениям... характерец, в общем, не из легких. Недаром Игнат прозвал меня варягом.

В море дела у меня пошли лучше. Волна была спокойная, полого, ветер дул с юга, нас постепенно относило к пляжу.

Игнат перестал давать советы — мне бы его чувство такта! — и крикнул:

— Вот тебе эмоциональная разрядка перед дежурством. Предлагаю возвращаться, а то вынесет на пляж.

Мы выбрались в полосу ровного берегового ветра, в полукилометре светилась золотом полоска Сааремского пляжа, над которой упиралась в небо белесая шпага орбитального лифта. И в это время похолодало, откуда-то пришло странное беспокойство, томление, желание оглянуться, что я и сделал, мгновенно очутившись в воде. Вода, наоборот, была, как кипяток, а может, мне так показалось после морозного ветра над морем. Я попытался вылезти на доску серфера, но на воздухе холод был собачий, поэтому я снова окунулся в запарившую воду, словно в термальный источник зимой. Игнат непрерывно глядел на берег, лавируя серфером в полусотне метров от меня. Я перевел взгляд выше и увидел, как белый столб лифта на окраине Сааремаа, в двух километрах от пляжа, разгорелся мигающим светом и погас. Нарастающая волна булькающего гула накрыла пляж и залив, закричали люди.

— К берегу! — донесся сквозь утихающий гул крик Игната. Я выскочил на серфер, забыв о волне холода, но она сама напомнила о себе: пальцы рук и кожа лица стали неметь, будто я очутился на

льду под свирепым ветром в тридцатиградусный мороз! Я бросил серфер и поспешил к берегу вплавь.

Гул постепенно стих, закончившись коротким стоном взрыва. Над невидимым вокзалом орбитального лифта вырос черный веер дыма.

Я понял, что на станции произошла одна из тех аварий, которые влекут за собой человеческие жертвы.

Плыть мешало все то же ощущение холода, хотя в воде оно притупилось. И все же что-то происходило вокруг, действовало на психику, заставляя мозг напрягаться в осмыслении непонятной угрозы, искать источник холода, тревоги и беспокойства, а тело принуждая действовать, куда-то мчаться, оглядываться, размахивать руками, словно непонятная сила заблокировала умение трезво оценивать обстановку и логически мыслить...

Купающиеся в заливе, все как один, с криком плыли к берегу. Такая же паника охватила и тысячи загоравших на пляже: люди метались по песку, кричали, звали друг друга, дети зарывались в песок. Ответственный за работу пляжа, очевидно, вовремя сориентировался и вызвал смену киб-спасателей — два из них — тонкие плоские диски с вакуум-подушками и гибкими хоботами манипуляторов,— уже вытаскивали кого-то из воды.

В двадцати шагах от берега уже мелко, по грудь. Игнат первым выбрался на песок, я за ним, с нарастающей тревогой прислушиваясь к своим ощущениям.

Холод усиливался, несмотря на августовское солнце и наступившее безветрие. Люди на берегу все еще суетились и перекликались, хотя большинство убежало к станции таймфага, и лишь один человек резко выделялся из толпы своим неадекватным моменту поведением. Одетый в белую рубашку-сетку, он стоял у волейбольной площадки, расставив ноги и сунув пальцы за пояс, и с каменным равнодушием наблюдал за происходящим на пляже, изредка посматривая в небо. У ног его стоял плоский черный предмет, издали похожий на кейс.

Я с недоумением остановил на человеке взгляд, но в это время Игнат подогнал пинасс.

— Прыгай!

Я с места прыгнул на сидение, аппарат тут же рванул в небо.

— Видел? — крикнул я.

— Что? — не понял Игнат.

— Ну того, на пляже...

— Потом поговорим. Идем к лифту, там что-то серьезное. Ну и влипли мы с тобой, варяг!

Я понял: мы не должны были находиться на Сааремском пляже, и виноват в этом был я со своим варяжьим самолюбием и упрямством.

* * *

Когда мы вошли, кабинет начальника отдела безопасности представлял собой склон холма, обрывающийся в море — так был настроен видеопласт кабинета. Я стал осматриваться, впервые попав к высокому начальству, а Игнат прошел к столу на «вершине холма».

Ян Лапарра закончил разговор по селектору, кивнул нам на стулья и молча уперся взглядом в Игната.

Был начальник отдела невысок, на вид медлителен и постоянно хмур; разговаривал тихо, спокойно и скупо. Я встречался с ним всего три раза, и с первой же встречи он показался мне чем-то недовольным, мрачным и суровым. Не знаю, был ли он таков на самом деле, но, во всяком случае, я ни разу не слышал, чтобы Ян повысил голос или устраивал кому-то разнос.

— Каким образом вы оказались на Сааремском пляже? — спросил он обыденным тоном. «Вместо того, чтобы заниматься порученным делом»,— мысленно добавил я.

Игнат покосился в мою сторону и ответил, не моргнув глазом:

— В качестве утренней зарядки мы выбрали виндсерфинг, а потом собирались идти по заданию.

Я виновато поерзал на стуле, но Лапарра не обратил на мои гримасы внимания.

— Странная история, парни. Рапорт ваш я читал. Итак, что это, по-вашему, такое?

Он взял кассету рапорта и вставил в проектор. Вспыхнула световая нить виома, развернулась в плоский двухметровый квадрат, который плавно приобрел глубину и резкость, и мы увидели то, что осталось от Сааремского орбитального лифта...

Из разрушенных взрывом складов, эстакад, платформ киберпогрузки и здания вокзала с кольцом старт-камеры лифта, вырастали странные лопасти из полупрозрачного материала, соединяясь на высоте десятка метров в одну стекловидную, ажурную, с прожилками и утолщениями, изогнутую поверхность. Издали казалось, что это пучок сросшихся стрекозиных крыльев. Но высота сооружения говорила сама за себя — триста сорок метров!

— Что это такое? — повторил Лапарра.

Игнат не ответил.

Начальник отдела убрал изображение и повертел в пальцах еще одну кассету видеозаписи.

— Что говорят эксперты?

— Молчат,— усмехнулся Игнат.— Эта чертовщина выросла за несколько секунд сразу после взрыва лифта. Масса равна нулю, электрический заряд — тоже нулю, электромагнитных полей нет, но руками пощупать можно. О чем тут говорить? Таким примерно манером строили воздушные замки сказочные джинны.

Лапарра поставил локти на стол, постучал ногтем по кассете и придвинул ее к краю.

— Это вам, ознакомьтесь. Новое задание. Вполне возможно, что оно каким-то образом связано с прежним... и с происшествием на Сааремаа. Полгода назад, при невыясненных обстоятельства, в Северной Америке погибли чистильщики из «Аида». Восемь человек, группа Шерстова. Работала группа по документам архива двухвековой давности. Здесь,— Лапарра снова подтолкнул пуговку кассеты,— вы найдете только общие сведения, самое основное.

— Невыясненные обстоятельства? — пробормотал Игнат.— За полгода так и не выяснили обстоятельств гибели группы?

— Она работала по обезвреживанию складов с бактериологическим оружием, было похоже, что они выпустили на волю какой-то неизвестный вирус. Недавно эксперты... гм, гм, установили наконец, что никакой вирус не мог быть причиной их гибели.

У меня вертелся на языке вопрос: «При чем здесь взрыв лифта на Сааремаа?» — но я сдержался.

Игнат повертел в пальцах кристалл.

— Состав моей рабочей группы?

Лапарра хмыкнул, царапнул меня острым взглядом, мигнул.

— Состав твоей группы прежний — ты и стажер.

Игнат хмыкнул в свою очередь и встал.

— Тогда все в порядке.

В коридоре он притянул меня к себе за плечо и прошептал:

— Нам оказано небывалое доверие — два задания сразу! О чем это говорит?

Я подумал.

— О том, что задания не слишком сложные.

— Плохо, стажер! Оба задания относятся, как говорится, к разряду «дохлых», но тем интереснее их разматывать. Или ты иного мнения?

Он не сказал, что будет, если мы не справимся с заданиями, а я не спросил. Конечно, какой из меня, честно говоря, помощник Игнату... Спасатели, и особенно безопасники,— люди энциклопедических знаний, а у меня за плечами детский учебный городок и школа.

— Начнем, пожалуй,— Игнат посмотрел на часы,— с изучения документации, я — по «Аиду», ты — по ТФ-теории. Возьми в библиотеке популярное изложение теории таймфага и постарайся уяснить, что такое ТФ-космолет и почему ему нельзя стартовать с земли. Ровно в два ноль-ноль быть в отделе. Вопросы?

Я заколебался, вопросы у меня были, но вспомнил мрачный лаконизм начальника отдела и отрицательно мотнул головой.

Первое задание, которое было выдано Игнату и мне, звучало так: выяснить, чей ТФ-космолет совершил неразрешенный старт, вы-

звавший «сахарную» эрозию почвы, с острова Сан-Мигел в Атлантике двенадцатого мая сего года. То есть почти три месяца назад. Игнат назвал это задание: ищи ветра в поле!

ИНФОРМАЦИЯ К РАССЛЕДОВАНИЮ. ЗАПОВЕДНИК ХОВЕНВИП, ЯНВАРЬ 21-208

Их было девять — группа Шерстова, одна из лучших групп бригады «Аид». Их называли чистильщиками — неофициально, дружески, отдавая дань уважения людям этой профессии. Специалисты из «Аида» занимались обезвреживанием чудовищного наследия военной машины прошлого: складов оружия, секретных лабораторий, законсервированных заводов по производству химического и биологического оружия, могильников с радиоактивными и бактериологическими активными веществами и прочих следов эры капитализма.

Группа Шерстова специализировалась на ликвидации баз и складов биологического и бактериологического оружия.

Двадцатого января в архивах «Сентком-2000», объединенного командования силами капиталистических государств, эксперты «Аида» отыскали документ, в котором говорилось, что в Северной Америке, на территории заповедника Ховенвип расположен склад бактериологического оружия двухвековой давности. Двадцать первого января в пять часов утра по местному времени Шерстов поднял группу по тревоге. В шесть утра все девять человек прибыли на базу «Аида» в Ньюкасл. Еще через час Шерстов выходил из флейта на поляне в дубраве: сзади и с боков — лес, впереди — обрыв, за обрывом — горно-пустынный массив Ховенвипа.

К восьми территория заповедника в радиусе двух километров от точки с координатами склада была обследована сверху на антигравах. Магнитные искатели отметили несколько аномалий, другие датчики помогли сориентироваться точнее, и в восемь часов ровно помощник Шерстова Зо Ли установил белый вымпел над хитро замаскированным входом в пещеру, где предположительно находился склад.

— Отдых,— объявил Шерстов, доставая из багажника командирской машины плоскую флягу.— Кто хочет пить? У меня солар.

Пить хотели почти все. Пока Шерстов разливал дымящийся шипучий тоник по стаканчикам, Зо Ли взобрался на стену обрыва. Со стометровой высоты были хорошо видны холмы зеленоватой пыли внизу, красный уступ в нескольких километрах к северу, хаос скал слева от уступа и хвойный лес на плато справа.

Зо Ли посмотрел на браслет личного инфора (рубиновые цифры часов показали семь минут девятого) и перевел взгляд на каменное поле. В этот момент из стены под обрывом совершенно беззвучно вытянулся колоссальный факел прозрачно-голубого пламени. Он на-

крыл песчаные холмы, флейт, людей, пьющих сок на каменных глыбах, начал расти в длину... По нервам ударило жгучей болью, Зо Ли закричал, упал на колени, расширенными глазами продолжая наблюдать за проявлением неизвестных сил.

Факел побледнел, собрался в прозрачное голубоватое облако, что-то остро засверкало в нем — снова волна боли скрутила тело Зо Ли, на уши навалилась глухота. Он почувствовал дуновение холодного ветра — в безветрии! Потом холод охватил все тело, руки и ноги онемели, стало трудно дышать...

Зо Ли пытался подняться, но тело не слушалось, наступила вялость и сонливость, словно после огромной нервной перегрузки. Затем Зо Ли показалось, что он сошел с ума! Скалы под обрывом вдруг зашевелились, обросли длинным черным мехом, превратились в чудовищную многолапую птицу-змею с обликом отвратительным и злобным. «Птица» зашевелилась и ожила...

Светящееся облако, в котором словно зрачок исполинского глаза вдруг проявилась черная дыра, пало на скалы, коснулось Зо Ли ледяным дыханием, и бездна распахнулась перед ним — он понял! Он понял, что это такое! Но прозрение длилось недолго: неимоверный холод сжал сердце когтистой безжалостной лапой; Зо Ли перестал видеть и слышать, осталась лишь боль, хлынувшая в мозг, как океанская вода в шлюзы тонущего корабля...

ИГНАТ РОМАШИН, ИНСПЕКТОР-ОФИЦИАЛ ОТДЕЛА БЕЗОПАСНОСТИ УАСС

Как я и ожидал, мой кабинет с номером 21 оказался пустым: двое сотрудников отдела, с которыми я делил его рабочую площадь, еще с утра отправились на объекты, у них были свои задания. Я сел за личный стол-пульт, выбрал видеопласт для комнаты — светлый ясеневый лес, и вставил в проектор кассету видеозаписи, выданную Лапаррой.

Запись началась с происшествия на Ховенвипе...

Спустя полчаса я выключил проектор, задумчиво походил по «лесу» и взял в баре запотевший бокал солара. Отпив глоток, сел на диван «для гостей» и вытянул ноги, продолжая размышлять над тем, что узнал.

Бригада «Аид» была создана при ВКС более тридцати лет назад в связи с участившимися находками засекреченных и законсервированных сотни лет назад, в двадцатом—двадцать первом веках, военных баз, складов и лабораторий, а также могильников с радиоактивными и биологическими отходами производства — всего пестрого наследия военно-промышленного комплекса капиталистических государств. Примерно шесть лет эта бригада работала по вызовам

с мест, потом стала работать по архивным документам, что повысило ее оперативность и позволило предотвратить многие беды, влекущие за собой многочисленные человеческие жертвы.

Нам с Витольдом досталось расследование происшествия с одной из групп «Аида» — «Аид-117», прочесывающей североамериканский континент. Группа обнаружила в архивах упоминание о складе бактериологического оружия в Аризоне, в пустыне Пейнтед-Дезерт, точнее — на территории памятника природы планетарного масштаба Ховенвип, расположенного к северу от реки Сан-Хуан. Группа вылетела в Пейнтед-Дезерт в составе девяти человек и не вернулась. Сигнала тревоги она не подавала, оснований беспокоиться за ее судьбу не было — специалисты в группе не раз выполняли аналогичные задания, да и технически бригада «Аид» оснащалась лучшим из того, что мог дать технический гений человечества аварийно-спасательной службе.

Лишь спустя сутки, когда связь с группой так и не восстановилась, на место ее базирования вылетел техник контроля связи. Он нашел развороченный взрывом вход в систему подземелий, нечто похожее на металлическую многоножку трехсотметровой длины с головой, застрявшей в пещере, и восемь трупов. Девятый член группы все же уцелел, но был без сознания, и его срочно отправили на излечение в клинику скорой помощи в Мексикан-Хате. Останки металлического «насекомого» исчезли таинственным образом в тот же день, и эксперты, прибывшие на место, решили, что технику контроля связи «насекомое» померещилось. Обстоятельства гибели группы долгое время считались тривиальными — утечка неизвестного вируса из обнаруженного склада, но спустя несколько месяцев медиками экспертной комиссии «Аида» было доказано, что никакой вирус не мог быть причиной смерти чистильщиков, и дело передали в отдел безопасности УАСС.

Я допил сок и налил еще бокал. Задание меня заинтересовало, был в нем некий таинственный элемент, шанс на открытие, несмотря на стандартность завязки. Если люди погибли не из-за утечки отравляющих веществ или вирусов, то появляется таинственная сила, о которой не известно ничего. И что за «многоножка» длиной в триста метров померещилась технику связи?

— Невыясненные обстоятельства...— пробормотал я вслух. Тяга к таинственному, романтика тайн влекла меня с детства, хотя я и не признавался в этом ни друзьям, ни товарищам по работе. Не я выбирал профессию спасателя-безопасника, она выбрала меня, когда я закончил инженерно-физический институт и, казалось, выбрал путь. Но причин жалеть у меня пока не было.

Я сел за стол и для начала записал на личный инфор возникшие вопросы: кто этот уцелевший из «Аид-117»? где он находится в данный момент? не упоминается ли в документах архива заповедник

Ховенвип в связи с другими историческими мерзостями? и, наконец, не страдал ли техник связи, обнаруживший погибших, галлюцинациями? Затем я связался с отделом информационного обеспечения и попросил диспетчера выдать мне всю информацию по делу «Аид-117». Через несколько минут копир выдал три разноцветные таблетки видеозаписи. Я внимательно прочитал каждую, заинтересовываясь все больше, потом выключил видеопласт и направился в центральный архив Управления.

Пользоваться массивами информации архива мог далеко не каждый работник УАСС. Предъявив роботу свой сертификат безопасника, я прошел в длинный входной зал выдачи документации, три стены которого представляли собой терминалы кристаллокартотеки, а посредине располагались ряды столов-дисплеев с лючками копиров. Набрав код, я занялся поиском, отключив все мысли, которые могли помещать работе. Однако поиск информации по моим запросам затянулся, главный компьютер-архивариус долго консультировался с «коллегами» параллельных банков информации, зато меня ожидала удача. В архиве отыскался странный документ, касающийся Ховенвипа! В нем говорилось, что где-то на территории заповедника почти двести лет назад располагалась секретная лаборатория Института технологии военно-космических сил США. Лаборатория носила название «Суперхомо», но никаких секретных данных о профиле ее работы не нашлось. Не упоминалась эта лаборатория и в других документах Института. И все же я был доволен: интуиция меня не подвела. «Суперхомо», лаборатория на Ховенвипе, склад бактериологического оружия там же... и гибель чистильщиков! Случайность?

Я с ходу дал запрос о «Суперхомо» в центральный архив Института социологии Земли и повторил его спецотделу архива «Аида», хранящему все данные о деятельности бригады за время ее существования, однако немедленного ответа не получил.

Утомленный не столько лавиной информации, пропущенной через мозг, сколько собственными фантазиями, я выключил дисплей и вспомнил об обеде.

В здании Управления были и рестораны, и столовые, рассчитанные на «вдумчивое вкушание пищи» и приятный отдых в компании друзей, но я любил персоналки — одноместные кабинки для еды, где можно было, не стесняясь посторонних глаз, вкусно и быстро поесть.

Опустившись на пятнадцатый — бытовой горизонт, где витали необычайно вкусные гаммы запахов, я с трудом отыскал свободную персоналку (любителей есть в одиночку хватало) и заказал обед: прозрачно-розовый бульон из жубо, к нему горку зажаренных ломтиков амарантового хлеба, по преданиям — хлеба ацтеков, соленый папоротник, по вкусу напоминавший жареные грибы, и напиток со-

лар. Все это гастрономическое великолепие я уничтожил за полчаса, сожалея, что не заказал бокал шампанского.

В два часа дня вернулся в отдел, скомандовал «вольно» вскочившему с дивана стажеру и прыгнул в кресло метров с четырех, точно рассчитав прыжок.

— Как успехи, варяг?

Сосновский с хмурой неопределенностью пожал плечами. Лицо у него было открытое, тонкое, нервное, подвижное, чутко и точно отражающее все движения души. Сам же он был высок, массивен, с крупными ногами и руками, белокур и голубоглаз, эдакий великан-викинг из древних скандинавских саг. Правда, характер у Витольда отличался от характера настоящего викинга, и лицо служило зеркалом этого характера.

В отделе он работал недавно. После моего возвращения из экспедиции мать Витольда обратилась с просьбой к моему отцу принять сына в Управление. Отец сначала отпучивался, потом спихнул все на меня, и я уговорил Лапарру взять Сосновского-младшего в резерв отдела стажером. Ян, конечно, отнесся скептически к надеждам Вита стать спасателем, а тем паче безопасником.

«Для безопасника Сосновский не годится,— сказал Ян.— Слишком открыт и эмоционален. От таких людей чрезвычайно трудно добиться той степени сдержанности, которая необходима для работы в условиях непредсказуемой опасности. Спасатель линейной службы из него, возможно, и вылупится, но...» «Он молод,— возразил я,— сырой материал».— «Это не аргумент».— «А ты разве сразу родился начальником отдела? Вспомни себя девятнадцатилетнего».— «Я — иное дело».— «Ну, конечно, свежо и оригинально повторять, что время было другое, отношение к обязанностям тоже...» — «Ладно, сдаюсь. Тебе виднее, ты его рекомендовал, но я бы не торопился с выводами. Были случаи, когда в Управлении не удерживались куда более волевые и сильные натуры...»

Разговор этот я запомнил потому, что и сам сомневался в искренности желания Витольда работать в Управлении. Но отступать было некуда, и я переложил груз сомнений на плечи времени.

— Постигаю премудрости ТФ-теории,— сказал наконец Сосновский, не удержался принятого сдержанного тона и виновато посмотрел на меня.— Но очень много непонятных формул!

Я засмеялся. В последнее время Витольд явно стал стесняться меня. Раньше, до вступления в УАСС, он не стеснялся, потому очевидно, что тогда его действия не подпадали под власть моей оценки. Теперь же он не хотел выглядеть в моих глазах абсолютным дилетантом и старался изо всех сил.

— Формул в теории таймфага действительно много, но мы постараемся обойтись без них. Сначала слетаем на остров к месту происшествия.

— Я уже был там.
— Да? — удивился я.— Делаешь успехи. Когда же ты успел?
— Утром, сразу после получения задания.
— Тогда рассказывай.

Сосновский тронул пальцами нижнюю губу — эту привычку я знал за ним с детства,— заметил, что я за ним наблюдаю, убрал руку.

— Сверху это место напоминает карровый ландшафт: на свежем лавовом поле пятно километров трех в поперечнике, зеленоватого цвета, а вблизи застывшая лава похожа на... полурастаявший кусок сахара — рыхлая, пористая и хрупкая.

Я вспомнил, как десять лет назад впервые попал на полигон УАСС в Австралии, под Маунт-Айзой, и мне показали поле экспериментальных пусков ТФ-крейсеров. Поле было огромно, километров двадцати в поперечнике, и напоминало гигантскую чашу изъязвленного зеленоватого студня: при ударе скалярного ТФ-поля в момент трансформации корабля разрушаются межатомные связи вещества, и любая материальная субстанция тает, как... действительно, как сахар.

— Понятно. Что еще интересного ты узнал?

— Я поговорил с одним туземцем — вполне интеллигентный парень, студент геофака, он сообщил, что никакой ТФ-космолет с острова не стартовал, зато имело место любопытное природное явление: ни с того, ни с сего возбудился старый вулкан острова, лава пошла по северному склону, а потом вдруг извержение прекратилось, словно его выключили. И главное, лава остыла буквально за пять минут, будто ее охлаждали специально жидким кислородом. И пятно «студня» появилось на лаве именно в момент остывания.

— Откуда он знает такие подробности?

— Я же говорил — он студент геофакультета Исландского университета, проходит практику, изучает особенности строения вулканов, а на Сан-Мигел его направили руководители практики. А еще он клялся, что видел торчащую из лавы странную штуковину длиной в полкилометра, похожую на скелет динозавра. Правда, «скелет» на вторые сутки пропал, рассыпался или растаял, но что он был — парень готов доказать.

— Интересная информация.— Я вдруг вспомнил рассказ техника связи с «металлическим насекомым» на месте гибели «Аид-117», оно тоже растаяло на другой день. Странные галлюцинации у этих ребят, очень странные... Связи, вроде, нет никакой, но почему Лапарра вскользь заметил, что Сан-Мигел может быть связан с Ховенвипом? Чем и как? Между ними тысячи километров...

— Планы у нас несколько меняются, остров подождет. Я тоже раскопал в архивах любопытную информацию по нашему второму

объекту, Ховенвипу. Оказывается, в тех рядах когда-то была скрыта странная лаборатория — «Суперхомо». Слышал о такой?

Сосновский помотал головой.

— Я тоже. Пока я буду разбирать материалы «Аида», покопайся в личном деле Зо Ли, того парня, который уцелел. Выясни, где он сейчас, что помнит, подробности какие-нибудь... в общем, все, что сможешь. Задание понятно?

— Так точно,— вытянулся Сосновский, начиная ощущать себя детективом.— Разрешите выполнять?

— Ну-ну, не увлекайся,— понизил я голос.— Этот человек — пострадавший, волновать его нельзя. Кстати, дай-ка мне координаты твоего туземца с Сан-Мигела.

— Арманд Элсландер, голландец,— с готовностью ответил Витольд, демонстрируя неплохую память.— Живет в Роттердаме, улица Нью-Пульвир, сорок один — четыреста сорок девять.

— Молодец!

— Рад стараться! — расплылся от удовольствия Витольд и исчез.

В этот момент вион, запрятанный в нише над столом, воспроизвел кабинет Лапарры напротив и его самого у стола.

— Ты один?

Я кивнул.

— Расскажи-ка подробнее, что случилось на Сааремском пляже. Свои ощущения, впечатления... замеченные странности.

Я удивился, но виду не подал.

— Мы шли на серферах, ветер сначала дул к берегу, потом повернул, приходилось лавировать, напрягаться, и поэтому я, наверное, не сразу среагировал... вернее, реагировать-то и не на что было. Почувствовал духоту, нечто подобное испытываешь в парилке в бане, стало неуютно, как... в сыром, но безводном колодце, я ползал по таким на полигоне ВВУ.

Лаппара мигнул, не меняя выражения лица.

— Потом... резко похолодало. Словно пошел невидимый ледяной дождь. И это ощущение было, пожалуй, самым сильным и оставалось до конца, то есть до взрыва лифта.

— А потом оно сразу исчезло?

— Не помню. Когда взорвался лифт, я перестал прислушиваться к своим ощущениям. Поймал пинасс и — туда...

— Ага.— Лапарра походил по кабинету, сел.— Холодно стало, значит. Прекрасно.

Я молча смотрел на него, стараясь не выдать своего полнейшего недоумения. Ян редко говорил загадками, но коль уж говорил, значит, случилось нечто из рук вон выходящее, в чем он еще не разобрался сам.

Лаппара искоса посмотрел на меня. Он прекрасно ориентировал-

ся в моих чувствах, да и не только в моих. Просто уму непостижимо, как точно он мог оценить человека с первого взгляда! Не знаю, какое у него сложилось мнение обо мне, но, видимо, все слабости мои он знает наперечет.

— Прекрасно в том смысле,— поправился начальник отдела,— что укладывается в полотно моих умозаключений. Теперь поделись впечатлениями от «стрекозиных крыльев», выросших на останках лифта.

— Впечатлениями? — пробормотал я, вспоминая.— Я поначалу глазам не поверил. Когда мы примчались с Витольдом к лифту, перевалив через цепь холмов, там уже висела модульная связка спасателей: четыре «иглы» и базовая «катушка»; ребята примчались так быстро потому, что их база находится практически рядом, в Ориссааре.

Склады догорали, мы было сунулись помочь, и в этот момент... да, было все еще довольно холодно, это я помню хорошо... так вот, в этот момент из всех разбитых взрывом сооружений лифтового комплекса с шипением вылезла пенистая белая масса и вытянулась вверх и в стороны, образовав полупрозрачные, с четким рисунком тонких жил внутри, плоскости. Ни дать ни взять — «стрекозиные крылья», разве что размером в несколько тысяч раз больше.

— М-да.— Лапарра снял с меня тяжесть взгляда своих прозрачных глаз, в которых затаилась не то боль, не то усталость.— Чертовщина, да и только! Масса равна нулю... а?! Ладно, продолжай действовать по плану. Кстати, там, на пляже, ты больше ничего не заметил... подозрительного?

Я честно напряг память.

— Пожалуй, ничего... Разве что один из экспертов сказал, что ударная волна взрыва должна была докатиться до пляжа, и кто знает, чего бы она там натворила. Однако этого не случилось. Эксперт был весьма удивлен, я тоже.

— Еще?

— Еще? Гм... да вот, пожалуй, не знаю, стоит ли внимания... Шум на пляже поднялся невообразимый, все куда-то бегут, кричат, на три четверти отдыхающие — женщины и дети, а этот стоит одетый и смотрит, совершенно спокойно...

— Кто — этот?

— Мужчина, примерно моих лет, невысокий, смуглый, а лицо интересное: скуластое, неподвижное, как маска. Вероятнее всего — уроженец юго-восточной Азии.

Лапарра встал, глаза его странным образом изменили цвет — поголубели. Такое с ним я видел только однажды, когда в отдел пришло сообщение о гибели его друга. Он несколько мгновений смотрел на меня так, что я даже перепугался неизвестно отчего: смотрел тя-

жело, пристально, но не прицельно, не видел он собеседника в этот момент, и протянул руку к столу.

В моем виоме «откололась» часть изображения, появился человек, в котором я с некоторым трудом узнал давешнего незнакомца с Сааремского пляжа.

— Он?

— Откуда ты его знаешь? Кто это?

Лапарра выключил проектор.

— Это Зо Ли. До связи.

Я очутился один в пустой комнате, оглушенный поднявшимся в голове тарарамом.

Зо Ли, чистильщик из отряда «Аид-117», единственный свидетель трагедии на Ховенвипе... Почему он объявился на пляже в Сааремаа? Впрочем, пути человеческие неисповедимы. Ведь оказались же мы с Витольдом там в тот же самый момент.

— Думай, голова,— сказал я своему умеренно надоевшему отражению в зеркале стены,— картуз куплю...

ИНФОРМАЦИЯ К РАССЛЕДОВАНИЮ. ЭЛЬ-ПАСО, ФЕВРАЛЬ 16-208

Город Эль-Пасо расположен на реке Рио-Гранде, пересекающей Техасскую равнину. К началу описываемых событий он насчитывал тридцать тысяч жителей и фактически представлял собой климатический курорт, работающий круглый год.

Это случилось над Рио-Гранде утром, в восемь часов, когда рабочий день города и его окрестностей только начинался.

Немногочисленные свидетели происшествия сначала не обратили внимания на легкое помутнение воздуха над одним из консольных мостов, соединяющих левый берег реки с пригородами Эль-Пасо с правым, на котором начинались пригороды Мексиканского города Сиодад-Хуареса. Однако помутнение не исчезло, а сгустилось в прозрачное голубоватое облачко неправильной формы поперечником в километр. Оно медленно спустилось с небес на мост, откуда-то потянуло морозным ветром, хотя температура и так была ниже нуля.

В следующее мгновение с гулом и грохотом мост рухнул на лед замерзшей реки. Раздался стонущий крик монора — монорельсового трамвая, успевшего затормозить у обрыва буквально в одном метре. Замершие пешеходы с ужасом увидели, как сквозь ландшафт с рекой, тисовым лесом и коттеджами пригорода проросли багрово светящиеся копья, на высоте нескольких десятков метров пустили пучки «веток», которые соединились в ажурную решетку, выгнувшуюся куполом. Новые «побеги» рванулись вверх из узлов пересе-

чения «ветвей», и вскоре взорам свидетелей предстала полукилометровой высоты решетчатая башня, асимметричная, неровная, но поражающая рисунком и особым впечатлением живого — не то растения, не то существа...

Воздух очистился, лишь в небе еще некоторое время держалась белая редеющая полоса, похожая на след капсулы метеоконтроля.

Километровая дуга моста осталась лежать неровной грудой металла и альфа-бетона на льду реки, сквозь который кое-где уже проступила черная недобрая вода.

Патруль спасателей, прибывший на место происшествия, оторопело подивился на башню, но сориентировался быстро и вызвал бригаду строителей, а также экспертов Управления.

Но экспертам и ученым, прибывшим в Эль-Пасо к вечеру, осталось только развести руками: башня продержалась ровно сутки и, начав таять сверху, в конце концов исчезла без следа. Приборы и средства измерения на нее не реагировали совсем, будто ее и не было...

ЯН ЛАПАРРА,
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА БЕЗОПАСНОСТИ УАСС

Пейзаж я выбрал осенний: опушку почти голого осинового леса, речной обрыв, низкие лохматые облака, готовые пролиться дождем: такой пейзаж не позволяет отвлекаться. Запахи мокрой листвы, травы, земли и дыма заполнили кабинет, и если бы не стол — иллюзия уголка природы была бы полной.

По черной доске стола все еще ползли световые строки бланк-сообщений.

Я бегло просмотрел последние и переключил прием и отработку информации на киб-секретаря.

Походив по «мокрой траве над обрывом», вспомнил рассказ Ромашина-младшего и вызвал координатора отдела:

— Прошу дать сводку происшествий за последние полгода.

— По Земле или районированную? — уточнил в ответ женский голос.

— Региональную, по североамериканскому континенту. С момента гибели «сто семнадцатой» Шерстова.

— Ждите.

Я снова принялся обходить «опушку леса», мысленно возвращаясь к открытию Игната. То, что лаборатория «Суперхомо» объявилась на Ховенвипе, меня не удивило, территория заповедника, дикая и неухоженная, по всем статьям подходила для сверхсекретной лаборатории, о которой история сохранила только факт ее существова-

ния. Настораживало другое: совпадение места гибели группы чистильщиков с местом расположения лаборатории. В случайные совпадения таких событий я не верю не только по должности. «Суперхомо», то есть сверхчеловек... Над чем же работали ученые этой лаборатории со столь претенциозным названием? Или над кем? Над новым вариантом Голема? Над сверхчеловеком по Ницше, Гитлеру или все же — над гигантом по духу и мысли? Впрочем, какой «духовный гигант» может родиться у воинственных маньяков эпохи капитализма — можно догадаться. Остается загадкой конечная цель работы лаборатории: человек, его тело и интеллект или сверхмашина, делающая его сверхчеловеком, диктатором, почти равным богу... А может быть, название лаборатории дано чисто условно и не отражает решаемых ею задач? И еще одно обстоятельство заинтриговало меня: более чем странные явления в местах катастроф. На Ховенвипе, по словам техника связи, он застал «металлическое насекомое», длиной в триста метров, свидетели извержения вулкана на Сан-Мигеле видели «скелет динозавра», в Орхусе во время взрыва прогулочного лайнера объявился чудовищный ажурный «гриб» высотой в километр, а на месте взорванного лифтового комплекса на Сааремаа выросли колоссальные «стрекозиные крылья». «Насекомое» на Ховенвипе исчезло в тот же день, испарилось, как сухой лед, «скелет» и «гриб» тоже не продержались больше суток, а «стрекозиные крылья» стали уже вдвое меньше и, похоже, к ночи испарятся. Ясно, как дважды два, что это явления одного порядка. Шахерезада! Ученые разводят руками, а эксперты техцентра плачут по ночам от беспомощности...

Напротив вдруг возник видеопризрак Анатолия Первицкого, моего заместителя.

— Не помешал? Или моя интуиция меня подвела?

Я пробежал глазами несколько лаконичных текстов сводки происшествий, выданных автоматикой стола. Черт, сколько их тут! Неужели так много за полгода? Поднял глаза не заместителя.

— Не подвела, ты мне нужен.

Первицкий, худой, высокий, рыжий, с запавшими глазами и ртом-пуговкой, снял с головы эмкан вычислителя.

— Тогда я весь внимание.

У него был достаточно крупный недостаток: он непроизвольно копировал мимику собеседника, на что многие, не знвшие его хорошо, часто обижались, думая, что он их передразнивает.

— Игнат на Сааремаа видел Зо Ли, случайно. Именно во время взрыва.

— Это уже становится закономерностью.

Первицкий имел в виду, что Зо Ли до Сааремаа видели в районах известных нам аварий, то есть и в Орхусе, и на Сан-Мигеле.

— Именно что и пугает. Зо Ли — единственный, кто уцелел по-

сле трагедии на Ховенвипе. Теперь сопоставь эти факты с тем, что там же функционировала двести лет назад лаборатория «Суперхомо».

Первицкий поморгал светлыми редкими ресницами.

— Не обижайся, я пока особой связи не вижу. При чем тут лаборатория? И почему ты уверен, что Зо Ли является виновником аварий? Я в это не верю.

— Если бы я тоже был уверен... Хочу проанализировать события, входящие в нашу компетенцию, за истекшие полгода, а ты пока свяжись с информ-службой «Аида» и попроси дать карту операций бригады по Аризоне. Нет ли поблизости от Ховенвипа чего-нибудь еще, требующего нашего внимания? Кроме того, найди тех, кто занимался расследованием аварий вместе со спасателями. Скорее всего ими занимались научники из отдела изучения быстропеременных явлений природы Академии наук.

Я продолжал изучение сводки. Из всех происшествий, случившихся на североамериканском материке за полгода, мое внимание привлекли три: в Эль-Пасо, совсем недалеко от Ховенвипа, рухнул в реку совершенно исправный мост, в Хьюстоне — утечка энергии на кварк-станции и в Тампа — дикая, абсолютно непонятная вспышка страстей на стадионе под грифом «антисоциальное поведение». Все три случая укладывались по времени в цепочку: Ховенвип — Эль-Пасо — Хьюстон — Тампа... И через месяц после события в Тампа — Сан-Мигел и Орхус, добавил я мысленно. И последнее событие — на Сааремаа. А между ними?

Пришлось снова побеспокоить координатора.

— Прошу такую сводку по Атлантике и Европе. Сроки те же: полгода, с января по сей день.

Через несколько минут стол выдал набор бланк-сообщений. Я прочитал сводку, выбрал события, укладывающиеся в мою гипотезу, и записал данные в память машины срочных оперативных работ. После этого соединился с начальником «Аида».

Гриффитс внимательно выслушал мои соображения, подумал, выпятив толстые губы потомственного негра.

— Не думаешь же ты,— говорил Мартин на русском медленнее, чем на родном языке,— что Зо Ли мог явиться причиной происшествий? Тем более что в некоторых случаях его алиби безупречно.

— Не думаю,— признался я.— Но совпадения слишком разительны, а последствия, в случае недооценки опасности, слишком сокрушительны, чтобы не перестраховаться.

Гриффитс кивнул, снова выпятил губы.

— Согласен. Чем могу быть полезен?

— К тебе скоро обратятся мои работники. Вполне может статься, что дело не стоит и выеденного яйца.

— Допускать мы можем только обратное, к сожалению. Можешь весь аппарат «Аида» считать в своем распоряжении.

— Спасибо, такие силы не понадобятся.

Я включил аппаратуру кабинета и несколько минут размышлял, справится ли Игнат с заданием, размеры которого он еще не представляет? Как и я, впрочем. Помощник-то из Сосновского липовый: что может знать и уметь мальчишка в девятнадцать лет? Правда, по словам самого Игната, Витольд старателен и работоспособен, а такая оценка в устах инспектора стоит многого. С другой стороны, в самом Игнате я был уверен полностью, как в самом себе. Инициативен, умен, силой бог не обделил... легче перечислить его недостатки, тем более что их, по моему мнению, всего два: любовь к сладкому и лиризм. Не сентиментальность, нет, хотя Игнат был добр и чувствителен больше, чем положено мужчине по норме, вернее, больше, чем мне хотелось; именно лиризм. Выражалось это по-разному: в любви к стихам и к музыке, в тонко подмеченной характеристике литературного произведения, в поэтичности гипотез, касающихся многих аспектов работы безопасника, и так далее. Хотел бы я, чтобы у меня был такой сын. Ромашин, сын Ромашина...

С гонгом прямой связи — я специально поставил такой зуммер на канал связи с директором — напротив возник Филипп Ромашин, директор УАСС, отец Игната. Легок на помине...

— Думаешь? — в его вопросе прозвучали утвердительные интонации.

Я молча ждал продолжения. Лицо у Ромашина-старшего жесткое, властное, по-мужски красивое, взгляд острый, холодноватый, умный. Он должен нравиться женщинам, подумал я вдруг с неожиданной для себя самого завистью, мы с ним одногодки, а выглядит он лет на семь моложе...

С Филиппом я знаком уже восемь лет, с момента моего перехода на должность начальника отдела. Он тогда был вторым заместителем директора. Уже в то время я отметил в нем качества, которые ценю в руководителе: волю, гибкое, раскованное мышление, самообладание, чувство долга и умение работать с людьми. С годами эти качества не пропадали, что только укрепляло мое уважение к Филиппу. Работать с ним нелегко, но интересно.

— Что нового по Ховенвипу?

— Намечаю контуры задания. Работать будет Игнат.

— Знаю, он мне уже сказал. Что это за организация — «Суперхомо»?

— Не знаю.

Ромашин хмыкнул.

— По-моему, одного Игната будет мало. Я еще раз просмотрел отчеты комиссии по расследованию обстоятельств гибели группы Шерстова, новое расследование необходимо форсировать.

Меня не нужно было убеждать, но и я имел в руках только отчеты той же комиссии, сводку странных происшествий с участием Зо

Ли, единственного свидетеля гибели чистильщиков, да кое-какие туманные предложения, новых данных не было. Не поздно ли я подключил Игната? Впрочем, раньше не было особых причин ворошить это дело, к тому же Игнат вернулся всего месяц назад.

— В начальной стадии расследования достаточно одного-двух человек,— сказал я.— Потом, по мере развития, буду подключать людей.

Ромашин кивнул, утвердил подбородок на сплетенных пальцах рук:

— Не нравится мне эта история... Несколько странных аварий с полумистическим финалом — и везде видели Зо Ли... Читал акт медэкспертизы? Почему так долго медики не могли определить, отчего погибли чистильщики?

— Власть авторитета.

— Как? Не понял.

— К сожалению, до сих пор встречаются случаи, когда заявление одного из корифеев считается верным априори, только потому что его сделал, видите ли, непререкаемый авторитет. Так было и в этом случае. Руководитель медкомиссии усмотрел виновником смерти чистильщиков редкий вирус, за изучение которого он лет сорок назад получил академическую степень. Вирус вызывает спастическое сокращение сердечной мышцы и почти мгновенную смерть. Слов нет, очень похоже... Профессору пробовали возражать, робко и недолго, но он сумел отстоять свою точку зрения. И лишь пять месяцев спустя нашелся медэксперт, один из оппонентов профессора, у которого остались сомнения и который решился сделать анализ и доложить о результатах.

— Ошибка с далеко идущими последствиями. Такие специалисты не должны работать в Управлении. Как назовешь дело?

Я пожал плечами.

— Может быть, «Сверхчеловек», по названию лаборатории?

— Предлагаю «Демон». Кстати, почему ты связываешь в одну цепь Ховенвип, Зо Ли и «Суперхомо»?

— Почему я связываю? — хмуро удивился я.— Разве не Зо Ли связал эти события? Что касается дела — пусть будет «Демон».

Директор кивнул, бросил короткое: «Будь»,— и исчез. Я снова остался один в кабинете, запрятанном в недрах оперативного центра УАСС, и вдруг подумал, что директору Управления действительно известно о трагедии на Ховенвипе нечто большее, чем мне, иначе он не стал бы четко формулировать название новому расследованию. «Демон»... Кто демон, уж не этот ли Зо Ли?

Я невольно усмехнулся каламбуру и посмотрел на часы: первый час ночи восьмого июля двести восьмого года.

Проходя мимо комнаты Игната, я увидел, что зеленый кружок номера светится, очевидно, кто-то из хозяев забыл заблокировать

дверной автомат. Непорядок. Я шагнул в дверь и увидел Ромашина-младшего сидящим на столе с пирожным в одной руке и стаканом молока в другой.

— Так,— сказал я.— Пир во время сна. Это же явное нарушение режима. Выйдешь из формы — уволю!

Игнат вместо ответа поставил недопитый стакан на стол, гортанно крикнул и прыгнул ко мне через всю комнату — это метров шесть — в манере школы «тигра». Я с трудом ушел от удара ногой в голову, зафиксировал ответный удар в живот, но Игнат непостижимым образом перехватил прием и ответил серией «колено-печень-шея». Ловок, шельма!..

— Ну хватит, хватит,— буркнул я, потирая шею.— Что я тебе, тренажер? Будь я помоложе... Почему засиживаешься?

— Читаю кое-какие умные документы о древних военных организациях, союзах и спецслужбах типа НАТО, Сентком-2000, Норд-армад, Пентагон, ФБР, ЦРУ, Моссад, Какурэдан и других.

— Зачем?

— Чтобы выиграть сражение, надо хорошо знать не только свои возможности, но и потенциал противника. Аксиома. Военные союзы давно вымерли, как динозавры, а мы все еще сражаемся с ними. Это сколько же ошибок надо было совершить предкам, чтобы потомки сотни лет их исправляли?

— Полегче, мой друг, полегче.— Я сел за стол, с любопытством поглядел на страницу какого-то древнего манускрипта, воспроизведенного в глубине черной панели стола; я читал эти документы лет семь назад.— Мы тоже подчас совершаем ошибки, не заботясь о последствиях. Не все предки были одинаковы, и не всем их потомкам можно судить о прошлом с позиций холодного разума. Хотя с другой стороны, не стоит забывать и о том, что человечество в недавнем напоминало канатоходца, балансирующего на тонком нерве командира одной из стратегических ракетных установок. Слова не мои. Я не спорить зашел. Поздно уже, предлагаю пойти в ближайшее кафе, посидим, поужинаем и по домам. Идет?

Игнат поколебался немного, я понял, что он кого-то ждет.

— Понимаешь,— сказал он,— мне позвонить должны.

— Часом не сестрица стажера?

Игнат изумленно вытаращился на меня, я засмеялся.

— Не переживай, это не утечка информации, а только интуиция. Девица звонила в твое отсутствие и спросила, не берем ли мы в отдел стажерами девушек.

— Дениз спросила?!

— Ну да. Я ответил, что не слышал об этом. А что тут такого?

— Ничего особенного, просто не думал, что она настолько... осмелеет, что ли.

— Мне она показалась отнюдь не робкого десятка. А ты, оказывается, не знаешь, что такое треугольник любви.

Игнат с интересом посмотрел на меня.

— Это когда третий лишний?

— Это йога. Первый угол — любовь не торгуется, второй — не знает страха, третий — не знает соперника.

— Арифметика любви? Что-то слишком рационально. Не хочешь ли ты сказать, что Дениз...

Я сделал протестующий жест.

— Ничего не хочу, разбирайтесь сами. Ну, так ты идешь?

Игнат не успел ответить, мяукнул сигнал вызова. Ну и звук! Вспыхнул виом связи. Ну, конечно, Дениз Сосновская...

Я похлопал Игната по виноватой спине — не переживай, мол, за меня, все понимаю, поздоровался с Дениз и вышел. И лишь в коридоре спохватился, что забыл предупредить Игната об осторожности контактов с Зо Ли. «Демон» не «демон», а береженого бог бережет, как говаривали встарь.

ИНФОРМАЦИЯ К РАССЛЕДОВАНИЮ. САН-АНТОНИО, МАРТ 8-208

По разработкам центра изменения погоды Северной Америки на юго-востоке Техаса в день восьмого марта должна была установиться теплая, без осадков, солнечная погода: температура до восьми градусов тепла, ветер слабый, облачность нулевая, относительная влажность воздуха — семьдесят процентов.

Утро восьмого марта в долине Сан-Антонио началось точно в соответствии с погодной программой дня, тихое, солнечное, теплое. Тем более удивительным для многочисленных жителей города, вышедших с утра в парки и скверы на зарядку, показалось событие, начавшееся без двадцати минут восемь. Привыкшие верить разработчикам погоды, жители Сан-Антонио с недоумением, а некоторые с негодованием наблюдали... снегопад!

Снег шел полосой шириной в несколько километров ниоткуда, с безоблачного неба! Он шел всего полчаса и так же быстро растаял, и случай этот, наверное, стерся бы из памяти старожилов уже на другой день, если бы не три факта. Первые — снегопад оказался полной неожиданностью и для метеоцентра, второй — несколько свидетелей явления обратили внимание на необычные ощущения, пережитые ими во время снегопада: мгновенный колющий мороз, от которого двум свидетелям стало плохо — до вызова машин «скорой помощи», а третий — удивительное видение, не поддающееся никаким объяснениям, ибо оно противоречило здравому смыслу: после снегопада над городом возникла из воздуха сияющая снежно-белая

конструкция, напоминающая гигантскую снежинку диаметром около двух километров, разве что рисунок «снежинки» не был симметричным.

Продержалась она примерно полдня — на нее любовались, не подозревая, что это такое,— и растаяла в четырнадцать часов дня, не оставив следа.

Снегопад и «снежинка» вошли в сводку необъяснимых наукой событий, как курьез работы метеоцентра, и сообщение о них было передано в спецвыпуске новостей Интервидения. В информ-банк Управления аварийно-спасательной службы оно не попало.

ИГНАТ РОМАШИН

Утро выдалось росистое, хрустальное, синее. Над логом, цепляясь за кусты ивы, стлался туман, пели птицы, и где-то в глубине лесной зоны ворочался кто-то тяжелый и угрюмый — судя по ворчанию и треску.

Я побегал по мокрой траве, окунаясь в низине в туман с головой, поискал ворчуна — он оказался громадным быком. Как он сюда попал — неизвестно,— сделал зарядку и умылся росой. Спустя полчаса я уже был в семейной столовой.

— Чья сегодня программа?

— Моя,— сказал отец.— Надеюсь, всем понравится. А ну-ка, ставь руку.

Я с готовностью уперся локтем в стол и встретил твердую руку отца. С минуту пытался сломить его сопротивление, будучи не очень уверенным в успехе: я еще помнил, как эти руки с легкостью подбрасывали меня в воздух. Мать смотрела на нашу борьбу с улыбкой, и я знал, что душа ее сейчас поделена на равные части...

Борьба закончилась ничьей, хотя мне не понравился мгновенный косой взгляд отца на мать.

— Жульничаешь? — обиделся я.— А еще директор УАСС!

Отец улыбнулся.

— Ничуть, хотя резервы у меня еще есть. А ты, брат, вырос, я бы даже сказал — возмужал. ТАМ часто приходилось использовать физику тела на пределе?

Мать, разливая дымящийся бульон, замерла.

Я взглядом показал на нее, отец виновато заморгал. «ТАМ» — означало в экспедиции. Я небрежно пожал плечами.

— Мало. За нас все делали роботы.

Я вспомнил, как в трюме головного корабля армады с оружием, которую мы догнали в семи световых годах от Солнца, сработала автоматическая защита и на группу десанта обрушился огонь «драконов»: пули гудящими белыми шмелями жалили корпус десантного

когга, прожигали металл переборок и перекрытий. Двое товарищей были ранены, третий убит пулей в голову... Если бы я не успел взорвать блок управления всей электроникой трюма, уйти в живых из бункера никому бы не удалось...

Завтрак прошел в молчании, потом я заспешил, пожелал всем творческих забот и оставил родителей выяснять ту меру опасности, которой я подвергался в полете; мама ничего об этом, конечно, не знала, но догадывалась, а тут эта неосторожная фраза отца...

В отдел я прибыл на полчаса раньше остальных сотрудников. Сосновский заявился следом и молча выложил на стол две пронумерованные кассеты к видео.

— Здесь все, что удалось узнать.

Я перестал диктовать на инфор-браслет программу предстоящих дел и вынул из копира таблетку кассеты.

— Отлично. Сейчас мы с тобой летим в Северную Америку, на место гибели чистильщиков, по дороге введешь в курс дела.

Таймфаг мгновенно перенес нас из здания главного оперативного центра УАСС в Финикс, откуда нам предстояло добираться до места еще неизвестным мне видом транспорта.

Разница во времени между Брянском, где располагалось Управление, и Финиксом составляла десять часов. В Финикс мы прибыли около шести часов вечера по местному времени, и я первым делом направился в линейный отдел американского филиала УАСС.

В отделе, занимавшем шестиэтажную башню в стиле «опрокинутая пирамида», диспетчер любезно выделил нам четырехместный триер с неограниченным запасом хода — аппарат имел устройство подзарядки от высотных, невидимых человеческому глазу энерголиний. Стартовали в седьмом часу вечера.

Я набрал курс на пульте «джорджа», как называли автопилот англичане и американцы, устроился поудобней и закрыл глаза.

— Рассказывай, что там у тебя нового. До цели минут сорок ходу.

Витольд встрепенулся — он любовался вечерним пейзажем американского континента.

— Зо Ли — малаец, родился в Пинагре. Тридцать шесть лет, рост метр семьдесят восемь, вес семьдесят два килограмма — это данные его личного дела. По образованию он инженер-механик больших интегральных систем, в «Аиде» работает уже шесть лет. Имеет феноменально быструю реакцию на опасность, спортсмен — золотой пояс по тайбо.

— Ого! — не выдержал я, и не зря. В Системе всего несколько человек имеют золотой пояс абсолютного чемпиона по тайбо. Чтобы овладеть таким поясом, надо чуть ли не со дня рождения заниматься борьбой и не пропускать тренировки ни на один день.

— Серьезный парень! Что у него за школа по тайбо, узнал?

— Школа «скорпиона».

М-да, есть чему позавидовать! Школа «скорпиона» родилась в Южном Китае более двух тысяч лет назад и была наиболее сложной и секретной. Ни одна из школ тайбо — самообороны без оружия, не могла соперничать с ней по количеству приемов и знанию нервных узлов человеческого тела, даже школа «тигра», навыки которой освоил я. Где же он проходил обучение? Может быть, и в живых он остался благодаря своим способностям?

— Продолжай.

— Собственно, это все, что мне удалось узнать. Данные паспорта... личное дело... характеристика... Он не женат, родителей нет...

— Как это нет? Он что же, в пробирке родился?

— Ну, не знаю... нет и все... я не интересовался. Разве это важно?

— Может быть. А друзья у него есть?

— Близких, кажется, ни одного.

— Кажется или точно нет?

Сосновский молчал так долго, что я невольно засмеялся, представив, как он мучается.

— Так что же ты все-таки узнал? Личное дело и характеристику можно было изучить потом.

— Еще информация о лечении Зо Ли...

— Это другой разговор, но запомни: в таком поиске, как наш, нет мелочей, и анализировать события надо со всех, даже самых неожиданных сторон. С кем ты разговаривал о Зо Ли?

— Только с заместителем начальника американского «Аида» Ларри Хемпстером. Те, кто его знал лично, сейчас в командировках.

— И что сказал Ларри?

Сосновский вздохнул.

— Он его мало знал. Сказал только, что кадровики готовили Зо Ли начальником группы, но Гриффитс назначил Шерстова, хотя в резерве стоял именно Зо Ли...

— Интересно. Зо Ли был обижен тем, что вместо него назначили другого?

— Не знаю, но Гриффитс дважды отклонял кандидатуру Зо Ли.

— Чем же он руководствовался? Впрочем, это я у него выясню сам. Итак, где же наш подопечный?

— Он две недели находился на излечении в клинике скорой помощи в Мексикан-Хате, потом в Симуширском центре нервных заболеваний, однако, пролежав там пять дней, таинственно исчез из палаты, не оставив никаких объяснений. Я побывал у его лечащего врача, привез все, что дали: диагноз, методы терапии, мнение врачей.

— Странное поведение, странное... Исчезает из лечебницы, чтобы появиться у Сааремаа... Помнишь на Сааремском пляже спокойного незнакомца? Это был Зо Ли.

На крохотной панели управления триера загорелся желтый ого-

нек, означающий конец курсограммы, аппарат плавно притормозил бесшумное скольжение.

— Мы почти у цели. Километров через сорок за рекой Сан-Хуан и начинается Ховенвип. Я сяду за управление, а ты понаблюдай за пустыней внизу.

Через несколько минут я выбрал место и посадил триер на дно неглубокого ущелья, заросшего молодыми елями, пихтами и папоротником. Под козырьком одной из стен ущелья струился ручей, вода в нем была необычного темно-орехового цвета.

— Порядок,— сказал я, пробуя готовность мышц к мгновенному напряжению,— можно выступать. Пойдем так: впереди я, метрах в двадцати сзади — ты. Сначала просто обойдем местность вокруг пещеры, потом вернемся за снаряжением. Вопросы?

— Разве здесь надо кого-то бояться?

Я внимательно присмотрелся к лицу Витольда.

— Привыкай ходить в разведку, стажер. Бояться не надо, мы на Земле, но у меня неопределенное предчувствие... короче, пойдем так, как я сказал.

У меня и в самом деле появилось знакомое ощущение скрытого наблюдения, и хотя я внимательнейшим образом осмотрел местность вокруг триера и ничего не заметил, тем не менее в интуицию свою верил и спокойным поэтому быть не мог.

Прыгая с валуна на валун, я выбрался на длинную каменистую насыпь, прошел по ней до поворота, и вдруг под ногами трускло блеснула металлическая полоска. Присев на корточки, я разгреб щебень и присвистнул. Полоса оказалась... старым рельсом, непонятным образом сохранившимся в эпоху безрельсового транспорта в таком виде, будто им пользовались вчера.

О рельсах в докладной записке экспертной комиссии не было ни слова. Или мне невероятно повезло и это след «Суперхомо», или я просто набрел на древнюю дорогу к какому-нибудь не менее древнему карьеру или руднику, и тогда это след ложный.

Рельсы, утонувшие в щебенчатой подсыпке, тянулись почти на километр, следуя изгибам ущелья, а потом нырнули в отвесную скалу, казавшуюся настоящей. Без техники делать здесь было нечего. И все же совпадение настораживало: «легальных» технических сооружений на Ховенвипе быть не могло, а все «нелегальные» так или иначе были связаны с военными организациями прошлого. Что ж, рельсовый путь, насчитывающий, по крайней мере, полтора столетия — именно столько лет назад перестали эксплуатироваться железные дороги,— появился в этой глуши неспроста.

Махнув рукой точно соблюдавшему дистанцию Сосновскому, я вскарабкался по склону ущелья наверх и попал совсем в другой мир. Надо мной нависли величественные вековые дубы, образующие сплошной тенистый полог. Подлеска в этом лесу не было совсем,

под ногой зашуршал толстый пружинящий слой опавших листьев, сквозь который с трудом пробивалась трава; листья сменились ковром из мхов. С самых громадных деревьев свисали толстые ползучие кольца ядовитого сумаха и плети дикого винограда.

Через несколько сот метров лес внезапно кончился, и я оказался на длинном скалистом обрыве, на котором бледными копнами обосновалось несколько папоротников и росли крохотные голубоватые лесные цветы.

Под обрывом влево открылось волнистое пространство низких холмов до горизонта, поросших редкими куртинами полыни, а справа тянулся стеноподобный уступ алого, с пурпурным оттенком, цвета, усеянный выемками, выпуклостями, вертикальными рытвинами колоссальных размеров. Рытвины порой складывались в сложные узоры ниш и пещер. Между обрывом, на котором я стоял, и уступом располагались странные конусы голубоватой пыли и щебня, будто ссыпанные сюда из огромных бункеров, и веяло оттуда, несмотря на вечернее время, зноем и раскаленной духотой, как из жаровни.

За уступом, высоту которого я определил метров в двести, шел хаос стенок, барьеров, башен и других замысловатых скальных образований всех оттенков красного цвета.

— Преисподняя! — сказал над плечом незаметно приблизившийся Сосновский.— Смотри, нам, кажется, сюда.

Место гибели группы было помечено металлическим шестом с флагом УАСС. Шест стоял на краю воронки, выбросившей из недр язык каменного крошева. До него было с километр, не более.

Я нашел более или менее пригодный для спуска склон и сбежал на знойную равнину, стажер без особого труда преодолел этот путь следом.

Вход в пещеру со складом бактериологического оружия находился почти под тем самым местом, где мы вышли к обрыву из леса. Он был взорван, и груда каменных обломков большим языком лизала отверстие еще одной пещеры, почти скрытой от взора несколькими особенно большими блоками.

Мы в молчании осмотрели место высадки десанта Шерстова, поднимая облачка зеленой пыли. Я обратил внимание на то, что эта пыль лежала везде и покрывала даже обломки скал и валуны. Стена обрыва, камни и холмы были изъедены необычной коррозией, отчего стали пористыми, как пемза.

Делать здесь без аппаратуры было нечего, и я уже решил было поворачивать назад — эксперты следственной комиссии, работавшей полгода назад, наверняка все перерыли,— как вдруг снова почувствовал наблюдение. Оценить, откуда пришло ощущение взгляда, было трудно, но все же мне показалось, что наблюдали из ближайшей пещеры, той самой, полускрытой обломками весом в несколько тонн каждый.

12 · Internacional · Campeão

Я зашел за один из обломков, сделал вид, что исследую его поверхность, и тихо сказал появившемуся стажеру:

— Оставайся здесь. Следи за ближайшими пещерами, да и по сторонам поглядывай, но особенно не высовывайся, уяснил?

Витольд смотрел на меня округлившимися глазами, в которых теснилось многоточие, но я не дал ему возможности выплеснуть это многоточие на язык.

— Главное, следи за мной. Мне почему-то кажется, что мы тут не одни.

Оставив стажера за камнем, я с беспечным видом направился ко входу в пещеру, посвистывая, перепрыгивая через трещины и груды более мелких камней, а сам зорко следил за тем, чтобы между мной и черным, непросматривающимся оком пещеры непременно находилось какое-нибудь препятствие.

Подъем к пещере был не крут, но мешали языки мелких и острых обломков, ступать по которым приходилось осторожно и с опаской. И чем ближе я подходил к мрачному зеву, тем меньше мне хотелось туда идти. Я остановился, всей кожей ощущая на себе чей-то внимательный взгляд, посвистел, делая вид, что заинтересовался камешком, и высунулся из-за ребристой глыбы, последней из самых крупных, упавших совсем недавно с вершины уступа.

Меня спасло мгновенное чувство опасности, возникшее остро и отчетливо. Увидеть в глубине пещеры я ничего не успел, но тут же, повинуясь инстинкту, рывком бросил тело обратно за скалу.

Вслед, из-под свода пещеры, гулко прогрохотала короткая автоматная очередь. Пули, сшибая ребра с глыбы и выбивая в ней борозды, легли впритирку к голове.

«Дьявол! — подумал я, ожидая новой очереди.— Да это же «дракон»! Автоматический ракетный карабин! Откуда он здесь?! И кто это нас так встречает?!»

Тишина наступила чудовищная, и я невольно взмолился, чтобы не психанул стажер, не выскочил из-за укрытия. Тогда мне придется переть на рожон, не имея ни одного шанса на успех,— без оружия против «дракона» не спасет ни реакция, ни физические данные, ни даже выучка безопасника.

Тишина не нарушалась ни одним звуком, и я решил попытаться обойти осыпь слева. Однако, едва я только метнулся за соседний камень, из пещеры снова ударила короткая — в пять выстрелов — очередь. Пули веером прошлись над спиной, я, холодея, почувствовал их прицельную, злую мощь.

Дьявол тебя задери! Стреляет, как снайпер! Эдак он, чего доброго, не даст нам никаких шансов довести расследование до конца. Надо уходить, пока не сорвался стажер. Тогда конец!

Я осторожно сполз назад, прижимаясь к острой каменной крошке, впивающейся в тело.

Карабин ударил на звук: пули, гудя и звеня, низким рикошетом ушли в небо.

Непохоже, чтобы он шутил,— стрелок высокого класса. Только непонятно, почему он не сменит позицию и не расстреляет нас в упор. Боится, что мы вооружены? Или это не входит в его планы?

— Игнат! — раздался невдалеке приглушенный возглас Витольда.

— Жив! Сиди и не двигайся! — быстро крикнул я.— Держи пещеру на прицеле, не давай ему высовываться!

Оружия у нас не было, но я надеялся на психологический сбой неведомого противника, дающий нам шанс уйти, и не ошибся. Из пещеры никто не появился, лишь спустя минуту карабин щелкнул дважды одиночными выстрелами и замолчал совсем.

Мне удалось пробраться к Сосновскому, бледному и возбужденному, и я жестом показал, что надо делать, когда по тебе стреляют, а ты без оружия.

Витольд, старательно вжимаясь в горячий бок скалы, пополз прочь от негостеприимной пещеры. Я пополз следом, ожидая новой очереди. Но все было тихо, словно и не было здесь никого, кроме нас двоих, словно не гремели только что выстрелы, выстрелы по человеку в начале двадцать третьего века! Выстрелы, не звучавшие на Земле более века!

— Хорош сюрприз! — пробормотал я, с сожалением разглядывая свой безнадежно исполосованный о камни костюм, когда мы взобрались на знакомый скалистый обрыв.— Но ты молодец, варяг, выдержка у тебя есть.

Сосновский, все еще возбужденный и довольный похвалой, молча протянул мне тяжелый, черный, косо срезанный цилиндрик величиной с палец.

Я подкинул цилиндр в руке: это была неразорвавшаяся ракетная пуля «дракона», так называемая «инфрапуля», способная прожигать сорокамиллиметровую броню.

— Вошла прямо под камень сзади меня,— гордо сказал Витольд.

Значит, последние выстрелы были по нему! — сообразил я и вдруг отчетливо осознал, как близко от гибели мы побывали. Холодный ручеек страха протек у меня по пищеводу. Мать Витольда никогда не простила бы мне этого, и Дениз, и отец... не отец юноши, а мой собственный отец, Филипп Ромашин, доверивший жизнь Витольда мне. Хотя сам я и не был ни в чем виноват...

— Надо было взять кое-что из снаряжения сразу,— сказал я, посмотрев на часы.— Бинокли, рации, пробойники... Учись, стажер, не делать ошибок. Пошли отсюда, ждать нечего. Нас не очень вежливо выдворили с занятой территории, и теперь необходимо подкрепление. Но едва ли мы обнаружим стрелка.

По-моему, стрелять мог только больной человек. Единственное, что оставалось по-настоящему загадочным, где стрелок достал карабин, снятый с вооружения полтора века назад. Вместе с остальным вооружением. И еще было непонятно, почему стрелок не сменил вид боя. Начни он с ракет более крупного калибра — остались бы от нас рожки да ножки!

— Значит, у него не было ракет,— резонно заметил Сосновский.

Я кивнул. Мыслил стажер логично. Достать боеприпасы к «дракону» сложнее, чем раздобыть сам карабин.

Настороженность, привычная в косморазведке, вернулась ко мне, и хотя ни глаз, ни интуиция ничего подозрительного не отмечали, я не позволил себе расслабиться.

Стрелок задал нам такую задачу своей стрельбой, что факт этот весил больше всех известных мне загадок по обстоятельствам гибели группы «Аида»...

За деревьями показался нос триера. Мы спустились в ущелье.

— Вызывать патруль? — спросил Витольд, залезая в кабину.

— Нет смысла. Придется повторить поход в полном боевом, хотя, думаю, оружие не понадобится.

Спецключом я вскрыл бронированный кубик сейфа под задним сидением триера и достал оттуда пистолет.

Через пять минут мы повторили поход, но пещера была пуста. Она уходила вглубь скального массива на многие десятки метров, вычищенная ассенизаторами до блеска, местами узкая, петлистая, переходящая в просторные залы. Мы облазили только часть ее до первого зала, обнаружив три боковых ответвления, два из которых были погребены под обвалами. Дальнейшие поиски были бесполезны, здесь требовалась целая армия поискеров с соответствующей аппаратурой типа хомодетекторов, и мы решили не тратить времени зря.

Я постоял в том месте, где прятался стрелок, поддал ногой разорванный фруст-пакет — упаковку патронов к «дракону», и опустил пистолет.

Позиция была выбрана удачно, склон осыпи, ведущей к пещере, просматривался отлично, и тот камень, за которым прятался я, не мог служить мне хорошим укрытием. Стрелок должен был снять меня первыми же выстрелами, стрелять он умел. Но... не сделал этого. Значит, просто отпугнул, и все. Потом спокойно сделал свое дело, ради которого явился, и ушел, даже не потрудившись уничтожить фруст-пакет...

— Мы ему чем-то помешали,— пробормотал я, измеряя на глаз расстояние до первых круглых каменных глыб.— Явись мы на полчаса позже — никого бы не встретили.

— Надо здесь все обыскать,— сказал Витольд,— причем с помощью больших исследовательских комплексов типа БИИМ, кото-

рыми оснащаются экспедиции Даль-разведки на другие планеты... Дай разок пальнуть, Игнат! — вдруг взмолился он.

Я поколебался, взвесил в руке «универсал», поставил планку на разряд-факел и протянул Витольду. Сосновский осторожно принял пистолет с благоговением юнца, никогда не державшего в руках оружия, прицелился и нажал на спуск. Ахнуло длинное кружево разряда, ближайшие камни разлетелись в пыль, дальние сдуло прямо к задымившимся конусам пыли. Когда пыль осела, на ставшей ровной как стол осыпи показались две блестящие нитки рельсов...

ИНФОРМАЦИЯ К РАССЛЕДОВАНИЮ. ХЬЮСТОН, МАРТ 28-208

Хьюстонская энергостанция мощностью в две тысячи альбертов обслуживала сам Хьюстон с его полуторамиллионным населением, несколько заводов зонального масштаба по производству искусственного белка, пластмасс и органосинтеза, аграрно-промышленные комплексы, а также таймфаги, транспорт района и множество мелких потребителей в виде институтов, музеев, торговых центров и предприятий бытовых услуг. Располагалась она за городом, в двенадцати километрах от порта, в сосновом бору.

Утро двадцать восьмого марта не предвещало никаких неожиданностей, обычное рабочее утро середины недели. Было пасмурно, изредка накрапывал мелкий холодный дождь — не слишком веселая погода для конца марта.

В залах управления и машинных залах дежурные инженеры и диспетчеры готовились к смене, предвкушая отдых и личную жизнь. Станция на сорок процентов работала в режиме передачи мощности, то есть в хьюстонский район шло шестьдесят процентов вырабатываемой энергии, а остальные сорок передавались в другие районы материка, где уже кипела дневная жизнь.

Начальник смены Кен Кроуфорд привычно обежал глазами панели сигнализаторов состояния, отметил, что все параметры реакторной цепи в норме, перекинулся парой фраз с инженерами связи и защиты, терпеливо коротавшими дежурство в соседних креслах, и в это мгновение над окном оперативного вывода загорелись три красных глаза и прозвенел приглушенный звонок.

Секунда, последовавшая за этим, ушла у всех троих на мгновенную проверку подконтрольных систем: натренированный мозг дежурных не требовал времени на переключение из состояния покоя в состояние готовности к действию. К выводу они пришли одновременно и действовали соответственно своим обязанностям; автоматика в подобных случаях не вмешивалась, счет шел на миллионные доли секунды.

— Второй резервный — пуск! — скомандовал начальник смены.— Утечка на базовых три и четыре. Третьему резервному — готовность!

— Центральная, Хьюстон в эфире,— сказал инженер связи.— Сигнал по зоне: будьте готовы к перебросу энергии по всем векторам отдачи, у нас утечка, причины пока неизвестны.

— Аварийной на выход! — сказал инженер защиты.— Третий и четвертый упали по мощности на ноль семь. Автоматика защиты в норме, компьютер рекомендаций не дает.

В течение последующих трех минут дежурные занимались анализом происшествий, после чего начальник смены вызвал центр управления энергосистемой южной зоны Северной Америки.

— Де-Риддер, на линии Хьюстон. Похоже, у нас нештатная ситуация. Третий и четвертый реакторы дают прогрессирующую утечку. Энерговыход в район прекратил. Отключаю оба.

— Отключайте,— отозвался Грегори Пенроуз, старший диспетчер центра.— Мы готовы. Аварийную пустили?

— На выходе, молчит. Что-то странное...

— Немедленно дай сигнал тревоги в УАСС!

Кроуфорд после двухсекундной заминки:

— Дал, будут минут через пять. Грег, третий и четвертый на нуле, но резервные тоже начинают снижать выход! Если через минуту ситуация не изменится, буду выключать станцию!

— И никаких догадок, в чем дело?

— Аварийная все еще молчит, координатор твердит о зоне поглощения энергии... дьявол! Что со связью?..

Это было последнее, что услышал старший диспетчер центра в Де-Риддере. Виом связи с Хьюстоном померк...

Спустя четверть часа от бригады спасателей, прибывшей в Хьюстон, поступило короткое сообщение:

— Станция выключена. По неизвестной причине произошел спонтанный разряд запасов активного вещества. Зал управления разрушен, есть жертвы среди персонала станции. Из здания реакторного кольца вырос «мыльный пузырь» диаметром около трехсот метров. Он колышется под ветром, внутри нечто вроде зернистой икры, каждая икринка размером с арбуз. Приступаем к изучению и ликвидации аварии...

ВИТОЛЬД СОСНОВСКИЙ

Уже второй раз меня вызывали в кабинет начальника отдела, вместе с Игнатом, разумеется, но привыкнуть к манере разговора Лапарры за такое короткое время я, естественно, не успел.

— Крайне любопытно! — сказал он, рассматривая нас по очере-

ди своими прозрачными, почти не мигающими глазами.— Каким образом «дракон» мог оказаться у стрелявшего? В наше время проще достать лучевой пистолет, чем ракетный карабин.

Игнат пожал плечами. Было видно, что его занимает какая-то мысль, однако я не настолько опытный физиономист, чтобы разбираться в выражении его лица. Да и разбираться, по сути, было не в чем: лицо Игната постоянно спокойно, внимательно и серьезно, и лишь иногда в глазах мелькают иронические или насмешливые огоньки, говорящие о наличии у него чувства юмора и сбивающие, кстати, меня с толку.

— Ну хорошо.— Лапарра включил окна кабинета.— Еще одна загадка к сонму прежних, причем тревожная. Давно мы не работали по социально опасным.

— Утечка исключается? — быстро спросил Игнат.

Лапарра исподлобья взглянул на него.

— Маловероятна. «Драконы» на Земле имеются только в трех местах: в сейфах нашего отдела, у погранслужбы Даль-разведки и в Военно-историческом музее. Из наших хранилищ утечка исключена, что касается пограничников и музея... выясните. Теперь о ваших дальнейших планах. Насколько я понял, вы не нашли ничего нового по делу группы Шерстова...

— У нас было мало времени на тщательное расследование,— сухо сказал Игнат.— В ближайшее время планируем провести на Ховенвипе поиск с помощью больших комплексов. Кроме того, выявлены любопытные детали по конфигуранту Зо Ли.

Лапарра поднял брови.

— Поиск на БИИМах? На каком основании?

— Во-первых, потому, что Ховенвип — это около шести тысяч квадратных километров горного хаоса и обнаружить точное место базирования «Суперхомо» иным способом невозможно. Во-вторых, мы со стажером обнаружили старую железную дорогу недалеко от места гибели чистильщиков, о которой в отчете экспертов не сказано ни слова, и это по меньшей мере странно, дорогу обнаружить они были обязаны.

Игнат сидел так же неподвижно, как и Лапарра, и я подумал, что они здорово похожи, не внешне — внутренне.

— Зо Ли сбежал из Симуширского медцентра еще в середине февраля, и с тех пор его никто не видел... кроме свидетелей необычных аварий и катастроф, вроде взрыва Сааремского орбитального лифта. Не появлялся он ни на работе, ни дома. Эксперты, работавшие по этому делу в январе, с Зо Ли не встречались, потому что подозревалось «бактериологическое» заражение группы Шерстова. Зо Ли, как свидетель оказался не нужен. Странно, что медики после его побега не передали дело нам. И сами, по-моему, не искали. Во всяком случае, информации об этом в их статистическом отделе нет.

— Не ходите по старым следам,— нахмурился Лапарра.— Информация о Зо Ли была закрыта, поэтому медики молчат. О побеге малайца они сообщили своевременно.

Я растерянно посмотрел на Игната, тот, прищурясь, рассматривал Лапарру, словно не узнавая. Я его понимал: мы проделали работу, которую уже кто-то проделал до нас. Почему же начальник отдела не поставил нас в известность?

— Не удивляйтесь,— хмуро усмехнулся Лапарра, понимая значение наших взглядов и молчания.— Вы не спрашивали, хотя были обязаны. Учитесь мыслить самостоятельно. Вернемся к Зо Ли. Известно ли вам, как он вел себя в клинике?

— В общих чертах. Он пролежал всего пять дней и сбежал, давай, стажер, покороче, самое главное.

Я кашлянул, вспоминая памятный мне визит в Симуширский центр нервных заболеваний...

— Понятно,— сказал главврач, рассматривая мой сертификат,— серебряный дискос с изображением Земли в ладонях и выбитым на обратной стороне именем.— Зо Ли, кажется, ваш сотрудник?

— В данный момент он свидетель,— веско проговорил я,— по очень важному делу.

Главврач удивился: получалось это у него отлично.

— Разве вам не сообщали?

К его удивлению прибавилась тревога.

— О чем?

— О том, что пациент Зо Ли сбежал из медцентра полгода назад? Он пробыл у нас на излечении всего пять дней.

Такого оборота событий я не ожидал и даже грешным делом нехорошо подумал об Игнате: он-то должен был меня предупредить. Я попытался сохранить достоинство, но по улыбке в глазах главного врача понял, что мне это удается плохо.

— Ах да,— пришел он на помощь.— Зо Ли был, кажется, из другого отдела, у него был такой же диск, но с другой эмблемой: в черном круге маленький золотой чертик.

Зо Ли действительно работал в другом ведомстве, золотой чертик в черном круге — эмблема «Аида»,— но я уже не мог признаться главному врачу, что сам пока не состою ни в каком отделе, и мой сертификат — документ стажера, а не безопасника-официала, как бы ни хотелось.

— Зо Ли — работник «Аида»,— сказал я, чтобы хоть что-нибудь сказать.— Где же он сейчас?

Главный врач медцентра развел руками.

— Извините, вопрос не по адресу. Мы в тот же день сообщили в ваше Управление об исчезновении пациента. Если хотите, поговорите с лечащим врачом Зо Ли, это все, чем я могу быть полезен.

Я вздохнул.

— Да, пожалуй. Как мне его найти?

Главврач ткнул пальцем в замерцавшее индикаторное окошко на панели селектора.

— Шоллак на приеме,— отозвался слегка картавый мужской голос.— Вацек, прими гостя. Комната двести шесть,— повернулся ко мне главврач.— Удачи вам.

Врач, лечивший Зо Ли, казался с виду моим ровесником. Глаза у него были дерзкие и веселые.

— Зо Ли поступил к нам из клиники скорой помощи,— сказал он, усаживая меня в кресло перед прозрачным окном-стеной, сквозь которое открывался вид на бухту Броутона.— Ему нужен был депрограммист, то есть психиатр, лечащий от навязчивых, внушенных идей. За пять дней, что он у нас находился, причин его болезни установить не удалось, хотя у пациента был целый комплекс маний.

— Чего? — переспросил я, озадаченный новым обстоятельством.

— Мания — это состояние болезненно-повышенного возбуждения при некоторых видах психоза или травмах мозга. Во-первых, он бредил каким-то сверхчеловеком по имени «Див», которого нельзя выпускать на волю. Во-вторых, ему казалось, что за ним следят,— так называемая мания преследования. В-третьих, всем доказывал, что он ни в чем не виноват,— это комплекс несуществующей вины. Ну и тому подобное.

— Как же ему удалось уйти в таком состоянии?

Шоллак смутился.

— Понимаете, невероятно, но факт — он каким-то образом изменил параметры регистраторов, следящих за здоровьем, и автоматы открыли дверь палаты. До сих пор не знаю, как это ему удалось!

Я попросил у Шоллака информацию о Зо Ли, которая имелась в медцентре, получил кристаллы и регистрокарту после пятиминутных дебатов Шоллака с главврачом, и покинул медцентр...

— Ум-гум...— неопределенно промычал Лапарра, выслушав меня, и посмотрел на Игната.— Зо Ли бредил сверхчеловеком... это не наш ли «Суперхомо»?

Игнат промолчал. Он всегда молчит, если ему нечего сказать. А вот у меня, увы, такого качества нет.

— Это все?

— Все.

Я виновато опустил голову.

— Мало! Неоперативно работаете. Есть древняя — ей около двух десятков веков — пословица: «Делай все не спеша, словно тебе еще жить тысячу лет, но так основательно, будто завтра умрешь».

Итак, ваши отправные точки: Зо Ли, «дракон», лаборатория «Суперхомо». Вопросы?

— Нет,— сказал Игнат, который, как и я, не видел особых причин недовольства начальника отдела.

В своем кабинете мы сели на диван и стали не торопясь потягивать тоник, думая каждый о своем.

— Ничего я что-то не соображаю,— признался наконец Игнат.— Стадия накопления тумана продолжается.

Он встал и вернул бару пустые бокалы.

— Сегодня снова будешь заниматься Зо Ли. Попробуй узнать, где он в настоящее время, что с ним, почему удрал из лечебницы, не закончив курса лечения.

— Но, может быть, это уже известно? — рискнул я возразить.— Шеф только что врезал мне...

— Во-первых, не тебе, а мне, во-вторых, выяснение местонахождения Зо Ли — наша прямая обязанность. Кроме всего прочего, разузнай о Зо Ли все, что можно, у сотрудников по отряду. Для розыска нужен его физический и психологический идентификат, а мне почему-то кажется, что придется объявлять по малайцу всеземной розыск. Задание понятно?

— Неужели информация уцелевшего свидетеля катастрофы так ценна? Его же нашли без сознания, что он может знать? Да если бы он хоть что-нибудь знал, давно рассказал бы. И вообще странно, что этим делом занялись лишь полгода спустя.

— Вот именно! — поднял палец Игнат.— Вот именно, варяг, неспроста начальство заинтересовалось этим делом повторно. Надо нам поторопиться. Я постараюсь договориться с Даль-разведкой о предоставлении нам исследовательского киберкомплекса БИИМ, завтра же прочешем всю территорию Ховенвипа. Не дает мне покоя найденная нами железная дорога.

Я нехотя встал, показалось, что Игнат поручил мне самую неответственную часть задания, но высказывать свои сомнения вслух не решился.

— Тебе привет от Дениз,— сказал я через плечо уже на пороге.— Зашел бы как-нибудь, она там ждет твоих звонков каждый день...

Я оглянулся и впервые увидел на лице Игната нечто вроде растерянности. Но я говорил правду: Дениз каждый день спрашивала меня об Игнате.

По дороге в архив я прикинул, сколько времени понадобится мне на выполнение задания, и вспомнил эту прикидку к вечеру, когда дальнейшие события показали, что свободного времени у стажера отдела безопасности УАСС в общем-то меньше, чем ему хотелось бы иметь.

ИНФОРМАЦИЯ К РАССЛЕДОВАНИЮ. ТАМПА, АПРЕЛЬ 12-208

Двенадцатого апреля в День космонавтики тампасский стадион «Грин фиал» был заполнен с утра: спортивный праздник, посвященный началу проникновения человека в космос, собрал триста тысяч жителей города и многочисленных гостей центра туризма Флориды.

К шестнадцати часам над городом установилась прекрасная «летняя» погода. Синоптики превзошли самих себя: солнце сияло вовсю, ветер стих, воздух прогрелся до двадцати градусов. Стадион пел и смеялся, ждал основного события — футбольного матча между сборной города «Тампа» и испанской «Барселоной».

Матч начался в шестнадцать десять под гул голосов и музыкальные аккорды: болельщики всех времен и народов мало чем отличаются друг от друга.

На двадцатой минуте защитники «Барселоны» остановили нападающего «Тампа» недозволенным приемом в пределах вратарской площадки. Стадион взорвался свистом и криками, судья остановил игру, но вместо того чтобы наказать виновных, дал свисток в пользу Барселоны, усмотрев нарушение со стороны защитников команды хозяев поля. Часы над стадионом показывали половину пятого.

Стадион, недовольный решением судьи, ревел. И в этот момент все триста пятьдесят тысяч болельщиков ощутили волну холода, странное будоражащее волнение, нетерпение, гнев и десятки других негативных эмоций. Стадион превратился в ад!

Тысячи зрителей ринулись на поле, давя друг друга, набросились на судью и игроков. Тысячи других кинулись защищать этих последних, свалка росла, грозя перерасти в невиданное по масштабам побоище. Работники стадиона, отвечающие за общественный порядок, попытались вмешаться в события, но были сметены в первую же минуту. Над стадионом повис многоголосый рев разъяренной толпы — явление, чрезвычайно редкое для начала третьего коммунистического века.

И почти никто из болельщиков, присутствующих на трибунах, не заметил странных световых эффектов над чашей стадиона, на высоте шестисот метров...

Когда к стадиону примчались машины «скорой помощи» и городского линейного отдела УАСС, волна холода, а с ней и волна отрицательных эмоций пошли на убыль. Опомнившиеся болельщики с недоумением начали оглядываться, приводить себя в порядок, искать виновника переполоха. К счастью, судья остался жив...

А над стадионом таяла полупрозрачная фигура — нечто вроде гигантской когтистой лапы — не то облако, не то след капсулы метеоконтроля...

В три часа дня я вспомнил о своем предположении, нуждающемся в проверке, и, внутренне его отвергая, все же решил перестраховаться.

— Я, кажется, забыл выключить дома утюг,— обратился я к соседям по комнате, с утра занятым расчетами и моделированием какой-то аварийной ситуации.— Если шеф начнет искать — буду через полчаса как штык.

— Нам и так надоело отвечать, что тебя нет,— поднял голову от панели драйвера один из инспекторов, Дайнис Пурниекс, флегматичный, белобрысый, в распахнутой на груди рубашке.— Кстати, час назад он тебя искал весьма настойчиво.

— Зачем? — поинтересовался я.

— Очевидно, затем, чтобы еще раз дать втык за оперативность,— сказал суровый Аристарх Видов, снимая с головы эмкан.

— Ну у вас и осведомленность! — Я с любопытством посмотрел на Видова.— Прямая связь с бункером начальника отдела?

— Стараемся,— отозвался Аристарх.

— Если серьезно, то тебе в помощь придается военный историк из СЭКОНа.— Дайнис аккуратно закатал рукава рубашки.— Очень красивая женщина, зовут Люция.

Я озадаченно пожал плечами: новость была из разряда неожиданных и не совсем приятных.

В это время мягко прозуммерил координатор связи комнаты, и динамик интеркома проговорил голосом Лапарры:

— Игнат, спустись в холл к седьмому информу.

— О! — выпрямился Дайнис.— Сейчас и получишь.

— Да ну вас! — Мне было не до шуток.

В громадном холле, отделанном под инму — китайское «дерево с туманными картинами» и криип — искристый лунный базальт, я подошел к стойке седьмого информа, еще издали увидев Лапарру. Рядом с ним стояла поразительной красоты женщина в летнем костюме, который во все времена назывался сафари. Смуглая, с фигурой и грацией богини, с волосами, схваченными у затылка рубиновым обручем и свободно падающими за спину. Глаза дерзкие и предостерегающие одновременно, черные, как пространство, губы крупные, четкого рисунка и без малейших признаков косметики. Вкус недурен. И по всему видно, шутить не любит.

— Знакомьтесь,— буркнул Лапарра.— Ромашин-младший.

— Игнат,— слегка поклонился я.

— Люция,— подала руку незнакомка. Я не решился целовать ей пальцы, почувствовал, что выйдет не слишком по-светски.

— Люция Чикобава — военный историк,— продолжал Ян.— Бу-

дет работать в твоей группе по делу «Демон». Я введу ее в курс дела, ты сообщишь подробности.

Приказ есть приказ, оспаривать его бессмысленно, да я и не стал бы. С женщинами в одной связке я не работал, да еще с такими.

— С Инструкцией отдела вы хорошо знакомы? — спросил я, невольно глядя на ее губы, и получил в ответ короткий изучающий взгляд.

— Достаточно.— Голос у нее был гортанный, бархатистого тембра, глубокий контральто.— Я вижу, вы не рады. Но это решение директора вашего Управления. Если не возражаете, встретимся вечером. В восемь вас устроит?

— Вполне.

— Тогда до встречи. А у вас, Ян, я буду в шесть.

Люция повернулась и пошла по залу к одному из выходов, а мы молча смотрели ей вслед.

— Она пять лет работала в погранслужбе,— сказал Лапарра через минуту.— Имеет степень историка-универсалиста, хорошая спортсменка.

— Похожа на индонезийку. Больше вы с отцом ничего не могли придумать? Я же завалю задание.

Лапарра фыркнул.

— Шутишь, значит, все в норме. Ну, будь, встретимся в девять.

Он пошел к лифту, а я, размышляя о высших законах, соединяющих людские судьбы, поднялся на седьмой горизонт Управления, в зал таймфага.

Станция таймфага занимала весь седьмой горизонт южного крыла здания. Так как работникам Управления приходится переноситься во все точки земного шара и за его пределы на планеты Солнечной системы и других звезд, то и станция пассажирского ТФ-сообщения была самой крупной для официальных организаций: зал таймфага занимал площадь в тридцать тысяч квадратных метров, и располагалось в нем полторы тысячи кабин.

Я нашел свободную кабину, набрал код Москвы и через секунду вышел из таймфага Басово, на площади Славы. От площади до моего стодвадцатиэтажного дома идти всего полчаса, но я все же взял такси — в сердце закопошилась тоскливая, как ненастье, тревога.

Дома оказался отец — разговаривал в гостиной по виому, переодетый в домашний халат. Рано он сегодня.

Я прошел в свою комнату, открыл стенной шкаф и хмыкнул. Потом переложил из угла в угол виброласты, флайтинг для глубоководной охоты, пакет надувной лодки с баллончиком газа, пакет со значками и орденами, который я так и не удосужился отдать однокашнику, тихо присвистнул и уставился в пустую нишу: «дракона» в шкафу не было.

— Пришел? — весьма оригинально отреагировал отец, появляясь на пороге.— Что ищешь?

Я оглянулся.

— Па, ты из моего шкафа ничего не брал?

— Нет, конечно, это же твой шкаф.

— Понимаешь...— Я почесал переносицу.— Домой из полета я принес кое-какие трофеи, думал удивить друзей... ну, и до сих пор не сдал облачение. Короче, пропал мой карабин.

Отец с интересом посмотрел на меня и заглянул в нишу.

— Пропал «дракон»? Ты хоть представляешь, что говоришь? Везде искал? Может быть, оставил в тире?

— Я не ходил с ним в тир, не успел. Он был здесь.

— А если мать переложила?

— Зачем? — Я снова принялся перекладывать вещи, уже зная, что карабина в шкафу не найду. Предчувствие не обмануло меня. Еще на Ховенвипе у меня мелькнула мысль, что по мне вели огонь из моего собственного карабина, но тогда я лишь посмеялся над собой. Вот, значит, где стрелок его достал!

Отец, прищурясь, ждал объяснений, и я вкратце пересказал ему события на Ховенвипе, опустив кое-какие подробности нашего с Витольдом отступления. Он слушал молча, с непроницаемым лицом, но я-то знал его хорошо, почти как себя.

— А патроны? — спросил он, когда я закончил.— У тебя же их не осталось.

— Патроны он мог достать в другом месте... тем более что не перевелись на свете безголовые разини, вроде меня. Никогда не думал, что такое может случиться.

Не произнеся ни слова, отец вышел из комнаты.

— Ты явно не представляешь, что произошло,— донесся из кухни его голос.— Звони немедленно Лапарре, иначе рискуешь вылететь из отдела.

От неожиданности я выронил рубашку и, переодеваясь на ходу, зашел на кухню, изумленно уставился на отца, набиравшего программу ужина на домашнем комбайне «Комфорт-8».

— Ты серьезно?

Отец, не оборачиваясь, повел лопатками.

— Вполне может быть, что ты вооружил какого-то маньяка, которых все-таки иногда рождает человечество. В таком случае ты подверг риску ни в чем не повинных людей.

Я медленно вернулся в комнату, размышляя над словами отца, вдруг подумал: а ведь для того, чтобы взять карабин у меня, сотрудника отдела безопасности, надо быть очень информированным человеком! Сверхинформированным! Надо знать, что я был в экспедиции под кодовым названием «Погоня», что вернулся и привез карабин и что не сдал его вовремя в сектор учета... Кто мог знать такие под-

робности? Только «Умник» — главный оперативный компьютер отдела...

Я выдвинул из стены пульт домашнего координатора и набрал телекс отдела. К счастью, Ян был на месте. Я рассказал ему то же, что и отцу.

— У меня даже мысли подобной не возникало! — угрюмо проговорил Лапарра.— На кой ляд тебе карабин? Ты же не коллекционер. Да и куда смотрел сектор учета, хотел бы я знать?! Будто у меня забот не хватает...

— Кто же мог предполагать...

— Ты мог, обязан был предполагать, не опускайся до оправданий. За то, что не сообщил о карабине учетчикам, ты свое получишь, как и они, что не потребовали. Давай в отдел, будем думать, как выкручиваться из положения.

Я вспомнил скалы Ховенвипа, мерзкий посвист пуль, влипавших в камень рядом с телом, и понял отца. И Лапарру. Карабин «дракон» в руках маньяка — это пострашнее стихийного бедствия!

— Уходишь? — окликнул меня отец, продолжая колдовать на кухне. Вмешиваться в разговор с Яном он не стал.

— Извини, ты, кажется, прав, па, я в отдел.

— А что я матери скажу?

— Ты же видишь, в какое положение я попал. Придумай что-нибудь, скажи — пошел в спортзал.

Я вздохнул, представив, как огорчится мать — в последнее время мы почти не встречались по вечерам, и шагнул за порог. Вечер я себе испортил окончательно. И не только себе...

ИНФОРМАЦИЯ К РАССЛЕДОВАНИЮ. АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН, РАЙОН ПОДВОДНОЙ ГОРЫ РОККЕВЕЙ. АПРЕЛЬ 28-208

Невидимая глазу холодная масса воздуха диаметром около двух километров опускалась с неведомых высот к океану. Чем ниже она опускалась, тем интенсивнее охлаждался воздух, зона низких температур расширялась, закручивалась, выдавливая теплые слои воздуха к американскому материку и порождая барометрические волны — инфразвук с частотой в доли герца.

Первые слабые толчки воздуха достигли автоматических датчиков синоптической сети и включили режим повышенной опасности. Дежурные геопатруля главного центра изменения погоды Северной Америки с любопытством приняли сообщения автоматов и принялись за проверку данных. Они еще не догадывались, в чем дело, да и не могли догадаться: программа погоды над Атлантикой не пре-

дусматривала глобальных изменений в течение ближайших суток, а так как кроме людей никто не мог вмешаться в программу, то по мысли дежурных, сведения о зарождении тайфуна были просто интересным казусом, сбоем в цепи автоматической сети регистраторов.

Между тем область холодного воздуха все увеличивалась, скапливаясь над поверхностью океана и закручиваясь все сильнее в спираль. Ветры из-под ее основания устремились к берегам материка, поднимая зыбь на спокойной доселе глади воды. Первый смерч образовался спустя полчаса после падения «массы холода» — невероятно быстро, по меркам метеорологов. Затем образовались еще два смерча. Захватив гигантские массы воды, они слились в один и превратились в глаз тайфуна устремившегося в сторону Африки, постепенно наращивая скорость.

Лишь через двадцать минут опомнившиеся дежурные метеоцентра выслали к восточной окраине Северо-Американской котловины истребители ураганов. Битва с тайфуном длилась пять часов, почти ночь, поэтому никто из пилотов-истребителей не заметил необычных эффектов, сопровождавших «глаз тайфуна» до его распада.

Причин возникновения необычайно холодной массы воздуха, которая и породила тайфун, отыскать не удалось. Загадка тайфуна «Роккевей» вошла в сводку происшествий климатологов Академии наук Земли и была похоронена под слоем других информационных сообщений, требующих дополнительного анализа.

ВИТОЛЬД СОСНОВСКИЙ

С высоты в четыреста метров Ховенвин выглядел иначе, чем с горизонтали земли. Я долго разглядывал хаос кроваво-красных, причудливо-чудовищных гребней, фестонов и шпилей, среди которых проглядывали иногда ровные столообразные участки, и меня все больше увлекала красота этого дикого уголка природы, не тронутого, хотя бы внешне, руками человека. Теперь нам предстояло разобраться в том, что же люди соорудили в глубинах этих гор и ради чего они когда-то посягнули на такую неповторимую ни в одном из районов Земли красоту.

— Не налюбовался? — подошел ко мне Игнат. С ним был невысокий, но плотный — этакий крепышок-боровичок — начальник летающей лаборатории БИИМ-3 по фамилии Юранов. У начальника были седые виски и совершенно ледяные глаза.

— Красиво,— сказал я, невольно краснея.

— Вид хорош.— Юранов бросил взгляд вниз, как прицелился.

Летающая лаборатория — шестиугольная платформа размером с треть поля зимнего стадиона, накрытая прозрачным изнутри куполом, медленно дрейфовала на юго-восток над заповедником Ховен-

вип. Десять человек ее команды готовились к пуску аппаратуры научно-исследовательского комплекса.

— Итак, что мне вводить в программу? — обратился к Игнату начальник БИИМа.— Какова сфинктура объекта?

— Сфинктура?

— Что, незнакомый термин? Ввели его около двухсот лет назад и происходит он от слова сфинкс. Обозначает степень загадочности объекта, качественные характеристики его таинственности.

— В таком случае, сфинктура плато Ховенвип — искуственные сооружения в его недрах: тоннели, машины, аппаратуры, кабели связи и волноводы, энерговоды и тому подобное.

— Годится. Этот комплекс проходит последние полевые испытания перед заброской дальней звездной, и ваш запрос решили удовлетворить в первую очередь. После Ховенвипа нам предстоит работать под водой — это уже заказ археологов.

Они направились по кольцевому коридору ко входу в центральный зал лаборатории, разговаривая на ходу. Я поплелся сзади, с одной стороны, захваченный потрясающей дикой красотой Ховенвипа, а с другой — осознающий свою ненужность на борту этого летучего агрегата.

Зал лаборатории был круглым, с прозрачным потолком и мерцающими стенами от работавшего вхолостую панорамного виома. У пульта управления интеллектронными системами сидели операторы в черно-голубых комбинезонах с короткими рукавами. Напротив входа в зал в сплошном кольце виома выдавалась ниша, в глубине которой прятался еще один пульт и кресло. Юранов направился к нише и поманил нас за собой.

— Это пульт пилота и начальника исследовательской группы. На время испытаний командую парадом я. Садиться не предлагаю — некуда, так что придется потерпеть.

Начальник сел в кресло, привычно ткнул палец в квадрат сенсора общего включения.

— Внимание! Сфинктура третьего типа, класс подземный, степень опасности не определена, принимаем индекс АД-01. Готовность три минуты.

Я с любопытством выглянул из ниши в зал. Операторы лаборатории уже надели ежастые шлемы эмканов, по залу разбежались, словно рассыпанные горстью, странные звуки: попискивания, тоненькие звоночки, шелесты, басовитые тихие гудки.

— Людей внизу нет? — оглянулся начальник лаборатории.— Можем ли мы использовать жесткую компоненту в излучении интравизоров?

— Людей внизу быть не должно,— сказал Игнат, подумал и добавил:— Но полностью гарантировать не могу. Наши патрули, конечно, прочесали Ховенвип с утра, перед запуском БИИМа, но...

— Понятно.

Юранов не спеша натянул эмкан и вдавил красный грибок кнопки в углу пульта. Над лесами и горным хаосом Ховенвипа разнесся вопль сирены.

Прозрели стены ниши, исчез зал за спиной, мы оказались висящими в воздухе без опоры. За то время, пока длился наш разговор, лаборатория добралась до холмистой серой равнины, почти лишенной растительности.

— Откуда начнем? — обернулся Юранов к Игнату.

Тот нашел глазами участок плато, от которого мы успели удалиться на несколько километров, и кивком указал на него.

— Вернемся к уступу, видите? Оттуда можно пойти по разворачивающейся спирали. Местность там уже обследована, однако новые данные не помешают.

— Разве здесь уже работал БИИМ?

— Работали эксперты с обычной переносной аппаратурой, и, как мне кажется, участок захватили недостаточный для всестороннего анализа.

Юранов повернул лабораторию назад, и через несколько минут мы снова очутились над стопятидесятиметровой стеной, испещренной узорами выбоин, трещин и пещер. С высоты было особенно заметно, что стена отделяет каменные джунгли от джунглей лесных.

— Ориентир — белый флаг слева, у двух пещер.

На пульте метнулись световые стрелы и сложились в красную надпись: «Пуск программы». Снова над скалами раздался грозный вой сирены.

В зале, отделенном от нас призрачной стеной светозавесы, звуковая обстановка не изменилась, но мне показалось, что воздух вокруг странно загустел и завибрировал на грани слышимости, и где-то внутри меня родилось ощущение тревожного напряжения гигантского копья, нацеленного в спину из зала и готового вот-вот сорваться и ударить...

Я поймал оценивающий взгляд Игната и криво улыбнулся, хотя обмануть его, конечно, не мог.

— Не пугайтесь,— не оборачиваясь, произнес начальник БИИМа, в то время как руки его бегали по сенсорной клавиатуре пульта.— Включилась АРЗ. С непривычки ощущение не из приятных.

Я расшифровал аббревиатуру АРЗ как «антирадиационная защита» и успокоился.

Лаборатория прошла над стеной. Из зала за спиной донеслись оживленные голоса операторов. Я из любопытства высунул голову из-за светозавесы и удивился: зал тонул в темноте, лишь напротив каждого пульта, слабо освещенного призрачной иллюминацией индикаторов, светились экраны дисплеев, не рассеивая мрака уже на расстоянии ладони.

Внезапно лаборатория замедлила движение.

— Девятый, Левченко! — резко окликнул начальник лаборатории.— Ваш канал выпал из резонанса, извольте не зевать!

— Автомат отрабатывает повышение радиационного фона,— отозвался невидимый Левченко обиженным тоном.— Прошу две минуты на качество топосъемки.

— Следите внимательней за изменением рельефа. Даю две минуты. Всем остальным — повтор серий.

Юранов жестом поманил Игната. Я тоже придвинулся ближе.

— Посмотрите-ка, это вам знакомо?

На черной, доселе непрозрачной панели справа от пульта, проявился странный светлый узор, похожий на рисунок червяка-древоточца на коре дерева.

— Штреки?

— Система пещер, в которой некоторые естественные ходы соединены искусственными тоннелями. Глубина самой нижней пещеры около ста шестидесяти метров.

Игнат некоторое время рассматривал изображение, потом покачал головой в сомнении:

— Никак не сориентируюсь...

— Это флаг,— ткнул пальцем в панель Юранов.

Игнат кивнул. Судя по всему, ему было интересно, а мне становилось скучно.

Словно почувствовав перемену в моем настроении, Игнат посоветовал мне пройти в зал, а Юранов, откровенный и лаконичный, как скальпель хирурга, добавил:

— Там у входа есть кресло наблюдателя, подключитесь к машине, отвечающей за синтез полученных сведений и отмечающей к тому же все выявленные элементы искусственности вашего объекта. Если же не хотите терять время — берите машину и летите по своим делам. Работы у нас часа на три-четыре, плюс обработка результатов поиска. Закончим — сообщим.

Игнат поразмышлял, посматривая на мою удрученно-ждущую физиономию, и принял последнее предложение.

— Не очень романтическая профессия,— сказал он в пинассе, глядя на уплывающую от нас лабораторию, похожую на отломившийся снежный купол одной из гор,— Да, стажер?

— Не очень,— пробормотал я, чувствуя угрызения совести. Думал я в это время о своей профессии и о том, что доминантой спасателя во все времена было терпение. То есть именно то, чего мне не хватает. Игнат, конечно, об этом не скажет, но подумает, ушел-то он из лаборатории из-за меня. Хотя, с другой стороны, дел у нас достаточно, а начальнику БИИМа мы были не нужны.

— Вот это уж точно! — сказал вдруг Игнат одобрительно.

Я не особенно удивился. Видимо, снова утратил контроль над лицом, врагом моим.

Мы сделали круг над голубоватыми холмами пыли, и вдруг взгляд Игната остановился. Что он там увидел, внизу?

— Черт побери! — раздельно сказал Игнат.— Как же это я с первого раза не заметил?

Я не успел ничего спросить, как мы уже пикировали вниз и через минуту головокружительной карусели приземлились на обрыве возле букового леса. И только выйдя из кабины пинасса, я понял, в чем дело.

Деревья в лесу неестественным образом были искривлены, наклонены в сторону обрыва. Вернее, не искривлены, а как бы расплавлены и раскатаны — других терминов не подберешь — в плоские языки, доскообразные стены, изогнутые лопасти, усеянные наплывами и утолщениями. Ветви деревьев тоже изменились, превратились в канделябры и фестоны, а листья вытянулись в длину и походили на зеленые перья с жемчужным отливом.

Игнат обошел несколько «буков», дотрагиваясь до них рукой, присвистнул и присел на корточки. У ног его начиналась россыпь каких-то мелких зеленых пузырей, густо усеявших взгорбок обрыва.

— Знаешь, что это такое? Догадайся.

Я подошел, неосторожно наступил на один из пузырей, и тот превратился в мокрое пятно.

— Тише, медведь! Это трава, понял? Жди меня здесь, попробую вызвать бригаду экспертов-биологов. Такого, брат, мы еще не видали.

Я кивнул, ошеломленный настолько, что был в настоящий момент только зрителем, а не помощником инспектора безопасности.

ИНФОРМАЦИЯ К РАССЛЕДОВАНИЮ. ОСТРОВ САН-МИГЕЛ, АЗОРСКИЕ ОСТРОВА. МАЙ 12-208

Остров Сан-Мигел ничем не выделяется из островов Азорской островной гряды. Гористый, с обилием термальных источников, он суров и не слишком приветлив и требует постоянного внимания со стороны Атлантического сектора УАСС Земли, потому что входит в сейсмически активную зону земного шара.

Три сейсмостанции, установленные на острове, контролируют малейший шорох в его недрах, и уже больше века в районе Азор не случается мощных землетрясений и вулканических взрывов: аварийные бригады геопатруля вовремя предотвращают попытки бунта земных недр.

Известно, что активность недр не проявляется внезапно, прежде

чем родиться землетрясению или вулкану, идет долгая подготовка в глубинах астеносферы и мантии земли, на границах континентальных глыб и срединных океанических хребтов — в местах разломов земной коры. Земля уже давно была окутана глобальной сетью автоматических сейсмостанций и вычислительных геокомплексов, выдающих долговременные прогнозы поведения недр во всех точках планеты; машины, как правило, ошибались редко. Но то, что случилось двенадцатого мая на острове Сан-Мигел, ни автоматы, ни люди предусмотреть не могли.

В полдень сейсмостанции острова зарегистрировали необычные электрические явления в районе кальдеры вулкана Фурнаш, расположенного в его восточной части. Пока озадаченные диспетчеры геопатруля сверяли сводки по Атлантике с поступившим сигналом, в недрах Сан-Мигела зародились странные звуки, сопровожаемые вибрацией, с амплитудой в десятые доли миллиметра. По всем признакам, вот-вот должно было начаться извержение вулкана, в то время как карты прогнозов выдавали на ближайшие сутки и вообще на год вперед полнейший штиль в районе Азор.

Спустя полчаса скрипы и участившиеся подрагивания почвы на всех островах Азорской дуги показали, что давление лавы ближайшего к поверхности океана магматического очага превысило допустимую норму и лава начинает пробиваться из глубин по древнему жерлу вулкана Фурнаш. Еще через пять минут последовал первый громовой удар неожиданно проснувшегося вулкана.

Когда к Азорским островам прибыли модули геопатруля, остров Сан-Мигел был окутан тучей пепла, дыма и пара, сквозь которую пробивались факелы пламени и языки лавы, сползавшие в океан.

После двухчасовой схватки стихия покорилась людям, вулкан успокоился, дым рассеялся и взорам спасателей предстал удивительный новый ландшафт острова: из свежего поля лавы торчали изъязвленные порами каменные клыки — все, что осталось от конуса вулкана Фурнаш. В радиусе километра поле лавы тоже было пористым и покрытым зеленоватым налетом. Такой след оставляет ТФ-космолет, стартующий с поверхности земли в рейсовом режиме. А из центра лавового поля торчал странный предмет: не то искореженная ферма какого-то моста, не то скелет апокалипсического зверя длиной в километр!

Из двухсот жителей и отдыхающих на острове удалось спасти только сто семьдесят девять человек. Трое из них умерли по пути в клинику на Азорах от внезапной остановки сердца, остальные твердили о жутком холоде, предшествующем извержению, о «чудовище, пляшущем над вулканом», о необычном беспричинном страхе, охватившем их перед извержением, и о прочих странных вещах...

ИГНАТ РОМАШИН

Результаты разведки, проведенной над Ховенвипом с помощью беркомплекса БИИМ, которыми оснащали дальние звездные экспедиции, стали известны только к вечеру.

По своему личному каналу я получил кассету, разобрался в сопроводительном послании. Всего в кассете было пять кристаллов. Три из них содержали записи физико-геологических свойств плато Ховенвип, в четвертом были витейры — цветные объемные снимки подземного мира Ховенвипа, выполненные в различных диапазонах электромагнитного спектра, в пятом — обнаруженные объекты искусственного происхождения, вернее, их изображения.

Отработав обязательную дневную норму физподготовки: час — разминка и тренировка гибкости и подвижности мышц, час — доведение до автоматизма приемов тайбо,— я позвонил домой, сказал, что задержусь, создал в кабинете вечернее освещение и сел в кресло, смакуя возникшее чувство соприкосновения с тайной.

Первый витейр отображал всю сложную систему подземелий Ховенвипа. Я сравнил новый снимок с имеющимся в архиве и сразу заметил отростки тоннелей, неизвестные ранее. Но не это привлекло мое внимание: на схеме пересекающихся извилистых ходов горели огоньки найденных искусственных объектов. В основном — прямые тоннели, одетые в бетонно-броневой каркас, но были и другие находки: бункера, трубопроводы, камеры, какие-то агрегаты и машины. Кое-что из этого было уже исследовано в процессе следствия по делу погибших чистильщиков — ряд пустых камер вокруг бункера с бактериологическим оружием, стены и военные машины, однако я нашел и совершенно новые объекты, о которых ни документы архива, ни материалы следствия ничего не упоминали. Например: странная полость в форме идеального шара, рядом бункер, соединенный с полостью металлической трубой, сложный агрегат в узком каменном мешке — скорее всего, старинный термоядерный реактор, станция с электропоездом — недалеко от того места, где мы с Витольдом нашли в ущелье рельсы. Все эти находки группировались примерно в четырех километрах от места гибели чистильщиков, немудрено, что эксперты не смогли полностью разгадать тайну Ховенвипа, скрытую скальной толщей в полтораста метров. Больше всего меня заинтересовала шаровидная пустая полость, к которой подходили пучки труб разного диаметра и десятки кабелей. Эвакуированный центр управления всем подземным хозяйством лаборатории? Стендовый зал? Полигон?

— Отлично! — сказал я вслух, встал и, разминаясь, заказал в баре горячее молоко. Ян будет доволен. Сначала дикая биологическая аномалия с буковым лесом на плато, теперь подземельная лаборатория. Интересно, что скажут ученые мужи о причинах лесных

изменений? Мутации? Генетический дрейф? Так быстро лес не мутирует. Ну и задачка! А «Суперхомо» гораздо более мощная организация, чем мы думали. Восемь квадратных километров площади, около двадцати шести километров подземных выработок! И все это ради... ради чего? Какой такой «сверхчеловек» создавался в лаборатории? Какими путями? «Био», «физико» или «психо»? И почему даже в архивах Пентагона и «Сентком-2000» о лаборатории — ни слова? Почему только в одном-единственном документе, из тысяч других сверхсекретных, есть указание на отчисление «Суперхомо» ста восьмидесяти миллионов долларов? За что? За какую «научную» деятельность?..

— Так,— сказал я и с удовольствием отпил несколько глотков горячего молока.— Умели предки держать тайны в секрете.

Просмотрев остальные снимки, я вернулся к шаровидной пещере. Этот подземный зал занимал меня все больше, но, как известно, на песке догадок не построишь фундамент факта, а отправных пунктов для цепи логических умозаключений я пока не нашел. Стадия накопления тумана в деле «Аид-117» продолжалась.

Я прикинул в себе степень несоответствия желаний и возможностей для дальнейших плодотворных размышлений, как вдруг почувствовал на себе чей-то мгновенный взгляд. Ощущение тут же прошло, но я уже знал, что в кабинете я не один. Кто-то абсолютно бесшумно вошел в комнату и остановился у двери, настороженный и опасный, как боль в сердце. Он был достаточно опытен — взглянул на меня лишь раз, зная, что прямой взгляд тут же выдает наблюдателя, и все же он не учел моего опыта.

Пока я допивал молоко, нарочито медленно, ощущая на губах не вкус молока — вкус тревоги и прикидывая, что лучше: прыгнуть к стене с сейфом или упасть на пол,— вошедший приблизился и остановился за спиной.

В следующий миг мягко мурлыкнул вызов интеркома. Одновременно с ним я нанес удар ногой в пространство за спиной, попал, получил ответный удар в шею, ослабленный наклоном, отскочил и оглянулся. У двери мелькнул человеческий силуэт, дверь бесшумно пропустила его и сомкнулась. Я потрогал гудящую шею, удар был нанесен по всем правилам тайбо — прием «косой флинт», и если бы я не уклонился с ответным ударом,— лежал бы сейчас без сознания у стола, а таинственный незнакомец не торопясь сделал бы свое дело.

Я швырнул стакан на пол, запоздало кинулся к двери.

В конце коридора успел заметить мелькнувшую тень — человек нырнул в лифт и был таков, догонять его не имело смысла.

Я постоял в коридоре, унимая дыхание, вытер лицо ладонью и усмехнулся. С ума сойти можно! На Земле, в самом надежном и спокойном месте, в Управлении аварийно-спасательной службы,

застрахованном от всех и всяческих случайностей, подвергнуться нападению! Расскажи кому — не поверит!.. Или это чья-то неудачная шутка?

Сквозь открытую дверь снова послышался сигнал вызова: автомат знал, что я из здания не выходил и был настойчив. Я закрыл дверь, прошел к столу. Звонила Люция.

— Извините, ради бога.— Я развел руками.— Я не смог вернуться к восьми, был на Ховенвице. Вы знаете, что там обнаружена, говоря словами экспертов, аномальная интуссусцепция букового леса?

— Знаю.— Люция сдержанно улыбнулась.— Вы сможете меня принять сейчас?

«Уже поздно»,— хотел было сказать я и тут же мысленно обругал себя устрицей.

— Конечно. И простите, пожалуйста, больше не повторится.

Звонила она, по-моему, из спортзала: из-за зеленой стены декоративного домашнего кустарника слышались удары по мячу, возгласы, смех и плеск воды.

— Бывает.— Люция снова улыбнулась.— Вы чем-то расстроены?

— Скорее озадачен.— Я невольно оглянулся на дверь.— Тут у меня побывал странный посетитель... Сколько вам нужно времени, чтобы добраться до Управления?

Она поняла подтекст моего вопроса: одета она была в пушистую полупрозрачную кофточку и отливающие металлом брюки — костюм для прогулки, а не для работы, я снова мог оценить красоту Люции, красоту зрелую, сильную, властную и тревожную,— и ответила: «Десять минут».

— Жду,— сказал я, взглянув на часы.— Комната номер 21.

Я выключил работающий проектор, собрал рассыпавшиеся кристаллы информсообщений и положил в сейф. Поднимая стакан с пола, неожиданно обнаружил под креслом маленький значок: в черном круге золотой чертик. Эмблема бригады «Аид».

Хмыкнув, я подкинул значок на ладони и спрятал в карман. Интересно, как прореагирует на мое заявление Лапарра? Шеф, скажу я, на меня кто-то покушался, но, увидев, как мощно я пью молоко, перепугался и скрылся в неизвестном направлении. А для отвода глаз подкинул значок «Аида»... Иди, отдохни день-другой, скажет в ответ затравленный моим юмором Лапарра, и я пойду, вдохновленный... Может, все-таки кто-то просто пошутил?

Я вспомнил удар в шею и покачал головой. Такими вещами не шутят. И все же не верится, что это всерьез. Цель? Какова цель этого дурацкого нападения?..

Я сел на диван и расслабился. Десяти минут вполне достаточно для возвращения спокойствия и рабочего тонуса.

ИНФОРМАЦИЯ К РАССЛЕДОВАНИЮ. ОРХУС, ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ЮТЛАНДИИ. МАЙ 26-208

К концу двадцать второго века город-порт Орхус, расположенный на восточном побережье полуострова Ютландия, славился как один из немногих городов-музеев Земли. Фахверковые дома Орхуса представляли собой редкое сочетание образцов древнего зодчества — внешне и современного жилищно-бытового обеспечения — внутри. Жители города пользовались привилегией собственноручно ухаживать за его архитектурными памятниками и содержать их в чистоте и первозданном виде. Именно памятники архитектуры, такие, как романо-готический собор, церковь Фру-кирке, комплекс зданий «Старого города», и привлекали в Орхус многочисленных любителей старины и ценителей древнего искусства архитектуры.

Вечером двадцать шестого мая на улицах, площадях и в скверах города было много отдыхающих, в основном пожилых, любящих тишину, уют и неторопливость бытия. Многие собирались у видеорам послушать последние новости в мире, другие неторопливо прогуливались по улицам-лабиринтам старого Орхуса, встречались с друзьями, обменивались мнениями по поводу последних событий науки, техники и спорта. И лишь один человек из тысяч прохожих выделялся своим неадекватным моменту поведением. Он был напряжен, постоянно оглядывался, то и дело смотрел в небо сквозь какой-то прибор с окулярами и решеткой антенны. На него обращали внимание, но не трогали: мало ли чем может заниматься увлеченный делом человек. Но по тому, как он действовал во время происшествия, начавшегося в девятом часу вечера, можно было понять, что только он один и знает причину этого происшествия.

Все началось с резкого похолодания. Зона холода захватила центр города и двинулась в сторону залива Орхус-Бугт.

Вместе с похолоданием к людям пришло чувство тревоги, неуверенности, желания бежать и прятаться, многих охватил беспричинный страх. Стоило одному крикнуть в испуге, как паника завладела улицей, другой и захлестнула город.

А затем в порту взорвался прогулочный лайнер «Дания», перед отплытием насыщавшийся энергией из ближайшего воздушного энергоканала. В результате взрыва пострадали ближайшие к заливу кварталы города, а стоящие у причалов катера и яхты были выброшены на берег гигантской волной.

Трагедия разыгралась буквально в течение пяти-шести минут. Патрули УАСС прибыли в порт спустя четверть часа и работали до ночи, туша пожары и спасая пострадавших при взрыве. Они первыми стали свидетелями поразительного явления: спустя несколько

минут после взрыва в центре залива сформировалась необычная фигура, напоминающая громадный гриб сморчок. Пока шли спасательные операции, «гриб» достиг километровой высоты и застыл, накренившись, над городом на сравнительно тонкой ножке. Был он сделан словно из мутного стекла и рисунок узора на его боках — из-за чего он и походил на сморчок — медленно и непрерывно менялся. Наутро он съежился, ножка «гриба» сократилась и увлекла его под воду.

КИТ ДУГЛАС, ИНСПЕКТОР-ОФИЦИАЛ АМЕРИКАНСКОГО ФИЛИАЛА «АИД»

Когда нас вызвал Мартин Гриффитс и сказал, что нужна помощь чистильщиков, он ни словом не обмолвился, какая работа предстоит. А через час мы с Фарди выгружались на южной оконечности Ховенвипа, в смешанном буково-дубовом лесу. С воздуха я заметил, что небольшой участок леса оцеплен и в нем полно людей, но счел это естественным явлением. Встречал нас высокий, широкоплечий парень с малоподвижным лицом и цепкими серыми глазами. Говорил он по-английски безукоризненно и я поначалу не смог угадать его национальность, что меня поразило: в таких делах опыт имею немалый. Передвигался парень несколько необычно, словно крадучись, и в то же время совершенно нескованно, и я последним штрихом этим определил в нем профессионала-безопасника: ребята туда подбирались лучшие из лучших, по всем параметрам, хотя, хочу отметить, что и в «Аиде» работают не хлюпики.

Парня звали Игнат Ромашин. Русский. Я с опозданием вспомнил, что у директора Управления тоже фамилия Ромашин, хотел спросить — не родственник ли, но удержался. Работал он, как я и думал, в отделе безопасности. Его напарниками были двое: красивая смуглянка по имени Люция, военный историк, и совсем мальчишка, стажер, смущенный осознанием своей непрофессиональности и потому готовый пойти в огонь и в воду,— дай только ему команду. Впрочем, мне он понравлся, а вот я ему едва ли — ростом не вышел.

Что поделаешь, в детстве я немало натерпелся из-за своего роста, да и сейчас метр семьдесят два — рост нормального двенадцатилетнего парнишки. Но в работе это не мешает, а что касается личной жизни... я знаю, по крайней мере, одну женщину, для которой малый рост не имеет никакого значения.

Ромашин быстро ввел нас в курс дела. Фарди начал было по обыкновению ворчать, поглядывая на Люцию, но я его остановил. О «Суперхомо» я ничего не слышал, но случай с группой Шерстова на этом проклятом Ховенвипе еще был достаточно свеж в памяти.

Наверное, я никогда не устану меряться силами со злым гением предков, создавших чудовищный военно-промышленный комплекс, следы которого то и дело вскрываются под пластами времени.

Я не приверженец тринадцатого пункта Инструкции спасателей, именуемого в просторечии среди асов-спасателей пунктом «срам» — сведение риска к абсолютному минимуму, тем не менее, прежде чем идти в атаку на подземелья Ховенвипа, продумал с Ромашиным все варианты возможных осложнений. В том, что неожиданности будут, я не сомневался. Фарди тоже. Причем он высказался об этом весьма недвусмысленно — такая у него была манера поведения. Ромашин, кажется, тоже понимал толк в таких вещах, но я чувствовал, что у него есть свое мнение насчет целесообразности риска, и я Фарди не поддержал, хотя впоследствии пожалел об этом.

Мы пригнали из Мексикан-Хата грузовой катер с необходимым снаряжением и материалами, в том числе, с установкой направленного взрыва и роботом-универсалом. Затем определили первый маршрут и установили вокруг намеченной зоны маяки, высвечивающие в воздухе при появлении человека грозные надписи: «Стой! Опасно для жизни! Работает «Аид».

В десятом часу утра приступили к выполнению плана. Проникнуть в сеть подземных ходов решили в ущелье, где Ромашин показал старую железную дорогу, сохранившуюся благодаря микробиологической консервации.

— Пойдем таким образом: впереди я, потом Фарди, потом вы, Игнат,— сказал я сухо, ожидая возражений со стороны Ромашина; обычно неспециалисты спешат проявить свою храбрость и показать презрение к опасности, но в «Аиде» это не проходит. Вопреки моим ожиданиям Ромашин спорить не стал, только пожал плечами, и я вздохнул с облегчением: он, очевидно, тоже угадал во мне профессионала и тем самым укрепил мое мнение о нем. Приятно работать в такой компании, на редкость молчаливой, но оперативной.

— Сначала надо пробить дорогу,— сказал вечно угрюмый Фарди, исследуя скалу, в которую упирались рельсы. — Вероятно, когда-то скала поворачивалась на шарнирах и открывала вход, но теперь ее придется взрывать.

— Может быть, поищем механизм? — робко предложил стажер. Ромашин полушутливо называл его варягом, парень внушал уважение своими габаритами.

— Потеряем время, да и управлялся вход, скорее всего, централизованно, изнутри. Я, пожалуй, начну с разрядника, Кит?

Фарди взял гравитудный разрядник — широкий черный диск на рукояти, подсоединил к нему энерговод и направил диск на скалу.

Я жестом предложил остальным отойти.

Звонкий удар потряс теснину ущелья, поверхность скалы покрылась частой сеткой трещин. От серии невидимых силовых шлепков

скала стала расползаться грудой обломков, облако дыма и пыли скрыло под собой машины и Фарди с его грозным оружием. Только иногда в перерывах между грохотом гравитационных залпов доносилось его не менее мощное чихание.

Наконец канонада стихла, пыль осела, и Фарди, серо-белый от пыли, как мельник, привел в действие робота, похожего на помесь металлического паука и осьминога. Робот принялся разгребать кучу щебня, оставшуюся от скалы. Вскоре мы увидели черный зев тоннеля. Это был именно тоннель — искусственный ход в глубины каменного щита Ховенвипа. Диаметр его я определил в три метра. Перебравшись через груду неубранного полностью щебня, я заглянул под своды тоннеля, и у меня отпало всякое желание идти туда.

— Пожалуй, в первую вылазку пойдем только мы двое,— сказал я Игнату.— Незачем рисковать всем. Что это? — Я заметил в руках стажера маленький серебристый конус.

— «Светлячок»,— сказала Люция.— Индикатор опасности. Выдается косморазведчикам. Штучка на молектронных чипах и биоточных датчиках. Нацепим на всякий случай?

Я поколебался немного, не очень-то верю в микротехнику психопрогноза, но значок взял.

— Фарди, пойдешь сзади, для страховки, а Витольд и Люция останутся на готовности у входа.

В начале тоннеля поставили робота и включили его прожекторы. Под сводами тоннеля все звуки усиливались и приобретали металлический оттенок, словно стены его были сварены из металлических плит. Клацание шагов рождало дребезжащее эхо, уносящееся вперед, в темноту, куда не доставали лучи прожекторов робота. Две нитки рельсов уходили в эту темноту, как в воду, отблескивая в свете прожекторов словно вчера отполированными плоскостями.

Я мельком посмотрел на «светлячок» — тот уже замерцал малиновым угольком, оценив степень опасности подземелья,— и тут же забыл о нем, интуиция еще раньше начала подавать тревожные сигналы, ничего нового «светлячок» добавить не мог.

Пройдя всего около полусотни метров, тщательно просвечивая каждый метр тоннеля, мы наткнулись на преградившую путь решетку, сваренную из металлических прутьев толщиной в палец. Я старательно осмотрел ее, не касаясь руками, хотя электрических полей приборы не отметили, и отошел к замершему Игнату.

— Боюсь, при ликвидации решетки сработает какая-нибудь ловушка, не раз сталкивался с коварством древних военно-защитных систем.

— Но уничтожать ее придется, иначе не пройти. Или есть другой выход из положения?

Я вздохнул. Хорошо, если ловушки рассчитаны на случайного

искателя приключений, но если они предназначены для активной защиты при нападении противника — о последствиях такой защиты можно только догадываться.

Подошел Фарди с роботом, и мы втроем облазили тоннель у краев решетки с интравизорами и анализаторами источников энергии. Скрытой проводки не обнаружилось, похоже, решетку отпирали и закрывали вручную. А может, секрет входа в подземелье был сложнее, чем казался на первый взгляд.

Поднимая диск разрядника, я вдруг услышал тоненький... детский плач! Замер с поднятой рукой. И только потом понял, что «плачет» индикатор опасности на груди, «светлячок». Хмыкнув, я с минуту размышлял, чувствуя растущую тревогу, потом решительно отослал ворчащего Фарди с Игнатом поближе к выходу, стал под защиту робота и снова поднял разрядник. Прозвучал резкий, как щелчок кнута, удар «плоского» импульса, вырванная из гнезд решетка отлетела в глубь тоннеля, со свода посыпались куски отслоившегося бетона. В тот же миг глыба бетона над нами стала мягко оседать вниз, где-то близко зашипел сжатый воздух.

— Поле! — скомандовал я роботу и метнулся к выходу, не дожидаясь, пока обрушится весь коридор.

Робот послушно включил силовой «зонтик» и дал мне возможность избежать каменной могилы. Увидев меня бегущим, Игнат и Фарди сориентировались надлежащим образом, и мы втроем выскочили под открытое небо. Словно дождавшись этого момента, в глубине тоннеля сверкнуло неяркое пламя — защита робота не выдержала. Вздрогнули скалы, внутри горы с тяжелым гулом что-то рушилось и падало. Отбежав от дыры, мы смотрели на вырвавшееся из отверстия тоннеля облако пыли и молчали. Гул стих, и стало слышно, как Фарди делится сам с собой впечатлениями от бега и что он думает по поводу хитроумия древних вояк. Но оказалось, что еще не все окончено. В тот самый миг, когда Фарди выдохся, в теле горы словно вздохнул великан: качнулись стены ущелья, из тоннеля вылетел хриплый рык, хрип, стон, затем длинный и торжественный грохот обвала. Скала над входом в тоннель медленно съехала вниз, словно клином закупорив трехметровое отверстие.

Пыль, поднятая новым катаклизмом, осела, установилась пугливая птичья тишина.

— Все! — сказал Фарди и сплюнул.— Нарвались на ОСОТ.

Игнат посмотрел на меня вопрошающе, и я пояснил:

— Общая система охраны тайны, наш узкоспециальный жаргон.

— Надо было работать по всем правилам,— продолжал Фарди.— Здесь на неделю одной только подготовки... а теперь застрянем на месяц, если не больше, пока будем разбирать завалы.— Он махнул рукой.— Что будем делать, Кит?

Игнат с виноватой полуулыбкой взял меня под локоть.

— Это я виноват, хотел все сделать быстро... хотя все равно повторное расследование обстоятельств гибели группы Шерстова надо было начинать отсюда. На земле — только намек на тайну их гибели, остальное под землей. Понимаете?

Я понимал. Случай с группой 117 был беспрецедентным по масштабам, в таком количестве чистильщики не гибли ни в одной из операций. Выходит, не только меня одного не удовлетворили объяснения экспертов, если спустя полгода делом «Аид-117» занялся отдел безопасности.

Игнат правильно понял мой взгляд.

— В этом деле много странного,— подтвердил он.— Итак, придется работать по полному профилю?

— Да уж придется,— буркнул Фарди.— Только на скорый результат не рассчитывайте. Если сработала ОСОТ — входы в подземный лабиринт завалены все до единого и пробиться к интересующим вас объектам будет нелегко. Черт бы побрал все эти лаборатории!

Мы одновременно посмотрели на скалу, скрывшую за собой вход к загадкам «Суперхомо».

ИНФОРМАЦИЯ К РАССЛЕДОВАНИЮ. СААРЕМАА. ИЮНЬ 8-208

Сааремаа — это наполовину пляж, наполовину порт рыболовных судов-автоматов, плюс базы отдыха и скансены — музеи под открытым небом. Пляж занимает все юго-западное побережье острова и замыкается, с одной стороны, причалом прогулочных яхт и базой виндсерфинга, с другой — рабочей зоной орбитального лифта. Лифт снабжает спутники Приземелья в основном продукцией сааремского рыбозавода.

Орбитальный лифт — это комплекс эстакад, складов, платформ для погрузки и разгрузки магнитопланов, станций обслуживания и собственно лифт с его энергохозяйством.

Все началось с непривычных ощущений у операторов управления лифтом.

Первым пожаловался на недомогание оператор связи — самый старший по возрасту из обслуживающего персонала. Потом и остальные почувствовали похолодание и беспричинный страх. Однако это не помешало им продолжать работу: времени на анализ собственных ощущений ритм работы лифта не оставлял.

Техника реагировала на необычное условие более резко.

Сначала ощутимо упал энергопотенциал основного столба лифта, соединяющего старт-камеру на земле и финиш-камеру на орбите. Снизился энергопоток на обе камеры. Автомат включил резерв, но одновременно с этим — редчайшее совпадение! — отключилась на-

грузка. Энергия устремилась в накопитель, состоящий из набора пакетов так называемого квазижидкого металла. Накопитель не выдержал перегрузки, в канале лифта, соединявшем спутник и вокзал на Сааремаа, произошел разряд, и на стартовый стол величиной с две цирковых арены обрушился реактивный удар силой в два миллиона тонн! Ударная волна разнесла в щепы вокзал и служебные пристройки. Семь человек обслуживающего персонала лифта не успели даже понять, что произошло.

Но до пляжа ударная волна не дошла, хотя от лифта до берега по прямой было всего около четырех километров. А потом из догоравших зданий комплекса с шипением полезли вверх белые ростки, утолщаясь, расширяясь и пенясь. Через несколько минут над лифтовым хозяйством воспарили радужные, полупрозрачные, с необычайным рисунком... стрекозиные крылья! Они гнулись от ветра и шевелились, как живые, пока не срослись боками, превратясь в колоссальную наклонную плоскость.

ИГНАТ РОМАШИН

В кабинете Лапарры находился его заместитель Анатолий Первицкий, худой и узловатый, как ствол саксаула. Глаза у него запрятаны под нависшими надбровьями, и кажется, что он смотрит, как из колодца, настороженно и оценивающе. Кстати, мужик он мировой.

Лапарра ходил по кабинету, сунув руки в карманы и вглядываясь в светящийся изнутри пол. Первицкий неподвижно сидел за столом и что-то читал.

— А-а,— поднял голову Ян, заметив меня, и остановился.— Явился, не запылился. Так что там у вас стряслось?

— Обвалы,— коротко ответил я, пожимая руку Первицкому.— По-видимому, сработала ОСОТ лаборатории, все выходы из системы подземелий, известные нам, завалило одновременно.

— Этого следовало ожидать.— Лапарра снова пошел кругами по кабинету.— Неподготовленный «штурм унд дранг» еще никогда не выручал спасателей.

— ОСОТ, кажется, по терминологии чистильщиков, система охраны тайны? — тихо спросил Первицкий, отрываясь от чтения.

Я кивнул.

— Пункт «срам» инструкции у тебя, кажется, не в почете... Сядь, Ян, чего мечешься?

Лапарра остановился, озадаченно посмотрел на заместителя, подумал и сел у стола.

— Что же теперь, начнешь разбирать завалы?

— Слишком долго и нет гарантии, что в тоннелях не осталось

ловушек. Нет, я начну проходку шахт сверху, прямо к интересующим объектам. Завалы тоже придется разбирать, но в последнюю очередь. Ты говорил с Гриффитсом? Тех двоих, что он дал, мне мало.

— Будет сколько надо. Главное, определить — есть ли какая-нибудь связь между деятельностью лаборатории «Суперхомо» в прошлом и гибелью чистильщиков в настоящем. Свежая информация от биологов есть? Что они успели определить?

— Практически ничего. Разводят руками и рвут остатки волос на головах. То, что произошло с буками и дубами, совершенно невероятно с их точки зрения. Вопросов ко мне больше нет?

Лапарра и Первицкий переглянулись.

— Как Люция? — помедлив, проговорил Ян.

— Почти никак. Мы редко видимся, она в основном пропадает в архивах, но отдачи нет. Пользы тоже.

— Польза будет, особенно когда вы проникнете в лабораторию. Она хороший мастер своего дела. Тебе есть новое задание. Два часа назад возле Пскова произошла авария на атмосферном заводе. Эксперты уже там, тебе придется связаться со старшим комиссии и выяснить все, что удастся.

— Почему именно мне? А Ховенвип?

— Авария произошла странная, симптоматика ее очень схожа с катастрофой лифта на Сааремаа.

— Ну и что? Авариями занимаются линейные отделы, зачем впутывать туда еще и нас? Не проще ли позвонить в техсектор после расследования и узнать подробности?

Лапарра молча смотрел в угол кабинета. Первицкий качнул головой. Я ответил ему вопросительным взглядом. Честное слово, экивоки начальства на странность некоторых аварий находились пока для меня под горизонтом событий. Лапарра уже второй раз намекал на какую-то связь между открытием «Суперхомо», трагедией на Ховенвипе и случаем на Сааремаа. Какая между ними может быть связь? Да еще новое событие — авария на атмосферном заводе... Не люблю разбирать ворох недомолвок, особенно если не вижу, куда клонит начальство. С другой стороны, Ян учил меня строить цепь доказательств параллельно цепи интуиции без ссылок на мнения авторитетов — дабы у самого не создавалось предвзятого мнения до окончания расследования. Выходит, в данном случае я тоже должен думать сам?

— Хорошо,— сказал я.— Лечу в Псков. Карабин не нашли?

— Пока нет.— Лапарра посмотрел на заместителя и тот сказал:

— Ищем. Установили контроль за боезапасом к «драконам». Кстати, сегодня утром кто-то пытался проникнуть в сейфы пограничников Даль-разведки.

Я вспомнил загадочного посетителя, пытавшегося на время вывести меня из строя, и мне стало не по себе. Во взгляде Первицкого

ясно читались укор и сожаление: он не мог примириться с тем, что такую оплошность с карабином допустил достаточно опытный инспектор-официал. Я внезапно понял, что оба моих непосредственных начальника вынуждены теперь исправлять чужие промахи. Мои промахи!

— Ступай,— сказал Лапарра.— Стрелок никуда не денется. Если он умный, стрелять больше не будет. Вторая попытка применить карабин — это конец его свободе.— Ян слегка усмехнулся.— Разобрался, как он попал в дом?

— Элементарно — через окно. Летом они у нас не закрываются.

— Хорошо, иди. «Дракон» мы отыщем, не подведи в главном.

Лапарра не объяснил, что считает для себя главным, но я и так понял. Было бы обидно для нас обоих, если бы Ян переменил свое мнение обо мне.

Уже на пороге меня окликнул Первицкий.

— Игнат, постой.

Я обернулся.

Анатолий смотрел на Лапарру, а тот смотрел на меня, и было в их молчании нечто такое, отчего мне снова стало не по себе.

— Что с вами? — удивился я.— Словно боитесь сознаться в собственных грехах. Или случилось что-то еще?

— Пока нет,— пробормотал Лапарра.— Но может выясниться, что в аварии под Псковом замешан человек...

— Не так,— поправил Первицкий.— Может случиться, что во время, предшествующее аварии, или во время ее там видели...

— Зо Ли,— с иронией вставил я.

Молчание, наступившее вслед за моими словами, многое бы подсказало подготовленному уму, но я торопился уйти и мысли мои были заняты предстоящим делом.

Наконец Ян вздохнул, перестал взглядом сверлить во мне дырку и неопределенно мотнул головой:

— Я думал, ты и в самом деле догадываешься... Короче: вполне может статься, что у атмосферного завода перед аварией крутился именно Зо Ли. Так вот, этот человек опасен! Выводы сделай сам.

Я кивнул и вышел.

В голове стоял туман, рожденный не обилием сведений, а обилием недомолвок и тем смыслом, который вкладывали в них мои уважаемые начальники. Впрочем, эта мода была мне знакома, отец не раз помогал мне решать логические задачи как в школе, так и в жизни именно таким путем.

В Псков я добрался в четвертом часу дня. Заметив на Синегорской площади полосатый триер технической службы УАСС, я подошел, и водитель, откликнувшись на просьбу, быстро домчал меня к месту происшествия.

Атмосферный завод — это круглая платформа диаметром около

сотни метров, накрытая решетчатым куполом, и служит он для поддержания стабильного состава воздуха тропосферы и озонового слоя стратосферы. Маршруты таких заводов рассчитываются заранее, а компьютеры ведут их туда, куда прикажут люди.

Этот завод не плавал в воздухе — лежал на брюхе, придавив всей массой молодой подлесок на берегу реки Великой, и являл собой печальное зрелище, нечто вроде раздавленной черепахи. Но не это привлекло мое внимание в первый же момент. Из-под брюха завода вытягивался странный хвост — корявая черная труба, диаметр которой по мере удаления от завода возрастал, причем возрастал скачками: метра два тянется труба толщиной с пинасс, потом утолщение, снова падение диаметра и снова утолщение, но уже больше прежнего. Труба пересекала реку, ни на что не опираясь, и конец ее грозно смотрел в небо исполинской пушкой, а стенки трубы сплошь усеивали гнезда шипов в метр длиной.

Возле завода стояли четыре аппарата: два пинасса — такие же полосатые, как и доставивший меня триер, третий — красно-синий триер линейного отделения УАСС Псковской области и куттер экспертов Управления.

Человек пятнадцать в костюмах спасателей ковырялись у смятого ударом о землю кожуха завода и возле гигантской трубы, еще четверо что-то выясняли между собой. Один из собеседников, широкий, плотный, с крупным мясистым лицом, глянул на меня вопрошающе из-под тяжелых век. Я скромно поздоровался и представился.

— Младен Лилов,— ответил он, оказавшись начальником экспертной комиссии. Его спутниками были научники, специалисты научно-технического центра Управления.— Что привело вас сюда? — Лилов кивнул остальным и отвел меня в сторону.— Не вас лично — отдел?

Я кивнул на трубу.

— И эта штука тоже. Я был свидетелем аналогичного случая на Сааремском орбитальном лифте. А когда такие совпадения повторяются с разрывом всего в несколько дней, приходится отрабатывать тринадцатый пункт Инструкции...

— «Срам»,— пробормотал Лилов,— в приложении к безопасникам. Разумно. И все же, что именно вас интересует?

— В первую очередь — причина аварии и подробности. Во-вторых, эта труба. Свидетелей нашли?

— Их всего двое, место, как видите, здесь не очень оживленное. Мы их давно отпустили.

— Координаты дадите?

Лилов позвал через плечо:

— Шарафутдин, подойди на минуту.

Подошел высокий смуглый парень.

— Дай координаты свидетелей.

Парень с любопытством посмотрел на эмблему спецсектора на рукаве моей куртки и отошел.

— Причина? — продолжал Лилов.— Причина, к сожалению, неизвестна. Тут вы правы: случай чем-то похож на аварию с лифтом. Я там не был, но знаю. Пойдемте в куттер, расскажу, как это было.

Мы уселись под дымчатым колпаком кабины куттера, повеяло приятной прохладой.

Авария на атмосферном заводе — дело почти невероятное, настолько завод напичкан всякого рода системами защиты и безопасности. Однако авария все же произошла. Случилось это так.

Завод на высоте двухсот метров пересекал неширокую реку Великую, как вдруг резко возросло энергопотребление гравитационных двигателей. Платформа пошла на снижение, автомат защиты мгновенно повысил расход энергии на двигатели, но это не помогло — энергия словно утекала в бездну. Последовал полусекундный анализ ситуации всеми наличествующими на борту завода «кибермозгами», координатор принял решение выстрелить контактный волновод к ближайшей энерготрассе, чтобы избежать катастрофы; энерготрассы — невидимые потоки энергии, обегающие Землю и сплетающие всеобщую энергосеть, в районе Пскова были расположены на километровой высоте, казалось бы — ткни в небо и попадешь.

Однако решение координатор принял правильное, но капсулу волновода выстрелил в... землю, под себя! А затем завод массой около двухсот тонн рухнул на берег реки...

— Ну и ну! — сказал я, когда Лилов закончил.— Внезапный «шизофренический синдром» мозга завода? Или одна из случайностей, подвластных только теории вероятностей?

Лилов взглянул на меня из-под каменных век:

— Может быть, случайность, а скорее всего, координатор в момент выполнения решения был обесточен. Труба же, по словам свидетелей, выросла сразу после падения завода.

Лилов оглянулся на экспертов, ползающих возле трубы со своей спецтехникой.

— Уже есть результаты?

— По трубе никаких. Масс-детекторы, как и детекторы полей и частиц, молчат. Материал трубы науке не известен. Единственное, что доступно исследователям, это возможность ощутить ее материальность: на ощупь она твердая и холодная. Что касается завода... там сейчас работает бригада двигателистов и энергетиков. Посудите сами — куда могла деться энергия МК-батарей? Допустить спонтанный разряд энергии в землю мы не можем, на этом месте образовался бы приличный кратер. Разряд в воздух? Был бы повы-

шен радиационный фон... Ничего этого нет. В то же время завод полностью лишен запасов энергии, МК-батареи превратились в пыль, словно кто-то высосал из них весь гигаваттный ресурс!

Лилов поморщился и отвернулся.

Я его понял. Если эксперт не может разгадать причину аварии, это не только задевает его профессиональное самолюбие, но и ложится пятном на техсектор УАСС. Такие случаи были редки, но поднять настроение Лилова подобное соображение не могло. Как и эксперта Ларина, расследовавшего причины катастрофы на Сааремском лифте. И того, кто расследовал причины гибели чистильщиков на Ховенвипе. Не слишком ли много «редких» случаев за последние полгода?

— Спасибо,— сказал я.— Значит, по-вашему, причина аварии — мгновенная утечка энергии в...

— В подпространство,— с иронией закончил Лилов.— Утечка куда? Абсурд! Поговорите с физиками, может быть, в районе Пскова мы открыли новое физическое явление?

Шутка начальника экспертной комиссии была из разряда невеселых.

К нам подошел тот же парень по имени Шарафутдин и протянул белую пластинку звукозаписи.

— Адреса и телексы свидетелей аварии.

Поблагодарив, я обошел завод кругом, постоял рядом с трубой, потрогал ее черную стенку: твердая, шершавая, не холодная и не теплая, но ощутимо материальная. Зато шип, вырастающий из трубы, оказался «студнеобразным»: при касании он вдруг потерял свои очертания, расплылся желеобразной массой и лишь через несколько секунд восстановил форму.

— Вот именно,— проговорил Лилов, наблюдая за мной.— Кстати, обратите внимание.— Он подвел меня к лесной опушке, где тоже работали эксперты. Я застыл, изумленный.

То, что я издали принял за сосны и ели, таковыми не являлись. То есть, несомненно, они были когда-то деревьями, но в данный момент представляли собой карикатуры на деревья, сплющенные, изуродованные, скрученные неизвестной силой в декорации к неизвестному спектаклю. И в то же время они были зелеными, пропитанными соками, живыми.

— Любопытно,— медленно проговорил я, вспоминая Ховенвип. И слова Лапарры о том, что события на Ховенвипе могут быть связаны с событиями на Сааремаа.— Весьма любопытно, если не сказать больше. Что ж, изучайте, мне нечего сказать, кроме... вы, случайно, не верите в колдовство?

Лилов шутку не принял, хотя я не очень-то и шутил. Назад меня вез на триере все тот же Шарафутдин, высадил на окраине Пскова, в зону действия городской транспортной сети и умчался.

После ужина я первым делом отправился по указанным адресам свидетелей аварии на атмосферном заводе.

Первый из них, инженер-строитель Вадим Волкобоев, жил в самом Пскове, в старинном — ему было не менее полутораста лет — многоэтажном доме, первом из модульных зданий нового типа. Правда, в сравнении с современными зданиями дом выглядел несколько помпезно — все же вкусы современников отличались от вкусов строителей полуторавековой давности, да и материалы изменились, тем не менее дом был своеобразен — нечто напоминающее гроздь винограда и неплохо вписан в ландшафт старинного города, города-памятника.

В день аварии Волкобоев работал с комплексом роботов-диггеров на расчистке левого берега Великой — предполагалось соорудить здесь пляж и водный стадион для одного из детских учебных городков Пскова.

Проверив запуск программы и убедившись, что кибер-комплекс начал работу, Волкобоев собрался искупаться, и в это время почувствовал охвативший его холод. К холоду прибавилось еще и ощущение невосполнимой потери — абсолютно чуждое натуре Волкобоева ощущение. Инженер осмотрелся и увидел, как над рекой, метрах в двухстах от него, атмосферный завод, к которому он привык, как к детали пейзажа, вдруг накренился, клюнул носом и врезался в берег реки.

— Ну я и побежал,— закончил Вадим, пожилой, полный, с залысинами.— Переплыл, значит, реку, думал, может, спасу кого... не знал, что завод без людей. Одного, правда, встретил. Странный такой парень, быстрый, а лицо какое-то... равнодушное, что ли, безразличное. Я ему — привет, есть кто живой? А он увидел меня, обежал завод, значит, кругом, и исчез. Вот и все, собственно. Потом подбежал второй, Сергей, кажется. Тут полезла эта труба, с шипением таким жутким... мы и вызвали ваших...

Я уже успел оценить способность хозяина делать в квартире уют. Исподтишка, во время его рассказа, пытался составить психологический портрет, отгадать главные черты характера, но то ли проницательности не хватило, то ли отвлекали мысли о случившемся, то ли Волкобоев был сложнее, чем казался на самом деле. Так и не запомнилось мне в нем ничего существенного, кроме словечка «значит».

— А ощущения ваши «морозные» когда пропали? — спросил я.

— Да вы знаете, не помню. Когда плыл — было холодно, это точно, а потом...— Волкобоев пожевал губами.— Не до ощущений, значит, было.

Я кивнул, вспоминая свои ощущения на Сааремском пляже. Лапарра был прав, почерк аварии не заводе почти полностью совпадал с почерком катастрофы на орбитальном лифте. Ощущения холода,

таинственное исчезновение энергозапаса завода и утечка энергии на лифте... Разве что финалы аварий не совпадали: колючая труба, выросшая за минуту, совсем не походила на «стрекозиные крылья». А вот волшебное превращение леса в зоне аварии — это уже ниточка к Ховенвипу. Прав Ян и в том, что направил меня в Псков, это дополнительные данные к расследованию. Надо срочно послать стажера на Сааремаа, там тоже должна появиться сила, изменяющая растительность.

— А роботы ваши? — вспомнил я.— Продолжали работать без вас?

— В том-то и дело, что нет. Прихожу, а комплекс стоит, автомат защиты вырубил, значит. До сих пор ломаю голову — по какой причине. Пришлось восстанавливать питание.

— Скажите, а в лес на другом берегу реки, где упал завод, вы не заходили?

— Я там все исходил, люблю грибную охоту.

— И ничего особенного до аварии не замечали?

Волкобоев недоуменно поднял брови.

— А что я должен был заметить? Лес как лес...

Так, ясно, что лес претерпел трансформацию во время или после аварии, иначе Волкобоев заметил бы.

Я достал кнопку витейра Зо Ли, сдавил пальцами, и между нами возникла объемная фигура чистильщика.

— Вы этого человека видели у завода?

— Его,— кивнул Волкобоев,— только одет он был по-другому. А что? Он-таки виноват?

— Скорее всего, он, как и вы, оказался там случайно. Но интересно было бы поговорить с ним. Встретите, сообщите мне, пожалуйста, вот номер.

Попрощавшись с инженером, я отправился по другому адресу, хотя было уже довольно поздно. Разговор с Сергеем Поздняковым не занял много времени. Он подтвердил все то, о чем говорил Волкобоев, разве что субъективные его ощущения были несколько иными: он, например, после падения завода видел над рекой странные картины — не то летящие огненные языки, не то громадных светящихся птиц. Одна из «птиц» снизилась возле завода и превратилась в шипастую трубу.

Я недоверчиво сощурился, и Поздняков торопливо добавил:

— Не хотел говорить, но галлюцинациями не страдаю. Так что хотите верьте, хотите нет...

Уже в двенадцатом часу ночи я вломился в кабинет Лапарры и застал его в позе роденовского «Мыслителя».

— Каковы успехи? — спросил он, не меняя позы.

— Ты не ошибся.— Я сел напротив и с удовольствием вытянул ноги.— Случай идентичен с катастрофой на Сааремском лифте.

Только выросло там другое — труба с шипами. Пощупать можно, измерить ничего нельзя. Однако по двум точкам нельзя построить график закономерности какого-то явления.

— Почему ты решил, что имеется только две точки?

— Ах, так их больше? — с сарказмом воскликнул я.— Простите, шеф, что меня об этом никто не уведомил.

Лицо Лапарры осталось таким же угрюмо-спокойным, как и всегда, но мне почему-то стало неуютно.

— В свое время получишь исчерпывающую информацию. Какие особенности ты отметил на месте?

— Общим у свидетелей было ощущение интенсивного похолодания. И вот что интересно: под Псковом в зоне аварии видоизменился лес. Практически точно так же, как и на Ховенвипе.

Лапарра поднял голову, взгляд его просветлел, словно он только что понял, о чем идет речь.

— Биологи это подтверждают?

— Я не спрашивал, но это видно и непосвященному. Я уточню. Выходит, смерть чистильщиков, взрыв лифта на Сааремаа и падение завода у Пскова — суть явления одного порядка.

— Об этом говорить рано. Тебе. Что с Зо Ли?

— Ведет он себя, по меньшей мере, странно, нестандартно.

— Ага.— Лапарра помолчал.— Нестандартно. Тебя не удивляет, что он появляется именно там, где потом происходят аварии? Это хорошо, что удивляет. Меня тоже. Интересно, не правда ли? Кстати, звонили из архива Института социологии. Старший архивариус выразил удивление по поводу того, что сотрудники УАСС отрывают от дела целый сектор в поисках несуществующей информации.

— Не понял.

— Люция дала туда запрос на поиск документов о «Суперхомо», и оказалось, что месяц назад ту же информацию потребовал сотрудник нашего отдела Золин.

— Золин?! Может быть, Зо Ли?

— Пусть будет Зо Ли. Информации больше не нашлось. Кроме того, звонили из нашего архива и передали, что месяц назад ту же информацию запрашивали из американского филиала «Аида», и все материалы, которые нашлись, были отправлены в Нью-Гомптон.

— Так материалы все же были? И теперь они...

— У Зо Ли,— докончил Лапарра.— Вот мозгую, что делать.

— Постой, но как же... архив обычно выдает дубликаты документов, копии.

— Заказ из «Аида» был на подлинники.

Я почесал в затылке и попрощался с полноценным семичасовым сном.

ЛЮЦИЯ ЧИКОБАВА, ВОЕННЫЙ ЧЛЕН СЭКОНА

Глядя снизу вверх на руководителя следственной комиссии отдела, я вдруг остро захотела увидеть Игната. Очевидно, потому, что главный следопыт, как его за глаза звали сотрудники, чем-то напоминал Ромашина-младшего, то ли строгим лицом, то ли ощутимо сильной фигурой. Заметив, что я перестала его слушать, он остановился и махнул рукой.

— Иногда я жалею, что ты женщина.

— А что было бы, будь я мужчиной? — наивно спросила я.

— Я бы стал женщиной,— улыбнулся главный следопыт.— И мучил бы тебя, как ты других. Я прошу, Люци, не лезь там на рожон. Расследование обстоятельств чьей-то гибели дело серьезное и опасное, а уж связанное с «Аидом» и вовсе неженское. Безопасники — мужики тертые, профессионалы, им не впервой...

Главный следопыт СЭКОНа — звали его Павел Жданов — был мне симпатичен и сдерживать себя умел. Почти как Игнат. Вот откуда у меня ощущение, будто они похожи.

— Хорошо, попробую не лезть на рожон,— вздохнула я.— Хотя смертельно надоело ходить в теоретиках, которые всегда бывают правы лишь относительно. Правы абсолютно только экспериментаторы-практики. Знаешь, почему я не хочу выходить за тебя замуж? Потому что твоя забота переходит всякие границы. Это надоедает очень быстро, приедается. До связи, Паша, не сердись.

Я оставила Жданова в состоянии грогги, чувствуя облегчение, что наконец смогла объясниться. В общем-то, он неплохой парень, весьма перспективный, как говорит начальство. Мы дружим уже третий год, и я знаю все его плюсы и минусы. Да, он отличный спортсмен, сдержанный, великодушный человек, умный, но... без фантазии, что ли, без тех неожиданных нюансов души, которые ведают оригинальными поворотами поведения и факторами принятия решений. Как, например, у Игната. Похоже, что Игнат близок к моему идеалу, пора в этом признаться. И знаю-то я его всего несколько дней, а уже готова и в огонь, и в воду...

Ох, Игнат, Игнат, какой рок столкнул меня с тобой? И почему так несправедливо устроено: не ты жаждешь встреч со мной, как многие другие, а я? Жажду наперекор гордыне, объяснимой для любой красивой женщины. Я ведь знаю, что недурна и не глупа, так в чем же дело? Ни жены у тебя, ни невесты — девочка Низа не в счет, детская привязанность, не больше — но и интереса особого в глазах твоих я не вижу...

Покинув здание ВКС (Рязань, парк Победы), я переоделась дома (Джакарта, район Танджунгприок) в тюник из дымчато-серого индшифона, сколола волосы на виске изумрудным бандо с белым

пером, критически осмотрела себя в зеркале и только тогда разложила на столике документы (копии, естественно), которые мне удалось отыскать по делу «Демон». И в это время позвонил Игнат.

Выглядел он, как всегда, спокойным и уравновешенным, однако я каким-то восьмым чувством угадала, что он озабочен или встревожен.

— Заняты?

Взгляд Игната скользнул по мне, и я поняла, что выгляжу, как павлин в клетке. Интересно, что он подумает? Я сижу дома разодетая и жду гостя?

— Собралась поработать с документами,— пролепетала я, злясь на себя за этот лепет.

В глазах Ромашина мигнул и погас веселый огонек.

— Это терпит?

— В общем-то, да...

— В таком случае, жду вас в Мексикан-Хате. Потом объясню, зачем. Полчаса хватит?

Я подумала, вернее, сделала вид, что думаю.

— Хватит и двадцати минут.

Настроение у меня, несмотря на растущую злость, поползло вверх, как столбик ртути в старинном термометре. Игнат был первым в моей жизни мужчиной, кто, образно говоря, владел копьем Геракла, раны от острия которого залечивались прикосновением древка. Сам того не зная, отношением ко мне Игнат то причинял боль, то усмирял ее, а я не могла прямо сказать ему об этом.

В Мексикан-Хат я прибыла, успев переодеться, как и рассчитывала, через двадцать минут после разговора с Игнатом. Он ждал меня у выхода вместе с Витольдом, стажером отдела, которого называл варягом. Парню шел девятнадцатый год, и он был бы интересен, если бы не подвижность лица, отражавшего малейшие оттенки настроения. По-моему, для мужчины это недостаток.

Игнат галантно поцеловал мне руку, и мы направились к стоянке летающего транспорта, разговаривая на ходу о всяких пустяках, вроде концертной программы эмоциоансамбля «Четыре стихии»; кстати, Игнат на удивление эрудирован в этой области. Он с рассеянным видом посматривал на меня искоса, а потом вдруг спросил, чем я расстроена, и я подивилась его чуткости: трудно увидеть в человеке зерно плохого настроения, если он того не хочет.

— Это необъяснимо,— коротко ответила я.

Разговор прервался.

О причинах вызова я не спрашивала, было ясно, что летим мы на Ховенвип. Подошли к стоянке, Игнат предложил мне выбрать машину по своему вкусу.

Не люблю водить комфортные пинассы и триеры типа «Шус», снабженные кибер-няньками,— так я называю невыключаемые системы безопасности, и в загородных полетах предпочитаю водить юркие быстроходные машины с неограниченным запасом хода и ручным управлением.

Таких машин на стоянке было всего две: серый каплевидный «скат» и ярко-зеленый «дхаммакханд», похожий на голову хищной птицы.

Игнат сунул в щель замка свой сертификат официала УАСС — скоростные аппараты разрешалось водить не всем — и мы влезли в кабину «дхаммакханда».

— Куда? — спросила я, нашаривая эмкан управления и занимая место пилота.

— Северо-восток,— сказал Игнат, подмигивая в сторону удивленного его решением стажера.— Пейнтед-Дезерт, заповедник Ховенвип. Там нас встретят.

— Пристегнись,— посоветовала я, отвечая Игнату понимающей полуулыбкой. Стажер не знал, что я когда-то, еще до погранслужбы, работала испытателем летающей техники на полигоне в Австралии.

Триер набрал высоту и плавно увеличил скорость.

Не буду описывать полет. По-моему, напарник Игната впервые ощутил на себе, что такое скорость: я нарочно выбрала самый нижний горизонт, чтобы земля под нами сливалась в одну многоцветную полосу.

Через двадцать минут мы были над Ховенвипом. Я засекла на указанной Игнатом частоте маяк посадочной площадки, но он попросил вдруг подняться метров на восемьсот.

Поднялись, зависли.

— Теперь взгляните чуть влево, за те скалы.— Игнат показал рукой.— Площадку видите? Что она вам напоминает?

Я несколько минут рассматривала в частоколе скал ровное, как стол, пространство. Площадка была невелика — три на четыре сотни метров, и усеяна ржавыми пятнами, похожими на термические удары. В центре площадки виднелось правильной формы полукольцо, к которому вела невысокая оплывшая насыпь. Насыпь кончалась у скал, окружающих площадку, но я разглядела, что именно в этом месте стену скал прорезает ущелье. Дорога?.. Стартовая площадка, вот что это такое. Причем очень старая, в наше время старты грузовиков любого тоннажа не оставляют следов на грунте.

— Похоже на старинный космодром,— сказала я.— Вернее, на стартовую площадку грузовых ракет.

— Я предполагал нечто подобное,— кивнул Игнат.— Видимо, «Суперхомо» была связана еще и с космическими исследованиями. Вот где открывается поле дополнительного информационного поиска.

— Соседство стартодрома с лабораторией еще не говорит об их

связи,— возразил Витольд в манере Яна Лапарры. Скорее всего, копирует бессознательно тех, кто ему нравится.

— Не говорит, но настораживает.— Игнат сел за пилота сам.— Спасибо, Люция, сегодня нам не раз пригодится ваш опыт военного историка.

Сели у разрушенной временем гряды рядом с тремя куттерами и шеренгой машин непонятного мне назначения. Вне кабины оказалось жарко, и я порадовалась, что одела среднеширотный костюм с терморегуляцией.

Игнат, извинившись, отошел к группе людей, возившихся в полукилометре от нас, возле широкой металлической колонны. Колонна вибрировала и гудела.

— Комбайн для шахтной проходки,— пояснил Витольд в ответ на мой взгляд; отойти от меня и догнать Игната он не решился.—Скорость проходки десять метров в час. Пойдемте и мы.

Игнат уже подзывал нас к себе.

— Сейчас идем вниз, готовы?

— Вопрос излишен,— сухо сказала я.

Игнат молча пошел вперед, и я подумала, что будь на его месте Паша Жданов, не обошлось бы без оправданий и извинений.

Вход под землю оказался рядом с грызущим камень механизмом.

Шахта была уже оборудована подъемниками, и спуск вниз на глубину двухсот метров занял всего две минуты. На дне шахты нас ждал мужчина небольшого роста, скуластый, с твердым взглядом уверенного в себе человека. Звали его Кит Дуглас. Это был тот самый чистильщик, с которым мы начинали разведку Ховенвипа.

Я впервые оказалась под землей, поэтому с интересом стала разглядывать ровную и прямую пещеру, в которую мы проникли через ее потолок.

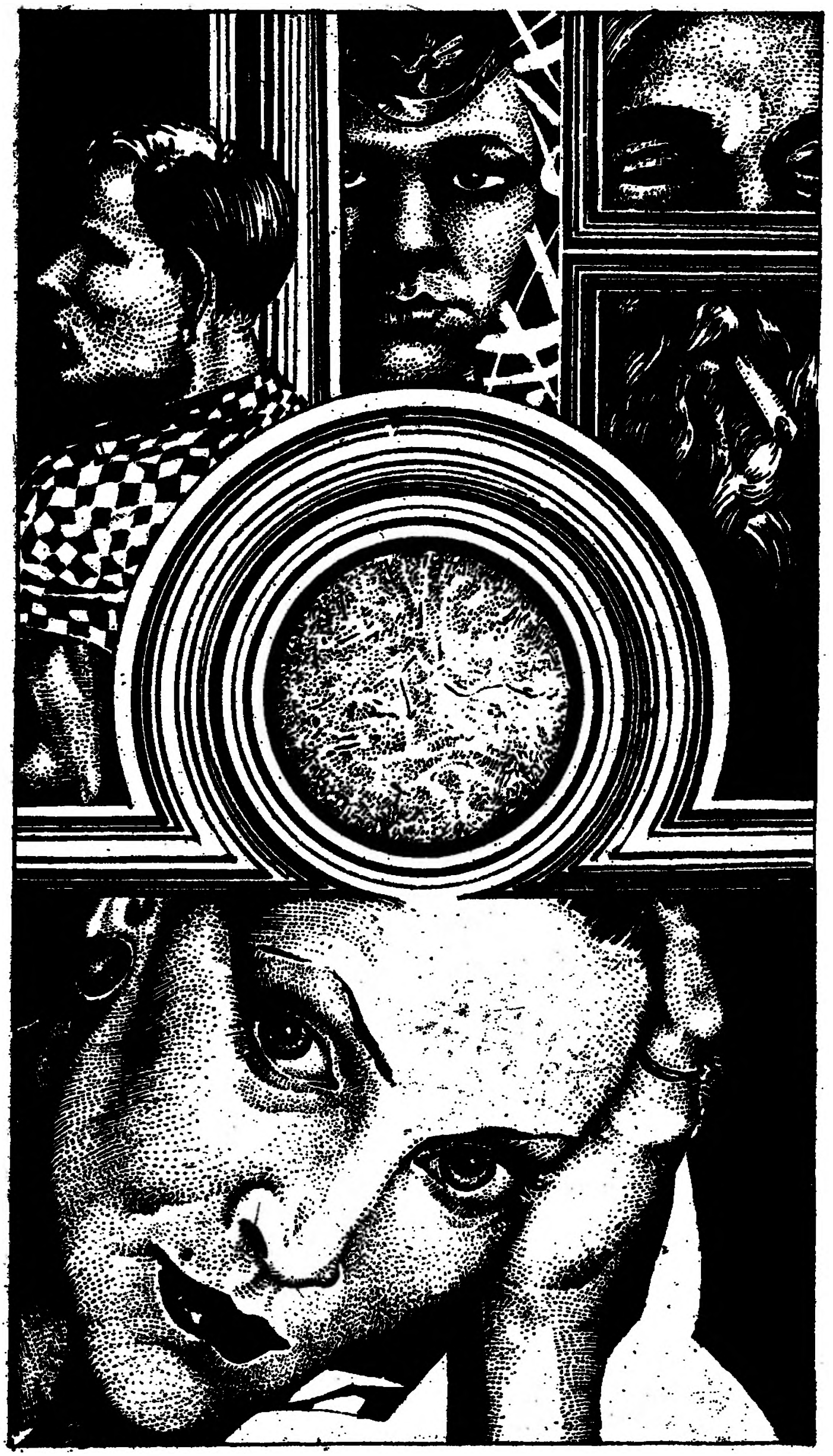
Пещера была освещена люминесцентными лампами, прикрепленными к стенам через равные промежутки. По дну змеились разноцветные кабели, стояли какие-то аппараты. Трое людей в таких же оранжевых комбинезонах, как и у встретившего нас, работали невдалеке у одной из стен пещеры.

— Метров сорок,— сказал Кит Дуглас, видимо, продолжая разговор.— Извините,— оглянулся он на меня,— что напоминаю: подземелье не обследовано, будьте осторожней. Фарди,— позвал он.

От группы работающих отделился долговязый парень с дубленым мрачным лицом, кивнул мне, узнавая, поздоровался с Игнатом за руку.

— Присмотри сзади.

Фарди угрюмо кивнул, не удивляясь. Так гуськом мы и пошли: Игнат и Дуглас впереди, потом Витольд и я, и последним Фарди.



Страховка чистильщиков общеизвестна, но я с ней сталкивалась всего второй раз.

Ход вывел нас на баллюстраду громадной полости в форме идеального шара диаметром никак не менее трехсот метров. Потолок полости был проломлен, и в пролом была видна часть тоннеля, освещенного все тем же белым светом люминесцентов.

— В стенах — генераторы поля,— сказал Дуглас.— Выключены сравнительно недавно, с полгода назад. Питание подводилось от автономного термоядерного реактора типа «Токамак-супер».

— Реактор до сих пор работает? — удивился Игнат.

— Работал в полностью автоматическом режиме, но выработал ресурс и отключился.

По ступенькам лестницы, вырубленным в пористом материале стенок сферы, мы спустились на дно полости. Запах здесь стоял едкий и неприятный, отчего запершило в горле и на губах появился металлически-горький привкус. Я нагнулась: пол сферы казался покрытым толстой шубой пыли зеленоватого цвета, но это была не пыль. Дуглас наклонился тоже, ковырнул пальцем пол и легко выломал кусок, пористый, как вспененный пластик.

— Гранит,— сказал он.— Был. Сантиметров десять — как пенолит, потом постепенно возвращается к твердости настоящего гранита.

— Похоже на след ТФ-удара,— пробормотал Витольд.— Помнишь, я рассказывал о лаве на Сан-Мигеле?

Игнат повертел в руках рассыпающийся на хлопья ком, понюхал и выбросил.

— Интересно. А что там? — Он кивнул на пролом в куполе пещеры.

— Естественный ход. Пошли, посмотрим.— Дуглас обернулся.— Вы подождите здесь, пожалуйста.

Они поднялись на баллюстраду, и голоса их вскоре донеслись уже из пролома в куполе.

— Не провались, здесь везде тот же «пенный» слой...

— И куда ведет ход?

— Как раз это самое интересное: выход расположен точно над тем местом, где погибли люди Шерстова.

Молчание.

— Как далеко отсюда выход?

— Три километра с небольшим...

Голоса постепенно стихли, доносился лишь звук шагов — словно люди шли по хрустящему льду. Я с интересом огляделась, пытаясь представить, что находилось в этом шарообразном бункере.

— ТФ-удар,— повторил Витольд, растирая в ладонях комок материала стены.

— Ошибаетесь,— немедленно отозвался басом Фарди.— «Мо-

лекулярное таяние» — нарушение молекулярных связей вещества... Кит! — вдруг крикнул он.— Мне можно идти?

— Иди,— глухо донеслось сверху.

Фарди, ни слова не говоря, исчез. Мы с Витольдом обменялись взглядами и засмеялись.

— Довольно мрачный товарищ,— сказала я.— Вы уже разобрались, что это за бункер?

— Я здесь всего второй раз,— признался стажер.— А эта полость вообще ни на что не похожа. Хранить здесь что-нибудь неудобно, лабораторию не разместишь.

— Ну почему же? — возразила я.— Если в стенах полости стоят генераторы поля, то она была, скорее всего, хранилищем чего-то особо опасного, например, плазмы.

— Неплохая идея,— послышался сверху голос Игната: я не слышала, как он вернулся.— Поднимитесь сюда, Люция.

Мы поднялись на баллюстраду, потом по лестнице через люк в потолке коридора выбрались в тоннель с неровными стенами и полом, видимо, естественную пещеру. Игнат стоял с Дугласом метрах в двухстах от нас, подсвечивая себе фонариком под ноги.

— Осторожнее, смотрите, куда ступаете,— предупредил он.

В скудном свете редких светильников мы приблизились к стоявшим, и я увидела на полу и на стенах какие-то бахромчатые наросты, ярко-розовые в свете фонаря и омерзительно живые при близком рассмотрении. Мне даже показалось, что эти наросты, напоминающие по форме сросшиеся морды летучих мышей, дышат и смотрят на нас.

— Знаете, что это такое? — спросил Дуглас, заметив мою гримасу.— Это обыкновенный пещерный лишайник. А выглядит так потому, что полгода назад мутировал, претерпел биотрансформацию. Лес на плато сверху видели? Игнат вам покажет. Зрелище, честно говоря, жуткое.

— Я поработаю в паре с Фарди,— сказал Игнат,— а Кит проводит вас на место вашей основной работы, они нашли не то архив, не то информарий...

— Ни то, ни другое,— покачал головой Дуглас.— Размеры маловаты. Но документы там кое-какие имеются. Пойдемте разбираться?

— Ведите,— твердо сказала я, ощущая, как в душе появляется горячее желание работать, быть полезной и ожидание зловещих тайн.

— Я найду вас,— сказал Игнат,— и буду недалеко.

Стажер неловко повернулся и наступил на розовый нарост видоизмененного лишайника. Я отчетливо услышала слабый тоненький вскрик...

Душ помог снять усталость, хотя полностью отстраниться от действительности я, конечно, не мог. Да мне и не дали бы этого сделать. В кабинете ждало сообщение Игната о событиях на Ховенвипе, о новых находках. Кричащий лишайник и трансформированный лес были самыми загадочными и самыми тревожными из них. Мне вспомнился отчет Гриффитса о ликвидации склада с оружием на острове Диего-Гарсия в Индийском океане: на корпусах автоматов и лазерных карабинов были выгравированы цинично-издевательские надписи на английском: «Контроль за рождаемостью»... Интересно, встретим ли мы находки подобного типа на Ховенвипе?

Я привычно передал бразды правления отделом Первицкому, сказал, что буду к вечеру, и убыл на американский континент.

Игнат встретил меня в шесть вечера в Мексикан-Хате, откуда мы летели к Ховенвипу на грузовом куттере. По дороге он поделился впечатлениями от подземелий заповедника, но я видел, что его волнует другое. «Дракон», догадался я, карабин, из которого кто-то может выстрелить в других людей... Но вслух я ничего не сказал, пусть поволнуется, это полезно после таких проколов.

Сели возле громадных серых холмов пыли и щебня. С двух сторон площадку отгораживали скальные обрывы, отороченные «мехом» лиственного леса, с третьей — вертикальная стена с узором пещер и ниш; четвертая открывалась на холмистое плато, край которого терялся в дымке за горизонтом. Несмотря на вечерний час, здесь было душно, жарко, от пыльных холмов несло зноем и пересохшим болотом.

Я сначала побродил по обезображенному неизвестной силой лесу, потом снова спустился вниз, ощущая гнетущее беспокойство.

Бригада чистильщиков, выделенная Мартином, времени зря не теряла. Плато было продырявлено в трех местах, и возле каждой шахты трудились люди и роботы.

Игнат подвел меня к одной из них, подъемник унес нас в недра плато. Жара сменилась холодом каменного склепа. Выбрались на пересечении узких горизонтальных коридоров — ортов явно искусственного происхождения. Орты освещались белыми люминесцентами, на их стенах со следами грубой обработки уже висели указатели: «Бункер», «Сейф», «Центр» и «Центр-2». Игнат уверенно зашагал в сторону указателя «Центр».

Коридор вывел в небольшой естественный грот, перегороженный рыжей от ржавчины металлической стеной. В стене чернел прямоугольник двери, сама дверь — из толстой брони, с орнаментом из выпуклых змеек — лежала на полу грота. Мы вошли.

Помещение, открывшееся взору, было невелико: круглое, с куполовидным потолком, вдоль стен — потухшие пульты и панели инди-

кации, устройства скоростной печати, над пультами — экраны разного калибра, преимущественно разбитые. Пять кресел, три столика с ножками в виде сказочных драконов. Но не это приковало мое внимание. На полу, захламленном битым стеклом, осколками пластмассы, коробками, бумагой, гильзами, в разных позах лежали четыре скелета. Одежда на них полностью истлела, лишь на одном сохранились лохмотья черного цвета. В руках скелеты держали старинные пистолеты, вернее, их ржавые слепки, время не пощадило и металл оружия. В двух креслах у пультов тоже сидели скелеты, у одного на костях коленей лежал автомат. Я представил, какая драма разыгралась здесь около двух веков назад, и на мгновение неприятное чувство гадливости охватило меня.

— Убиты,— сказал Игнат, наблюдая за мной.— По всем признакам мы обнаружили императив-центр «Суперхомо». Сюда сходятся цепи сигнализации и управления всеми бункерами, благодаря чему мы обезвредили многие ловушки, рассчитанные на непрошенных гостей.

— Может быть, их ухлопали по приказу? — предположил я.

В зал вошел низкорослый Дуглас. Под эмблемой «Аида» на его рукаве выделялся шеврон руководителя группы.

— Добрый день. Вы правы, их уничтожили по спецприказу. С тех пор в подземелье никто не проникал.

— Понятно,— сказал я.— Последние хозяева лаборатории решили не рисковать. За что же их убили?

— Эти уже не ответят.— Дуглас кивнул на скелеты.— Может быть, прояснят дело документы? Мы нашли два хранилища, в одном архив, в другом техническая библиотека, в ней работает ваша Люция. Архив с трудом просверлили, там броня в два метра толщиной, но открыть пока не удалось.

— Пошли посмотрим.— Игнат повернулся к выходу. В коридоре он уверенно направился в сторону указателя «Сейф».

Через сто метров коридор повернул налево, в его стенах изредка открывались глубокие ниши и узкие ответвления. Издали доносились голоса, металлические лязги и прерывистое гудение. Впереди мелькала спина кого-то из чистильщиков. Человек оглянулся и тут же свернул, а Игнат вдруг насторожился, я увидел это по его напрягшемуся лицу.

— Ты что? — вполголоса спросил я.

Он остановился у бокового прохода, куда свернул идущий впереди, прислушался.

— Могу поклясться... подождите здесь.— Он шагнул в узкий коридорчик, исчез в темноте. Ни звука, ни шороха, тишина, словно не человек шел, а его тень.

Я переглянулся с Дугласом. Не знаю, о чем думал начальник аидовцев, но у меня мелькнула мысль о Зо Ли. В этот момент из бо-

кового хода донеслось шипение, возглас Игната, и на нас выплеснулась волна такого зловония, что меня чуть не вывернуло наизнанку. Следом выскочил Игнат, зажимая нос рукой.

Задыхаясь от кашля, мы отбежали по коридору метров двадцать, но волна запаха погнала нас дальше, пока мы не наткнулись на одного из чистильщиков, копавшегося в груде снаряжения. Он с удивлением посмотрел на нас, принюхался, ни слова не говоря, разворошил кучу снаряжения и достал респираторы.

— Этилмеркаптан,— глухо сказал из-под маски Дуглас и засмеялся,— Игнат, очевидно, спугнул скунса.

— Откуда здесь скунсы? — с недоумением спросил я.— На глубине свыше ста пятидесяти метров под землей?

— И все же мы нашли семейство скунсов. Сначала думали, что сработало одно из хитроумных устройств защиты лаборатории, удар запахом по обонянию действует не хуже дубинки, однако, скунсы...

Игнат покачал головой, задумался.

— Зо Ли? — спросил я негромко.

— Я мог и ошибиться. Что ему здесь делать?

Помолчали. Дуглас в это время привел команду подчиненных, и те принялись дезодорировать коридор. Через четверть часа вонь исчезла, хотя желудок все еще не мог забыть тошнотворного запаха, в котором, казалось, смешались все гнусные запахи гниения пищевых отбросов и разложения трупов животных...

— Ф-фу! — выдохнул Игнат, снимая респиратор.— Пойду все же проверю.

Он исчез и вскоре вернулся, сопровождаемый Дугласом.

— Никого, там дальше тупик, ничего не видно. Пошли.

— Погоди,— остановил я Игната.— Человек ведь туда заходил? Куда он делся? Ты не ошибся коридором?

Ромашин посмотрел мне в глаза и бросился назад. Он понял: вошедший в боковой проход человек не мог выйти через другой выход, раз коридор заканчивался тупиком. Мы тоже никого не видели. Значит, либо незнакомец получил такую дозу этилмеркаптана, что потерял сознание, либо... он не хотел, чтобы его видели.

Я подбежал к тому месту, где мы видели неизвестного. Ничего не понимавший Дуглас рысил сзади. Из коридора вышел Игнат, подсвечивая путь фонарем.

— Никого. Странно...

— Проверь другие коридоры, может, он вошел не сюда.

— Проверил, тупики.. Но он вошел в этот, я помню точно.

— Что с вами? — полюбопытствовал Дуглас.— Что вы обнаружили?

— Здесь все коридоры заканчиваются тупиками? — спросил я.— Нет выхода в параллельные штреки?

— Есть, конечно, хотя точно не помню, в каком месте. По-моему, какой-то из ближайших ортов и ведет к параллельному тоннелю.

Игнат нырнул в проход, где его атаковал испуганный скунс.

Коридорчик заканчивался тупиком: бугристая, фиолетово-коричневая стена, ничем не отличающаяся от стен штрека. Но Игнат сунул руку в эту стену, и она по локоть вошла в «камень». Инспектор хмыкнул, пошарил рукой, и стена исчезла. Коридор здесь не кончался, уходя куда-то в полумрак. На ладони Игната лежал плоский брусок с окошечком и тремя кнопками.

— КОТ,— сказал он.— Как я сразу не догадался...

КОТ — это «конструктор теней», стандартный аппарат, создающий видеоизображение любого предмета, он может воспроизвести — в зависимости от программы — даже тело человека в движении и применяется весьма широко — от театра, для быстрой смены декораций, до косморазведки. Здесь он кому-то понадобился для маскировки коридора, создал видимость глухой стены.

— Ерунда какая-то! — сказал сзади озадаченный Дуглас.

Он был прав. Логики в происшедшем я пока тоже не видел. Допустим, это был Зо Ли, неуловимый, вездесущий, чем-то или кем-то напуганный, скрывающийся даже от друзей, и от нас тоже. Но зачем ему возвращаться на Ховенвип? Что он может здесь искать? Стоп! Как это что? Он уже, бесспорно, владеет какой-то тайной «Суперхомо», но этой тайны ему мало! Есть еще что-то, необходимое ему позарез, и это «что-то» находится в данный момент здесь!

— Связь с поверхностью есть? — повернулся я к Дугласу.— Немедленно перекрыть выходы из подземелья! Никого не выпускать, вплоть до применения силы! Организуйте прочесывание всех коридоров. Только...— Я помедлил.— Пожалуйста, осторожнее. Скорее всего, это все-таки Зо Ли. Другому просто незачем торчать на Ховенвипе.

Дуглас продиктовал по рации мой приказ и бегом направился к своим людям. Игнат побежал следом.

Запоздалая реакция, подумал я, он настороже и не будет ждать, пока его накроют в подземных лабиринтах...

Я оказался прав. Прочесывание подземелий лаборатории ничего не дало, хотя чистильщики применили всю свою технику по отысканию новых, неизвестных ходов и пещер. Зо Ли ушел. Он, очевидно, ушел сразу же, как только разрядил в Игната дапль — пистолет запахов, баллончик из-под этилмеркаптана потом нашли в клетке ближайшего подъемника!

— Вот так скунс! — почесал в затылке Дуглас.— Но зверюшек мы, честное слово, видели.

Это могло быть и совпадением, а могло быть и работой того же КОТа, неизвестный конспиратор пользоваться им умел.

Архив лаборатории, или как его назвали чистильщики —

«Сейф», открыть в этот раз так и не удалось. Мы с Игнатом поговорили с Люцией — она тоже ничем похвастать не могла, в библиотеке оказалась литература по всем отраслям науки от психологии до космологии, и только — и улетели с Ховенвипа поздно ночью по местному времени, так и не дождавшись результатов.

В Москве шел четвертый час дня, и я решил провести совещание по делу «Демон». Игнат в шутку называл такие совещания брифингами. Однако не успел я начать, как позвонил Ромашин-старший.

— Очень хорошо,— сказал он, бегло оглядев компанию.— Как раз все, кто нужен. Прошу ко мне.

Виом погас, я посмотрел на Игната. Тот пожал плечами: мол, ты же начальник отдела.

— Что ж,— сказал я.— Шеф приказал быть. У него и поговорим.

В кабинете директора уже сидели трое: старший эксперт техцентра УАСС Младен Лилов, его я знал хорошо, хотя он был доступен лицезрению практически только на оперативке у директора, и суровый на вид незнакомец, седоголовый, с залысинами, худой, длиннорукий и нескладный.

— Садитесь.— Ромашин кивнул на стулья.

Я бегло оглядел свою «гвардию»: Игната, Первицкого, Витольда Сосновского, и пожалел, что не дал Игнату в помощники более опытного инспектора еще в начале работы. Расселись. Директор тронул сенсор, стена слева превратилась в кабинет с таким же столом-пультом. За столом сидел Мартин Гриффитс, напротив — уже знакомый мне Кит Дуглас.

— Начнем,— сказал Ромашин и посмотрел на меня.— Докладывайте, Ян. Дело номер одиннадцать «Демон». Краткую историю, меры, выводы, предложения.

Из всех присутствующих только Лилов и худой незнакомец не были в курсе событий, и мой рассказ предназначался, очевидно, для них.

Я быстро и сжато пересказал историю дела «Демон».

С минуту в кабинете было тихо, потом Филипп сказал:

— Это поле событий. Ваши выводы, обобщения?

Выводов и обобщений у меня не было, были только предположения, нуждающиеся в проверке. Не люблю скороспелых заявлений и быстрых действий в таких делах, тем более что застряли мы пока на периоде накопления информации, по Игнату — на «периоде накопления тумана». Надо было думать, размышлять, разрабатывать рабочий вариант и лишь потом обобщать, делать выводы и предложения. Поэтому я уклонился от прямого ответа и рассказал о принятых отделом мерах.

Филипп улыбнулся глазами, он меня понял.

— Ясно. В данном деле наиболее тревожны следующие момен-

ты: совпадение биоаномалий на Ховенвипе и в месте падения атмосферного завода под Псковом, стрельба из «дракона», изъятие информации о «Суперхомо» из архивов Управления и Института социологии Земли, осведомленность таинственного похитителя «дракона» о работе отдела безопасности. Если это не Зо Ли, то кто? Если Зо Ли, почему не объявлен его целевой розыск?

— Не было уверенности, что Зо Ли замешан во всех этих событиях, да и сейчас нет.

— Сегодня, сейчас же дать ориентировку по розыску Зо Ли, составить его идентификат личности и разослать всем линейным отделениям правопорядка. Одна его стрельба говорит о том, что он социально опасен. Разберитесь, зачем он стрелял, какие цели преследовал. Кстати, он должен быть каким-то образом связан с отделом комплектации и снаряжения Даль-разведки. Патроны к «дракону», пистолет дапль с этилмеркаптаном, аппаратура КОТ... Начните поиск и с этой стороны. Возможно, выйдем на того, кто ему помогал. Теперь главное. Почему вы думаете, что аварии, известные нам, тоже дело рук Зо Ли?

— Я так не говорил,— запротестовал я; у меня внезапно, резко и сильно заломило в висках, как всегда в самое неподходящее время.

— Ну не так, но смысл тот же. Основания?

— Фактов у нас действительно нет,— сказал я сухо.— Могу предположить гипотезу, объясняющую почти все. Во время разыгравшейся на Ховенвипе трагедии Зо Ли случайно овладел неким фактором, назовем его фактором «Д», который является конечным результатом деятельности лаборатории «Суперхомо». С его помощью он и совершает «диверсии» — те самые необъяснимые с точки зрения логики аварии.

— Малоубедительно, Ян,— прогудел Гриффитс.

— Говорил же — фактов нет,— разозлился я.— Это гипотеза. Предлагаю использовать ее в качестве прикидочного варианта дела. Не нравится — предлагайте свои версии.

— Ты сказал, что твоя гипотеза объясняет почти все,— проговорил Первицкий.— Почему почти?

— Потому что она подразумевает несколько вопросов типа «зачем?». Зачем, например, Зо Ли творить с помощью фактора «Д» безобразия с риском попасться на месте преступления? Он же прекрасный работник... был, во всяком случае. Все о нем отзываются хорошо. Второе: зачем он стремится проникнуть в подземелья «Суперхомо»? А именно это он и пытается сделать. Такое впечатление, будто он з н а е т о лаборатории нечто такое, чего мы не знаем, и хочет... что? Завладеть новым фактором «Д»? И третье: зачем он стрелял в Игната со стажером?

— М-да,— сказал Гриффитс после недолгого молчания.— «Суперхомо» — твердый орешек. Но исследования лаборатории не за-

кончены, и мы надеемся найти сведения, проливающие свет на все загадки.

— Я тоже надеюсь,— вставил Филипп.— То, что Зо Ли неким образом связан с авариями и катастрофами, еще предстоит доказать. Вполне вероятно, что речь здесь идет о новом физическом явлении. Но не исключена возможность, что это...

— Пришельцы,— серьезно сказал Игнат.

— Вот именно.— Ромашин-старший остался невозмутим.— Веселого тут, кстати, мало. Вспомните интусуссцепцию букового леса на Ховенвипе. Ни один из земных факторов так повлиять на лес, изменить его так сильно за считанные секунды или минуты, не мог. На плато рядом с подземным хозяйством лаборатории обнаружен космодром. Почему бы «Суперхомо» не быть связанной с космическими исследованиями? Она работала под эгидой Института военно-космических исследований и могла экспериментировать с чем-то или с кем-то в космосе. Помните, полтора века назад на Луне был обнаружен объект «Зеро»? Об этом тогда много писала западная пресса, еще до Соединения... Ну, конечно, откуда вам помнить дела давно минувших дней. Дело в том, что с этим объектом работала одна из тайных лабораторий Пентагона, вдруг это была именно лаборатория «Суперхомо»? Поднимите архивы еще раз, поищите, с этой стороны мы быстрей выйдем на разгадку лаборатории. Итак, если вы не хотите делать выводы, попробую я.

Дело под кодовым названием «Демон» движется слишком медленно. Действия неизвестного стрелка подпадают под статью «объявлено вне закона». Отсюда — усилить меры по его розыску, пока не произошло более тяжкого преступления. Ускорить исследования «Суперхомо», направить туда наиболее опытных специалистов. Материалы подавать мне на стол через каждые шесть часов (Гриффитс кивнул). Для исследования феномена «Демон», или, как его назвал начальник отдела, фактора «Д», то есть собственно причин аварий, привлекаются группы экспертов и науч... э-э, ученых техцентра под руководством Младена Лилова и доктора физики Вахтанга Басилашвили.

Вот кто этот седой и длиннорукий — физик, научник техцентра, если вспомнить общепринятый в Управлении жаргон.

— Вопросы? — сказал Филипп.

— Один,— снова вмешался Игнат.— Не лучше ли назвать операцию «Чеширский кот»?

Ромашин-старший посмотрел на него, потом на меня.

— Пусть решает начальник отдела. Добавлю: не плодите гипотез. Безжалостно отсекайте ненужное, отвлекающее в сторону. Бритва Оккама — наше самое мощное оружие. На расследование даю сроку...— он на мгновение задумался,— пять дней. Все свободны.

В коридоре я сказал Игнату вполголоса:

— Дерзить отцу — последнее дело, мальчик, это плохо кончается.— Повернулся к остальным.— Прошу в мой кабинет, коллеги, договорим.

Предстояло построить схему взаимодействия с подключенными к делу организациями, уточнить обязанности и наметить план работы на те пять дней, которые дал нам директор Управления.

ИГНАТ РОМАШИН

Басилашвили и Лилов оказались дотошными мужиками. Только к обеду они перестали терроризировать вопросами меня и Лапарру, и оба мы наконец вздохнули с облегчением.

— Попытайся все же сначала узнать, почему Зо Ли стрелял в вас,— сказал Ян, морщась от головной боли. Для меня его болезнь — новость, он никогда не жаловался, а тут вдруг признался.

— Хорошо,— сказал я.— У меня уже есть кое-какие соображения по этому поводу, проверю — сообщу.

— Во-вторых, перекройте с Дугласом подступы к «Суперхомо», но так, чтобы со стороны это не было заметно. Подключаю к тебе группы Дайниса и Видова. Третье: проверь отдел подготовки экспедиций Даль-разведки, твой отец прав — утечка информации происходит вероятнее всего там. И последнее: возьми у Первицкого перечень странных аварий по Америке, Атлантике и Европе и проверь районы аварий на предмет биоаномалий. Появятся соображения — доложишь.

— Значит, интуиция меня не подвела: ты дал мне не всю информацию.

Лапарра снова поморщился, с силой потер виски.

— Я хотел проверить сам, но не успеваю. Не нравится мне экивок твоего отца на космос. При чем тут события столетней давности? Объект «Зеро»? Ну, с этим я сам разберусь. Занимайся своими делами и побыстрее заканчивай «копить туман», пора намечать вектор основных усилий по «Демону». Пять дней — слишком малый срок для расследования такого дела.

Я кивнул, помолчал.

— Что у тебя с головой? Надеюсь, ничего серьезного?

Лапарра вскинул на меня глаза, криво улыбнулся.

— Предлагаешь «поплакать в жилетку», так тебя понимать? Спасибо. С головой у меня действительно не все в порядке, побаливает, результат давней травмы... пройдет.— Он подозрительно посмотрел мне в глаза.— Что, заметно? Плохо выгляжу? С чего это ты такой заботливый с утра?

Обидный вопрос, но тон его запрещал обижаться. Лапарра явно был не в форме сегодня, мог бы и в «жилетку поплакать», я бы по-

нял. Отец как-то сказал, что спасателями становятся по зову сердца, а не из доводов разума и уж тем более не из-за «романтики риска». Еще он сказал, что если вдруг захочется отдохнуть от этой работы, значит, выработал ресурс доброты, значит, пора уходить из Управления. Яну еще далеко до этого, тем не менее забота и поддержка нужны и ему.

Он все еще смотрел на меня вопросительно, потом выражение глаз изменилось, они стали печальными и усталыми.

— Ладно, иди,— проворчал он.— Благодарю за заботу.

Я ушел из кабинета, унося в душе согревающее чувство взаимопонимания. Надо все же поинтересоваться в медцентре, опасны ли его боли. Не может быть, чтобы это было неизлечимо.

В отделе я первым делом сообщил соседям приятную весть, что они вместе со своими опергруппами теперь находятся в моем непосредственном подчинении. Дайнис и Аристарх не возражали, прекрасно разбираясь, когда я шучу, а когда нет. Дайниса я сразу направил на Ховенвип для блокировки выходов и входов «Суперхомо», а ребят, Видова и стажера, послал по местам событий, имевших место в Америке, Атлантике и в Европе после трагедии на Ховенвипе, взяв у Первицкого список происшествий с участием Зо Ли.

— А ты,— сказал я сам себе,— умри, но найди причину ненависти к нам неизвестного стрелка!

Лапарра был уверен, что стрелял Зо Ли, но я пока этой его уверенности не разделял. Вспомнился термин «сфинктура» — коэффициент неизвестности. «Сфинктура души» Зо Ли мне тоже была неизвестна, но натура его из бесед с сослуживцами и из личного дела вызывала симпатию, никакой «психопатологии» в его прежнем поведении не ощущалось, да и рапорт главврача медцентра УАСС, где мы все были на учете, категорически утверждал, что Зо Ли абсолютно нормальный человек, в роду которого не было выявлено больных с передающимися по наследству нарушениями психики.

Смущали, правда, два обстоятельства: то, что врачи знали генеалогию Зо Ли до определенного предела, ниже которого предки чистильщика вполне могли оказаться больными, и то, что в личном деле черным по белому было написано — «пассионарность к власти». Я полистал справочник и нашел, что пассионарность — это характерологическая доминанта, непреоборимое внутреннее стремление, чаще неосознанное, к осуществлению какой-либо цели. Не очень украшающая человека характеристика, но и не такая уж страшная, если работают сдерживающие центры, а у Зо Ли они работали... до катастрофы.

— До катастрофы,— повторил я.— А после? Травма головы, например,— вот вам и причина нарушения психики! Нечаянный поворот к этой самой «пассионарности», к власти...

Нет, как бы он ни был мне симпатичен, но психопатологию Зо Ли

сбрасывать со счетов нельзя. В этом случае меняется лишь формула оценки его действий, суть остается той же — «вне закона».

Пообедав, я вдруг вспомнил об объекте «Зеро» и решил навести справки независимо от Лапарры. Интересно, почему отец связал воедино «Суперхомо» и объект «Зеро»? Неужели только из-за того, что компания бравых ребят из Пентагона обслуживала все военные лаборатории? И вообще, что это за история с объектом «Зеро»? Ничего раньше не слышал...

И я пошел в архив. А в коридоре нос к носу столкнулся с Дениз.

— Или я грежу, или ты сестра Витольда,— сказал я неосторожно с радостным удивлением. И тон моего возгласа заставил щеки Дениз вспыхнуть.

— Решила навестить брата,— проговорила она своим низким контральто, от которого нежность вскипала у меня в душе и пенящейся волной ударяла в голову, прося язык перевести ее в слова.— Он уже две ночи не появляется дома.

— С ним все в норме,— отрапортовал я.— Успокой мать, сегодня он будет спать дома.

Я невольно сравнил Дениз и Люцию. Ценю в женщине чистоту, непосредственность, готовность к ответной ласке, нравственный контроль и нечеткое представление о своей красоте. Люция же, в отличие от Дениз, обладая первыми четырьмя достоинствами, слишком хорошо знала себе цену. Она была безусловно красива, но ее красота обжигающая, с характером пляшущих языков пламени. Такая красота беспокойна, заставляет держать в напряжении и неуверенности в завтрашнем дне. А красота Дениз тихая, даже не очень заметная с первого взгляда, но чем больше к ней присматриваешься, тем больше она завораживает... Считайте это признанием, инспектор.

— Я тоже порядочная свинья,— сказал я смело, зная, что от истины недалек.— Не звонил двое суток.

— Трое...

Я изобразил раскаяние.

— Вот видишь! Но у нас тут такое наклевывается, что умыться некогда. Не оправдываюсь, констатирую факт. А чтобы компенсировать вину, предлагаю сегодня вечером встретиться в парке у Есенина, в восемь. Идет? Программа твоя.

— Идет. Опоздаешь — снова приду в Управление. Иди по своим делам, я же вижу — спешишь.

Не удержавшись, я чмокнул Дениз в щеку, вскинул руку и пошел прочь. А потом с полдороги вернулся и сказал серьезно:

— Закрой глаза, загадай желание, и оно исполнится.

Дениз послушно закрыла глаза, и я поцеловал ее в губы...

В архив я вбежал вприпрыжку, изумив сослуживца, идущего навстречу. Отыскал свободный стол и набрал шифр запроса.

— Нужны данные по космическим исследованиям начала позапрошлого века. Луна, море Спокойствия, объект «Зеро».

— Ряд Б-аш, массив сто тридцать пятый, код сорок три сто семьдесят,— ответил киб-регистратор.

Сведения об объекте «Зеро», дошедшие до нашего времени, оказались скудными. То ли потому, что в свое время были засекречены и спрятаны, то ли по причине тривиальной — часть документов не выдержала испытания временем. Вот что я прочитал.

В две тысячи девяносто шестом году работники частной космической компании «Демоны мрака», сотрудничавшей с военными фирмами, занимаясь разработкой рудников редкоземельных элементов в районе моря Спокойствия на Луне, наткнулись на глубине километра на громадный, около четырехсот метров в поперечнике, шар! Автоматы-комбайны, ведущие прокладку штреков, остановились: водоплазменные буры не брали его оболочку: Начали допытываться, в чем дело, просветили породы, обнаружили шар. Поскольку идеальная форма и неизвестный материал оболочки объекта явно указывали на его искусственное происхождение, открытие было засекречено, и научная общественность Земли так ничего и не узнала, кроме самого факта находки. Исследования объекта «Зеро» вели сначала лаборатории компании «Демоны мрака», а потом Институт технологии военно-космических сил блока капиталистических государств. Результаты исследований канули в неизвестность, а рудник с объектом «Зеро» в один прекрасный день взлетел на воздух, и теперь в том месте располагается воронка диаметром около трех километров. Вот и все.

Я перечитал сообщение и отправился на Ховенвип. По пути довольно придирчиво перебрал варианты — как могли сотрудничать Институт технологии военно-космических сил и лаборатория «Суперхомо», но ничего путного не придумал. Объект «Зеро» не вписывался в прошедшие на Земле, спустя сто десять лет, события. Идеальный шар, почти равный по возрасту Луне! След древнейшего во вселенной разума? «Зерно жизни», сброшенное неизвестными сеятелями и не сумевшее прорасти за миллиарды лет? Здесь моя фантазия истощалась, уткнувшись в барьер штампов мышления.

Встретивший меня Дуглас был чем-то взволнован.

— Мы все-таки взломали «Сейф»,— сказал он, ведя меня по лабиринту подземного хозяйства «Суперхомо»,— но не учли, что хозяева сильно не хотели, чтобы кто-то посторонний в этот «Сейф» проник. Это, несомненно, архив. В контейнерах — блоки кассет магнитозаписи, есть и документация на бумаге, вернее, была. Мы вскрыли один из неповрежденных контейнеров, внутри прах либо пустые кассеты. Сработали устройства уничтожения.

Мы подошли ко входу в «Сейф» — арка в виде целующихся динозавров, вырезанная лазерами дверь с выпуклыми змейками, у две-

ри робот-проходчик с набором лазерных насадок-сопел. Внутри кубического помещения крошево пластмасс и стекла на полу. Запахи здесь витали неаппетитные, кислые и неприятные. В глубине помещения люди в знакомых оранжевых комбинезонах устанавливали над одним из контейнеров решетки гамма-голографа и неизвестную мне аппаратуру. Контейнеры соединялись трубами пневмопочты и пучками кабелей. В углу между ними я заметил нишу с двумя темными пультами, разбитые экраны дисплеев.

Дуглас принял мое молчание за недовольство и виновато развел руками:

— Лазер — самый простой и быстрый способ, а времени у нас мало. Код замка оказался слишком сложным, причем рассчитанным на биологические особенности какого-то конкретного человека в прошлом. По-видимому, только этот единственный сторож и мог открыть дверь архива снаружи... Попробуем теперь узнать содержимое контейнеров, не вскрывая. Может быть, механизмы уничтожения документов у каждого контейнера индивидуальные.

— Пробуйте,— вздохнул я; сказать мне больше было нечего.— Выход здесь только один?

— Есть второй, аварийный люк. Замок там проще, на электронике, но питание давно сдохло, так что и там пришлось бы резать.

— И куда ведет коридор от люка?

— Это и не коридор вовсе, а естественный лаз, он выходит в стене обрыва, неподалеку от того места, где вас обстреляли.

Я задумался. Какая-то неоформившаяся мысль зудящей мухой беспокойства вторглась в мои размышления. Контейнер... где-то я видел подобные этим... Стрелок из «дракона»... Вход в архив... Нет, сначала контейнеры.

Я подошел ближе, осмотрел продолговатый ящик высотой в мой рост. Линия, разделявшая ящик на две части, какие-то встроенные в него цилиндры, окошко из черного стекла, под окошком вязь знаков и цифр и нечто вроде эмблемы: переплетенные латинские буквы D и G в черном треугольнике.

— Такие контейнеры применялись для транспортировки грузов на модульных космических кораблях,— сказал Дуглас.— Ну что, показать, где выходит лаз из «Сейфа»?

Я с сожалением выпрямился. Подсознательное ощущение какого-то открытия ушло.

Мы вылезли в раннее утро Ховенвипа, и Дуглас показал мне пещеру, где выходил на поверхность ход из архива лаборатории. Я хмыкнул, недоверчиво осмотрел пещеру. Сомнений не было — именно из нее неизвестный обстрелял нас с Витольдом из «дракона». Совпадение? Не может быть таких совпадений, если учесть информированность стрелка о делах на Ховенвипе.

Лаз выходил в ста метрах от входа в пещеру на высоте метра,

и я не обратил на него внимания при первом осмотре с Витольдом, после «знакомства» со стрелком: мне с моими габаритами пролезть в него было бы затруднительно.

— Вы этот аппендикс проверили?

— Еще нет,— помолчав, ответил Дуглас.— На объемной карте он виден отчетливо, по-моему, пуст.

— И все же проверьте, на всякий случай, пожалуйста.

Побродив с полчаса, мы ничего нового не обнаружили, но сам факт связи пещеры с важнейшим объектом лаборатории давал известную ниточку для дальнейших размышлений. Стрелок не хотел, чтобы его застали в этом месте, а может быть, и прятал что-нибудь в узком, естественном, каменном коридорчике.

Я зашел в библиотеку, побеседовал с Люцией, недовольной своей работой, вернее, отсутствием ощутимых результатов, и покинул Ховенвип. Пока добирался в Управление, думал о том, что мне сообщил Дуглас о контейнерах. Космические перевозки... космодром на плато, рядом с подземельями «Суперхомо», железная дорога, соединяющая один из выходов из подземелий с космодромом,— именно на нее я наткнулся в ущелье, до встречи со стрелком... Лаборатория была связана с космическими исследованиями и с Институтом технологии военно-космических сил. Я вдруг вспомнил эмблему на контейнере: черный треугольник с буквами D и G ...«Demons gloom» — «Демоны мрака», частная космическая компания по разработке радиоактивных месторождений... и объект «Зеро»...

— Гоп-ля! — сказал я вслух, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих. В этот момент я был гений! Связь «Суперхомо» и объекта «Зеро» существовала! Вернее, лаборатория каким-то образом была связана с компанией «Демонов мрака», а это уже говорит о многом. Интересно, как отец смог догадаться о связи «Суперхомо» с «DG»? Интуиция? Опыт? Сумма знаний? Вот уж кого действительно можно назвать гением. И не потому ли он дал название операции — «Демон»?

В отделе я немного успокоился, сожалея, что позволил себе расслабиться, и вызвал Лапарру. Начальник отдела, редко моргая, выслушал меня внешне спокойно.

— Все? — спросил он, когда я закончил.

Я кивнул, предчувствуя головомойку.

— Чем я приказал тебе заниматься?

— Стрелком, отделом подготовки экспедиций...

— Уже есть результаты?

— Пока нет.

— Выходит, ты просто растратил время на никому не нужное дублирование. Я же сказал, что займусь объектом «Зеро» сам.

Лапарра несколько секунд смотрел на меня «зеро», с неудовольствием, и я почувствовал, как у меня растут уши, растут, растут, ими

уже можно обмахиваться, и я несколько раз хлопнул ими себя по щекам: поделом, «гений»!

— Связь лаборатории с «Демонами мрака» существовала,—сказал наконец Лапарра.— Может, и с объектом «Зеро» тоже. Твой отец догадывался об этом с самого начала. Занимайся по плану, не отвлекайся, и вот еще что: я дал ориентировку на фигуранта всеземного розыска Зо Ли, но применил ограничение. Как говорил Гилле: «Свободный черт лучше связанного ангела». Задерживать Зо Ли не надо, при обнаружении только установить наблюдение.

Я в сомнении покачал головой.

— Едва ли он позволит водить себя. Судя по всему, он в отличной форме, экстрасенс и мастер конспирации...— Подумав, добавил: — Идеал для безопасника.

— Разве в Управлении нет оперативников такой квалификации? Вот и выдели в группу наблюдения лучших. У тебя все?

Я кивнул, и Лапарра отключился.

Так тебе и надо, подумал я сердито. Хотя, если разобраться, бьют меня не за то, что виновен, а за то, что попался. Не надо было сразу лезть к Яну со своими «гениальными» прозрениями, он не глупее и работает пока быстрее. Итак, со стрелком на данный момент имеем «зеро» информации, займемся отделом подготовки...

Я набрал телефон Первицкого, и в это время позвонил Кит Дуглас. Я интуитивно понял — неспроста. Очевидно, начальник группы чистильщиков решил реабилитировать «Аид» в глазах отдела безопасности. Интересно, что они раскопали?

— Мы проверили отросток пещеры, ведущий к запасному люку «Сейфа»,— начал Дуглас без предисловий.— И почти у самого люка нашли вот это.— Он отодвинулся в сторону, я увидел небольшой футляр какого-то прибора. Прибор имел цилиндрическую форму, на одном его торце крепился черный рупор, на другом две миниатюрные шкалы, верньер и сенсорная клавиатура.

— Это не забытый работниками лаборатории прибор, как мы подумали, а современная штучка. Внутри кристаллическая начинка, молектронные диафрагмы, чипы, резонаторы МД и прочая микрошелуха. Короче, это широкодиапазонный радиопередатчик с программным управлением. Прислать?

— Непременно! Спасибо, Кит, от души! Присылай в отдел тотчас же, комната двадцать один.

Дуглас вскинул вверх сжатый кулак и исчез. Ей-богу, приятный парень. А я подумал, что Ян отругал меня не зря. Только имея такой козырь, как находка передатчика, я мог идти к начальнику отдела с докладом. Права поговорка: семь раз отмерь — один раз отрежь. Итак, найдена одна из причин, из-за которой стрелок открыл по мне с Витольдом стрельбу. Ясно, как дважды два, что он хотел проникнуть в «Сейф», то бишь, архив лаборатории, но не успел, мы его спуг-

нули, когда он подбирал код к электронному замку люка, не ведая, что тот обесточен.

Наконец-то мы вышли на реальный след, по которому можно восстановить картину событий тех дней.

МЛАДЕН ЛИЛОВ, ОФИЦИАЛ-ЭКСПЕРТ ТЕХНИЧЕСКОГО ЦЕНТРА УАСС

Мы с Басилашвили заканчивали последнюю серию вычислений по тем данным и материалам, которые удалось получить в отделе безопасности, когда позвонил Игнат Ромашин и попросил явиться с полученными результатами.

Мы переглянулись.

— Разогнался,— усмехнулся Басилашвили.— Он думает, что мы семи пядей во лбу и сейчас все ему объясним и покажем.

Длиннорукий худой физик понравился мне дотошностью и способностью к редким по красоте и неожиданности обобщениям. Гипотезы, разработанные нами в результате исследования феномена «Демон», это в основном его заслуга. Мне показалось, что мы с ним примерно одного возраста — мне шестьдесят, поэтому я сказал:

— Молодость всегда нетерпелива.

Басилашвили снова усмехнулся, встал, накидывая куртку.

— Если вы считаете молодость недостатком, то по сравнению с Игнатом я еще более нетерпелив.

Я недоверчиво посмотрел на физика. Тот тихо рассмеялся.

— Сколько мне, по-вашему, лет? Двадцать восемь! А все это,— он одним движением руки очертил свою фигуру,— только видимость. О катастрофе на мысе Светлом в Хронополисе вы, наверное, слышали? Я один из немногих уцелевших.

Я вспомнил этот случай. Во время одного из экспериментов лаборатория времени «провалилась» в прошлое, из тридцати трех человек научно-технического персонала Хронополиса в живых осталось только одиннадцать, ровно треть... Когда их обнаружили, никто не хотел верить, что это те самые молодые сотрудники лаборатории,— выглядели они, по крайней мере, семидесятилетними... Да, Хронос, бог времени, не любит, когда без спроса вторгаются в его владения. Я с уважением посмотрел на физика, но тот шел к двери, худой, высушенный жутким зноем пустыни времени...

В кабинете Ромашина собрались другие сотрудники отдела, с которыми мне уже выпала честь познакомиться. На столе я заметил небольшой цилиндр с черным раструбом излучателя и узнал радиопередатчик, разработанный нами для отдела комплектации «Аида». Странно, зачем он понадобился Ромашину?

— Что, знаком? — перехватил мой взгляд Игнат.

— Передатчик с усилителем биополя,— сказал я.— Разработка Саши Первенцева из лаборатории нейристорной микротехники. Они сделали, насколько я помню, три экземпляра с разными характеристиками и передали в «Аид». Откуда он у вас?

Глаза Игната сузились, стали холодными и чужими.

— Это сюрприз. Вы знаете, где нашли передатчик? В одном из подземных коридоров «Суперхомо», у люка в архив. А чистильщики, кстати, не знают, что сделан он для них.

— Еще и «Аид» здесь замешан,— пробормотал молодой парень, всюду сопровождавший Игната, повернувшись ко мне.— Не помните, кто давал заказ на разработку передатчика?

Я пожал плечами.

— Спросите у Первенцева, я знаю только то, что уже сказал.

— Спасибо и за это,— медленно проговорил Игнат.— Мы займемся передатчиком позже. Еще раз убеждаюсь, что в формуле успеха большую роль играет Его Величество Случай. Но к делу. Предоставляю слово ученым.

— Давай ты,— сказал я Басилашвили.

— Мы успели проанализировать события, странность которых уже оговорена, поэтому повторять начальные условия нет надобности. Мы имели: катастрофу на плато Ховенвип — данных почти нет, кроме констатации факта гибели людей от «остановки сердца» и видоизмененного леса; рухнувший в реку мост в Эль-Пасо; утечку на энергостанции в Хьюстоне; взрыв орбитального лифта на Сааремаа; аварию атмосферного завода под Псковом. Объективных данных очень мало, субъективных больше, я имею в виду, оценки происшедших событий свидетелями. Наши выводы: параметры всех аварий схожи, отклонений в пределах вектора случайного смысла практически нет. Причиной всех аварий может служить некая зона активного поглощения энергии. Именно она способна вызвать утечку на энергостанции, разрушить опоры моста, поглотить защитное поле лифта и ударную волну взрыва и вызвать у людей те ощущения холода, которые запомнились им прежде всего. Зона, очевидно, невелика, около километра в диаметре. Почему она образовалась в моменты, соответствующие авариям, мы не знаем. Если же она существует постоянно, то шанс обнаружить ее имеется: над водоемами — по термическому следу на воде, в воздухе — по инверсионному следу.

— Почему зона должна оставлять следы?

— Поскольку она поглощает энергию, а это, по-моему, бесспорно, то из-за резкого падения температуры воздуха область вокруг зоны должна служить ядром конденсации тумана. Отсюда и туманная полоса, то есть инверсионный след. На воде также должны оставаться следы в виде переохлажденных полос, видимых в ифракрасном спектре со спутников погоды, например, рассасываются они медленно.

— Понял, продолжайте.

— Как я уже сказал, причин возникновения такой зоны мы не знаем. Могу предложить гипотезы о сущности самой зоны. Первая: зона — это устойчивая комбинация каких-то полей. Вторая: реализованная кем-то область двенадцатимерного пространства, и третья — иная Вселенная.

По тишине, наступившей вслед за речью Басилашвили, и по взглядам безопасников я понял, что они о нас думают. Ромашин изучающе посмотрел на своих подчиненных.

— Что скажете?

— Надо подумать,— сказал Дайнис.— Я не имею полной информации по данному делу. Но вот вопрос: может ли ваша зона поглощения трансформировать растительность в местах появления, как на Ховенвипе и в других районах?

— Гипотеза нуждается в экспериментальной проверке...— начал Басилашвили, я его перебил:

— Свойства зоны могут не исчерпываться эффектом поглощения энергии. Объект — носитель зоны вполне может оказаться чьим-то зондом-разведчиком, у которого центральный мозг-координатор просто «сошел с ума».

— Наш обмен фантазиями непродуктивен,— сказал рассудительный Аристарх Видов.— Объяснять сущность самой зоны, мне кажется, преждевременно.

— Ничуть,— возразил Басилашвили.— Отрабатывая гипотезы, мы быстрее выйдем к истине, тем более что задача сводится к максимально быстрому обнаружению зоны или просто Демона. А обнаружить — значит предотвратить грядущие аварии. Если у вас есть новые факты, данные свидетелей, прошу передать информацию. Кстати, обращаю ваше внимание на тот факт, что «мощность» аварий по цепи Ховенвип — Псков растет, то есть растет масштаб разрушений и жертв.

— Мне непонятно одно,— сказал Дайнис.— Какую роль во всем этом играет фигурант всеземного розыска Зо Ли?

— Вопрос не по адресу,— ответил Игнат, о чем-то размышляя.— Достаточно того, что он видел аварии, но не явился к нам и не рассказал. Младен,— обратился он ко мне.— Ваши сведения не лишены сумасшедшинки, чем и ценны. Задание остается тем же: исследование моделей Демона, его возможностей, причин возникновения, а также воссоздание причинно-следственной связи событий, о которых мы говорили. И вот еще что: летите на Ховенвип и тщательно исследуйте подземное хозяйство лабораторий «Суперхомо» вместе с экспертами «Аида», особенно необычный бункер в форме сферы. Координаты я вам сообщу, а там поможет старший группы чистильщиков Кит Дуглас. Результаты немедленно мне на стол. Не возражаете?

Я не возражал, как и Басилашвили. Он понимал свою задачу. Работа предстояла интересная, и если б не тревожный ее подтекст — заинтересованность отдела безопасности УАСС,— работать было бы одно удовольствие. Впрочем, в наше время чисто физических проблем не существует, любая порождает комплекс проблем этики, морали и ответственности за последствия.

ВИТОЛЬД СОСНОВСКИЙ

— Аристарх,— сказал Игнат,— возьми двух ребят посмышленей и поработай в отделе подготовки экспедиции Даль-разведки. Надо осторожно выяснить, от кого неизвестный стрелок из «дракона» мог получить информацию о моем возвращении из экспедиции и о том, что карабин еще у меня. Это первое. Второе — с чьей помощью он добыл патроны к карабину. Вполне возможно, это разные люди, но через них мы наверняка выйдем на личность стрелка.

Суровый Видов (я его несколько побаивался) тут же ушел.

Мы стояли на террасе технического центра УАСС. Над головой нависала наклонная ячеистая стена километрового здания, под нами склон холма уступами обрывался в Десну. Вид был хорош, и даже три спицы орбитальных лифтов одна за другой не портили пейзаж.

Игнат задумчиво смотрел вниз, на реку. Было видно, что мысли занимают его не очень веселые. Кто бы мог его развеселить, отвлечь от дум, так это Дениз. Она это умеет.

— С этим куда? — напомнил о себе Дайнис, второй помощник Игната. В руках он держал передатчик, найденный в пещерах Ховенвипа.

— С этим? — очнулся Игнат.— Как и решили, в лабораторию микротехники. Найдешь Первенцева, объяснишь ему ситуацию и выяснишь, кто давал задание на разработку передатчиков. Да, еще узнай, нет ли других подобных заказов. И помни о тайне расследования.

Дайнис кивнул и исчез так же быстро, как и Аристарх.

Игнат посмотрел на квадрат видео, на котором промелькнули цифры времени, кивнул на полускрытые кустарником скамейки.

— Сядем, варяг. Расскажи-ка подробней, что вы отыскали с Видовым в местах пришествия Демона. Твой отчет я передал физикам не читая.

Мы уселись в тени ивы, и я рассказал Игнату все, что узнал сам.

Кроме известных нам происшествий на Ховенвипе, в Эль-Пасо, Хьюстоне и других местах, не менее загадочные события произошли в Сан-Антонио — с пустого неба выпал снег полосой в три километра, в Орхусе упал спутник связи и взорвался прогулочный лайнер, в Корке глиняный плывун снес участок старинной магнитной доро-

ги. Конкретных причин этих событий линейные отделы УАСС не доискались, и нам теперь предстояло довольствоваться лишь констатацией фактов и отработкой аварийных ситуаций на вычислительных комплексах. И везде в местах, посещенных Демоном, проявились неожиданные и порой жуткие последствия. В Хьюстоне после утечки энергии вырос из реактора «мыльный пузырь» с «зернистой икрой» внутри. В Эль-Пасо после падения моста из его опор выросла алая ажурная башня. В Орхусе после взрыва лайнера вырос гигантский «гриб». В Сан-Антонио сформировалась из ничего двухкилометровая «снежинка». Все эти сооружения свидетелям, да и экспертам, изучавшим их, казались омерзительно живыми, несущими угрозу, и имели еще одно общее свойство: они исчезали спустя некоторое время, от десяти часов до полутора суток. И еще один момент: растительность в местах пришествия Демона претерпела чудовищные изменения формы, клетки деревьев, трава кустарников переродились, хотя и продолжали нести свои основные функции. И ни одна из форм не походила на другую, хотя многие виды деревьев повторялись, росли и в Америке, и в Европе.

— Понятно.— Игнат помолчал.— То есть непонятно, почему флора реагировала на Демона так сильно. Тебе придется заканчивать начатое. Звони в отделы Управления, занимавшиеся ликвидацией последствий аварий, еще раз слетай на места, поговори с очевидцами, короче — разберись и в физике, и в психологии. И посети еще американский метеоцентр. Басилашвили предложил хорошую идею насчет следов Демона в атмосфере и на воде. И вот еще что, увидишь Дениз, скажи ей... впрочем, не надо, я сам.

Игнат пожал мне локоть, и я ушел, унося в душе смутное желание подбодрить его, а он остался сидеть, погруженный в свои думы.

В метеоцентре я пробыл недолго. Работники там дежурили опытные и в полчаса нашли мне то, чем я интересовался. Синоптики в самом деле нашли следы, похожие на те, которые по мысли ученых должен был оставлять Демон.

В Сан-Антонио, например, перед странным весенним снегопадом отмечалась полоса тумана, откуда и выпал снег. В Атлантике спутники погоды заметили термические полосы, напоминающие выходы на поверхность океана холодных подводных течений, которых раньше там и в помине не было. Я не очень надеялся, что этот случай несет нужную информацию, но по времени он укладывался в цепочку Ховенвип-Псков, и я внес его в реестр загадок. Кстати, у побережья острова Сан-Мигел, на котором самовозбудился вулкан, тоже были отмечены переохлажденные полосы на воде.

Из метеоцентра я со всей возможной скоростью кинулся в обход отмеченных географических точек, познавая Землю с несколько неожиданной стороны, но, как ни старался, освободился лишь к одиннадцати часам вечера.

Игнат все еще находился в отделе. Я было начал рассказывать о своих похождениях, но он меня перебил:

— Погоди, варяг, расскажешь потом все подробно. Точно, что в местах загадочных происшествий видели чистильщика?

— Я показывал снимки Зо Ли свидетелям, он там был.

— Хорошо. Отдыхай пока, в двенадцать ноль-ноль сбор у Лапарры, без опозданий. Я отлучусь на час.

Он ушел, а я добрел до дивана, сел и вытянул ноги, только теперь почувствовав, что устал. До двенадцати успею и поужинать, и отдохнуть, и подумать о той пользе, которую приносит отделу стажер Витольд Сосновский, то есть я. Польза была, иначе Игнат не похвалил бы. Но не слишком ли я самонадеян? Главные задачи-то решают другие...— Ну и что? — сказал внутренний голос,— по Сеньке и шапка! Во-первых, как сказал отец,— ты еще птенец, и по возрасту, и по жизненному опыту. Во-вторых, в Управлении работают профессионалы, и чтобы стать с ними наравне, надо иметь волю и кое-какие задатки. Есть они у тебя?..— Что я мог ответить внутреннему «я»? Ничего. И я промолчал.

Поужинав, я позвонил домой, перекинулся парой шутливых ретирад с Дениз и направил стопы в кабинет начальника отдела. Правда, порог кабинета я переступил не без внутреннего трепета.

Лапарра молча указал на стул и продолжил работу, всматриваясь в бегущие по панели стола столбцы цифр, строки и команды, иногда переключая что-то на доске связь-координатора. Вторым пришел Аристарх, молча сел рядом. Игнат заявился в первом часу ночи с худым и рыжим заместителем Лапарры.

Начальник отдела негромко сказал «отбой» в панель стола, нажал выключатель, и световая беготня на столе прекратилась.

— Слушаю.— Лапарра мельком посмотрел на Игната.— Сожалею, что смог освободиться так поздно. Как чувствует себя Дайнис?

— Нормально, однако в форму войдет не раньше, чем через сутки.

— Что с ним случилось? — вырвалось у меня.

Лапарра продолжал смотреть в угол кабинета, морща лоб. Игнат нехотя ответил за него:

— На Дайниса было совершено нападение,— и добавил, чтобы у меня больше не возникало вопросов:— С целью отнять передатчик.

Я был ошеломлен так, что соображать начал не сразу.

— Кто нападающий, выяснили?

Игнат знакомым жестом обхватил пальцами подбородок.

— Нападающий подошел сзади и провел прием «коготь дракона». Передатчик исчез.

— Это мог быть Зо Ли?

— По тому, как был проведен прием, можно судить, что напада-

ющий занимался тайбо по школе «скорпиона». Это мог быть и Зо Ли. В таком случае, он смел не по росту...

— Не отвлекайся. Что выяснили?

— Первенцев подтвердил, что получил заказ на разработку передатчиков, и не только их. Несколько дней назад он закончил монтаж и проверку многодиапазонного биоизлучателя. Излучатель таинственным образом исчез в тот же день из закрытого сейфа лаборатории. Кроме излучателя исчез и серийный усилитель эмоций. Это к сведению.

— Кто выдавал и подписывал задание на разработку?

— Выдавал Ларри Хэмпстер, подписывал Мартин Гриффитс.

— Что?!

— Вот именно, заместитель начальника и сам начальник американского филиала «Аида». Но ни один из них и в глаза не видел этого задания. Подписи на бланках заказа подделаны.

— Кто приходил с бланками?

— Первенцев не помнит. Думаю, стрелок из «дракона» послал их почтой по каналу особой срочности. Аристарх провел осторожный зондаж отдела подготовки Даль-разведки. Зо Ли там никто не видел, и вообще никто не вел разговоров о моем возвращении. Но что любопытно, память компьютера, в которой были заложены данные о работе отдела безопасности в экспедиции «Погоня», оказалась стертой! Не вся, конечно, только та часть, которая касалась лично меня. К тому же патроны к «дракону» исчезли из закрытой секции отдела комплектации, точно так же, как и биоизлучатель в лаборатории Первенцева.

— Одна и та же рука...

— Мы проверили, все сейфы, из которых были произведены хищения, одного и того же завода, замки в них стоят на электронике. А Зо Ли работал лет восемь назад именно на этом заводе, по специальности он чип-механик больших интегральных систем.

— Специалист по сейфам.— Лапарра хмыкнул.— Интересно. Он мог и в компьютере похозяйничать, профессионал. Что еще?

— Наши бравые физики Лилов и Басилашвили высчитали скорость и предполагаемые условия возникновения своей «зоны поглощения энергии», то есть Демона, но делиться непроверенной информацией не хотят, боятся. Я пробовал провести локацию ближайших к Пскову районов с пятого спутника, обнаружить ничего не удалось.

— Плохо! Что говорят сами ученые? Можно ли каким-нибудь техническим способом обнаружить Демона?

— По-видимому, зона Демона действительно поглощает все виды радиаций. Обнаружить ее локаторами любых типов невозможно. Может быть, помогут детекторы слабых взаимодействий? — термин Лилова. По его словам, зона с такой концентрацией энергии, како-

вая предполагается у Демона, должна порождать некоторые физические эффекты, вроде рождения элементарных частиц...

— Плохо,— повторил Лапарра глухо.— Время идет, а мы топчемся в болоте предположений и догадок. Например, ответьте мне на вопрос: зачем стрелку понадобился многодиапазонный радиопередатчик? Люк в архив лаборатории он не открыл, но, выходит, передатчик еще нужен стрелку, если тот осмелился напасть на Дайниса и отобрать?

Игнат молчал.

— Теперь этот специализированный биоизлучатель с усилителем эмоций... он-то зачем? — Лапарра подождал и махнул рукой.— Ладно, прибавь эти вопросы к своему «туману». У вас все?

— Стажер был на местах событий, укладывающихся по времени и загадочности в нашу схему. Следы Демон оставил везде. И во всех местах очевидцы видели Зо Ли. Вероятно, он тогда ни от кого и не скрывался.

— Потому что никто его не искал. Все? Тогда продолжайте работу. — Лапарра был озабочен и недоволен и не скрывал этого.— Придется мне одному краснеть перед начальством за нашу «оперативность».

— У меня вопрос.— Игнат подумал.— Есть ли новые данные по объекту «Зеро»? Или по фирме «DG»?

— Фирмой занимаюсь я, объектом «Зеро» тоже занимаются люди. Нового ничего. Если что отыщется, тебе сообщат.

Худой заместитель начальника отдела, видя, что все встают, негромко проговорил:

— Одну минуту. Есть одно обстоятельство. Стажер говорит, что Зо Ли видели везде, где произошли необъяснимые события. Так?

Игнат и Лапарра одинаково вопросительно посмотрели на Первицкого.

— А что вы скажете на такую подробность: в момент снегопада в Сан-Антонио Зо Ли видели в другом месте?

— Чепуха,— спокойно сказал Лапарра.— В раздвоение личности я не верю. Кто-то из свидетелей ошибается.

— Это не единственный случай,— покачал головой Первицкий.— Игнат видел Зо Ли и во время взрыва Сааремского лифта, а работники связи космоцентра в то же самое время имели с ним разговор в ПКП номер двадцать три.

— Где-где?

— В посту контроля за пространством над Землей.

Наступила тишина. Я посмотрел на Игната, но на его лице прочитал лишь заинтересованность. Впрочем, как я уже говорил, чтец по лицам из меня плохой. На лице Лапарры я вообще прочитал желание поспать, но едва ли это соответствовало истине.

— Откуда тебе это известно? — спросил наконец начальник отдела.

— Совершенно случайно. Я ведь член комиссии СЭКОНа по экоэтике и вынужден изредка проверять, как выполняется Устав различными организациями. И когда я проверял систему связи, мне вдруг пришла в голову мысль показать связистам фото Зо Ли и предупредить их, что он фигурант розыска.

— Этого нам только не хватало! Проверьте самым тщательным образом, а потом посмотрим, куда это нас заведет.

Мы ушли из кабинета и до двери своей резиденции шли молча. В голове у меня кипела лава фантазии, я уже представлял, что Зо Ли может делать с себя копии — не это ли секрет «Суперхомо»? — и поэтому он вездесущ и неуловим, и тут меня посетила мысль, от которой я потерял дар речи.

Игнат с Аристархом вошли в комнату, включили видеопроектор и стали просматривать какие-то документы, изредка бросая краткие реплики. Наконец Игнат заметил мое отсутствие:

— Ты где, Витольд? Нарушаешь режим секретности.

Я остановился в дверях и сказал чужим голосом:

— Я знаю, зачем стрелку, а это наверняка был Зо Ли, нужен многодиапазонный радиопередатчик.

Игнат поднял брови, Аристарх с любопытством оглянулся.

— Браво, стажер? И зачем же?

— Чтобы управлять Демоном!

Они переглянулись, одновременно посмотрели на меня.

— Он или гений, или близок к помешательству,— изрек Аристарх.— Еще надобно доказать, что Демон — изделие лаборатории. Да и как может быть управляема зона поглощения энергии?

Игнат встал, подошел ко мне и с нежностью в голосе сказал, стукнув легонько кулаком в плечо:

— Ух ты, варяг! Молодец, варяг!

А мне почему-то захотелось плакать, честное слово! То ли потому, что я «птенец» и меня редко хвалили, то ли потому, что похвала исходила от дорогого мне человека...

ФИЛИПП РОМАШИН, ДИРЕКТОР УАСС

Центр оперативного управления секторами занимал первый этаж здания УАСС и представлял собой один зал, разделенный прозрачными перегородками на семь отдельных помещений — по числу секторов. Я направился в левое крыло зала, которое почти полностью занимал сектор планетарной службы Земли, самый большой из всех.

В квадратном помещении было прохладно, пахло сеном и цветущим кипреем. Три сотни панелей-пандармов, установленных пят-

надцатью рядами, то показывали какие-то участки земной поверхности или морские глубины, то превращались в черные доски, по которым снизу вверх текли потоки цифр, символов, световые стрелы бланк-сообщений, схемы и строки приказов. Тишина в зале стояла почти полная: аппаратура здесь работала на мыслеприеме, а не на звуке. Три стены помещения занимали ВОПСы — видеосистемы первого сигнала о катастрофах, авариях и несчастных случаях.

У центрального виома меня встретил Калашников, мой второй заместитель, высокий, слегка сутулый, с большой головой и крупными чертами лица.

— Только что пришел ответ. Тропосфера и стратосфера по данным метеоконтроля чисты. Ретроспективный анализ на полгода назад тоже ничего нового не выявил. Но есть масса «метеоштрихов» — по выражению главного синоптика, с которыми еще предстоит разобраться.

Я кивнул, нашел на плоскости командного пульта нужный сенсор, и виом распахнулся на всю ширь акваторией Балтийского моря.

— Проверили институты? Физики никаких экспериментов не проводили в момент трагедии на Ховенвипе?

— Проверили. Ни один из проводимых на земле, под землей и над землей экспериментов не совпадают по времени, месту проведения и последствиям ни прямо, ни косвенно.

— Данные по Луне?

— Луной занимается Егоров, он в секторе СПАС.

Я включил связь с сектором периферийной ветви аварийно-спасательной службы: станции СПАС вылавливали сигналы тех аварий, которые не могла достать система постов оперативного дежурства.

— Егорова.

— Слушаю,— появился в малом виоме толстяк Егоров, начальник техцентра Управления.

— Что нового по Луне?

— Прощупали весь шарик. Нашли следы старой шахты, посадочной площадки, но взрыв там был мощный, воронка диаметром около трех километров! Ничего, конечно, не осталось. Правда...— Егоров пожевал нижнюю губу.— Эксперты при анализе обнаружили в воронке мизерные следы сто двадцать шестого элемента, магия. Может, хоть это что-то даст?

— Магия?!

— Именно. Как вы знаете, в число элементов, составляющих все тела Солнечной системы, этот дважды магический элемент не входит. Более того, по данным астрофизиков он не обнаружен нигде в Галактике.

— Магий можно получить в лаборатории,— сказал Калашников.

— Стоп,— сказал я.— А двести лет назад существовали такие лаборатории?

Егоров задумался.

— По-моему, нет, но я уточню.

— Хорошо. Пришли мне информацию по магию.

Я подключил к виому информ-канал и принялся читать сообщения о событиях на Земле за последние двое суток. Аварий было семь, в основном, на автоматических заводах, что меня всегда удивляло, случаев, относящихся к рубрике «нарушения экоэтики», не выявлено совсем, зато мелких региональных нарушений равновесия «природа—технология» обнаружилось около трехсот.

Я поставил в последней записи значок «особый контроль» и вызвал Лапарру, Игната и Гриффитса.

Виомы сработали почти одновременно, и рядом с моим «генеральским» креслом возникли кресла начальника американского филиала «Аида» и Лапарры. Игнат явился в сектор самолично через минуту.

— Получил новые данные,— сказал я,— поэтому и вызвал вас раньше срока. Но сначала что у вас.

— Удалось найти кое-какие интересные детали, помимо биотрансформации флоры,— начал Лапарра,— и прочей чертовщины, если не сказать иначе.— Моему вызову он не удивился, из чего я сделал вывод, что он его ждал.— Наш фигурант розыска Зо Ли «раздваивается»! Его трижды видели в двух местах одновременно.

— Вот как?— нахмурился я.— Раздваивается? Может быть, КОТ?

— КОТ — имитатор голографического призрака, не умеющего разговаривать самостоятельно, да и работает аппаратура КОТ на расстоянии до ста метров. В нашем же случае, между «обоими Зо Ли» было не меньше трех сотен километров.

— Весьма интересно. И как вы себе это объясняете?

— Никак. Пока приняли к сведению, передали информацию физикам и экспертам, которые работают над созданием датчиков, могущих засечь Демона в воздухе. Обещали утром представить первый экспериментальный образец.

— Долго они копаются.— Мне не понравилось выражение лица Игната.— А ну-ка, что там у вас стряслось? Выкладывайте.

Игнат переглянулся с Лапаррой, потом Ян сказал:

— На Дайниса Пурниекса было совершено нападение. Он нес найденный на Ховенвипе радиопередатчик в лабораторию. Передатчик исчез, личность нападавшего не установлена.

Лапарра мельком посмотрел на меня и добавил:

— Это еще не все. На Игната тоже было совершено нападение, вернее, попытка нападения. Случилось это несколько дней назад, а сказал он только сегодня. Предполагаем, нападающий хотел завладеть картой подземных ходов Ховенвипа.

Игнат виновато поежился под моим взглядом. Неужели так расслабился на Земле, что перестал обращать внимание на мелочи? Забыл, что мелочей в нашей работе, как ни тривиально подобное умозаключение, не бывает?

— Час от часу не легче! Вы хоть представляете, чем это пахнет? Сначала стрельба на Ховенвипе из «дракона»! Теперь еще два случая! Почему до сих пор неизвестно, кто стрелял и нападал?

— Поиск ведется,— тихо сказал Лапарра, сжав побелевшие губы.— По всем данным, это дело рук одного и того же человека, а именно Зо Ли.

— Прекрасно! Осталось только выяснить у него самого. Где он, кстати? Не знаете? А кто знает? Если не знает руководитель отдела безопасности, то зачем вообще этот отдел в Управлении?

Лапарра молчал. Игнат хотел что-то сказать в его оправдание, но я остановил его жестом.

— С поиском Зо Ли надо кончать. Объявите «Шторм-поиск» по Системе, но найдите его! Человек — не иголка.

— А я думаю, не в нем дело,— все-таки вставил Игнат.— Вернее, не только в нем одном. Кто-то еще «играет» под него

Лапарра поморщился.

— Не торопись, Игнат. «Раздвоение» Зо Ли — еще не аргумент в пользу твоей идеи. Я считаю, что Зо Ли овладел каким-то секретом лаборатории, что дает ему возможность гулять по Земле безнаказанно, да еще и следить за Демоном. Все его действия находятся за гранью человеческих возможностей. Нормального профессионала мы давно взяли бы. Коммуникационная служба трижды засекала его в Европе, и каждый раз он уходил от наблюдения!

— Ну, насчет «нечеловеческих» возможностей ты преувеличиваешь.— Игнат улыбнулся.— Реакция у него, прямо скажем, изумительная, но ведь и мы кое-что умеем.

Он неуловимо быстро пригнулся, прыгнул через меня, сидящего в кресле, бесшумно приземлился и... исчез! Во всяком случае, так это выглядело со стороны. На самом деле он применил прием «тень невидимки», один из самых трудных приемов тайбо школы «тигра», рассчитанных на скорость движений, ускользающих от наблюдателя.

— Браво! — похвалил Гриффитс и дважды хлопнул в ладоши.

Игнат вышел из-за спины недоумевающего Калашникова.

— Цирк! — буркнул Лапарра неодобрительно. На самом деле он был доволен, а я подумал, что мой сын еще во многом ребенок, несмотря на физические данные взрослого человека. Правда, мне тоже приятно видеть его в форме...

— Так,— подвел я итог своим размышлениям.— По Зо Ли: службе коммуникаций подключить к его поиску все оперативные отделы. Проанализировать его «раздвоение» и, если факты подтвердятся или повторятся,— срочно собрать Совет безопасности с привлечением Академии наук. Теперь по Демону. Есть что-нибудь новое?

— Почти ничего,— угрюмо сказал Лапарра.— Смерть людей Шерстова не оставляет сомнений, что в момент их появления на Ховенвипе Демон вырвался из бункера «Суперхомо» на волю. Помните акт медэкспертизы? «Смерть наступила от внезапной остановки сердца...» По мнению медиков, остановка сердца могла произойти и от громадной энергопотери. То есть чистильщики попали в зону поглощения энергии Демона.

— У стажера есть гипотеза,— сказал Игнат.— Демон — это «черная дыра» человеческого зла. Она поглощает все отрицательные эмоции людей и в зоне ее действия ускоряются события, идущие человеку во зло.

— Поэтическая вольность, не более,— произнес Лапарра.— Но мысль заслуживает внимания. Ведь и Зо Ли зачем-то понадобился биоизлучатель с усилителем эмоций. Больше у меня ничего нет.

— Усилитель эмоций, кажется, используется только в медицине?

— Верно, при лечении угнетенных состояний и депрессий.

— Ясно. Что у тебя, Мартин?

Гриффитс по привычке выпятил толстые губы.

— Нам удалось сохранить часть документов второго вскрытого контейнера. Эксперты разбираются в записях, но кое-что уже расшифровано. Лаборатория экспериментировала на людях, причем весьма своеобразно: их по одному и группами «скармливали» Демону с разных сторон через «окна» проницаемости в его оболочке. Таким образом «экспериментаторы» искали ключ к управлению Демоном, откуда ясно, что Демон не является изделием лаборатории. Он откуда-то привезен на Ховенвип. Список прошедших Демона включает шестьсот сорок четыре фамилии. Выживших после этого насчитывается девяносто пять человек, из них шестьдесят умерло в течение месяца после эксперимента.

В зале установилась тишина.

Все работники у ВСПС, Лапарра, Калашников, Игнат, потрясенные, молча смотрели на Гриффитса. Молчал и я, хотя давно знал, что пределов цинизму и человеконенавистничеству «ученых» убийц эры капитализма не было.

— Это все, что удалось прочитать? — тихо спросил Лапарра.— Нашли они ключ к управлению Демоном? И что он такое?

— По-видимому, нет, хотя прямых доказательств, подтвержда-

ющих мой вывод, не обнаружено. Кстати, в бункере, где предположительно находился Демон, химики обнаружили следы магия.

Еще несколько минут назад слова Мартина были бы для меня сюрпризом, теперь же я только кивнул в ответ, убедившись в своем предположении.

— Спасибо, Мартин,— сказал я.— Хорошо, если бы вы сообщали мне новости сразу, а не сутки спустя. Теперь я могу определенно сказать, что такое Демон. Это объект «Зеро».

Молчание длилось минуту. Потом Лапарра, хмыкнув, вскинул глаза:

— Считаешь, объяснил, что такое Демон?

— Объяснил, просто вы этого еще не видите. Дело в том, что по моему заданию было проведено обследование местонахождения шахт фирмы «Демоны мрака» на Луне. Там тоже обнаружен магий. Плюс к этому последние данные Мартина о том, что Демон привезен на Ховенвип, а не создан в лаборатории. Отсюда и вывод: объект «Зеро» был привезен на Землю и спустя сто с лишним лет вырвался на волю, как Демон.

Я отметил время — пора заканчивать внеплановую оперативку.

— Подхожу к главному. Неизвестно, владеет ли ваш Зо Ли секретом Демона, это мы узнаем, когда чистильщик будет у нас, но, по-видимому, мы выходим на контакт с внегалактическим разумом! Следы объекта «Зеро» — магий, а он в Галактике не обнаружен. Вот и считайте теперь, какова цена нашей работы. Локация со спутников и высотных ПКП поверхности Земли тоже ничего не дала, значит, вся надежда на светлые головы физиков. Не обнаружим Демона — сам дьявол не знает, что он выкинет в следующий...

Я остановился, потому что работавший неподалеку Калашников вдруг сделал знак рукой.

Операторы ВСПС рядом с ним запорхали пальцами по клавиатуре пульта, перебрасываясь неслышными фразами.

Наконец Калашников выслушал сообщение, сказал:

— Будем,— и повернулся ко мне: — Авария под Новгородом! В реку обрушился мост с магнитопоездом. Есть жертвы. Патруль линейных уже пошел...

Я оглянулся на Лапарру и встретил его нестерпимо светлый взгляд. И вспомнил очень древнее стихотворение о потерянном времени:

Пляс
Потерянного времени
Дик, зловещ, и не угас
Глаз
Потерянного времени,
Не взирающий на нас...

ИГНАТ РОМАШИН

В Новгороде мне бывать не приходилось, хотя я знал, что это старинный русский город- памятник и в нем есть что посмотреть. Однако на этот раз было не до его каменных и прочих красот, потому что мы мчались к городу с отчаянной скоростью опаздывающих. И все-таки опоздали.

Катастрофа произошла в тот момент, когда грузовой магнитопоезд пересекал мост через реку Мсту. Ширина реки у моста была метров сто пятьдесят, и он рухнул по в с е й длине! Ну ладно бы одна опора (мост был, конечно, старый, трехопорный, из напряженного стеклобетона), а то ведь все три!

Наш пинасс прилетел в тот момент, когда над бурлящей у развалин моста рекой повис модуль патруля стихийного бедствия. Спасатели действовали быстро и в нашей помощи не нуждались, да мы и не предлагали помощь, у нас были свои задачи.

Лапарра еще в центре дал в эфир «Шторм» по отделу, и аппараты с эмблемой отдела безопасности прибыли после нас с опозданием всего в пять минут. Первым делом мы перекрыли радиобарьером весь район катастрофы площадью в двадцать пять квадратных километров, чтобы никто не ушел из этого района незамеченным. Затем всей имеющейся на бортах машин техникой прочесали воздушное пространство на предмет выявления Демона. И лишь не обнаружив ничего похожего на зону поглощения энергии, начали планомерный поиск и выявление «подозрительного» в оцепленной зоне, а также опрос случайных свидетелей.

С согласия Лапарры я присоединился к экспертной группе техсектора, которую возглавил Младен Лилов.

— Везет нам с вами,— угрюмо сказал он, отвечая на рукопожатие.

— Снова что-то странное?

— Еще бы! Совершенно крепкий мост, не доживший до первого капитального ремонта! Как в сказке — дунул злой волшебник, и мост рассыпался на части.

— А может быть, так оно и было?

— Я привык верить фактам, а когда их нет, я не измышляю гипотез, а ищу новые факты.

— Кредо эксперта. Что ж, появятся другие странные факты — дайте знать. Кстати, Демон повторяется: в Эль-Пасо два месяца назад с его помощью произошла точно такая же история с мостом — рухнул по всей длине.

Я кивнул Лилову, и ко мне пришло вдруг знакомое характерное беспокойство, зародившееся на уровне «мысленного эха» — подсознание зафиксировало некую опасность и тут же сработали сторожевые центры тела, не засыпающие даже во сне. Возникла потребность

действовать, что-то делать. Я вызвал по микро Лапарру и поделился с ним своим ощущением. К моему удивлению, Ян не стал иронизировать; я подумал и спросил:

— Зону мы оцепили, но если он здесь, то как мы его обнаружим?

— Демона?

— Нет, Демон свое дело сделал, я имею в виду Зо Ли.

— Проще всего было бы провести перекличку и поднять всю нашу гвардию в воздух, одновременно наблюдая за землей. Если Зо Ли остался у моста, мы обнаружим его «мозговиком».

«Мозговиками» в среде спасателей назывались хомодетекторы, с помощью которых можно было найти погребенного при аварии в шахте человека даже на глубине в сто метров.

— Правильно, действуй. Я поднимусь повыше и возьму на себя контроль связи и проверку взлетающих машин.

Обнаружив стажера у машин «скорой помощи», я приказал ему следовать за мной и принялся командовать, не уверенный до конца в том, что у нас что-нибудь получится.

— Внимание! Патрулям горизонта перейти на связь на волне «четыреста». Ответы по ранжиру. Как приняли?

На панели монитора связи перемигнулись зеленые цифры: все десять машин услышали приказ.

— Начинаю перекличку. После ответа каждый стартует на высоту триста метров. Начали. Первый.

— Я первый, Полесов, пошел.

Пинасс Полесова вырвался из-за деревьев и взвился вверх.

— Второй.

— Я второй, Бабаджанов, пошел.

— Есть третий, Томпсон, пошел...

Один за другим стартовали пинассы и триеры патруля отдела, потом дошла очередь до машин Новгородского линейного отделения УАСС.

Я дал в эфир «две тройки» — сигнал особого внимания всем спасательным группам и передал тот же приказ подняться в воздух.

— Не понял, повторите,— ответил мне чей-то отрывистый резкий голос.— Кто командует?

— Это я, Зигмас,— отозвался Лапарра.— Потом объясню. Поднимай своих, это ненадолго, только дай перекличку на волне «четыреста», чтобы я видел и слышал.

— Ян? Что вы там мудрите? Вы же видите, чем мы заняты.

— Надо, Зигмас. У меня «Шторм» по отделу.

Короткое молчание.

— Понял. Ну смотри.

Неведомый мне начальник линейного патруля по имени Зигмас быстро провел перекличку, и в небо ушли последние триеры и ремонт-

ные «тюлени». У реки остался чей-то одноместный пинасс, беспилотный энергокатер и модуль ПСБ.

— Чья машина осталась? — спросил Лапарра.

— Не знаю, не наша.

— И не наша,— отозвался Зигмас.— Что дальше?

— Конец открытой связи! Дайте чистый эфир. Игнат, всем группам прочесать район внизу с помощью «мозговиков». Брать всех, кто окажется в зоне. Модуль ПСБ и катер я проверю сам.

— Понял.— Ожидание ч е г о - т о не покинуло меня.

— А как это — брать? — спросил заметно нервничавший Витольд. Он чувствовал себя лишним и был чересчур возбужден и суетлив.

Времени на ответ у меня не было, и я жестом показал стажеру, что такое «брать».

Лес под нами по обе стороны реки был тих и солнечен, напоен своей обычной щебечущей, шуршащей и скрипящей жизнью, с высоты в нем ничего нельзя было разглядеть, но через минуту поиска подал голос Полесов:

— Я «первый», вижу объект!

— Ромашин, две группы вниз! — голос Лапарры.

— Дайнис, к Полесову! — отреагировал я и дал знак пилоту своей машины.— Я за вами.

Через несколько секунд стремительного скольжения мы оказались под пинассом Полесова, от которого вниз ударил тонкий рубиновый луч лазера, указывая направление. Лес ринулся на нас, тени и контуры деревьев выросли вокруг мгновенными росчерками. Отскочил колпак кабины, я выпрыгнул на траву, оглянувшись на остальных, жестом послал их в цепь.

Сели мы в небольшой низине, заросшей дубками и орешником. Слева местность понижалась, упираясь в близкую реку, справа склон холма был свободен от деревьев и зарос высокой, почти по пояс, травой. Там, под одинокой сосной, копьем пропоровшей небосвод, стоял человек в зеленом комбинезоне лесничего и с любопытством посматривал то на нас, то в небо, где кружил пинасс Полесова. Это был не Зо Ли, видно было издалека.

— Осторожно,— напомнил о себе Лапарра.— Он очень опасен!

— Это не Зо Ли. Вижу впервые. Скорее всего, лесничий и здесь оказался случайно.

— Я Видов, вижу объект у границы контролируемой зоны. Движется быстро, может уйти.

Сердце «ёкнуло», как принято говорить в таких случаях, я четко и ясно понял: нашли именно того, кто нужен.

— Полесов,— позвал я.— Задержите этого, только тихонько, не испугайте. Я иду к Аристарху.

Зеленый пинасс Аристарха стоял носом вниз над вершиной голо-

го глинистого бугра и, когда я подошел ближе, спикировал к щетине соснового бора у подножия бугра. Я бросил машину следом. Сзади послышался удар и восклицание. Я оглянулся — стажер! Когда это он успел влезть в кабину?!

— Варяг? Ты как здесь оказался? А ну, марш к мосту!

Не оглядываясь, я побежал туда, где Видов уже командовал своими оперативниками.

— Где он? — выдохнул я, найдя Аристарха за стволом старой сосны.

— Метрах в пятидесяти от нас, идет на северо-восток, в сторону Малой Вишеры.

— Оцепили?

— Ведем по экранам «мозговиков», но... знаешь, сигнал какой-то странный...

— Что значит странный?

— Посмотри сам.

Видов подозвал одного из подчиненных, на плече которого была закреплена труба хомодетектора с металлическим стержнем, поддерживающим плоский и тонкий экран, расчерченный координатной сеткой. Экран чуть заметно светился, и в его центре пульсировала желтая многолучевая звезда. Я с недоумением уставился на нее. Отметка от цели — человека — на экране «мозговика» всегда представляла собой набор бегущих светящихся окружностей, но звезда!.. И в то же время детектор сработал. Значит, впереди человек?

Накатило вдруг чувство нависшей над всеми беды. «Опасность! Опасность!» — загорелся в мозгу алый транспарант тревоги.

— Ян,— позвал я, жестом останавливая Аристарха.— Что там с первым задержанием?

— Нормально, это лесовод. Что у вас?

— Немедленно перекрой зону сверху! Не знаю, в чем дело, но у меня сработала экстрасенсорная... я в и ж у опасность! Понадобится, по-моему, энергобарьер и силовое заграждение. Следите за воздухом, я пойду к нему один.

Лапарра помедлил мгновение:

— Принял. Разрешаю огневой контакт... если...

Он не договорил, но и так было понятно, что стоит за этим «если»: если появится прямая угроза жизни.

— Всем оставаться сзади,— сказал я и заметил Витольда.— Опять ты здесь? О, у тебя украшение? Поздравляю.

Под глазом стажера разгорался синяк.

— Это я в кабине,— неловко ответил стажер.

— Аристарх, посмотри за ним.

Я проверил, как на мне сидит костюм, отстегнул клапан на кобуре «универсала», включил видеокамеру на лацкане куртки и, пригнувшись, нырнул в мелколесье. Через минуту бега я оказался на тро-

пинке, вьющейся в зарослях боярышника и липы. Метрах в двадцати у куста акации стоял лицом ко мне человек и смотрел, как я приближаюсь. Одет он был в черный костюм испытателя со шнуровкой на груди, плечах и бедрах, и это тоже был не Зо Ли. Сказать, что я был разочарован, значит, ничего не сказать. И все же странное чувство темной, разверзающейся у ног бездны не покинуло меня.

— Кто вы? — хрипло спросил я, продолжая медленно подходить к незнакомцу. И внезапно почувствовал, что не могу ступить дальше ни шагу. Что за чертовщина?! Остановился, зорко следя за действиями незнакомца. Тот не двигался с места, склонив голову на плечо, словно прислушиваясь к чему-то. Я снова попытался двинуться к нему — с тем же успехом, будто в стену упёрся! Неужели у него генератор поля? Как будто не видно...

В этот момент сзади незнакомца шевельнулись ветки акации, и на тропинку выскочил стажер. Незнакомец оглянулся, Витольд как от толчка упал и покатился в кусты. Пистолет был уже у меня в руке, но стрелять я не мог, невидимая стена все же отгораживала меня от неизвестного. Тот посмотрел в мою сторону, подпрыгнув вверх,— мне показалось, что его дернули за ниточку, тонкий, светлый лучик,— взлетел над деревьями, приостановился на мгновение, словно привлекая внимание мчавшихся со всех сторон летательных аппаратов, и исчез! Ни звука, ни шороха, ни следа!

— Где он?! — Из-за кустов выскочил Аристарх с «универсалом» наизготовку, за ним остальные. Последним появился помятый, но целый, слава аллаху, Витольд.

Я молча спрятал пистолет в кобуру и подошел к нему.

— Мальчик, за такие вещи ты можешь запросто вылететь из отряда... если в следующий раз останешься в живых! Говорю тебе это в первый и последний раз.

У Витольда прыгнули губы, он покраснел до слез, так что мне стало его жаль. И все же пусть знает — без дисциплины в УАСС делать нечего, без самодисциплины в первую очередь.

— Иди, возьми в машине витальгиновую мазь,— продолжал я хмуро, заметив, что синяк под глазом Сосновского сдвинулся по цвету в ультрафиолетовую часть спектра.

— Ушел? — спросил Аристарх.— Как?

— Его дернули за ниточку,— ответил я, вспоминая мелькнувший из головы незнакомца лучик света.

— Игнат, поднимись вверх,— послышался голос Лапарры.

Я вернулся к пинассу, усадил прячущего глаза стажера и взлетел. Пинасс вырвался из-за лесной стены и меня аж мороз продрал вдоль позвоночника!

Из уцелевших опор моста с тихим треском росло что-то радужное, скользкое на вид, колышущееся, как живой слизняк! Оно достигло примерно трехсотметровой высоты и застыло, вздрагивая

иногда, как сформированное желе, теряя прозрачность и яркие краски. Через две минуты нашему взору предстала чудовищная конструкция: помесь космического корабля, старинной вычислительной машины и агрегата нефтяной перегонки, с тысячами более мелких деталей, создающих впечатление пупырчатой брони динозавра.

— Что это?! — сдавленно прошептал стажер.

— Звездолет Демона,— сказал я первое, что пришло в голову.

ЯН ЛАПАРРА

Запершись в кабинете, я принял две таблетки витальгина, и голова несколько прояснилась, хотя боль, засевшая, как мне казалось, где-то в костях черепа, лишь ослабила нажим. Если так пойдет и дальше, на первом же профилактическом медосмотре врачи просто-напросто поставят поперек карточки штамп: «К работе в УАСС не пригоден», и, как говорится, гуляй, пенсионер...

Я усмехнулся, получил укол боли в левый висок, с силой потер висок ладонью и перестал думать о себе.

Итак, главные вопросы. Где Демон? Движется ли он по своей воле или им управляет Зо Ли? Кто был таинственный незнакомец, ушедший прямо из-под носа патруля, несмотря на поставленную силовую завесу? Неужели тоже Зо Ли — оборотень, «сверхчеловек», владеющий тайной лаборатории «Суперхомо»? Но для того, чтобы уйти из-под энергобарьера, как это сделал неизвестный, нужна колоссальная энергия! В принципе, Зо Ли мог добыть где-то генератор поля с преобразователем МК, но генератор не спрячешь в карман, да и не было его у незнакомца, Игнат не заметил. К тому же генератор не объясняет исчезновения. И на Зо Ли незнакомец не похож. Тогда кто это был? И что он делал у реки в момент катастрофы? Почему ушел таким экстравагантным способом?

Я снова прокрутил снятый Игнатом фильм — его контакт с незнакомцем. С виду — абсолютно нормальный человек, симпатичный даже, но вот то, как он ушел!.. Когда появился стажер, незнакомец подпрыгнул в воздух выше деревьев, из головы его ударил в зенит тонкий белый лучик. Потом вообще пошли странные вещи: тело неизвестного стало таять, ноги укорачиваться, втягиваться в туловище, затем и туловище сократилось, «влилось» в голову, и последним исчез в небе лучик света! Все это — за три четверти секунды! Чушь какая-то несусветная! Но ведь записано...

Я подумал и решил посоветоваться с физиками и посмотреть, что они уже успели сделать.

Лифт понес меня на сорок второй горизонт. Мысли вернулись к работе, к тысяче других забот, которых хватало и без главной заботы о Демоне. В море упал почтовый телетрансор... в чем причина?

Начали «слепнуть» СПАСы Приземéлья — причина? Странные бури в стратосфере, не относящиеся к деятельности синоптиков,— причины? Кстати, не Демон ли буянит? Надо выяснить... Кроме того, отмечены случаи антиобщественного поведения за одни сутки в Парагвае, Швеции, Канаде — причины?..

Очнулся я у двери физического отдела техсектора, нашел лабораторию Первенцева.

Небольшой зал с тремя полутемными нишами, в глубине каждой — пульт, блестящие дула постановщиков задач, плоские экраны мыслепроекторов, аппараты связи и контроля, нарамники и окуляры прямого наблюдения за «горячими» цехами лаборатории, где роботы создавали новые аппараты и машины по командам людей.

В креслах центральной ниши сидели трое, едва видимые в цветном сиянии огней пульта. Один из них — сам Первенцев — сделал резкий взмах рукой, снял эмкан, кинул под пульт и ушел прямо в стену слева. Второй подобрал шлем, заметил меня и вышел навстречу. Это был Лилов.

— Решил зайти,— сказал я, ощущая неловкость. Выглядел Лилов неважно: постаревший, уставший, мешки под глазами, выпирающие скулы, шелушащиеся губы... Едва ли стоило напоминать ему о важности задания. Правда, на его месте я постарался бы больше внимания уделять своей внешности.

— К вечеру будет готов экспериментальный образец,— сказал, не удивляясь, Младен.— Делаем все возможное, но чувствительность прибора должна на порядок перекрывать все; что имелось у нас до сих пор.

— Я понимаю. Торопитесь не спеша, Демон не даст времени на разработку нового датчика, если не пойдет этот. Какие новости из Новгорода?

— Следы Демона налицо: лес уже начал перерождаться, «звездолет» пока держится. Штука странная, но не нелепая. А вот параметры замерить не удается. Это иная физика, неевклидова, неэйнштейнова, вообще чужая, понимаете?

Я не понимал. Лилов, по-моему, тоже, оттого и страдал.

— Зо Ли там не видел никто,— сказал я, помолчав,— зато при прочесывании района аварии мы наткнулись на интересного незнакомца...— Я поведал Младену историю с попыткой задержания неизвестного в лесу под Новгородом.

— Это мог быть и случайный гость,— сказал Лилов, выслушав.

— Но он ушел из-под силового колпака!

— Мистика! — поморщился эксперт.— У него что же, в кармане был индивидуальный таймфаг?

— А как ты объяснишь его исчезновение? Игнат вел видеосъемку, все так и есть, как я рассказал: взлетел выше деревьев и превратился в луч света. Я дам вам копию фильма.

— Ну что ж, тогда это был «призрак», КОТ.

— Я уже думал об этом, но хотя и не специалист по голографии и объемному видеомоделированию, все же на КОТа наш незнакомец не похож. Но пусть это будет даже КОТ, возникает сразу несколько вопросов: кто управлял «призраком», каким образом он остался незамеченным оперативниками, почему пошел на этот фарс с «конструктором теней»... Впрочем, почему — понятно, не хотел контакта с нами, как и Зо Ли на Ховенвипе.

— Вот и на этот раз «незнакомец» — КОТ Зо Ли.— Лилов усмехнулся; это выглядело так, как если бы улыбнулся камень.— Я не утверждаю, что так все и было. Первым приходит на ум не самое простое и верное объяснение. Может быть, тот человек действительно может таймфагироваться из любого места без ТФ-кабин.

— Тогда это не человек. У вас еще что-нибудь есть, что может нам пригодиться?

— Вы скоро, Младен? — окликнули эксперта из ниши.

— Сейчас.— Лилов оглянулся, вздохнул, пожал плечами.— Вахтанг высчитал геодету движения Демона. Он считает, что Демон при насыщении поднимается в ионосферу, а «проголодавшись», опускается в нижние слои атмосферы. Пробовали засечь его след?

— Инверсионный? Туманных полос над Новгородом хватало, но попробуй отыщи, который из них относится к следу Демона.

Лилов кивнул, постоял немного и ушел в нишу.

Перед его пультом открылся длинный тоннель, проложенный в недрах каких-то чудовищно сложных установок. Многосуставчатые лапы манипуляторов начали что-то собирать на залитой белым светом платформе, я с минуту смотрел на их работу и вышел. Называется — лаборатория микротехники: громада вычислителя, комплекс информационного просеивателя, связанный со всеми банками данных по физике твердого тела, радиофизике, технике и так далее... и многосотметровые цеха-автоматы. Прямая связь: мысленная разработка — проверка — программирование исполнительного комплекса — исполнение прибора в материале — эксперимент — массовое производство... если образец удачен. Цикл расчетов и производства экспериментального образца обычно занимает полмесяца-месяц, но я-то столько ждать не мог. Искатель Демона должен быть готов сегодня, в крайнем случае, завтра утром. Главная задача — найти Демона и успеть обезвредить. Найти и обезвредить...

Зызов директора застал меня в коридоре, когда я направлялся в центр оперативного управления к Калашникову.

— Зайди,— коротко сказал Филипп и отключился. А у меня снова заболела голова. Ох и паршивая это штука — предчувствие новой беды! Никак не привыкну. Впрочем, если бы привык — Филипп первым посоветовал бы уходить из Управления. Равнодушные спасатели — уже не спасатели...

В оперативный центр я все же заскочил. Сначала дал задание Первицкому связаться с метеослужбой Новгородской области, пусть поищут метеоследы Демона, если только это возможно. Потом договорился с Калашниковым о резервах и техническом обеспечении и наконец нашел Игната по связи и сообщил ему о готовых расчетах предполагаемой траектории Демона.

— Сейчас зайду к ним,— сказал Игнат, несколько осунувшийся в последнее время.— Больше ничего?

— Не спускай глаз с Новгорода. Как бы трансформация флоры не стала прогрессировать. Посоветуйся с научниками-биологами.

— Не думаю. Во всех районах, посещенных Демоном, размеры зон интусуссцепции ограничены, диаметр самой большой не превышает километра.

— И все же посоветуйся. По Зо Ли ничего?

Игнат помялся и нехотя проговорил:

— Он был под Новгородом.

— Что?!

— Он сел в триер местного отделения, когда мы объявляли поиск, отрекомендовался экипажу как безопасник, а когда пилот засомневался, Зо Ли успокоил его приемом «ядовитый коготь», как и двух других сотрудников отдела. И спокойно ушел после отбоя тревоги.

— Когда это стало известно?

— Час назад позвонили из Новгорода. Парни живы, так что не беспокойся. Пролежали в триере два с лишним часа, но все обошлось. Зо Ли в совершенстве знает приемы типа «укол в нервный узел».

— А что ты хотел? Он профессионал школы «скорпиона». Поэтому и наблюдение за ним установить не удается. Уходит. Надо брать при первом же случае. От Люции польза есть?

— Как молока от... известного тебе животного.

— Грубиян. Девица она серьезная... и красивая.

— Не отрицаю, но чистильщики могли бы справиться на Ховенвипе и без нее, они тоже неплохие специалисты по военной истории. Единственное, что она сделала, это расшифровала уцелевший отчет об испытаниях на Демоне разного рода взрывных устройств. Хотя вру, она еще смогла разобраться с найденным в лаборатории оборудованием.

— Не обижай ее, она делает, что может. И последнее: почитайка, ты, рекомендации ИВКа по непреднамеренному конфликту, у нас есть их разработки контактов. До связи.

Я выключил виом и несколько секунд сидел неподвижно, переваривая слова Игната, не замечая суеты и светового урагана центрального поста оперативного управления. Потом попросил дежурного по

Управлению записать в официальный рапорт Совету безопасности просьбу дать разрешение на особые полномочия Игнату Ромашину.

Директор УАСС ждал меня не один. Рядом с ним у развернутой модели атмосферы Земли стоял человек, внушающий уважение габаритами, в голубовато-сером костюме, с красным шевроном на рукаве: три стилизованные, переплетенные между собой буквы — ВКС, и ниже римская цифра два. Он оглянулся, и я узнал председателя ВКС Ореста Шахова. Лицо Шахова впечатляло: не то чтобы оно было некрасивым, но все же кто-то в его роду был-таки потомком Квазимодо. Маленькие светло-голубые глазки Шахова, потерявшиеся в каменных складках лица, ощупали меня с ног до головы.

— Садись,— кивнул мне Филипп и сел рядом. Шахов, ответив на приветствие, остался стоять.

— У нас тут возник небольшой теоретический спор, помоги разрешить.

Я невольно посмотрел на председателя Совета и снова встретил его оценивающий, тяжелый, без тени усмешки взгляд.

— Что, по-вашему, представляет собой Демон? — спросил он негромко.

— Зону активного поглощения энергии...— начал я и остановился, уловив недовольный взгляд Ромашина.

— Да-да, зону поглощения энергии. Это физика, принцип действия, одно из его свойств. А глубже?

— Есть предположение, что это объект «Зеро», найденный в континентальных породах Луны около двухсот лет назад фирмой «Демоны мрака». К сожалению, многие документы архива лаборатории «Суперхомо» безнадежно утрачены и уточнить...

Снова нетерпеливый кивок Ромашина. Что это он так нервничает? Из-за моей недогадливости? Чего я не вижу, что видит он?.. Демон... объект «Зеро»... следы магия, не встречающегося в Галактике... чужой объект...

— Мы вышли на контакт с чужим разумом,— сказал я медленно.— Это имеется в виду?

— Жестче; это начало агрессии!

Я невольно хмыкнул.

— Скорее, это контакт-конфликт типа «Слон в посудной лавке» — по терминологии специалистов Института внеземных культур. Хотя лично я думаю, что Демон не является ни автоматическим зондом, ни аппаратом с разумными существами, много неувязок, алогичностей, странных следов, ведущих к мистическому «не может быть!».

— Но, следуя вашей логике, контакт с ним сто с лишним лет назад уже был установлен.

— Не контакт — захват. Демона захватили, посадили в бункер, откуда он и вырвался спустя столетие.

— Нонсенс! Если Демон так могуч, то почему дал себя захватить? А если он не готовит агрессию, то почему не вступает в контакт с нами после своего освобождения?

— Он «обиделся»,— сказал Ромашин серьезно.

— Скорее всего, он уже контактирует с кем-то из людей. Например, с Зо Ли... Это очень необычный объект, очень, он страшно далек от всего земного... и близок одновременно.

— Не понял, поясните.

— То, с какой легкостью он перекраивает природу и строит в точках своего выхода жуткие сооружения, граничит с волшебством. А волшебство, как известно, атрибут земных сказок.

— Не вижу связи...— Шахов замолчал и задумался.— Впрочем, я готов поверить и в волшебство, которое всегда отражало степень человеческого незнания законов природы. Но вы говорите, что возраст объекта «Зеро» — около трех миллиардов лет! Никакой автомат не может работать так долго, сохраняя оперативную память.

— Много мы знаем о возможностях разума, существовавшего столько лет назад,— философски заметил Филипп.— А что, Ян, вдруг наш Демон действительно злой волшебник?

Шахов угрюмо улыбнулся.

— Вы неисправимы, простите. Веселого тут, конечно, мало. Контакт с Демоном может плохо кончиться, если даже он просто «сумасшедший робот», пролежавший забытым или законсервированным столько лет. Во что я не верю. Филипп прав, мы действительно не знаем возможностей разума, облик которого даже представить невозможно. Меня насторожило, что вы так легко рассуждаете об этом. Представьте, что Демон в самом деле «робот», и этот ваш Зо Ли может в какой-то степени управлять им. Новый Алладин! Какое зло он причинит завтра? Сегодня? Через час? Из Америки Демон шел через Атлантику довольно мирно, океан не заселен так, как материки. Но в Европе десятки заводов, энергостанций, таймфагов, городов и поселков! Взрыв одного таймфага, работающего на дальний космос, взроет материк на глубину в десять километров! Вы представляете последствия такого «контакта»?!

Ромашин молчал, постукивая по столу костяшками пальцев. Я боролся с болью в затылке и думал о том, что Демон — моя последняя работа в должности начальника отдела безопасности.

— Мы готовы дать «Шторм» по земному сектору,— сказал наконец директор УАСС.— В любое время. Но при существующих обстоятельствах он будет неэффективен и чреват паникой в районах его применения.

— Боюсь, «Шторм» по сектору слабая мера,— покачал головой Шахов.— Необходима тревога по всему Управлению.

— Рано,— упрямо сказал Ромашин.

— Не оказалось бы поздно. Завтра я соберу экстренное сове-

щание Совета безопасности по этому вопросу. Будьте готовы доложить о принятых мерах.

— Я могу идти? — спросил я в пространство.

Оба посмотрели на меня.

— До свидания,— сказал Шахов.

В кабинете я снова принял витальгин и стал ждать звонка Игната. А через несколько минут позвонил Гриффитс:

— Ты один?

— Один,— буркнул я.— Ближе к делу. Что-нибудь стряслось? В последнее время ты звонишь только с плохими новостями.

— Увы, стряслось. Кто-то проник в подземелья лаборатории и выкрал из «Сейфа» всю уцелевшую документацию как расшифрованную, так и необработанную.

Мне стало жарко, голова заболела сильней.

— Постой, постой, там же наши посты, они не могли пропустить...

Гриффитс поморщился.

— Не знаю, твой инспектор разбирается сейчас в деталях. Документы исчезли, кроме тех, что мы успели забрать в «Аид». Я там был буквально за час до похищения, эксперты как раз успели расшифровать еще один документ, где сказано, что Демон реагирует на биополе, человеческие эмоции, причем, на отрицательные — реакция разрушения, на положительные — реакция созидания или что-то в этом роде. Короче, у него две программы. Это все, что я помню.

Я потрогал голову, говорить было трудно, казалось, голова стала в два раза больше, я боялся потерять сознание.

— Почему вы не забрали контейнеры в свои лаборатории?

— Потому что они нетранспортабельны, кассеты записей и бумажные документы рассыпаются от любого сотрясения. Ну все, до связи, с Ромашиным разговаривай сам, я боюсь.

Гриффитс отключил канал, а я остался сидеть с ощущением своей полной непригодности к работе.

ВИТОЛЬД СОСНОВСКИЙ

Игнат отпустил меня поздно ночью. Прежде чем покинуть отдел, я позвонил Алене, разбудил ее, конечно, и лишь потом сообразил, что уже действительно поздно.

— Ты что, не мог позвонить утром? — спросила заспанная Алена, стоя перед виомом в одном пеньюаре.

— Ага,— сказал я, балдея, потом спохватился.— Извини, Аленыч, совсем плохой стал, заработался. Ты уже, наверное, спала?

— Какой сон в три часа ночи? Откуда ты свалился?

— Из Управления. У нас тут, понимаешь, сложная операция

намечается, вот и звоню, чтобы предупредить: завтра я могу не успеть к шести.

— Какой ты занятой! Ну никак твои безопасники не могут обойтись без тебя! Кстати, что это с тобой? — Алена заметила мое «украшение» под глазом: витальгиновая мазь сделала свое дело, но синяк был еще виден.

— Так...— сказал я небрежно,— оперативная травма.

Не мог же я сообщить, что просто не совсем удачно приложился глазом о спинку сидения пинасса.

— Бедный мой! — посочувствовала Алена. Моих жестов, что я не один в комнате, она не замечала или делала вид, что не замечает.— Ничего, терпи, синяки только украшают мужчину.

— Шрамы украшают, а не синяки,— угрюмо возразил я. Когда Алена начинала разговаривать в таком тоне, самое лучшее было перевести разговор на другую тему. Но она не дала времени на отступление.

— Отдыхай, стажер. Готовься к своей «сложной операции». Но если завтра не успеешь к шести, я уеду на гонки с Владиком.

Виом погас. Поговорили. Не надо было звонить ей так поздно.

Я уныло пожелал спокойной ночи Игнату и его молчаливым помощникам, поплелся к двери.

— Мне кажется, Владику не стоит доверять сопровождать такую решительную и красивую девушку на гонки,— сказал мне в спину Игнат.— Тебе завтра следует быть в форме. К шести, я думаю, мы тебя освободим. Отдыхай, привет Дениз.

Я спустился на пятый горизонт центра и, пока шел к залу таймфага, думал о том, что забросил тренировки по тайбо и вышел из формы, что завтра все мои друзья, в том числе и Алена, будут участвовать в традиционных гонках на ветроходах в Каракумах, а попаду ли я на гонки, одному Демону известно; что во вторник, на ипподроме в Челтнеме разыгрывается ежегодный Челтнемский золотой кубок и не хотелось бы нарушать семейную традицию — мы каждый год с отцом посещаем скачки; что я обещал Алене пойти с ней на эмоциомузыкальный ансамбль «Вулкан», а у Владика вполне хватает нахальства пойти вместо меня... Крутились еще какие-то мысли, но эти были главными.

Таймфаг равнодушно перенес меня из-под Брянска в Рязань. Влезая в кабину трехвагонного монобуса, я оглянулся. Станция таймфага светилась в ночи глыбой голубовато-бирюзового стекла. Сеть дорожек вокруг него была пустынна, редкие фонари не нарушали очарования темноты. На севере, в стороне Парка Победы, вставали в небо башни бледного сияния и тонкие световые спицы орбитальных лифтов. Вдруг вспомнились слова Игната об «исключительной немноголюдности» Земли. Раньше я как-то не задумывался над этим, а тут подумал, что Игнат прав. В жизни Земли, как ночной, так

и дневной, нет суетливости и напряжения, потому что давно исчезли многотысячные праздные толпы на улицах городов, так хорошо знакомые мне по школьному курсу истории.

Пустой монобус понес меня по виадуку через Оку, а я принялся размышлять о Демоне и обо всем, что было с ним связано. Не выходил из головы случай под Новгородом, когда я так неудачно вмешался в разговор Игната с таинственным незнакомцем. До сих пор оторопь берет при одном только воспоминании о «звездолете», выросшем над разрушенным мостом. Была в нем какая-то завораживающая, как огонь костра, притягательная сила, заставляющая всматриваться в него до рези в глазах, и в то же время было нечто отталкивающее, омерзительно живое, как... гниющее мясо, что ли! Нет, не передать словами. Жуткая штука, этот «звездолет», бесконечно чужая нашей природе... и несчастная, будто выброшенная за ненадобностью квазиживая игрушка...

Дома меня встретила Дениз, на «привет от Игната» только плечом повела и молча уставилась на мое лицо. Черт бы побрал этот синяк и неудобные сиденья в пинассах!

— Как дела у вас с Игнатом? — спросил я, умываясь в ванной.— Ты на него не обижайся, если не звонит, ему и спать-то некогда.

— Вот еще, защитник выискался! — фыркнула Дениз и удалилась в спальню. Я поплелся за ней, вытираясь на ходу.

— Нет, серьезно, я же вижу твое...— Тут я заметил на столике Дениз странные голубые цветы в форме перистых звезд.— Ух ты, красота! Кто это тебе подарил?

— Кому надо, тот и подарил.

Дениз вдруг покраснела и стала выталкивать меня из спальни.

Я поплелся на кухню и уже там вспомнил, что видел точно такие же цветы в кабинете на столе у Игната. Оказывается, он успевает не только позвонить, но и цветы дарить?

Есть не хотелось, я выпил стакан клюквенного морса и с наслаждением бухнулся в чистую, благоухающую свежестью постель. Только тот достоин звания человека, кто способен оценить прелесть отдыха в чистой постели! Это, с некоторых пор, мое убеждение.

Но поспать мне не дали. Не успел я задремать, как в гостиной прозвенел вызов домашнего видео. Пришлось встать. Звонил Игнат:

— Спишь?

— Только собираюсь.

— Быстро ко мне, я в парке возле твоего дома. Буду ждать у колонны с универсальными часами.

Мне показалось, что говорит Игнат как-то в нос, словно сквозь узкую трубку, но я не придал этому значения. С меня слетел весь сон, заработало воображение, и я, одеваясь на ходу, вихрем промчался через холл, скатился по лестнице центрального входа и рва-

нул в боковую аллею парка, ведущую к бассейну: колонна с часами стояла у его входа.

Темнота мне помехой не была, и я домчался до указанного Игнатом ориентира за несколько минут. Треугольная площадь с колонной часов, едва освещенная розовым пузырем светильника на шпиле бассейна, была пуста. Я огляделся, недоумевая. От стенки невысокого подстриженного кустарника отделилась тень и направилась ко мне. Я с облегчением пошел навстречу и вдруг насторожился: это был не Игнат. Невысокий, стройный, во всем черном, человек ничем не напоминал Игната, лица его в полутьме, как ни старался, я разглядеть сразу не смог.

— Витольд Сосновский? — сказал он тихо, с горловыми интонациями.

— Да,— ответил я машинально.— А вы кто?

— Не узнали? Я Зо Ли.

Сердце у меня в груди дало сбой, стало жарко и холодно одновременно.

— А разве не Игнат меня...

— Нет, вызвал вас я.— Зо Ли тихо рассмеялся.— У меня к вам несколько вопросов, не согласились бы вы ответить на них?

— Д-да, конечно...— пробормотал я, а у самого закрутилась лихорадочная карусель мыслей: «Что делать?! Задержать? Как? Усыпить бдительность, а потом... Позвонить незаметно Игнату? Как это — незаметно? Дать сигнал в отдел? Пока там разберутся, в чем дело, Зо Ли и след простынет... что же делать? Ну и встреча! Неужели Зо Ли подстроил ее нарочно? А ты сомневаешься? Конечно, нарочно, никакой Игнат меня не вызывал, ночь ведь... Как я не догадался? Вот влип! Зло удачи, как говорится. Что же делать?»

— Сядем, пожалуй.— Зо Ли указал на скамейку в подкове кустов. Шел он совершенно бесшумно, и это тревожило меня и заставляло самого идти так же тихо.

Сели. В полутьме лицо Зо Ли казалось нечетким и плоским, как рисунок акварелью, и не чувствовалось в нем ни угрозы, ни напряжения.

— Вопрос первый: цела ли документация «Суперхомо»?

«Что же делать? Отвечать? Ну и ситуация! Как же поступить?»

— То есть как цела? — пробормотал я.— Разве не вы похитили из контейнеров найденные документы?

— Что?! — изумился Зо Ли. Я не поверил глазам — лицо у него осталось совершенно неподвижным, как бы сонным, но в голосе слышалось неподдельное волнение.

— Я похитил документы?! Когда это произошло?

— А то вы не знаете...

— Честное слово, не знаю!

— Кто же тогда похитил?

Зо Ли сидел прямой и бесстрастный, но голос его изменился, стал отрывистым и хриплым:

— Это новость! Меня что же, видели в момент похищения?

— Кажется, нет, но... кому еще это надо, кроме вас?

— Хотел бы и я знать, кому... Среди пропавших документов была инструкция по управлению Джинном?

— Кем? — тупо переспросил я.

Зо Ли наконец усмехнулся, глаза его блеснули в полутьме остро и хищно.

— Демоном.

Ну и нахал, однако! Знает, что его ищут, и так спокойно задает вопросы! Будто берет интервью... и я еще должен отвечать? Я проглотил горькую вязкую слюну, сделал вид, что размышляю, а сам примерился, как бы взять Зо Ли на прием, не вставая.

— С какой стати я должен отвечать на ваши вопросы?

— Потому что это и в ваших интересах.

— Докажите.

— Доказывать мне недосуг, да и вижу я, что ничего ты не знаешь, парень. Поэтому последний вопрос: зачем вы разыскиваете меня? О том, что произошло на Ховенвипе, я знаю не больше вас.

На этот вопрос я мог бы ответить, но никто не уполномочивал меня отвечать на вопросы фигуранта всеземного розыска, касающиеся работы отдела. Итак, пора действовать?..

— Тоже не знаешь,— констатировал Зо Ли с легкой усмешкой. Свет фонаря сместился и я наконец разглядел его лицо: не лицо — маска с тонкой улыбкой превосходства.— Я думал, что тебе доверяют больше. Передай своим начальникам: искать надо не меня, я ничего худого не сделал.

— Почему же тогда скрываетесь от нас?

— Потому что за мной охотится кое-кто более опасный, чем служба безопасности, и более могущественный к тому же. Я вынужден...

И в этот момент я бросился на него...

Я был готов ко всему: к ответному удару, к перехвату рук, контрприему, выстрелу, наконец, но только не к тому, что произошло. Руки мои прошли сквозь тело Зо Ли, зацепили спинку скамейки... Я отшатнулся, снова попытался схватить Зо Ли, а он словно не замечал моих попыток, сидел и улыбался. А потом встал и исчез! В кустах за скамейкой раздался смешок, прошуршали шаги, и все стихло. Я продолжал сидеть с растопыренными руками, таращился на пустую скамейку, и сердце в груди танцевало самбу, и росло мерзкое ощущение обиды, обмана и недовольства собой...

Домой я вернулся только через полчаса, обшарив парк до самых темных уголков в поисках Зо Ли. Чистильщик пропал без следа. А я вспомнил, что обязан позвонить Игнату.

— Зо Ли? — тихо спросил Игнат, стоя перед виомом в одних плавках.— Где, когда?

Я рассказал все, как было, опустил голову, ожидая упреков. Но Игнат не сказал больше ни слова, он просто выключил связь! Правда, ненадолго, минуты на две, но что я передумал за эти минуты!.. Даже подумал, а не подать ли рапорт об уходе из УАСС? Все равно от меня никакого толку, «окромя вреда», как выражается Владик...

— Извини, надо было связаться с центром.— Игнат появился передо мной уже одетым.— Сюрприз нам Зо Ли преподнес хороший, одно плохо, надо было тебе позвонить пораньше. Не думаю, чтобы он повторил этот прием, но все же в следующий раз сначала проверь связь, прежде чем пойдешь на встречу с кем-то. Так ты говоришь, он не похищал документов? А кто похитил?

— Он не знает, наверное, потому что сам был здорово удивлен.

— Ладно, варяг, не кручинься, это нам урок. Я дал тревогу коммуникаторам, город они закроют, хотя я не верю, что Зо Ли будет ждать, пока мы примчимся за ним. Да, не ослышался ли ты? Как он назвал Демона?

— Джинном.

— Джинн... странно и непонятно... Ну, отдыхай, завтра расскажешь подробней.

Игнат посмотрел мне за спину, я оглянулся. В гостиную вошла Дениз и остановилась, глядя на Игната. Молчание затянулось. Я запоздало спохватился, что очень хочу спать, на цыпочках выбрался из комнаты. Пусть сами разбираются в своих отношениях... если они есть, эти отношения.

ИГНАТ РОМАШИН

В пять утра меня разбудил Лилов. Лег я в четвертом, поэтому прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, кто передо мной, и сон мигом слетел с меня: эксперт мог позвонить среди ночи только по делу Демона.

Он заметно волновался — даже не извинился за столь ранний видеовизит.

— Вы можете приехать в Новгород?

— Зачем?!

— Посмотреть на место недавней катастрофы с мостом.

Я посмотрел на часы, потом на Лилова: едва ли человек с таким лицом способен шутить.

— Хорошо, буду через... минут двадцать пять.

— Жду у таймфага на машине.

Связь прервалась.

Я оценивающе посмотрел на себя в зеркало: спал я в последнее время мало, и это начинало сказываться на внешнем виде.

За десять минут умылся, оделся, перекинулся парой слов с отцом — ему тоже не спалось, и поспешил к монобусу, вынесшему меня к таймфагу Басово. Ровно через двадцать пять минут я вышел из таймфага Новгорода и на стоянке малых машин увидел Лилова.

Молча сели, поднялись в воздух.

Солнце уже встало, но город под нами все еще находился во власти тумана. Полосы его стлались над рекой и в низинах по береговым откосам, на полях и в перелесках.

Летели недолго, миновали городскую черту, то есть последние жилые комплексы, и Лилов остановил пинасс на высоте полукилометра, искоса взглянул на меня.

Сначала я ничего особенного не увидел: лес под нами как лес, река впереди как река и «звездолет», след Демона, вроде бы на прежнем месте, но потом до меня дошло — Мста текла по синусоиде, причем синусоиде в е р т и к а л ь н о й! Она ныряла вниз, в образовавшуюся на месте упавшего моста котловину, и взбиралась на крутой бугор высотой метров в сто! Если сделать разрез земли по вертикальной плоскости в этом месте, то получится именно синусоида, вернее, один ее период. И вода при этом спокойно, не ускоряясь, текла сверху вниз и, попирая законы физики, снизу вверх, не замедляясь!

— Святые пришельцы! — пробормотал я.— Я сплю! Что это?

Эксперт усмехнулся угрюмо, откинулся на сидении.

— На этот вопрос я могу ответить совершенно точно: не знаю! Никаких гравитационных аномалий, силовых полей и прочих физических процессов, способных создать подобный эффект! И тем не менее факт налицо.

Я проглотил ставшую горькой слюну.

— Дьяволиада! Это похлеще сказок Шахерезады! Когда все свершилось?

— Процесс начался сразу после появления «звездолета», но заметили только ночью. Кстати, обратите внимание на форму «звездолета»: впечатление такое, будто он не завершен, остановился в росте.

У меня тоже создалось впечатление незаконченности в этой жуткой конструкции, названной «звездолетом» с моей легкой руки. Чего-то ей не хватало, так и казалось, что проект бросили на полпути к финишу, хотя на первый взгляд все детали этого левиафана были на месте и добавить уже ничего нельзя.

Из тумана у реки вынырнул голубой триер и промчался рядом. Двое в кабине не обратили на нас внимания, они работали, и я разом разглядел десятки машин у реки, возле «звездолета», и цепочку патрульных пинассов над лесом.

— Под Псковом эффект поменьше, там под трубой, выросшей

после падения завода, искривление пространства заметно только вблизи: река сузилась до десяти метров, словно какой-то великан сжал берега да так и оставил. Но вода течет как ни в чем не бывало.

Помолчали. Я вспомнил Сааремаа.

— Младен, надо проверить район лифта на Сааремаа...

— Уже проверил, ничего подобного. Разве что лес вокруг лифта изменился, ушел в землю, будто деревья были сделаны из воска и под действием высокой температуры оплыли.

Мы облетели район катастрофы, и Лилов отвез меня обратно в Новгород, к таймфагу. Размышляя над увиденным, успокаивая разбушевавшееся воображение, я машинально набрал код Брянска и в половине седьмого утра подлетел к «вигваму» Лапарры, пытаясь отделаться от зябкого ощущения скрытого наблюдения.

Ян Лапарра жил в стандартном модульном доме системы Панасенко: сорокавосьмиэтажная «гроздь винограда», каждая квартира — отдельный модуль. По желанию можно отстыковать любой модуль от данного здания и состыковать с другим таким же домом в любой части света.

Пневмолифт вынес меня на лестничную площадку, я позвонил, дверь открылась.

— Проходи,— пробурчал Ян, отступая вглубь прихожей.— Посиди в гостиной, я сейчас.

Все еще находясь под впечатлениями искривленного, перерожденного ландшафта, я осмотрелся: квартиру Лапарры я посещал впервые.

Одна стена комнаты была совершенно невидимой и утренние лучи солнца пронизывали ее насквозь. Стена рядом представляла собой фасад кристаллобиблиотеки, две другие были увешаны стереофотографиями диковинных пейзажей, очевидно, пейзажей других планет. Я узнал четыре из них: марсианский Большой Каньон, Плато Жары на Венере, туманно-волокнистый ландшафт Титана, спутника Юпитера, и болото Тритона. Остальные снимки были незнакомы. Я остановился у последнего: белая пустыня, твердая, как кость, частокол тонких голубых жердей с шапками белого пуха — деревья? Белое небо и белесое, сильно сплюснутое светило, и странные существа — «камни» на летящей коробчатой конструкции...

— Интересуешься? — Лапарра сунул мне в руку бутерброд с паштетом из гусиной печени.— Поешь, не завтракал небось. Это Орилоух.

— Орилоух? — удивился я.— Но ведь мы с ними не контактируем. Насколько мне известно, они не пропустили на поверхность планеты ни одной экспедиции.

— Я и не говорю, что снимок сделан нашей экспедицией, хотя разведчики работают и там. При одной из попыток прямого контак-

та аппаратура контактерского космолета поймала передачу с планеты,. это фрагмент. Садись, в ногах правды нет.

Я сел на диван, выскочивший из стены. Лапарра примостился рядом, сосредоточенно жуя бутерброд и запивая чаем. Я съел свой, отобрал у него стакан и допил несладкий чай.

— Ну? — сказал он, вытирая губы. Выглядел он неважно — лицо бледное, худое, круги под глазами... не спал? Черт, забыл спросить у медиков о его болезни.

— Я только что из Новгорода. В месте аварии изменен не только лес, но и ландшафт. Локальная трансгрессия пространства, как говорят физики, но я сомневаюсь, что они понимают, о чем говорят.

— И как она выглядит?

Я рассказал. Лапарра закрыл глаза и сидел так несколько минут. Я кашлянул.

— Что еще? — спросил он, открывая глаза, спросил будничным тоном, будто не понял значения того, чему я был свидетелем. Впрочем, я на его месте реагировал бы почти так же.

— Зо Ли приходил к стажеру.— Я пересказал подробности встречи Витольда с чистильщиком.

— Снова КОТ. Стандартный прием, не находишь? Где он их достает, КОТы эти, хотел бы я знать... Может, проверить театры? Или базу театральных обществ? — Ян поднялся, сходил на кухню и принес по стакану молока.

— Не хочу...— заикнулся было я, но он молча сунул мне стакан. Пришлось выцедить холодное топленое молоко. Не без удовольствия, надо признаться. Вызов Лилова лишил меня завтрака.

— КОТы применяются довольно широко,— сказал я.— Зо Ли мог достать их где угодно, в том числе и там, где достал патроны к «дракону» — в отделе комплектации космоэкспедиций. Аристарх проверил утечку материалов: отчетность в порядке, но контроль за расходом и хранением снаряжения эпизодический. Кстати, начальник группы индивидуальной подгонки Тхи Ланг — приятель Зо Ли, но он или ничего не знает, или скрывает от нас свои контакты с чистильщиком. По его словам, Зо Ли не появлялся у него два с лишним месяца. В общем, в этом направлении обозначился элементарный тупик. Не станем же мы уличать Тхи Ланга во лжи.

— Значит, говоришь, коммуникаторы город перекрыли, но Зо Ли не нашли? Этого следовало ожидать. Интересно, если Зо Ли не похищал документы, кто же это сделал?

— Тот, кто маскируется под него, наверное.

— Тогда это разведчик.

Я понял Лапарру, он говорил о разведчике иной цивилизации. Если Демон — объект внегалактического происхождения, то «второй» Зо Ли вполне мог прилететь за ним или по его вызову.

— Пора переходить на форму «экстра», как ты думаешь?

Я уже давно думал об этом, форма «экстра» — состояние повышенной готовности к крупномасштабным операциям, пришло время объявить ее по сектору, если не по всему Управлению.

Лапарра понял все по моему лицу.

— Твой план на сегодня?

— Сначала потревожу синоптиков, нужен глобальный контроль атмосферы, особенно над Европой.

— В метеоцентр я позвоню сам. Демон движется не очень быстро и не успел далеко уйти от последней точки выхода у Новгорода. Надо начать с этой области в радиусе...

— Километров триста.

— Поменьше, километров сто пятьдесят. Что дальше?

— Физики обещали к восьми утра продемонстрировать свой «Демон-индикатор». Затем подключу группы к синоптикам и обыщу с индикатором район Новгорода. Свяжусь с Дугласом, может быть, есть сведения с Ховенвипа, хотя вряд ли, у них сейчас копается комиссия по расследованию похищения во главе с Калашниковым. С этим похищением вообще ничего не ясно...

— Твой отец прав: мы, скорее всего, вышли на контакт с внегалактическим разумом.

— Что-то Демон мало похож на представителя разума.

— Не повторяй общепринятых заблуждений. Разум, владеющий энергиями, превышающими те, какими владеем мы, не обязательно должен иметь антропный морально-этический кодекс. Еще надо определить, что такое вообще в ы с ш и й, по сравнению с человеческим, разум. Я говорил о контакте не с Демоном, а с его хозяином. Если будет что-нибудь новое от Лилова, звони немедленно. Я неважно себя чувствую и, наверное, буду пока дома, но к обеду постараюсь выбраться в отдел.

— Может, вызвать врачей? К чему неоправданный риск?

— Понадобится — вызову сам,— отрезал Лапарра.— Иди. Звони почаще, не нравится мне активизация Зо Ли и его намеки относительно нашего с ним диалога. Как он назвал Демона?

— Джинн.

— Арабских сказок начитался? Значит, он все же знает что-то о Демоне, чего не знаем мы, и скрывает это. Зачем? Неужели не видит, что Демон уже натворил? Или демонстрирует нам свою неуязвимость и силу?

— По словам стажера, Зо Ли опасается своего двойника,— сказал я.— Потому и скрывается от всех, в том числе и от нас.

— Ты в это веришь?

— Не знаю.... хотел бы верить. В противном случае, он просто болен. Патология морали и этики не появляется просто так, от дуновения ветра. Зоологические атавизмы человека — агрессивность и эгоизм надо еще разбудить.

— Болен он или не болен — не суть важно.— Лапарра потрогал затылок, поморщился.— Важно, что Зо Ли так же опасен, как и Демон, если только он не есть сам Демон... Ступай, ты сейчас координатор операции, у Первицкого много других забот. А я, наверное, свалюсь.

Я осторожно пожал горячую и влажную ладонь Лапарры и вышел, с крыши дома вызвал к нему дежурного врача Управления, предупредив, что я к этому вызову не имею никакого отношения.

В лаборатории микротехники меня встретил совершенно лысый Первенцев в окружении своих «чудо-богатырей» нейристорного моделирования и вручил нечто ажурное, с двумя «ушами» антенн и крохотной панелью управления, размером с мужской кулак.

— Д-индикатор,— сказал он без выражения; не уважаю я, честно говоря, такую манеру разговора.— Радиус действия до трехсот метров. Принцип...

— Не надо,— поспешно сказал я.— Объясни только, что нажимать, куда смотреть и за что держать.

Обступившие нас работники лаборатории засмеялись. Первенцев взглядом заставил их разойтись по рабочим местам и сжато пояснил, как работает датчик.

— Отлично! — произнес я.— Сколько вы их сделали?

— У нас не завод,— буркнул Первенцев.— Готов пока только один прибор. К вечеру, может быть, отладим еще один.

— Спасибо, Александр, вы бесконечно любезны.

Первенцева я терпел с трудом, и он это знал.

Поскольку Лилов снова улетел под Новгород, я начал поиски Басилашвили и обнаружил физика в вычислительном центре Управления.

ВЦ УАСС — это четыре этажа здания, общей площадью свыше десяти тысяч квадратных метров. Басилашвили работал на четвертом горизонте больших машин типа «Аналитик». В треугольном зале, занятом терминалами компьютера, кроме Басилашвили работали еще семь человек, каждый у своего пульта. Физик встретил меня сдержанно.

Да, он рассчитал геодету — траекторию движения Демона в пространстве над Землей, предполагая при этом, что Демон — самостоятельное явление, не связанное с определенными действиями неведомых хозяев. Я сказал, что последнее еще требуется доказать, потому что связь Демона с Зо Ли все-таки есть, но Басилашвили спорить не стал. По его расчетам выходило, что следующего появления Демона стоило ожидать в районе Торжка, за двести пятьдесят километров от Новгорода.

— С точностью плюс-минус двадцать километров,— добавил Вахтанг.

В глазах его то и дело загорались насмешливые огоньки, будто

он заранее знал объемы моего скепсиса и готов был к защите своих теоретических построений. Но я его разочаровал — взял кристалл с расчетами, поблагодарил и попросил сообщать все, что «взбредет» на ум относительно Демона и его следов. Басилашвили, умница, на «взбредет» не обиделся, он понимал юмор.

— Ну, а как вам кульбит реки под Новгородом? — спросил я.

— Физика этого явления мне неизвестна. Вмятина под Псковом уже уменьшилась, а «синусоида» под Новгородом держится, но едва ли мы сможем изучить явление, чтобы сделать определенные выводы. У нас нет даже приемлемых гипотез. Конечно, будем работать, что остается? Вчера я взялся проанализировать эмоциональные состояния всех известных свидетелей появлений Демона. Получается вот что: каждое пришествие Демона влечет за собой, по крайней мере, две устойчивые психологические полосы: ощущение холода и ощущение страха и разверзающейся бездны. Советую привлечь к изучению Демона специалистов из отдела биоэнергетики Академии наук.

— Непременно.— Меня подмывало продолжать разговор о следах Демона, загадка которых далеко выходила за рамки обычной операции расследования, но не было времени.

— Прошу учесть следующее,— сказал Басилашвили, рассеянно теребя подбородок.— Судя по хронологии событий, выходы Демона учащаются, время от одного к другому сокращается. Для сравнения: взрыв лифта на Сааремаа произошел восьмого июня, катастрофа на атмосферном заводе под Псковом — шестнадцатого, а мост под Новгородом — уже двадцать первого. Получается, что нашествие Демона на Торжок следует ожидать двадцать четвертого июня.

— Понял.

— Кроме того,— продолжал физик,— я уже говорил, но повторюсь: мощность катастроф с каждым разом растет. По расчетам, мощность появления Демона над Торжком будет равна сорока — пятидесяти кларкам. Имеется в виду, что Демон отнимет эту энергию у окружающей среды, а это значит, что под угрозой жизнь ста пятидесяти тысяч человек, жителей региона, и памятники культуры.

Ошеломленный перспективой, нарисованной физиком, я покинул ВЦ. Если расчет его верен, в моем распоряжении осталось двое суток до следующего прихода Демона. Кто же он, просидевший в породах Луны миллиарды лет? Живое существо или «забытый» робот, если только уместны для его описания человеческие аналогии? Почему Зо Ли назвал его Джинном? Потому что он сидел в «бутылке» — своем шаровидном коконе? Каким образом он оставляет свои чудовищные следы? Почему невидим? Почему творит зло, и творит активно? Кто его обидел? Тот, кто засунул в «бутылку»? Работники «Суперхомо», в конце концов перестрелявшие друг друга, чтобы завладеть Демоном единолично, или кто-то еще?..

В отделе я просмотрел материалы Басилашвили более детально,

вызвал Аристарха и предложил обследовать Новгородскую и соседние с ней области сверху с помощью локаторов СПАС.

— На всю глубину атмосферы? — уточнил уравновешенный до флегматизма Видов.

— Ионосферу тоже,— подтвердил я.— Сам понимаешь, это перестраховка, едва ли мы что-нибудь увидим с орбит СПАС. Созвонись с синоптиками. Ян хотел усилить планетарный контроль атмосферы над Русскими равнинами, может, выявились какие-нибудь аномалии.

Видов собрал своих оперативников, в течение нескольких минут выдал всем задания и незаметно улетучился.

Дайнис все еще работал по закрытому каналу розыска Зо Ли, он был уверен, что Зо Ли рано или поздно осядет в гребенке всеземного розыска, идентификат его личности был разослан всем линейным отделам УАСС. Лапарра снял ограничение на поиск, и коммуникаторам можно было брать чистильщика в любых условиях и любыми способами.

Стажер, ожидавший меня с раннего утра, начал вспоминать подробности своей схватки с Зо Ли, но я слушал его вполуха. У меня было муторно на душе, потому что я вдруг понял — не так уж и далек от истины физик Басилашвили в своих гипотезах о «другом измерении и черных дырах». Непрост наш Демон, оч-чень непрост! Джинн, по терминологии Зо Ли. Почему все же Джинн? Насколько я помню сказки, прочитанные мною в детстве, джинн — это дух, способный творить чудеса. Выходит, Демон — джинн? Существо, «созданное аллахом» из чистого огня? Бредятина!.. И все же что-то знаешь ты, по воле случая фигурант всеземного розыска, о Демоне, что-то знаешь, чего не знаем мы... Почему бы тебе не поделиться своим знанием? Многих бы уберег от ненужного риска, многих бы успокоил... Или не можешь забыть мелких обид, нанесенных товарищами, обид, требующих «отмщения»? Каким образом разгадать сфинктуру твоей души? Ах, Зо Ли, Зо Ли...

— Все, поехали,— прервал я разговорившегося стажера, увидел его ошеломленное лицо и понял, что веду себя некрасиво.— Извини, варяг, потом дорасскажешь, мы сейчас с тобой прочешем пространство над Новгородом с новым Демон-индикатором. Повезет, так встретим Демона...

Но нам не повезло. До самого вечера пинасс сновал челноком из конца в конец Новгородской области на всех высотах, вплоть до тропопаузы. Д-индикатор был глух и нем. Демон, скорее всего, давно покинул этот участок земной поверхности.

В десятом часу я вспомнил, что обещал встретиться с Дениз в Рязанском Парке Победы, недалеко от дома. Уже не надеясь на ее терпение, я рванул по коридору Управления на горизонт таймфага, потом у таймфага Рязани нашел такси и опоздал всего на полчаса.

Дениз стояла у барельефа Героев, тоненькая, хрупкая, какая-то покорно-беззащитная, и у меня сжалось сердце и нежность хлынула в глаза и на язык, который я, к счастью, удержал.

Я молча опустился на колено возле девушки, подставляя шею «под удар топором», и она, слабо улыбнувшись, потянула меня за ухо. Я был прощен. Нить понимания связывала нас, и ничего не надо было объяснять.

Мы молча шли по парку, не сговариваясь, выбирали самые безлюдные тропинки. Остановились над речным обрывом. Я как-то сразу стал слышать сотни звуков: шорохи леса, скрип коростелей, звон ночных насекомых, посвисты ветра, гул крови в ушах — мое сердце. На речной заводи копился тяжелый лунный свет, рождая ворожбу теней, тайны бытия очаровывали, увлекали вглубь подсознания тревоги дня; заботы, мысли о Демоне и все, связанное с ним, но полностью отключиться от проблем я не мог, да и не имел права, хотя рядом шла девочка, которую я любил. Мгновения разрядки — как они важны! И уметь ценить эти мгновения — искусство. Нет, я не думал об этом, я это чувствовал, стараясь не поддаваться взявшемуся откуда-то ужасу: Дениз была в опасности! Все люди на Земле были в опасности, потому что Демон существовал и ждал своего часа...

АНАТОЛИЙ ПЕРВИЦКИЙ,
ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА БЕЗОПАСНОСТИ

Звонок виома застал меня в постели. Машинально посмотрел в потолок — светящиеся цифры в толще перекрытия показывали шестой час утра. Мог бы понежиться еще минут сорок, кому это не терпится? Или «слава и проклятие» спасателя — тревога?

Звонок повторился. Я вздохнул, откинул одеяло и прошлепал в гостиную, к панели домашнего координатора. Жена и дети еще три дня назад уехали в Заполярье отдыхать, так что будить в квартире звонки могли только меня. Звонил Лапарра:

— Разбудил? Извини. Вам с Игнатом придется отдуваться теперь без меня: врачи взяли в оборот, нашли какой-то усложненный арахноидит... кто-то им подсказал. Придется поваляться в постели, подлечиться.

Только теперь я обратил внимание на вид Лапарры: выглядел он действительно скверно, к тому же был наголо обрит — это было видно сквозь дырчатый белый шлем, из которого выходили три тонких кабеля разного цвета.

— Красавец? Но к делу. Вчера я звонил в Европейский метеоцентр, чтобы синоптики усилили контроль атмосферы над всей территорией Русских равнин. А сегодня пришла мысль, что хорошо бы в этой области установить еще и патрулирование с сеткой-графиком

аварийного поиска. Что нового по Ховенвипу? Никто больше не пытался похитить документы из «Сейфа»?

— Похищать практически нечего,— сказал я, одеваясь.— Да и не похоже это на похищение. Контейнеры целы, не взломаны, однако документов в них нет. Чертовщина, в общем! Похититель, или кто он там, просто не мог проскользнуть мимо постов незамеченным. Если только не был призраком или не надел шапку-невидимку.

— Призрак...— хмыкнул Лапарра.— В мистику мы не верим. Если человек не мог похитить документы, то это сделал не человек.

Я выронил ботинок.

— Ты хочешь сказать...

— Не хочу, так получается. Игнат, вероятно, прав, в действие вмешались таинственные силы, проявлением которых был тот самый двойник Зо Ли или незнакомец, ушедший от нас под Псковом.

Я оделся, помолчал и стал пересказывать новости:

— Басилашвили установил, что в центральном бункере находился сам Демон. Во всяком случае, стенки бункера напоминают полурастаявший кусок сахара именно в результате соприкосновения с зоной поглощения энергии, кою и представляет Демон.

— Определили, почему он вырвался?

— Исчезло удерживающее поле кокона, не того, который построили люди, а первоначального, в котором он пролежал три миллиарда лет. Демон «выпрямился», коснулся стенок бункера, нашел лазейку и вырвался на волю.

— Что совпало с появлением в этом месте группы Шерстова. Трагическая случайность, не больше. С этим понятно. Архив все еще сопротивляется?

— Из всех уцелевших документов, вовремя вывезенных из Ховенвипа в «Аид», Люции удалось пока воссоздать и расшифровать лишь инструкцию по охране бункера. Но зато эксперты обнаружили в бункере следы...

— Магия,— быстро сказал Лапарра, глаза его заблестели.

— Магия,— подтвердил я,— сто двадцать шестого элемента.

— Лишнее доказательство того, что Демон — объект «Зеро», найденный на Луне специалистами фирмы «Демоны мрака». Но что же он такое на самом деле, черт побери?!

— Или кто,— пробормотал я.— Кроме следов магия, химики обнаружили еще несколько необычных изотопов других элементов, не встречающихся в естественном виде в природе.

Лапарра оглянулся.

— Ну вот, кажется, за мной пришли, сейчас будут вязать... Держи в курсе, до связи.

Виом стал белым, как высотное облако. Я выключил связь.

Спать уже не хотелось. Мной овладело обычное рабочее беспокойство, сопровождавшее напряженную мыслительную работу во

время операций. На нервную систему я никогда не жаловался, она была у меня устойчива к любым воздействиям внешней среды, я всегда гордился умением держать себя в руках. Жене, кстати, эта черта не нравится. Она работает конструктором в Институте кибернетики и решает проблему «эмоциолизации» роботов четвертого поколения. Что за жизнь, говорит, на работе роботы эмоциональней, чем муж!

Я позавтракал, потом решил позвонить Игнату, чтобы он прилетел в Управление пораньше. К моему удивлению, он оказался не дома, а на борту крейсера спасфлота «Сташевский», зависшего над Европой на высоте пятисот километров.

— Ты что там потерял? — спросил я.

Игнат сделал грозное лицо и зловещим жестом вытянул руки вперед:

Трепещем: рок суровый погрузил
Нас в гущу схватки первозданных сил!

— Понимаешь,— сказал он уже нормальным тоном,— есть интересная информация. Поднимись-ка сюда, наверх, на крейсер. Похоже, кто-то мешает нам проводить с орбиты гравитационный зондаж атмосферы над Русскими равнинами.

— Буду через полчаса,— сказал я.

Уже через пять минут я был в Управлении. Забежал в отдел, приказал оперативным группам начать патрулирование над Русскими равнинами, особенно густо — над Новгородской и Калининской областями, и снова поспешил к таймфагу. Спустя еще четверть часа мы встретились с Игнатом в экспедиционном зале крейсера, возле главного обзорного виома. Пульт здесь был всего один, да и то небольшой — аппаратура работала на мыслеуправлении и звуковых командах.

В растворе виома торчал размытый край Земли, голубые отсветы ложились на пол и стены зала, превращая лица людей в металлические маски.

— Я здесь уже второй час,— сообщил Игнат, усаживая меня рядом с плотным пышноволосым командиром крейсера.— Познакомься — это Владимир Калаев, бывший командир «Лидера». Мы вместе участвовали в экспедиции «Погоня». Помнишь,— Игнат посмотрел на Калаева,— ты говорил, что в следующий поход я пойду с другим командиром?

— Помню,— сказал Калаев.— Из дальфлота меня перевели в спасфлот только два дня назад. Мир тесен...

— Первицкий,— представился я.— По-видимому, Игнат предъявил карт-бланш?

— Особые полномочия — редкая штука в наше время,— ответил Калаев.— Но я почему-то так и думал, что Ромашин рано или поздно влипнет в подобную историю.

— В общем, мы решили прозондировать атмосферу всеми мыслимыми способами,— продолжал Игнат,— начиная с высот мезопаузы и ниже. И наткнулись на странное «непрохождение» гравитационных импульсов. Я не физик, но налицо явное нарушение законов природы!

Я тоже не был специалистом в гравидинамике, тем не менее знал, что даже звезды прозрачны для гравитационных волн. Каким же образом гравитационное излучение могло «застрять» в воздухе?

— Все ясно,— оценил мой взгляд Игнат и посмотрел на Калаева.— Товарищ озадачен не меньше, чем мы. Повторим серию?

— Мои инженеры продолжают зондаж до сих пор,— проговорил командир крейсера погромыхивающим голосом.— Атмосфера для гравиизлучения остается непрозрачной.

— У меня есть три новых Д-индикатора,— повернулся Игнат ко мне.— Пущу-ка я три пинасса с разных сторон в эту «непрозрачную» область.

— Пошли меня,— раздался над моим ухом голос.

И стажер здесь. Естественно: куда иголочка — туда и ниточка.

— Подождите,— спохватился я.— А что нам сообщат синоптики? Ян еще вчера просил их усилить контроль атмосферы с помощью всего метеотехнического арсенала.

Командир крейсера поправил на виске усик с капсулой микрофона.

— Иван, дай на главный виом связь с евроцентром погоды.

— Даю,— донесся голос бортинженера.

Через минуту Земля в носовом квадранте главного виома исчезла и вместо нее появился круглый зал метеоцентра с громадной выпуклостью модели части земного шара с выступом Европы. Над моделью ползли светляки спутников погоды и капсул гидрометеоконтроля, разгорались и гасли транспаранты, указывающие основные направления ветра, параметры температуры, давления и влажности воздуха, места вмешательства различных отделов службы погоды, уровни соответствия погоды картам прогнозов. Но на всю эту красочную феерию никто не смотрел: диспетчеры и операторы погоды работали за пультами своих пандармов, и было их сотни две, не меньше.

На вызов ответил один из пяти координаторов Евроцентра. Над его пультом крутился метровый глобус Земли, над которым высвечивались связи Евроцентра с остальными центрами контроля погоды на всех материках Земли.

— Мы недавно звонили в Управление,— сказал координатор — полная женщина с букетом марсианских алмазид в волосах.— На юге Новгородской области отмечены нерасчетные колебания температуры и скорости ветра. Похоже, метеопатруль пропустил зародыш зоны низкого давления.

— Точные координаты можете дать? — быстро спросил Игнат, подбираясь, как перед прыжком, и оглянулся на меня.

— Синоптики привыкли оперировать цифрами с точностью в плюс-минус пятьдесят километров,— усмехнулась женщина-координатор,— но для вас сделаем исключение. Координаты нарушений: тридцать пять градусов три секунды восточной долготы, пятьдесят восемь градусов северной широты, плюс-минус пять километров. Устраивает вас такая точность?

— Вполне, но верните свой патруль назад, немедленно!

Координатор с сомнением посмотрела на Игната.

— Вы шутите?

— Ни в коем случае,— вмешался я.— УАСС имеет карт-бланш на любые действия в связи с проведением важной операции. Свяжитесь с директором Управления и отзовите патруль.

Изображение диспетчерской Европейского метеоцентра погасло.

— Володя,— обратился Игнат к командиру,— сбрасывай свой десант — две связки по пять модулей. В осевом первой связки пойду я. Все-таки Демон выходит на сцену раньше, чем его ждали.

— Есть! — отозвался командир крейсера, по отсекам пронесся звон тревоги.

Через семь минут мы сидели в кабине осевого модуля связки, выброшенной катапультой из недр крейсера. В кресло пилота сел Игнат, «настоящий» пилот уступил место безоговорочно, он знал Игната лично.

Стены модуля превратились в панорамный виом, и оказалось, что мы скользим кормой вверх над облаками, а поскольку в модуле поддерживалась искусственная гравитация,— казалось, не мы летим над Землей, а она нависла над нашими головами.

— Вышли в квадрат,— раздался с монитора управления голос бортинженера крейсера, ведущего модульную связку на луче целеуказания.

— Внимание! — произнес Игнат.— ДМ-1 и ДМ-2 — маневр влево от точки выхода со сменой горизонта. ДМ-3 и ДМ-4 — маневр вправо. Искать инверсионный след, обо всех ощущениях и необычных явлениях докладывать немедленно!

В виоме с четырех сторон отделились боковые модули связки и через мгновение скрылись в облаках.

— Задание ведомой «пятерке»? — послышался ломкий юношеский басок командира второй десантированной связки.

— Широтное барражирование лесенкой всего квадрата. Докладывать о любых странных явлениях в воздухе и на земле.

Ведомая связка модулей вынырнула из-за кормы нашего шлюза и ушла влево, распадаясь на пять тонких игл.

— А Д-индикаторы? — вспомнил я.— Ты говорил, готовы еще три.

— Один у меня, два я отдал на ДМ-1 и ДМ-3. Только не уверен, будут ли они работать сквозь обшивку модуля. Скорее всего нет.

Игнат достал белый цилиндр, окутанный паутинкой антенны, сунул стажеру.

— Включай, варяг.

Модуль окунулся в пелену облаков и вышел уже под ними. Стала видна панорама земной поверхности — лесной ковер с редкими проплешинами полян и горбами холмов.

— Константиновка,— сказал Игнат, глядя вниз.— Володя, дай прямую связь с оперативным центром и синоптиками Евроцентра. Будь готов принять форму «экстра».

Я с уважением посмотрел в спину Игната. Парень вырос и не нуждался в советчиках. Во всяком случае, моя помощь ему была не нужна. Рост подчиненного всегда незаметен, а сказывается внезапно. Не очень тонкое наблюдение, но верное.

— Садись на свое место,— уступил Игнат кресло пилоту.

Я пожалел, что пошел с ним. На крейсере или в Управлении я был бы полезней.

— Даю связь с синоптиками,— предупредил Владимир Калаев.

— Что нового над Русскими равнинами? — тут же спросил Игнат.

— Центр похолодания сместился на два градуса к югу,— ответил мужской голос, очевидно, начальник смены.— Отмечено выпадение осадков над Торжком.

— Прошу сообщать об изменении обстановки каждые десять минут.

Игнат оглянулся.

— Басилашвили ошибся во времени, хотя, может быть, это не его вина. Демон появился на сутки раньше. На этот раз мы хотя бы «пощупаем» его руками, как ты думаешь?

— Даю справку,— пробасил командир крейсера.— Орбитальные СПАСы только что поймали высокочастотный ТФ-сигнал из Торжка. По имеющимся данным, в районе Торжка нет грузовых таймфагов, работающих в этом диапазоне.

Игнат несколько секунд смотрел на меня, не видя, потер лоб:

— Я не ошибся, это подтверждение. Внимание! Второму спасфлоту принять форму «экстра»! Перекрыть выход в космос с территории Русских равнин! Очистить атмосферу на этом участке от всех видов транспорта! Выключить орбитальные лифты и станции ТФ-связи, а также пассажирские таймфаги.

— Принято,— донесся знакомый голос Лапарры из оперативного центра УАСС.— Игнат, Анатолий с тобой?

Я чуть было не подавился языком.

— Ян? — с недоумением спросил Игнат.— Ты же должен быть в...

— Спокойно, Ромашин, спокойно, я нахожусь там, где надо. Все в порядке. Не горячитесь там, держите связь.

— Черт! — выругался Игнат шепотом.— Ему лежать надо...

— Я ДМ-3, вижу необычной формы облако,— доложил вдруг командир третьего модуля десанта.— Похоже на медузу диаметром около двух километров. Что делать?

— Ждать, иду к вам.— Игнат сделал знак пилоту.— Курс по пеленгу, быстрее!

Модуль ускорил движение. На горизонте открылось свободное от леса пространство, блеснула змейка реки, показались маковки старинных церквей Торжка.

— Вот оно! — воскликнул стажер, но мы уже и без него обратили внимание на странное переливчатое облако, опускавшееся к городу. За ним тянулся белесоватый хвост тумана, исчезая, рассасываясь в трех-четырех километрах сзади.

— Ближе! — скомандовал Игнат.— Ну что, варяг? Включил датчик?

— Давно, но он не фурычит...

— Дай-ка мне.

Игнат взял Д-индикатор, несколько раз включил и выключил, и Демон словно ждал этого момента — мы почувствовали дуновение холодного ветра, будто из люка потянуло морозным сквозняком. Модуль вздрогнул, рявкнул откуда-то сверху гудок.

— Произвожу посадку,— прошелестел голос координатора.— Сбои в командных цепях.

— Отстрел автоматики! — среагировал пилот.— Перехожу на ручное!

— В чем дело?

— Восьмое чудо света — потухла автоматика!

«Потухла автоматика» на жаргоне инженерного состава флота означало — отказали киберсистемы управления.

— Это дыхание Демона! Странно, что датчик не сработал. Наверное, броня модуля все-таки экранирует излучение Демона. Открой внешний биммер, я выскочу на пинассе.— Игнат метнулся из рубки и крикнул мне уже из горловины люка.— Возьми общую связь, я буду руководить непосредственно захватом.

Модуль выплюнул пинасс. Я видел, как блестящая стрела выписала крутой вираж, вознеслась над полупрозрачной громадой облака и скрылась из глаз. Затем модуль вздрогнул второй раз, и мимо видеокамер правого борта проскользнул еще один стреловидный контур.

— А это кто?!

— По-моему, стажер,— отозвался пилот.

Чтоб тебя!.. Как же я его упустил из виду?

— Игнат, стажер вышел вслед за тобой.

Ромашин не ответил.

— Что это за облако? — спросил пилот, шевеля руками: на запястьях рук и на щиколотках ног у него были нацеплены кольца биодатчиков ручного управления.

— Не знаю,— сказал я.— Возможно, сам Демон. Чувствуете холод?

— Вы знаете, действительно похолодало. Я думал, неисправен кондиционер рубки.

— Поднимитесь выше.

Модуль повис над краем двухкилометровой «медузы», все еще продолжавшей медленное падение на город и не обращавшей на нас ни малейшего внимания. Над куполом «медузы» я заметил три черточки пинассов, а чуть выше цилиндрик модуля.

— Анатолий,— позвал меня с пульта голос Лапарры.— Отзови стажера, немедленно! Почему там видны три аппарата? Кто третий?

— Витольд, немедленно отваливай в сторону и финишируй в лесу! — раздался наконец голос Игната, тонувший в помехах.— Анатолий, третий на вызовы не отвечает.

— Ну что там? — напомнил о себе Лапарра.

— Третий на вызовы не отвечает.

— Это может быть только Зо Ли. Передай Игнату, что десант второго флота выбросится минут через пять. Пусть попробует захватить третий пинасс. И вообще, дай мне прямую связь с Игнатом.

— Даю,— невозмутимо сказал пилот, исправляя мою ошибку.

— Игнат, слышишь меня? — Лапарра был встревожен.— Попробуй захватить чужой пинасс. Учти, пилот может быть вооружен.

— Понял,— отозвался Игнат.— Если только он даст себя захватить. Всем десантным модулям принять меры к задержанию пинасса типа «фаст» голубого цвета!

Я видел, как оба аппарата бросились наутек, так что непонятно было, где аппарат стажера, где пилота, пожелавшего остаться неизвестным.

— Ян, что-то здесь не так. Раньше мы не видели Демона, а тут первый же сигнал, и он как на ладони! Владимир, что видят твои локаторы?

— В электромагнитном диапазоне сплошное молоко! Гравизондаж дает странную картину — нечто вроде скопища клякс.

— Пройдитесь еще раз над Торжком, можете взять мой пеленг. Воздушная зона очищена от транспорта?

— Посадили последний грузовик. Над всей областью воздух чист. Второй флот вышел над вами, разворачивается из походной колонны.

— Приказ прежний: перекрыть выход в космос и прикрыть Торжок сверху.

— Выполняем.

— Хорошо бы точно определить, Демон это или не Демон,— проговорил Лапарра.

Динамики донесли хрипловатый смешок Игната.

— А ты спроси у него открытым текстом. Кстати, что делать дальше? Подоспеет десант, окружим облако и крутанем программу контакта? Или попробуем закапсулировать полем?

Тишина в эфире да шорох помех. Потом короткий ответ:

— Думай сам, ты видишь его ближе.

— Игнат, через несколько минут облако начнет утюжить архитектурные памятники,— напомнил я, прикинув расстояние от облака до города.

— Облако — еще не Демон. Где Зо Ли? Задержали?

— Пинасс нашли, пуст,— сказал командир модуля погони.—Но пилот где-то в лесу, далеко не ушел. Ищем.

— Ищите. Где десант?

— Над вами,— раздался чей-то энергичный баритон.— Видим вас визуально. Шесть «пятерок» и «десятка».

«Десятка» — это когг с энергетическим обрудованием. С его помощью можно вышвырнуть за орбиту Юпитера массу порядка десяти тысяч тонн или укротить вулкан!

— Наконец-то! — повеселел пилот нашего модуля.— Сейчас мы его придавим, если только ваш Демон не ушел.

— Не ушел, вероятно, где-то рядом с облаком.

— Слушай команду...— Игнат не договорил.

Впереди модуля и «медузы» в полутора километрах образовалось вдруг растущее черное пятно в форме чудовищной когтистой лапы, выбросило «когти» во все стороны. Один «коготь» пробил навылет наш модуль. Впечатление было, будто перекосился горизонт.

Резко похолодало. В затылке родилась странная боль и перетекла в пальцы рук и ног, словно под ногти загнали иголки.

— Аварийный финиш! — крикнул пилот.— Нуль энегоресурса!

— Всем прочь! — пробился сквозь крики в эфире и усиливший-ся прибой помех голос Игната.— Старт до высоты два! Крейсеры — силовое заграждение по вызову, финиш на высоту сорок над Торжком!

— Ромашин, уходи сам! — рявкнул Лапарра.

Наш модуль продолжал падать на лес. Я увидел, как чей-то пинасс на полной скорости вывернулся из-за холма и вонзился в «лапу» Демона. Пропал из поля зрения. На месте «кошачьей лапы» вырос вдруг ослепительный многолучевой шатер, вытянулся копьем в небо, засиял, как лопнувшее солнце...

Удар! Хруст и звон, тонкий свист и вслед проклятие пилота:

— Приехали! Конец связи.

Виомы погасли, в рубке медленно разгорелась оранжевая лампа аварийного освещения, но и она вскоре истлела угольком.

Пилот успел ударом ноги открыть люк и крикнул из коридора:

— Вылезайте.

Я выскочил следом.

В небе таяла белая облачная полоса. Из-за нее искрой вынесло пинасс, закрутило в штопор, вонзило в лес. За ним хищно метнулся чей-то модуль, оба скрылись за деревьями. Я ждал удара и взрыва, но их не было.

— Успел,— сказал пилот и сплюнул.— Бред сивой кобылы! Модуль по горло был заправлен энергией, куда она девалась?

Я не ответил, хотя и мог: ее «съел» Демон. Мы накрыли его в момент появления... или образования, и все же он ушел, ушел наверняка. Только вот где его след?

Я огляделся. Сели мы удачно. Модуль в падении срезал верхушки у нескольких сосен и приткнулся кормой к муравейнику, едва его не раздавив. В направлении на север лес редел, опушка его просматривалась шагах в тридцати. Пилот полез сквозь малинник в ту сторону и скоро донесся его приглушенный волнением голос:

— Идите сюда, быстрей!

Я пробрался на голос, вышел на опушку и без подсказки пилота увидел след Демона...

ОРЕСТ ШАХОВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЫСШЕГО КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА ЗЕМЛИ

Директора УАСС я знал хорошо. Знакомство наше состоялось лет семь назад, я тогда был председателем Земплана. Филипп Ромашин уже в то время производил впечатление цельной натуры, хорошо знал свои достоинства и недостатки, был силен в умении доказать правильность своих решений и требований. Мы не стали близкими друзьями, но уважали друг друга: я его за ум, решительность, прямоту, чувство юмора, он меня... тут я — пас, не за красоту же? Громаден, волосат, неприветлив с виду — какая уж тут красота...

Ромашин позвонил мне в конце дня, и вскоре мы с ним мчались из Твери на десятиместном куттере к месту схватки с пресловутым Демоном, слухи о котором уже пересекли Землю от полюса до полюса. Я был посвящен в основные тайны Демона, но, оказывается, знал далеко не все. Не думал, во-первых, что он так опасен, не знал, во-вторых, на что он способен.

Пока мы летели, начальник отдела безопасности Ян Лапарра, на голове которого красовалась легкомысленная спортивная шапочка, быстро посвятил меня во все подробности операции «Демон».

Закончил он в тот момент, когда куттер по команде Ромашина поднялся над Торжком на двухкилометровую высоту и снизил скорость.

Первое, что я увидел в центре города, не поверив глазам,— колоссальное дерево! Высотой в километр, оно и в самом деле напоминало издали дерево, клен или тополь зимой, без листвы, но деревом эта штука не была: просто земля, с домами, лесом и рекой, оформилась в «дерево», вспучилась, вылепила подобие ствола и ветвей, и так и застыла! Венчал «дерево» музей Пушкина, не претерпевший никаких изменений, не считая высоты над уровнем моря. Окончательно сразила меня река — она текла, как ни в чем не бывало, снизу вверх, по «стволу дерева», обвивала его и стекала вниз, на «нормальную» землю, словно презирая законы тяготения!

Затем я перевел взгляд и увидел, что натворил Демон вокруг «дерева». Со времени разрушения Торжка монголо-татарами в тысяча двести тридцать восьмом году город не претерпевал таких бедствий.

Центр города возле «дерева» представлял собой пустырь с грудами камня, кирпича и деревянной трухи, а еще утром здесь располагались здания музеев золотошвейного ремесла и льна. Чуть поодаль, в зеленом травяном ковре парка, виднелись странные черные полосы, похожие на ожоги. Они задели деревянную церковь Вознесения и комплекс Борисоглебского монастыря — собор, колокольню и настоятельский корпус. Одна из выжженных полос прошла через кольцо жилых домов, выстроенных в восемнадцатом веке в стиле классицизма, а другая коснулась стены Спасо-Преображенского собора.

— Русский ампир,— глуховатым голосом сказал Лапарра, поглядывая на меня.— Эпоха лаконически-монументальных сооружений. Здесь теперь ремонтно-восстановительных работ года на три. Не считая возни со «скульптурой» Демона.

— М-да! — промычал я, покосился на молчавшего Ромашина.— Не предполагал!

—Мы, к сожалению, тоже,— сказал директор УАСС.— Кроме потерь материальных и моральных, были жертвы среди населения города. Погибло восемь человек, пропало без вести семь. «Скульптура» — не галлюцинация, реальная вещь. Никаких растяжений и перенапряжений почвы, никаких остаточных эффектов вроде радиоактивности или повышения плотности полей. Просто земля вспухла и вылепилась в «дерево», попирая все законы физики. Я ходил по «стволу», направление силы тяжести — перпендикулярно поверхности везде, впечатление, конечно, необычайное. Хотите попробовать?

— М-да! — повторил я и с новым чувством оглядел панораму Торжка с «деревом».— И что дальше? Где сейчас ваш Демон?

— Наш,— усмехнулся Ромашин.— Где Демон, мы не знаем. По расчетам должен был появиться здесь только завтра, и до этого мо-

мента все сходилось. Но если это лишь случайные совпадения... неизвестно, где ждать его следующего пришествия. Космические мосты и орбитолифты мы заблокировали, с достаточной плотностью перекрыли пространство над Землей...

— Достаточной для чего? — спросил я.

Ромашин поднял спокойный и твердый взгляд.

— Достаточный для того, чтобы обнаружить любое физическое тело размером в один сантиметр. Игнат,— обратился он к пилоту,— посади машину на одну из «ветвей дерева».

Куттер нырнул вниз, показалось, что меня перевернули вниз головой: слева круто поднималась в зенит цветная стена — «основная» плоскость земли со старинными постройками и современными сооружениями Торжка, справа, в десятке шагов, начинался обрыв с вертикальными полосами облаков, под ногами — круглая труба диаметром с полсотни метров из обычной земли с травой, шпалерами кустарника, пластолитовой дорожкой, спускавшейся к «стволу дерева». Внизу просматривались другие «ветви», «ствол» и пустое воздушное пространство за ними, еще ниже: мы стояли параллельно плоскости Земли, как планеты, и не падали!

Я с опаской шагнул на «ветвь»,— обычная почва лесопарковой зоны — с любопытством разобрался в необычном ландшафте слева, ожидая, что вот-вот что-нибудь случится, либо «дерево» рассыплется, земля-то, из чего оно сделано, материал непрочный, либо кто-нибудь сорвется с «ветви» вниз и улетит в голубой бесконечный провал под ногами... Ничего не происходило. Пассажиры куттера разбрелись по «ветви», меняя ориентацию тел по отношению ко мне: «ветвь» была круглой, а сила тяжести, как уже предупреждал Ромашин, была направлена к центру «ветви», и, по мере удаления от меня, люди начинали наклоняться, словно падая, так что замирало в груди...

— Поехали вниз,— сухо сказал я, чувствуя, что сыт по горло экзотикой пространственных нарушений.

Через две минуты мы вышли на край проплешины в гуще лесных зарослей парковой зоны, над которой вздымалось фантастической неправдоподобной горой «дерево». Все здесь — землю, голые безлистые деревья, дорожки — покрывала желтовато-зеленая пыль или пепел, не разберешь. При каждом шаге из-под ног взлетали легкие желтоватые облачка, долго висевшие в воздухе. Мы подошли к руинам одного из зданий, возле которых уже возились невеселые строители ремонтно-восстановительной бригады.

— Химики обнаружили здесь следы магия,— сказал пилот, пересыпая из ладони в ладонь щепотку пыли.— И еще кучу необычных изотопов железа, хрома, кобальта и других элементов. Следы Демона.

— Расскажите, почему Демон ушел. Вы же его «держали».

Лапарра посмотрел на пилота, продолжавшего рассеянно пересыпать пыль из руки в руку. Начальник отдела явно был зависим от этого молодого человека, и я поневоле присмотрелся к нему. Высок, поджар, по-мужски красив естественной и ненаигранной уверенностью. В парне угадывался стержень воли, немалая сила и координированность — кто занимался гимнастикой или акробатикой, тот знает, о чем я говорю. Я был, к сожалению, слишком громоздок и тяжел для гимнастики, в молодые годы занимался борьбой, где мне недаром присвоили кличку «гризли». Что уж там, не красавец, да и все сто тридцать семь при росте два метра... Зато в силе мне не откажешь. Но и этот парень был не слаб, заметно не слаб, это я научился видеть безошибочно. Игнат... Ну, конечно, это сын Ромашина, недаром они похожи. Он же мне говорил, что сын работает в Управлении, пошел по стопам отца.

— Игнат — координатор операции,— пояснил проницательный Лапарра, поняв мои взгляды.

— Мы «держали» Демона только визуально,— сказал наконец Игнат, высыпая пыль и отряхивая ладони.— Силовые заградители для его удержания не годятся, нужны иные методы. В какой-то момент он просто исчез, а может быть, стал абсолютно невидим и неосязаем.

— Поехали в Управление,— сказал Ромашин-старший.— Посмотрели и хватит, здесь нам больше делать нечего.

Побродив по зоне разрушения с полчаса, поглядывая на невероятное «дерево»,— пространство, деформированное неведомой силой, мы вернулись к машине. За управление сел Лапарра, Игнат не возражал, лишь как-то странно, тревожно и вопрошающе посмотрел на своего начальника.

Взлетели. Снова открылась панорама искалеченного Торжка с исполинской «скульптурой дерева» в центре. Сжалось сердце: сколько разрушений! И жертвы! Откуда у Демона, этого чудовищного пришельца из тайников древней военной лаборатории, такая дикая злоба, жажда разрушений? Что он этим доказывает? Какую истину? Неужели не знает древнерусского: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет»?..

— Как случилось, что стажер столкнулся с Демоном? — спросил вдруг директор УАСС.

— Моя вина,— поморщился Игнат,— забыл об его энтузиазме. Он выскочил из модуля на пинассе вслед за мной. Когда начались эти странные метаморфозы, он внезапно взлетел с земли — перед этим я заставил его приземлиться — и направил машину прямо в Демона! Сейчас он в Центре нервных заболеваний на Симушире. Как жив остался — загадка!

Лапарра покосился на Игната.

— След под Новгородом растаял?

— Пока нет, хотя депрессия уменьшилась. Кстати, я сопровождал стажера в медцентр, он в бреду высказал интересные вещи. Не хотите послушать?

— Только бреда нам и не хватало.

— Что же он говорил? — заинтересовался Ромашин-старший.

— Во-первых, называл Демона «Джинном».

— Да?! — удивился Лапарра, на что куттер рыскнул в сторону.— Как и Зо Ли?

Только сейчас я заметил, что голова его под спортивной шапочкой наголо обрита. Что-то быстро он облысел.

— Как и Зо Ли,— подтвердил Игнат.— Только с добавлением — «спящий Джинн». Нравится? Далее, что управлять Демоном можно с помощью какого-то эмоционального трансформатора, что он — нечто среднее между живым существом, кибером, сгустком биополей и корректором вакуума, и чем-то еще, чему в лексиконе человечества нет названия. Бормотал Сосновский еще о том, что с помощью Демона человек приобретает неограниченные возможности, становится неуязвимым властелином топологии Вселенной, что у него две программы — разрушения и созидания... Продолжать?

Помолчали. Куттер продолжал пожирать расстояние до тверского таймфага в своем воздушно-транспортном коридоре.

— Красиво придумано,— подал голос Лапарра.— «Корректор вакуума»... «Властелин топологии».— Он хмыкнул.— Что еще наговорил стажер?

— Понравилось? Еще он бормотал о «генераторах нереальных ситуаций», о каком-то «инспекторе», ждущем гостей, об энерголиниях...— Игнат замолчал и вдруг хлопнул себя по лбу.— Я, кажется, знаю, как быстро определить местонахождение Демона!

Ромашин-отец с интересом взглянул на него.

— Раньше не знал?

Игнат не обратил внимания на реплику.

— Что такое Демон? Зона поглощения энергии. Так? Но ведь над Землей с высот от полукилометра и выше простирается сеть энерголиний, над городами гуще, над остальными районами реже. И там, где появляется Демон...

— На распределительных станциях происходит утечка! — подхватил Лапарра.— Как в Хьюстоне! Жаль, что никто не подумал об этом раньше. Проверишь все случаи утечек, немедленно.

Директор УАСС промолчал, но, по-моему, он был не особенно доволен прозорливостью сына, и я его понял: эту догадливость следовало проявить еще в начале расследования.

Через несколько минут лифт мчал нас в кабинет директора УАСС, запрятанный в недрах гигантского здания центра оперативного управления.

Игнат оставил группу еще в зале таймфага вместе с Лапаррой.

В кабинет мы входили уже вдвоем с Ромашиным. Он предложил сесть, и мы посмотрели друг другу в глаза.

— Давай-ка начистоту,— предложил я, удовлетворившись осмотром.— Что мне докладывать Совету?

— Тебе решать,— ответил Филипп.— Никакой тайны из работы по Демону мы не делаем. Много необычного, непонятного, следы Демона, например, сам же видел, или «раздвоение» Зо Ли. Не домыслы — факты! Кто этот второй? Сам Зо Ли, получивший «неограниченные возможности» от Демона? Во время последнего Демон-пришествия мы снова наткнулись на двух Зо Ли, и оба ушли! От оперативников-профессионалов! А «дерево»? Или депрессия ландшафта под Новгородом? Прямая деформация континуума! О таком только спецы по математике многомерных пространств мечтали! А Демон это делает шутя. Никаких научных предпосылок, кроме идеи Басилашвили, что Демон оперирует двенадцатимерным пространством, а то, что мы видим,— остаточный эффект его действий.

— Идея достаточно бредовая, чтобы оказаться истиной. Наша Вселенная тоже по расчетам космологов рождалась двенадцатимерной, и лишь потом девять измерений скомпактифицировали, то есть свернулись в «линии», осталось только три плюс время. Что касается захвата Зо Ли, то вы плохо готовили захват, вот он и ушел. Хорошо, буду решать сам, уговорил, только дай мне подробный отчет обо всех событиях, придется знакомиться с Демоном детально. Не люблю выносить суждения, основанные на испуге ответственных лиц.

Ромашин испытующе посмотрел мне в глаза.

— Не побоюсь признаться, что боюсь Демона. Извини за тавтологию. Эта штука таит в себе исполинский заряд неизвестной опасности! «Спящий Джинн»... А если так оно и есть? «Джинн» из чужого мира, способный изменять реальность нашего?!

— Не боюсь, что боюсь... Я, кажется, тоже начинаю бояться — вашей растерянности в первую очередь и неоперативности аварийно-спасательной службы во вторую. Кстати, вчера в сводке я прочитал о каких-то неполадках в работе системы СПАС, разобрались, в чем дело?

— Нет,— помолчав, ответил Филипп.— Неполадок никаких нет, просто на аварийных частотах кто-то регулярно подает непеленгующиеся сигналы. Один такой сигнал мы ухитрились поймать сегодня из района Торжка во время прихода Демона.

— А говоришь — непеленгующиеся...

— Точного пеленга взять не удалось, хотя наблюдение велось с трех спутников связи. Разброс координат — сто километров.

Я представил, что может натворить Демон в энергоузлах Европейской зоны.

— Где ожидать Демона в следующий раз?

— Если верить прогнозу, то в районе Рыбинского озера, но я не верю в прогноз.

— Плохо! — Я встал, времени у меня оставалось совсем мало, ждали десятки других неотложных дел.— В тех местах множество памятников культуры, нельзя допустить их разрушения, как Торжка! Нельзя допустить гибели людей! Запрашивайте любую помощь, делайте что хотите, но остановите Демона, кем бы он ни был!

Я не ждал ответа. Как сказал Джордж Герберт двести с лишним лет назад: «Самый короткий ответ — ответ действием». Я не мог упрекнуть службу УАСС в бездействии, но ее директор должен знать цену минутам.

ИГНАТ РОМАШИН

Всю дорогу до Симуширского медцентра Дениз молчала, держалась отчужденно, так что я терялся в догадках — чем провинился, за что впал в немилость? Но, стоя на пятачке такси возле таймфмага Симушир-2, она вдруг взяла мою руку, на мгновение прижалась к ней щекой, и я понял, что она просто волнуется за брата.

Симуширский Центр нервных заболеваний представлял собой несколько ажурных ветвящихся башен, собранных из отдельных модульных блоков лечебных и процедурных палат, кабинетов и залов отдыха. Он был построен, насколько я помнил, около века назад, но изменений претерпел мало — так удачно вписали строители комплекс зданий в ландшафт острова. Со стороны платформы такси башни казались игрушечными, лучи полуденного солнца высекали в их гранях искры алмазного огня.

Оглянувшись на бухту Броутона с неправдоподобно голубой водой, мы направились к первой из башен.

Витольд Сосновский лежал в сто седьмой палате на десятом этаже. Он уже пришел в себя, но врачи продолжали держать его в «саркофаге» оксигенной барокамеры, откуда он мог разговаривать с посетителями через видео. Лицо его казалось бледным, даже учитывая то, что он был блондином.

— Привет,— сказал я, увидев на экране голову стажера, когда старший врач после короткого осмотра панели медицинского комбайна включил связь с барокамерой.— Как дела?

— Голова пока цела,— скривил губы в усмешке стажер.— Говорят, через месяц буду, как живой. Кто это с тобой? А-а, Дениз, целую в носик, не смотри сентябрем, все будет в порядке.

Дениз отвела в сторону покрасневшие глаза.

— Тебе не больно?

— Ну что ты! Мягко, тепло, уютно... щекотно — кожа новая

растет... вот разве что кончиков пальцев не чувствую пока. Но врачи обещают — пройдет.

Правильно, парень, ей незачем знать всю правду. Эх, если бы ты еще научился уважать дисциплину! Едва ли после этого случая тебя оставят в Управлении. Лапарра уже небось и рапорт подписал об отчислении.

Я знал, что у Витольда паралич периферийных нервных путей, приведший к мышечному тремору — постоянному дрожанию, и что он испытывает чудовищные внутренние боли от спастических сокращений гладких мышечных волокон внутренних сосудов. Все это наделал Демон, его способность выкачивать энергию из любого энергоносителя, в том числе и из тела человека. То же самое, что и со стажером, произошло с людьми Шерстова, когда Демон вырвался на волю, только помощь к ним пришла слишком поздно. Но главное, что тело стажера тоже претерпело изменения, трансформировалось: руки сохранились, но кости в них потяжелели, стали толще, кожный покров ног стал прозрачным, а пальцы на них срослись в подобие плавников. Кроме того в груди появились «лишние» органы, назначение которых было пока тайной для медиков и биологов. Витольд Сосновский превратился в химеру, нечеловека, но жил. И была у меня, как и у врачей, надежда, что все еще изменится, и тело стажера примет прежний вид, ведь до сих пор следы Демона исчезали, раны от его ударов-появлений затягивались, хотя и медленно, как трансформированный лес, например...

— Ничего, крепись, варяг,— сказал я.— За битого двух небитых дают. Поправляйся, пока мы будем ловить твоего обидчика.

— Он снова ушел?

— О работе постарайтесь говорить поменьше,— быстро сказал врач, следивший за приборами комбайна.

Я кивнул, отвечая обоим сразу. Покосился на молчаливую Дениз.

— Вит, вспомни, пожалуйста, ты бредил каким-то «инспектором» и «спящим джинном»...

— Это не бред,— тихо сказал Витольд.— Не могу вспомнить, как это было. Помню густой цветной туман, головокружение, словно я повис над бездной... а потом сразу все понял! Словно меня включили в память машины. Но, к сожалению, многое забылось, а то, что помню, сам не понимаю... отрывки в памяти... Демон — это... мне послышалось «спящий джинн». В детстве я сказки любил... волшебные... о джиннах тоже, вот и выплыло — «джинн». Он может выполнить практически любое желание, с его помощью можно изменить реальность событий в любом районе Вселенной, повернуть историю вспять, создать новую историю, стать властелином судеб любого народа, человечества в целом... не смешно?

— Не смешно,— сказал я. Никогда не думал, что волшебные сказки о джиннах могут обернуться жуткой реальностью в нашем,

далеком от сказок, веке. Конечно, кое-какие чудеса из арсенала сказочных джиннов мы можем делать и сами, с помощью мысле-связи и роботов, но изменять реальность мира!..

— Демон — артефакт из другой Вселенной, с двенадцатимерным пространством, его специально оставили, спрятали в скалах Луны, зачем — не знаю, здесь провал в памяти. Помню еще, что управлять им невероятно трудно, наша физика на него почти не действует, лишь биополе эмоционального взрыва, причем в такой концентрации, какой люди создать не в силах. Нужен эмоциональный трансформатор...— Витольд виновато поморгал.— Что он такое, я тоже забыл, хоть плачь. И еще помню, что Демон «спит», он не включен, просто питается во сне...

— Заканчивайте,— сказал врач.— Он начинает волноваться.

— Это все? — заторопился я.

Сосновский задумался.

— Пожалуй, остальное помню менее отчетливо. Да, еще «инспектор»... он как-то связан с Демоном, кажется, прилетел за ним, если можно говорить «прилетел», и хочет включить, но ему кто-то мешает, причем не только люди.

— Зо Ли?

— Кроме него еще кто-то, не земляне, это точно. Может быть, мне действительно все пригрезилось? Ведь все знания я получил мгновенно, как удар по голове!

— Удар,— пробормотал я. Все-таки чудо, что стажер остался жив после объятий Демона.— Кто тебе разрешил снова ввязываться в драку? Кто разрешил вообще выходить из модуля? Выздоровеешь, еще получишь за геройство! Ну пока, мы тебя будем навещать.

— Приходите чаще, а то сбегу.

Врач встал и проводил нас до двери палаты. Дениз так больше и не проронила ни слова. Лишь прощаясь у таймфага Симушир-2, снова молча прижалась щекой к моей ладони. Милый мой ребенок, знала бы ты, как оглушающе действует на меня твоя крохотная ласка!..

С Симушира я направился в Торжок, где продолжали работать бригады экспертов техцентра, историков и реставраторов, строителей и ремонтников. Басилашвили и Лилов еще утром направились туда и теперь должны были поделиться своими соображениями о последнем Демон-пришествии. Но, размышляя о Демоне, я не мог даже и представить, какой сюрприз ждет меня в Торжке.

Меня встретил Аристарх, обычно наглухо застегнутый в кольчугу самоконтроля, но сейчас я с удивлением отметил, что он волнуется. Оказывается, железный Видов тоже может волноваться! Отрадная весть. Однако что за причина заставила его взволноваться!

Вместо ответа Аристарх усадил меня в триер, целое стадо кото-

рых осаждало «дерево» в центре города, и мы поднялись над Торжком на полукилометровую высоту.

Я не поверил глазам: разрушенные корпуса музеев и старинных зданий вокруг «скульптуры дерева»... стояли на месте, сияя золочеными куполами, металлом крыш и стеклянными витражами окон. Будто и не лежали никогда грудами кирпича и черепицы, обломками бетонных перекрытий, клубками арматуры и деревянной щепы!

Я зажмурился, помотал головой и сказал слабым голосом:

— Это сон! Не буди меня, Аристарх!

— Не сон,— разжал челюсти оперативник.— Это все произошло полчаса назад, я еще никому не успел сообщить, кроме Первицкого. Я работал в группе Лилова, и вдруг внутри, в голове, раздался голос. Не помню точно, что он говорил, но смысл был такой: «Уходите! Уходите далеко, мошкара... не мешайте!» Сначала все подумали — чья-то шутка, а потом стало страшно, знаешь, такой чужой страх, темный, внушенный... Все и отбежали от развалин. Не успели прийти в себя — здания вдруг словно из-под земли выскочили! Вспышка зеленого света — и они уже стоят! Мы сразу к ним-то не пошли, ребята Лилова опытные, замерили параметры среды — ничего, даже радиационный фон в норме...

Я схватил из рук Видова бинокль и принялся жадно разглядывать город под триером. Музей золотошвейного мастерства, музей льна, Борисоглебский монастырь... церковь Вознесения... Спасо-Преображенский собор... все на месте! Целы и невредимы! О великий космос, неужели такое возможно?!

— Но главное там, внутри,— бубнил Видов за спиной.— Здания целы только снаружи, внутри все чужое!

У меня в душе все оборвалось, родник пробившейся радости мгновенно пересох.

— Как чужое?!

— Вот так, сейчас убедишься.

Триер рухнул вниз, и спустя несколько минут мы вышли на площади перед Спасо-Преображенским собором.

Собор был оцеплен сотрудниками линейного отделения охраны правопорядка области, машинами спецслужб и научных институтов. Новость уже облетела Торжок и любопытных хватало, к тому же начали прибывать люди из соседних поселков и городов.

Мы прошли сквозь оцепление, воспользовавшись удостоверениями безопасников, и у громадной, обитой железными полосами, дубовой двери в собор встретили Лилова.

— Желаете полюбоваться? — хмуро спросил он на ходу.— Ну любуйтесь, любуйтесь, потом поговорим.

Я с невольным трепетом переступил порог входа и через пять шагов вынужден был остановиться: дальше пути не было. Вместо трансепта — зала с мраморным полом, стенами, расписанными ли-

ками святых и увешанными иконами, сводчатым потолком и витражами, хорами и органом с аналоем, в нескольких метрах от входа простиралась гладкая черная поверхность, из которой вырастали слабо светящиеся колонны, чрезвычайно похожие на худые человеческие руки, начинавшиеся у пола от локтя и сжатые вверху в кулаки. Потолок этого зала был куполообразным, черным, с узором из светящихся извилистых линий, напоминавшим корневую систему дерева; узор постепенно менялся, жил. Если судить по количеству и высоте колонн, то изнутри здание собора должно было иметь гораздо больший объем, чем казался снаружи.

В гулком пространстве невероятного зала раздавались человеческие голоса, шаги, позвякивание, тихое гудение — люди, оправившись от потрясения, начали методическое обследование феномена, и эти обыденные звуки вернули меня к действительности.

Аристарх повернул ко мне мертвенно-бледное в фосфорном свете колонн лицо:

— Почти то же самое и в остальных зданиях, можем посмотреть.

Я верил и так.

И не верил одновременно! Выйдя из «собора», окинул его стены взглядом — русская готика, красиво и величественно, и целесообразно... Великий космос! Неужели «Демон» «проснулся», включил программу созидания и вернулся, чтобы как-то компенсировать содеянное?! Невероятно! Почему же он не воссоздал первоначальный облик зданий полностью? «Забыл», какие они были внутри? Маловероятно... Но если не он, то кто?..

— Оставайся здесь,— приказал я Аристарху,— держи меня в курсе событий. Впрочем, это нерационально, оставь кого-нибудь из наших, ты мне будешь нужен. Кстати, увидишь Лилова или Басилашвили, передай, что я жду их в Управлении к трем.

Мы сели в триер и с высоты еще раз полюбовались на «дерево», невозмутимо высившееся в центре города, вернее, слепленное из почвы центрального района, на воссозданный неизвестным благодетелем облик Торжка. В пустом объеме головы ворочался один вопрос, ставший громоздким и тяжелым: кто?

В Управление прибыли в восьмом часу утра. Лапарру снова заперли в клинике центра, и отделом правил Первицкий, нисколько не изменившийся в условиях умственной, физической и психологической гонки кроткого и непоколебимого простодушия.

— Где пропадаешь? — встретил он меня вопросом, когда я ввалился в кабинет.— Тебя ищут, по крайней мере, два десятка человек, в том числе три женщины.

Шутил Первицкий редко, да и не всегда удачно, поэтому я воспринял его слова всерьез. Одна из женщин, наверное, мама (тут я почувствовал секундный прилив раскаяния), вторая — Люция

(еще один укол раскаяния — забыл начисто, как она там, на Ховенвипе?), а третья?

— Заведующая большим ТФ-телескопом в Двингелоо,— сказал Первицкий, изучая меня голубыми глазами провидца.

— Зачем я ей понадобился?

— Вчера вечером после событий в Торжке Лапарра просил астрономический центр дать на время один из больших ТФ-телескопов для просвечивания атмосферы над Европой и пеленгации необычных ТФ-сигналов, мешающих работе СПАС-центра. Заказ был на твое имя, вот заведующая и звонила, чтобы получить задание.

— Надеюсь, ты с ней справился сам?

— Не мог же я заставить такую женщину ждать. Твою мысль насчет энергоутечек проверили, занимался я сам. В общем, ты прав — во всех посещенных Демоном районах Земли на энергоузлах отмечались утечки энергии в воздушных линиях. Я дал распоряжение по всем энергосистемам сообщать об утечках немедленно.

Я кивнул, наклонился над его плечом и бегло прочитал бегущие по панели стола световые строки бланк-сообщений: все они касались операции «Демон» — отец полностью переключил отдел на эту операцию.

— Ого! Когда ты все это получил?

— Только что, еще не ввел в сумматор.

Сообщения были важными, с далеко идущими выводами. В одном говорилось, что Люция Чикобава расшифровала еще два уцелевших в архиве лаборатории документа. Первый был отчетом группы Т-2 об испытаниях образцов металлов. То есть эти образцы совали Демону и смотрели, что получится. Получались интересные вещи: в металлах с атомным весом ниже свинца начиналась цепная реакция распада, а металлы тяжелее свинца превращались в элементы с атомными номерами от 114 до 126, то есть до магия включительно! Во втором документе с жутким хладнокровием перечислялись результаты опытов над людьми: все те, кого пропускали через Демона, становились чудовищами, изменялись внешне до неузнаваемости, у них вырастали другие органы, гипертрофировались отдельные способности, исчезали руки или ноги, и только головы не изменялись, оставались человеческими...

Я машинально вытер вспотевшие ладони и расстегнул ворот куртки.

— То же самое чувствовал и я,— тихо сказал Первицкий.— Думал, что достаточно закален всем тем, с чем мы встречались, но ошибался...

— Стажер,— сказал я хрипло и откашлялся.— Стажер тоже трансформировался после попадания в Демона, я был у него... калека на всю жизнь...

— Подожди отпевать,— нахмурился Анатолий.— Медицина

еще не сказала своего слова, да и у нас есть шанс договориться с Демоном.

— Не знаю, уж больно велик к нему счет.— Я прочитал второе сообщение. Оно касалось работы «Аида» и новой находки Дугласа. Под бункером, где томился Демон, нашли узкий естественный орт, совершенно сухой, а в нем склад странных предметов с зашифрованными описаниями. Расшифровкой еще только начали заниматься, но и так было понятно, что эти предметы тоже когда-то побывали в пасти Демона, изменив свою форму и свойства.

— Молоток, Дуглас,— сказал я, пряча мокрый платок.— Да и Люция молодец. Тебе звонил Аристарх?

— Звонил. Не увлекайся физикой и оккультными науками. Конечно, интересно было бы посмотреть на все эти церкви и монастыри изнутри, но у нас своя частная и очень важная задача — поймать Демона, остановить его разрушительный путь. Так ведь?

Слова Анатолия несколько остудили мой эмоциональный костер, он был прав: следами Демона занимаются те люди, для которых это работа, для нас же главным было решить свою задачу — поймать и обезвредить Демона, а потом уж ахать и удивляться — ах, как необычно! ах, как интересно!.. и страшно! Правда, совсем не удивлять ся было просто не в моих силах.

— Директору я новости передал,— продолжал Первицкий,— и знаешь, что он сказал?

— Посмотрел на тебя недовольно и буркнул: «Это можно было предвидеть».

— Ты подслушивал.

Я пожал плечами.

— Яблочко от яблони... я его знаю, как себя. К тому же он знает о Демоне что-то еще или догадывается, интуиция у него будь здоров.

Помолчали. Я вспоминал то чудовищное «дерево», то виноватое лицо Витольда, то странное внутреннее убранство собора, и одна мысль не давала покоя: воссоздавал памятники архитектуры некто, абсолютно чужой всему земному. Чужой! Но не Демон. Все факты — против его внезапной «доброты». Не мог он сам «проснуться» и начать действовать. Пусть он не кибер в нашем понимании, а нечто более сложное, живое, джинн, в самом деле, способный творить чудеса в двенадцатимерном пространстве,— почему бы не принять сообщение стажера за истину? — но у него должен быть хозяин, тот, кто может им управлять. Зо Ли? Не похоже, не верю. Но тогда остается тот самый третий, двойник Зо Ли, «инспектор» — по терминологии стажера... и кто-то еще... Кто?

— Пора переходить на режим «спрута»,— напомнил Первицкий.— Банк данных по Демону готов к подключению через Умника.

Я кивнул, давно ожидая этого момента. «Спрут» — это система

компьютерной связи, включаемая в случае необходимости в конечной фазе любой спасательной операции. В отделе безопасности подключение «спрута» означало исключительную важность операции и гарантировало наивысшую оперативность. Умником же мы называли большой компьютер отдела, работающий в режиме разделения времени на любое количество абонентов.

— Оповести директора и все группы, участвующие в деле, что сегодня с десяти утра мы включаем «спрута». Кстати, что с Лапаррой? Откуда у него головные боли? Я спрашивал — молчит.

— Самое обыкновенное нервное истощение, заработанное им еще во время орилоухской экспедиции. Не первой — второй.

Об орилоухских экспедициях разведки-контакта я знал мало, поэтому продолжать тему не стал, достаточно и констатации факта: головные боли Яна имеют под собой реальную основу. Хотя, конечно, интересно было бы узнать, что там случилось, на Орилоухе, нервное истощение люди получают не за здорово живешь.

В своем кабинете я первым делом позвонил Яну, однако дома он так и не появлялся, вероятно, врачи взялись за него всерьез. Затем я облачился в компенсационный костюм спасателя, интуитивно ощущая, что скоро он мне понадобится со всей его встроенной микротехникой, и, наконец, нахлобучил элегантный эмкан «спрута» с усами антенн и микрофонов, именуемый на жаргоне безопасников «боссом». Связь с Умником через «босса» была мысленной, а с подчиненными и начальниками — посредством многодиапазонной рации. При включении «босса» каналы связи всех служб УАСС становились моими информаторами и исполнителями и я превращался в самого могущественного человека на Земле.

Будь я помоложе и менее опытней, я почувствовал бы, наверное, гордость и удовлетворение, но в данный момент я ощущал лишь желание поскорее покончить с Демоном, по возможности не совершив больших ошибок и не нарушив хлопотливой жизни Земли.

Прежде чем включиться в координирующую сеть УАСС, я позвонил Лилову. Эксперт техцентра сидел вместе с Басилашвили уже в своей лаборатории и был хмур и неразговорчив.

— Можете забирать еще десять Д-индикаторов,— сказал он.— Или они уже не нужны?

— Еще как нужны,— успокоил я его.— Как вам события в Торжке?

— Еще не решили как, мы такие же смертные, как и все.

— Может ли воскрешение разрушенных зданий быть делом Демона?

— Насколько я знаю, раньше Демон оставлял только следы разрушений. Мое мнение — в Торжке поработал кто-то другой.

— Если верить стажеру, у Демона всего две программы — разрушения и созидания.

Лилов поджал губы.

— Всего... у каждого из нас тоже только по две программы, добра и зла. Если верить стажеру, то Демон—Джинн «спит».

— И я того же мнения,— кивнул Басилашвили.— Демон сдеформировал пространство, локально изменил топологию мира, превратив часть ландшафта в «скульптуру дерева». Но Торжок чинил не он. Другое дело, что он может помнить все детали разрушенных им построек. Тогда у нас есть шанс при захвате Демона воссоздать первоначальный облик города.

Я понял мысль физика сразу, идея была неплохой. Но до ее реализации было еще далеко. Главное, наши мнения сходились: «ремонтировал» Торжок действительно кто-то другой.

— Если хотите, можете выслушать несколько соображений частного порядка,— продолжал Басилашвили, оценив мою мимику.

— Давайте свои соображения,— без особого энтузиазма согласился я. Соображений хватало, не хватало уверенности в их истинности.

— Нет сомнений, что объект «Зеро», найденный в горных породах Луны, и Демон — одно и то же. Нет сомнений и в том, что возраст Демона в таком случае сравним с возрастом Луны, то есть Демон — очевидец рождения Солнечной системы. Я, как и вы, считаю, что нет таких причин подвергать сомнению сведения стажера, хотя его впечатления наверняка субъективны. Пусть Демон — «спящий джинн», «живое автоматическое устройство», «робот», оставленный кем-то у Солнца, способный мгновенно, с нашей точки зрения, выполнять любые материальные преобразования, решать любые непарадоксальные задачи. Не это суть главное. Главное, что он м о ж е т это делать! Если бы он не «спал», он давно изменил бы реальность нашего уголка Вселенной, а пока что он оставляет только следы, исчезающие после его насыщения через двое-трое суток. За таким объектом рано или поздно должны были вернуться хозяева, вот и появляются на сцене «инспектор», двойники, исчезающие невероятным способом незнакомцы. Убежден, Демона спрятали на Луне специально.

— Почему? — тупо спросил я, с усилием переваривая идею физика.

— Потому что он был законсервирован в шаровом коконе, пока на него не наткнулись добытчики. Бодрствуя, он поглотил бы в поисках энергии все вещество Солнечной системы еще до рождения планет из протопланетного облака. Чем не пассивная «корректировка реальности»? По всем данным объем его растет, растет и аппетит, да и следы один другого чудовищней. Предсказать, во что выльется очередное Демон-пришествие, я не берусь.

— Да-да, насчет предсказаний...— очнулся я.— По вашему про-

гнозу Демон должен был появиться над Торжком только сегодня. Почему прогноз не оправдался?

— Я не бог,— спокойно сказал Басилашвили, хотя я видел, что вопрос ему неприятен.— Я проверил расчеты, все сходится, ошибки нет. Но скорее всего, мы не учли еще один фактор, а именно прилетавших за Демоном. Подтверждение тому — факт воссоздания разрушенных зданий, да и другие факты, о которых вы знаете.

Я вдруг представил расстановку сил вокруг Демона. С одной стороны, мы, работники отдела безопасности УАСС, с другой — сверхинформированный Зо Ли, один, но тем не менее представляющий реальную силу (обратных доказательств не было), а с третьей, ч у ж и е — прилетевшие за Демоном «повелители джиннов».

— Да,— сказал я, возвращаясь к яви.— И что же?

— Идея, что Зо Ли управляет Демоном, несостоятельна. Слишком хорошо путь Демона, как независимого тела, укладывается в расчетную геодету как по времени, так и в пространстве.

— Но случай под Торжком выпадает из расчета.

— Известный закон: случайные отклонения подтверждают правило.

— Поэтому и правомерно предположение о вмешательстве чужих,— тихо сказал Лилов, подавляя зевок. Сколько суток он уже недосыпает? Давненько его лаборатория не работала с такой нагрузкой.

— Еще вопрос: где и когда ждать Демона в следующий раз?

— По расчетам — сегодня у Рыбинского озера, но гарантий дать не могу. Если снова вмешаются чужие...

— Понял. Что ж, спасибо, отцы,— с преувеличенной бодростью сказал я.— Словим Демона и спросим, прав ли был физик Басилашвили. Я понимаю, вы устали, но необходимо сделать еще одну работу — найти способ визуального наблюдения за Демоном. Иными словами, надо, чтобы он стал видим.

— Чего уж проще! — с угрюмой иронией сказал Лилов.

— Попробуем,— сказал Басилашвили, с удивлением посмотрев на эксперта.— Вообще-то мы уже думали над этим и над тем, каким способом заэкранировать Демона, удержать в ловушке. В бункере «Суперхомо» он находился в «родном доме», специальном коконе с такими характеристиками, что черт голову сломит! Те генераторы, которые установили спецы лаборатории, удержать его, конечно, не могли. Но плясать нужно отсюда. Мы попытаемся.

Не очень я надеялся на успех физиков, но попытка — не пытка. Если бы мы могли видеть Демона до его появления и имели бы средства для задержания, проблема Демона не просуществовала бы и часа.

Отец ходил по кабинету крупными шагами, опустив голову. Уви-

дев меня, он остановился, прищуренными глазами окинул с головы до ног и медленно проговорил:

Я только странник, проходящий мимо,
но неусыпным сердцем я постиг...

Я подхватил:

Непостижимый ужас пилигрима,
застывшего над бездной в смертный миг.

Отец любил стихи Рубена Дарио, старинного никарагуанского поэта, а я в детские годы познавал мир через его любовь к поэзии. По-моему, лирика Дарио, поэта далекого двадцатого века, не устарела и поныне.

— На самом деле, мы с тобой не странники, проходящие мимо.— Голос отца был тих и невыразителен, но я-то знал, какое напряжение кроется под маской внешнего спокойствия и сдержанности.— И в этом все наши беды. Выходим на финишную прямую? О делах в Торжке и на Ховенвипе я уже наслышан. Тебе снова потребуются неограниченные полномочия?

— Да, отец. Если ты знаешь иной способ концентрации усилий для предотвращения стихийного бедствия — сообщи его мне.

— А ты ничего не находишь в словах «неограниченные полномочия»? Скажем, абсолютную власть...

— Я нахожу, что тяжесть этой власти столь велика, что либо возвышает человека, либо уничтожает его. Если бы я думал о себе...

— Хорошо, не надо развивать мысль, я мог бы тебя и не проверять, но лично я в словах «неограниченные полномочия» вижу чудовищный заряд ответственности за все живое за Земле. Я нужен?

— Пришел просить тебя...— Я поискал в каше ненужных слов самые искренние и не нашел.— Разреши мне принять дозу Усилира. Он может сегодня понадобиться.

Отец прошел к столу, вгляделся в бегущие строки, сел. Молча. Молчал и я. Время ощутимо сгустилось, утекая сквозь меня в какую-то бездну. Уже лет пять Усилир — сильнейший из стимуляторов центральной нервной системы, был изъят из употребления. Отрицательные его свойства проявлялись не всегда и не у всех, но и тех единичных случаев, что произошли за время испытаний, хватило для наложения моратория на его производство и использование. Но я знал, что в медцентре Управления остались запасы Усилира.

— Я не предупреждаю о последствиях.— Отец поднял голову, и в глазах его я впервые увидел растерянность.— Ты уверен, что это необходимо?

— Почти,— сказал я,— может быть, и нет, но я не хочу рисковать. Я координатор операции, вполне может случиться, что первым выйду на Демона, и принимать решения придется мгновенно.

Отец снова посидел в оцепенении за столом.

— Иногда я жалею, что ты работаешь в Управлении.

Я понял его без подсказки. Отцу было бы гораздо легче, если бы я работал где-нибудь в более спокойном месте, например, в погранслужбе или в косморазведке.

— Хорошо, я дам распоряжение. Все?

— Да.

— Тогда ни пуха...

— К черту!

Я вышел, и дверь с надписью «Директор УАСС» бесшумно закрылась за мной, и начался для меня длинный-предлинный день, равный жизни по плотности заполняющих его событий...

ИГНАТ РОМАШИН (продолжение)

Из кабинета отца я сразу направился в центр оперативного управления и там включил своего «босса». С этого момента задачи, решаемые службой УАСС, отодвигались на второй план, а все отделы должны были отрабатывать мои приказы в первую очередь.

Первицкий был уже там, и Дайнис, и Аристарх, и замдиректора Калашников, вернувшийся с Ховенвипа после расследования загадочного похищения документов из архива лаборатории. Не было среди них только Лапарры.

— Внимание! — сказал я и почти физически ощутил это слово, способное укротить вулкан.— Аристарх, поднимай команду, забери готовые Д-индикаторы и вылетай в район Рыбинского озера на патрулирование. Обычные патрули верни на базы. Инструктаж по ТБ проведи сам. Помни историю со стажером.

Видов безмолвно вышел.

— Новости с Ховенвипа? — повернулся я к Дайнису.

— Почти ничего,— ответил тот.— Чистильщикам удалось отыскать, а Люции прочитать последний из уцелевших документов, но это всего лишь история открытия Демона на Луне.

— Остаешься в резерве... Вызываю транспортную инспекцию Евроцентра.

— Евротранс на связи,— отозвался дежурный диспетчер транспортной инспекции.

— Немедленно отменить полеты всех транспортных средств над территорией Русских равнин до особого распоряжения! Как поняли?

— Понял, исполняю.

— Вызываю отдел охраны среды ВКС.

— Отдел на связи,— строгий женский голос.

— Сутки назад Управлением аварийно-спасательной службы был выдан заказ на планетарный контроль атмосферы. Есть данные?

— Минуту... данные есть. На высотах двести пятьдесят и триста

девяносто километров отмечены магнитные аномалии линзовидной формы. Структура не выяснена, эксперты продолжают работу. По сравнительным характеристикам, аналогий с естественными образованиями, равно как и с искусственными, не имеют.

— Почему не сообщили об этом раньше?

— Заказ вашего Управления пришел с пометкой «поиск опасности», а магнитные линзы опасности не представляют.

Я выругался в душе. Сам виноват, надо было проследить за выдачей заказа лично. Черт бы побрал пунктуальность экспертов ООС! Может быть, это и не Демон, но наверняка что-то связанное с ним. В атмосфере Земли давно не открывали аномалий такого типа.

Калашников смотрел на меня пытливо и с интересом, и я понял значение его взгляда: до сегодняшнего дня он знал меня только как сына директора, а не как инспектора, причем по оценкам Лапарры, а не лично. То, что я стал координатором операции, для него неожиданность. Впрочем, я тоже знаю его неважно, три года назад, когда я уходил в поиск, заместителем отца был другой человек. Хорошо, хоть не вмешивается, и на том спасибо.

— Передайте координаты линз на крейсер УАСС «Сташевский» и в ТФ-обсерваторию в Двингелоо. Параметры каналов связи вам сейчас сообщат.— Я нашел глазами Первицкого и жестом дал понять, что требуется сделать.— Вызываю центр системы СПАС.

— СПАС-центр на связи,— ответ на интерлинге, а не на русском.

— Отчет за последние сутки.

— Кто запрашивает?

— Ромашин, отдел безопасности.

— Безобразие продолжается, камрад Ромашин! СПАС не может работать эффективно! — Голос резкий, с дифтонгами в нос, говор быстрый, с проглатыванием окончаний; обладатель такого темперамента обязательно должен жестикулировать.— На аварийных частотах каждый час шумовое эхо! Займитесь этим побыстрее.

— Понял. К вам сейчас прибудут специалисты.— Я наклонился к Калашникову.— Вызовите Лилова и экспертов по ТФ-связи, пусть помудрят с анализом шума на пределе теории. Нужно узнать хотя бы вектор неизвестных ТФ-передач... Вызываю флагман флота-два «Сташевский».

— Здесь,— отозвался не по уставу командир крейсера Володя Калаев.

— Ваши инженеры должны слышать ТФ-эхо на аварийных частотах. Проверьте, не является ли это следствием сигнала на сверхвысоких частотах, у вас же имеются трассеры, работающие на всех мыслимых диапазонах.

— Не на всех, но сделаем.

Виом перед нашим сектором общего пульта показывал Землю

с высоты ста километров — спокойная, сотни раз виденная картина. Лишь приглядевшись, можно было заметить несколько искусственных тел: спутники контроля погоды и связи, станцию СПАС, крейсер спас-флота, несколько лучей орбитальных лифтов, кольца энергопередатчиков, ничто не говорило о концентрации над Европой сил, направленных на поиск Демона, разве что присутствие крейсера на столь низкой высоте. В разрывы облаков проглянул затушеванный синью контур Европы.

— Теперь ждать? — спросил Первицкий.

— Теперь будем действовать, я — на «Сташевский». Будь готов к приему командования, на случай, если мне придется стать исполнителем.

На крейсер я прибыл через пятнадцать минут. Начинались кардинальные события, и крейсер был самым подходящим в смысле подвижности и мобильности центром связи и управления силами УАСС.

— Сообщение из Двингелоо,— встретил меня Калаев в командном зале.— Источник ТФ-шума находится в атмосфере Земли. Не те ли магнитные линзы?

— Вполне может статься,— сказал я, снова включая «босса».— На Демона, правда, они не похожи, но вдруг это те самые, кто прилетел за ним? Анатолий, узнай, что там с Яном, где он, может понадобиться его консультация.

— Точно запеленговать источник ТФ-передачи невозможно, сам знаешь,— продолжал Калаев.— Насчет высших частот ты был прав — сигнал передается где-то в гипердиапазоне и даже наши трассеры для его опознавания не годятся. Ничего подобного ни эксперты, ни специалисты по ТФ-связи не встречали, даже теорией не решены проблемы передачи такого сигнала! Может, телескоп в Двингелоо захватит хотя бы край диапазона? У них аппаратура помощней.

— Пусть сделают все возможное.

Было ясно, что этот необычный сигнал — «след» переговоров двойника Зо Ли с «начальством» или еще с кем-то здесь, на Земле, или в Солнечной системе.

— Магнитные линзы мы обнаружили,— продолжал Калаев.— Их две и обе медленно кружат над северной частью Европы. Пробуем прозондировать. Правда, там крутятся модули ООС, изучают, так сказать.

— Модули вернуть на базу. Если линзы представляют собой природные образования, время на их изучение у экспертов еще будет, а если линзы связаны с Демоном... Отдел коммуникационной службы УАСС на связь.

— Отдел на связи,— отозвался суровый мужской голос.—Срочное сообщение Ромашину. Фигурант всеземного розыска Зо Ли в на-

стоящее время находится в Угличе, ведем наблюдение. Ваши приказания?

— Ждите моего прибытия,— сказал я, оглядываясь на Калаева.— Продолжайте работать по линзам. Анатолий, пока не появился Демон, я возьму Зо Ли, на это время ты главный. Как понял?

Молчание. Наконец голос Первицкого:

— Понял. Не рискуй, Зо Ли нам нужен не больше, чем ты.

— Пришлите в Углич Дайниса. Конец «босса-один».

— Принял «босс-два».

Я боялся, что вмешается отец, он тоже слышал все переговоры и мог вмешаться в любую минуту, но он промолчал.

У выхода из таймфага Углича меня ждали Дайнис и сотрудник отдела коммуникационной службы, назвавшийся Валентином.

— Мы засекли его в Торжке,— сказал Валентин, ростом выше меня, тонкий и нескладный на вид, как начинающий баскетболист.— Вели до Новгорода, чуть было не потеряли, способность к игре в прятки у него чудовищная, даже техника пасует. Сейчас он в кафе «Идальго» пьет сок. Такое впечатление, будто он кого-то ждет. Именно поэтому мы не стали брать его сами и позвонили вам.

— Понятно.— Решать надо было быстро.— Идем к нему, спросим у самого, кого он ждет.

Улицы Углича заросли травой и столетними тополями, и я с удивлением проводил глазами старинное авто в сопровождении стайки велосипедистов.

— Сегодня здесь гостит автосалон «Ретро-19»,— пояснил Валентин.

— Кафе далеко отсюда?

— В пяти минутах ходьбы. Не беспокойтесь, не уйдет.

— Я пойду к нему один. Дайнис, будешь сзади, на подстраховке, в кафе не входи, пока не дам сигнал. Ничего не предпринимайте без приказа.

Я поправил эмкан «босса», на всякий случай вызвал Первицкого:

— Анатолий, как там общая обстановка?

— Без видимых изменений.

— Хорошо, ждите.

И в это время впервые дал о себе знать Умник, телепатический «шепот» его показался мне гласом всевышнего:

— Информация «боссу-один». Биологическая: после статистической и аналитической обработки данных по биотрансформации флоры в районах Демон-пришествия отмечается нарастание генетических изменений флоры от Ховенвипа к Новгороду, что привело к появлению новых качеств у всех видов растений. Практически единственным свойством, оставшимся у дневных растений, является способность к фотосинтезу. Многие из трансформированных растений представляют несомненную опасность.

— Ясно,— ответил я мысленно, шагая к кафе; времени на обдумывание новостей у меня не было.— Все?

— Информация физических институтов: по крайней мере, в местах двух последних появлений Демона отмечены тонкие нарушения свойств вакуума и метрики пространства — рождение кварко-глюонных струй с нарушением причинно-следственных связей и неизвестных науке частиц, на шесть порядков превосходящих по массе протон. Если влияние Демона усилится, возможен спонтанный фазовый переход вакуума.

— В объеме?

— От километра до Галактики.

— А точнее?

— Разброс вероятностей от ноля двух до ноля шести. С вероятностью ноль шесть в масштабах Земли.

— Не ошибаешься, старина?

— Нет,— сказал Умник с виноватыми интонациями в «голосе».— Рад бы... Конец бланк-связи.

— Что случилось? — поинтересовался Валентин, заметивший, как изменилось мое лицо.

— Ничего,— сказал я, а у самого перед глазами стояла картина, которую я когда-то видел воочию: взрыв сверхновой — вздувшийся шар звезды и безжалостные струи огня, разлетающиеся на сотни миллионов километров... Фазовый переход вакуума — это в миллионы раз страшнее взрыва сверхновой, по сути — это рождение новой Вселенной!..

Я на ходу заставил себя успокоиться и отключиться от всех проблем, кроме встречи с Зо Ли.

Кафе «Идальго» — довольно экзотическое название для древнего Углича — располагалось неподалеку от церкви, Успенской или «Дивной», как я узнал впоследствии. Строители сделали его в форме рыцарского шлема. Издали, возможно, кафе и походило на шлем, но вблизи больше напоминало застенок или тюрьму. Правда, внутреннее убранство кафе полностью компенсировало недостатки его внешнего вида.

Два зала были небольшими, уютными, в меру модными, то есть сочетали в себе черты старинных харчевен с современным оборудованием и оснащением.

Зо Ли одиноко сидел в малом зале, хотя мог пить сок и есть мороженое на открытой веранде в окружении берез и кленов.

— Разрешите? — сказал я, берясь за спинку стула.

Зо Ли поднял голову.

— Давно вас жду, Ромашин.

Я сел. Зо Ли подвинул мне полный бокал с мерцающим рубиновым соком. Бокал был старинный, массивный, под русское стекло середины девятнадцатого века, на его гнутых боках было выгравиро-

вано изображение всадника с саблей. Я отпил глоток и поставил бокал на полированный квадрат стола.

— Почему вы скрываетесь от нас? — спросил я, разглядывая лицо чистильщика, бесстрастное, неподвижное, холодное. Тяжелые веки, черные брови в хищном изгибе, непроницаемые глаза — примечательное, в общем-то, лицо. Чем же ты удивишь нас на этот раз, бывший работник «Аида»?

То, что Зо Ли «настоящий» — не изделие КОТа, я определил сразу, еще с порога, с помощью микроаппаратуры костюма: пригодился, как я и предполагал.

Зо Ли был собран, сосредоточен и опасен, и это я угадал безошибочно по манере держаться свободно, раскованно, по скупым движениям, лаконичной речи и по многим другим предметам, которые чувствуются только подсознанием.

— У меня не было времени объяснять вам все сначала,— заговорил Зо Ли.— Это на вас эмкан «босса»? Первый раз вижу в натуре. Значит, вы руководитель операции по моему захвату?

— Не преувеличивайте своего значения, я координатор операции по Демону.

— Да, это серьезное дело. Думал, успею подчинить джинна раньше, чем вы спохватитесь, но в одиночку заново найти способ управления им невозможно. Даже мне. А документы «Суперхомо», в которых был описан этот способ, вы ухитрились проворонить, отдать Хозяину. Кстати, к катастрофам я непричастен, как вы понимаете, я просто следил за джинном.

— Мы думали иначе.

— Знаю, но ваши заблуждения — ваши проблемы.

— Вы не ответили на вопрос, почему скрываетесь от всех.

— Потому что боюсь,— спокойно ответил Зо Ли.— За мной охотятся.

— «Инспектор»?

— Что? Почему инспектор? Хозяин. Я называю его иначе — Алладин. Алладин, Алладин, потерявший лампу, помните древнюю сказку? А кто говорил об «инспекторе»?

— Стажер, после столкновения с Демоном.

Зо Ли едва заметно улыбнулся.

— Название, однако, вы ему выбрали удачно. Пусть будет Демон, хотя название джинн соответствует его назначению. И стажер остался жив?

— К счастью, да, хотя стал биотрансформантом: у него изменилось тело. Кстати, как вам удалось сохраниться после встречи с Демоном?

— Полгода назад он был слабее, «спал» очень глубоко, а насчет изменений...— Зо Ли повернулся ко мне спиной, откинул с затылка волосы и — я едва не вскочил со стула! — на меня глянул прозрачно-голубой пристальный глаз!

Зо Ли сел на место, усмехнулся с удовлетворением.

— Вижу, потрясены. Это не единственный подарок от Демона, я, например, слышу ультразвук любой частоты, могу не дышать больше часа — дольше не проверял, не хватило терпения, и так далее.

— Сверхчеловек,— сказал я насмешливо, постепенно обретая ясность мысли.

Зо Ли понял мою подковырку и немедленно отреагировал:

— Хорошо смеется последний. Стажер в сознании?

— В полном. Он получил информацию о Демоне и передал все, что запомнил, в том числе и об «инспекторе». Только не делайте вид, что не знаете, о чем идет речь.

Зо Ли покачал головой.

— Я догадываюсь, о чем вы говорите. Не забывайте, что ощущения Демона у разных людей разные. Он нечто сенсибельное, а не интеллигибельное. Аладдин, или пусть будет «инспектор», хочет включить Демона, но тот почему-то сопротивляется, мне это непонятно, потому что это же их вещь... или не вещь, не знаю даже, как назвать.

— А вы тоже хотели бы включить Демона? Зачем?

Зо Ли отпил глоток сока. Рука его едва заметно дрожала.

— Разве непонятно? Власть над джинном дает власть над миром! Кто не хотел бы стать властелином судеб Вселенной, ее главным творцом, равным богу?

Я откинулся на спинку кресла.

— Напрасно иронизируете, многие думают о вас именно так.

Глаза Зо Ли стали ледяными.

— Я не иронизирую. Многое на Земле следовало бы изменить, улучшить, и я мог бы это сделать. Что касается власти... странная штука — власть, если ее нет — ее добиваешься, а когда добьешься, оказывается, что приобрел меньше, чем рассчитывал. И все же мне она не помешала бы! Я смог бы распорядиться ею «во благо»...

Он был уверен, а я нет. Теперь стало особенно заметно, что этот человек болен. Удар по психике при столкновении с Демоном все-таки не прошел бесследно. Пассионарность к власти в наглядном изображении... Властелин Вселенной! Творец... Улучшить кое-что на Земле! Чушь какая! Да, наломал бы он дров, завладев Демоном! Третий глаз на затылке — не гарантия обладания высокими моральными принципами.

Меня внезапно прошиб нервный озноб.

— Ясно,— сказал я, прикидывая, как попроще обезвредить Зо Ли.

Он был вооружен: на правом бедре лежал «универсал», готовый к бою, а в манжеты куртки были встроены сеточки парализаторов. Кроме того, у него был антиграв, а у ноги стоял кейс, тоже, наверное, не пустой. Что ж, посмотрим.

— Почему бы вам не рассказать все, что вы знаете о Демоне? Ваша помощь пришлась бы кстати. А если ваш протеже включит Демона по своему усмотрению? А тем паче на разрушение? Представляете, что произойдет?

Зо Ли пожал плечами.

— Если не включил до сих пор, не включит и дальше. Вы профессионал и должны понимать ситуацию. Такой шанс дается только раз в жизни, и не воспользоваться им может только круглый идиот. Мне и так долго не везло, мало кто ценил мой опыт и знания. Но вас я тоже недооценил.

— В Управлении? — Я невольно потрогал место на шее, куда пришелся удар Зо Ли.— Зачем вы напали?

— Мне нужна была схема подземелий «Суперхомо».

— Мы так и предполагали. А на Ховенвипе? Стреляли, чтобы отпугнуть и успеть спрятать передатчик?

— Вы оказались слишком оперативными. Но насколько я осведомлен, вы ничего на Ховенвипе не нашли?

— Лишь результаты «экспериментов» маньяков лаборатории, они совали в Демона что попало... и людей тоже, изуверы! Но способ управления Демоном они, скорее всего, не нашли. Иначе пустили бы его в ход, не задумываясь.

— Это спорный вопрос. А стажеру повезло, он, как и я, совершенно случайно влез в «нервный узел» — глаз Демона, отсюда его «внезапное озарение». Вонзись он на десяток метров в сторону, не осталось бы и пыли!

Я мысленно поблагодарил Его величество Случай за вмешательство в судьбу стажера: никогда не простил бы себе его гибели!

— Итак, Демон — джинн. Каким же образом он действует? Каковы способы изменения реальности?

— Этот ваш физик Басилашвили прав, Демон оперирует двенадцатимерным пространством. Да и зачем вам объяснение? Главное — он способен это делать. Впомните трансформированные леса, все эти «динозавры», «звездолет», «трубу», «дерево» в Торжке: абсолютно чужое, непривычное, непонятное... А ведь это всего-навсего следы Демона, осколки его таинственного мира. Он, как я уже говорил, игрушка не из нашего космоса, и кто-то вернулся забрать его обратно. Вы видели его мощь, а он просто спит, выключен, понимаете? И питается во сне...— Зо Ли невольно повысил голос, раскраснелся даже в запале, он не говорил — вещал.— Эх, если бы я смог подобрать ключик к его управлению! Какие возможности открылись бы, какие перспективы! Он должен быть управляем, владельцы «Суперхомо» подошли довольно близко к разгадке управления и оставили записи, а вы бездарно позволили моему конкуренту уничтожить нащупанную ими формулу. Это совсем иной путь управления, чем тот, который знаю я,— с помощью биополей, эмоций... Но я не теряю надежды.

Черт возьми, неужели он и в самом деле верит, что хозяева «Суперхомо» нашли способ управления Демоном?

В кафе заглянула молодая пара и проследовала на веранду, я поспешил успокоить чистильщика:

— Случайные гости, на встречу шел я один.

— Не разочаровывайте меня, вокруг кафе давно дежурят ваши люди. Я мог бы уйти от наблюдения, но решил подождать вас. Надеюсь, вы не станете задерживать меня силой? У вас еще есть вопросы?

— Боюсь, вам теперь будет трудно уйти от нас. Честное слово, непонятно, как вам удавалось уходить так долго. Или прав начальник отдела, говоря, что вы можете становиться невидимкой?

— Могу,— серьезно кивнул Зо Ли, окинул меня взглядом.—По-моему, как тайбист, вы тоже можете это делать. Школа «тигра»?

— Неужели заметно?

— Заметно глазу профессионала. Ваш рост и масса как раз в пределах «тигра», хотя есть и лучшие, более древние школы.

— Почему вы боитесь двойника?

— Потому что он опасен гораздо больше Демона. Потому что он равнодушен. Ко мне, к остальным, к Земле, к тому, что мы создали и что ценим. В последнее время вы стали мешать ему возней вокруг Демона, и он может взбеситься.

Я покачал головой, вспоминая воссозданные «неизвестным доброжелателем» здания в Торжке.

— Вы не менее равнодушны, чем он, хотя и пытаетесь выглядеть привлекательней, человечней. Кто-то пытался восстановить разрушенные Демоном памятники старины в Торжке, вы там были?

— Был, но я тоже удивлен, как и вы.— Зо Ли вдруг заторопился, из кейса у его ног раздался тонкий писк.— Мое время истекло. Хочу дать совет.— Зо Ли поколебался немного.— Учтите все, что я рассказал о Демоне. Если хотите справиться с ним — попробуйте прорваться в его глаз и включить «контур гуманизма», порог срабатывания которого наиболее близок сильнейшим человеческим эмоциям — ненависти и любви. Но не промахнитесь — это смерть!

Пора было заканчивать разговор, но Зо Ли еще не сказал, зачем искал встречи со мной, не затем ли, чтобы просить убрать с дороги «конкурента»? Или не просить, а хотя бы намекнуть?

— Зачем все-таки вы меня искали?

Зо Ли оторвал взгляд от бокала, который вертел в ладонях.

— По-моему, вы догадываетесь. Мой двойник может включить джинна первым, и я пришел предупредить вас об этом. Я не так опасен, как он.

Мне стало смешно и грустно, хотя это ни на мгновение не ослабило боеготовности. Эх, парень, напрасно ты поддался зоологическим атавизмам психики: эгоизму, стремлению к власти, необщительности, равнодушию к чужому горю. Пожалеешь потом, что по-

зволил одержать им верх над собой... И все же не все ты сказал, хотя и пытаешься выглядеть откровенным. Скорее всего, не мы мешаем твоему «конкуренту», а ты сам, иначе не пришел бы к нам с «предупреждением»...

— Хорошо, мы подумаем,— медленно сказал я.— Еще вопрос, последний: каким образом вы угадываете, где появится Демон?

— Я не угадываю,— ответил Зо Ли, к чему-то прислушиваясь.— Я вижу. У меня неплохо развита экстрасенсорная система, а после столкновения с джинном чувствительность к пси-излучению еще более возросла. В верхних слоях атмосферы Демон дрейфует по воле геомагнитного поля и при этом абсолютно невидим, но потом наступает фаза питания и он опускается на поверхность Земли, где плотность энергии на два порядка выше.

— Он похож на гигантскую кошачью лапу?

Зо Ли отрицательно качнул головой, на лице его внезапно отразилось беспокойство.

— Это излученный им видеопризрак, мираж. В действительности он не имеет определенной формы и становится видимым только в момент полного насыщения, да и то на короткое время.

Зо Ли напрягся и вдруг повернул голову к двери. Он не должен был этого делать, зная, чего можно ждать от меня, и я не мог не воспользоваться случаем.

Пистолет из руки Зо Ли я выбил сразу и даже успел «связать» одну руку приемом «кнут», но Зо Ли все-таки имел золотой пояс по тайбо и ответил мне немыслимым «ударом змеи», и я грохнулся на стол, сшибая бокалы. Ума не приложу, почему он не применил парализаторы, включающиеся мысленным приказом.

Мгновенно вскочив, я увидел, что Зо Ли отступает к стене кафе, белый, как вата, и на него идет безоружный Дайнис, и с веранды в зал бегут любопытные отдыхающие.

— Просил же не мешать,— сказал Дайнис чужим голосом.— Проснется корректор — разнесет вашу Галактику на атомы! Предупреждал же — опасно играть с джинном и иной Вселенной, ситуация далека от сказочной. Отдайте передатчик и пси-излучатель...

Рука Дайниса потянулась к Зо Ли, удлиняясь на ходу. Зо Ли побледнел еще больше, хотя и так было уже дальше некуда, упал на колени, и я понял, кто это: таинственный «конкурент», двойник, враг... впрочем, почему враг? — мелькнула мысль. В следующее мгновение я уже падал на пол, рукоять «универсала» легла в ладонь, и я выстрелил, не целясь, между лже-Дайнисом и Зо Ли.

Выстрел разнес стену кафе с баром, закричали люди... Лже-Дайнис превратился в луч света и исчез, в дверь вбежал настоящий Дайнис, за ним Валентин и сотрудники коммуникационной службы. Зо Ли куда-то пропал, воспользовавшись суматохой, мы выскочили из

кафе. Примчались пинассы наблюдателей. В наушниках «босса» пробился голос отца:

— Всем, всем, всем! Управлению объявляю тревогу по форме «Шторм»! Спас-флоту-один и флоту-три — старт! Обеспечить прикрытие Европейского материка с воздуха!..

Дайнис потянул меня за рукав, показывая куда-то вверх.

— Посмотри-ка, что это?

И я увидел след Демона...

ФИЛИПП РОМАШИН, ДИРЕКТОР УАСС

Не думал, что когда-нибудь отдам приказ принять высшую форму тревоги всему Управлению! Нет, недаром теоретики разрабатывали всеобщий «Шторм» и недаром я гонял сектора в учебном порядке отрабатывать комплексы ВВУ — внезапно возникшей угрозы, хотя они и рассчитаны на «бунт» природных стихий. Каждый сектор знал свое дело, и мне оставалось лишь давать конкретные задачи, все остальное зависело от оперативности начальников секторов и отделов.

Аппаратура и службы центра были уже готовы к работе. Я кивком поблагодарил Калашникова и Первицкого, нацепил протянутый заместителем эмкан «босса» и сел в центральное кресло. Операторы по команде разбили изображение главного виома на несколько квадратов, каждый из них показывал теперь оперативную обстановку над Европой на разных уровнях и с разных позиций: левый верхний — Европа с высоты в пятьсот километров, правый верхний — Русские равнины в районе Рыбинского озера с высоты в сто километров, левый нижний — Углич с высоты в три километра, правый нижний — небо над Угличем с белесоватым «призраком», близким по форме к гигантскому спруту.

Я попросил вызвать ВКС, проверил дислокацию флотов и нашел по связи Игната:

— Оставь Дайниса в Угличе, пусть поищет Зо Ли, далеко тот уйти не мог, а сам стартуй на «Сташевский». Мне будет нужна твоя оценка в этом районе. С этой минуты координатор операции я.

— Принял,— коротко отозвался Игнат.

ВКС ответил через минуту. Орест Шахов, громадный, волосатый, угрюмый, вопросительно смотрел на меня: видимо, его нашли где-то в художественной мастерской,— кругом стояли скульптуры, подставки, манипуляторы и переносные пульты видеопласта.

— Я объявил «Шторм» по Системе,— сказал я.— Нужен квалитет ответственности.

— Сейчас буду.— Шахов сразу сообразил в чем дело, в глазах его мигнули и погасли колючие огоньки.— Демон?

— Похоже, не только.

— Где?

— Над Угличем.

— Буду,— повторил Шахов, и я выключил связь.

— Наблюдаем странные оптические эффекты,— доложил командующий первым спасательным флотом.— На высотах триста десять и двести пятьдесят выявлены светящиеся линзы. Вокруг них отмечается увеличение напряженности магнитного поля.

— За этими объектами ведет наблюдение флагман-два «Сташевский», ищите новые объекты.

— По данным линейных отделений над Европой падают по неизвестным причинам спутники связи и метеопатруля,— сообщил Первицкий.

— Уточните координаты. Игнат, над Угличем Демон или только оптический феномен?

— Демон рядом с ним,— отозвался Игнат.— Мы видим его с помощью лиловских датчиков. Пока что он на высоте двух километров, движется к югу, в направлении на Угличский энергоузел. Расстояние между фантомом и Демоном больше километра.

— Понял. Приказ флоту-три: аварийный финиш в Угличе! Эвакуировать население города, поставить на высоте полукилометра над городом силовую завесу.

— Выполняю,— донесся голос командующего третьим флотом УАСС.

— Учтите, в Угличе и его окрестностях три детских учебных городка, Институт леса и осмолечебница,— добавил я.— Флот-один, заблокируйте Углич по вертикали до высот в двести километров. Никого не впускать и не выпускать!

— Принято!

— Флот-два, подтянитесь к центрам магнитных линз. Флагман-два переключить внимание на Демона. Прошу всех ответить на волне «триста сорок».

Пока я выслушивал рапорты начальников служб, секторов и флотов, прибыл Орест Шахов. Он остановился возле моего кресла и жестом дал понять, что вмешиваться ни во что не собирается.

— Сообщение СПАС-центра,— доложил Калашников.— Появился ТФ-шум на всех частотах. Впечатление такое, будто в Системе заработали мощные ТФ-станции, использующие запредельные частоты.

— Внимание СПАС-центру! «Подметите» Систему для выявления чужих ТФ-передатчиков, в первую очередь проверьте Приземелье. Работу координируйте с астрономическим центром, они включат для той же цели телескопы в Двингелоо, Австралии, Ситиу-Гранди и в Крыму.

В нижнем квадрате виома было видно, как садятся и взлетают

модули с крейсеров третьего флота, эвакуирующие население Углича. Демон продолжал дрейфовать на километровой высоте, снижаясь над окраиной города к упрятанному под землю энергоузлу. А вслед за ним, вернее, под ним бежала бесшумная судорога искривления пространства: земля, лес, попадающиеся реки, луга и поля вздымались бугристым валом, некоторое время этот вал колебался и вздрагивал, будто был сделан из желе, и застывал, приобретая удивительные формы — не то сростки кристаллов, не то грибные наросты! И реки продолжали нести свои воды по этим колоссальным буграм и рытвинам как ни в чем не бывало, не меняя скорости течения, что вниз, что вверх!

Сам Демон виден не был, но были видны модули, окружившие его со всех сторон и создавшие объемную фигуру,— нечто вроде атомной решетки какого-то минерала. «Спрут» — вероятно, порождение Демона, приблизился к нему на несколько сот метров, превратился в полупрозрачный обломок коралла и метал во все стороны пучки злых ослепительных искр.

— Что это за искры? — спросил я Умника.

Ответ последовал через несколько секунд:

— В зоне Демона становится возможным спонтанный распад простых элементов вплоть до азота. Искры — следы цепной реакции распада кислорода.

— Но это невозможно! Нет таких катализаторов в природе, которые инициировали бы распад элементов малых атомных масс!

— Не было,— сочувственно поправил меня Умник,— но теперь есть. В теории единого поля нет запрета на подобный катализатор.

— Если он опустится до пятисот метров — будет поздно что-либо предпринимать,— проговорил Шахов над ухом.— Взрыв энергоузла превратит местность в кратер вулкана.

Я оглянулся.

— Что ты предлагаешь?

— Вышвырнуть Демона за пределы атмосферы.

— Каким образом? Силовые поля вплоть до гравитационного диапазона на него не действуют, уже пробовали.

— Тогда надо нанести по нему ТФ-удар, лучше всего снизу.

— А если там внутри живые существа?

— А если Демон пройдется по Угличу? Смотри, что творится под ним в пригороде!

С минуту мы смотрели друг другу в глаза. У Шахова глаза были голубые и прозрачные, вот уж действительно — озера среди «горного хаоса» морщин и складок, и читалась в них холодная, почти враждебная решительность. «Храбрым человек становится тогда, когда трусом оставаться значительно опаснее»,— вспомнилось чье-то изречение. Из двух зол Шахов выбрал меньшее: мы не имели права рисковать жизнью ни в чем не повинных людей, едва ли спасатели

третьего флота успеют эвакуировать всех жителей города за оставшиеся полчаса до подхода Демона.

— Флоту-три...— медленно начал я (Шахов легонько похлопал меня по плечу, как бы успокаивая, что квалитет ответственности соблюден: за действия УАСС отвечали мы оба).— Поднять машины до высоты пятьсот, убедиться в отсутствии любых аппаратов и произвести залп ходовыми ТФ в горизонталь.

— Повторите,— помолчав, попросил командующий флотом.

Я повторил, но уже быстро и уверенно, и добавил:

— Будьте готовы нанести удар непосредственно по Демону. После залпа — полная защита! При малейшей угрозе жизни экипажам немедленно стартовать в любом безопасном направлении.

Я подозвал Калашникова:

— Передайте по всей Системе, что в связи с проведением службой УАСС операции «Демон» необходимо, во-первых, соблюдать режим радиомолчания, во-вторых, отменить полеты всех транспортников, работу орбитальных лифтов и таймфага Системы.

Первицкий выслушал чей-то доклад и повернулся ко мне:

— Взяли Зо Ли, он требует встречи с вами.

— Требует? Это интересно, ведите.

Ребята Дайниса ввели Зо Ли, и я увидел того, с кем встречался Игнат минут сорок назад в Угличе.

— Что вы хотите мне сообщить? И почему именно мне?

— Потому что только вы, обладая реальной властью, можете помочь,— тихо сказал Зо Ли. Он был бледен, лицо изредка передергивал нервный тик. Однако! И этот человек водил за нос профессионалов коммуникационной службы?!

— Чем же я могу вам помочь?

Зо Ли был явно напуган и напугать его мог только двойник, «конкурент». Информация о «конкуренте» была бы очень кстати.

— Я все расскажу, только помогите, я очень устал.

— Жаль, что вы не пришли к нам раньше. Рассказывайте, пока мы еще в состоянии контролировать события.

— Это заблуждение.— Зо Ли виновато-нервно поднял глаза на меня.— Я имею в виду, что вы... мы, люди, бессильны влиять на джинна... Демона, и особенно на тех, кто за ним стоит. Они вездесущи и неуязвимы, и обладают колоссальной силой...

Я нетерпеливо повел рукой:

— Налицо явное противоречие: если бы те, кто прилетел за Демоном, были так могущественны, им ни к чему было бы «играть» под вас, создавать двойника. Это мелко.

Зо Ли упрямо покачал головой.

— Антропологика. У пришельцев логика своя. Они... некоторые из них, «инспектор», например, по терминологии стажера, не хотят

причинять зла, лишний раз привлекать внимание, вмешиваться в нашу жизнь. Но есть и другие...

— Хорошо, успокойтесь и расскажите специалистам все, что знаете.— Я кивнул Первицкому.— Анатолий, отведи его к экспертам, пусть побеседуют с ним через Умника, чтобы он мог дать рекомендации.

Первицкий увел чистильщика. В это время в зал вошел обритый наголо — без шапочки — Лапарра. Он не успел объяснить причин своего появления в центре, хотя должен был находиться у медиков,— динамики донесли голоса сразу нескольких человек. Командующего третьим флотом:

— К залпу готов!

Умника:

— Кривизна пространства вокруг Демона растет, он уже деформирует материю по топологическим преобразованиям третьего порядка. Преобразования высшей мерности необратимы.

Начальника линейного отдела в Угличе:

— Ветер над городом достиг ураганной силы! На западной окраине появились смерчи! Могу ли я вызвать модули ИС?

— Нет.— Я и сам уже видел все, о чем докладывали наблюдатели. Ветер в городе кое-где повалил летние веранды и навесы, разметал площадки аттракционов, обломал ветви на деревьях; было заметно, что дует он сверху вниз! Демон опустился уже до восьмисот метров, на экране гравилокаторов он представлял собой эдакого «морского ежа» величиной с крейсер, а в кильватере вздымалась волна преобразованного вещества — верхнего слоя почвы со всем тем, что на ней было выстроено и росло, и застывала причудливым гребнем, искрящимся тысячами сверкающих точек-зведочек.

— Флот-три — залп! — скомандовал я.

Между Демоном и землей выросла переливчатая пелена, выстрелила во все стороны миллионы ослепительных стрел и погасла. В зал донеслось неистовое шипение, за которым последовала волна грохота и свистящего гула.

— Что там? — повысил я голос.— Что Демон?

— Никакой реакции, опускается!

Я оглянулся на Шахова. Тот молчал. Лапарра выслушал торопливый шепот Калашникова и подошел ко мне ближе.

— Где сейчас Игнат?

— На «Сташевском».— Я выдернул из гнезда пульта капсулу звуковой связи.— Можешь говорить.

— Игнат, слышишь меня?

— Ян? — донесся удивленный голос сына.— Ты?.. Слушаю тебя.

— Попробуйте пустить в Демона снизу беспилотный модуль с полным энергозапасом.

— Подтверждаю,— буркнул я.

В виоме было видно, как один из модулей, стерегующих Демона, спустился почти на крыши зданий Углича, завис на мгновение и стрелой метнулся в «дно» Демона.

Я ожидал всего — взрыва, вспышки, фейерверка обломков, но модуль просто исчез, растаял без следа, едва пересек невидимую границу объема Демона.

— Остановился! — послышался голос командира «Сташевского».— Стоит! Разрешите запустить еще один.

— Пусть подождет,— сказал Лапарра.

— Подождите.— Я дал знак принести эмкан «босса» начальнику отдела. Пока он пристраивал «босса» на бритой голове, включился Умник:

— Информация «боссу-один»: беседа с Зо Ли, у которого отмечено сильнейшее нервное истощение, позволила уточнить следующие детали. Для управления Демоном в принципе нужны мощные усилители эмоций. Чтобы заставить его повиноваться, надо уметь любить и ненавидеть, радоваться и страдать, но — на высшем накале души.

— Это подтверждается какими-нибудь данными?

— Косвенно, по анализу психологического влияния Демона на людей в моменты выхода. Уверенности нет, шанс есть.

— Ну что, Ян? — сказал я вслух; он слышал наш пси-разговор.

— Думать некогда, в нашем положении нужно использовать любой шанс.

— Но где взять усилители эмоций? Едва ли ими оснащены крейсеры спас-флота. На крейсерах есть биотехника?

Я не спросил главного — где найти того человека, который способен любить и ненавидеть, радоваться и страдать на высшем накале чувств.

— Усилители эмоций — сугубо медицинская аппаратура, на крейсерах такой нет, но в техсекторе найдутся любые излучатели и усилители. Через полчаса они будут на крейсерах. Я тоже пойду к Игнату, вдвоем будет легче ориентироваться.

Лапарра ушел, не спрашивая разрешения. Он всегда точно знал, где должен быть в трудную минуту. Я продолжал наблюдать за действием флотов и вскоре понял, что Зо Ли прав: в действие над Угличем вмешались чужие и чудовищные силы. И если доселе мы кое-как контролировали ситуацию, то с этого момента превратились в простых наблюдателей, статистов, несмотря на обладание огромной — по земным меркам — технической мощью. И я впервые почувствовал самый настоящий, морозный, первобытный страх! Я предвидел появление критической ситуации, так как давно догадывался о глобальной сущности творящихся вокруг Демона чудес, не представлял только, что есть предел и человеческой фантазии и предвидению...

Крейсер, очевидно, слишком близко подошел к Демону, потому что я ощутил гнетущее беспокойство, пахнуло холодом...

Пилоты среагировали молниеносно, и «Сташевский» прыгнул вверх по вертикали на несколько сот метров.

— Кажется, он поднимается,— пробормотал Володя Калаев.— Неужели насытился модулем? Смотри-ка!

Пустой до сих пор воздушный объем, окруженный когтями, в котором находился невидимый Демон, вдруг засветился. Неведомая сила разбросала когти в разные стороны, эфир донес голоса пилотов, докладывающих о «гравитационном волнении». Свет померк, словно стянулся в точку, и в этом месте медленно проявился переливающийся всеми цветами радуги «призрак» — растопыренная «кошачья лапа» длиной в километр!

Странно, неужто Зо Ли соврал? Он говорил, что у Демона нет определенной формы, а «лапа» — всего-навсего фантом...

Внезапно рядом с нами объявились светящиеся линзы — те самые объекты с концентрацией магнитного поля. Они «лопнули», выбросив из нутра десятки огненных лоскутов в виде плоских ромбов. Крейсер ощутимо качнуло с боку на бок.

— Силовой пик в три гравитуды! — доложил бортинженер.

— Всем покинуть зону! — быстро сказал я.

Ромбы очень быстро выстроились в горизонтальное мозаичное поле и выпустили тонкие голубоватые лучи к Демону. «Кошачья лапа» засияла, как маленькое солнце, и это было исключительно красиво — ударившие во все стороны снопы света чистых спектральных тонов: фиолетового, голубого, зеленого, желтого, алого... И вдруг откуда-то из глубины одного из окраинных парков Углича выметнулся столб белого пламени, вонзился в плоскость ромбов и превратился в колонну черного бурлящего дыма. Грохот, гул, вой! Крейсер кинуло вверх, виомы на секунду погасли, а когда заработали вновь, взору представилось поле огня, затопившего пространство под нами на добрый десяток километров. В зале крейсера завереща-ли счетчики радиации.

Эфир взорвался множеством голосов, пробился голос отца:

— Флоту-три поставить силовую завесу над городом! Флоту-один сформировать силовой «стакан» вокруг Демона! Флот-два, попытайтесь захватить непрошеных гостей!

Калаев сделал жест инженерам силовых установок — словно обнял кого-то, и заработала система аварийной отработки команд: компьютеры, расчетчики бортовой аппаратуры, мыслепередатчики, координаторы и только потом люди!

Ромбы, оказывается, уцелели в бушующем огне, только потеряли строй. Они сбились в стаю, словно растерялись от неожиданности.

Демон стал бледнеть, уходить в невидимость. Последние клочья огня с улюлюкающим свистом растаяли в воздухе, и у стаи ромбов со всех сторон выросли крейсеры второго флота УАСС. Но включить генераторы силовых полей не успели — их вдруг отнесло от ромбов, как тополиный пух дуновением ветра. Чудовищный рывок «Сташевского» обезвредила лишь защитная автоматика, иначе от экипажа остались бы мокрые пятна на стенах рубки.

— Флоту-два покинуть зону Демона и присоединиться к флоту-один,— послышался голос отца, заглушаемый помехами.

Демон снова стал виден — нас отнесло от него километра на два. Он медленно поднимался вверх, волоча за собой хвост вздымающейся земли, застывающей жутким, почти вертикальным горным пиком! Лишь на семикилометровой высоте произошел отрыв Демона от сформированного им шпиля.

На высоте пятнадцати километров Демон вдруг превратился в великолепный серебряный замок, потом в белую гору, напоминающую голову слона, в колоссальную решетку, та — в ртутно-блестящее море, и пошло, и пошло — миражи за миражами, фантомы в виде непонятных технических устройств, призраки в форме безголовых великанов и невиданных животных... Видимо, кто-то на ходу пытался включить Демона, но у него ничего не получалось.

На высоте в тридцать километров Демон расплылся в километровую черную кляксу, и тут же крейсер получил ощутимый толчок.

— Пик в семь гравитуд! — сообщил компьютер управления.

Ромбы начали превращаться в жгуты белого пламени, потом соединились в знакомые линзы. Они ускорили ход, Демон тоже. Крейсеры не отставали. Семьдесят километров над Землей, сто, сто двадцать... неужели уйдут?

Не ушли! Снова атмосферу Земли пронизал бледный столб неизвестной субстанции — не то излучение, не то эффект разряда какого-то физического поля. Новое море огня залило горизонт, причем языки огня ударили во все стороны, в том числе и вглубь атмосферы, достигли крейсеров второго флота.

— Гамма-излучение! — закричал кто-то в эфире.

— «Боссу-один»,— отозвался Умник.— Эффекты спонтанного распада легких элементов в зоне Демона усилились. Началась цепная реакция распада кислорода и озона. Масштабы реакции локализованы и малы только потому, что плотность воздуха на этих высотах достаточно низка.

— Эдак они загадят атмосферу,— хмуро сказал Калаев, оборачиваясь ко мне.— Что делать? Они и так посбивали всю орбитальную технику над Европой! А если реакция охватит весь шарик?!

— Отец,— сказал я с усилением; надо было что-то делать, и делать немедленно, но я не знал что.— Отец... нужен ТФ-удар по всем этим... Демонам на гиперчастотах, близких частоте их переговоров.

Треск и писк в эфире, долгие свисты, хрипы и шорохи. Отец молчал. И в этот момент в рубку крейсера вошел Лапарра.

— Что это у вас так трясет? Пройти невозможно. Игнат, получена дополнительная информация от Зо Ли. Умник ее проигнорировал, как неподтвержденную. Короче, Демона оставили на Луне специально, спрятали, а теперь вернулись за ним. Причем из «разных лагерей» того мира, представляющих противоположные социально-политические группировки: «инспектор», или «Аладдин» из лагеря закона, назовем его так, и «контрабандисты» из лагеря «торговцев джиннами». Термины, конечно, условны, все гораздо сложней, но наш язык беден и адекватно перевести все, что знает Зо Ли, невозможно. «Инспектор» хочет увести Демона с Земли, но ему мешают «контрабандисты», пытаются захватить Демона сами и включить.

— Ну и тряска!..— Лапарра рухнул в кресло рядом.— Демон, оказывается вовсе не лежал в глубинах Луны четыре миллиарда лет, а всего лишь четыреста лет, но в условиях нашей четырехмерной физики он «уснул» и несколько «ослабел», отчасти потерял свои способности корректора реальности. Включить его обычными средствами извне невозможно, нужны мощные усилители эмоций, он только на психоизлучение и реагирует. А у нас таких мощных нет, не было надобности в разработке, и я приволок, что мне дали спецы техсектора. Вот если бы попасть внутрь, в область «нервного узла»... Зо Ли говорит, что лишь одно место Демона безопасно для проникновения — «глаз». Больше он ничего сообщить не может.

— Мне он рассказал и того меньше,— усмехнулся я.— Чем ты понравился этому «супермену»?

— «Супермен» сам напуган до предела. Он не спит уже полгода, вес его увеличился в полтора раза, изменения организма начинают давать такие эффекты, которые нуждаются в немедленном устранении. Короче, он серьезно болен. К тому же, тот, кому он в чем-то помешал, грозился превратить его в «камень». Что касается управления Демоном, то дальнейшее будет зависеть от индивидуальности исполнителя, силы его воли и конкретности фантазии.

— «Контрабандисты» — это магнитные линзы?

— Кто их разберет? По поведению линзы — это как раз «инспектор», но, может быть, все они похожи друг на друга. Учти, кто-то из них сидит в Угличе.

— Откуда Зо Ли добыл такую информацию?

— Он утверждает, что у него прямая психосвязь с этим самым «инспектором». Помнишь встречу в кафе? Так что будем делать?

Свистопляска в это время в верхних слоях атмосферы продолжалась. Воздух здесь был разрежен настолько, что не проводил звука, поэтому битва за обладание «спящим джинном» казалась просто красочным фейерверком. Демон перестал подниматься в космос и сплел вокруг себя удивительную черную рельефную сеть.

Новая волна неистового огня поднялась над ним, стремительные огненные стрелы прянули из нее, одна из них вонзилась в бок крейсера слева, пробила навылет! Закричал Калаев:

— Второй, Алексей, ответь флагману!

Молчание — равнодушное, страшное, мертвое... Крейсер стал распухать, расплываться, превратился в облако багрового дыма.

Через минуту динамики донесли приказ отца:

— Флот-два, снять блокаду по вертикали, уйти в тропопаузу и прикрыть Землю! Прикрыть Землю!

— Выполняю! — глухо сказал Калаев.

— Флот-три, попытайтесь уничтожить Демона выхлопом ходовых,— продолжал командовать отец.— Диапазон — запредельный!

Командующий третьим флотом ответил сразу: — Готовы.

— Залп!

Словно светящийся дождь хлынул на огненное горнило чужого сражения. Тяжесть проникла в тело, душная тяжесть и боль в нервных узлах, потемнело в глазах.

И вдруг голос в мозгу, именно в мозгу — не звук:

— Опять мешают, мошкара... бесполезно объяснять... не знают и не помогут... долго не удержу, мошкара не поможет... не знает, как помочь... разные, иные, совсем чужие... больно... больно... больно...— С каждым разом все слабее и слабее, и наконец все стихло. Ничего. Тихо. Сладко ноет голова, словно наступила реакция...

Телесенсорный контакт! С кем? С «инспектором»? Но почему он так пренебрежителен? Это же мы, мошкара, мы мешаем! Мы — чужие! Почему же он не обратился за помощью прямо, не объяснил, как помочь? Давно справились бы с Демоном вместе. Пусть в его мире дела идут не блестяще, повторяя прошлое Земли, но ведь всегда можно найти общий язык, достигнуть взаимопонимания, надо лишь захотеть! Прав Ян: заблуждение, что цивилизации, владеющие мощью в масштабе звездных систем, обязательно стоят выше по нормам морали и этики. Или я упрощаю?..

— Стой! — тихо сказал я.

— Стоп по вертикали! — повторил Калаев пилотам.

Крейсер повис на грани голубой бездны атмосферы: двести километров до земной тверди и бесконечность от нее.

— Упаковка крейсера полная?

— Штатная,— ответил Калаев.— Сто пять человек.

— Высаживай экипаж и десант на модули.

Командир крейсера посмотрел на меня, не понимая.

— Под нами Земля,— сказал я.— Понимаешь, Володя? Нельзя допустить, чтобы Демона включили ч у ж и е!

Лапарра и Калаев смотрели теперь на меня оба, но по-разному: в глазах Яна не было вопроса, он меня понял.

— Мы включим джинна сами,— продолжал я скорее для се-

бя, чем для них.— Пусть они не добры и не злы, хотя равнодушие по мне — худшее из всего, что только можно встретить. И все же у нас есть надежда — не так уж они и равнодушны, иначе не предприняли бы попытку восстановления разрушенного Демоном Торжка. Пусть они чужие нам и не ведают, что творят, но мы-то люди! Шанс невелик, высаживай экипаж, справимся втроем.

— А потом?

— Потом найдем «глаз» Демона, разгонимся, включим усилители эмоций и — по Демону! Ты умеешь ненавидеть?

— Не знаю,— засомневался Калаев,— не пробовал.

— Сможешь! — помрачнел Лапарра.— Вспомни погибших! И если не мы, то кто же? Знаешь,— обратился он ко мне,— удивительное ощущение — у меня совсем не болит голова!

Мы высадили экипаж крейсера и группу аварийного десанта — сто четыре человека, отыскали в недрах грузового отсека привезенную Лапаррой биоаппаратуру, перетащили усилители эмоций в рубку, подключили, выпили по глотку Усилира — все это в лихорадочной спешке, почти рефлекторно, не думая.

Лапарра занял место бортинженера, я — инженера защиты, Калаев сел в кресло пилота и нацелил крейсер на ядерный костер, зажженный непрошеными гостями в опасной близости от Земли. Нам что-то кричали: Первицкий, Шахов, Калашников, наблюдатели... Отец сказал только одно слово: «Сынок!» — и замолчал, и я был благодарен ему за все, что он не сказал.

Володю Калаева я знал давно, три года мы провели бок о бок на борту трансгала в экспедиции «Погоня», но мне было приятно, что он не разочаровал меня, пошел молча, понимая, на что идет. Яну я тоже был благодарен, но я удивился бы, если бы его не было рядом.

Мы вышли точно над адским пламенем адского костра. Демон был в его центре, равнодушный ко всему происходящему. Он спал.

— На абордаж! — закричал вдруг Калаев с веселой злостью, сжимая мою руку до боли.— В ТФ-режиме! Вперед, джентльмены! Ух, как я зол! Три человека в крейсере спас-флота на сундук мертвеца, йо-хо-хо, и бутылка рому!

Внизу в золотом мареве вдруг протаяла черная дыра — словно из преисподней выглянул дьявол! «Глаз» Демона...

Таран, подумал я, вот как это называется, таран, а не абордаж! Я вспомнил, как люди, мои далекие предки в сорок первом году двадцатого века шли на своих несовершенных машинах на таран, рискуя жизнью, сознательно, во имя спасения других, ради жизни на Земле. Они смогли это сделать — спасти мир и человечество, сможешь ли ты, Игнат Ромашин? Умеешь ли ты любить и ненавидеть, радоваться и страдать?..

Неужели Демон — мой фатум, рок, судьба? Короток путь у падающих звезд, но держитесь, демоны, я иду, человек!..

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛИЮГА 5
ОТКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ 51
КОНСЕРВНЫЙ НОЖ 167
СПЯЩИЙ ДЖИНН 375

ГОЛОВАЧЕВ
Василий Васильевич

Избранные произведения

Том 1

КАЛИЮГА
ОТКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ
КОНСЕРВНЫЙ НОЖ
СПЯЩИЙ ДЖИНН

Фантастические повести

Редакторы С. БАРСОВ, И. МУДРОВА
Художественный редактор В. КРЕМЕНЕЦКИЙ
Технический редактор Г. СТАЧЕВА
Корректоры Е. КОКОРИНА, Е. КАРЕЛЬСКАЯ, И. ПИГУЛЕВСКАЯ

Сдано в набор 19.02.92. Подписано в печать 18.06.92. Формат 60×84 1/16. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,55. Уч.-изд. л. 33,48. Усл. кр.-отт. 36,86. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3730. С 016.

Издательство «Флокс», 603000, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

ГИПП «Нижполиграф», 603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.